

Серия
«1150 лет российской государственности»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт российской истории

Этнический
и религиозный факторы
в формировании и эволюции
российского государства

Москва
Новый хронограф
2012

УДК [94:325.3](470+571)(091)
ББК 63.3(2)-04
Э91

Целевой грант РГНФ
«1150 лет российской государственности»
№ 12-31-08047

Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. – М.: Новый хронограф, 2012. 448, ил. [64] с. : – ISBN 978-5-94881-205-2.

И. Красовицкая, Т. Ю., ред.

В монографии рассматриваются формирование многонационального Российского государства на протяжении более чем тысячелетнего периода, трактовки присоединения народов и территорий к России, характер отношений между народами и центральным правительством в разные этапы формирования государственности, образование СССР, современный период развития – один из самых драматичных в истории российского государства и его народа с начала горбачевских реформ во второй половине 1980-х гг., распада СССР и постсоветское развитие новой Российской Федерации. Монография написана коллективом авторов: В.Я. Петрухиным – глава 1, В.В. Трепавловым – глава 2, А.И. Миллером – глава 3, Т.Ю. Красовицкой – глава 4, Д.А. Аманжоловой – глава 5, Н.Ф. Бугаев – глава 6 (§§ 1, 2), Е.Ю. Зубковой. – глава 6 (§§ 3, 4), Л.М. Дробижевой – глава 7, В.А. Тишковым – глава 8.

Агентство СІР РГБ

ISBN 978-5-94881-205-2

© Коллектив авторов, 2012
© Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков, (отв. редакторы), 2012
© Издательство «Новый хронограф», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. В.Я. Петрухин

ДРЕВНЯЯ РУСЬ: ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 9

- § 1. Предыстория Руси: балто-славянский период и славянское расселение в Восточной Европе 9
- § 2. Историко-этнографический контекст легенды о призвании варягов. Сложение государства: «ряд» о призвании князей и «дружинное» происхождение имени русь 17
- § 3. Огосударствление «племенных» территорий и распространение на них имени русь 30
- § 4. Выбор веры и крещение Руси. Конфессиональный аспект сложения «нового» русского народа 42
- § 5. «Инии языци, иже дань даютъ Руси»: отношения с иными народами 52
- § 6. Эпоха раздробленности в истории Русской земли и проблема сложения этнодиалектных групп 55
- § 7. Завершение древнерусской эпохи. «Слово о погибели Русской земли» и народы Восточной Европы 57

Глава 2. В.В. Трепавлов

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ МОСКОВСКОГО

ГОСУДАРСТВА И РАННЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 60

- § 1. Монгольское завоевание Восточной Европы и изменения в этническом составе ее населения 62
- § 2. Этническая политика в Поволжье и на Южном Урале 66
- § 3. Этническая политика в Сибири 72
- § 4. Миграции русских в Поволжье и Приуралье 79
- § 5. Миграции русских в Сибирь 84
- § 6. Интеграция западных регионов в сферу российской государственности 88
- § 7. Общие принципы и особенности этнической политики в XV – первой половине XVIII в. 92

Глава 3. А.И. Миллер

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX в.)**..... 102

- § 1. Польский вопрос 110
- § 2. Украинский вопрос 117
- § 3. Еврейский вопрос 121
- § 4. Миграции конца XVIII – начала XX в. 129
- § 5. Российская империя и ислам..... 134
- § 6. От революции 1905 г. к Первой мировой войне 138
- § 7. Мобилизация этничности в годы Первой мировой войны..... 146

Глава 4. Т.Ю. Красовицкая

**КОНФЛИКТ ИДЕАЛОВ И ПРАКТИК РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (1917–1929 гг.)** 151

- § 1. Истоки конфликта 151
- § 2. «Непредрешенчество» белых 156
- § 3. «Очистить автономию от буржуазной скверны»:
поиск взаимодействия с большевиками 168
- § 4. Роль этнического фактора в создании
союзного государства..... 179
- § 5. Политика и практика «коренизации» 199

Глава 5. Д.А. Аманжолова

СОВЕТСКАЯ ЭТНОПОЛИТИКА (1929–1941 гг.) 207

- § 1. Административно-территориальный регламент
для этнического пространства..... 207
- § 2. Межкультурная интеграция в тоталитарном государстве 216
- § 3. Местное самоуправление и социально-культурная
модернизация национальных меньшинств 235

Глава 6. Н.Ф. Бугай, Е.Ю. Зубкова

**ЭТНОПОЛИТИКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1941–1960-е гг.)** 263

- § 1. Российский патриотизм и сталинский диктат
в условиях войны 263
- § 2. Ликвидация ряда автономий, обустройство
территорий, восстановление автономий 271
- § 3. «Национальный вопрос» после войны 288
- § 4. Развитие этноконфликтной ситуации 306

Глава 7. Л.М. Дробижева

ЭТНИЧНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ СССР ПОСЛЕДНИХ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ	332
§ 1. Федеративное устройство страны – ресурс и противоречия	333
§ 2. Этнонациональный компонент в Конституции СССР 1977 г.	337
§ 3. Этнодемографические и социальные изменения в жизни национальностей в 1970–1980 гг.	344
§ 4. Мифы и реальность многонациональной семьи народов	353
§ 5. Этничность в контексте политического транзита конца 1980-х гг.	363

Глава 8. В.А. Тишков

ЭТНОПОЛИТИКА В ИСТОРИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	380
§ 1. Кризис советского федерализма	383
§ 2. Рождение новой федерации и ее Конституции	392
§ 3. Национально-культурная автономия	407
§ 4. Коренные малочисленные народы Севера.....	412
§ 5. Язык и политика	417
§ 6. Причины и характер межнациональных конфликтов и сепаратизма.....	421
§ 7. Особенности российской этнополитики начала XXI в.....	437
Перечень иллюстраций	445

В.Я. Петрухин

Глава 1

Древняя Русь:

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

§ 1. Предыстория Руси: балто-славянский период и славянское расселение в Восточной Европе

Предыстория Руси начинается там, где Петр «в Европу прорубил окно»: в Ладоге, древнейшем (по данным археологии) городе, где с VIII в. н. э. у впадения Волхова в Ладожское озеро с выходом на Балтику жили вместе как славянские, балтские, прибалтийско-финские племена, так и скандинавы – варяги. Полиэтнические контакты стали постоянными в бассейне Волхова по крайней мере за столетие до летописного призвания варяжских князей в словенский Новгород на Ильмене в 862 г. Формированию этой контактной зоны предшествовало расселение славян в Восточной Европе, описанное Начальной летописью, и это описание в целом соответствует данным археологии и других дисциплин.

Начальная русская летопись – «Повесть временных лет» (ПВЛ), созданная в Киеве на рубеже XI и XII вв., – опиралась на замечательный источник эпохи славянского (праславянского) единства: «Сказание о преложении книг на словенский язык», составленное в Моравии учениками Кирилла и Мефодия. Оно было положено в основу общеславянской истории в начале – космографическом введении к русской летописи. Там славяне именовались древним общим (праславянским) самоназванием *словене*, которое они сохранили на протяжении всей своей истории, расселившись от Дуная, где основу этого имени сохранили словенцы и словаки, до Новгорода, где обитали ильменские словене. Составитель летописи – монах Киево-Печерского монастыря, задавая главный для него вопрос о том, «откуда есть пошла Русская земля» основывался на библейской традиции, народ (племя) населявший каждую землю, именовался «языком» (библейское *гоим*, греч. *этнос*). Летописная история, ориентированная на Библию, не могла ограничиваться выяснением «племенного» происхождения населения своей земли, конкретного локуса – центра (города, родного для

летописца, – Киева) или региона (племени полян, живущих в Киевской земле), откуда народ мог происходить.

Русскому летописцу начало истории было «задано» как общеславянское: Кирилл и Мефодий создавали язык письменности для всех славян, а не только мораван на Дунае – русский летописец осознавал это, ибо и сам пользовался письменным «словенским» языком и переведенными на этот язык книгами. Это были не только библейские книги, но и греческая «Хроника» Георгия Амартола: однако ни в Библии (в «Таблице народов» мира), ни в греческой хронике, в том числе в космографическом введении, использованном летописцем, славяне не упоминались. История, свидетелем которой был сам летописец, обязывала его искать истоки славянства в древности: ведь славяне были таким же народом, как греки или евреи, им также было известно Священное Писание, переведенное Кириллом и Мефодием, значит они, как и другие народы, должны были получить свой язык после вавилонского столпотворения, и к ним, как и ко всем 72 народам мира, упоминаемым Библией, должен был прийти свой апостол. Об апостолах славян свидетельствовало уже «Сказание о преложении книг на словенский язык»: то были «апостол язычников» Павел и его ученик Андроник. Павел проповедовал в Македонии (родом из столицы Македонии Солуни – Фессалоники были солунские братья Кирилл и Мефодий), Андроник стал епископом в Паннонии – римской провинции, которую колонизовали в начале своей истории славяне, а на рубеже IX и X вв. захватили венгры (летописные угры).

Опираясь на свои источники, летописец без труда мог найти место для начального периода истории славян на Дунае: он обнаруживает это место для древних словен в перечне Балканских стран, заимствованном из «Хроники» Георгия Амартола: «Япиронья (Эпир), Илюрик, *Словене*, Лухития (Лихнид, впоследствии Охрид в Македонии, один из древних центров славянской книжности – *В.П.*), Аньдриокия (Адриатика)» и т. д. Иллирик – историческая область на Балканах и Дунае (где ее частью была Паннония), куда действительно доходил Павел; таким образом, данные славянского «Сказания» и греческой «Хроники» были согласованы и определено географическое положение древних славян в мире цивилизации. Через несколько пассажей в том же космографическом введении летописец пересказывает библейский миф о Вавилонской башне и разделении языков, утверждая, что «от сих же 70 и 2 языку бысть язык словенск, от племени Афетова (Иафетова), нарци, еже суть словене»¹. Имя «нарци» относится к жителям римской провинции Норик, располагавшейся выше Паннонии (и Иллирии) на Дунае.

Здесь монах-летописец должен был ориентироваться на библейскую традицию. В библейской «Таблице народов» (Бытие, глава 10) перечисля-

---

¹ Повесть временных лет. – 2-е изд. – СПб.: Наука, 1996. – С. 7–8 (далее – ПВЛ).

ются народы – потомки сыновей Ноя: каждый народ упомянут там дважды – один раз в генеалогическом ряду среди потомков первопредка, второй – в конкретном историко-географическом контексте. Этой системе и следовал летописец, найдя для славян географическое место среди перечисленных Амартолом античных провинций на Дунае, а затем указав, что они от «племени Афетова». Главной координатой начальной славянской истории был Дунай.

Собственно история славян начинается не с Вавилонской башни – мифологического прошлого, а с тех пор, когда по прошествии «многих времен» славяне «сели на Дунае, где ныне (то есть во время составления летописи) Угорская (Венгерская) земля и Болгарская земля». Русский книжник – летописец хорошо знал, что Болгарская земля, давний сосед Русской земли «на пути из варяг в греки», издревле заселена славянами: оттуда на Русь приходили книги, писанные последователями Кирилла и Мефодия. Угорская земля было завоевана уграми-венграми на рубеже IX и X вв., когда Русская земля с центром в Киеве уже существовала: об их походе напоминало урочище Угорское под Киевом, где венгры ставили свои шатры. Венгры были не первыми степняками, которые стремились к Дунаю из Восточной Европы. Летописец знал об этом не только из фольклорной топонимии, но и из «Хроники» Амартола. Разные объединения гуннов, затем болгар, бежавших от хазар, авары, наконец, венгры обрушились на дунайских славян с VII в. Летописец не знал, когда славяне появились на Дунае, и не это интересовало его в начальной истории славян: важнее было, что именно дунайским славянам дана была письменность (Священное Писание) – та самая, которой пользовался и летописец. Кирилл и Мефодий были призваны славянскими князьями на Дунай, в Великую Моравию в 863 г., практически тогда же, когда в Новгород были призваны варяжские князья; Моравия – древнее славянское государство – объединила многие славянские племена: собственно моравов, чехов и даже часть ляхов (поляков), среди которых было объединение *полян*. Это многое объясняло первому русскому историку: ведь в Киеве тоже жили славяне, которых звали поляне, а значит, и им была дана та грамота, которой пользовался летописец. Тема единства славян, которых объединяли общие культурные традиции и общие исторические события (в том числе нашествия степняков), волновала летописца – ведь Русская земля была на восточной окраине славянского мира, на границе с евразийской степью.

Современных историков волнует в славянской истории то, что не было доступно их древним предшественникам: когда сформировались славяне и откуда они пришли на Дунай. В литературе до сих пор распространены версии о происхождении славян, близкие средневековой летописной; популярны и представления о прародине славян прямо на Дунае (О.Н. Трубачев). Между тем само имя Дунай, известное всем славянам (и балтам), позволяет многое понять в их предыстории. Это имя было заимствовано

славянами у германцев-готов; те прорвались к Дунаю с севера, из бассейна Вислы, в III в. н. э. и узнали имя реки Данувиус у местного кельтского и романоязычного населения. Почему Дунай был вождеденной целью тех, кого в античной традиции принято было называть варварами? Река отделяла античные Балканы от варварской Европы: по Дунаю шел лимес, укрепленная граница Римской империи, через которую стремились прорваться варвары – ведь на самой границе и за нею были древние города и концентрировались товары и богатства, накопленные цивилизацией.

Первое достоверное упоминание о славянах (по-гречески – склавинах) имеется у Прокопия Кесарийского – оно связано с рассказом о походах германцев на Дунай. Около 512 г. герулы потерпели поражение от лангобардов: одни из них заселили «иллирийские земли», другие не решились форсировать Истр (Дунай) и, пройдя через «все племена склавинов», миновав пустынные области, пришли к ругам, которые вместе с готами уже переселились в Италию, и, наконец, получили разрешение императора перейти Истр и «поселиться вместе с римлянами»². Итак, к рубежу V и VI вв. склавины обретались к северу от Дуная.

Сколько ни пытались археологи обнаружить к северу от Дуная некую культуру, которую можно было бы приписать славянам в римское время, прийти к единому мнению они не могли. Культуры народов «варварской» Европы испытывали сильное воздействие римской цивилизации и кельтов, романского-латинского языка, пользовались схожей посудой, украшениями, хоронили мертвых одинаково – по обычаю кремации на полях погребений. Наметить решение загадки происхождения славян помогает лингвистика.

Лингвисты давно обратили внимание на то, что славянские языки наиболее близки балтийским – языкам древних соседей славян балтов (они были предками литовцев, латышей и пруссов³). Балто-славянское единство может объяснять невозможность вычленить «чистые» праславянскую или прабалтскую культуру: археологические культуры лесной полосы между бассейнами Вислы и Днепра были близки в первой половине I тыс. н. э., как и языки их носителей. Возможно, носителей балто-славянских языков, обитавших между германцами и ираноязычными сарматами, именовали венетами античные авторы еще в начале н. э.

Как распалось балто-славянское единство? Вероятно, готы и другие германцы, двинувшиеся к Дунаю из бассейна Вислы, раскололи былую общность. Недаром славяне стали называть германцев «немцами», противопоставляя себе этих людей, говорящих на чужом языке – как немые:

² Свод древнейших письменных известий о славянах. – М.: Наука. Т. I–II. 1991–1995. Т. I. – С. 177 (далее – Свод).

³ Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. – Пг.: Изд-во А.Ф. Маркса, 1916. – С. 26 и сл.

ведь само имя «словене» означало «владеющие словом, понятной речью». Литовцы же стали ассоциировать своих славянских соседей (современных белорусов) с готами, называя их *гудас*. Латыши именуют славянских соседей древним племенным именем – *кривс*, кривичи: они жили по Западной Двине – Даугаве. Славяне уже в древнерусский период знали балтских соседей под их собственными именами – пруссы, литва, зимигола, летьгола, корсь (земгалы, латгалы и курши – племенные группировки латышей), но соседних эстонцев именовали *чудью*: у них был «чуждой», непривычный для славян язык, и славяне Приильменья должны были «актуализировать» свое общее самоназвание («прозвались своим именем», – пишет Начальная летопись), которое получили на Дунае – *словене*, владеющие словом⁴.

В древний готский период, в III–IV вв. н. э., античные авторы еще не знали имени славян. Готы недолго господствовали на Дунае и в Причерноморье: кочевые орды с востока в 375 г. обрушились на Готскую державу в Северном Причерноморье и в конце IV в. вышли на Дунай. То были гунны, занявшие Паннонию и устремившиеся на Балканы и в Рим. Готы бежали от них на запад.

Византийский автор Прокопий Кесарийский рассказывает о войне с готами весной 537 г., когда готы осадили Рим, а на помощь защищавшим Италию византийцам подошло войско, которое включало «гуннов, антов и склавинов, которые обретаются за рекой Истром». Истр – греческое название нижнего Дуная, он считался с античных времен границей Скифии, поэтому обретавшиеся за ним варвары могли именоваться скифами. Но Прокопий уже знает склавинов под своим именем, а тройственное упоминание гуннов, антов и склавинов становится характерным для ранних источников, повествующих о славянах⁵. Дело было не только в том, что славяне и гунны (в VI в. гуннами греки звали уже болгар, или, как их принято условно именовать, протоболгар) стали федератами – союзниками греков в войнах с другими «варварами»: все чаще склавины и анты стали переходить Истр, разоряя Иллирик и Фракию, угрожая Фессалонике (Солуни) и дойдя до самих Длинных стен, преграждавших путь к Константинополю. Прокопий писал, что склавины и анты сохраняют свой варварский «гуннский» нрав, а издревле носили имя споры – ибо строят свои жилища разбросанно. Филологи спорят, что может означать имя анты (они расселились в лесостепи от нижнего Дуная до бассейнов Днестра и Днепра) – имя

---

⁴ Американский археолог Ф. Купта (*Curta F. The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region.* – Cambridge – New York, 2001) относит этот пассаж Начальной летописи к книжной конструкции, завершающей «создание славян» (*Making of the Slavs*) в раннесредневековой литературе: однако самоназвание *словене* заставляет отнести сюжет если не к началу праславянской древности, то к ранней кирилло-мефодиевской традиции – «Сказанию о предложении книг на словенский язык», использованному летописью.

⁵ Свод. Т. 1. – С. 177.

неславянское по происхождению, но ясно, что имя *склавины* на среднем и нижнем Дунае отражает в греческой передаче самоназвание славян – *словене*.

Войска императора Юстиниана еще могли остановить славян в первой половине VI в., греки укрепляли города на Дунае, но полчища славян скопились на левом берегу среднего и нижнего Дуная, и все новые отряды форсировали реку. Они не стремились осадить города, довольствуясь необходимыми для земледелия полями⁶. Их можно было рассеять (недаром тот же Прокопий именовал их «спорами»), но нельзя было уничтожить. Так имя славян попало на страницы греческих хроник и историй – и во всемирную историю. Византийцы стремились, используя традиционный имперский метод «разделять и властвовать», натравить антов против склавинов или выставить антов как щит против степняков. Но натиск на Балканы не прекращался.

Вслед за гуннами с предгорий Алтая до Дуная дошла орда тюркоязычных аваров, подчинивших себе осевших в Паннонии славян. Не власть над славянами влекла аваров на Дунай: греки стремились использовать пришельцев против гуннов, а сами авары рвались к византийским городам, Фессалонике и Константинополю. Но здесь они уже не могли обойтись без помощи славян, знавших пути на Балканы. Славяне перевозили авар через Дунай, вместе с ними осаждали Фессалонику, а в 626 г. едва не взяли Константинополь.

Итак, в начале своей истории славянские племена, форсировавшие Дунай, колонизовали Балканы и обрели имя во всемирной истории, так что латинский автор из Испании Исидор Севильский писал в VII в.: «Славяне захватили у ромеев Грецию»⁷. Славяне заселили Иллирик, Фракию и Македонию, добрались до Аттики и Пелопоннеса, переправились даже в Азию. Византийцы продолжали считать себя гражданами Римской империи – ромеями; жители распавшейся Западной Римской империи не забывали, что на самом деле византийцы – греки, а не ромеи (римляне). Греками именовали византийцев и славяне. У славян был свой ответ на традиционный и архаичный племенной ригоризм греков, которые считали все народы, чуждые эллинской культуре и языку, «варварами», не владеющими понятной, артикулированной речью: славяне владели словом, поэтому именовались *словене*.

Славяне не оставались один на один с греками на Дунае, после того как те усвоили их имя. Евразийская степь продолжала выплескивать кочевые волны на Дунай. На «вызов» степи ответила не только Византия, но и Западная Европа. Греки призвали на помощь против аваров другую тюрко-

---

⁶ Ф. Малингудис (*Малингудис Ф.* Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимики // Византийский Временник. Т. 48. – М.: Наука, 1986) отмечает распространение славянской сельскохозяйственной лексики на Балканах.

⁷ Свод. Т. II. – С. 355.

язычную орду – болгар из Северного Причерноморья, в свою очередь искавших спасения от агрессии хазар. В 681 г. болгары поселились во Фракии, колонизованной славянами. С Запада начиналась экспансия государства франков. К началу IX в. франки Карла Великого разбили авар и подчинили славян, осевших на Дунае. В русской летописи эти франки именуется *волохами*; это имя неслучайно очень долго сохранялось в дунайском именовании. Оно восходит к названию кельтского племени *вольки*, эти кельты романизировались – перешли на разговорную провинциальную латынь (протороманский язык), которой пользовались в Иллирике и на границах Римской империи. Пользовались этой латынью жители Подунавья и тогда, когда там появились славяне, известна она была готам и франкам. Славяне стали называть волохами или влахами все романоязычные народы (включая итальянцев и румын). Вторжения авар и франков способствовали тому, что славяне продолжили расселение не только на Балканах, но и в лесной зоне Центральной и Восточной Европы – от восточногерманских областей, где осели лужицкие сербы, до Поволжья, где славяне прозвались своим общим «дунайским» именем – *словене*, а также до верховьев Волги (кривичи) и бассейна Оки (вятичи).

О.Н. Трубачев (вслед за И.И. Ляпушкиным) заметил, что племенные имена славян, оказавшихся в разных регионах Европы, совпадают⁸. Сербы известны на Балканах и в области Лужица в Восточной Германии (их имя первоначально означало «присоединившийся», «союзник»); хорваты расселились рядом с сербами на Балканах, но племя с таким же именем известно в области, пограничной между чехами и мораванами.

Племена с названием «кривичи» – «живущие на окраине» – оказались в Греции, на Верхней Волге и в Мекленбурге – на южной, восточной и западной окраине славянского расселения. На Балканах известны были и племенные названия, родственные восточноевропейским именам, – «древляне», «северяне» и «дреговичи». Естественно было бы предположить, что Дунай был не только границей, которая притягивала славянские племена, но и центром, откуда эти племена расселялись по Европе, разделяясь и сохраняя свои древние имена. Свое же общее самоназвание *словене* (славяне) получили именно на Дунае, столкнувшись там с иными народами. В этом отношении Дунай можно считать «прародиной» славян, как он стал второй родиной для венгров в X в.

В начале славянской истории пересечение Дуная, столкновение с римской (византийской) цивилизацией способствовали формированию самосознания и общего самоназвания (этнической идентичности) новых народов, означало их «вторжение» во всемирную историю, на страницы хроник, что относится, в первую очередь, к славянам: балты оставались на пери-

---

⁸ Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Советское языкознание. – 1976. – № 6. – С. 48–67; Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. – М.: АН СССР, 1968. – С. 161.

ферии миграций и оказались в зоне славянской колонизации Восточной Европы. Балто-славянский этнокультурный синтез демонстрируют археологические памятники (длинные курганы) кривичей VIII–X вв. в верховьях Днепра, Западной Двины⁹ и Волги.

Итак, расселение славян происходило в VI–X вв. в столкновениях с франками (летописными волохами) на Западе, греками (византийцами) на Балканах и степняками (гуннами, аварами, болгарами, хазарами), идущими с Востока. Естественными путями их расселения, отмеченными летописью, были реки – главные дороги в лесной зоне Центральной и Восточной Европы. Это была земледельческая колонизация, и даже города, включая Новгород, Смоленск и Киев, возникали на полях (Киев – в земле полян, что «в поли сѣдяху»¹⁰), расчищенных от леса и распаханых пространствах (следы пахоты обнаруживаются во время археологических раскопок). Освоение Восточной Европы славянами-пахарями предопределило историческое и культурное развитие региона, без которого немыслимо становление государства. Материальная культура эпохи славянской колонизации обнаруживает следы того единства, память о котором сохранялась в летописном предании о дунайской прародине славян. Характерной чертой славянской колонизации на северо-западе Восточной Европы оказываются обнаруживаемые в последнее время «западославянские» (моравские) параллели в материальной культуре поселений: таковы хлебные печи на Юриковом городище в Новгороде¹¹, система укреплений VIII в. и другие находки на Любшанском городище под Ладогой¹². Проблемы формирования культуры высоких курганных насыпей – сопок и новгородско-псковских длинных курганов во многом остаются нерешенными, но очевиден процесс взаимодействия с середины I тыс. н. э. в будущей Новгородской земле двух культурных традиций, которые увязываются (со времен А.А. Спицына) с кривичами (длинные курганы) и ильменскими словенами (сопки)¹³. Эти традиции связаны с разными ландшафтными зонами: длинные курганы располагаются в зоне сосновых лесов, распространившихся там, где практиковалось архаичное подсевное земледелие. Более прогрессивное пашенное земледелие тяготело к зоне широколиственных и еловых лесов, где располагались новгородские сопки словен¹⁴.

⁹ Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвижья. – Смоленск, 2012.

¹⁰ ПВЛ. – С. 16.

¹¹ Носов Е.Н. Новгородское («Юриково») Городище. – Л.: Наука, 1990. – С. 55–58.

¹² Рябинин Е.А., Добушанский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволжье // Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. – СПб.: ИИМК РАН, 2002. – С. 202–203.

¹³ Конецкий В.Я. Археология Северо-Запада России в начале XXI века: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. – СПб.: Издательство: Дмитрий Буланин, 2007. – С. 256–267.

¹⁴ Янин В.Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности. – СПб., 2007. – С. 205–212.

§ 2. Историко-этнографический контекст легенды о призвании варягов. Сложение государства: «ряд» о призвании князей и «дружинное» происхождение имени русь

«Повесть временных лет» (ПВЛ) начинает собственно русскую историю под 859 г. с рассказа о дани, которую собирали варяги, «приходяще изъ заморья, на чюди, на словѣнхъ, на меряхъ и на всѣхъ кривичахъ», а хазары в Среднем Поднепровье с полян, северян, с вятичей на Оке. Русь не упомянута в этом рассказе, ведь она еще сидела за морем, среди других варяжских народов. Кроме славянских словен и кривичей в число данников входят прибалтийско-финский народ чудь и поволжско-финский народ меря, живущий вместе с кривичами, колонизовавшими Верхнее Поволжье. Летопись сообщает, что данники восстали и изгнали варягов за море, став править «сами в собѣ». Между ними начались распри – у них не было «правды» (что естественно при сохранении родоплеменных порядков в зоне славянской колонизации) и восставшие решили поискать себе князя, который «рядил» бы ими по праву. Тогда (в летописи под 862 г.) бывшие данники отправляются к варягам-руси со знаменитыми словами призвания: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ». В ответ «избрались» три брата – Рюрик, Синеус и Трувор, взяли с собой «всю русь» и сели в городах Восточной Европы. Старейший Рюрик сел сначала в Ладоге, затем «срубил» Новгород (согласно *ипатьевскому варианту* летописной легенды), Синеус оказался в Белоозере, где в зоне славянской колонизации обитала финноязычная весь, Трувор – в Изборске, пограничье кривичей и чуди.

Призвание варяжских князей было, согласно летописи, осуществлено чудью, словенами, кривичами (и мерей) по ряду – по праву. Ряд в Древней Руси – традиционный договор «народа», населения «вечевого города» с князем, который должен был «судить и рядить» по праву, как справедливо считал В.Т. Пашуто¹⁵. Проблема, однако, заключается в том, как формулировки ряда попали в летопись – сохранила ли их традиция, или они были интерполированы летописцем начала XII в. в соответствии с современной ему практикой или даже с амбициями двора Владимира Мономаха. Определенные основания для таких предположений, безусловно, есть. Главным «противоречием» летописного текста, обнаруживавшим в глазах его критиков «искусственность» легенды о призвании, было сообщение об изгна-

---

¹⁵ Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси / Древнерусское государство и его международное значение. – М.: Наука, 1965. – С. 34–35; ср.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопр. истории. – 1995. – № 2.

нии за море варягов, собиравших дань со словен, кривичей и мери: что заставило те же племена обратиться к тем же насильникам-варягам с призыванием? Рассказ об усобицах между освободившимися племенами и отсутствии у них «правды» выглядел слишком наивным, чтобы объяснить обращение к былым насильникам – его склонны были приписывать сочинительству, в радикальных вариантах интерпретации – клеветническому домыслу, призванному продемонстрировать неспособность славян создать свое государство¹⁶.

В.О. Ключевский стремился объяснить противоречие примерно так же, как это сделал летописец (в ипатьевской редакции варяжской легенды): «Туземцы прогнали пришельцев... – писал он, – и для обороны от их дальнейших нападений наняли партию других варягов, которых звали русью (курсив мой. – В.П.). Укрепившись в обороняемой стране, нарубив себе «городов»... наемные сторожа повели себя как завоеватели... Наше сказание о призвании князей поставило в тени второй момент и изъяснительно изложило первый как акт добровольной передачи власти иноземцам туземцами. Идея власти перенесена из второго момента, с почвы силы, в первый, на основу права, и вышла очень недурно комбинированная юридически постройка начала Русского государства»¹⁷. Историк отрицал «народные» истоки легенды о призвании, считая ее летописной «притчей» о происхождении государства. «Искусственность» этой «притчи» в общем подтверждается и тем, что, согласно А.А. Шахматову и его последователям, отождествление призванных варягов с русью – поздняя вставка в текст легенды. Шахматов сконструировал даже исторический эпизод с полчищами древней скандинавской руси, которая как-то овладела Киевом, минуя Новгород: русский князь собрался в поход на северный город, когда узнал об изгнании варягов, – тогда испугавшиеся северные племена призвали других варягов из-за моря. Однако возникает естественный вопрос: если легенда о призвании варягов – сочинение летописцев конца XI – начала XII в., почему в этом сочинении исходно содержались противоречивые мотивы изгнания и призвания варягов? Ведь эти мотивы осознавались как противоречивые – иначе не понадобилось бы уточнение – комментарий о варягах, называвшихся русью, равно как формулировка «идоша за море к варягомъ, к руси».

Отметим сразу, что в контексте международных отношений эпохи викингов изгнание и последующее призвание тех же варягов – кажущаяся проблема: правители разных стран призывали норманнов и заключали с ними соглашения о том, чтобы они защищали их земли от своих же соотечественников¹⁸. Значит ли это, что мотив усобиц, предшествующих при-

---

¹⁶ См. в связи с этим о нацистской пропаганде: *Клейн Л.С.* Спор о варягах. – СПб., Евразия, 2009. – С. 115.

¹⁷ *Ключевский В.О.* Соч. в 9 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – С. 155.

¹⁸ *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о «призвании варягов»; ср.: *Росдалъ Э.* Мир викингов. – СПб.: Всемирное слово, 2001. – С. 193.

званию варягов, должен был лишь «закамуфлировать» варяжское завоевание? Существовала ли реальная договорная основа отношений древнейшей руси и славян, или летопись прикрывала традиционным мотивом общественного договора процесс завоевания, и дань платилась варягам лишь в качестве откупа?

Такая постановка вопроса для раннефеодального периода представляется не вполне корректной. Государственная власть и воплощавшая эту власть княжеская дружина оказывались «завоевателями» формирующейся государственной территории вне зависимости от того, существовали ли принципиальные различия в этническом составе дружины и подвластных ей земель. Так, и в раннесредневековой Чехии дань именовалась *tributum pacis*, то есть платилась для мира, в древнерусской традиции – «мира дѣля»¹⁹. Если мир и покупался подвластным княжеской дружине населением, то и дружина была заинтересована в мире, чтобы кормиться на подвластных землях, пользоваться услугами по поставке судов и т. п. Недаром лейтмотивом ранних летописных рассказов начиная с наследника Рюрика Олега является конфликт князя и его дружины со славянскими (и другими) племенами и способы его правового разрешения – после изгнания варягов заключается «ряд» о призвании руси, после убийства Игоря Ольга устанавливает систему погостов и т. д. – вплоть до «Русской правды».

Сравнительный анализ мотивов легенды о призвании варягов и др. традиций о призвании правителей²⁰ в целом показал, что «варяжская» легенда вполне соответствует традиционному «мифологическому» сюжету о происхождении государственной власти, правящей династии и т. п. Исследователи возводили легенду о призвании варягов к легенде о призвании саксов в Британию, опираясь на совпадение самих формул призвания. «Чюдь, словѣни и кривичи и вси» говорят руси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да пойдѣти княжить и володѣти нами»²¹. В латиноязычных «Деяниях саксов», рассказывающих об англосаксонском завоевании Британии в V в., упоминается та же великая и обильная земля; послы бриттов говорят саксам: «Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами [бритты] готовы вручить вашей власти» (*Terram latam et spatiosam et omniam rerum copia refertem vestrae mandant ditioni parere*)²². Однако «англосаксонская» легенда не содержит мотива внутренних распрей: бриттам грозили «внешние» враги.

¹⁹ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. – М.: Наука, 1993. – С. 323.

²⁰ См.: Тиандер К. Датско-русские исследования. Т. III. Пг., 1915.

²¹ ПВЛ. – С. 13. Лаврентьевский, Ипатьевский и Троицкий списки ПВЛ позволяют чтение «вся земля наша велика и обильна», но соединительный союз и «Чюдь, словѣни и кривичи и вся» позволял со времен Г. Миллера безосновательно превращать обозначение совокупности всех племен, призывавших князей, в «дополнительное» племя весь.

²² Видукинд I. 8: см.: Видукинд Корвейский. Деяния саксов. Вступительная статья, перевод и комментарий Г.Э. Санчука. – М.: Наука, 1975.

Другую аналогию мотиву русской летописи давно указал Г.М. Барац²³: согласно ветхозаветной Первой книге Царств, состарившийся пророк Самуил поставил своих сыновей судьями над Израилем, но те судили неправедно: «И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу (...) и сказали ему: вот, ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими; итак, поставь над нами царя, чтобы он судил нас» (1 Цар. 8. 4–5). Самуил призывает на царство Саула. Естественно, библейский сюжет призвания царя оказал существенное влияние на формирование раннеисторических традиций, в т. ч. славянских. Согласно Козьме Пражскому, у чехов сначала также были судьи – Крок и его дочь Либуше, но неразумный народ требовал себе князя, и Либуше указала на пахаря Пшемысла. Послы от народа говорят ему: «Госпожа наша Либуше и весь наш народ просят тебя поскорей прийти к нам и принять на себя княжение» (Козьма I. 6). Однако возводить весь сюжет призвания к Библии невозможно: так, мотив призвания пахаря, согласно комментаторам Козьмы, имеет античные истоки. Более того, обращение к традициям, не связанным явно или вообще изолированным от культур европейского круга, показывает, что мотивы интересующего нас сюжета о призвании правителя создавали вполне определенную и непротиворечивую структуру.

В летописной традиции возможно усматривать влияние англосаксонской, где правители Хенгест и Хорса прибывают в Англию из-за моря на трех (!) кораблях, но у монаха-летописца речь не может идти о божественном происхождении культурных героев – правителей; Хенгест и Хорса изображаются у англосаксов потомками самого Вотана/Одина, Рюрик, Синеус и Трувор – князья, предводители своих «родов» и дружин²⁴. Смысл летописной легенды отнюдь не в том, чтобы отрицать способность призывающих племен к установлению государственного порядка: как и в других текстах, посвященных первым русским князьям, речь идет о смене племенного права государственным «русским законом». «Языческие» племенные обычаи с естественным осуждением описывает монах-летописец в космографическом введении, противопоставляя их универсальному христианскому закону.

Параллели легенде о призвании варягов подтверждают ее фольклорные истоки и делают неубедительными любые (не основанные на текстологических изысканиях) предположения об искусственности легенды. Мотив «недостачи» (отсутствия порядка) и восполнения этой недостачи – один из универсальных этиологических мотивов фольклора, перешедших в ранне-

²³ Барац Г.М. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. – Берлин–Париж, б. и., 1924. – Т. 2. – С. 108.

²⁴ См. сравнительный анализ: Петрухин В.Я. Становление государств и власть правителей в германо-скандинавских и славянских традициях / Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 81–150.

историческую традицию. Ближайшая в этом отношении параллель варяжской легенде содержится в той же ПВЛ: это рассказ (содержащийся под 898 г.!) о призвании Кирилла и Мефодия. В нем уже бесспорно исторические лица получают функции культурных героев. Сказание посвящено включению «руси» в число славянских народов, обретших просвещение – письменность, т. е. вошедших в христианскую семью народов. Три славянских князя, Ростислав, Святополк и Коцел, «послаша ко царю Михаилу, глаголюще: «Земля наша крещена и несть у нас учителя /... / Се слыша царь Михаил, и созва философы вся, и сказа им речи вся словенских князь». Те указали – избрали – Кирилла и Мефодия, которых и послали в славянскую землю²⁵. Естественно, ставить легенду о призвании варягов в прямую зависимость от этого текста было бы столь же опрометчиво, как и возводить ее к англосаксонскому преданию или прямо к библейской традиции: налицо, прежде всего, общая «формульность», свойственная древнерусской, а может быть, и общеславянской традиции: ср. призвание Пшемысла. Недаром в «Житиях» Константина (XIV) и Мефодия (V) – источниках «Сказания о преложении книг...» – мотив призвания связан не только с «учительством», наставлением в правой вере, но и с правдой-законом, который должен исполнить («исправить») призванный учитель²⁶. Однако очевидна тенденция, объединяющая оба пассажа ПВЛ: и в призвании варягов, и в призвании первоучителей инициатива принадлежит призывающей стороне – «славянству».

Обычай призвания князя коренился в старой новгородской традиции. В 970 г. «новгородские люди» обратились к Святославу Игоревичу с требованием дать им князя: «Аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ»²⁷. Святослав сажает в Новгороде малолетнего Владимира. Этот текст не мог быть «сочинен» летописцем – в ПВЛ (и предшествующем «Начальном своде») нет соответствующего прецедента за исключением самого призвания варяжских князей в 862 г. Зато такие прецеденты не раз упоминаются в позднейшем летописании: так, в 1199 г. «идоша людье съ посадником /... / к Всеволоду; и прия е съ великою честью и вда им сынъ Святославъ /... / и обрadowася *вьсь Новъгородъ*» и т. д.²⁸ О безусловной древности традиции сажать в Новгород сына у киевских князей свидетельствует Константин Багрянородный: в Новгороде-Немограде при жизни Игоря сидел Святослав. Можно считать, таким образом, что с момента заключения ряда с Рюриком отношения Новгорода с русскими князьями были постоянными и зиждились на традиционной правовой основе: первый государст-

²⁵ ПВЛ. – С. 15.

²⁶ Ср.: Сказания о начале славянской письменности. Вступительная статья, перевод и комментарии Б.Н. Флори. – М.: Наука, 1981. – С. 86, 96, 147.

²⁷ ПВЛ. – С. 33.

²⁸ Первая новгородская летопись старшего и младшего извода (НПЛ) // Полное собрание русских летописей. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 44–45.

венный акт Олега, наследника Рюрика, принятый после захвата им Киева, – князь дает «устав» тем же «новгородским людям», словенам, кривичам и мере. Очевидно, прав В.Л. Янин, утверждающий, что вечевой строй был древнее княжеского²⁹.

Термин *ряд* («творить ряд», «ряды рядити» и т. п.) принадлежит древнему пласту русского и славянского (вероятно, праславянского) права и долго сохраняется в русской фольклорной традиции. Е.А. Рыдзевская приводит в качестве параллели варяжской легенде былину об Илье Муромце, которого приглашают в спасенный им от татар русский город «суды судить да ряды рядить»³⁰.

Если обратиться к лексике легенды о призвании варягов в целом, то обращает внимание наличие в ней значительного пласта славянской правовой терминологии, имеющей истоки в обычном праве: «правда», «володеть и судить по праву», «наряд», «княжить и володеть»³¹. Помимо правовой лексики, в тексте легенды имеются и лексические параллели с договорами руси и греков. Согласно новгородскому варианту легенды, призванные князья берут с собой «дружину многу» (НПЛ), которая в ПВЛ именуется «вся русь». То же выражение известно по договорам с греками. Договор Олега (911 г.) заключается от имени «всех иже суть под рукою его сущих руси», договор Святослава (971 г.) – «со все̑ми людьми вашими (греками – *В.П.*) и иже суть подо мною русь, боляре и прочии» (ниже – «боляре и *русь вся*»)³².

При позднейших описаниях ряда с князем в летописях указывалось, что в заключении договора принимали участие «все люди» – «все кияне», «весь Новгород» и т. п. В.Т. Пашуто подчеркивал условность этих летописных выражений, упоминающих всех жителей «от мала до велика»³³; можно предположить, однако, что эта условность имела особый правовой характер, указывала на правомочность отношений, установленных «всем миром» – от имени всей общины.

Но наиболее показательны для нашей темы именно договорные формулы, традиционные для русского Средневековья в целом: договор руси с греками 944 г. заключается «от все̑х людей Руския земля» (ср.: «людье вси рустии» в том же договоре), с одной стороны, «с самими цари (и) со все̑мь болярством и со все̑ми людьми гречьскими» – с другой. А.Е. Пресняков реконструирует и греческий текст договора, опираясь на слова Константи-

²⁹ Янин В.Л. Средневековый Новгород. – М.: Наука, 2004. – С. 10–19.

³⁰ Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – С. 140 и сл.; Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. – М.: Наука, 1978. – С. 166–167.

³¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М.: Наука, 1978. – С. 230–231.

³² ПВЛ. – С. 18, 34.

³³ Пашуто В.Т. Черты политического строя. – С. 40–51.

на Багрянородного «о всех росах» – πάντων τῶν ρως: «все люди русской земли»³⁴.

Таким образом, становится очевидной и неслучайность употребления термина *ряд, наряд* в легенде о призвании, и структура договорного текста, опирающегося на те же формулы: «русь, чюдь, словени, кривичи и вси» призывают для наряда «всю русь». Соответственно, по-иному звучит и преамбула к легенде, согласно которой варяги взымали дань с чуди, словен, мери и всех кривичей (ПВЛ): и здесь формула *все кривичи* указывает на договорную лексику. Из последующего текста ясно, почему все кривичи в буквальном смысле интересовали князей: они жили в верховьях рек, ведущих к главным морским бассейнам, – на Западной Двине, Днепре и Волге. Первым государственным актом Рюрика, совершенным после смерти его братьев «по дъвою лету», была раздача «мужам своим» городов – «овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бълоозеро»³⁵. Полоцк в бассейне Двины и Ростов в верховьях Волги были городами кривичей (в ростовском регионе живших с мерей – финским участником призвания князей).

Конечно, можно было бы предположить, что летописец, поместивший в ПВЛ тексты договоров с греками, использовал их лексику при составлении варяжской легенды. Однако, как уже говорилось, такому предположению противоречит употребление выражения «все росы» в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» (глава 9): в ноябре архонты выходят «со всеми росами» из Киева для сбора полюдья со славянских племен, являющихся их пактиотами. «Все росы» (πάντων τῶν ρως) информатора Константина соответствуют «всей руси» ПВЛ и обозначают дружину киевского князя, собирающую *полюдье* и кормящуюся у своих данников-славян: ситуация, соответствующая той, которую описывает для севера Восточной Европы легенда о призвании варягов. Недаром призванные князья сажаются в славянских городах, а после смерти братьев Рюрик раздает города своим «мужам» – это традиционный для русской княжеской власти акт раздачи городов на «покорм» дружине.

Итак, в легенде о призвании варягов сохранилась славянская (и даже праславянская) правовая и социальная терминология: «ряд», «правда», «володеть», «княжить» (*князь* – праславянский термин, заимствованный из германского), указывающая на то, что славяне были активной стороной в установлении ряда и формировании государственной власти³⁶. Скандина-

³⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. – М.: Наука, 1991. – Глава 9; *Пресняков А.Е.* Указ. соч. – С. 317–318.

³⁵ ПВЛ. – С. 13.

³⁶ Ставшее расхожим мнение о том, что в ряде сохранилась и «варяжская» лексика, высказанное еще в начале XIX в., основано на недоразумении – «народной этимологии» имен скандинавских князей: Рюрик якобы прибыл с верной дружиной (тру вор) и своим домом (сине хус). В действительности призванные варяжские князья носили обычные скандинав-

вы активно воспринимали славянский язык, славянскую лексику (а затем и славянские имена в самой княжеской семье – ср. имена Святослав, Володислав, Предслава – уже в договоре 944 г., Ярополк, Владимир и т. д.) и, стало быть, славянское право.

Теперь можно вновь вернуться к вопросу, поставленному выше: с кем же заключался «ряд» легенды о призвании варягов – с «варягами» по НПЛ или «всей русью», как сказано в ПВЛ? Если исходить из договорной лексики, – со «всей русью», если традиционных текстологических построений, – с варягами, т. к. упоминание *руси* считается позднейшей вставкой. Впрочем, «вставлено» могло быть как раз упоминание варягов, и именно это упоминание было необходимо во время составления летописи, так как значение имени «русь» в корне изменилось с эпохи призвания и это имя уже относилось к восточнославянскому народу (Русской земле с центром в Киеве).

Наиболее гипотетичными оказываются представления о призывающей стороне – «конфедерации» словен, кривичей, мери и чуди. Как могла эта «конфедерация», объединявшая огромные территории севера Восточной Европы от Поволховья до Верхнего Поволжья, принимать «согласованные решения» и где мог располагаться межплеменной «вечево́й» центр, в котором такое решение принималось?³⁷ Несмотря на всю дискуссионность проблем происхождения Новгорода (в самом городе нет напластований более древних, чем первая половина X в.), едва ли есть серьезные основания целиком отвергать летописную трактовку событий эпохи призвания варягов. Согласно летописным источникам (и ПВЛ, и НПЛ), таким центром был Новгород, что подтверждается и последними изысканиями в области исторической диалектологии: Новгород и прилегающие к нему районы находились в «зоне контактов» двух групп говоров – западной (псковские кривичи) и восточной (ильменские словене). Эти контакты, по заключению А.А. Зализняка, начались не позднее IX в. В.Л. Янин отмечает существенность для судеб племенных группировок восточного славянства того факта, что они различными путями заселяли Восточную Европу³⁸. И здесь информация летописца о том, что «словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своим имянемъ, и сѣлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ», может многое прояснить в исторической ситуации на севере Восточной Европы, ведь из контекста летописи явствует, что словене приняли участие в общеславянском расселении, после того как волохи (франки) стали чинить насилие на Дунае. Это происходило на рубеже VIII и IX вв. Волна переселенцев, очевидно, усугубляла и без того сложную этнополитическую ситуацию на севере Восточной Европы, и межплемен-

---

ские имена: Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. – М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. – С. 201–216.

³⁷ Ср. Янин В.Л. Средневековый Новгород. – С. 10 и сл.; Носов Е.Н. Указ. соч. – С. 185 и сл.

³⁸ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 годов. – М.: Наука, 1993. – С. 192–193.

ные конфликты, о которых повествует та же летопись в «варяжской легенде», были в этой ситуации естественны.

Итак, можно вполне определенно предполагать, что конфликт с варягами-норманнами действительно завершился рядом – договором со «всей русью», русской дружиной призванных князей, а не варягами «вообще»: ведь эта дружина уже знала водные коммуникации Восточной Европы. И та же ситуация действительно повторяется в Новгороде при Ярославе Мудром: конфликт новгородцев с варяжскими наемниками завершается установлением новых правовых норм – Правды Ярослава, регулирующих отношения «словен» и «русинов»: но под русинами понимается уже не «заморская» русь, не варяги, а русская княжеская дружина.

Итак, «параллелизм» двух конфликтов в начальной русской истории – изгнание варягов, описанное под 862 г., и расправа с ними новгородцев под 1015 г. – не позволяет просто возводить летописный текст легенды о призвании к домыслам летописцев, реконструировавших ряд с русью на основе хронологически близких им событий. Но можно понять, как и почему этот ряд уцелел в устной передаче до времени составления летописи. Причина тому не только традиционные формулы этиологического сказания – в сохранении этого ряда (в летописной традиции и в рамках обычного права) была заинтересована «вся русь», и, прежде всего, сами князья.

Показательно, что центры, в которых утвердилась варяжская русь, становились притягательными для окрестного населения – возле Новгородского городища формируются поселки – предшественники новгородских концов, Ладога остается межплеменным центром (где вызревала потребность в призвании князя).

Это относится к городской сети, формирующейся на пути «из варяг в греки». Но в городах, упомянутых как столы призванных варяжских князей – в Изборске и Белоозере, в отличие от Новгородского городища и Ладоги, очевидных скандинавских древностей, синхронных летописному призванию, не обнаружено. В.В. Седов, последняя монография которого посвящена изданию материалов Изборска, отрицает историчность братьев Рюрика, ссылаясь вслед за Шахматовым на «фольклорность», а не историчность мотива трех братьев. Правда, апелляция Шахматова к фольклорным истокам представлений о трех братьях-князьях неубедительна: Шахматов приписывал позднейшей книжной легенде о Труворовом городище и даже романтическому наименованию Новгородского городища Рюриковым древние фольклорные истоки, но источником фольклорных рассказов в данном случае было летописное предание, а не наоборот – в летописях Новгородское городище не называлось Рюриковым. Другой безосновательной посылкой Шахматова следует признать утверждение, что Изборск не был значительным городом, для того чтобы помещать в нем один из первых княжеских столов в начальном летописании. В.В. Седов продемонстрировал, что Изборск был важнейшим форпостом славянской (кривичской) колонизации на границе чудских земель в VIII–X вв.

Что касается Белоозера, то проблема сводится не только к тому, что в регионе нет древностей, синхронных летописному призыванию. Город, где сидел бы летописный Синеус, не обнаружен. Зато неподалеку на Шексне раскопано поселение на всхолмлении с соответствующим названием Крутик (поселение было лишено укреплений). Там были найдены куфические монеты, весовые гири и чашечки весов, вещи скандинавского происхождения, обнаружены следы бронзолитейного производства, но более всего – следы пушной охоты на бобра (остеологический материал и охотничьи стрелы), относящиеся к IX в. Как и в случае с Изборском, было бы наивным искать в материалах Крутика прямую «иллюстрацию» варяжской легенды. Но материалы всех перечисленных памятников служат пониманию исторической ситуации, предопределявшей, среди прочего, и содержание варяжской легенды. Комплекс скандинавских находок Белозерской округи описан С.Д. Захаровым, но он датируется в пределах второй половины X в. К тому же времени относится подавляющая часть скандинавских комплексов Восточной Европы. В древнем некрополе Белоозера открыты остатки трупосожжений, включая женские; и хотя открытый памятник представляет собой остатки разрушенного некрополя, его исследователи усматривают в этих остатках свидетельства «культурной метисации, скрещения финских, славянских и скандинавских культурных элементов на Белом озере»³⁹. Ситуация в некрополе Белоозера соответствует ситуации в Верхнем Поволжье, связанном с Белозерьем системой водных путей. Сарское городище – племенной центр мери, принимавшей, по летописи, участие в призывании и входившей в племенную конфедерацию кривичей и словен. На Крутике и в регионе Белоозера очевидно присутствие мерянского этнического компонента⁴⁰. Если учесть, что Верхнее Поволжье, как и Белозерье, Поволховье и бассейн р. Великой (на границе с чудью – Изборск) были зоной кривичско-словенской колонизации, в процессы колонизации включались и группы скандинавов⁴¹. Присутствие этих этнических групп на одних и тех же поселениях, участие в дележе добываемых и поступающих богатств приводило к ситуациям, описанным летописной легендой о призывании варяжских князей.

Что заставляло скандинавов продвигаться по труднопроходимым рекам вглубь Восточной Европы? Из массового нумизматического материала яс-

³⁹ Макаров Н.А., Новикова Г.Л. Древнейший некрополь летописного Белоозера // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2002. – С. 119–122.

⁴⁰ Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – С. 123 и сл.

⁴¹ Уникальное свидетельство существования отдельного сезонного лагеря таких «гостей» (ср.: ниже о погостах, как обозначении станов для дружины, собирающей дань) обнаружено А.Е. Леонтьевым возле Сарского городища: лагерь, возможно, и просуществовал 1 летний сезон в начале X в.; его инвентарь – предметы вооружения (в том числе скандинавского происхождения), весовые гири, серебряные восточные монеты – свидетельствует о занятиях «гостей» (Леонтьев А.Е. Археология мери. – М.: Наука, 1996. – С. 99–103).

но, что они искали источники богатств, концентрировавшихся на международных рынках Византии, куда вел путь «из варяг в греки», и в не меньшей мере – источники серебра, монет, чеканенных в Арабском халифате, куда можно было проникнуть по Волжскому пути через Хазарию. С рубежа VIII и IX в., по окончании арабо-хазарских войн, восточноевропейские речные пути стали трансконтинентальными. Восточное серебро достигало по ним Скандинавии, что демонстрируют клады дирхемов⁴². Хазария контролировала главные торговые пути – Волгу, Дон и Днепр (киевские поляне платили ей дань), но клады практически не «выпадали» на ее территории. Византийские монеты, обнаруженные на территории каганата, также не являются прямым свидетельством торговли – как и Римская империя, Византия выплачивала деньги федератам, состав кладов свидетельствует о связи распространения монет с военными, а не торговыми операциями. Периферия раннесредневековых цивилизаций в Восточной и Северной Европе не нуждалась в денежном (монетном) обращении: хазарский чекан, судя по относительно малочисленным подражаниям дирхемам, был «престижным» (как и древнерусский при Владимире – Ярославле).

Хазария нуждалась в «богатстве» – серебре: недаром и в Скандинавии эпоху викингов называют «серебряным веком», многочисленные украшения производятся из ввозимого серебра. Те же процессы происходят в Хазарии: многочисленные серебряные украшения поясов, узды и т. п. известны из материалов могильников, но не из кладов, несвойственных кочевникам (хотя такие украшения входят в состав кладов Восточной и даже Северной Европы).

Напомним, что доминантной функцией города, с точки зрения классической политэкономии, является перераспределение прибавочного продукта, и концентрация серебра вокруг центров, не претендующих на развитые торгово-ремесленные функции, как в Хазарии, так и в становящемся государстве Руси (Ладога, «Рюриково», Гнездово и др.) свидетельствует о становлении городской сети.

Следует отметить, что ранние клады восточного серебра выпадают на границах Хазарии, в землях хазарских данников – славян, у северян и вятичей, в районе перехода из бассейна Дона в бассейн Оки⁴³. Очевидно, что хазары должны были делиться с данниками, допуская их к распределению поступающих монет.

Для рассматриваемого нумизматического сюжета существенно наблюдение В.М. Потина, высказанное во время возобновления дискуссии по

---

⁴² Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – С. 256–313.

⁴³ Кропоткин В.В. К топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. – М.: Наука, 1978. – С. 112.

варяжской проблеме в советской историографии в 1970-е гг.⁴⁴ Потин отмечал спад поступления восточного серебра в Скандинавию в 850-х гг., что «соответствует» летописным данным об изгнании, зато в 860–870-е гг. приток серебра усиливается, и это напрямую ассоциируется с «призванием варягов»-руси. Стало быть, делиться с данниками должна была и начальная русь, которой невозможно было пройти по восточноевропейским рекам и волокам без помощи местного населения (вспомним, что славяне были специалистами по речному транспорту уже на Балканах): об этом свидетельствуют как клады серебра, оседавшие на берегах рек, где жили славяне, так и сведения Ибн Хордадбега (840-е гг.), сообщающего, что купцы ар-рус используют на пути к Багдаду славянских переводчиков. Очевидно, «ряд» об обмене услугами со славянскими данниками сохранялся до середины X в., когда Константин Багрянородный свидетельствует, что «росы» из Киева *покупают* у славян строительный лес для своих однодеревок.

Что же означало имя *русь*, которое по-арабски звучало как *ар-рус*, а по-гречески *рос*? Значение этого имени проясняется при обращении к тексту Бертинских анналов, под 839 г. повествующих о появлении руси в Ингельгейме – столице франкского императора Людовика Благочестивого на Рейне: византийский император Феофил с греческим посольством прислал также неких людей, «утверждавших, что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos); король их, именуемый хаканом, направил их к нему (Феофилу – В.П.), как они уверяли, ради дружбы». Феофил просил, «чтобы по милости императора с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться [на родину], так как путь, по которому они прибыли в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем... Тщательно исследовав [цели] их прибытия, император узнал, что они из народа (рода) шведов (свеонов) и, сочтя их скорее разведчиками и в этой стране (Византии), и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их...»⁴⁵ Судьба этого посольства, как и его маршрут в Константинополь, остаются неизвестными. Подозрительность же Людовика имела все основания: он принужден был постоянно сражаться с викингами; подозрительность эта оказалась провидческой и в отношении Византии: через двадцать лет в 860 г. русь напала на Константинополь как раз тогда, когда император Михаил был в походе.

⁴⁴Ср. Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным // Исторические связи Скандинавии и России. – Л.: Наука, 1970. – С. 68–69; Noonan Th. S. The Vikings in the East: Coins and Commerce // *Ambrosiani B., Clark H.* (eds.). *Developments around the Baltic and the North Sea in the Viking Age.* – Stockholm, 1994. – P. 226.

⁴⁵Назаренко А.В. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западноевропейские источники. – М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010. – С. 17 и сл.

Со времен Г. Миллера известно, что в финском и эстонском языке Швеция именуется Ruotsi/Rootsi, что в славянском языке дает имя *русь*. Но, согласно Бертинским анналам, свеоны сами называли себя «Рос». В скандинавистике утвердилось мнение, что это название восходит к обозначению команды гребцов, в шведской рунической надписи говорится о походе такой команды, идущей на восток – *i rudi*, «в русь», но не «в викинг» – морской поход на длинных кораблях под парусом; такие корабли не прошли бы по восточноевропейским речкам⁴⁶. Это дружинное имя распространилось по речным коммуникациям вплоть до Византии: недаром князь Олег велел потрясенным грекам платить откуп «на ключ» – уключину, на каждого гребца, которому он был обязан триумфом под Царьградом в 907 г.

Показательно, что по соседству со Скандинавией и Русью, в Юго-Восточной Прибалтике, Пруссии и соседних землях балтийских славян скандинавы не называли себя «гребцами». Одно из скандинавских заимствований относится к обозначению высшего слоя прусского общества – *витингов*, оно отражает скандинавское название участников морского похода – *викинг*, как и древнее славянское *vitędzь*, др. – рус. *витязь*, «герой», «дружинник»⁴⁷. Очевидно, что заимствование распространилось в Польше и на Руси при посредстве балтийских славян, имевших дело с викингами, но термин «витязь» не стал распространенным обозначением дружинника на Руси.

Летопись приписывает первому русскому князю, призванному в Новгород, попытку установить контроль над бассейном Верхней Волги и Оки в 860-е гг. По скоропостижной («по двою лету») смерти братьев Рюрик посадил своих мужей в Полоцк у кривичей, Ростов, Муром и Белоозеро. Муром на Оке в области волжско-финского племени мурома пребывал в сфере влияния хазар. Ока (и сидевшие на ней подвластные хазарам вятичи) аккумулировала уже в IX в. значительную часть серебра⁴⁸ за «услуги по транзиту». Входящие в состав кладов вещи включали артефакты хазарских типов (серьги, поясные наборы, перстни)⁴⁹. На монетах некоторых кладов читаются граффити – скандинавские руны⁵⁰. Прямой конфликт с Хазарией относится, однако, к деятельности Олега, который в 882 г. овла-

⁴⁶ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // *Вопр. истории.* – 1989. – № 8.

⁴⁷ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка.* – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – С. 322–323.

⁴⁸ Крупнейший клад монет IX в. известен как раз в Муроме: *Кроткин В.В.* Указ. соч. – С. 111–117.

⁴⁹ Таков Супрутский клад, сочетающий хазарские и скандинавские вещи: *Мурашева В.В.* Супрутский клад. – М.: ФГУК «Государственный Исторический музей», 2008.

⁵⁰ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – С. 120.

дел Киевом, присвоил хазарскую дань от левобережных северян и радимичей, а затем пошел на Царьград. Путь «из варяг в греки» продолжает постоянно функционировать, ежегодные походы руси (росов) упоминает Константин Багрянородный, каждые тридцать лет после договора Олега (при Игоре и Святославе) совершаются общерусские походы на Балканы, призванные подтвердить завоевания Руси на византийском рынке. Русь контролирует сеть речных коммуникаций и сеть городов – там распространяется имя Русь, Русская земля.

Наиболее знаменитый акт распространения этого имени связан с летописным деянием наследника Рюрика Вещего Олега, который занял Киев, явившись туда в 882 г. с малолетним сыном Рюрика Игорем и войском из варягов и словен, прозванным русью. Так имя Русь проникло в Киев, провозглашенный князем «матерью городов русских». Это имя не означало (как думали представители официальной советской историографии), что Киев считался «прародительницей» русских городов, древнейшим славянским городом и т. п. Киев провозглашался столицей – *метрополией*, средоточием русской правящей элиты и княжеской власти, откуда был продолжен процесс «окняжения» (огосударствления) племенных земель.

§ 3. **О**государствление «племенных» территорий и распространение на них имени русь

Дружинная русь принесла свое имя на землю, называвшуюся «польской» (полянкой) в соответствии со старой племенной традицией. Летописец специально указывает на то, что это название распространяется на всю дружину Олега, включавшую уже не только варягов, но и словен (и прочих).

Устав Олега. Вслед за тем говорится о том, что Олег стал строить города (традиционное занятие князей в понимании летописца) и «устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новгорода... мира дѣля». Таким образом, Олег подтверждает своим уставом договор (ряд) с северными племенами. Но сам князь обосновывается на юге, в Киеве, и его усилия направлены на покорение южных племен. Первым делом он подчиняет независимых древлян в правобережье Днепра, а затем обращается против левобережья, входящего в сферу влияния Хазарского каганата. Он возлагает «легкую дань» на северян, заповедав им не давать дани хазарам⁵¹. Два обстоятельства существенны в этом кратком летописном тексте: во-первых, Олег вступает в переговоры о дани со славянскими племенами – заключает с племенами Среднего Поднепровья та-

⁵¹ ПВЛ. – С. 14.

кой же *ряд*, как и с племенами севера. Во-вторых, здесь впервые говорится о конфликте руси и хазар. Олег присваивает северянскую и радимичскую дань: таким образом, русский князь овладевает хазарской податной территорией в Среднем Поднепровье, которая и получает в летописи название «Русская земля» (в узком смысле) – становится княжеским доменом, «части» которого требуют себе все русские князья, претендующие на старшинство в княжеском роде со второй половины XI в.

Не вступая в прямой конфликт с Хазарией, Олег активизирует византийскую политику и заключает (после похода) выгодный торговый договор 911 г. Возможно, легендарный поход Олега на Царьград (907 г.) способствовал улучшению русско-хазарских отношений: во всяком случае, именно после 907 г. (между 909 и 914 гг.) хазары пропустили русь в грабительский поход на Каспий, против своих мусульманских противников. Исследователи (А.Е. Пресняков, М.И. Артамонов, А.П. Новосельцев, Г.С. Лебедев и др.) давно обратили внимание на взаимосвязь восточных и византийских походов руси – к X в. Русское государство включается в геополитическую систему Евразии. При этом положение Руси «меж двух огней» и одновременно объектом экспансии – Хазарией и Византией, естественно, не могло быть стабильным: после (инспирированного Хазарией?) похода на Каспий возвращающаяся русь была перебита мусульманской гвардией кагана. Так или иначе, традиционный путь, которым направлялся в Восточную Европу поток восточного серебра, – через Кавказ и Хазарию – не был восстановлен. Поворот политики Олега к Византии был естествен. На этом повороте князь не мог обойтись без славян.

Под 882 г. летописец описал войско Олега, которое явилось из Новгорода в Киев, – оно прозвалось *русью* и состояло из варягов, словен (новгородских) и прочих (новгородских федератов – чуди, мери, кривичей?). Это войско, умноженное за счет других славянских племен, одержало победу под стенами Царьграда. Олег и его мужи (представители старшей дружины) должны были приносить клятву при заключении выгодного мирного договора с греками. Они клялись, по словам летописи, «по Рускому закону, Перуном, богомъ своим [...] и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ»⁵². Далее следует пассаж, смысл которого в контексте Олеговой победы остается неясным: Олег велел сшить «парусы паволочиты руси, а словеномъ кропиньныя». Словенские паруса разорвал ветер, и словене сеговали, что им не даны паруса из драгоценных тканей.

Легендарный поход Олега на Царьград традиционно считается вполне «историческим», но даже русские источники – единственные свидетельства этого похода – полны видимых противоречий. Его описание помещено в ПВЛ под 907 г., в НПЛ – под 922: в новгородской версии в войске Олега названы варяги, поляне, словене и кривичи, в ПВЛ – все племена, подвла-

---

⁵² ПВЛ. – С. 17.

стные Олегу или даже упомянутые ранее, хотя возглавляют список те же варяги и словене. Нет в обоих списках только руси, хотя значение именно этой дружины и даже самого дружинного имени явственно в обоих текстах. Сначала в обеих летописях говорится, что Олег заповедал побежденным грекам «дань даяти» на «2000 корабль», по 12 гривен на человека; «Повесть временных лет» конкретизирует далее, что дань дается «на ключ» – уключину, то есть на каждого гребца-русина. Упоминание собственно руси появляется в характерном тексте, опять-таки связанном с походом на судах, – возвращением руси от стен побежденного Царьграда под парусами из паволок. Но что же такое русь в «сказании»? В описаниях походов на Царьград русь – это войско: в описании Олегова похода в ПВЛ говорится, что «много зла творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять». Здесь в понятие *русь* включены все участники похода, в том числе словене. Русь же, снабженная драгоценными парусами и противопоставленная словенам, – это княжеская дружина: так противопоставляли русь и славян-данников Константин Багрянородный в середине X в. и восточные авторы. Кто же такие словене «сказания» – только словене новгородские или все союзники и данники Олега, относящиеся к рядовому воинству? Казалось бы, ответ здесь однозначен – новгородцы. Обратимся, однако, к описанию войска Олега в ПВЛ: «Иде Олегъ на Греки, Игоря оставив Киевъ, поя же множество варяг, и словень, и чюдъ, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и витичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь (Скифия. – В.П.)»⁵³ Бросается в глаза несообразность этого списка – словене упомянуты там дважды. Конечно, список составлялся не очевидцем похода 907 г., но необходимо выяснить, основывался ли летописец на механическом сведении в один текст доступной ему информации или следовал некоей традиции.

Очевидно, что список делится на три части: 1) варяги и словене – они прозвались в Киеве русью; 2) чюдъ, словене, кривичи, меря – «новгородская конфедерация», призвавшая варягов; 3) поляне и славянские племена юга Восточной Европы. Таким образом, получается, что русь в списке «закамуфлирована» под объединением варягов и словен (а повторение имени словене в составе новгородской конфедерации неслучайно) и, стало быть, противопоставлена тем словенам новгородским и другим племенам, которые не входили в состав дружины князя. Кажется очевидным, что русь, как княжеская дружина, сформированная в Новгороде, противопоставляется в первую очередь недавно покоренным славянским племенам юга, которых греки звали Великая Скуфь – Великая Скифия. Такому противопоставлению соответствуют данные самой летописи и византийских (и восточных) источников о руси, собирающей дань со славян, прежде всего на юге – от Киева до Смоленска (Константин Багрянородный).

⁵³ ПВЛ. – С. 16.

Составители древнейших летописей не могли не учитывать исторических результатов распространения и закрепления названия *русь* как надплеменного имени, относящегося ко всей Русской земле. Поэтому согласно НПЛ «варязи мужи словене» называются в Киеве русью, а составитель «Повести временных лет» добавляет к варягам и словенам слова «и прочие», в соответствии с собственным (и вполне справедливым для его времени) заключением об общеславянском языке руси, уже включающей и полян. То же заметил и Шахматов: «Подобно тому, как имя Полян и других племен поглощено именем Руси, также точно Словене новгородские прозвались Варягами; эти самые Варяги, перейдя в Киев, и именно прежде всего они (а не покоренные ими Поляне) назвались Русью»⁵⁴. Однако, как видно из текста договора, словене в действительности не назвались варягами, а мужи – послы от *рода русского* носили скандинавские (варяжские) имена.

«Повесть временных лет» описывает еще один эпизод похода на греков, где вновь очевиден «дуализм» отношений руси и словен в войске Олега: перед возвращением руси-войска (под разными парусами) был заключен мир, и мужи Олега «по Рускому закону кляшася оружиемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ»⁵⁵. «Мужи Олега» в ПВЛ – «варяги, словени и прочие», прозавшиеся русью. В.В. Иванов и В.Н. Топоров, противопоставляющие Перуна и Волоса как противников в реконструируемом ими «основном мифе» славянской мифологии, считают, что Перуном клянется дружина князя, Волосом – вся прочая русь. Однако при том, что в дальнейшем распределении парусов русь – это и есть княжеская дружина, круг поклонников Волоса может быть определен более точно. Это – словене новгородские, жители Русского Севера, где и был широко распространен культ Волоса⁵⁶, в отличие от Киева, где наследник Олега Игорь со своими мужами клянется только Перуном (при заключении договора 944 г.). Перун – «бог свой» уже для мужей Олега. Волос – «скотий бог», бог богатства и данников, с которых варяги Олега получали это богатство по «уставу» о дани. Волос не вошел в киевский пантеон князя Владимира, хотя тот и опирался на словен, наряду с варягами, при захвате города в 980 г. Напротив, Владимир насадил культ Перуна в Новгороде, где его посадник Добрыня поставил над Волховом «кумир» громовника, которому должны были поклоняться «люди новгородские»⁵⁷.

Летописный контекст дает достаточно ясное свидетельство тому, что заставило русских князей, и в первую очередь Олега, оставив Новгород,

---

⁵⁴ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – С. 489.

⁵⁵ ПВЛ. – С. 17.

⁵⁶ Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. – М.: Наука, 1974. – С. 45–55.

⁵⁷ ПВЛ. – С. 37.

избрать своей столицей Киев: претензии на наследие Хазарии в Восточной Европе и стремление к господству на пути «из варяг в греки». Восприятие культа громовержца Перуна как дружинного культа божества, которое почиталось верховным у славян уже в VI в. (по свидетельству Прокопия Кесарийского), упрочивало позиции княжеской дружины – руси как господствующего слоя в формирующемся государстве и объединяло разноплеменных подданных Олега под властью «русского закона». Неясным остается время перевода договора Олега с греками 911 г. на словенский (русский!) язык – предполагалось участие болгарских переводчиков, носителей кирилло-мефодиевской традиции в переговорах Олега с греками. Так или иначе столкновение разноплеменной руси с Византией способствовало становлению новой славяно-русской идентичности так же, как некогда столкновение праславян с империей на Дунае способствовало становлению идентичности словенской⁵⁸.

«Пакт» Игоря со славянами. Наследнику Рюрика и Олега Игорю достались и проблемы, и достижения предшественников; добавились и новые внешнеполитические проблемы – в 915 г. в южнорусских степях, преодолев сопротивление хазар, появились печенеги. Внутриполитическую ситуацию середины X в. описывает Константин Багрянородный – это ежегодный весенний сбор «росами» однодеревок, которые рубят в своих лесах, спускают в Днепр и продают росам их пактиоты-славяне; по Днепру русь отправлялась в Византию с торговыми и другими целями.

Термин *пактиоты*, воспринимаемый как обозначение данников, свидетельство односторонней зависимости славян от руси, нуждается в комментарии, опирающемся на контекст сообщения Константина: славяне-пактиоты сами собирают однодеревки, а затем продают их росам. Таким образом, зависимость здесь не была односторонней: вероятно, термин *пактиоты* предполагал двусторонние отношения, выплату дани по договору – пакту, «миру»⁵⁹. Наличие такого договора между славянами и русью, как уже говорилось, можно предполагать и на основании *ряда* легенды о призвании варягов и *устава* Олега. С древлянами, названными среди пактиотов руси, отношения, судя по летописи, были сложнее: их территория не входила в домен князя, Русскую землю; древлянская дань была увеличена Игорем после смерти Олега и отпадения этого племени от Киева. Кроме того, дружина Игоря не получила ожидаемых богатств после не вполне удачного похода на Византию в 944 г.; нужно было кормить призванных для похода варягов и т. д. Это, видимо, и послужило основой конфликта князя с древлянами, описанного и НПЛ, и ПВЛ: стало быть, традиция восходила к «сказаниям» о первых русских князьях, предшествовавших составлению первых летописных сводов.

⁵⁸ Недаром ПВЛ свидетельствует, что Русской землей стала называться тогда, когда попала на страницы греческой хроники, после первого похода на Царьград в 860 г.

⁵⁹ Ср. также: Свод. Т. II. – С. 279.

По заключении договора с греками Игорь собирался в обычную осеннюю поездку к подвластным племенам – в полюдь к древлянам. Но старшая его дружина («мужи») роптала и завидовала младшей дружине – «отрокам» воеводы Свенельда, которые добыли для себя больше оружия и одеяний за счет дани с уличей и древлян, чем в далеких походах.

Игорь послушал дружину, и к уже собранной дани, используя силу своих «мужей», взял еще большую. И того ему показалось мало. Князь распустил дружинников по домам, сам же с небольшим отрядом вернулся к древлянам. Те возмутились и собрались на совет со своим князем Малом. «Если повадится волк к овцам, – сказали они, – то выносит все стадо, пока его не убьют». Эти слова, приведенные в летописи, считаются древнейшей русской поговоркой. Но эти слова имели вполне реальные и страшные последствия для Игоря.

Древляне послали к нему с предупреждением не ходить больше за данью. Игорь не послушал их и был убит вместе со своими дружинниками возле древлянского города Искоростеня. Византийский историк конца X в. Лев Диакон описывает подробности этой смерти: Игорь был казнен. Древляне казнили Игоря как преступника – ведь он нарушил договор о дани, начал грабить древлян. Слово «волк», которым назвали Игоря древляне, означает в древнем праве преступника, вора, грабителя.

Реформы княгини Ольги и становление государственного права. Тем временем жена Игоря Ольга, которую (по летописи) привел князь из Пскова еще Вещий Олег, сидела с маленьким сыном Святославом и воеводой Свенельдом в Киеве. Древляне решили отправить к ней послов и сватать вдову за своего князя Мала. Вдове предлагали возмещение – нового мужа, чтобы она не мстила за убитого в соответствии с архаическим племенным правом. И Ольга делает вид, что принимает сватов с почестями. Но вместо свадьбы она устраивает месть и поминки по своему мужу.

В «Повести временных лет» очень подробно рассказано о конфликте княжеской власти с племенем древлян. Предания о формировании государственного права тщательно сохранялись в княжеской среде, особенно в период, когда письменность еще не распространилась на Русь. Тем более важен был первый прецедент восстания подданных и убийство самого князя. Еще важнее был способ преодоления конфликта.

Ольга усмирила древлян и возложила на них тяжкую дань. Но при этом способ взимания дани во всей Русской земле изменился. Ольга отправилась в подвластные земли, к Новгороду и Пскову – словенам и кривичам, по рекам Мсте, Луге, Днепру и Десне, и повсюду устанавливала оброки и дани, которые местные жители сами должны были свозить в специальные места – *станы* и *погосты*.

Князь с дружиной мог теперь не разъезжать сам для сбора дани. И так, согласно летописи, конфликт между властью и подданными завершился усовершенствованием государства. Так было после изгнания и последую-

щего призвания варягов, так было после захвата Киева Олегом, так было после убийства Игоря.

Князь и дружина. Княгиня Ольга правила Русской землей при малолетнем Святославе. У князя был также воспитатель – «кормилец» Асмуд и воевода Свенельд, который был вторым лицом в Русском государстве уже при отце Святослава – Игоре. У Свенельда была собственная дружина, которую называли *отроками*, дружина же князя звалась *мужами*. Славянское слово отрок означало подростка, значит, дружина воеводы была младшей по рангу, отличалась от старшей дружины князя, мужей. Младшая дружина могла именоваться также *детскими* – от этого слова происходит древнерусское название городской крепости, кремля – *детинец*.

Само слово «дружина» родственно слову «друзья». Стало быть, отношения князя и дружины были основаны не на кровнородственных связях, как при родоплеменном строе: недаром дружины уже первых русских князей включали представителей разных племен. Из разных языков происходят и названия дружинников: младшая дружина могла называться поскандинавски – *гридями*, что значит «стража». От этого слова происходит название залы, где князь пировал и держал совет с дружиной – *гридница*. Старшая дружина именовалась *боярами*: это слово происходит из тюркских языков и, скорее всего, заимствовано русью у хазар. Наконец, сами русские князья именовали себя и хазарским высшим титулом – *каган*. Таким образом, и варяги, и хазары оставили свой след в сложении Древнерусского государства – ведь именно княжеская дружина выполняла роль государственного аппарата при первых русских князьях.

Города и погосты. Дружинные курганы. Города или грады – укрепленные поселения были – центрами славянских племен или целых союзов племен. Так, в Новгороде и Ладоге жили представители словен, кривичей, мери и чуди и принимали на вече совместные решения.

Племена возглавляли советы старейшин и собственные князья, один из которых – древлянский Мал – претендовал даже на власть над Русской землей, сватаясь к русской княгине Ольге. Во время конфликтов с русскими князьями они запирались в своих укрепленных градах, которые приходилось осаждать руси: дружина Свенельда три года не могла взять Пересечен, город уличей. Там, где племенным верхам удавалось договориться с князьями, как в Новгороде, куда князей призывали «по ряду», эти верхи сливались с княжеской дружиной. Недаром новгородские «олигархи» именовали себя боярами. При этом княжеская дружина располагалась не в самом Новгороде, а рядом с ним, на специальном стане или погосте, – *городище*. «Гостьба» в древнем праве означала не только наезды дружины и купцов, но и налог, отсюда наименование погост.

Система погостов, устроенная Ольгой в 946 г., призвана была контролировать подвластные русским князьям племенные территории и их центры – города. Они располагались по рекам – главным дорогам Руси. Ар-

хеологи нашли такие поселения на Луге, Мсте и Десне – там, где их основала, по летописи, Ольга. На этих поселениях открыты следы ремесленной и торговой деятельности, причем ремесла – кузнечное, ювелирное и другие – были направлены на обслуживание и местной округи, и дружины.

Самый большой из погостов исследуется археологами в Гнездове, в верховьях Днепра ниже Смоленска – древнего города кривичей. Это был центральный участок пути «из варяг в греки»: целая система малых рек и волоков соединяла здесь Днепр, Волхов и Западную Двину. Это место требовало постоянного присутствия дружины и ремесленников, обслуживавших главную дорогу Древней Руси. Население Гнездова оставило рядом с погостом, состоявшим из укрепленного городища и обширного неукрепленного селища, четыре тысячи курганов. Это самое большое курганное кладбище эпохи викингов в Европе. Несколько кладов драгоценных серебряных вещей и монет найдено в Гнездове⁶⁰.

Гнездовские курганы сохранили свидетельства о разнообразных ритуалах Руси X века. Умерших чаще всего сжигали – иногда прямо в ладье или на костре из ладейных досок. Русь плавала в своих ладьях не только по земным рекам – по ее верованиям на корабле можно было отправиться с погребального костра прямо в воинский рай, на небо. В рай вождей руси ждал пир в окружении своих отроков и дворовых девушек – на погребальный костер с умершим клали не только вооружение, жертвенных животных и пиршественную посуду, но и убитых слуг и служанок. Над кострищем с остатками кремации насыпали курган: курганы знати отличались большими размерами, достигали в высоту 10 метров.

Большие курганы насыпались не только в Гнездове. Они высились над погребениями первых языческих правителей Руси и в Киеве, но после крещения Руси они были снесены, а останки князей перезахоронены по христианскому обряду. Зато во втором по значению древнерусском городе Среднего Поднепровья – Чернигове, центре земли северян, – большие курганы сохранились. Самый знаменитый и большой древнерусский курган X в. – Черная могила – располагался у стен древнего города. На костре, остатки которого обнаружены под курганом, был сожжен в ладье знатный воин в полном вооружении и с ним, по всей вероятности, его «отрок». Когда курган был насыпан наполовину, наверху насыпи устроили тризну и поминальный пир. Рядом с пиршественным котлом лежали два больших

---

⁶⁰ В одном из гнездовских курганов первой трети X в. (раскопки Д.А. Авдусина), сохранившем остатки скандинавского сожжения в ладье, найдена корчага (амфора) с древнейшей русской надписью. Надпись сделана кириллическим алфавитом и читается как «гороухща». Видимо, надпись свидетельствует о содержимом корчаги: исследователи спорят, что она означает – горчицу, ценную пряность, горючую жидкость – нефть или имя владельца. Что бы ни значила эта надпись, важно, что для русских дружинников необходимы были навыки письма – и для торговых предприятий, и для заключения международных договоров.

питьевых рога с чеканными серебряными оковками. Орнамент и изобразительные мотивы на оковках – восточные, в том числе хазарские – недаром Чернигов был центром Северской земли, с которой некогда брали дань хазары. Но сам обряд тризны был древнерусским – такие же тризны совершали и при сооружении больших курганов Гнездова. Это значит, что похороненные под большими курганами принадлежали к одному роду, может быть, княжескому, и были родственниками Игоря, Ольги и Святослава.

Большие курганы возводились не просто ради почитания вождей русской дружины. Эти курганы символизировали власть князя и его дружинников над теми городами и землями, где они возвышались, – призваны были увековечить эту власть. Недаром больше всего дружинных курганов сосредоточено в Среднем Поднепровье, в Киеве и вокруг Чернигова. Эти земли первыми попали под власть киевского князя, они первыми и были названы Русской землей. По мере распространения этой власти от Среднего Поднепровья до Верхнего Поволжья и Приладожья название Русь, Русская земля распространялось на все земли и славянские племена, подчинившиеся русскому киевскому князю.

В X веке русских дружинников не только сжигали после смерти, но иногда хоронили в просторных могилах вместе с боевыми конями, женщин – с предметами домашнего хозяйства и украшениями. Среди этих украшений в женских могилах Киева, Гнездова и других погостов и появляются христианские символы – кресты. Это первое свидетельство о распространении христианства на Руси до официального крещения при Владимире, внуке княгини Ольги.

Начало русского христианства и политика Ольги. Христианская община появилась на Руси уже в правление Игоря. Самого императора Константина Багрянородного охраняли уже крещеные «росы», находившиеся на службе в Царьграде. Но первые христианские погребения в городах и на погостах Руси принадлежат по преимуществу женщинам, жившим при Ольге. Это неслучайно, ибо Ольга была первой русской правительницей, которая сама стала христианкой.

Как и все князья, занимавшие киевский престол, Ольга направилась в Царьград (в 957 г.). Этот поход Ольги отличался от походов ее предшественников. С ней не было войска, а были ее родственницы, придворные дамы и служанки, послы и купцы. В свите был уже и священник Григорий. Ольге был устроен торжественный прием императором и императрицей: он подробно описан самим Константином Багрянородным. Оказанные Ольге почести не были случайными: Византия нуждалась в поддержке Руси, ей нужны были опытные воины.

Ольга же явилась в Царьград не за данью. Она добивалась крещения и признания Византией Руси как равной христианской империи, а не враждебной «варварской» державы. Возможно, Ольга уже приняла первичное

крещение – оглашение – в Киеве (недаром в ее свите был священник). Но ей нужно было, чтобы крестным отцом стал сам император. В крещении она получила имя Елена – таким было имя жены Константина Багрянородного, принимавшей Ольгу в Константинополе. Но так звали и жену другого императора – Константина Великого, правившего в 306–337 гг. В его честь древний город Византий и был переименован в Константинополь. Та Елена была первой христианской императрицей и содействовала распространению христианства в империи – она (как и ее сын) была провозглашена равноапостольной – святой. Елена-Ольга хотела повторить подвиг своей святой покровительницы на Руси.

Константин Багрянородный добивался от княгини выгодного для греков союза. Видимо, это осложнило отношения крестницы и ее крестного отца. Возвратившись в Киев и получив известие о прибытии греческого посольства, Ольга отказала грекам послать «воинов в помощь» – она вспоминала, как долго ей пришлось дожидаться приема у императора. Более того, в 959 г. княгиня отправила посольство к германскому королю Оттону I с просьбой прислать епископов и священников – учредить церковь на Руси. Это был обычный политический прием славянских правителей, которые стремились играть на противоречиях между западной римской и восточной византийской церквями, а также на обычных конфликтах между Германией и Византией. Вероятно, в ответ на эти действия греки должны были пойти на уступки, и с Русью был заключен взаимовыгодный договор. Германское посольство вернулось назад ни с чем, а в Византию отправилось русское союзное войско, которое сражалось с арабами на Крите в 960–961 гг. под командованием будущего императора Никифора Фоки.

Итак, внешняя политика Ольги была успешной – великие державы стали соперничать, претендуя на союз с Русью как с равной страной. Но серьезные трудности с распространением христианства возникли у Ольги внутри Руси, в самом Киеве и даже в собственной семье.

Святослав. Продолжение политики внешней экспансии. Сын Ольги и Игоря Святослав рос среди дружинников своего отца. Это был первый князь из династии Рюрика, который носил славянское имя. Он научился всему, что умели русские воины: походам в ладьях и на конях, кочевому быту в степи, где постелью служит попона. Даже прическу князь носил ту, что была принята у кочевников, – с бритой головы у него свешивалась прядь волос.

Святослав не противился распространению христианства, но ругал тех, кто отступил от обычаев отцов. На предложение матери принять крещение самому, он отвечал, что дружина станет над ним смеяться. Ввести христианский закон в быт дружины, привыкшей к буйным пирам и обрядам, было нелегко. И у самого Святослава были другие виды на дружину. Он собирал войско для продолжения экспансии.

Союз с Византией вновь высвобождал Руси руки на Востоке. Первым деянием Святослава, по летописи, был поход на Оку и Волгу в 964–965 гг. На Оке жили вятичи, еще платившие дань хазарам. Святослав завершил дело, начатое его предшественниками, и отобрал дань у хазар. Затем, как сообщают восточные источники, наступил черед Волжско-Камской Болгарии, которая подверглась разгрому. Ниже по Волге располагалась столица Хазарии Итиль. Хазары с каганом вышли против Святослава и были разгромлены. Русские взяли их столицу и крепость на Дону – Саркел. С тех пор Саркел стал называться по-русски Белой Вежей, Итиль же исчез, и археологи не могут найти его остатков.

Русь двинулась и на Северный Кавказ. Там Святослав победил ясов-аланов и касогов-черкесов. Центром владений Руси в Причерноморье и на Северном Кавказе стала Тмутаракань, античная Гермонасса, хазарская Таматарха на Таманском полуострове.

Летопись очень скупо описывает успехи Святослава на Востоке. Больше было свидетельств о войне на Балканах. Да и разгром Хазарии, видимо, уже не составлял труда. Она была ослаблена борьбой с Русью, печенегами, с Востока же на нее обрушивались новые тюркские орды – огузы. Из Приаральских и Прикаспийских степей они двинулись в Среднюю Азию, на Кавказ и Ближний Восток. Огузы стали предками туркмен, турок и азербайджанцев. Часть их племен – узы и торки – вместе с русскими вытеснили печенегов из причерноморских степей и стали союзниками русских князей уже в XI веке. Тем не менее, в X веке главный соперник Русского государства в Восточной Европе – Хазарский каганат уничтожен.

Греческий историк X века Лев Диакон рассказывает, что Святослав был летом 968 г. приглашен на Балканы как союзник самим императором Никифором Фокой, который продолжал войну с арабами. Тем временем из повиновения Византии вышли дунайские болгары, и греки решили использовать Святослава для борьбы с ними. Святослав получил плату золотом и, присоединив к войску союзных печенегов, выступил против Болгарии. Испуганные болгары выставили войско и отправили послов к Никифору, прося о дружбе. Тем временем Святослав разбил болгар и занял их города на Дунае, укрепившись в Переяславце. Тогда забеспокоились и греки. Им оставалось использовать традиционный дипломатический прием, чтобы избавиться от опасного «союзника» на Дунае: греки натравили печенегов на Киев, оставшийся без князя.

Весной 969 г. печенеги подошли к Киеву. Ольга с внуками Ярополком, Олегом и Владимиром затворилась в городе: на помощь осажденным пошла дружина с воеводой Претичем с Левобережья (из Чернигова), и это спасло киевлян. Те послали к Святославу со словами: «Ты, князь, чужой земли ищешь, а свою оставил», напоминая о древнем ряде. Князь на конях двинулся с дружиной к Киеву и отогнал печенегов в степь. Но оставаться в столице Руси он не собирался. «Середина моей земли, – говорил он ма-

тери, – в Переяславце на Дунае. Туда сходятся все блага: от греков золото и паволоки, вина и разные овощи, от чехов и угров (венгров) – серебро и кони, из Руси – меха и воск, мед и рабы»⁶¹.

Знал ли Святослав предание о том, что Дунай был центром всех славянских земель, или мечтал о создании нового огромного государства? Лев Диакон рассказывает, что лукавый посол Никифора по имени Калокир прельстил князя своими обещаниями. Он сулил Святославу власть над всей Болгарией и огромные богатства, если тот поможет самому Калокиру захватить императорский престол.

Так или иначе Святослав был первым русским правителем, который претендовал на власть над Балканами и почти всем славянским миром. Тем временем Ольга разболелась и умерла. Летопись содержит панегирик в честь княгини-христианки: она была причислена к лику святых православной церковью как провозвестница христианства на Руси.

После смерти матери Святослав посадил старшего сына Ярополка в Киеве, среднего – Олега – в земле непокорных древлян. Тогда к нему пришли новгородцы и стали просить себе князя, угрожая, что иначе призовут его со стороны. У Святослава оставался младший сын Владимир, и его воспитатель («дядька») Добрыня посоветовал новгородцам просить к себе Владимира. Владимир, говорится в летописи, был сыном рабыни – Ольгиной ключницы Малуши. Раздав сыновьям в управление русские земли, Святослав отправился в Переяславец.

Русская летопись в героических тонах описывает этот поход Святослава. С 10 тысячами воинов (греки насчитывали 60 тысяч росов) он сражается с десятикратно превышающими его дружину войсками болгар и греков. «Мертвые сраму не имут!» – ободрял князь свою дружину, и прошедшие жизнь в походах воины не боялись смерти.

В 970 г. Святослав действительно овладел почти всей Болгарией. Новый император Иоанн Цимисхий продолжал войну с арабами и пытался усмирить смуту. Он отправил послов к русскому князю, призывая соблюдать договор и уйти в свои земли, – ведь Святослав получил золото от Никифора. Цимисхий напоминал князю о злополучном конце его отца Игоря, нарушившего договор и напавшего на Константинополь. Но Святослав требовал выкупа за все захваченные им города. Однако князь был остановлен византийскими войсками и отошел в Доростол, крепость на Дунае. Может быть, греки лживо пообещали ему богатую дань, как о том говорит летопись.

Весной 971 г. Цимисхий двинул всю свою армию против Святослава. Тот вынужден был пойти на переговоры о мире. По договору с греками

---

⁶¹ См. об интернациональных связях русской экономики, в том числе ремесла: *Енисова Н.В., Сарачева Т.Г.* «От Грек золото...из Чех же из Угорь серебро». (Пути поступления ювелирного сырья на Север и Юг Древней Руси в IX–XI вв.) // Русь в IX–XIV веках: Взаимодействие Севера и Юга. – М.: Наука, 2005. – С. 11–19.

971 г. Русь обязывалась не нападать на византийские владения и Болгарию в обмен на свободный выход из окружения и право торговли в Византии. Византия также обязывалась не посылать против руси печенегов.

Старый воевода Свенельд советовал князю идти на конях, а не по Днепру через пороги, где поджидали печенеги. Но князь не послушал воеводу. Печенеги, несмотря на договор, перекрыли пороги. Здесь остатки русского войска были добиты печенегами, и сам князь погиб.

Походы Святослава завершили начальную эпоху становления русской государственности и эпоху начальной экспансии. Цели, которые преследовали эти походы, – контроль над землями от Прикаспия и Северного Кавказа до Дуная – с тех пор надолго стали целями Российского государства. Но главная задача – устройство Русской земли – оставалась наследникам князя-воителя.

Между наследниками Святослава на Руси начинается распря. Дружинник Ярополк – сын воеводы Свенельда – вторгся во владения Олега, и древлянский князь велел убить его. Тогда Ярополк напал на брата, и Олег погиб. Испугавшийся Владимир бежал из Новгорода за море к варягам, а Ярополк отправляет своих посадников в Новгород и остается править один на Руси. Но Владимир возвращается с варягами, идет из Новгорода с войском из варягов, словен, кривичей и чуди сначала на Полоцк, где пленяет и берет в жены княжну Рогнеду, потом – на Киев и в 978 г. овладевает им. Варяги убивают Ярополка и требуют у нового князя «откупа» с захваченного ими Киева. Владимир же не дает им денег, а отправляет в Царьград на службу к византийскому императору: варяги становятся на Руси враждебными чужаками. Добившись единовластия в Русской земле, Владимир обращается к задачам ее внутреннего обустройства. Первой задачей, по летописи, оказывается поиск религии – выбор веры, которая могла бы объединить разноплеменные земли.

§ 4. Выбор веры и крещение Руси.

Конфессиональный аспект сложения «нового» русского народа

«Выбор веры» в племенном обществе был невозможен. В отличие от христиан, «язычники» – последователи племенных культов – не сомневались в «реальности» иноплеменных богов, но они были заведомо враждебны, покровительствовали «чужим» народам и землям. Варяжская русь Олега и Игоря могла клясться Перуном, но не в силу «выбора» и не в силу предпочтения его Одину и Тору, а потому, что он был богом той славянской

земли, где они жили, и богом славянского войска, которое возглавляла русская княжеская дружина. Признавалась и компетенция христианского Бога: уже часть дружины Игоря приняла крещение в Византии и клялась соблюдать мир в церкви Ильи, а не у кумира Перуна, как дружинники-язычники. Выбор веры стал возможен тогда, когда Русская земля (Русское государство) обрела свое место в мире раннесредневековой цивилизации, столкнувшись с соседями – христианами и мусульманами.

Сказание о выборе веры князем Владимиром – прениях с болгарскими мусульманами, немцами-латинянами, хазарскими иудеями, помещенное в «Повести временных лет» под 986 г., продолжает рассказ о «языческой реформе» – учреждении в Киеве пантеона в 980 г.

Языческий пантеон. Одним из самых пространственных мифологических текстов в славянской традиции является список богов пантеона, установленного князем Владимиром в 980 г. в Киеве, согласно «Повести временных лет». Утвердившись в Киеве и отправив непокорных варягов в Царьград, Владимир учреждает пантеон: «Постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Дажьбога и Стрибога и Симарьгла и Мокошь. И жряху имъ, нарючюше я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими»⁶². Описание идольских жертв в летописи – цитата из Псалтыри – в псалме 105 (35–38). Для монаха-летописца языческие боги не были богами – это были лишь деревянные идолы, в которые могли вселиться бесы. Поэтому летописец ничего не рассказывает об этих богах, а русские книжники не пересказывают языческих мифов (для них это – «кощунны», бесовщина). Атрибуты Перуна – серебряная голова и золотой ус также ориентированы на библейский образец описания идолов.

Были ли упомянуты имена языческих богов в первоначальном летописном тексте? Шахматов сомневался в этом, и его сомнения поддержал Е.В. Аничков (1914: 107): Писание запрещало поминать «бесовские» имена языческих богов (псалом 15, 4). Но Перун упоминался в большей части древних летописных списков, что давало основание для предположения об упоминании Перуна, как единственного кумира, поставленного в Киеве и Новгороде при Владимире. Г. Ловмянский полагал даже, что Владимир учредил в Киеве некий «прототеизм», призванный противостоять монотеистическим религиям, распространяющимся в Восточной Европе: он упоминал в связи с этим о «прамонотеистическом» культе праславян, которые еще в VI в. поклонялись, согласно Прокопию Кесарийскому, «одному богу» – громовержцу (ср. анализ историографии, связанной с представлениями о языческом единобожии. Правда лингвистический анализ текста показал, что речь у Прокопия шла все же об одном, хоть и главном, из бо-

---

⁶² ПВЛ. – С. 37.

гов⁶³. Политеизм у славян-язычников, в том числе восточных, подтверждается упоминанием по крайней мере двух богов, Перуна и Волоса, в аутентичных текстах – договорах руси с греками под 907 и 971 гг. (ПВЛ).

Отказ князя и бояр от языческих культов – разрушение капища и низвержение кумиров после крещения – практически лишил эти культы смысла, т. к. князь в славянской дохристианской религии был и верховным жрецом. Как «жрец» Владимир учредил пантеон, который затем сам ниспроверг. Очередное обращение социальных верхов к новому культу, очевидно, было не столь уж необычным для киевлян (тем более, что христианская община уже с середины X в. существовала в Киеве). Низвержение кумиров, однако, описывается в летописи как церемониальный государственный акт, символизирующий отказ от прошлого. Когда крещеный князь вернулся в Киев из Корсуня (Херсонеса), «повелѣ кумиры испроверщи, овы исѣщи, а другие огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай [...] Влекому же ему по Ручаю к Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья». Владимир повелевает спустить Перуна вниз по Днепру и не давать идолу пристать к берегу, пока он не достигнет порогов – покинет пределы Русской земли⁶⁴.

Источник летописи и здесь очевиден: это Ветхий Завет, деяния пророков и праведных царей. Сравните с летописным зачином деяния праведного библейского царя Асы: «И изрубил Аса истукан ее, и сжег у потока Кедрона» (3 Цар., 15, 13) и т. п. 12 мужей, бьющих жезлами кумира, напоминают о двенадцати апостолах – равноапостольной считалась и миссия Владимира, «апостола среди князей», но последующая акция представляется в летописи отражением некоего реального действия. О том, что Перун был пущен по воде, летописец знает из названия отмели у порогов – Перунова рень, отмель, на которую ветер «изверг» идол Перуна.

Во Владимировом пантеоне нет «варяжских» божеств: варяжская русь, как и словене, судя по договорам с греками, начиная с Олега клялась славянским громовником Перуном и «скотьим богом» Волосом по «русскому закону» (так клялись и воины Святослава в 971 г.). Дело здесь не только в восприимчивости варягов, как и «язычников» вообще, к местным культам – именно от местных богов зависела удача, но и во вполне «прагматической» ориентации на славянские обычаи и язык, необходимые в отношениях как с данниками-славянами, так и с Византией и Халифатом (ср. данные Ибн Хордадбега о том, что переводчиками *ар-рус* уже в IX в. были славяне). Предполагают, что летописный список Владимировых богов лишь «окаймлен» собственно славянскими божествами (Перун и Мо-

⁶³ Ср.: Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок. – СПб.: Академический проект, 2003. – С. 95; Свод. Т. I. – С. 183.

⁶⁴ ПВЛ. – С. 52.

кошь), прочие же, по наблюдениям В.Н. Топорова и других исследователей, относятся к иранским (Хорс) или могут рассматриваться как славянские «кальки» с иранского (дающие – простирающие – благо Дажьбог и Стрибог; ср. также давнее сопоставление Симаргла с иранским Сэнмурвом/Симургом)⁶⁵.

Включение иранских персонажей в состав пантеона демонстрирует, казалось бы, очевидный синкретизм летописного списка богов, имена которых черпались составителями из разных источников. Г. Ловмянский предпологал, что их имена почерпнул один из составителей летописи – игумен Никон во время своей ссылки в далекую Тмутаракань. В «Слове о полку Игореве» князь-оборотень Всеслав из Киева ночью дорыскивал «до кур Тмутараканя, великому Хрьсови вльком путь прерыскаше»; указывалось, что юго-восточное направление, в котором должен был рыскать волк-оборотень, действительно пересекало путь Хорса-солнца, и Всеслав должен был поспеть в Тмутаракань «до кур» (пения петухов)⁶⁶. Однако прямой «перевод» магики-мифологического пространства в историко-географическое едва ли оправдан. Тмутаракань отнюдь не была источником языческого синкретизма, оставаясь по преимуществу греческим и вполне христианским городом.

Для того чтобы объяснить присутствие иранских персонажей в киевском пантеоне нет необходимости удаляться из Киева в Тмутаракань: иранский этнокультурный компонент был достаточно силен если не в самом Киеве, то в Северской земле, само название которой, очевидно, имеет иранское происхождение, и в салтовской – алано-хазарской культуре, непосредственно влиявшей на развитие Русской земли в Среднем Поднепровье, с которой хазары некогда брали дань. Включение в древнерусский пантеон иранских (славяно-иранских) божеств связано с этим воздействием и, не в последнюю очередь, с хазарским наследием: под контролем Руси оставались Саркел – Белая Вежа на Дону и Тмутаракань на Тамани.

Судя по лингвистическим реконструкциям, основанным на значении теонимов, функции божеств этого синкретического пантеона дублировались и пересекались – Хорс и Дажьбог воплощали солнце, Дажьбог и Стрибог давали и «простирали» благо (*бог* – праслав. заимствование из иранского со значением «доля, благо» – ср. *богатый/убогий* и т. п.). Симаргл, если сопоставлять его с Сэнмурвом/Симургом, вообще выпадал из высшего «божественного» уровня, будучи химерическим существом, собакой с птичьими крыльями, вестником богов, но не персонажем одного с ними «ранга». Это, однако, не дает оснований исключать его из списка бо-

---

⁶⁵ Топоров В.Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и балканский фольклор. – М.: Наука, 1989. – С. 23–60; Ловмянский Г. Указ. соч. – С. 97–99.

⁶⁶ Ср.: Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – С. 441; Ловмянский Г. Указ. соч. – С. 97–98.

гов. Показательно, что Симаргл замыкает список мужских «божеств» – далее следует единственный женский персонаж пантеона, Мокошь, чье имя связано с представлениями о плодородной влаге, «матери – сырой земле»; таким образом, находит себе объяснение и место «посредника» Симаргла между небесными (атмосферными) богами и богиней земли. Летописный список богов, очевидно, не был конструкцией древнерусского книжника – летописные списки имен (этнонимов, антропонимов) вообще отличались особой точностью передачи традиции и особой структурой, когда список начинался с главного (обобщающего, высшего) персонажа и т. д.⁶⁷ Летописный пантеон представлял, таким образом, подобие древнерусской мифологической *космограммы*.

Попытка гармонизировать отношения разных племен, объединив в пантеоне божества разного происхождения, не удалась – попытка отправления культа с принесением человеческих жертв в 983 г. привела к конфликту с христианскими дружинниками – варягами, оказавшими сопротивление язычникам.

Выбор веры становился для Руси настоятельной необходимостью. Исследователи летописного сюжета обращают внимание на то очевидное обстоятельство, что «выбор веры», или, в более широком смысле, диспут о вере – это распространенный средневековый исторический и книжный сюжет⁶⁸ с очевидными византийскими истоками и даже предполагаемым иудейским влиянием (летописный сюжет сопоставляется с «выбором веры» хазарским каганом в еврейско-хазарской переписке – прениями иудея с мусульманами и греками). В этом отношении более существенной для древнерусской книжности была, конечно, кирилло-мефодиевская традиция, в данном случае – прения о вере Константина-Философа с представителями тех же конфессий: мусульманами-агарянами, иудеями в Хазарии, латинянами в Венеции. Недаром произносящий при дворе Владимира завершающую вероучительную речь грек именуется Философом. Было бы, однако, поспешным сводить сам летописный сюжет «выбора веры» только к книжности – византийскому, моравскому или хазарскому литературному влиянию.

Дело в том, что сам сюжет вводится летописцем в реальный исторический контекст. Под 985 г. рассказывается о походе Владимира с Добрыней на волжских болгар. Поход рисуется победным, Владимир заключает мир с болгарами и возвращается в Киев. И здесь вместо положенных жертв по случаю победы под 986 г. описывается приход болгарских послов: «Придоша больгары вѣры бохъмичѣ, глаголюще, яко: “ты князь еси мудръ и смыслень, не вѣси закона; но вѣруй в законъ наш и поклонися Бохъмиту”».

⁶⁷ См. структурный анализ списков: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1965. – С. 27–28.

⁶⁸ Даже «литературная фикция» – *Ловмянский Г.* Указ. соч. – С. 223.

Установление договорных отношений с Болгарией Волжско-Камской имеет свое продолжение: болгарские послы проповедуют ислам (веру Бохмита – Мохаммеда, как обозначил ее летописец на греческий манер). Владимир для них действительно не ведает «закона», ибо закон – это Священное Писание, строго регламентированный религиозный культ (что было неотделимо от регламентации «бытового» поведения): только с «людьми Писания» (к каковым относились в исламе иудеи и христиане) возможны были правовые договорные отношения – язычники подлежали обращению в «истинную веру».

Вопросы Владимира к болгарским послам об их законе соответствуют контексту летописи: язычник Владимир рисуется «побежденным женской похотью» – помимо многочисленных жен, ему приписываются сотни наложниц (в этом он уподобляется летописцем библейскому Соломону). Князя прельщает картина мусульманского рая с гуриями, но отвращают обрезание, запрет есть свинину и, особенно, пить вино. Он ссылается на обычай пировать с дружиной: «Руси есть веселие пити...» Ссылка на этот обычай – отнюдь не риторическая фигура: пиры с дружиной действительно были важной чертой государственного быта и формой распределения доходов («корма»). Недаром урегулированию конфликтов на пирах посвящены и многие статьи древнейшего письменного законодательства, Русской Правды, а побежденные Ольгой древляне обязаны были доставлять мед – напитки для тризны по Игорю.

Само посольство болгар соответствует и общеисторическому контексту традиционных внешнеполитических связей Киева в X в.: через болгар со времен Вещего Олега поступает на Русь (в обход Хазарии) восточное серебро и осуществляются связи с исламским Востоком, среднеазиатской державой Саманидов и Хорезмом. Характерно для летописных прений о вере, что посольство приписывается не неким «абстрактным» агарьянам или измаильтянам, но имеет конкретный этноконфессиональный адрес – как и последующие посольства в исследуемом сюжете.

«Потом же, – продолжает летописец, – придоша нѣмцы от Рима, глаголюще: «Придохомъ послании от папежа ... Рекль ти тако папежь. Земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша, вѣра бо наша свѣт есть. Кланяемся Богу, иже створилъ небо, и землю, звѣзды, месяцъ, и всяко дыханье, а боги ваши – древо суть». Володимеръ же рече: «Кака заповѣдь ваша?» Они же рѣша: «Пощенье по силе». Владимир, однако, отсылает немцев: «Идѣте опять, яко отцы наши сего не прияли суть»⁶⁹.

Вероятно, что слова «немцы от Рима» отражают ту реальную историческую обстановку, которая сопутствовала времени выбора веры и крещения Руси, когда германские императоры, начиная с Оттона I (962 г.), овладели Римом, подчинили своему влиянию пап (немцы пришли от папы – «папе-

---

⁶⁹ ПВЛ. – С. 39–40.

жа») и вступили в конфликт с Византией: в этом конфликте они стремились заручиться поддержкой Руси. «Папеж» – слово, появившееся с первыми немецкими миссионерами у западных славян в Моравии и оттуда попавшее в древнерусский язык. Да и слова миссионеров – «Земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша» напоминают цитированную формулу призвания солунских братьев в Моравию: существен мотив признаваемого папой равенства Русской земли и Немецкой как государственных образований, заслуживающих «истинной» веры.

В последующей речи греческого посла Философ упрекает латинян, что они «не исправили веры» – причащаются опресноками, а не хлебом и не творят причастия вином. Речь в ответе князя немцам идет о латинском «законе» в целом: летописец, естественно, не мог приписать язычнику Владимиру антилатинские аргументы, употреблявшиеся в «Речи Философа», поэтому вынужден был глухо сослаться на неприятие латинской веры «отцами». Ответные посольства князя к болгарам, немцам и грекам призваны испытать их «закон», и отсутствие «красоты» в богослужении возвращает послов, пришедших «в Немцы». Тогда послы идут далее «в Греки» и возвращаются на Русь, пораженные «небесной» красотой греческого богослужения: «Не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли»⁷⁰.

Показательно, что летописный маршрут русского посольства не включает Рим – послы идут напрямую «в Немцы», а затем в Царьград, в чем также можно усматривать отражение в летописи исторических реалий второй половины X в. – они следуют путем немецких миссионеров. Эти реалии погружены в контекст традиционной полемики (доходящей в «Речи Философа» и последующей «Корсунской легенде» до религиозных наветов в отношении как мусульман, так и латинян), но историческая актуальность самого выбора веры – греческого или латинского обряда, «обретение» веры в Византии или крещение от немецких миссионеров – в начальной истории христианства на Руси и в начале княжения Владимира представляется достаточно очевидной.

Особого внимания заслуживает и конкретно-историческая характеристика иудейского посольства – «жидове козарьстии»: характерно, что это едва ли не единственный случай в древнерусской (и византийской) литературе, когда говорится об иудаизме хазар. Испытание Владимиром их веры сводится в летописи к риторическому и, вместе с тем, важному для выбирающего государственную религию князя вопросу: «То гдѣ есть земля ваша»? Князь (как и летописец) не мог не знать, что земля хазар разгромлена его отцом Святославом. Попытка хазарских иудеев объявить, что земля их – «в Ерусалиме», была немедленно разоблачена, и когда те признали, что за грехи Бог «расточи» их по странам, Владимир обвинил их

⁷⁰ Там же. – С. 49.

посольство в злонамеренности: «Еда и намъ тоже мыслете прияти?» (Мотив злонамеренности иудеев характерен для византийской и древнерусской дидактической литературы.)

После открытия письма еврейско-хазарской общины Киева, датируемого X в., представляются очевидными местные киевские истоки летописной традиции о посольстве хазарских иудеев. Иногда считаются даже неслучайными слова летописца об иудеях, которые заявляют, что сами «слышали» о приходе болгар и немцев к Владимиру. Это, конечно, свойственный летописным прениям о вере риторический прием, ибо по летописи следом за иудеями является Философ, которого присылают греки, и также говорит о дошедших до них слухах. Правда, Философ «слышал» лишь о немецком и болгарском посольствах – тогда Владимир сообщает ему о посольстве иудеев и в ответ выслушивает «Речь Философа», содержащую антииудейскую полемику. Вопреки распространенному мнению, активность иудеев не могла сравниться с миссионерской деятельностью латинян и мусульман уже потому, что миссионерство не было свойственно иудейской традиции (что верно отмечал еще Татищев), а желающих обратиться в иудаизм необходимо было первым делом предупредить о гонениях, которым подвергается за веру еврейский народ (а не выдавать желаемое за действительное) – мотив рассеяния евреев за грехи присутствует в еврейско-хазарской переписке и других иудейских сочинениях. При этом евреи могли (и даже были обязаны) способствовать распространению т. н. заповедей сыновей Ноя, которым должны были следовать «языки» – потомки библейского праотца (запреты идолопоклонства, богохульства, кровопролития, воровства, прелюбодеяния и т. д.), но в число этих заповедей не входили собственно иудейские Моисеевы законы, в том числе обрезание и соблюдение субботы. К историческим «реалиям» X в., таким образом, можно относить упоминание в летописи самих хазарских иудеев, даже их участие в «диспуте» при дворе Владимира, но едва ли их посольство – «миссию».

Речь не идет, конечно, об исторической реальности прений о вере в Киеве накануне крещения Руси (хотя отрицать возможность такого диспута также нет прямых оснований). Можно, однако, утверждать, что «прения о вере» относятся к раннему пласту русской летописной традиции: Д.С. Лихачев реконструировал «Сказание о начальном христианстве на Руси».

В целом историческая информация, содержащаяся в прениях о вере, достаточно достоверно характеризует геополитическую позицию Древней Руси в конце X в., ее положение между Византийской и Германской империями, отношения с Волжской Болгарией и представляемым ею мусульманским Востоком, хазарское наследие и преобладающую ориентацию на Византию. Отношение к различным конфессиям, явленное в летописных речах Владимира, определялось не только традицией, но и взглядами ле-

тописца и предшествовавших ему русских книжников, основанными на византийских традициях⁷¹.

Летописный сюжет выбора веры завершается пространной «Речью» греческого миссионера – Философа, катехизисом, который содержит рассказ о Страшном суде и демонстрацию иконы со сценами райского блаженства и адских мук. Летопись рассказывает, что в 988 г. князь Владимир, убежденный в превосходстве греческой веры, пошел в поход на Корсунь – Херсонес, главный город в византийских владениях в Крыму. Почему русский князь, вместо того, чтобы пригласить греческих священников, решил захватить греческий город?

Владимир не хотел принимать христианство, как простой подданный Византии: захватив Корсунь, он потребовал, чтобы ему дали в жены царевну Анну. Греческие правители вынуждены были согласиться на брак – им нужен был союз с Русью и помощь русско-варяжской дружины, ибо в самой империи шла война с мятежниками. Князь и его дружина приняли крещение в Корсунь. Владимир принял христианское имя Василий в честь византийского императора Василия II, а шесть тысяч русских воинов сохранили византийскому императору его власть, разгромив мятежников.

С царевной, корсунскими священниками и церковной утварью Владимир прибыл в Киев. Он велел низвергнуть кумиров – поставленных им идолов, главного же – Перуна – бросить в Днепр и сплавить за пороги – вон из Русской земли. Князь велел всем киевлянам явиться к Днепру, чтобы в воде принять крещение. Добрыню он отправил крестить новгородцев, во всех городах велел поставить церкви. Дети состоятельных людей должны были обучаться грамоте, и их матери плакали по своим чадам – ведь им суждено было стать служителями церкви, а не княжескими дружинниками.

Главную – соборную – каменную церковь Владимир построил в Киеве. Он посвятил ее Богородице – новой покровительнице Русской земли – и дал на ее содержание десятину, десятую часть от всех княжеских доходов. Она стала именоваться *Десятинной*.

Новая культура и новый народ. Новые обычаи быстро распространились по всей Русской земле. Ее жители перестали по древнему славянскому обычаю сжигать своих умерших: в XI в. их еще хоронили под курганами, но клали лицом на Восток, по христианскому обычаю – ведь с Востока для Страшного суда должен был явиться христианский Спаситель. Эта «культурная революция» знаменовала становление новой общности людей.

Владимир не только крестил Русскую землю. Он установил новый порядок правления: посадил своих сыновей (их летопись насчитывает 12 –

⁷¹ См. *Петрухин В.Я.* Христианство на Руси во второй половине X – первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. – М.: Языки славян. культуры, 2002. – С. 60–132.

по числу апостолов самого Христа) в русских городах. Старшим сыном считался Святополк, но его настоящим отцом был Ярополк, брат Владимира – тот женился на его вдове. Святополк получил город Туров. Изяслав, сын полоцкой княжны Рогнеды, получил Полоцк. Ярослав сел в самом Новгороде (оставив Городище), Борис – в Ростове, Глеб – в Муроме, Святослав – в древлянской земле, Всеволод – в основанном отцом городе Владимире на Волыни, Судислав – во Пскове, Мстислав – в Тмутаракани. Дать не собиралась более во время полюдя и только на погостах – княжеский род «кормился» со своими дружинниками в самих городах и отправлял часть дани в столицу – Киев. Система погостов стала не нужна – жизнь в Гнездове и на других дружинных поселениях прекращается.

Владимир сам основал новые города в освоенных землях: на Волыни был построен Владимир, на границе со степью – крепости против печенегов, среди них – Переяславль. Города Киев, Чернигов и Переяславль остались во власти Владимира – они были доменом киевского князя. Волости этих городов в Среднем Поднепровье получили название Русской земли в узком смысле; в широком смысле Русской землей именовались все волости, подвластные роду русских князей – от Ладоги и Ростова до Переяславля.

Укрепление границы, предпринятое Владимиром, сопровождается традиционным для Руси сбором воинов от разных племен. Но мобилизация эта предназначена уже не для осуществления далекого похода, а для «внутренних» нужд. Владимир набирает «мужей лучших от словен и от кривич, и от чуди и от вятич» – тех окраинных племен, военной помощи которых он обязан киевским столом, и тех, что ему пришлось заново покорять (вятичи), – и населяет ими основанные грады. Представители племен, населявших окраины Русской земли, перемещались к центру – Киеву – для охраны общей границы Руси от кочевников. Племенные границы стираются – единственно важной оказывается государственная граница.

Крещение Руси и реформы Владимира знаменовали формирование новой русской средневековой культуры – христианской архитектуры и книжности – и консолидации нового *народа*, «русских людей»⁷².

---

⁷² В древнейшем из дошедших до нас памятнике русской словесности – «Слове о Законе и Благодати», проповеди, составленной Иларионом (будущим русским митрополитом) в первой половине XI века, новокрещенный русский народ именуется новым. Это восприятие народа, принявшего крещение в «последние времена», как нового, наделенного особой Благодатью, было свойственно христианской историософии – новый народ получал преимущество перед древним – «ветхим», Закон которого («Ветхий Завет») отошел в древнюю историю, точнее, предысторию нового христианского мира. Начальная русская летопись – «Повесть временных лет» воспринимает ту же историософию: описание крещения киевлян в 988 г. завершается цитатами из апостола Павла и пророка Исаи – «Ветхая мимодоша, а се быша новая», крещение – «новии людье хрестьяньстии, избрании Богомъ» (см.: издание «Слова» – Библиотека литературы Древней Руси – далее БЛДР. Т. 1. – СПб.: Наука, 1997. – С. 32; ср.: ПВЛ. – С. 54).

§ 5. «Инии языци, иже дань дают Руси»: отношения с иными народами

В «Повести временных лет» перечислены народы, «которые дань дают Руси». Этот список относится к началу XII в. Он начинается с перечисления народов финно-угорской языковой группы: это чудь, меря, весь – предки современных вепсов; мурома, черемись – предки марийцев; мордва, сохраняющая и ныне это название; пермь и печера – предки коми; финское племя ямь (хяме в Финляндии); далее следуют балтские народы – литва, земигола и корсь (земгалы и курши, вошедшие в состав латышей) и прибалтийско-финские народы – неведомая историкам норома и либь – современные ливы. Новгород расширил влияние в чудских землях от корелы (карел), ижоры, води и лопи (лопарей-саамов) на западе до «самояди» (ненцев-самодийцев) у Белого моря и югры (угров – ханты и манси) в Зауралье. Новгородские города Олонец и Копорье стали форпостами древнерусской колонизации в карельских землях. Часть этих народов до сих пор живет в Российской Федерации, часть вошла в состав независимых государств, часть – как меря и мурома – была ассимилирована еще в древности.

Даннические отношения Руси и соседних народов не были постоянными. Хотя Русское государство добилось гегемонии в Восточной Европе, разгромив Хазарию, прежде зависимая от Хазарии Волжско-Камская Болгария (Булгария) оставалась сильным самостоятельным государством с собственной городской культурой и государственной религией – исламом. Еще Владимир Святославич должен был заключить мир с Болгарией; по летописному преданию, его воєвода Добрыня подивился богатству болгарских пленников – все они были в сапогах: «Эти не будут платить дани, – сказал Добрыня князю, – поищем себе лапотников».

Русь (прежде всего, Владимиро-Суздальская) и Болгария оставались и партнерами, и соперниками в Поволжье. Андрей Боголюбский гордился своим походом 1164 г., приписывая победу над мусульманами чуду Владимирской Божьей матери. Болгарам пришлось перенести столицу из Болгара в глубину своей территории – город Биляр (Великий город). Вместе с тем, Болгария распространяла свою власть до Урала и Нижнего Поволжья; болгарский правитель сидел в важном торговом городе Саксин, возникшем неподалеку от разрушенной столицы Хазарии Итиля. Несмотря на соперничество, с Русью не прекращались торговые и культурные связи: в Болгаре и Биляре существовали русские общины.

Болгарам удалось отбить первый натиск монголо-татар, появившихся у границ Волжской Болгарии в 1223 г. после битвы на Калке. Но ей пришлось первой принять удар полчищ Батые в 1236 г.

Русь к XII в. лишилась своих причерноморских владений в Тмутаракани и Саркеле (Белой Веже) – тюркоязычные орды половцев отрезали эти владения от Руси. *Половцы* господствовали в причерноморских степях, вытеснив оттуда разбитых Ярославом Мудрым печенегов. Половцы – это древнерусское название тех кочевников, которые сами звали себя кыпчаками или кипчаками. Они господствовали в степи и к западу, и к востоку от Волги, и сама степь получила название Дешт-и-Кипчак, Половецкая степь, или Половецкая земля. У половцев не было единого государства – отдельные кочевые орды управлялись ханами. Эти ханы были достаточно могущественными, чтобы угрожать (вместе с вытесненными ими из причерноморской степи печенегами) Византии и выступать союзниками женатого на половчанке грузинского царя Давида (1118 г.) в борьбе с турками-сельджуками. Византии удалось, однако, заключить союз с половецкими ханами Тугорканом и Боняком, и в 1091 г. они вместе с греками (и, возможно, русскими союзными дружинами) уничтожили печенежские орды.

Появившиеся на Руси при вокняжении Всеволода Ярославича в Переяславле (1055 г.), после смерти этого князя (1093 г.) половцы пришли к его преемнику на киевском столе Святополку с предложением мира, но тот заключил их послов в «поруб». Половцы принялись воевать, и Святополк вынужден был пойти на мир, взяв в жены дочь хана Тугоркана. В 1095 г. Тугоркан и Боняк вновь ушли в поход на Византию, а оставшиеся в степи ханы пришли в Переяславль к Мономаху просить мира – ведь они воевали с ним на стороне черниговского князя Олега. По совету дружины Мономах расправился с половцами, разграбив их вежи. Вернувшиеся из похода на Византию в 1096 г. орды в ответ обрушились на Русь. Орда Тугоркана была разбита, сам хан погиб; Святополк похоронил своего тестя под Берестовом у Киева. Орда же Боняка razорила окрестности Киева и Печерский монастырь, едва не взяв сам город. Половецкая угроза заставила русских князей объединиться на Любечском съезде в 1097 г.

Как и все кочевники, половцы нуждались в продуктах земледелия: они часто совершали набеги на Русь, но были заинтересованы и в мирных отношениях. Владимир Мономах смог отбить их натиск, дойдя до Дона и укрепленных становищ – половецких «градов»; но с середины XII в. кочевники возобновили опустошительные набеги: пограничные земли разорялись, пленных половцы продавали в рабство. В 1183 г. объединенные силы девяти русских князей нанесли в степи поражение десяти половецким ханам. В 1185 г. страшное поражение потерпел Игорь Святославич. Русские летописцы видели в половецких набегах проявления Божьего гнева: за грехи христиан и распри князей Господь наводит на Русскую землю «поганых». Половцы, действительно, не были ни христианами, ни мусульманами: у них сохранялись языческие верования. До сих пор на степных курганах, где хоронили своих умерших половцы, стоят каменные статуи: в русской традиции они называются каменными бабами, но чаще

всего – это статуи воинов, героев, которых почитали и после смерти. Скопления этих статуй отмечают «зимовища» половцев – места, где они останавливались со скотом на зиму.

Кочевники не были только врагами Руси. У русских князей были в степи союзники – торки и берендеи (черные клобуки): князья специально разрешали им селиться на границах Русской земли, чтобы защищать Русь от набегов других степняков. Русские князья не только приводили половцев как союзников для участия в княжеских усобицах: половецкие ханши часто становились женами русских князей. Потомком такого брака был Андрей Боголюбский. Недаром в «Слове о полку Игореве», повествующем о походе против половцев князя Игоря Святославича в 1185 г., половцы названы «сватами» русских.

Но вот в 1223 г. половцы явились в Киев не как завоеватели, и не как «сваты», а с мольбой о военной помощи. Страшный враг вторгся в степи Восточной Европы: монголо-татарами разгромлены были аланы на Северном Кавказе, а за ними и половцы.

Государство *аланов* (летописных ясов), потомков ираноязычных сарматов и предков осетин на Северном Кавказе, некогда было подвластно Хазарии, но с ее распадом обрело самостоятельность и в начале X в. приняло христианство из Византии. Арабский автор X в. ал-Масуди писал, что аланы сильнее, чем соседние северокавказские *адыги* – кашак (касоги, или черкесы), потому что они не позволяют поставить над собой царя, который объединил бы их. В XII – начале XIII в. касоги, некогда платившие дань русским (тмутараканским) князьям, и аланы оказались в сфере влияния Грузии. Грузинские цари совершают походы в Дагестан вплоть до Дербента. У многочисленных народов Дагестана со времен арабского завоевания VII в. распространялся ислам. Монголо-татарские войска обрушились в XIII в. на Северный Кавказ, пройдя в 1239 г. и через Дербентское ущелье, и из степей.

Тюркоязычные народы евразийских степей после арабского завоевания Средней Азии в VIII–IX вв. не создавали огромных империй. В Хакасско-Минусинской котловине существовало государство *енисейских кыргызов*. Сам широко распространенный этноним *кыргыз*, *киргиз* означает степных кочевников. Но кыргызы сумели создать достаточно прочное государственное образование как раз потому, что основой его экономики было не только традиционное скотоводство, но и ирригационное земледелие (сохранились следы оросительных систем); жили кыргызы не только в переносных юртах, но и на постоянных поселениях, в срубных домах, крытых берестой. Известны и остатки их пограничных крепостей. Изделия кыргызских ремесленников достигали Руси.

К началу XIII в. в Центральной Азии кочевые монголоязычные племена объединились под главенством Чингисхана, провозглашенного верховным правителем на собрании вождей – курултае – в 1206 г. Начинаются мон-

гольские завоевания, охватывающие Южную Сибирь (в том числе государство кыргызов), Китай, Среднюю и Переднюю Азию. Гигантская военная и бюрократическая машина, использующая новейшие достижения военной техники и государственного строительства, приближалась к границам Европы. В 1222 г. полководцы Чингисхана Джебе и Субеде через Закавказье прорываются на Северный Кавказ. Монголы разоряют Аланию и продвигаются в половецкие причерноморские степи и Крым⁷³.

§ 6. Эпоха раздробленности в истории Русской земли и проблема сложения этнодиалектных групп

XI век – время распространения и утверждения новой христианской культуры и обычаев, что отмечено и летописью. В первой трети XII в. Владимир Мономах и его сын Мстислав еще контролировали большую часть Русской земли – Киевской Руси. Но в целом этот век ознаменован распадом некогда единого государства – Русской земли, княжескими усобицами, выделением самостоятельных княжеств и культурных центров, что характеризовалось сторонниками формационной теории развития как «феодалная раздробленность». Причины раздробленности коренились отнюдь не только в умножении княжеского рода, когда каждый князь требовал себе удела у старейшего – великого князя. Самостоятельность была необходима и верхам древнерусских городов – боярству, имевшему свои наследственные вотчины (отчины) с зависимыми земледельцами и несвободными холопами. Бояре и горожане хотели иметь собственного зависимого от них князя. Среди древнерусских земель Новгород добился права «вольности в князьях», но и его боярские группировки должны были считаться с властью наиболее могущественных правителей русских княжеств.

Эпоха раздробленности часто воспринимается как время упадка Руси, особенно в связи с катастрофическими последствиями ордынского завоевания. В действительности, наряду с распадом весьма относительного прежнего единства, на Руси сохраняются очевидные тенденции к консолидации больших регионов. Прежде всего, это консолидация земель княжеств вокруг старых и новых городских центров. Киев, несмотря на снижение его роли как столицы и неоднократное разорение в период усобиц, остается крупнейшим культурным центром Руси наряду с Новгородом. Владимиро-Суздальская и Галицко-Волынская земля – новые княже-

---

⁷³ См. *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. – М.: Знак, 2004. – С. 347–358.; *Головнев А.В.* Антропология движения. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – С. 357–426.

ства, намного расширяющие пределы и коммуникации прежней Киевской Руси. Связи между городами – городская сеть – сохраняются и упрочиваются: недаром в одной из берестяных грамот сын пишет родителям, чтобы они перебирались из Новгорода в Смоленск или Киев, где хлеб дешевле. В городах развиваются одни и те же ремесла, производятся изделия сходных образцов.

Иные тенденции в развитии культуры охватывают сельскую периферию древних центров. В XII в. формируются региональные обычаи ношения височных колец – ареалы этих женских украшений совпадают с ареалами племен, упомянутых в летописи: кривичи носили простые проволочные кольца, радимичи – семилучевые, вятичи – семилопастные (и те и другие восходили к византийским образцам) и т. д. Это воспринимается в историографии как рецидив племенных отношений и «языческая реакция» на распространение христианской культуры (Б.А. Рыбаков). Скорее, речь должна идти о формировании на основе древних традиций диалектных различий в древнерусской культуре, которые в русском языке сохранились до наших дней⁷⁴.

Доминирующими оставались представления о единстве Русской земли в широком смысле, сохраняемые русским летописанием. Они не были чужды и самим русским князьям, погрязшим в усобицах. Во время очередной феодальной войны перед битвой на Липице (1216 г.), в которой принимают участие владимирские, новгородские и смоленские полки, сыновья Всеволода Большое Гнездо, согласно летописи, претендовали и на Смоленск и даже на Галицкую землю.

Большую роль в сохранении культурного и, прежде всего, конфессионального единства всех русских княжеств играла православная церковь, которая сама сохраняла единую структуру. Ее возглавлял киевский митрополит, назначаемый в Константинополе, которому подчинялись прочие русские епископы. Церковь постоянно обращалась к князьям, напоминая им о том, что они братья, и пыталась пресечь усобицы, заставляя князей целовать крест – клясться соблюдать мир. Русская православная церковь была с момента возникновения прочными узами связана с государством – князья обеспечивали десятиной, а затем и земельными пожертвованиями ее содержание.

После крещения Руси и особенно разделения церковью (схизмы) на православную и латинскую католическую (1054 г.) русская христианская культура развивалась под воздействием Византии. Деятели русской церкви и монахи-книжники (к которым относились и летописцы) усердно перенимали суровые нормы греческого монастырского быта: античное на-

---

⁷⁴ См. *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995; *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // *Славяноведение.* – 2011. – № 6. – С. 3–19.

следие, сохраненное христианской Византией, практически не было воспринято на Руси как пережиток «язычества» – бесовщины. К бесовским относились церковью и народные обычаи, и латинская культура Западной Европы. Не менее суровым было отношение католической церкви и к восточным схизматикам (раскольникам), особенно в эпоху столкновения Ливонского ордена с Русью в чуждских землях и во время монголо-татарского нашествия, когда русских князей обвиняли в пособничестве языческим ханам. Несмотря на это, древнерусская культура впитывала светские элементы культуры Византии и Запада, в древнерусских городах (Киеве, Новгороде, Смоленске и др.) были даже «латинские божницы» – храмы, Новгород связан тесными торговыми и культурными узами с городами будущей Ганзы на Балтике. Русская средневековая культура усваивала разнообразные веяния средневековой цивилизации на основе собственной – восточнославянской – традиции.

В русском былинном эпосе именно Киевская Русь стала эпическим богатырским царством: народная память об изначальном единстве – былинных временах Владимира Красное Солнышко – пережила не только эпоху раздробленности, но и эпоху ордынского ига.

§ 7. **З**авершение древнерусской эпохи.

«Слово о погибели Русской земли» и народы Восточной Европы

Летописец начинал свою летопись с вопроса: «Откуда есть пошла Русская земля?» Неизвестный книжник середины XIII в. – времени монголо-татарского нашествия – написал «Слово о погибели Русской земли». От него сохранился лишь зачин, в нем автор прославляет «светлую и прекрасно украшенную Русскую землю». «Отсель до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литвы, до немцев, от немцев до корелы, от корелы до Устюга, где обитают поганые тоймичи (чудское племя, обитавшее на реке Тойме. – *В.П.*), и за Дышащее море (Ледовитый океан); от моря до болгар, от болгар до буртасов (народ в Среднем Поволжье), от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы – все языческие страны с помощью Божьею покорены были христианскому народу, великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы своих малых детей пугали. А литва из болот своих на свет не показывалась, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко – за Синим морем. Буртасы, черемисы, вяда (одно из мордовских племен) и мордва бортничали на великого князя

Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград не взял у него»⁷⁵. Могущество Мономаха эпически преувеличено русским книжником (император Мануил – современник его внука Андрея). Но вот беда и погибель, которые обрушились на христиан при владимирском князе Юрии Всеволодовиче и брате его Ярославе (тех, что делили города перед битвой на Липице), преувеличением не были...

Предвестием «погибели» было страшное поражение русских князей и союзных им половцев от монголов на реке Калке в 1223 г. По летописному преданию, там погибли не только князья, но и все русские богатыри: история Киевской Руси превращалась в эпическое (былинное) прошлое. Галицко-волынский летописец, описывая уход татар после победы на Калке, объясняет это Божьим промыслом: «Ожидал Бог покаяния христианского, и обратил их (татар) вспять на землю восточную», где татары «лестью» и «ратью» погубили другие страны. Но далее говорится не о покаянии, а о дальнейших распрях галицко-волынских князей. То же происходило в других русских землях: Киев опять переходил из рук в руки враждовавших великих князей – Владимира Рюриковича, Ярослава Владимировича, Михаила Черниговского, Даниила Галицкого. Дело было не в преступной алчности («несытстве») князей (в чем их обвиняли летописцы и позднейшие историки), а в отсутствии правовых норм, которые позволяли бы представителям правящего на Руси княжеского рода разрешать конфликтные ситуации без «Божьего суда» на поле боя.

«Погибель» наступила в 1237 г. Батый с огромным войском разорил Волжскую Болгарию и вторгся на Русь. Он потребовал дани у рязанского князя: Рязань была разорена дотла. До сих пор на месте города видны его валы; археологи ведут раскопки и часто находят клады – драгоценные украшения, спрятанные от врагов погибшими жителями. Современная Рязань возникла уже на новом месте. Разорив Москву, татары подошли к Владимиру в феврале 1238 г. Князь Юрий оставил город и ушел с дружиной на реку Сить, ожидая подмоги других князей. Это не спасло его: татары поодиночке разорили Владимир, Суздаль и другие города и разгромили княжеское войско.

Наступала весенняя распутица, и татары не дошли до Новгорода и Смоленска. Они вернулись в степь и осенью 1239 г. пошли на южнорусские земли. Был взят Чернигов. 6 декабря пал Киев. Разграблены и разрушены киевские святыни, в том числе Десятинная церковь. Не избежали разорения Волынская и Галицкая земли, Польша, Чехия, Венгрия, Болгария...

В южнорусских степях возникло новое государство – Золотая Орда. Завоеватели гордились своей силой: они не возводили укреплений вокруг

---

⁷⁵ БЛДР. Т. 5. – СПб., 1997. – С. 90–92.

своих городов – столицы Сарая и других центров на Нижней Волге. Города строили пленные мастера из Средней Азии, работали в них ремесленники, угнанные из многих земель, в том числе и из Руси.

Многие русские города уничтожены, и от них остались лишь следы – городища. Ремесленники уведены в полон. Надолго прекратилось каменное строительство, забыты ремесла, требовавшие высокого мастерства – стеклоделие, ювелирное искусство. Даже в деревнях крестьянки перестали носить традиционный убор – височные кольца. Вся русская культура стала другой – недаром было написано «Слово о погибели Русской земли» – той земли, которой правили древние князья. Орда отделила Русь от Европы и родственных славянских народов⁷⁶.

До открытой борьбы с завоевателями нужно было переносить ордынское иго. Князем, на долю которого выпало править большей частью русских земель в эпоху становления ига, стал Александр Невский. Неслучайно «Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра» древнерусский книжник записал вслед за «Словом о погибели Русской земли».

---

⁷⁶ Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 174 и сл.

В.В. Т р е п а в л о в

Глава 2

Этнокультурный фактор в развитии Московского государства и ранней Российской империи

Период XV–XVIII вв. был эпохой, когда началось формирование огромного многонационального Российского государства. Один из принципиальных вопросов при изучении того времени – это трактовка присоединения народов и территорий к России, характера отношений между ними и центральным правительством. В трудах российских исследователей последних полутора десятилетий наблюдается отход от прежней апологетики, учитываются как добровольные, так и насильственные формы присоединения. В советский период случалось, что историки с легкостью объявляли тот или иной народ добровольно вступившим в российское подданство – на основании первого же соглашения, договора местной знати с правительством или с провинциальным российским начальством. Рецидивы подобного подхода встречаются и в наши дни. Юбилеи «добровольных вхождений» после некоторого перерыва в 1990-х гг. вновь стали отмечаться в российских республиках в начале XXI в. Так, на 2007 г. пришлась целая череда подобных празднеств. 450-летие «добровольного вхождения в состав России» отмечали в Адыгее, Башкирии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, 300-летие – в Хакасии; в 2008 г. отмечалась соответствующая годовщина в Удмуртии (450 лет), затем – Калмыкии (400 лет); в 2001 и 2002 гг. отгремели торжества в Чувашии и Марий Эл... Установленные когда-то, чаще в советское время (как правило, по инициативе регионального партийного руководства), искусственные и конъюнктурные схемы проецируются на интерпретацию реальных исторических процессов.

После распада СССР в новых государствах – бывших союзных республиках произошло существенное, порой радикальное переосмысление в интерпретации исторических событий, связанных с вхождением в состав России. Следует признать, что для современных историографий стран СНГ, Грузии и Прибалтики в разной степени характерны культивирование этновеличия, демонстрация собственной самобытности и исторической значимости своих народов. Нередко это достигается с помощью целенаправленного формирования негативного образа России в качестве держа-

вы, некогда «поработившей» и затем «угнетавшей» присоединенные страны. Россия в представлении авторов соответствующих текстов – это хищное колониальное государство, агрессивная и эгоистичная империя, которая постоянно зарилась на более слабых соседей, навязывала им свое устройство и образ жизни. Период «русского владычества» преподносится как время оккупации или колониального угнетения.

В свое время в советской идеологии целенаправленно культивировалось представление о Российской империи как поистине «проклятом прошлом» – самодержавно-крепостнической деспотии, мрачной обители тирании и реакции, тюрьме народов и т. п. Порождением такого подхода стала известная концепция «наименьшего зла», по которой вхождение в состав России имело для народов менее негативные последствия, чем пребывание в составе других держав (имелись в виду Турция, Персия, Китай, Польша и проч.). В некоторых постсоветских государствах эта теория сейчас получила вторую жизнь, но с обратным знаком: вхождение в состав России было якобы как раз бóльшим злом. В частности, это характерно для украинской и грузинской историографии.

В Грузии подвергается сомнению роль России в спасении народов Южного Кавказа от турецкого и персидского ига. Георгиевский трактат 1783 г. о российском протекторате преподносится как средство имперской экспансии. При этом история активных русско-грузинских контактов XVII–XVIII вв. изображается как искреннее стремление Грузии к дружбе и поиск ею покровителя в борьбе с соседними мусульманскими деспотиями, в то время как Россия видела в Грузии якобы лишь плацдарм для дальнейших восточных завоеваний. Георгиевский трактат 1783 г. о российском протекторате преподносится как средство имперской экспансии. По мнению грузинских историков, присоединение Грузии к России оказалось даже хуже мусульманского владычества, т. к. султаны и шахи практически не вмешивались во внутренние дела, не превращали грузинские царства в губернии и не лишали власти законные династии. Абсолютное неприятие вызывает манифест Александра I 1801 г. о включении Картли-Кахетинского царства в состав России с упразднением в нем монархии¹.

В 1990–2000-х гг. подвергалось переосмыслению воссоединение Украины с Россией. Решения Переяславской рады 1654 г. якобы не имели юридической силы и поэтому не могли служить основанием для включения Гетманщины в состав Московского царства (не учитываются неоднократные обращения Б. Хмельницкого в Москву с просьбой «принятия под высокую руку», а также соответствующее постановление Земского собора 1653 г.). Часть историков решения Рады трактует как союзный договор,

---

¹ *Гатагова Л.С.* Проблема присоединения Грузии к России в зеркале политики и истории // *Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание (Проблемы российско-грузинских отношений. XIX–XXI вв.)*. – М.: ИРИ РАН, 2011; *Очерки российской колониальной политики в Грузии*. Кн. 1–2. – Тбилиси, 2007–2008 (на груз. яз.).

впоследствии «растоптанный» российской стороной (этим объясняют желание некоторых гетманов, в том числе И. Мазепы, выйти из российского подданства)².

В Казахстане сейчас принято считать, что Младший жуз добровольно присоединился к Российской империи, а Средний и Старший жузы стали жертвами завоевания³. Между тем известны многолетние переговоры между российским правительством и ханами Среднего жуза об условиях подданства казахов. (Другое дело, что институт подданства в глазах кочевников имел кардинальные отличия от понимания его русской стороной – см. ниже.)

Ситуация в историографии национальных регионов Российской Федерации в целом не отличается подобной остротой. Обвинения в адрес «России-завоевательницы» звучат со стороны публицистов и общественных деятелей, которые по большей части не являются действующими политиками или профессиональными историками. Постоянно, хотя и периодически затухая, муссируется вопрос о жестоком штурме Казани Иваном IV в 1552 г. (с 1990 г. в Татарстане 15 октября отмечается День памяти), культивируется чувство обиды и несправедливости из-за утраты татарами своей государственности, колонизации русскими Поволжья, многократных акций по христианизации и преследованию ислама в XVI–XVIII вв.

§ 1. Монгольское завоевание Восточной Европы и изменения в этническом составе ее населения

Монгольское завоевание в первой половине XIII в. привело к значительным переменам на этнической карте Восточной Европы. В этой части Евразии образовалось удельное ханство Монгольской империи – Улус Джучи (Золотая Орда), которое с конца 1260-х гг. превратилось в самостоятельное государство. Нашествие монголов привело к массовым миграциям тюркского и славянского населения. Помимо непосредственных результатов войн (потоки беженцев), эти миграции были вызваны административной политикой ордынских властей. До прихода монголов основную массу

² *Смолий В.А., Степанков В.С.* Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблема формування, еволюції, реалізації. – Київ: Альтернативи, 1997; Переяславська Рада 1654 року (Історіографія та дослідження). – Київ: Смолоскип 2003; Українсько-російський договір 1654 р.: нові підходи до історії міждержавних стосунків. – Київ: Інститут історії України НАН України, 1995; *Щербак В.О.* Формування козацького стану в Україні (друга половина XV – середина XVIII в.). – Київ: Інститут історії України НАН України, 1997.

³ *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В.* Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

населения евразийских степей составляли кипчаки (половцы). Теперь кипчакская знать была лишена власти, страна Дешт-и Кипчак поделена на уделы джучидских царевичей, по велению правительства массы разноплеменных подданных переселялись из одного региона в другой. Некоторые племена самостоятельно выбирали места для более спокойного и безопасного проживания на окраине степного пояса. Перемещение этнических групп продолжалось и в следующем столетии, особенно в его конце, когда Золотая Орда стала погружаться в хаос, страдала от междоусобиц и вражеских нападений.

В составе и под властью Орды оказались и другие народы региона: волжские булгары, черемисы, мордва, башкиры.

Этот период отмечен также активным заселением прежде пустынных пространств Залесской Руси – внутренних районов Владимиро-Суздальского и Тверского княжеств, Новгородской земли. Ближе всех к ордынским кочевьям располагались в Северо-Восточной Руси Рязанское княжество, в Южной Руси – княжества Черниговское и Киевское. В середине XIII в. народ отхлынул от степной границы и устремился в глубинные местности, труднодоступные для кочевников.

С домонгольских времен сохранился полиэтничный состав населения русских земель. Во владими́ро-суздальских пределах проживали группы мордвы и мещеры, в новгородских – широко расселившиеся по тайге и тундре пермяки, лопь, корела, часть самоедов. Продолжалась постепенная славянизация населения внутренних областей региона, в частности, славяно-финское этническое взаимодействие. Еще в XVI в. в окрестностях Москвы существовали двуязычные деревни. Зависимость неславянских подданных выражалась в необременительной и порой нерегулярной выплате дани.

До тех пор, пока Улус Джучи (Золотая Орда) был единым и могущественным государством, его тюркское население существовало как бы параллельно русским данникам и независимо от них. Однако со второй половины XIV в., с началом в Орде распрей и междоусобных войн, отношение к Руси начало меняться. «Русский улус» стал восприниматься не только как источник дани, но и как ордынское владение, в котором можно осесть вдалеке от политических потрясений. Именно с конца XIV, на протяжении XV и XVI столетий происходило переселение высокородных выходцев из ханств и Орд в русские земли. Во многом эти перемещения выглядели как передвижения внутри территории, подвластной ханам. Летописи и дипломатические документы той эпохи полны сведений о таких «выездах».

По мере ослабления Золотой Орды и усиления Московской Руси некоторая часть татарской знати (в том числе высшая – потомки Чингисхана) предпочитала сменить сюзерена – хана на великого князя. Со своей стороны и русское правительство использовало тюркских мигрантов для своих политических комбинаций в борьбе за ордынское наследство: приток мно-

гочисленных татарских аристократов с дружинами позволял Кремлю подыскивать среди них удобных кандидатов на троны в Казани, Астрахани и – теоретически – Крыма. Со времен Василия II (1425–1462) московские власти прибегали к помощи татарских отрядов во внешних конфликтах и при охране границ.

В разное время царевичам и мирзам отводились для жительства и сбора податей Кашира, Серпухов, Звенигород, Юрьев-Польский и другие города. За выходцами из Ногайской Орды был закреплен Романов на Волге (совр. Тутаев в Ярославской области). Самое долговечное и прочное пожалование оказалось в т. н. Касимовском царстве. Это владение было передано в середине 1450-х гг. Василием II царевичу-султану Касиму – сыну Улуг-Мухаммеда, хана Золотой Орды и, по мнению многих историков, основателя Казанского ханства. Центром нового ханства стал Городец в Мещерской земле; с тех пор и по сей день город носит имя первого татарского правителя – Касимов (ныне в Рязанской области); татары называли его Керман (крепость, замок). Тамошние цари и царевичи были полностью подчинены Москве.

Династии в Касимове не сложилось, потому что русское правительство назначало туда ханов по своему усмотрению. Обычно до того они носили звание царевичей, если только раньше не ханствовали в каком-нибудь татарском «юрте» – тогда они до конца жизни оставались царями. Лишь с 1570-х гг. московские монархи сами стали жаловать касимовским правителям царский ранг. Особенно ценным для московской политики Касимовское владение было во второй половине XV – первой половине XVI в., когда служило базой для будущих казанских и астраханских ханов – русских ставленников. После завоевания Иваном IV Казани и Астрахани (1550-е гг.) вассальное царство утратило политическое значение и служило лишь поставщиком конной военной силы для государственной армии.

Между татарскими и русскими княжескими и боярскими родами беспрепятственно заключались брачные союзы, когда происхождение Рюриковичей, Гедиминовичей и Чингисидов признавалось равноценным. Не гнушались такими браками и в великокняжеских семьях: дочь Ивана III Евдокия вышла замуж за крещеного царевича Петра Ибрагимовича (выходца из Казани Худайкула), а Василий III женился на правнучке знаменитого Мамаея Елене Глинской. К XVIII в. насчитывалось уже более ста двадцати дворянских родов, возводивших свои корни к ордынцам. Некоторые из них приобретали на Руси высокое положение, благодаря происхождению от татарских ханов или ногайских беков (Глинские, Тенишевы, Урусовы, Юсуповы и др.); другие возвышались в результате ревностной придворной или военной службы (Апраксины, Нарышкины, Ртищевы, Языковы и др.).

Влияние татар-переселенцев на внутреннюю жизнь России и внешнюю политику правительства определялось как высокой, царской степенью их

предводителей, так и выгодными тактическими возможностями их кавалерии. Немногочисленные дружинные отряды при царевичах и мирзах не представляли собой какой-либо осязаемой военной опоры для проведения самостоятельной политики. В целом все эти татары (их называли служилыми – подобно русским удельным князьям) были послушными и, надо сказать, преданным орудием в руках московских великих князей и царей. Их подвижная, маневренная конница являлась в сущности постоянным конным войском, которое было легким на подъем и не требовало долгой мобилизации, в отличие от русского дворянского ополчения.

На протяжении XVI в. татарские формирования все активнее участвовали в военных мероприятиях московских властей. Царей и царевичей посылали против крымцев и казанцев, «свейских» (шведских) и «литовских людей», на «ливонских немцев». Во главе татарских и иногда русских полков ставились «безместные» (не сидящие на троне) цари или особо заслуженные царевичи.

Желательным условием для успешной карьеры в России выходцев из татарских ханств и Ногайской Орды было принятие христианства. Переход в православную веру и тесное сотрудничество с русской аристократией позволило тюркской служилой знати влиться в ряды высшей российской элиты.

Самой заметной в этом отношении фигурой был Симеон Бекбулатович (Саин-Пулад). Этот служилый царь доводился правнуком хану Большой Орды Ахмеду, при котором было свергнуто ордынское иго. Отец Симеона Бек-Пулад явился на Русь в 1550-х гг. В конце следующего десятилетия Саин-Пулад получил от московского государя в управление Касимов и царское звание. Находясь в этой должности, он несколько раз участвовал в походах и сражениях Ливонской войны. В 1573 г. Саин-Пулад перешел в православие, получив новое имя. Осенью 1575 г. Симеон Бекбулатович был вызван в Москву и временно наделен титулом великого князя всея Руси. За собой Иван IV оставил титулы князя Московского и царя Казанского и Астраханского.

У многих историков сложилось твердое убеждение, будто переселенцы из татарских ханств искали на Руси убежища и защиты, сытой и безопасной жизни. Однако на самом деле отношения между русской и ордынской сторонами были гораздо сложнее, чем простая смена подданства. Ведь великие князья московские до конца XV в. продолжали числиться ханскими вассалами-данниками, правителями «царева [ханского] улуса и княжой отчины». Установленная в XIII в. система ордынского ига формально сохранялась до рубежа XV–XVI вв. Любой Чингисид, отъехавший на Русь для поселения и прокормления, уже в силу своей принадлежности к царствующей династии Золотой Орды имел право требовать – и получал – соответствующую часть дани, а иногда и территорию, с которой собиралась эта часть в его пользу. Ордынская аристократия продолжала на Руси считаться правящей.

Из примера с Касимовским царством видно, что реальное положение и политический вес татарских аристократов очень отличались от их номинального ранга. Города, которые отходили под их управление, были не самыми богатыми и многолюдными. Русское дворянство и простолюдины не испытывали особого почтения к ордынским выходцам. Однако знатность Чингисидов и представителей ордынских бекских («княжеских») родов позволяла им претендовать на высочайшее место в российской иерархии, считаться «честью бояр выше». Так, бесправная марионетка, служилый царь Шах-Али удостаивался от Ивана IV обращений «брат наш», «царь-господин» и высших придворных почестей. В средневековых перечнях знати служилые ханы (цари) всегда назывались следом за московским царем и его детьми и впереди всей прочей русской аристократии.

В XVII в., когда укрепилась государственность России, когда утвердилось и увеличилось дворянское ополчение, дипломатические маневры с татарскими «юртами» утратили важность, и политическое значение служилых татар резко снизилось. После Смуты «безместных» царей и царевичей не стало, а касимовские правители находились на задворках большой политики. В конце столетия Касимовское ханство было ликвидировано царским указом. Татарская знать получила дворянское достоинство, а самые родовитые и заслуженные кланы стали княжескими. В XVIII в. уже никто не считал их татарскими.

§ 2. Этническая политика в Поволжье и на Южном Урале

2 октября 1552 г. столица Казанского ханства была взята штурмом войсками Ивана IV. Вскоре последовал царский приказ разрушить мечети, а уцелевшим татарам покинуть город. Пленного хана Ядгар-Мухаммеда привезли в Москву и обратили в православие. Его бывшими владениями отныне надлежало управлять воеводам. В декабре того же года народы разгромленного ханства выступили против новых властей, началось истребление отрядов и гарнизонов «неверных». К 1557 г. вооруженное сопротивление в Среднем Поволжье было подавлено. Но еще десятки лет тлело недовольство. В движениях, которые то и дело вспыхивали на территории бывшего ханства, самое активное участие принимали марийцы-черемисы. Не случайно три антироссийских восстания второй половины XVI в. получили название Черемисских войн.

После взятия Казани московское правительство решило продолжить экспансию и завоевать Астраханское ханство, чтобы завладеть всей Вол-

гой. Летом 1556 г. Иван IV отправил на юг армию, которая без боя вошла в Астрахань, покинутую ханом и почти всем населением.

Формально Астраханское и Казанское «царства» не прекратили своего существования. Просто их правителем теперь считался московский царь, а вместо татарских династий ими теперь стали управлять царские воеводы. Эти «царства» были заменены губерниями в ходе административных реформ Петра I в начале XVIII в.

Уже в самом начале владычества русских в бывшем Астраханском ханстве обнаружили противоречия в политике по отношению к местному тюркскому населению. В сентябре 1556 г. первые воеводы новоприсоединенного «царства» И. Черемисинов и М. Колупаев рапортовали, что «укрепились в городе», дабы «безстрашно сидеть, и по Волге казаков и стрелцов розставили, и отняли всю волю у Нагай и у астарханцов рыбные ловли и перевозки все»⁴.

После бегства татарского населения требовалось заселить бывшую столицу ханства и ее окрестности, чтобы русский гарнизон мог получать содержание и пропитание от местных жителей, не полагаясь во всем на поставки из «верховых» городов. Не прошло и года после учреждения русской администрации в Астрахани, как Черемисинов ногайские «улусы воевал и в полон поимал». Следующий воевода И. Выродков в 1560 г. тоже «в Сарайчук (столицу Ногайской Орды. – В.Т.) посылал людей воиюно... да поимали полон».

Тюркское население складывалось не только путем насильственного привода. И. Черемисинов в 1557 г. переманивал ногаев, по информации от ногайского правителя Исмаила: «А оманывает их: яз деи вас стану кормити»⁵ (в то время в Орде как раз разразился голод). Спасаясь от голода и разорения ногаи в конце 1550-х годов перебирались под защиту русской администрации. Возможность пользоваться заступничеством стрельцов, торговлей на богатом городском рынке, полями и рыбными ловлями привлекала массы обнищавших степняков. От селившихся возле Астрахани кочевников выделялись заложники-*аманаты*.

Жесткая линия царских наместников по отношению к соседям-тюркам объяснялась тем, что на протяжении второй половины XVI–XVII вв. астраханское воеводство пока являлось в сущности российским анклавом, как и прочие южные воеводства. Очутившись в далекой степи, в окружении чуждого кочевого мира, воеводы стремились сразу поставить себя как мощную силу, грозную для жителей соседних владений.

На восток от завоеванного Казанского ханства располагались земли, населенные башкирами. Занимались они в основном кочевым скотоводством и охотой. Издавна в этих местах одомашнили пчел и научились добы-

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Ч. 1. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. – С. 274 (далее – ПСРЛ).

⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.

вать мед. После распада Золотой Орды в XV в. страна башкир оказалась расчлененной между тремя государствами. Западная и северо-западная ее части угодили под власть Казани, некоторые племенные предводители бии получали от казанских ханов *тархан* – освобождение от налогов. Северо-восточная Башкирия (восточные склоны Уральских гор) входила в Сибирское ханство. Большая же часть Башкирии подчинялась Ногайской Орде.

Власть ногайских правителей здесь начала слабеть в 1550-х гг. Башкирские сказания связывают это с политической смутой, экономической катастрофой, голодом и мором, которые охватили тогда Ногайскую Орду. Множество ногаев откочевало в южные степи.

Завоевание Иваном IV Казанского ханства произвело огромное впечатление на соседние народы. Из покоренной волжской столицы царь направил в окрестные владения обращение с призывом, «чтобы шли к государю, не бояся ничего... а государь их пожалует, и они будут платить ясак (подать, дань. – *В.Т.*), как и прежним казанским царям»⁶. Племена западных башкир, бывшие казанские данники, вняли этому посланию и отрядили своих представителей к царскому воеводе в Казань. Приблизительно в 1554–1555 гг. они официально были приняты в число российских подданных. Эти новые россияне оставались под управлением своих традиционных биев, а подчинение царю в то время ограничивалось выплатой небольшого ясака.

Узнав о столь необременительных условиях пребывания в составе Московского царства, примеру земляков последовали и некоторые племена южной Башкирии. Режим их вступления «под высокую руку белого царя» оказался еще более выгодным. Царь закрепил за башкирами, по их прошению, брошенные ногаями кочевья, которые местное население уже заняло к тому времени. К 1558 г. большая часть Башкирии перешла под власть русского государя. В 1580-х годах так же поступили зауральские башкиры, которые освободились от владычества Сибирского ханства, разгромленного казаками и воеводами.

В 1586 г. в Башкирию прибыл первый воевода Михаил Нагой. Его резиденцией стала Уфа. Ногайский верховный правитель Урус требовал от московского правительства разрушить новый город, но не сумел этого добиться. Русская администрация не возражала, чтобы ногаи продолжали кочевать на Южном Урале, но выступала резко против их попыток по-прежнему собирать ясак с башкир. Здесь она действовала быстро и жестко: ногайских сборщиков дани хватали, вязали и бросали в тюрьмы. В конце концов ногаи перестали требовать с башкир ясак и стали организовывать грабительские набеги на свои утраченные владения.

В присоединенных землях устанавливалась власть русских наместников-воевод, вводилась административная система, присущая всему Мос-

---

⁶ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. – С. 221.

ковскому царству. В тех землях, что входили в состав государства добровольно, оставляли прежнее племенное устройство, но теперь уже под верховенством царя и воевод. Отношения между Москвой и новыми подданными оформлялись особыми договорами-*шертями*.

В Среднем Поволжье вся полнота власти – гражданской и военной – принадлежала казанскому и свияжскому воеводам. Поволжье выступило как бы испытательным полигоном для воеводской системы, которая в XVII в. была распространена на всю державу. Специально для контроля за новыми территориями на Волге, за поступлением оттуда налогов в столице образовали особое ведомство – приказ Казанского дворца.

Чтобы окончательно утвердиться на Волге, правительство применяло разнообразные меры. Развернулась христианизация края. Наряду с широким церковным строительством и организацией в Казани епархии (с 1589 г. – митрополии), церковные иерархи получали и административные полномочия. Но главная задача их состояла в крещении местного населения. Перешедшие в православие пользовались податными льготами. Это приводило к значительному росту прослойки «новокрещенов».

Аристократия волжских народов была оттеснена от власти. Большую часть татарских беков истребили или «вывели» в Центральную Россию. Лишь на самом низшем уровне, в волостях, правительство сохранило «лучших людей» – татарских мурз, чувашских, марийских и удмуртских сотенных князей. При этом власти стремились увеличить число служилых татар, которых за службу наделяли поместьями. Служилые освобождались от выплаты ясака и получали поместное жалованье. Остальное население составляло слой ясачных людей (ясак здесь сохранялся до введения подушной подати в 1724 г.).

У башкир, которые, в отличие от казанских татар, вошли в состав России добровольно, вся местная верхушка поначалу оставалась в неприкосновенности. От прежних времен уцелело деление Башкирии на пять провинций-*дорог* (от монг. *даруга* – наместник), а они, в свою очередь, состояли из волостей. Каждая волость соответствовала, как правило, одному племени. Через волостных биев («старшин») осуществлялась вся правительственная политика в крае. Но башкиры имели и значительную автономию. Например, для решения важных вопросов не всегда привлекали уфимского воеводу, а собирали волостной сход-*йыйын*; известны и общешибашкирские йыйыны.

Этот народ занимал особое положение в Российском государстве. Башкирская знать получала от царей грамоты с подтверждением прав на вотчинное (наследственное) владение своими исконными землями – в обмен на военную службу и уплату ясака. Подданство царю башкиры рассматривали как свой свободный выбор, как результат взаимного согласия с Москвой. Но во второй половине XVII в. стало окончательно ясно, что правительство и местные власти вовсе не рассматривают их как равноправных

политических партнеров и союзников. На башкирских пастбищах и охотничьих угодьях появлялись русские деревни, произвольно менялись нормы налогообложения... Эти нарушения, вместе со злоупотреблениями воевод, вызвали массовое возмущение башкир и череду их восстаний в 1660-х гг. Народные движения удалось подавить, но недовольство тлело и в следующем столетии вновь вылилось в мятежи.

В начале XVII столетия в нижнем Поволжье появляются калмыки. Они отделились от монголов-ойратов. После крушения Монгольской империи в конце XIV в. ойраты кочевали на западе современной Монголии. В первой половине XV в. они, теснимые восточными монголами и китайцами, отступили на запад, утратив обширные пастбища; их знать вступила в междоусобную борьбу. В то время они делились на пять племенных объединений: чоросы (они же джунгары), хошуты, торгоуты, дербеты и хойты. Возглавляли их князья-тайши. На территории современного Северо-Западного Китая чоросы образовали Джунгарское ханство. Аристократия прочих ойратских племен не получила власти в Джунгарии. Дербеты, торгоуты и хошуты снялись с места и начали медленно продвигаться к северу и к западу. Эту отколовшуюся часть ойратов стали называть калмыками.

На северной окраине Степного пояса калмыки подошли к русским владениям в Сибири. Иногда они решались на набеги, но чаще старались ужиться с воеводами мирно. Те тоже были заинтересованы в дружественных отношениях с новыми соседями, так как хозяйство в только что основанных русских поселениях было еще неразвито, и власти стремились наращивать торговлю с кочевниками, налаживать поставку из степи шерсти, войлока и продовольствия. Большую проблему представляли калмыцкие нападения на башкир и сибирских татар, которые, переходя в подданство к царю, надеялись, в том числе, и на защиту от кочевников. Из Москвы шли наказания местникам всемерно оборонять подвластные народы от калмыков, но самим не вторгаться во владения тайшей, стараться склонять их к мирному сотрудничеству.

Прикочевав к сибирским пределам, калмыки увидели, что земли с лучшими, самыми плодородными пастбищами уже заняты: на них распространилась власть России. Воевать с ней у тайшей решимости и сил не хватало. Выход они увидели в обращении в формальное российское подданство. Сначала шли долгие переговоры с воеводами сибирской крепости Тара, а в феврале 1608 г. послы нескольких тайшей явились в Москву к царю Василию Шуйскому. Тот позволил калмыкам кочевать в пределах Московского государства, по рекам Иртышу, Оми и прочим, «где похотят», при этом подчеркнув, что отныне они обязаны находиться под его властью «навек неотступны». За это ближние русские гарнизоны будут оборонять их кочевья от ногаев, казахов и монголов.

В 1610–1620-х гг. от общей массы ойратов отделились еще несколько племенных объединений и двинулись к Волге. Предводителям их при-

шлось иметь дело с русской администрацией Астрахани. Они были весьма воинственными, возглавляли многочисленную конницу. Воеводы прилагали немало усилий, чтобы обезопасить подведомственный край от пришельцев. Да и правительство пыталось убедить волжских тайшей переключать к Иртышу, где по договору должны были кочевать калмыки. Но вскоре эти уговоры прекратились, потому что калмыцкая кавалерия привлекла внимание московских стратегов. В то время шла тяжелая война с Польшей, и нужны были дополнительные войска. Оказалось, что кочевников можно использовать как для защиты южных рубежей государства, так и на европейском театре военных действий.

Начался длительный обмен послами и грамотами, в которых обе стороны выдвигали свои условия. Калмыки просили закрепить за ними уже фактически занятые земли в Нижнем Поволжье, а царь требовал от них давать в Астрахань аманатов, с чем тайши категорически не соглашались: «Как-де свет стал, и калмыки-де никому аманатов не даывали, да и впредь того не будет, о том-де говорить полно!»⁷ Наконец после взаимных уступок двумя шертными договорами 1654 и 1657 гг. было завершено вхождение калмыцкого народа в состав России. Сразу его представители направились на военную службу – сражаться под началом царских воевод. Надолго с тех пор участие в войнах стало одной из основных государственных обязанностей калмыков. Из казны тайшам шло за это жалованье. Положение калмыков в России было сходно со статусом башкир. Они платили небольшой ясачный налог и отправлялись на войну по приказу из столицы.

В течение XVII в. основная масса калмыков собралась на Нижней Волге и образовала там новое владение во главе с ханом, вассальное по отношению к царю и фактически в пределах Российского государства. В 1664 г. правительство официально признало существование Калмыцкого ханства. Царь удостоил его лидера Мончака булавой и знаменем – символами государственной власти. Это вассальное государство располагалось по обеим сторонам Волги от Астрахани до Самары и Царицына, охватывая донские и уральские степи. Оно делилось на улусы трех главных племен: Торгоутовский, Дербетовский и Хошоутовский. Улусы, возглавлявшиеся князьями-нойонами, делились в свою очередь, на округа-*аймаки* под руководством *зайсангов*.

Калмыкия находилась далеко от Центральной России, в засушливых степях, поэтому русского населения там почти не было. Воеводы ближайших городов практически не вмешивались в дела ханства, и антироссийских выступлений, в отличие от башкир, калмыки не предпринимали.

Положение стало меняться в первой половине следующего столетия. Власти вяли курс на постепенное ограничение автономии калмыков, рас-

---

⁷ Цит. по: *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – С. 98.

пространение в их среде христианства. Постепенное хозяйственное освоение Нижнего Поволжья приводило к изъятию из оборота обширных калмыцких пастбищ и рыболовецких угодий. Эти изменения воспринимались болезненно, у значительной части народа крепло убеждение в бесперспективности дальнейшего пребывания в пределах России. В 1771 г. большинство калмыков откочевало на восток, на когда-то оставленную родину в Центральной Азии (так называемый торгоутский побег). Значительная часть их погибла в пути от болезней и стычек с казаками. Остальные были расселены китайской (цинской) администрацией в провинции Синьцзян, на месте бывшей Джунгарии.

Те остатки населения Калмыцкого ханства, что остались на Волге, занимали, естественно, гораздо меньшую территорию на правобережье. Само ханство было ликвидировано, а его земли вошли в Астраханскую губернию. Теперь калмыки перешли под управление русских чиновников, хотя на низшем уровне сохранили самоуправление и традиционное деление на улусы, аймаки и хотоны. В течение XIX в. и эти рудименты самостоятельной жизни сошли на нет.

§ 3. Этническая политика в Сибири

К концу XVI в. на огромном пространстве между Уральскими горами и Тихим океаном проживало множество разноязычных племен и народов. В основном это были малочисленные этносы, к тому же селившиеся очень рассеянно. На площади 110 миллионов кв. км насчитывалось приблизительно 200–220 тыс. чел. Относительно плотным население было на юге, в зоне кочевых степей, более редким – севернее, в тайге, и совсем малочисленной была тундра на побережье Ледовитого океана. Сибирские аборигены различались не только по языкам и культуре, но и по уровню экономического и социального развития.

Знакомство русских с жителями зауральских просторов началось с XI – начала XII в., когда новгородцы искали места, богатые пушниной. В составе Новгородской земли появилась Югорская волость, а через Уральский хребет (Камень) пролег Печерский путь, по которому дружинники ходили собирать дань с самоедов. В течение XV в. к Уралу все ближе продвигались границы Московского государства. Постепенно в Приуралье появлялись русские городки, селились крестьяне. Изобиловавшая пушной Сибирь привлекала внимание политиков в Кремле. Между вогульской (мансийской) знатью и московским правительством начались переговоры о налаживании взаимоотношений. Русские воеводы совершили несколько походов в Северо-Западную Сибирь.

Проникновение туда России сопровождалось политическими комбинациями Москвы в отношении Сибирского ханства. В 1582 г. оно было разгромлено и завоевано казачьим отрядом Ермака, присоединено к Московскому государству. Вслед за казаками за Урал пришли царские воеводы с военными отрядами, и началась великая эпопея «освоения Сибири».

Сначала делами этого огромного края ведал Посольский приказ, затем приказ Казанского дворца, а в 1637 г. был учрежден Сибирский приказ – высшая правительственная инстанция для этого региона. Постепенно, но довольно быстро на зауральское пространство стала распространяться общероссийская система административно-территориального деления. К концу XVII в. в Сибири образовалось четыре разрядных воеводства с двадцатью уездами. Разряды и уезды управлялись воеводами, назначавшимися из столицы. Они получали особые инструкции (наказы). К основным обязанностям воевод относилось в том числе поддержание мирных отношений с аборигенным населением на подведомственных землях, обеспечение полной и своевременной выплаты им ясака, пресечение злоупотреблений со стороны низовой администрации, объясачивание новых племен и территорий.

В самом начале проникновения в Сибирь государственная администрация игнорировала традиционное деление местных народов, за исключением нескольких княжеств бассейна Оби. Когда вновь построенные города, остроги и зимовья становились центрами уездов, то в одном уезде могло оказаться несколько родов, а один род мог быть расчленен между несколькими уездами. Но столкнувшись с проблемой рациональной организации ясачных выплат, правительство решило оставлять в неприкосновенности старые родоплеменные единицы. Они стали теперь ясачными волостями, т. е. административными округами; их границы совпадали с расселением родов и племен. По мере приведения к шерти все новых народов Сибирь покрывалась сетью таких волостей. Там, где население оказывалось слишком редким и не имело более-менее постоянной оседлости, его не объединяли в волости, а приписывали к ближайшему русскому населенному пункту.

Достаточно прочные и лояльные к правительству группы коренного населения считали за лучшее сохранить в неизменном виде. В Западной Сибири хантыйские владения и княжеские династии существовали долгое время после вхождения в состав России: у кодских хантов до 1640-х годов, у обдорских – до второй половины XIX в. Приалтайские тюрки-кочевники Томского и Кузнецкого уездов по-прежнему делились на улусы, а туринские манси – на традиционные сотни во главе с наследственными сотниками.

Населяя родовые земли в тайге и тундре, занимаясь охотой и разведением оленей, ведя полностью независимое существование, народы более северных и восточных районов Сибири долго и тяжело встраивались в

систему российской государственности. Сама организация их социальной жизни не предусматривала какого-либо подчинения верховному правителю. Невозможно было понять, почему род должен платить ясак далекому и неведомому «белому царю», посылать русским начальникам заложников... Здесь мы видим радикальное отличие от всех рассмотренных выше регионов. Народы Поволжья (а также Южной Сибири и Центральной Азии) ко времени вхождения в состав России уже имели исторический опыт государственности – своей или чужой. Следовательно, для них принцип подчинения вышестоящей вне- и надродовой административной структуре был не нов. Такого опыта не имела значительная часть населения Северо-Западной и все население Восточной Сибири (вплоть до Тихого океана), которое в XVI–XVII вв. находилось на догосударственной стадии социального развития.

В историографии уже неоднократно высказывалась принципиальная мысль о непонимании (или, если выразиться осторожнее, абсолютно различном понимании) местными жителями самого явления государственной власти. Представители «белого царя» были вынуждены не только налаживать отношения с независимыми племенами, но и склонять их к выполнению функций российских подданных-налогоплательщиков. Удавалось это не везде и не сразу. Лучшим выходом было убедить в пользе или выгоде сотрудничества с русскими, когда за ясак аборигены получали защиту и помощь против враждебных соседей. При этом партнеры русских по переговорам в любой момент могли передумать, насторожиться, озлобиться из-за чрезмерных запросов ясачных сборщиков и т. п. Тогда все договоренности рушились, и все приходилось начинать сначала. Чиновники склонны были объяснять столь необязательное отношение к соглашениям «азиатским непостоянством», «лукавством», «древней легкомысленностью». В действительности же дело заключалось в разных, порой противоположных взглядах на предмет и смысл договоров.

Например, институт шерти, столь активно применявшийся и успешно зарекомендовавший себя в южных степях, давал сбой в северной тайге и тундре. Не помогали ни придуманные русскими функционерами вычурные обряды принесения присяги с использованием языческой символики, ни попытки опираться на авторитет обычаев и традиционной знати. Изучив межэтнические отношения в Северо-Западной Сибири того периода, Н.А. Миненко пришла к важному заключению касательно самоедов (ненцев), но ее вывод можно распространить и на многих других коренных сибиряков. По нормам тамошнего обычного права присяга расценивалась как унижающий человеческое достоинство поступок и применялась в качестве наказания преступников. Столь же обычными были нарушения клятв, а наказания за это обычаями не предусматривалось: считалось, что сам факт приведения к присяге (неважно, искренней или ложной) служит своего рода публичной казнью. «Русские власти, – отмечает Н.А. Минен-

ко, – исходя из иных представлений о сущности присяги, заставляли «шертовать» (давать присягу) сибирские народы, не зная, что тем самым подвергают их беспричинному наказанию»⁸.

То же и с ясаком. Как правило, сначала удавалось убедить туземцев сдавать пушнину в обмен на подарки (обычно ремесленные изделия), причем не оговаривая числа и качества шкурок. Это был так называемый *вольный*, или *неокладной ясак*, который в сущности сводился к меновой торговле – добровольной и посильной со стороны аборигенов. Если же воеводы и прочие начальники пытались установить норму (оклад) платежа, то это грозило возмущением и угрозой для жизни сборщиков *окладного ясака*.

Заложничество также не оправдывало своей задуманной функции гарантировать лояльность к властям и аккуратность ясачных выплат («те землицы новые и дикие, без аманатов их топерво взять негде»⁹). Особенности социального развития многих восточно-сибирских народов не позволяли рассчитывать на преданность соплеменников своим аманатам, заинтересованность в сохранении их жизней. Представители одной мелкой родовой общины, взятые воеводой «в заклад», не имели никакой ценности в глазах других общин. Ясачные сборщики докладывали о тунгусах (эвенках), что платежи исправно поступают лишь в том случае, если «аманат добр», т. е. имеет высокий статус в общине; «а если аманат худ, и за того аманата и его не вся родня платит»¹⁰. То же было присуще юкагирам. Якуты, чукчи и коряки, случалось, бросали своих заложников на произвол судьбы. Кроме того, постоянно возникали сложности с содержанием аманатов, которых нужно было кормить (а те могли и взбунтоваться от голода).

Злоупотребления при ясачном сборе, притеснения со стороны властей, захваты угодий вызывали протест в среде народов Восточной Сибири не против государства в целом, а против несовершенных порядков в нем и против начальства, олицетворявшего эти порядки. Французский посол Л. Сегюр, рассказывая об Уложенной комиссии Екатерины II, привел выступление «выборных от самоедов»: «Мы люди простые, – сказали они, – мы проводим жизнь, пася оленей; мы не нуждаемся в Уложении. Установите только законы для наших русских соседей и наших начальников, чтобы они не могли нас притеснять; тогда мы будем довольны, и больше нам ничего не нужно»¹¹.

---

⁸ Митенко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 214, 215.

⁹ Цит. грамота 1635 г. по: Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 227.

¹⁰ Цит. по: История Якутской АССР. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – С. 100.

¹¹ Цит. по: Акишин М.О. Новые документы об отношении аборигенов Севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII вв. // Уральский исторический вестник. – 1994. – № 1. – С. 123.

Что касается коренного населения Западной Сибири, то здесь картина сложнее. Опыт собственной государственности позволял татарам и обским уграм более адекватно воспринимать свой статус подданных. Зачисление многочисленных представителей этих народов в сословие служилых еще более политизировало их сознание. Судя по отрывочным сведениям, у них складывалось довольно неоднозначное представление о своем положении в составе царства/империи. С одной стороны, они уже идентифицировали себя как россиян, обязанных подчиняться царю. Уже в 1600 г. в ответ на обвинения в грабежах башкир тюменские служилые татары отвечали так, как и надлежало, чтобы отвести подозрения: «А нам... как сделать, что башкирцов воевать: все... мы люди государевы»¹². С другой стороны, в этих местах пристально следили за политическим состоянием государства и оценивали свои перспективы в соответствии с изменениями в этом состоянии. Мятежные антироссийские настроения проявились в Зауралье во время Смуты начала XVII в. И именно здесь, на территории бывшего Сибирского юрта, на протяжении десятилетий тлела идея альтернативного подданства Кучумовичам.

Территория обитания коренных народов признавалась государственной (или царской) собственностью. Все мероприятия российской государственной власти по отношению к народам Сибири сводились к обеспечению бесперебойного и максимального поступления ясака. Это было основной обязанностью как для воевод, так и служилых людей, которые регулярно собирали меха по «землицам», волостям, улусам и юртам.

В своих отношениях с «ясачными» центральные и местные власти стремились опираться на местную патриархальную знать. Она не только сохраняла административные права по отношению к сородичам, но и отвечала за сбор и доставку пушнины. Родовые и племенные предводители были объявлены *князцами, лучшими людьми* и наделены различными привилегиями – как в качестве приманки, так и для иллюстрации их высокого ранга. Для упрощения ясачных расчетов воеводы и приказчики предпочитали иметь дело только с верхушкой аборигенов. Она была освобождена от ясака, а участие в его сборе резко усилило экономическую мощь и общественную роль родовых старейшин. Судебные прерогативы (решение споров с исками до двух рублей), формальное невмешательство государственных органов во внутреннюю жизнь волостей и опора воеводской администрации на местную знать позволили превратить ее в прочное звено управления народами Сибири.

В XVIII в. от политики невмешательства во внутреннюю жизнь сибирских аборигенов правительство начало переходить к юридическому определению их правового положения, к дальнейшей разработке их прав и обязанностей, к узакониванию власти и должностей местной знати. Пер-

---

¹² Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 187.

вым заметным государственным актом, касающимся народов Сибири, была «Инструкция», направленная в 1728 г. российским посланником в Пекине С. Владиславичем-Рагузинским пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву. Этот документ создавался для урегулирования отношений лишь с пограничными племенами, но на него долгое время опиралась государственная администрация всей Сибири как на законное основание для решения проблем управления. «Инструкция» вверяла местным родоначальникам и племенной знати обязанность сбора ясака и подтверждала их полномочия по управлению своими сородичами, судами по маловажным делам (драки, кражи и т. п.); уголовные дела передавались в ведение уездных земских комиссаров. Ясачные плательщики теперь «прикреплялись» к определенным родам, и переходы из одного рода в другой запрещались. Относительно классического родового строя данная норма представляется в общем-то бессмысленной, ведь человек обычно был связан со своим родом всем образом жизни, и уход в другой род мог быть следствием только каких-то исключительных обстоятельств. Но имперские власти не особенно вникали в структуру родового деления туземцев. При этом родами нередко объявлялись не реальные кровнородственные кланы, а группы расположенных по соседству стойбищ и кочевий. Вот эти-то так называемые административные роды и получили законодательное закрепление в «Инструкции» Владиславича-Рагузинского.

Межэтнические, межкультурные контакты в Сибири были довольно ограниченными и не повсеместными. Среди исследователей не сложилось единого мнения относительно развития этих процессов к востоку от Урала. Одни авторы считают, что в целом они не были характерны для Сибири, другие, напротив, видят предпосылки к широкой ассимиляции в XVIII в., когда с почти повсеместным окончанием активных военных действий «русское население выходит из-за стен острогов и широко расселяется рядом с коренными жителями». В целом основания для такого подхода имеются. С.П. Крашенинников побывал на Камчатке в 1737–1741 гг., т. е. всего через несколько десятилетий после присоединения полуострова к России, и характеризовал ительменов следующим образом: «... ныне во всем последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все... стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию»¹³.

Контакты русского населения с местным в целом проходили довольно мирно, исключая разве что самый начальный период объясачивания (приведения в российское подданство) и редкие выступления против засилья уездного мздоимствующего чиновничества. Близкое соседство и череспо-

---

¹³Цит. по: История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. – Л.: Наука, 1968. – С. 292.

лосное расположение русских и аборигенных селений складывалось прежде всего вдоль крупных дорог и по берегам рек. Отношение первых ко вторым как победителей к «покоренным», как правило, не было характерно. Взаимные интерес и нужда во взаимной помощи позволяли устанавливать доброжелательные связи. В церковном послании 1622 г. отмечалось, что многие представители сибирской православной паствы «в постные дни едят мясо и всякие скверны з бусорманы, с татары и с остяки, и с вогуличи вместе; и которые люди ходят к колмакам и в иние земли для государевых дел, и те пьют и едят и всякие скаредные дела делают с поганскими за один...»¹⁴

Иногда присутствие русских имело особую ценность в глазах коренных сибиряков. Например, во второй половине XVIII в. «татары» Енисейского края обеспечивали исправность ясачных выплат в том числе за счет работы по найму или продажи своего скота в соседних русских деревнях. Поэтому все чаще родовые князцы просили приказчиков и воевод разрешить русским селиться рядом с их улусами. Как правило, такое разрешение давалось – при условии, что поселенцы не станут заниматься пушным промыслом и чинить обиды ясачным. Лишившиеся скота якуты находили приют в русских деревнях, работая в хозяйствах у крестьян. Порой представители родовой верхушки снабжали русских новоселов скотом для того, чтоб те смогли обустроиться на новом месте.

Но никакой идиллии в межэтнических отношениях не было. Не следует представлять отношения пришельцев с аборигенами как постоянное дружелюбное сотрудничество. Если обратиться не к официальным русским документам XVII в. (донесениям воевод и казацких начальников), а к исторической памяти сибирских народов, отраженной в фольклоре, то картина получится менее благостной.

Многие русские, особенно служилые, чиновники и купцы, относились к аборигенам как к людям низшего порядка. Их не гнушались обманывать, обсчитывать, грабить... Не имея над собой полноценного государственного контроля, местные власти нередко нарушали законы против дискриминации ясачных. Массовый характер приобрела практика «второго ясака» – сбора шкурок в пользу сибирской администрации и, разумеется, самих сборщиков. Случалось и обращение ясачного населения в холопы. Росту злоупотреблений способствовало также то обстоятельство, что аборигены часто привлекали приказчиков и иногда воевод к разрешению конфликтов в своей среде, не довольствуясь нормами своих обычаев. Дополнительную напряженность вносили споры из-за земельных участков и промысловых угодий. В некоторых местностях добавлялись специфические проблемы – например, *бугрование*, т. е. целый промысел по расхищению древних погребений, что воспринималось племенами как кощунственное деяние.

---

¹⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. – С. 323.

Конфликты были настолько частыми и многообразными, что в литературе даже предпринимаются попытки классифицировать и систематизировать их.

В историографии неоднократно отмечалось толерантное отношение русских к коренным народам Сибири. Пренебрежение, высокомерие не были присущи основной массе славянского населения края. Мирное соседство обеспечивали многоукладность хозяйства пришельцев, охранительная политика правительства по отношению к ясачным, отсутствие социального барьера между последними и крестьянским большинством переселенцев. Межэтнические контакты легче устанавливались в отдаленных местностях, где русские не могли рассчитывать на помощь администрации и больше зависели от сотрудничества с аборигенами. Особняком стоят случаи бегства русских в недоступную для властей глухомань, в среду обитания «иноверческих» племен.

§ 4. Миграции русских в Поволжье и Приуралье

На протяжении XVI–XIX вв. русские широко расселились по евразийскому пространству. Академик М.К. Любавский даже расценивал эту «территориальную экспансию» (по его выражению) как смысл и содержание всей русской истории¹⁵. Первоначально пути миграций тянулись в восточном направлении: Поволжье, Приуралье, затем Урал и Сибирь. Западное направление пока было закрыто из-за тяжелых конфликтов с порубежными соседями (в ходе Ливонской войны и Смуты). Позже переселенческие потоки устремились на юг (Кавказ, Малороссия, Новороссия), юго-восток (Казахстан, Центральная Азия) и запад (Прибалтика).

Объективно возникла необходимость контактов с местными народами. При этом сами русские не составляли однородную этническую структуру с единой, общей для всех них идентичностью. Существовали специфические общности «внутри» русского этноса на российском Севере (поморы) и Юге (казаки), а впоследствии также в определенном смысле в Сибири. Однако различия между ними являлись не более чем локальными вариантами единого цивилизационного, социально-культурного комплекса. Поэтому русская культура при всем своем региональном своеобразии приходила к нерусским народам приблизительно в одинаковых формах. Унификации ее при внедрении в среду «инородцев» способствовали, во-первых, значительная роль государства при заселении окраин; во-вторых,

---

¹⁵ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 73.

единство доминирующей православной церкви и христианского культа «греческого закона», в котором начиная со второй половины XVII в. уже не допускались местные вариации; в-третьих, господство единого литературного русского языка, применявшегося в официальных документах и прочих произведениях письменной культуры. На осваиваемые земли были перенесены начала корпоративности (включая крестьянские «миры», посадские и казацкие общины, купеческие сотни, государственную бюрократию).

Активные миграции русских в Поволжье и Приуралье начались во второй половине XVI в. В этом обширном регионе сформировалось несколько больших групп русского населения. Во-первых, жители Среднего Поволжья, происходившие из самых разных местностей России; во-вторых, волжское и уральское (яицкое) казачество; в-третьих, к XVIII в. сложилось горнозаводское население Среднего и Южного Урала.

В заселении русскими этих регионов проявились черты, характерные впоследствии при заселении более восточных краев. Наблюдалось сочетание организованных (санкционированных властями) и стихийных миграционных процессов. Стремление перебраться на Волгу и за Волгу диктовалось поиском свободных земель, социальным расслоением, усилением крепостничества в центральных районах государства, правительственными репрессиями против участников массовых движений (Разинщина, раскол), стихийными бедствиями на западе – голодом, засухами и т. п. В Среднее Поволжье миграционный поток русских направлялся наиболее интенсивно во второй половине XVI и в XVII в.; в Приуралье и Южный Урал – начиная со второй четверти XVIII в. Заселение благодатных южноуральских просторов долгое время сдерживалось сопротивлением башкир, поэтому основная часть новоселов предпочитала двигаться севернее – на Средний Урал. Однако со временем обстановка стабилизировалась, и степи Южного Урала стали быстро заселяться выходцами из Европейской России и более северных районов, привлеченными обилием плодородных земель.

В Среднем Поволжье власти стремились, с одной стороны, создать лояльную прослойку из коренных жителей, сформировав сословие служилых татар; с другой – образовать мощный слой русского населения и массив дворянского землевладения, чтобы прочно закрепиться в новоприсоединенном крае. Для этого проводилось испомещение и широкая раздача угодий церкви. В крепостные гарнизоны переводились из других городов служилые по прибору, а в сельскую местность – крестьяне, владельцам которых – вотчинникам, помещикам и монастырям – отводилась земля. Очень активно в заселении края проявили себя служилые дворяне, которые стремились завладеть обширными, а к середине XVII в. и хорошо защищенными пространствами центральной части Среднего Поволжья.

Нижнее Поволжье поначалу служило в основном военным форпостом государства с соответствующим составом русского населения. На протяжении первого столетия после завоевания татарских ханств это была почти безлюдная страна. В середине XVII в. А. Олеарий отмечал, что ниже Тетюшей (120 верст южнее Казани) вплоть до Астрахани «не видно ни одной деревни»¹⁶. Стремление закрепить за собой Волжский путь ставило перед правительством задачу сформировать здесь систему городов-крепостей. С середины XVII в. внедряется обычная для южного российского пограничья практика строительства сплошных укрепленных линий для защиты земледельческих поселений. Лишь тогда в регионе стало расти русское население, активно осваивающее местные ресурсы. Однако полноценное земледельческое и промысловое освоение развернулось только после «торгоутского побега» – исхода калмыков на восток в 1771 г.

В Казанском царстве второй половины XVI – XVII в. русские составили сплошной этнический массив вокруг Свияжска, позднее также около Тетюшей и по узкой береговой полосе вдоль Волги. На остальной территории они проживали чересполосно с местными народами. Не удалялись от Волги русские и в Астраханском крае. Они обживали ее берега, острова, протоки и рукава, а окрестные степи, неудобные для земледелия, оставались за кочевниками.

В Приуралье их привлекали местности, пригодные для сельскохозяйственной обработки. Поэтому первые русские селения появились здесь в виде изолированных очагов земледельческой оседлости в Чердынском уезде, на р. Чусовой (особенно в среднем и нижнем течении). Впоследствии зона расселения расширилась, включив Сылвенско-Иренское поречье с благоприятными почвами. Вообще при освоении Уральского региона пришлое славянское население, привлеченное почвами и лугами речных долин, тяготело к озерам и крупным рекам. К тому же в этих, тогда еще «диких» местах пока не существовало сухопутных путей сообщения.

Крестьяне старались обосновываться на свободных участках, не используемых местным населением. Марийское предание об основании деревни Лапсола содержит следующее утверждение: «Марийцы были умными: они жили только в тех местах, где были реки. А русские заселялись где попало». Это высказывание, пренебрежительное по отношению к русским, им же и приписывается сказителем¹⁷. В действительности основание поселений никогда не отличалось бессмысленностью и непрактичностью. Если самые удобные районы были уже заняты марийскими поселками, то мигрантам с запада приходилось обосновываться на незанятых территориях.

Размещение селений происходило, очевидно, с таким расчетом, чтобы не вызывать претензий со стороны иноэтничных соседей. Путешествен-

¹⁶ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. – Смоленск: Русич, 2003. – С. 327.

¹⁷ Марийский фольклор. Мифы, легенды, предания. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1991. – С. 184.

ник XVIII в. И.П. Фальк, описывая Поволжье и Прикамье, отмечал: «Деревни разных народов стояли рассеянно, вероятно, так, как они мало-помалу появились... Согласие этих различных жителей достойно удивления. Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие-либо дела, и каждый класс (здесь: народ. – *В.Т.*) имеет чаще вражду между собою, чем с другими»¹⁸. Чем дальше на восток, тем все большие просторы открывали для себя переселенцы при выборе места жительства и хозяйствования. Правительство указывало на это обстоятельство, призывая не ссориться из-за земли: «... порожних земель и всяких угодий много, мочно и не на спорных местах слободы и пашенных крестьян строить, только бы было радение»¹⁹.

Впрочем, случалось, что привлеченные богатством угодий русские селились в непосредственном соседстве с коренными жителями, а иногда и в их деревнях – или вперемешку, или отдельно (существовали, например, мордовские и мансийские деревни с русскими «концами»). Ярким проявлением переплетения исторических, культурных, хозяйственных традиций служило размещение новоселов на старых заброшенных городищах, т. е. в местах, уже облюбованных дорусским населением. Многие русские города поставлены на месте древних укрепленных центров или рядом с ними, иногда с сохранением их названий (Кергедан, Чердынь и др.). Именно так на развалинах татарской крепостцы появилась Царева слобода – будущий город Курган: пришельцев с запада привлекла хорошая пахотная земля в окрестностях. Очевидно, это явление было традиционным для славянской колонизации, поскольку на Восточно-Европейской равнине точно так же соседствовали или «наслаивались» славянские и финские населенные пункты.

Новоселы оценивали удобное расположение городищ, использование на первых порах их оборонительных укреплений, удобство торговли и сбора податей. Неславянские корни многих населенных пунктов угадываются по их названиям. Еще в XIX в. историки отметили, что в Свяжском и Казанском крае нерусскими названиями обладают все крупные реки и почти все села, а русскими – небольшие речки, горы, озера и овраги. Из этого они делали резонный вывод, что русские здесь селились на местах, «уже населенных и наименованных» до их миграции, или же располагались на реках и озерах, по которым именовали свои селения. Вот отчего в Мордовии, например, около 60 названий русских селений – финского происхождения, в Чердынском уезде таковых было около половины. Если же поселение возникало на новом, пустом месте, то получало русское название.

Приход русских на земли неславянских народов вызвал многочисленные межэтнические контакты (в том числе конфликтные) и межкультур-

---

¹⁸ Цит. по: Очерки истории Удмуртской АССР. Т. I. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – С. 83.

¹⁹ Цит. по: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. II. – С. 576.

ное взаимодействие. Степень интенсивности контактов диктовалась в том числе характером хозяйственной деятельности коренного населения и пришельцев. С оседлыми земледельцами Среднего Поволжья налаживалась более тесная связь, чем со степными кочевниками Южного Урала и Нижней Волги или таежными охотниками на севере. В конце XVI в. казанский митрополит Гермоген доносил царю, что многие русские «живут у татар и у черемисы и у чуваш и пьют с ними и едят с одного и женятся у них, да многие же русские люди христианская веры отпали и превратились у татар в татарскую веру...»²⁰ А через полтора столетия, во время очередного башкирского восстания, местная администрация при подготовке карательной экспедиции запрещала русским крестьянам ездить в башкирские селения и башкирам – в русские, опасаясь, чтобы крестьяне «по прежнему дружелюбию» не сообщили башкирам о намеченном походе²¹.

Взаимоотношения между русскими и местными народами порой складывались непросто. С одной стороны, периодически возникали споры из-за пашенных земель и промысловых угодий, но с другой – обычно на пограничье – обстановка требовала совместных действий для обороны от вражеских нападений. В первой половине XVII в. татары Среднего Урала неоднократно предлагали строить вместе с русскими остроги, чтобы вместе укрываться в них во время калмыцких набегов.

Довольно активно и в целом мирно складывалось взаимодействие с коми. В результате межэтнических браков в этих краях менялся сам внешний облик русских людей. Они «опермичивались», усваивая культуру и язык пермяков. Этому способствовало сходство как хозяйственных занятий, так и социального положения русских и коми крестьян.

В местах давних контактов русских и манси появлялись совместные поселения – например на р. Вишере. Правда, дальше на северо-восток они уже не встречались, поскольку действовал официальный запрет для русских обосновываться в землях манси. Ведь те владели большими наделами, освобождались от рекрутчины и земских повинностей, что оказывалось большим соблазном для их славянских соседей.

В целом русские в Поволжье и Приуралье успешно адаптировались к природно-климатическим условиям и инокультурному этническому окружению. Во многом этому способствовало сходство условий жизни и хозяйствования на новых местах с районами исхода – прежде всего с Русским Севером. Там уже были отработаны вековые механизмы приспособления к необходимости существовать в соседстве и взаимодействии с неславянскими народами, перенимать у них полезный опыт и делиться своим.

---

²⁰ История Татари в материалах и документах. – М.: Гос. соц. – эконом. изд-во, 1937. – С. 149.

²¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1956. – С. 206.

§ 5. Миграции русских в Сибирь

Продвижение русских за Урал началось с таежной полосы Сибири. Причинами этого, послужили, во-первых, географическая близость и сходство природных условий с давно освоенным севером Восточно-Европейской равнины, во-вторых, задача получения пушнины в виде охотничьей добычи и ясака. Поэтому именно в тайге и лесотундре Западной Сибири появились первые российские административные и торгово-промысловые центры. Средством сообщения в этом краю медленно текущих вод и безграничных болот служили лодки, и пути передвижения и сообщения повсюду были привязаны к рекам. Поселения основывались в местах пересечения водных маршрутов, обычно в устьях притоков крупных рек.

За Енисеем и вплоть до Тихого океана распростерлась страна горной тайги и лесотундры, пересеченная труднопроходимыми хребтами. Реки тоже служили главными магистралями, но здесь они быстрые и порожистые. Между речными системами вместо волоков русские использовали перевалы, на которых и ставили населенные укрепления. На суровом океанском побережье немногочисленные опорные пункты возникали в губах (речных устьях) или в защищенных бухтах.

Там, где земледелие было невозможно, местные городки (Березов, Сургут, Нарым) жили рыбным и пушным промыслом. Но в других местах требовалось заводить пашню и огороды, осваивать сенокосы. Поэтому из первоначально занимаемой лесной зоны началось постепенное «сползание» населения к югу, на более плодородные земли по рекам Тоболу, Исети, Миассу, Вагаю и Ишиму.

Жестокие конфликты с татарскими царевичами, набеги ногаев, башкир и калмыков приостановили этот дрейф в степь. Русло освоения направилось на восток, где местные племена были более слабыми и разрозненными. Правда, в середине XVII в. в верховьях Енисея опять встретился сильный противник – монгольские Алтын-ханы. Поэтому до начала следующего столетия воеводы в основном направляли подчиненных казаков и служилых для «объясачивания» очередных «иноземцев» на восток и на север. Восточная Сибирь понемногу включалась в хозяйственный оборот. В 1620-х гг. на среднем Енисее образовался хлебопроизводящий район, в середине века такой же район появился в верховьях Лены и на Илеме (притоке Верхней Тунгуски).

С падением могущества Алтын-ханов в XVIII в. и основанием Минусинска (1707 г.) возобновляется продвижение в Южную Сибирь, опирающееся на ресурсы и администрацию Красноярска, Томска, Кузнецка. Это направление теперь становится главным. Большой частью сюда шел народ из Западной Сибири, в которой исход восполнялся притоком мигрантов из

Европейской России. Заселению края способствовало также строительство оборонительных линий и урегулирование отношений с Цинской империей, открытие очагов горнорудной промышленности (Нерчинск), прокладка трактов, в том числе крупнейшего – Сибирского, от Тюмени до Кяхты. Именно вдоль этих трактов, а не по рекам (как на севере), заселялись теперь Ишимская и Барабинская степи, Прибайкалье и Забайкалье.

Что касается Дальнего Востока, то слухи о его богатых землях после похода Ерофея Хабарова вызвали стремление русских переселенцев обосноваться на Амуре. Но начался тяжелый пограничный конфликт с Китаем, и по Нерчинскому договору 1689 г. приблизительно двум тысячам казаков и крестьян пришлось оставить эти места; русский городок Албазин был снесен.

Самыми первыми жителями сибирских крепостей были те, кто составлял их гарнизоны – казаки и служилые люди. В основном их направляли из северорусских городов, а также из Поволжья. Кроме того, из самых разных местностей Европейской России служилых ссылали в здешние гарнизоны «за вины и прослуги», «в опалу» и даже «вместо смертные казни». Срочная «годовая служба» завершалась «переменой» (замещением новыми людьми) и возвращением отслуживших домой. Воеводы, заинтересованные в увеличении численности гарнизонов, чтобы контролировать огромную территорию, пускались на всяческие ухищрения – вплоть до задержки тех, кому прибывала замена. Но главным резервом пополнения в данном случае было верстание в казаки промышленных и «вольных гулящих людей».

В Сибири русские обосновывались в новых городах и острогах – небольших деревянных крепостях. Как правило, их ставили на высоких, обрывистых, удобных для обороны местах, в гуще ясачного аборигенного населения. До конца XVII в. в Сибири возникло полторы сотни таких населенных пунктов. Двадцать наиболее крупных из них стали местными административными центрами: Тюмень, Тобольск, Пелым, Березов, Сургут, Тара, Надым, Верхотурье, Туринск, Мангазея, Томск, Кетск, Кузнецк, Енисейск, Красноярск, Илимск, Якутск, Нерчинск, Иркутск, Албазин. В городах сосредотачивались все важнейшие государственные функции – военные, административные, фискальные, транспортные, торговые, церковные...

Главным богатством Сибири в XVI–XVII вв. оставалась «мягкая рухлядь» – пушнина. Кроме охоты на пушного зверя, русские сибиряки занялись промыслом и другой дичи, а также ловлей рыбы, которой кишели здешние реки. Добыча рыбы была тем более важна при постоянном «бесхлебье», ведь сельскохозяйственные угодья расширялись очень медленно и тяжело, хлеба было мало (он завозился «из Руси»), и рыба во многом его заменяла, становилась основной пищей. Несмотря на обилие дичи и рыбы, документы о жизни первых переселенцев часто рассказывают о голоде

в городках и острогах, ведь требовалось время, чтобы приобрести навыки для охоты и рыболовства на новых землях.

Без помощи коренных жителей пришельцы не смогли бы справиться с этими трудностями. Подобно всем регионам за пределами центральной части Восточно-Европейской равнины, русские в Сибири столкнулись с различными народами и племенами. Между пришельцами и аборигенами установился постоянный контакт. Переселенцы принесли с запада устойчивую традиционную культуру, которая в новых условиях менялась, приспособлялась, обретала новые признаки. Лишь старообрядцы стремились сохранить свои жизненные устои в неприкосновенности и поэтому избегали общения с «иноверцами» и – по возможности – с «никонианами».

Уже почти с самого начала власти привлекали в Сибирь черносошных (лично свободных) крестьян из Поморья. Сперва их пытались переселять упорядоченно, административными методами, и даже организовывать слободы по сословному принципу (чтобы не смешивать с казаками и служилыми). Но вскоре обнаружилась дороговизна и бесперспективность такого подхода, и к 1620-х гг. правительство отказалось от него. Развернулась стихийная колонизация, которая окончательно обесмыслила государственное регулирование. Административные органы участвовали в ней посредством предоставления переселенцам различных льгот. По северным и приуральским городам разъезжали глашатаи-бирючи и зазывали «охочих людей» отправляться на восток, оседать там и заводить земледелие. К концу XVII в. в Западной Сибири преобладали уже не служилые, а крестьяне и ремесленники.

Стихийная колонизация проявлялась и в наплыве беглых крестьян. В чужой «дикой» стране одиночки старались наняться на работу к какому-нибудь старожилу. Группы беглых основывали собственные поселения где-нибудь вне пределов правительственного надзора. В Южной Сибири целый Бухтарминский край (Камень) оказался застроен тремя десятками таких поселков. Когда в конце XVIII в. о них все же узнала алтайская администрация, «каменщики» попытались перейти в китайское подданство – правда, безуспешно. Еще в начале XX в. в глухих местностях Приамурья сохранялись подобные анклав вольной жизни.

По мере укоренения за Уралом государство все более активно начинает использовать далекие земли для ссылки туда преступников, а потом и для каторги. Последняя обрела законченный системный вид только в XVIII в. Ранее организации принудительных работ препятствовала слабая освоенность края и особая, охранительная земельная политика в отношении ясачных.

Земельные участки под строительство поселений в Сибири приобретались разными способами: отводом, «приисканием», прямым захватом или покупкой у ясачных или русских. В историографии давно сформулирован тезис о том, что Сибирь осваивалась сперва городами, а уже потом дерев-

ней. В первую очередь силы и ресурсы направлялись на строительство именно городских поселений как центров и форпостов российской власти на востоке. С первой четверти XVII в. основным видом населенных пунктов здесь становятся военные крепости-остроги, из которых позднее развились города (Енисейский, Красноярский, Иркутский и др.).

Выбор места для острога или города диктовался многими обстоятельствами. Это, во-первых, возможность надежной связи с другими поселениями и с воеводской резиденцией (судоходная река); во-вторых, контроль за передвижениями товарных потоков и сбором пошлин (на торговых путях); в-третьих, отношения с ясачными – оперативные контакты с лояльными аборигенами и организация походов против «немирных иноземцев» для их «объясачивания»; в-четвертых, естественные условия для обороны поселения от врагов и защиты от стихийных бедствий; в-пятых, наличие в окрестностях угодий, пригодных для сельского хозяйства.

Старались подыскать местность, удобную для земледелия и в то же время не используемую для охоты и рыболовства – основных занятий коренных жителей. Желательно было, чтобы основание русского поселения по возможности не вызывало раздражения у ясачных. Так, приполярный город Мангазея был поставлен на границе между районами обитания тундровых и лесных самоедов. Такая пограничная зона оказывалась более спокойной как для проживания, так и для сбора ясака. Кроме того, у ясачных не создавалось впечатления о захвате русскими их исконных земель и угодий. Обычно переселенческие потоки как бы обтекали селения аборигенов, а вкрапление русских деревень происходило с согласия коренных жителей.

Иногда ориентиром для основания города становились старые туземные городища. Как и в Поволжье, в данном случае имело место совпадение перечисленных выше условий. Ведь такие старые крепостцы ставились, как правило, в самых удобных местах, на реках и на естественных укреплениях. Однако непосредственно на татарских или остяцких развалинах русские не селились – разве что на давно покинутых. Предпочитали закладывать свое поселение поблизости от прежнего туземного.

Первые слободы и деревни «жалась» к городам и острогам. В необжитом краю опасно было удаляться от крепостных стен и гарнизонов. Но постепенно зона сельского заселения разрасталась. Вокруг крупных поселений появлялась целая сеть мелких. Постепенно, удаляясь все дальше и дальше от крупных центров, русские села распространялись по Сибири. Формировались своеобразные оазисы земледельческого освоения. Первым в этом ряду сложился (к 1630-м гг.) Верхотурско-Тобольский район, затем Тарский.

Как указывалось выше, в суровой лесистой и болотистой стране самым быстрым и надежным способом передвижения было плавание по рекам. Они служили надежными ориентирами и обеспечивали безопасность от

вражеских нападений с берегов. Течение великих азиатских потоков – Оби, Енисея, Лены с юга на север обусловило и начальное направление продвижения русских в этой части континента. Впоследствии открыли Верхнюю Тунгуску, по Ангаре вышли к Байкалу, а затем по Амуру и к Тихому океану.

Стихийной народной колонизации принадлежала ведущая роль в первой половине XVII–XVIII вв.; правда, в XVIII в. миграции уже не были массовыми и многочисленными.

Значительную роль в размещении русского населения Сибири играли внутренние миграции в этом регионе. Крестьяне то и дело узнавали о благодатных краях и предпринимали попытки перебраться туда. Однако при этом они учитывали сезонность полевых работ и подгадывали время переезда таким образом, чтобы не прозябать впроголодь. На новом месте готовили землю под посев, косили сено, возводили постройки – и возвращались домой для сбора урожая. Такие пробные путешествия – обычно недалекие – были возможны только при хорошем знании местности. Вот почему на подобные предприятия решались старожилы, они же постепенно осваивали глубинные районы. Переселенцы же из центральных районов осторожно держались поблизости от больших городов, рек и трактов. За счет внутренней миграции заселялась, в частности, Южная Сибирь. Это помогло России закрепиться в том районе и начать развитие рудных недр Алтая.

Русское население Сибири неуклонно увеличивалось вследствие переселений с запада, ссылки и естественного прироста. При этом довольно быстро его численность превзошла численность местных народов. В начале XVIII в. русские составляли 60 % сибиряков (в Западной Сибири – 80 %); в конце XVIII в. – почти 69 %²².

§ 6. Интеграция западных регионов в сферу российской государственности

Воссоединение с Украиной в середине XVII в. детально проанализировано в историографии. Если отвлечься от политизированных оценок, сопровождавших это событие в советский период, то в целом мы увидим ту же картину, что и в других регионах: разное понимание подданства двумя

²² Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX века (1795–1917) // История СССР. – 1979. – № 3. – С. 38, 41, 42; Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. – СПб.: БЛИЦ, 1996. – С. 161, 162.

сторонами. Москва видела в решениях Переяславской рады первый шаг к интеграции Украины в лоно Российского царства; она была объявлена государевой вотчиной, что продемонстрировало включение «Малые Русии» в царский титул. В соответствии же с украинской концепцией, порожденной долгим пребыванием страны в рамках польско-литовской государственности и общением со Степью, переяславские договоренности являли собой вид военного соглашения, которое возможно было расторгнуть, и при сохранении самостоятельности гетманства.

Данное соглашение отнюдь не означало беспрекословного повиновения и тем более полного подданства – «холопства». Украинские хронисты XVII–XVIII вв. ясно пишут о предполагавшемся первоначально союзно-протекторатном характере отношений, с главной целью – обрести могущественного покровителя в борьбе с поляками: «... Государу Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу Московскому... благородный Зиновий Богдан Хмельницкий, гетман войск Запорожских, **добровольне поддался под защиту и опеку**, со всем малороссийским панством: Севером и Украиною, и целым Запорожем, со всеми козаками...»; Б. Хмельницкий послал к царю «бежаючи разом з усією Україною, изо лежить обіруч Дніпра, з усім Запорозьким війском піти під його сильну протекцію при своїх давніх правах та вольностях»; а своим соратникам он объявил после Переяславской рады: «... Мы прийшли з усім війском запорозьким і народом малоросійським у союз та під протекцію великого московського монарха...»²³

В целом гетман представлял себе характер отношений с царем как васалитет, подобный статусу Венгрии, Молдавии и Валахии в Османской империи (выплата дани и предоставление войск при полной свободе во внутренних делах): «... а будет де государь изволить, и гетман де и войско запорожское учнуть государю доход давать с войска запорожского против того же, как собирает турецкой салтан с Венгерской и с Мутьянской и с Волоской земли...»²⁴. Некоторым аргументом в пользу такой трактовки может служить и намерение Хмельницкого перейти в подданство к султану, объявленное им через год после Переяславской рады, – правда, намерение чисто декларативное и продиктованное особенностями османской внешней политики.

Восточнославянское население Речи Посполитой, имевшее многовековой опыт государственной жизни, воспринимало присоединение к России лишь как смену верховного правителя без изменения прежнего социально-

---

²³ Величко С.В. Літопис. Т. 1. – Київ: Дніпро, 1991. – С. 136, 144; Летопись Григория Грядянки. – Киев: Университетская типография, 1854. – С. 319.

²⁴ Цит. по: Кертес-Варга Б. Русский централизм и украинская автономия // Место России в Евразии. The place of Russia in Eurasia. Ред. Д. Свак. – Будапешт: Венгерский институт русистики. 2001. – С. 249.

го и политического порядка. К тому же на смягчение противоречий и недовольства очень влияло единоверие с русскими. Власти по большей части не разочаровывали социальную верхушку новых подданных, предоставляя возможность влиться в ряды дворянства, гарантируя самоуправление, сохранение земельных владений и привилегий. Правда, уравнивание в статусе с русскими дворянами в XVII в. означало обязательное несение службы с *маетностями* (поместий), что вовсе не устраивало шляхту, привыкшую к безграничным правам и почти полному отсутствию обязанностей перед государством. Требование поместной службы заставляло шляхтичей ностальгировать по прежней королевской власти.

Украинские политики довольно скоро осознали, что пребывание в ранге российских подданных грозит в перспективе уменьшением «прав и вольностей». Московское правительство вовсе не рассматривало Украину как суверенного союзника и постепенно распространяло свои прерогативы на новоприсоединенные земли. Сразу это поняли и оценили в Варшаве. В течение первых месяцев после воссоединения король Ян-Казимир разразился несколькими универсалами в весьма зловещем тоне, в которых расценивал январские события в Переяславе как порабощение Украины царем: «...Хмельницкий... в вечное мучительство к царю московскому под нестерпимое вольностям вашим запродавал владение и тому же мучителю... присягати вас понужает...»; «... Хмельницкий... на остаток верные ваши через зраду в вечное тиранство Царови Московскому под незносное вольностям вашим запродавал панованье, и тому ж тиранови над умысл и волю вашу присягати вас примушал...»²⁵ и т. п. В условиях, когда постоянно существовала ситуация выбора между Московским царством и Речью Посполитой, эти обстоятельства осложняли привыкание украинцев, и прежде всего их элиты – как к порядкам, установившимся в России, так и к своего рода внешнеполитическому эгоизму Москвы, все менее учитывавшей интересы своих новых подданных в отношениях с Речью Посполитой.

Ссылки на родство народов, единоверие и православную солидарность против «ляхов», столь популярные до Переяславской рады, продолжали звучать и теперь, но уже оказывались малодейственными в условиях разгоравшейся смуты и политических метаний шляхты и выглядели все более ритуальными, риторическими. Показательно в этом отношении изменение взглядов гетмана И. Брюховецкого. В своем манифесте к жителям Заднепровья 1663 г. он писал, убеждая их отказаться от сотрудничества с поляками и крымскими татарами: «... в явной слепоте и обмане видимом пребывае- те... отступив от единого православного монарха дедичного российского,

²⁵ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Источники малороссийской истории. Ч. I. 1649–1687. – М.: Университетская типография, 1858. – С. 50, 80–82.

Русью будучи, уклоняетесь до иноверного, именем и верою не соглашающиеся обороны лятцкия». Но уже через пять лет в послании к Донскому войску он, возмущенный замирением русских с Яном-Казимиром, не жалел сарказма и обличительного пафоса против московской власти: «... сего времени те московские царики на нас, бедных, невинных, которые ему (царю. – *В.Т.*) были добровольно, без всякого насилия, поддалися, не для чего иного, токмо ведаючи его, православного царя, но бояр безбожная лукавая мучительская злоба усуетовала присвоить себе (нас. – *В.Т.*) в вечную кабалу и неволю»²⁶.

Аналогичная эволюция произошла во взглядах и политике другого, гораздо более известного гетмана – И. Мазепы. В 1708 г. в одном из писем он объяснял причины своего перехода на сторону шведов тем, что московские правители «нас, гетмана, енералную старшину, полковников и увесь войска Запорожского начал вражоными своими прелестми хотят к рукам прибрати и в тиранскую свою неволю запроводити, имя войска Запорожского згладити, а козаков в дракгонию и солдати (т. е. в регулярную армию – драгуны и солдаты. – *В.Т.*) перевернути, народ... малороссийский вечне себе поработати»²⁷.

Как известно, при сохранении определенной автономии Украина на протяжении первой половины XVIII в. неуклонно лишалась признаков внутренней самостоятельности. Учреждение Малороссийской коллегии, отмена и возобновление гетманства, постепенное приближение социальной верхушки – «генеральской старшины» к статусу российского дворянства были вехами на пути к полному установлению на Украине общероссийских стандартов подданства и управления. Однако на протяжении второй половины XVII–XVIII вв. Украина осознавалась местными жителями как особая страна, отличная от собственно России. В анонимном «Кратком описании Малороссии» XVIII в. рассказывается о событиях 1675 г., когда князь Г.Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович «перегнали в Россию» население Корсуни²⁸.

Прибалтийские области (Эстляндия и часть Лифляндии) были присоединены к России в результате Северной войны 1700–1721 гг. Их характерной чертой было абсолютное этнокультурное различие между, с одной стороны, немецкой элитой – дворянством, духовенством, большей частью зажиточных горожан и, с другой стороны, массой эстонского и латышского крестьянства. Это было следствием долгой, начавшейся с XII в. немецкой колонизации региона. В течение столетий складывались сословные организации, корпоративные устои и привилегии прибалтийских немецких (т. н. остзейских) помещиков и бюргеров.

---

²⁶ Там же. – С. 126, 185.

²⁷ Там же. – С. 174.

²⁸ Летопись Самовидца с приложениями. – Киев: *Типография К.Н. Милевского*, 1878. – С. 280. Столь же долго сохранялись в Сибири обозначения для Европейской России «на Русь», «из Руси» и т. п.

Присоединение к России практически не изменило этих вековых порядков. Для управления новообретенными землями в столице были учреждены специальные коллегии, оттуда назначался русский генерал-губернатор, но положение дворян оставалось неизменным. Для привлечения их на свою сторону Петр I подтвердил в полном объеме старинные «остзейские привилегии», а также привилегии купцов и ремесленников, все права городов, оставил практически нетронутой организацию самоуправления, сословный строй. Было гарантировано сохранение свободы католического и протестантского вероисповедания, сохранение немецкого языка в местных учреждениях. В отличие от обычной российской практики на завоеванных землях, остзейские дворяне получили исключительную привилегию на занятие всех должностей, кроме военных. Они стали единственными арендаторами казенных земель и обладали монопольным правом на земельную собственность и владение крепостными.

Адаптация жителей западных территорий к российскому подданству происходила гораздо легче, чем на востоке и юге. Но западным регионам предстоял еще долгий путь к выработке сначала полной лояльности, а затем и общеимперской идентичности. Екатерина II в инструкции генерал-прокурору А.А. Вяземскому делилась соображениями на этот счет. В частности, Малороссию, Лифляндию и Смоленскую губернию (с многочисленным белорусским и еврейским населением), по ее мнению, надлежало «легчайшими способами привести к тому, чтоб оне обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу»²⁹.

§ 7. Общие принципы и особенности этнической политики в XV – первой половине XVIII в.

Территориальное разрастание Российского государства, включение в его состав новых подданных влекло за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов. Они сталкивались с новыми политической системой и экономическим строем, поступали в подчинение русской администрации, обнаруживали на своих землях множество пришельцев-русских, которые селились в основанных ими городах и деревнях. Как бы историки ни оценивали ход и последствия вхождения каждого отдельного народа в состав России, в любом случае это событие оказывалось стрессовым, кризисным, переломным в его судьбе. Привычные жизненные модели и ориентиры переставали работать, а новые модели только еще формировались и к тому же зачастую вступали в противоречие со старыми.

---

²⁹ Цит. по: *Брикнер А.Г.* История Екатерины Второй. Т. 2. – М.: Современник: Товарищество русских художников, 1991. – С. 625.

Однако при всех сложностях во внутривластных и межэтнических отношениях Россия в глазах ее подданных порой выглядела носительницей гораздо более свободного и справедливого правления (режима), чем окрестные владения. Даже башкиры, известные своими многократными антиправительственными выступлениями в течение этих двух столетий, первоначально расценили монархию Ивана IV как менее жесткую политическую систему по сравнению с прежним ногайским наместничеством на своих землях.

Еще больший контраст являла Россия по сравнению с Цинской империей. Этот контраст отразился в сведениях источников о народах Дальнего Востока и Центральной Азии. Племена Приамурья в XVII в. не желали мириться с порядками, устанавливаемыми маньчжурскими правителями: непосильными поборами и насильственными переселениями. Жители областей, прилегавших к северо-восточным пределам Маньчжурии, спасались бегством в русские владения и, получив там царское подданство, дорожили им, не желая возвращаться на родину. Столь же негативно относились к власти цинского богдыхана переселенцы из Монголии в русскую Сибирь: «Наш хан провинившимся отсекает головы, а русский царь наказывает розгами. Пойдемте отсюда в подданство к русскому белому царю»³⁰. Причем такие переселенцы, соглашаясь на выплату ясака в русскую казну, надеялись, что им суждено «впредь паки быть свободным», уйдя из-под власти прежних властителей. Впрочем, сравнения иногда бывали и не в пользу России. Известны «непригожие речи» украинских казаков, критически сравнивавших московского самодержца с польским королем во второй половине XVII в.

Но не только «всенародные» миграции отмечены в документах. Элита «иноверцев» стремилась обрести повышенный статус на государственной службе, щедрые пожалования и привилегии, а простонародье бежало от собственной знати – от ее налогового гнета и прочих притеснений, а также в поисках более сытой и безопасной жизни. В середине – второй половине XVII в. наблюдалось бегство зависимых калмыков в соседние русские селения и города. Там они оказывались вне досягаемости своих ханов, нойонов и тайшей, которые начинали забрасывать русские власти требованиями вернуть беглецов. Иногда добиться этого удавалось, но если переселенцы принимали православие, следовал категорический отказ. По этой причине желание принять крещение охватило такое количество калмыков, что в XVIII в. правительство стало отводить специальные участки для поселения новокрещенных, а для контроля над ними постановило основать специальную крепость – Ставрополь-на-Волге (совр. Тольятти). При этом и принимающая, и преследующая стороны понимали, что в перемене рели-

---

³⁰ Бурятское предание, цит. по: *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. – М.: Наука, 1987. – С. 148. Известна более афористичная формулировка: «Белый царь сечет спину, а желтый царь – голову».

гии мировоззренческие мотивы играли второстепенную роль по сравнению с желанием достичь облегчения условий жизни.

Еще более наглядно подобная ситуация проявилась на Северном Кавказе. В XVII в. – с постройкой казачьих станиц и Терского городка, а в XVIII в. – с основанием крепостей Кизляр и Моздок в них устремились представители местных народов, которые желали найти укрытие у русских. Резоны были самые разные: кровная месть от соплеменников, тяжелые налоги и повинности, разорительные набеги абреков – горских воинов.

Существенное значение имел и религиозный фактор. Во-первых, начало активной и массовой исламизации в Чечне в XVIII в. вызвало поначалу резкое неприятие у местного населения – даже не в силу каких-то богословских возражений, а из-за предстоящего отказа от привычного обычного права в пользу шариата. Чтобы не доводить дело до кровопролитного конфликта с адептами ислама и не платить дань кумыкскому шамхалу как мусульманскому правителю, многие чеченцы перебирались на жительство в казачьи станицы.

Во-вторых, массовый характер приобрело бегство крестьян от кабардинских владельцев «в пределы России», где они переходили в православие. Князья, требуя их выдачи, указывали, что принятие христианства крестьянами происходило отнюдь не по причинам религиозного характера, а лишь для избавления от неволи или чтобы избежать наказаний за проступки на родине. Да и русская администрация это понимала. Дабы не портить отношения с теми князьями, которые изъявляли желание принять российское подданство, предписывалось запретить давать приют их «холопам» и выдавать их владельцам, но придавать этой акции вид особой милости за преданность империи; к крещению же надлежало допускать лишь с личного разрешения местного командующего. Для упрочения покорности кабардинских аристократов астраханский губернатор И.В. Якоби в 1779 г. внес в текст их присяги пункт, по которому «черный народ» отныне имел право отходить от владельцев и селиться в пограничных районах лишь в том случае, если налоги и повинности вырастут сверх меры.

Ясно, что в этих условиях Россия представлялась горцам как государство с более льготными условиями существования, чем те, что были в кавказских княжествах. Это проявлялось не только в Кабарде. Объезжая подвластные России территории Кавказа, присоединенные в ходе Персидского похода Петра I, генерал В.В. Долгорукий докладывал Екатерине I (очевидно, приукрашивая действительное положение): «... Весь здешний народ желает в. и. в. протекции с великою охотою, видя, какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтобы отнюдь нимало им обиды не было и крепкими узами во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом»³¹.

---

³¹ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. – М.: Наука, 2004. – С. 429.

Религиозный фактор в межэтнических отношениях был очень заметен, и по этой проблеме сложилась обширная историография. Принимавшие православие включались в сферу действия русской культуры: вслед за сменой имени часто происходила перемена языка, одежды, поведения. Нередко рвались связи с родичами – особенно если новокрещен перебирался на жительство в русское селение или город. Естественно, многие соплеменники считали таких людей отщепенцами и во время антирусских мятежей расправлялись с ними с особенной яростью.

Случалось, что религия доминирующего русского народа вместе с тем служила неким интегратором в общении поликонфессиональной, разноречивой массы российских подданных. Пример такой ее функции дает мордовская песня, в которой башкир-мусульманин Алим женится на мордовке-язычнице Анюрке:

...Красавец Алим говорит:
Ох жenuшка моя Анюрка,
Ты супруга моя Анюрка!
Ты по-нашему говорить не умеешь,
Нашу веру не знаешь, не ведаешь.
Отвечает мужу Анюрка:
Муженек мой Алешенька,
Мы русскую веру примем³².

Очевидно, переходить в христианство язычникам было проще, чем приверженцам монотеистических религий. Но административный гнет и раздоры с русским населением могли сказываться и на отношении язычников к вере русских. Легендарный народ чудь, по версии сказителей коми, зарылся в землю, спасаясь от святителя Стефана Пермского и его намерений окрестить лесных жителей. Церковная утварь и предметы культа воспринимались, с одной стороны, как символы русской власти, а с другой – как русские идолы, к которым и отношение было соответствующее. Когда в 1722 г. ненцы громили русские деревни по реке Ляпин, то они волочили по земле за нартами привязанные за веревки иконы, а кресты прицепляли к концам хореев и погоняли ими оленей. Налицо явные ритуальные действия, десаκραлизация святынь как средство борьбы с духами-заступниками ненавистных пришельцев. С этой же целью восставшие башкиры в 1740-х годах при разорении русских сел не только жгли церкви, но также разрывали на кладбищах могилы и выбрасывали кости.

Что касается мусульман, то хотя их число в Российском государстве было немалым (на Востоке считалось, что под властью царя их пребывает

---

³²Цит. по: Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М.: Наука, 2000. – С. 416.

«двенадцать раз по сто тысяч»³³), в целом их отношение к господствующей конфессии было лояльным. Сказывалась объективная необходимость сосуществования в единой державе, осознание факта православного вероисповедания правящей элитой. Хотя в кругах исламского духовенства и наблюдалась отчужденность к «неверным», но все-таки межрелигиозные конфликты в чистом виде российской истории не известны. Как правило, вопросы веры выступали лишь в качестве идеологического оформления политических и социальных движений.

В целом отношение правительственных кругов к исламу на протяжении второй половины XVI – первой половины XVIII в. неоднократно менялось от активного неприятия к вынужденному нейтралитету. Официальной основой религиозной политики на присоединенных территориях все время оставалась христианизация «иноверцев» – магометан и язычников. Вводились определенные ограничения для неправославных подданных в различных сферах: возможность занимать определенные должности, свобода передвижения, ведение предпринимательства и др. Соответственно «новокрещены» пользовались существенными привилегиями в виде временного освобождения от выплаты податей и выполнения повинностей, наказания за уголовные преступления, а в XVIII в. – еще и освобождения от рекрутчины. Вводился законодательный запрет на строительство мечетей, местным властям предписывалось уничтожать мечети в подведомственных регионах. Соборное уложение 1649 г. устанавливало жестокую кару для мусульман, ведущих религиозную пропаганду среди православных: «А буде кого басурман какими-нибудь мерами, насильством или обманом русского человека к своей басурманской вере принудит... и того басурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия»³⁴. При Елизавете Петровне на татар, исповедовавших ислам, были переложены все повинности поголовно крестившихся черемисов, чувашей и мордвы.

Вместе с тем, стремление сохранить лояльность подданных, избежать массового возмущения и конфликтов на религиозной почве побуждало центральные и местные власти мириться с существованием многочисленного мусульманского населения. Следует признать, что, за исключением нескольких вспышек официального православного фанатизма, в целом массы российских мусульман не подвергались долговременным репрессиям по религиозным мотивам.

Проблема отношения народов к России – это одновременно и проблема формирования российской идентичности, т. е. насколько правомерно вести речь об осознании принадлежности не только к своему роду, племени,

³³ *Эвлия Челеби*. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 1. – М.: Наука, 1961. – С. 193.

³⁴ Полный свод законов Российской империи. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. *Собрание I*. – Т. 1. – № 1. – С. 3.

этносу, но и в целом к Московскому царству или Российской империи. Представляется, что для периода XV–XVIII вв. ставить такой вопрос преждевременно. Подданные многонациональной России в то время были пока слишком разобщены и отделены друг от друга, обладали слишком малой информацией о внешнем мире (да и о собственном государстве), перенесли не так много общих испытаний, чтобы у них могло вызреть осознание общей исторической судьбы и – как следствие – идея общего для всех них Отечества. Вероятно, действовал и временной фактор: довольно мало времени прошло со времени вхождения в состав государства, чтобы считать его своей Родиной.

Лишь немусульманское население Поволжья (мордва, чувашы, черемисы) теснее интегрировалось в сферу русской государственности и православной культуры, отчего признаки российской идентичности начинают просматриваться у него довольно рано. Существенным стимулом к этому послужил льготный управленческий и налоговый режим. Дж. Горсей, описывая Смуту начала XVII в., отмечал, что польские интервенты столкнулись с противодействием нерусских народностей: «Эти инородцы долго находились под властью русских царей, которые обходились с ними лучше, нежели со всеми другими нациями; и теперь, лишённые привычного хорошего обращения и притесняемые поляками, они возненавидели их, что и послужило им и русским на пользу. Они поднялись в огромном числе, вооружились, напали на поляков... расхищали их имущество и убивали»³⁵. Известно, что во втором Ополчении участвовали марийцы, чувашы и татары. А в 1610 г. предводителями тысячного отряда мятежных марийцев в Царевококшайском уезде были русские.

Через несколько десятилетий, во время Разинщины, беглая монахиня Алена возглавила крестьянский повстанческий отряд. Она была известна своими заклинаниями, мистическими обращениями к народу, отложившимися в преданиях. Например: «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, за правое дело, за русскую землю, на извергов, на недругов, кровопийцев, на дворян, на бояр, на всех сатанинских детей!...»³⁶ Замечательно то, что данный текст бытует в *мордовском* фольклоре. Как видим, в середине XVII столетия борьба за освобождение от «сатанинских» сил воспринималась поволжскими «иноверцами» в контексте солидарности с русскими: ведь сражалась-то Алена за Русскую землю!

Образ России был в глазах ее подданных в общем положительным, но все же при этом неоднозначным. Наблюдалось явное изменение его по ме-

---

³⁵ Горсей Дж. Сокращенный рассказ, или Мемориал путешествий // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1986. – С. 224.

³⁶ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 10. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1983. – С. 217.

ре ужесточения управленческих порядков на местах. Пока связь с правительством и «белым царем» ограничивалась положениями первоначальных соглашений о присоединении, т. е. взаимными необременительными обязательствами (выплата ясака, вольная служба и др.), пребывание в пределах государства рассматривалось как благо, поскольку наибольшую ценность имела гарантия прав на земли и защита от внешних нападений.

А вот когда государство начало осваивать национальные окраины, когда народы стали включаться в общеимперскую административную систему, подвергаться христианизации, оказались охваченными подушной податью и рекрутскими наборами, когда на их угодьях стали во множестве строиться русские деревни и города, заводы и рудники, отношение стало меняться. Положение усугублялось частыми злоупотреблениями местных чиновников. Под воздействием новых условий у башкир, например, в первой половине XVIII в. созрело убеждение, будто «на их башкирской народ от России доброго не имеется»³⁷. Приамурские племена, столкнувшись с жестокостью знаменитого Ерофея Хабарова, были вынуждены искать помощи у своих бывших врагов-маньчжур, от которых первоначально укрывались в русских владениях. Даже в среде такого мирного народа, как чуваш, в начале XVII в. зрело намерение истребить русских дворян. А для части населения Северного Кавказа (главным образом горного Дагестана, Чечни и Адыгеи) под влиянием исламизации Россия в конце концов превратилась в главную враждебную силу. Правда, образ врага в лице империи окончательно оформился только в XIX в., в ходе прямого противостояния в Кавказской войне.

Необходимость не только пользоваться правами и льготами, но и исполнять обязанности в качестве подданных, существовать в условиях действия жесткого управленческого механизма самодержавного государства оказалась непривычным, тяжким и труднопереносимым бременем для многих «иноверцев». Как выразился Г.И. Перетяткович, «они должны были приспособляться к московским порядкам, к которым в то время и своему было трудно привыкнуть, а не то что чужому»³⁸.

В истории России на протяжении XV–XVIII столетий заметны некоторые характерные особенности в сочетании, с одной стороны, правительственной административной практики и, с другой – политики в отношении

---

³⁷ Цит. по: *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1737–1739 гг. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 132. Эта фраза перекликается со словами коми-зырян конца XIV в., вложенными в их уста анонимным автором «Жигитя» Стефана Пермского: «От Москвы может ли что добро быти нам? Не оттуду ли нам тяжести быша и дани тяжкыя и насильство?» (цит. по: *Очерки по истории Коми АССР. Т. I.* – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – С. 58).

³⁸ *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). – М.: Типография Грачева и К., у Пречистенских ворот д. Шиловой, 1877. – С. 268–269.

нерусских народов. Эти особенности были порождены рядом факторов, главнейшим из которых, очевидно, является этатизм. То есть «национальная политика» была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях обеспечения государственной безопасности – как внутренней (сохранение стабильности и порядка), так и внешней. Кроме того, сказывалось и такое объективное обстоятельство, как чрезвычайно быстрый по историческим меркам территориальный рост Российской державы. Довольно скоро стало очевидным, что для полноценного управления колоссальным евразийским пространством по какому-то одному общему алгоритму у правительства не хватает ни опыта, ни средств, ни кадров. Правящей бюрократии приходилось приспосабливаться к разнообразным местным условиям, чтобы удержать под своей властью присоединенные народы и территории.

При слабости коммуникативных средств, удаленности от столицы, огромных расстояниях, слабой заселенности обширных пространств (особенно на востоке) адаптация присоединенных территорий к общегосударственным стандартам подданства и управления происходила медленно, постепенно и растянулась на полтора-два столетия. Правительство первоначально не форсировало этот процесс, довольствуясь формальными признаками подчинения и лояльности. Политика по отношению к народам на окраинах диктовалась почти исключительно необходимостью обеспечить исправные налоговые платежи и лояльность к властям. На протяжении примерно полутора столетий в наказах воеводам и прочим местным управленцам содержались рекомендации действовать по отношению к подвластным «иноверцам» «ласкою и приветом», «ласкою, а не жесточью» и т. п. Очевидно, не следует идеализировать по этому поводу этническую политику и приписывать правительству образцовую толерантность, уважение к этническим особенностям присоединенных народов. Во-первых, не мог по-иному выражаться православный царь – воплощение милосердия и благолепия (подобная самооценка была особенно характерна для Алексея Михайловича). Во-вторых, обе стороны – власть и подданные – довольно быстро уяснили условность подобных миролюбивых формул. На окраинах процветал воеводский произвол, и нередко «лаской и приветом» служилые люди требовали смириться с несправедливыми поборами и всевозможными насилиями. Однако вскоре поняли и другое: невозможно превышать административный и налоговый гнет, так как население может или перебраться в недоступную глухомань, или сменить подданство (если дело происходило на границе), или поднять вооруженный мятеж. Отсюда формула «лаской и жесточью» исполнялась местными управленцами не из-за терпимости и корректности, а в силу вынужденной необходимости – заботы об интересах казны.

Начало радикальных перемен в этнической политике историки справедливо связывают с Петровскими реформами, когда необходимость в мобилизации ресурсов для победы в Северной войне, административное и экономическое освоение окраин начало обретать более интенсивные формы. Империя в ходе модернизации стала утрачивать средневековые, патриархальные нормы отношений между царем и «иноверными» подданными. Происходило это не только в результате целенаправленной политики, но и объективно, в ходе совершенствования административного механизма, расселения русских по окраинам, социального и культурного межэтнического взаимодействия, постепенного формирования новых идентичностей у присоединенных народов. Проявившись в XVIII в. на уровне тенденции, эти процессы становились все более заметными в следующем столетии.

На протяжении рассматриваемого периода народы (этноты) однозначно выступали в качестве не субъектов, а объектов государственной политики. И здесь опять же не следует видеть проявление какого-то подчеркнутого пренебрежения властей к нерусскому населению. Во-первых, абсолютное большинство существующих сегодня стабильных этнических общностей в те времена еще только формировалось. Во-вторых, одним из главных принципов имперской государственности была надэтничность, предполагавшая верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания. Все это, однако, не означало игнорирования полиэтничности населения. Этнокультурное и этнополитическое разнообразие невозможно было не учитывать в силу исторических условий складывания многонационального государства.

Учет этот заключался во включении локальных юридических норм в общий корпус государственного законодательства – как правило, в масштабе отдельных регионов (установления обычного права, шариата и др.). В этом же ряду находилось и районирование по этническому принципу. Кроме того, власть при организации управления опиралась и полагалась не на абстрактные «народы», а на местные элиты, традиционные привилегированные слои – аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство. В отношении данной категории подданных со времен Средневековья действовала практика сохранения некоторых старых социальных привилегий и предоставления новых льгот.

Вопрос о сотрудничестве с этническими элитами был одним из краеугольных камней не просто этнической политики России, но и государственного управления вообще. Можно по-разному оценивать и определять эту практику – как социальную комплементарность, классовую солидарность... Но мы сталкиваемся с неоспоримым фактом: русские элитные страты традиционно кооперировались со своими иноэтничными «коллегами». Собственно, сам процесс формирования российского дворянства

представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию. Алгоритм интегрирования предполагал относительную открытость, возможность для вступления в ряды дворянского сословия. На протяжении XVI–XVII вв. наиболее заметным был приток в ряды правящей элиты аристократии тюркского происхождения, в XVIII в. – остзейских немцев. Таким образом, российское дворянство оказывалось этнически открытым сословием, и на место в его рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты. Разумеется, существовали определенные критерии и ограничения, но в целом социальная и культурная русификация (прежде всего переход в православие) облегчала выходцу из местной знати рекрутирование в дворянский корпус, а следовательно, и успешную карьеру.

А.И. Миллер

Глава 3

Этноконфессиональный фактор в развитии Российской империи (конец XVIII – начало XX в.)

Понятия *империя* и *нация* были заимствованы в русский язык практически одновременно при Петре I. Слово *нация* в XVIII в. означало, прежде всего, самостоятельное политическое образование или государство. Между понятиями *нация* и *империя* не было конфликта, они скорее были взаимозаменяемыми.

В конце XVIII в. восточные славяне составляли около 84 % населения империи. Однако в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой и последующих аннексий к середине XIX в. доля восточных славян сократилась до 68, а великоруссов до 46 %. Этническая и религиозная гетерогенность империи резко возросла. Французская революция конца XVIII в., с ее идеей нации как источника суверенной власти, резко проблематизировала политическое содержание этого понятия в сознании российской элиты. Первые два десятилетия XIX в. ключевые темы всех проектов преобразований в России – это конституция и представительские учреждения¹.

Екатерина II в конце царствования проводила, вполне в духе просвещенного абсолютизма, политику ограничения автономии окраинных элит. В 1780-е гг. происходило постепенное сокращение прерогатив балтийских провинциальных ассамблей, были упразднены Лифляндская и Эстляндская коллегии в Петербурге. Однако при Павле I эти традиционные институты восстановлены.

С православными казацкими элитами Гетманщины процесс преодоления обособленности шел намного быстрее и легче. В 1764 г. императрица вынудила К. Разумовского отказаться от гетманства. Вместо этого снова вводилась Малороссийская коллегия (где было четверо украинских и четверо русских членов) во главе с русскими председателем и прокурором.

---

¹Миллер А.И. История понятия *нация* в России // Миллер А., Сдвижков Д., Ширле И. (ред.) «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. – М.: НЛЮ, 2012. Т. 2. – С. 7–49.

Председателем и генерал-губернатором Малороссии стал фельдмаршал П.А. Румянцев, который и проводил абсолютистские реформы в Гетманщине. В 1765 г. в соседней с Гетманщиной Слободской Украине казацкие полки были распущены. В 1775 г., на волне репрессий после Пугачевского восстания 1773–1774 гг., упразднена Запорожская Сечь. Тогда же начинается активная миграция представителей малороссийского дворянства в столицу, где они получали места во многом благодаря протекции екатерининских вельмож малорусского происхождения. Все больше дворян Гетманщины начинают задумываться о выгодах имперской службы.

Дворяне Гетманщины «постепенно приняли тот факт, что они представляют не отдельную страну, а часть империи. Для того, чтобы обеспечить свои интересы и интересы своего региона, они стремились получить достойную роль в этой имперской системе»². В 1781 г. Малороссийская коллегия как административный орган упразднена, а на Левобережной Украине вводились три наместничества: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское, в которых устанавливалось губернское правление. Полки и сотни как единицы территориального управления упразднены в 1781–1782 гг. В 1783 г. казацкие полки как воинские части преобразованы в карабинерские, а полковники уволены. Все не попавшие в полки казаки по указу 1783 г. становились государственными крестьянами на общеимперских началах. (В 1797 г. на Левобережье введена рекрутская повинность.) Таким образом, упразднена не только Гетманщина, но и какая-либо автономия этих земель.

Сравнительно слабое сопротивление местного дворянства объяснялось не только тем, что значительная его часть уже была вовлечена в имперскую службу. Закрепощение крестьян было выгодно дворянству. Очень важно было и то, что Екатерина уже в начале 1780-х гг. разрешила Румянцеву при определении дворянского статуса руководствоваться наброском того документа, который в 1785 г. был принят в качестве Жалованной грамоты дворянству. Согласно ему, представители местного дворянства могли подтверждать дворянский статус других лиц. Румянцев сознательно закрывал глаза на многочисленные подделки подтверждающих дворянское происхождение документов. В результате массовой нобилизации до 25 тысяч человек получили в 1780-х гг. статус дворян Российской империи, который после принятия Жалованной грамоты стал особенно привлекательным. Постепенно связанная с Гетманщиной идентичность приобретала форму региональной малорусской. Другая, возможно даже большая, часть дворянства стремилась к сближению (часто – слиянию) с великорусским дворянством, к карьере на имперской службе, прежде всего в столице. Представители обеих ориентаций внесли весьма значительный вклад в формирование и развитие современной русской культуры.

---

² *Kohut Z. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy. Imperial Absorption of the Hetmanate, 1760s-1830s. – Cambridge, Mass., 1988. – P. 248.*

В отличие от Екатерины Александр I проводил политику сохранения и даже расширения местной автономии присоединяемых территорий в опоре на местное дворянство. Так было с Великим княжеством Финляндским (1809 г.), на которое не распространялась власть российских министерств. Все вопросы напрямую докладывались царю через госсекретаря по финским делам. В самом княжестве единственным языком делопроизводства и просвещения был финский, что дало местным уроженцам практически безраздельный контроль над местной бюрократией и школой. Лишь генерал-губернатор назначался из Петербурга. Довольно широкую автономию получила присоединенная в 1812 г. Бессарабия³. Весьма осторожно власти меняли статус дворянства Грузии, которая была присоединена в 1801 г. Состав верховного правления в Грузии включал 5 русских чиновников, назначенных из Петербурга, и 13 грузинских представителей из княжеских родов. Царство Польское, созданное Александром в 1815 г. на землях аннексированного княжества Варшавского, получило Конституцию и беспрецедентную автономию, которая скорее напоминала династическую унию, в которой самодержавный император Александр выступал еще и как конституционный король Польши.

Александр рассматривал эту политику в отношении присоединенных областей как часть проекта преобразований в масштабе всей империи. По его приказу Н.Н. Новосильцев в Варшаве в 1818–1819 гг. готовил Уставную грамоту Российской империи, т. е. вариант конституции. Однако революционные события в Европе и проблемы с конституционным царством Польским в 1820-е гг. заставили царя отложить реформаторские планы.

Дворянские конспираторы, получившие вскоре имя «декабристы», также разрабатывали конституционные проекты. «Русская Правда», написанная Павлом Пестелем в 1823 г., представляет собой самый радикальный ассимиляторский и централизаторский проект преобразования империи за всю историю ее существования, вдохновленный французским опытом. Во второй главе «Русской Правды», в параграфе 16, который имеет весьма красноречивое название «Все племена должны слиты быть в один Народ», говорится: «Один Народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так чтобы обитатели целаго пространства Российскаго Государства все были Русские... Средства общия состоят главнейше в том чтобы во первых на целом пространстве Российскаго Государства господствовал один только язык российский: Все сношения тем самым чрезвычайным образом облегчатся; Понятия и образ мыслей сделаются однородные... чтобы одни и те же Законы, один и тот же образ Управления по всем частям России существовали и тем самым в Политическом и Гражданском отношениях вся Россия на целом своем пространстве бы являла вид Единородства, Единообразия и Единомыслия»⁴. Там же Пестель изла-

³ Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи. – М.: НЛЮ, 2012.

⁴ Восстание декабристов. Документы. Т. 7. – М.: Госполитиздат, 1958. – С. 149.

гал концепцию общерусской нации, которая должна объединить всех восточных славян империи: «племя Славянское, Коренной Народ Русской составляющее, имеет пять оттенков: 1) Собственно так называемые Россияне, населяющие Губернии Великороссийские; 2) Малороссияне, населяющие Черниговскую и Полтавскую Губернии; 3) Украинцы, населяющие Харьковскую и Курскую Губернии; 4) Жители Киевской, Подольской и Волынской Губерний называющие себя Руссанами и 5) Белорусцы, населяющие Витебскую и Могилевскую Губернии». «1) Язык везде один и тот же: различны одни только наречия, а сии даже и в самых Великороссийских губерниях не везде одинаковы, да и нету того большого народа, коего бы язык не имел различных наречий; 2) вера одна и та же, православная во всех губерниях, как в великороссийских, и хотя в некоторых местах униатство еще исповедуется, но оно ничто иное есть, как слабый остаток соблазна, Флорентийским собором предложенный, иноземным насилием в несчастные те времена введенный и ежедневно более и более искореняющийся... 3) Гражданское состояние в сих губерниях совершенно одинаково с таковым в Великороссийских губерниях, ибо те же сословия с теми же правами существуют. Из этого Пестель заключал, что «никакого истинного различия не существует между разрядами Коренной Народ Русский составляющими, и что малые оттенки замеченные должны быть слиты в одну общую форму. А по сему постановляется правилом чтобы всех жителей населяющих Губернии Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую истинными Россиянами почитать и от сих последних никакими особыми Названиями не отделять»⁵.

Никто из представителей высшей российской бюрократии последующих десятилетий не исповедовал столь радикальных воззрений, но не подлежит сомнению, что «Русская правда» оказала большое влияние на их умы. Уже в 1830-е гг. в сознании элиты трудами министра народного просвещения графа С.С. Уварова постепенно утверждается идея общерусской нации, которая останется доминирующей в русской мысли вплоть до краха империи⁶. При поощрении Уварова создан, в основном усилиями Н.Г. Устрялова, новый исторический нарратив, в фокусе которого были не династия и не государство, но «русская народность»⁷. Устрялов, а вслед за ним все виднейшие русские историки исповедовали идею общерусской нации и рассматривали различия между великороссами, малороссами и белорусами как отличия ветвей одной нации с едиными историческими корнями.

⁵ Там же. – С. 138–139.

⁶ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. – М.: НЛЮ, 2010. – Изд. 2. – Гл. 6.

⁷ *Устрялов Н.* О системе прагматической русской истории. – СПб., 1836.

Появление в начале 1830-х понятия *народность* в знаменитой формуле «Православие – Самодержавие – Народность» сигнализировало, что часть высшей имперской бюрократии пришла к выводу о необходимости использования определенных элементов националистической политики для стабилизации и консолидации империи, которая столкнулась с рядом новых вызовов.

Стремление добиться определенного уровня национальной консолидации в ядре империи было осознанной политикой и Николая I, и Уварова, хотя во взглядах на методы и темпы ее проведения царь и его министр народного просвещения существенно различались. Главный акцент делался на политику в отношении образованных слоев. Было заявлено о переводе всех университетов на русский язык преподавания. В начале 1830-х гг. в университетах введены кафедры русской истории и словесности. Введение понятия *народность* в краткую формулу официальной идеологии сигнализировало о начале длительного и противоречивого процесса национализации династии и империи. Как следствие начатой тогда эволюции, уже в 1864 г. М.П. Погодин выражал искреннее возмущение по поводу выдержанных в духе традиционной империи рассуждений о том, что царь должен быть монархом, в равной мере близким для всех проживающих в империи народов. «Русский государь родился, вырос из Русской земли, он приобрел все области с русскими людьми, русским трудом и русской кровью! Курляндия, Имеретия, Алеутия и Курилия суть воскрылия его ризы, полы его одежды, а его душегрейка есть Святая Русь... Видеть в государе не Русского, а сборного человека из всех живущих в России национальностей, это есть такая нелепость, которой ни один настоящий русский человек слышать не может без всякого негодования»⁸.

Слово *народность* создавало определенный понятийный зазор с термином *нация* и было полезно Уварову именно как не вполне точный перевод, позволявший размыть связь понятия *нация* с Великой французской революцией и политическим суверенитетом нации, которая в первые десятилетия XIX в. была устойчивой и для всех очевидной. Уваров постарался прочно связать народность с консервативным принципом самодержавия. Истинная приверженность народности в его концепции предполагала лояльность власти.

Нельзя сказать, что Николай I вообще отказался от автономистской политики предыдущего царствования. В тех случаях, когда окраинные элиты демонстрировали лояльность империи и определенный уровень эффективности управления, их автономия сохранялась. Так было в прибалтийских губерниях, Финляндии, отчасти Грузии. Но уже в 1827 г. отменена автономия Бессарабии – здесь главной проблемой была эффективность.

---

⁸ Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. – М.: Тип. газ. «Русский», 1867. – С. 189.

А после польского восстания 1830–1831 гг. Николай решительно уничтожил автономию царства Польского.

Можно сказать, что до конца царствования Николая обозначившаяся тенденция к русификаторской политике затрагивала только элитные слои на окраинах. Американский историк Эдвард Таден различал: 1) спонтанную русификацию элит, свойственную XVIII в. и более раннему периоду; 2) «административную русификацию» как часть политики абсолютистской административной централизации второй половины XVIII в.; 3) насильственную русификацию (стремление насадить русский язык и православие) в XIX и начале XX в.⁹ В этом разделении Таден справедливо проводит различие, во-первых, между периодами до и после появления национализма – ясно, что с утверждением националистических идеологий и мировоззрения менялись и условия взаимодействий по вопросам ассимиляции и аккультурации, и логика поведения акторов. Во-вторых, между элитными группами и более многочисленными непривилегированными группами – ясно, что механизмы ассимиляции и аккультурации в отношении них были разными. В-третьих, Таден делает различие между насильственной и добровольной составляющей ассимиляционных процессов. Однако нельзя согласиться ни с его жесткой привязкой добровольных форм к донационалистическому периоду, а насильственных к XIX в., ни с жестким разделением добровольных и принудительных составляющих процессов ассимиляции и аккультурации.

В XIX в. термин «русификация» практически не использовался. Описывая процессы ассимиляции и аккультурации, современники говорили о «христианизации», «сближении», «слиянии», «цивилизации», «обрусении». Далеко не всегда ясно, имелась ли в виду аккультурация, которая неизбежно затрагивала почти все этнические группы империи в ходе взаимных контактов, или ассимиляция. Если аккультурация заключается в освоении новых, заимствованных в ходе контактов с другим сообществом, культурных моделей, то ассимиляция представляет собой процесс уподобления, включения в новую общность, усвоения нового мировоззрения, традиций и эмоциональной привязанности¹⁰. Существует также понятие диссимилиации, в науках об обществе описывающее последствия, которые имеет для идентификации их членов сепаратистская политика этнических и диалектных групп, постулирующая самодостаточный национальный

⁹ Thaden E.C., ed. *Russification in the Baltic Provinces and Finland*. – Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1981. – P. 8–9; *Idem*. *Russification in Tsarist Russia* // Thaden, Edward C. with collaboration of M.F. Thaden. *Interpreting History: Collective Essays on Russia's Relations with Europe*. – New York, Boulder, 1990. – P. 211–220.

¹⁰ См.: Brokhaus Enzyklopädie. B. 1. – Wiesbaden, 1966. – S. 253; Dictionnaire de la langue française. Lexis. – Paris: Larousse, 1987. 2 ed. – P. 120, 479; International Encyclopedia of Social Sciences / Sills, David L., ed. Vol. 1. McMillan Company, 1968. – P. 21–22. Такую же трактовку ассимиляции как уподобления дает словарь Ожегова. См. *Ожегов С.И.* *Словарь русского языка*. – М.: СЭ, 1960. 4-е изд. – С. 29.

статус и отказ от принадлежности к некоей большей общности. В этом случае культурная и языковая дистанция в отношении этой большей общности сознательно увеличивается¹¹. Это понятие применимо для описания перемен, происходивших с сильно ассимилированными группами и индивидами из, например, белорусской и малорусской среды, если и когда они начинали отдавать предпочтение белорусской и украинской идентичности как национальной.

Черно-белые ситуации исключительно насильственной или исключительно добровольной ассимиляции были лишь крайностями. В большинстве случаев агенты ассимиляции стремились, наряду с давлением, создать позитивную мотивацию. А те, кто переживал «русифицирующую» ассимиляцию или аккультурацию, имели свои, иногда весьма неожиданные для «русификаторов», мотивы для усвоения русского языка и тех или иных элементов русской культуры. В любом случае, важно уйти от представления о взаимодействии, в котором одна из сторон выступает как пассивный объект, а если и проявляет активность, то только в виде усилий по развитию альтернативных культуры и языка. Мотивы освоения русского языка польским инженером или предпринимателем; чиновником из тех же поляков, прибалтийских немцев и эстонцев; евреем, стремящимся получить образование и/или добиться финансового успеха; офицерами самых разных этнических корней; мусульманами из традиционных и, в особенности, новых элит – все это нескончаемое поле вариантов еще очень мало исследовано, отчасти потому, что национальные историографии до самого недавнего времени не слишком интересовались этой темой, ведь они были и во многом остаются сосредоточены на теме оппозиции имперской власти.

Плохо исследованы и позитивные мотивы к освоению русского языка у людей из простонародья. Крестьянин вполне мог хотеть, чтобы его сын разбирал царские законы, то есть умел читать именно по-русски. (Случаи, когда малорусские крестьяне настаивали на том, чтобы в школе учили именно русскому, известны.) Перспектива стать писарем в своей деревне наверняка была привлекательной, для кого-то как возможность помогать односельчанам, для кого-то как возможность брать взятки. Вполне реальной была карьера сельского учителя, дьяка и даже священника. Связанные с географической мобильностью формы экономической активности нерусских крестьян – не только сельскохозяйственные миграции, но также отходничество, ямщицкий извоз или, например, широко распространенный наем в качестве домашней прислуги эстонок в Петербурге – также весьма часто влекли за собой хотя бы ограниченное усвоение русского языка.

Очень важный фактор, который нужно учитывать при анализе случаев далеко продвинутой ассимиляции, – это готовность властей и общества такую ассимиляцию принять. Она была качественно разной в отношении еврея, татарина, чуваша, немца, поляка или малоросса. Малорусы и бело-

---

¹¹ Brokhaus Enzyklopädie. B. 1. – Wiesbaden, 1966. S. 800.

руссы сложностей «отвергнутой ассимиляции» вообще не испытывали, им, напротив, отказывали в праве на особый, отличный от русских, этнический статус. Сила отторжения разных категорий ассимилированных менялась во времени, она также была разной внутри разных социальных групп самого русского общества. Внизу социальной пирамиды действовали иные механизмы, чем среди образованных слоев. Последние также не были едины в своем отношении к ассимилирующимся группам. В отношении поляков порог «отвергнутой ассимиляции» стал особенно высок после распространения в русском обществе политической полонофобии как реакции на восстание 1863 г. В отношении евреев либеральное приглашение к ассимиляции со стороны образованного общества в целом действовало в период 1850–1870-х гг. и находило все более широкий отклик в еврейской среде. Однако с конца 1870-х оно сменилось в значительной части русского общества нарастающим, иногда расистским отторжением.

Крайне правые русские националисты в начале XX в. довели эту проблему до предела. Они, с одной стороны, выступали за максимально жесткую и всеохватывающую русификацию, а с другой – трактовали русскую нацию в сугубо этническом ключе, отрицая право даже вполне ассимилированных «инородцев» претендовать на членство в русской нации. Это, в свою очередь, оказывало влияние на стратегии ассимилирующихся групп и их отдельных представителей.

Этнические границы русской нации также понимались по-разному – сторонники тождества понятий *русский* и *великорусский* вплоть до развала империи оставались в меньшинстве, доминировала идея общерусской нации, объединяющей всех восточных славян. Но и восточнославянская этничность не была жестким барьером. Неизменно положительным было отношение к ассимиляции финно-угорских групп. Значительным было число обрусевших и христианизированных татар. И среди русских крестьян, и среди русских дворян ни для кого не было ни секретом, ни проблемой, что отражает известная русская поговорка: «Поскреби русского, найдешь татарина».

Немногочисленные сторонники концепции политической полиэтнической российской нации, которая в идеале должна была в будущем охватить всю империю (например, П.Б. Струве), делали акцент на расширении политического участия и воспитании гражданской лояльности империи. Эта позиция еще острее ставила проблему гражданского, политического включения крестьянских масс, которая осознавалась – по крайней мере, применительно к русскому крестьянству – широким кругом русских националистов. Эта задача встала в практической плоскости только после отмены крепостного права в 1861 г. Призыв в армию вместо рекрутского набора был важным инструментом социальной инженерии в отношении широких масс населения. Наряду с личным освобождением крестьян, реформы качественно расширили публичную сферу благодаря отмене пред-

варительной цензуры, что позволило прессе превратиться в важный элемент формирования общественного мнения. Земства и городские думы стали важным институтом местного самоуправления и вовлекали население в процессы публичной политики и выборности. Однако Великие реформы 1860-х гг. не создали механизмов политического представительства на общеимперском уровне, не дали права создания политических организаций, поэтому последующие десятилетия XIX в. были по большей части потеряны для построения политической нации.

Проблема русификации как политики, затрагивающей массы населения, всерьез встала перед властями империи также только после отмены крепостного права в 1861 г. Рассмотрим теперь в специальных разделах несколько ключевых для империи вопросов этноконфессиональной политики – польский, украинский, еврейский, мусульманский, а также миграционные процессы, которые были важным фактором развития межэтнических отношений и нациостроительства в империи.

§ 1. Польский вопрос

После разделов Речи Посполитой империя рассчитывала построить с польской шляхтой отношения, подобные ее отношениям с балтийским немецким дворянством – то есть сохранить за шляхтой сословные привилегии и фактический контроль за жизнью региона в обмен на лояльность. С учетом того, что на всей присоединенной к России территории шляхта господствовала над непольским и, зачастую, некатолическим крестьянством, она также нуждалась в империи как гаранте порядка. На всей этой территории сохранялось действие Литовского статута – кодекса гражданского и процессуального права Речи Посполитой. Как в административном, так и в судебном делопроизводстве польский язык оставался ведущим. В первые десятилетия XIX в. в крае активно развивалась польская система просвещения. Виленский университет стараниями попечителя Виленского учебного округа А. Чарторыйского превратился в крупнейшее польское высшее учебное заведение. Число начальных школ с польским языком преподавания возросло с 70 в 1803 г. до 430 в 1820 г. Литовский язык в них использовался только в начальных классах, и то в исключительных случаях. Вполне справедливы были замечания современников, что процессы колонизации края после разделов Речи Посполитой не только не прекратились, но даже активизировались, уже под властью Российской империи.

Петербург рассчитывал рекрутировать из числа польских дворян, которые составляли около половины дворян всей империи, квалифицирован-

ные кадры, способные участвовать в управлении империей в целом, а не только западными окраинами. Польской аристократии предоставлен доступ к высшим должностям в империи. А. Чарторыйский исполнял обязанности министра иностранных дел империи, С. Потоцкий стал попечителем Харьковского учебного округа, то есть управлял образованием в регионе, где поляков практически не было.

Однако социальные характеристики шляхты и ее политические представления во многом отличались от немецкого дворянства прибалтийских губерний. Два фактора были особенно важны. Во-первых, шляхта была гораздо более многочисленной и внутренне неоднородной. Она составляла более 5 % всего населения региона, в некоторых местностях даже более 10 %. Во-вторых, важную роль играла свежая память о Речи Посполитой, государстве, в котором шляхта считала себя хозяином, в то время как балтийское дворянство перешло под власть Российской империи из-под власти шведской короны, которая в начале XVIII в. уже покушалась на его сословные привилегии. Сразу после разделов многие не питали надежд на восстановление польской государственности в обозримом будущем и искали возможности приспособиться к жизни под властью Российской империи. Ситуация изменилась, когда Наполеон воссоздал польскую государственность в виде княжества Варшавского, завоевав симпатии большинства шляхты. После победы над Наполеоном Александр I создал в 1815 г. конституционное царство (или королевство) Польское. (Далее – ЦП.) Обстоятельства и настроения шляхты на тех землях Речи Посполитой, которые аннексированы Россией в конце XVIII в., преобразились. Ее связи с ядром прежнего государства теперь были значительно облегчены, огромное значение имел сам факт существования ЦП со столь широкой автономией. Собственно, никогда более ни в одной из империй – участниц разделов поляки столь широкой автономией не пользовались.

Александр I хотел от польского дворянства не только послушания, но и преданности. В обтекаемой форме он показал, в том числе и в своей речи на Первом сейме в 1818 г., что готов отчасти удовлетворить надежды шляхты на воссоединение с ЦП тех земель Речи Посполитой, которые аннексированы империей в результате разделов. Эти настроения господствовали по обе стороны границы между империей и царством.

В самом ЦП самодержец всероссийский превращался в конституционного короля – главу исполнительной власти. На время своего отсутствия в Варшаве он назначал наместника. Законодательную власть король осуществлял вместе с двухпалатным сеймом. Конституция провозглашала свободу печати и вероисповеданий, неприкосновенность личности. Официальным языком признавался польский. Избирательное право определялось имущественным цензом. Право голоса получили около ста тысяч человек. Создавалась польская армия с польским языком командования, польскими мундирами. Конституция 1815 г. наделила царство Польское широкой фи-

нансовой автономией. Взаимоотношения имперского центра и царства основывались на строгом разграничении бюджетов и казначейств. Царство имело денежную систему.

После вступления на престол Николай I продемонстрировал, что готов уважать особый статус ЦП. По собственному выражению, он стремился «быть столь же хорошим поляком, как и хорошим русским». Речь шла, конечно, не о полонофильстве, а о традиционном имперском универсализме. В соответствии с этим принципом, до восстания 1830 г. наследник Александр Николаевич учился польскому языку наряду с другими европейскими (по словам Николая в 1827 г., «необходимо, чтобы в особенности польский язык был, по возможности, настолько же близко знаком ему, как и русский») и даже писал письма дяде Константину в Варшаву по-польски¹². В 1829 г. Николай приехал в Варшаву на коронацию. Александр I не короновался польской короной.

Начавшееся в ноябре 1830 г. польское восстание было плодом романтического патриотизма и радикализма молодежи и разочарования в тех завышенных ожиданиях, которые польское общество испытывало в первые годы существования ЦП. В армии ЦП рост недовольства был связан также с крайне ограниченными возможностями продвижения по службе многочисленных офицеров в небольшой (всего 29 тысяч) польской армии. Более двух месяцев Николай I не начинал боевых действий, надеясь на то, что польские элиты сами сумеют успокоить ситуацию. Только после того, как сейм 25 января 1831 г. от имени польской нации объявил о детронизации Николая, русская армия начала боевые действия, стоившие немалых жертв с обеих сторон. После подавления восстания Николай смотрел уже на ЦП как на земли, покоренные силой оружия.

Восстание вообще было одним из ключевых моментов в истории империи, во многом определившим характер той проблемы, которая позже получила имя «проклятого польского вопроса». Оно также показало, что империя больше не может безраздельно полагаться на прежние принципы непрямого правления в опоре на местные дворянские элиты¹³.

В 1832–1834 гг. на возвышавшемся над Варшавой холме по приказу царя построена цитадель, пушки которой были направлены на город. Николай обещал, что они сотрут Варшаву с лица земли при малейшем неповиновении. В крепости организована тюрьма, в том числе с казематами, а также сборный пункт для ссылаемых в Сибирь. Цитадель символизировала новую политику Петербурга в отношении ЦП – компромисс с местными элитами сменялся неприкрытыми силовыми методами утверждения господства империи. Упразднился сейм, был закрыт Варшавский универ-

---

¹² См.: Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. – М.: Алгоритм, 1997. – Кн. 1. – С. 391, 395.

¹³ См. Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. – М.: НЛЮ, 2006.

ситет. Польская армия была ликвидирована, а несколько десятков тысяч солдат и офицеров сослали в Сибирь и на Кавказ. Указ 1832 г. включил всех солдат распушенной польской армии в российскую армию.

В 1840 г. Николай I распорядился, чтобы названия «литовские» и «белорусские губернии» не использовались в административной номенклатуре, а соответствующая территория официально именовалась Северо-Западным краем. Киевская, Волынская и Подольская губернии составили Юго-Западный край. (Далее – СЗК и ЮЗК.) К СЗК и ЮЗК прилагались и более общие названия – «западные губернии», «Западный край».

Репрессии в СЗК и ЮЗК были в некоторых аспектах даже жестче, чем в царстве. Участники восстания, происходившие из этих земель, исключены из объявленной амнистии и лишены возможности вернуться на родину, конфисковано более 3000 имений повстанцев. Восстание получило поддержку главным образом небогатой шляхты, и власти жестоко наказали эту группу, потребовав подтверждения документов на дворянство. У десятков тысяч мелких шляхтичей таких документов не было, а власти в этом случае не склонны были смотреть сквозь пальцы на подделку отсутствующих документов и прочие уловки, которые недавно так легко прощали старшине Гетманщины. Многие (по некоторым оценкам, до 40 % от прежнего состава шляхты) лишились дворянского статуса, освобождения от службы в армии и других привилегий¹⁴.

Однако даже после массового «разбора» шляхты западные губернии остались регионом с высоким процентом дворянского населения. В 1858 г. около 378 тысяч из 612 тысяч дворян империи проживало в девяти западных губерниях. В 1852 г., в противоречие Жалованной грамоте дворянству, в семи западных губерниях (без Витебской и Могилевской) введена обязательная военная служба для сыновей польских помещиков по достижении ими 18 лет. В отличие от своих преемников, старавшихся очистить армию и бюрократию от поляков или хотя бы сократить их число, Николай сознательно привлекал их туда, уповав на перековку службой.

Как и в других сферах николаевской политики, в вопросе о западных губерниях имперский легитимизм эклектично сочетался с национализмом. Преобладающее польское культурное влияние сохранялось в Западном крае еще не одно десятилетие, но, в отличие от доповстанческого периода, оно уже не имело санкции имперских властей, которые теперь, напротив, стремились это влияние подорвать. Виленский университет был закрыт, а вместо него в 1834 г. открыт университет с русским языком преподавания в Киеве. В этом городе польское присутствие было заметно слабее, чем в Вильне. В СЗК университета больше не существовало. (Отсутствие университета в СЗК при двух на Украине (Киев и Харьков) было одним из важных факторов сравнительной слабости белорусского национального

---

¹⁴Thaden E. Russia's Western Borderlands, 1710–1870. – Princeton: Princeton University Press, 1984. – P. 123–124.

движения по сравнению с украинским.) Главной задачей Киевского университета св. Владимира было определено воспитание польской молодежи (а она составляла подавляющее большинство студентов) в духе преданности империи.

После восстания 1830–1831 гг. власти перестали считать крестьян Западного края безраздельной собственностью польских землевладельцев. Теперь, признавая крестьян экономической собственностью шляхты, власти повели с ней борьбу за «умы и сердца» этих людей, подчеркивая их «непольскость», стараясь препятствовать начальному обучению на польском языке. Приняты и меры к улучшению экономического благосостояния крестьян.

Большим успехом властей стало упразднение в 1839 г. в западных губерниях униатской (греко-католической) церкви или, на официальном языке, «воссоединение» униатов с православием. То был результат весьма длительного процесса. Значительное число униатов попало под власть Российской империи уже в результате первого раздела Речи Посполитой. Первоначально Екатерина II придерживалась декларируемого ею принципа свободы вероисповедания, однако после 1780 г. было заявлено, что униатские общины могут переходить в православие по решению прихода, если тот остался без священника. Энтузиастами такого обращения были православные иерархи в Белоруссии и Украине, в особенности архиепископы Георгий Конисский и Виктор Садковский. В период 1794–1796 гг. в православие перешло около 1,7 миллиона униатов, преимущественно на правобережье Днепра. В белорусских губерниях число обращенных было гораздо меньше.

При Александре I власти не оказывали на униатов прямого давления. Политика в отношении униатов вновь изменилась вскоре после воцарения Николая I. В 1828 г. униатская церковь выведена из подчинения католической коллегии Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Делами учрежденной греко-униатской коллегии заведовал Иосиф Семашко, противник католицизма и папской власти. К тому времени он уже составил несколько записок царю с планами организационного отделения униатов от католической церкви. Но до восстания 1830 г. эффект этих меморандумов был минимальным. Вскоре после событий 1830–1831 гг. две трети базилианских монастырей униатов было закрыто в порядке наказания монахов за поддержку восстания, а главный из них, Почаевский (на границе с Габсбургской империей), передан православной церкви.

Семашко был возведен в ранг униатского епископа и постепенно завоевывал поддержку среди духовенства. В феврале 1839 г. в Полоцке высшее униатское духовенство подписало Соборный акт с просьбой о присоединении к православной церкви. В марте Николай I утвердил соответствующее постановление Синода. В общей сложности в православие обращено тогда более 1,5 миллиона униатов Западного края. (В ЦП униатская цер-

ковь просуществовала до 1875 г.) Многие из бывших униатских священников позднее превратились в убежденных борцов с «полонизмом».

В самом начале масштабных реформ 1860-х гг. власти пытались договориться с влиятельными польскими аристократами о частичном восстановлении автономных институтов ЦП в обмен на спокойствие и лояльность поляков, что было очень важно для Петербурга в тот момент. Однако надежды на компромисс с поляками не оправдались, и в январе 1863 г. началось новое, крайне ожесточенное польское восстание, опиравшееся теперь, главным образом, на методы партизанской борьбы.

Восстание на самой чувствительной окраине империи существенно повлияло на процесс реформирования всей империи. С этого времени в русском общественном мнении утвердилось выражение «проклятый польский вопрос», на разных уровнях общества широкое распространение получила полонофобия. Многие элементы полонофобии того времени (теории заговора и т. д.) были позднее заимствованы при конструировании современного антисемитизма.

После подавления восстания Петербург перешел к открыто репрессивной политике в отношении польской католической церкви и польской шляхты. Осенью 1864 г. специальным указом закрыто более половины католических монастырей в ЦП (110 из почти 200). В 1865 г., с целью подрыва материальной независимости католической церкви, проведена секуляризация всей церковной недвижимости и упразднена опека шляхты над приходами. В 1867 г., после разрыва конкордата с Римом, католическое духовенство в ЦП, ранее подчинявшееся по духовным делам непосредственно папе римскому, переведено под контроль Римско-католической духовной коллегии в Петербурге, которая отныне выступала посредником между папой и клиром. Тогда же началась подготовка к ликвидации греко-католической церкви на Холмщине, которая завершилась в 1875 г. переводом униатов в православие.

Подавление восстания сопровождалось целой серией репрессивных мер против местного польского дворянства – смертными казнями, ссылкой повстанцев и подозреваемых в причастности к мятежу не только в судебном, но и административном порядке, депортацией во внутренние губернии целых селений мелкой шляхты, а также ее ускоренным перечислением в податные сословия и расселением среди крестьян. Помимо конфискации и секвестра владений лиц, участвовавших в восстании, с 1863 г. на все помещичьи имения Западного края наложен штрафной сбор в размере 10 % дохода. В 1864 г. сбор официально уменьшен до 5 % и просуществовал до 1897 г. Полякам было запрещено приобретать имения в Западном крае. Так империя вступила в затяжную борьбу с польской шляхтой за контроль над крупной земельной собственностью, в которой решительной победы Петербург не добился вплоть до Первой мировой войны.

К концу 1860-х гг. осуществлена почти полная – в отличие от ЦП – деполонизация административных и судебных институтов, преподавательского состава учебных заведений Западного края, частично за счет перемещения служащих во внутреннюю Россию или ЦП. Увольнялись и те из православных чиновников, кто был женат на польках. В первую очередь устранялись поляки-чиновники, которые по роду своих занятий находились в постоянном контакте с крестьянским населением, в частности уездные исправники¹⁵. Употребление польского языка, будь то письменное или устное, строго возбранялось, за исключением сугубо частной сферы.

Начиная с 1864 г. правительство открыло усиленное финансирование строительства каменных православных храмов по всему Западному краю. Выделялись средства и для замещения вакансий в православных приходах. Большое символическое значение придавалось реконструкции старых православных церквей, обращенных в XVII – XVIII вв. в костелы, и воссозданию церквей, о существовании которых в прошлом имелись предания.

Все эти меры были частью общей политики империи по превращению Западного края в часть русской национальной территории. Здесь проект строительства общерусской нации столкнулся с польскими усилиями отстоять экономическое и культурное преобладание в крае, в надежде со временем восстановить над ним и политический контроль возрожденного польского государства.

Освобождение крестьян в 1861 г. дало государству гораздо большую свободу в проведении националистически ориентированной политики, в том числе и в польском вопросе. Русская администрация ЦП во главе с Н.А. Милютиным и В.А. Черкасским провела крестьянскую реформу в царстве на основаниях, несравненно более выгодных для крестьян, чем в России. Дело было не только в том, что после восстания не было нужды защищать интересы шляхты. Милютин стремился воспитать в польском крестьянстве лояльность престолу и империи, вероятно, беря пример с австрийской администрации Галиции, которая добилась именно такого эффекта при отмене барщины для польских крестьян в 1848 г.

Программа Н. Милютина вдохновлялась идеей политической нации и унитарного государства, где, наряду с полным господством русского языка как государственного, этноконфессиональным меньшинствам предоставлены некоторые культурные, в том числе языковые права. Ее описание можно смело заимствовать из мемуаров его брата Д. Милютина: «Было бы противно общечеловеческой справедливости, чтобы побежденный народ отказался от своего языка, так же как от своей веры, от своих привычек и т. д... Пусть поляк говорит в своей семье и со своим земляком по-польски, так же как рижский немец – по-немецки, а рядом с ним эсто-

---

¹⁵ См. подробнее: *Самбук С.М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. – Мн.: Изд. Минского университета, 1980. – С. 31–52.

нец – по-эстонски; пусть каждый из них любит свою национальную литературу, свои народные песни и т. д.; но когда дело идет об управлении, о суде, о государственных учреждениях – тут уже не должно быть места национальности; тут необходимо возможно большее единство и слияние между частями одного государства»¹⁶.

В 1867 г. сделан решительный шаг к унификации административно-территориального деления ЦП и административных институтов по образцу губерний, управлявшихся «на общих основаниях». ЦП разделено на 10 губерний. Упразднены Государственный совет и Совет управления ЦП. Функции правительственных комиссий, т. е. своего рода министерств внутри ЦП, передавались центральным ведомствам. Образован Варшавский учебный округ, прямо подчиненный Министерству народного просвещения. В 1869 г. Главная школа преобразована в Варшавский университет, с профессорами из числа «лиц русского происхождения» и преподаванием исключительно на русском. В отличие от Западного края, здесь русификаторские меры не ставили задачей уничтожение польского элемента (никто из администраторов в ЦП не декларировал и в подавляющем большинстве случаев не преследовал на практике цель уничтожения польского языка и культуры), но носили характер наказания за восстание.

В исторической ретроспективе ясно, что политика деполонизации после восстания 1863 г. безвозвратно подорвала возможности польского националстроительства в западных губерниях Российской империи. Однако нельзя сказать, что проект строительства общерусской нации вышел из этого столкновения победителем.

§ 2. Украинский вопрос¹⁷

Начало модерного украинского национализма можно отнести к середине 1840-х гг. Кирилло-Мефодиевское общество, ставшее первой попыткой его организационного оформления, было разгромлено властями в 1847 г. При этом власти сознательно обошлись с большинством членов общества довольно мягко, чтобы не толкнуть украинофилов к радикализму и союзу с поляками. Н. Костомаров, П. Кулиш сосланы в губернские города России и определены на службу. Принцип «сдержанности» в персональных репрессиях против активистов украинского движения оставался в силе, по крайней мере, до конца XIX в.

¹⁶ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала Д.А. Милютина. 1863–1864. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 505–506.

¹⁷ О различных этапах имперской политики в украинском вопросе см.: Миллер А.И. Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении. – СПб.: Алетей, 2000.

Условия для новой активизации украинофильства возникли во второй половине 1850-х гг. – в связи с общей либерализацией в начале царствования Александра II. Члены общества возвращены из ссылки и получили возможность возобновить общественную деятельность. С конца 1850-х власти достаточно внимательно следили за украинофилами, но репрессий не предпринимали. Более того, в 1860 г. украинофилам разрешено издавать в Петербурге свой журнал «Основа». Можно утверждать, что власти лишь постепенно приходили к осознанию природы и масштаба угрозы – вплоть до 1862 г. они, за редким исключением, не противодействовали стремлению к эмансипации украинского языка, а отдельные ведомства (прежде всего МНП) порой даже оказывали этим усилиям поддержку.

Летом 1863 г., на фоне польского восстания, но не только в связи с ним, министр внутренних дел П.А. Валуев издал циркуляр, резко ограничивший издательские возможности украинофилов. Он приостанавливал публикацию любых книг для народа, включая учебники и религиозные тексты. Главной целью циркуляра было блокировать усилия, направленные на эмансипацию украинского языка и распространение грамотности на украинском среди крестьян. Инициатором бюрократического процесса по его подготовке был военный министр Д. Милютин, активную роль играли Третье отделение и киевский генерал-губернатор Н. Анненков. Настойчивое противодействие этим планам исходило от министра народного просвещения Головнина. На всех последующих этапах обсуждения политики в украинском вопросе можно наблюдать такое же отсутствие единого мнения о тактике действий, как и в этом случае.

В относящихся к 1863–1864 гг. правительственных документах была ясно сформулирована задача языковой ассимиляции малорусского крестьянина и достаточно полно перечислен арсенал практических мер для достижения этой цели. В это же время власти привлекли украинофилов к работе в гражданской администрации царства Польского, эксплуатируя широко распространенную в этой среде полонофобию. На 1864–1872 гг. приходится спад украинского национального движения.

Вызов со стороны украинского национализма становится исключительно важным катализатором дискуссии о проблеме формирования самой русской нации. Представление о Малороссии и Белоруссии как об «исконно русских землях», о малороссах и белорусах как о частях русского народа ясно прослеживается в правительственных документах и преобладает в общественном мнении. В статьях М.Н. Каткова на тему украинофильства концепция большой русской нации, включающей малороссов и белорусов, получает свое наиболее полное для того времени выражение. Большинство русских националистов как в бюрократической среде, так и в обществе не видели ничего дурного в сохранении малорусской региональной специфики и не стремились превратить малоросса в великоруса. Русскость понималась не как равная великорусскости, но как объединяющая велико-

руссов и малорусов на основе единого литературного языка и национальной идентичности при сохранении региональных особенностей.

Особо нужно сказать о позиции тех малороссов, которые имели общерусскую идентичность. Среди этих людей было немало весьма решительных противников украинских националистов. Вплоть до краха империи основная борьба по поводу национальной идентичности шла в Киеве и других украинских центрах между сторонниками украинской национальной идентичности как отдельной от русской и теми малороссами, которые были сторонниками общерусской нации. Власти, разумеется, выступали на стороне последних. Подчеркивая видную роль малорусских противников украинофильства в формировании общественного мнения и в принятии административных решений против украинофилов, а также отсутствие единства в среде центральной бюрократии и великорусских публицистов в подходе к украинскому вопросу, мы стремимся показать, что «линия фронта» проходила не по этнической границе между великороссами и малороссами.

Активизация украинофильства в середине 1870-х гг. связана уже с деятельностью нового поколения, впервые заявившего о себе в начале 1860-х гг., но остававшегося тогда в тени возобновивших свою деятельность бывших членов Кирилло-Мефодиевского общества. Центр украинофильской активности перемещается из Петербурга в Киев. Понимая бесперспективность политики, основанной лишь на административных запретах, тогдашний киевский генерал-губернатор А.М. Дондуков-Корсаков придерживается гибкой тактики «приручения» украинофилов – предоставляя определенные возможности для их культурной и научной деятельности, но не делая уступок в ключевом вопросе о допущении украинского языка в школу, он надеется придать движению умеренный, лоялистский характер. Эта политика, осуществляемая Дондуковым-Корсаковым на свой страх и риск, без санкции Петербурга, приносит определенные плоды. Однако конфликт украинофилов с их противниками в малорусской среде в Киеве подтолкнул последних обратиться с рядом доносов в Петербург. Созданное по указанию царя Секретное совещание разработало новые репрессивные меры против украинофилов, которые в конечном счете были еще более усилены в результате интриг тех оставшихся в меньшинстве членов Совещания, которые были сторонниками максимально жестких запретов как главного инструмента борьбы с украинофильством. Как и в 1863 г., Александр II 18 мая 1876 г. охотно поддержал наиболее радикальную версию антиукраинофильских инструкций, получивших название Эмского указа. Строго ограничивалось печатание любых изданий на украинском, запрещалась фонетическая система письма, разработанная украинофилами для увеличения дистанции между русским и украинским, запрещались театральные представления на украинском. Активисты украинского движения, среди них М. Драгоманов, должны были отправиться в ссылку. Тщетны

оказались старания министра внутренних дел А.Е. Тимашева по горячим следам смягчить Эмский указ.

Попытка пересмотра Эмского указа предпринята по инициативе сенатора А.А. Половцова в 1880 г. Она была активно поддержана харьковским генерал-губернатором Дондуковым-Корсаковым и сменившим его на посту киевского генерал-губернатора М.И. Чертковым, а также рядом влиятельных сановников из окружения Лорис-Меликова в Петербурге, что еще раз свидетельствует об отсутствии единства в рядах высшей бюрократии в подходе к украинскому вопросу. После убийства Александра II и отставки Лорис-Меликова Совещание о пересмотре Эмского указа оказалось под контролем Победоносцева и его сторонников, а потому ограничилось лишь косметическими поправками. В царствование Александра III цензурная политика в отношении украинских изданий была еще более жесткой, чем в годы правления его отца. Эмский указ оставался в силе вплоть до революции 1905 г.

Историки продолжают спорить о том, почему проект общерусской нации, включающий и малороссов, и белорусов, реализовать не удалось. Важное значение имели события начала XX в., прежде всего Первая мировая война и революция. Однако не подлежит сомнению, что во второй половине XIX в. империя, пытавшаяся следовать политике других крупнейших европейских держав по консолидации господствующей нации в имперском ядре, не обладала достаточно эффективными инструментами для ее проведения. В России ни один из тех институтов, которые Франция столь успешно эксплуатировала при осуществлении своего проекта национального строительства – а именно школа, армия, местная администрация – ни по своему состоянию, ни по уровню государственного финансирования не мог выполнить сходные задачи. В свою очередь, слабость административной системы предопределяла непоследовательность российской политики, которая существенно менялась в связи со сменой не только самодержцев, но и генерал-губернаторов. Плачевное состояние этих институтов и государственной машины в целом усугублялось ограниченностью возможностей использования общественных ресурсов, хотя бы для пополнения остродефицитных кадров образованных чиновников. Это во многом объясняется тем упорством, с которым самодержавие стремилось сохранить свою политическую монополию, то есть остаться самодержавием, даже после отмены крепостного права, служившего основой старого режима. Реформы 1860-х гг., будь они продолжены в политической сфере, открывали возможность преодолеть взаимное отчуждение власти и общества. Переход властей к контрреформаторской политике в 1870-е гг., утверждение бюрократическо-полицейского режима и нараставший с этого времени политический конфликт в русском обществе неизбежно подрывали привлекательность России как центра интеграционного притяжения для элит окраин империи.

§ 3. Еврейский вопрос¹⁸

В 1526 г. евреям было запрещено въезжать в Великое княжество Московское. В XVIII в. многие среди правящей элиты были уже убеждены, что разрешение хотя бы некоторым еврейским купцам посещать империю сулит значительные фискальные выгоды, однако ни один правитель не решился отменить запрета. Когда Екатерине II в самые первые дни ее правления предложили проект еврейской колонизации в России, она была вынуждена уступить сильной оппозиции традиционалистов и отложить рассмотрение вопроса, хотя никто не ставил под сомнение экономические выгоды этого плана¹⁹. Только через несколько лет, в 1768 г., закон впервые разрешил определенной категории евреев, а именно попавшим в русский плен иудеям – подданным Османской империи, селиться в Новороссии.

Таким образом, до разделов Речи Посполитой евреи воспринимались в России как потенциально выгодный торговый партнер (купцы), как потенциально полезные ремесленники и сельскохозяйственные переселенцы на пустующие земли Новороссии, как носители важных экспертных знаний – именно в качестве врачей и других специалистов присутствовали в России те немногочисленные евреи, которые все-таки были туда допущены. Основная масса евреев, которых получила Россия в результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII в., никак не соответствовала тем качествам и ролям, в которых их представляли (если представляли вообще) русские до разделов. Правящая элита и население не имели никакого опыта общения с евреями и знаний о еврейской жизни.

В результате раздела Речи Посполитой в 1772 г. под власть Российской империи попали евреи, проживавшие на землях современной Белоруссии. Невозможно сколько-нибудь точно установить число евреев, ставших подданными России в результате первого раздела. По оценке Дж. Клиера, их не могло быть более 50 тыс.²⁰ Ряд важных законодательных мер в отношении евреев, принятых в конце XVIII в., явно отражал дух просвещенного абсолютизма. Особенно важен указ Екатерины II от 1780 г., который предписал всем евреям приписаться либо к купеческому, либо к мещанскому сословию, после чего они должны были пользоваться всеми правами и привилегиями этих сословий наряду с их христианскими членами²¹. По сути дела, с учетом того, что дискриминационные законы в отношении евреев приняты позднее, уже в 1790-е гг., это постановление означало не

¹⁸ Подробнее о различных этапах имперской политики в еврейском вопросе см.: *Muller A.I.* Империя Романовых и национализм... Гл. 5.

¹⁹ *Klier J.D.* Russia Gathers Her Jews. The Origins of the «Jewish Question» in Russia, 1772–1825. – DeKalb, Ill., Northern Illinois University Press, 1986. – P. 35–36.

²⁰ *Klier J.D.* Russia Gathers Her Jews. P. 56.

²¹ *Klier J.D.* Russia Gathers Her Jews. P. 67.

что иное, как полную правовую эмансипацию евреев в Российской империи, в той мере, разумеется, в какой понятие эмансипации вообще применимо к этому феодальному, сословному обществу. Указ 1780 г. противоречил не только польским обычаям, но и вековой традиции Магдебургского права, которое запрещало евреям вступать в ремесленные и купеческие корпорации. Если учесть, что «Патент о толерантности», дарованный Иосифом II евреям Богемии и Моравии, датирован 1781 г., пионерский характер указа Екатерины II вполне очевиден.

Слабость указа 1780 г. состояла в том, что он предполагал, что все евреи соответствуют именно этим двум категориям – купцам и мещанам, в то время как значительная их часть жила в местечках, не имевших городского статуса. Этот недостаток указа был бы вполне преодолим, если бы число евреев в России не выросло радикальным образом в результате последующих разделов.

Очень быстро власти столкнулись с типичной реакцией на эмансипаторские меры в отношении евреев, а именно с сопротивлением и протестами христианского, в данном случае по преимуществу польского, населения. Во всех подобных ситуациях по всей Европе как в XVIII, так и в XIX в. правительства первоначально уступали протестам христиан и сохраняли дискриминационные меры в отношении евреев²². В России, несмотря на протесты христиан, власти не отменили закона, по которому евреи могли избирать и быть избираемы в местные магистраты. Жалованная грамота городам 1785 г. подтвердила право евреев входить во все шесть предусмотренных ею разрядов городских жителей, избравших городскую думу. «Когда еврейского закона люди, – говорилось в именном указе от 26 февраля 1785 г. – вошли уже, на основании указов Ее Величества, в состояние равное с другими, то и надлежит при всяком случае наблюдать правило, Ее Величеством установленное, что всяк по званию и состоянию своему долженствует пользоваться выгодами и правами, без различия закона и народа». В этот непродолжительный период 1780-х гг. правовое положение евреев в Российской империи было лучше, чем где бы то ни было в Европе.

В период между первым и третьим разделами Речи Посполитой элита евреев, попавших под власть Романовых, переживала интенсивный процесс аккультурации, сравнимый с процессами в среде маскилов Германии. Лидеры еврейской общины активно развивали контакты в среде русской аристократии, получали весьма прибыльные подряды и, благодаря своему

---

²² Об отмене или приостановке действия эмансипаторских законов в отношении евреев после протестов христианского населения, которые иногда принимали форму погромов, в XVIII и первой половине XIX в. в немецких государствах, во Франции и Британии см. *Rogger Hans. Conclusion and Overview // Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History // John D. Klier and Shlomo Lambroza, eds. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 314–371., особ. P. 319–320.*

богатству и связям, пользовались значительным влиянием. В целом, в период между 1772 и началом 1790-х гг., власти демонстрировали тенденцию к эмансипации и интеграции сравнительно малочисленных еврейских подданных империи, которая отразилась в ряде законодательных актов. Начало целенаправленной правовой дискриминации следует отнести к 1794 г., когда для евреев был введен двойной налог²³.

В результате второго и третьего разделов Речи Посполитой Российская империя получила, по разным оценкам, от 500 до 700 тысяч новых подданных – евреев. Присоединение вскоре Варшавского княжества, преобразованного в царство Польское, с 300 тыс. евреев (1815 г.) и Бессарабии с 20 тыс. (1812 г.) еще больше увеличило их численность в империи. В Российской империи оказалось более половины всех евреев Европы.

В течение всего XIX в. евреи демонстрировали более высокий естественный прирост населения, чем подавляющее большинство других этно-религиозных групп Российской империи, в результате чего их доля в населении империи возросла с 1,5 % в 1800 г. до 4,8 % в 1880 г. К этому времени российские подданные составляли более половины всех евреев мира, тогда как в 1800-м – менее четверти. По данным единственной общеимперской переписи населения 1897 г., 5 млн евреев составляли 4 % населения империи. За период с 1881 по 1914 г. Российскую империю покинули почти 2 млн евреев, в результате чего их удельный вес среди всего населения стал снижаться и к 1914 г. составил 3,1 %.

В 1802 г. начал свою деятельность Еврейский комитет, который должен был подготовить свод законов в отношении евреев. Принятое в 1804 г. Положение о евреях подтвердило постепенно складывавшиеся в конце XVIII в. ограничения на передвижение евреев, фактически закрепив черту оседлости, что, в то же время, означало весьма значительное расширение доступной для проживания евреев территории – в черту навсегда вошла Новороссия.

Положение предусматривало перевод в течение шести лет всей документации по коммерческой деятельности и правам собственности на один из трех языков – русский, польский или немецкий, а также требовало начиная с 1812 г. знания одного из них раввинами и членами кагала (еврейского самоуправления). Это правило ясно свидетельствовало об отсутствии у властей русификаторских планов – важно было обучение какому бы то ни было языку, который мог послужить медиумом для общения власти с евреями и их аккультурации в духе Просвещения.

Также вдохновлены идеями Просвещения об усвоении евреями новых, «полезных» занятий были статьи, поощрявшие переход евреев в разряд

---

²³ Непосредственной причиной введения двойного налога было плачевное состояние казны в результате войны и восстания Пугачева. Налог был введен как временный, в отличие от двойного налога на иноверцев, в том числе и иудеев, в Османской империи, который был нормой.

землепашцев. Евреи могли покупать незаселенные земли, переселяться на казенные земли, получали ссуды и освобождение от налога на 10 лет, а также освобождение от остававшегося в силе с 1794 г. двойного налога для евреев. Положение специально подчеркивало, что евреи-земледельцы остаются свободными и не могут попадать в какие-либо формы крепостной зависимости. В 1835 г. николаевское Положение разрешило всем желающим евреям переходить в разряд земледельцев. Неизбежная проблема отсутствия у евреев навыков и опыта сельскохозяйственной деятельности подтолкнула правительство в 1847 г. к решению назначать старостами в еврейские поселения немцев-колонистов. Помимо образцового ведения хозяйства немецкими колонистами, учитывалось и практическое отсутствие языкового барьера, поскольку немецкий и идиш довольно близки. Закон 30 мая 1866 г. декларировал прекращение программы еврейской колонизации. Однако в действительности она продолжалась до 1881 г.

В 1897 г. только в Новороссии насчитывалось 500 селений с 25 700 семьями, из которых около 23 000 были семьями еврейскими, всего 34 531 мужская душа, с 32 851 десятиной земли. Остальные 10 % семей были немецкие. Насколько можно судить по отрывочным сведениям, отношения евреев и немцев были хорошими, в 1881 г. немцы из еврейских селений старались защитить своих соседей от погромов²⁴. Некоторые успехи этой программы, охватившей заведомо более 100 тыс. человек, очевидны, особенно в сравнении с практически тотальным провалом попыток еврейской сельскохозяйственной колонизации в США и Палестине в XIX в.

Жесткая регламентация и дисциплинирование, ставшие лейтмотивом царствования Николая I, ознаменовались для евреев введением в 1827 г. рекрутского набора. Обычное противопоставление российской ситуации, как сугубо репрессивной, и западноевропейской, где призыв евреев в армию якобы следовал за эмансипацией, не вполне верно. Призыв в Пруссии и Австрии был *частью* процесса эмансипации и распространялся на евреев задолго до получения ими всей полноты прав. Призыв в России также рассматривался властью отнюдь не только как инструмент обращения, но и как способ аккультурации, и отслужившие солдаты получали привилегии по сравнению с другими евреями и в том случае, если они оставались иудеями. В частности, они имели право поступать на государственную службу²⁵.

Приказ Николая I подготовить новое Положение о евреях не предполагал введения новых мер дискриминации, а лишь сведение воедино всего касающегося евреев законодательства. Важно отметить, что Еврейский комитет при подготовке Положения выдвинул предложения о целом ряде

---

²⁴ См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XI. – СПб., 1893. – С. 480–483.

²⁵ Stanislawski M. Tsar Nicholas and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia, 1825–1855. – Philadelphia: The Jewish Publication Society, 1983. – P. 21.

нововведений, направленных на облегчение правовой дискриминации евреев. Лишь небольшая часть этих предложений утверждена царем, но в целом Положение имело положительное значение. В частности, он запрещал дальнейшее изгнание евреев из сельской местности, увеличивал срок проживания вне черты оседлости для купцов-евреев с одного до шести месяцев в год, впервые официально разрешал им посещать места крупнейших ярмарок вне черты оседлости. Изданное в 1835 г. Положение окончательно определило границы черты оседлости, сохранило особую систему традиционного образования (хедеры и иешивы), ввело возрастные ограничения для вступления в брак (не ранее 18 лет для мужчин и 16 для женщин).

После принятия Положения 1835 г. единственной репрессивной мерой в отношении евреев вплоть до конца 1840-х гг. стал запрет 1843 г. на их проживание в пятидесятиверстной приграничной полосе. По форме это была весьма типичная для Николая реакция на активное участие евреев в контрабанде.

Деятельность двух николаевских бюрократов в 1840-е годы обозначила не только новую страницу в истории политики империи в еврейском вопросе, но и оказала глубокое воздействие на жизнь еврейских общин. Граф П.Д. Киселев по поручению царя разработал в начале 1840-х гг. целую систему новых мер в отношении евреев, вдохновляясь при этом политикой эмансипации в соседних империях. Новые меры включали отмену кагала (1844 г.) и создание новой системы государственного образования для евреев, в надежде преобразовать российских евреев в аналог евреев немецких – образованных на языке страны, лояльных подданных, умеренных в религиозном отношении, занимающихся «полезными» видами деятельности, интегрированных в экономическую и культурную жизнь общества. Эти идеи отвечали настроениям царя, но характер николаевского режима и низкое качество российской бюрократии вносили в эти планы неизбежные и весьма существенные поправки.

Идея активного вмешательства государства в образование евреев была сформулирована министром народного просвещения С.С. Уваровым. Новые школы, несмотря на сопротивление традиционалистов, постепенно утвердились и стали основой для сотрудничества государства с немногочисленными маскилами в самой империи.

Первое поколение русско-еврейской интеллигенции, заявившее о себе в 1850–1860-е гг., практически без исключения училось в новых школах. Эти школы и созданные в рамках реформы раввинские семинарии открывали выпускникам дорогу в гимназии и высшие учебные заведения империи, без них был бы невозможен лавинообразный рост числа еврейских гимназистов и студентов в царствование Александра II.

В целом можно сказать, что правительственная политика вплоть до начала активной модернизации России при Александре II прошла четыре

стадии. До начала 1790-х гг. Екатерина II проводила политику, направленную на эмансипацию и инкорпорацию небольшой группы своих новых еврейских подданных, в основном через законодательные акты, снимавшие прежде существовавшие правовые ограничения. После окончательного раздела Речи Посполитой и резкого увеличения численности евреев в Российской империи власти занялись выработкой целостной правовой системы для евреев. Положение 1804 г. было попыткой введения такой системы. Степень ее цельности и последовательности отражала общий низкий уровень законотворчества и управления империи. Положение сочетало просветительскую ориентацию с дискриминационными мерами, которые должны были пресечь «вредное» влияние евреев. Но в целом в период с 1804 по 1825 г. империя предпочла не вторгаться глубоко в автономию еврейской жизни. Ситуация меняется при Николае I, когда такое вторжение становится весьма активным.

В течение 1860–1870-х гг. издан ряд законов, разрешавших повсеместное жительство в империи лицам иудейского исповедания с высшим образованием, с учеными степенями кандидата, магистра, доктора (прежде всего медицины); затем закон распространен на евреев-врачей, не имеющих ученой степени; на выпускников С.-Петербургского технологического института; наконец, в 1879-м право жить за чертой получили все, окончившие курс в высших учебных заведениях, а также аптекарские помощники, дантисты, фельдшеры, повивальные бабки и изучающие фармацию, фельдшерское и повивальное искусство. Еще ранее такое же право получили ремесленники и отставные николаевские солдаты²⁶. Молодые евреи имели право покидать черту оседлости на время обучения, в том числе ремесленным профессиям. Фактически обладание любой «полезной», с точки зрения властей, профессией или стремление ее получить давали выход за пределы черты оседлости.

В течение всего XIX в. черта оседлости и все другие дискриминационные меры прекращали действовать в отношении выкрестов, т. е. евреев, принявших христианство. В то же время выкресты подвергались остракизму со стороны еврейских общин.

В общей сложности в период с 1859 по 1869 г. принято 69 узаконений и распоряжений, касающихся евреев. Из них лишь 3 (в 1859, 1861, 1868 гг.) ухудшали положение евреев, 19 носили разъяснительный и уточняющий характер, а остальные 47 расширяли права евреев. После утверждения в 1864 г. нового устава гимназий и прогимназий, в котором говорилось, что в них могут обучаться «дети всех сословий без различия вероисповедания», число евреев – учащихся гимназий стало стремительно расти. В 1865 г. их было 990 (3,3 % всех учащихся), в 1870-м – 2045 (5,6 %), в 1880-м –

---

²⁶ Гессен Ю.И. История еврейского народа в России. В 2 т. – Л., 1925–1927. Т. 2. Типография кооперативного об-ва. – С. 155–159, 208.

7004 (12 %). Ясно, что за этими цифрами скрывается намного более резкий рост числа еврейских учащихся в черте оседлости – в целом в черте к концу 1870-х евреи составляли 19 % учащихся гимназий, а в Одесском учебном округе – до одной трети.

Период, когда в отношении евреев действовало «либеральное приглашение» к аккультурации и ассимиляции, в России был точно таким же, как в Германии и Австрии – с конца 1850-х до конца 1870-х годов. Однако, в отличие от соседних империй, российские власти не провели правовой эмансипации евреев, что существенно осложнило ситуацию в последующие десятилетия.

Начало 1880-х стало рубежом в истории евреев в Российской империи. В 1881–1882 гг. по западным окраинам прокатилась волна погромов. Фактически это были первые широко распространившиеся проявления массового насилия в отношении евреев в Российской империи²⁷. Погромы вызвали первую массовую волну еврейской эмиграции из России – в общей сложности более 20 тысяч человек.

В последние десятилетия XIX в. основная масса небогатых евреев стала испытывать по настоящему остро негативные экономические последствия существования черты оседлости. В то же время в этот период еврей-предприниматели добились очевидных успехов. Уже в середине XIX века евреи совершенно доминировали среди купцов черты оседлости, а среди купцов первой гильдии в Минской, Черниговской, Подольской губерниях никого, кроме евреев, и не было²⁸. В 1880-е гг. становится очевидной ведущая роль евреев в быстро растущих банках, железнодорожном строительстве и на бирже. Все чаще противники эмансипации указывали на экономические успехи евреев, как на доказательство того, что дальнейшие шаги по отмене правовых ограничений не нужны и даже опасны.

В новом дискурсе черта оседлости и другие формы правовой дискриминации становились последней защитой слабого, едва нарождающегося русского капитализма от еврейской доминации. Если прежде черта оседлости должна была ограничивать передвижение необразованного, традиционалистского, промышляющего мелкой торговлей и факторством, *жалекого еврея*, то теперь она должна была защищать от ловких, безжалостных, повязанных между собой круговой порукой как внутри империи, так и в мировом масштабе *евреев-хищников*. Вслед за Германией в Российской империи утверждается модерный антисемитизм, где на первый план выходит уже не религия и особенности традиционного жизненного уклада, но кровь, раса, и боязнь возрастающей экономической мощи евреев.

²⁷ См.: Klier J.D. «The pogrom Paradigm in Russian History» // Klier J.D. and Lambroza Sh. (eds.) Pogroms: Anti-Jewish Violence in Moder Russian History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 15–18.

²⁸ Slezkin Y. The Jewish Century. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – P. 118.

Меняется и прежнее поощрительное отношение к вовлечению евреев в светское образование, во многом потому, что в период действия «либерального приглашения к ассимиляции» евреи, как уже было отмечено, весьма успешно воспользовались открывшимися возможностями. Теперь государство начало применять дискриминационные меры к образованным евреям. Одним из проявлений этой новой тенденции стало введение в 1887 г. по инициативе министра народного просвещения И.Д. Делянова процентной нормы для поступления евреев в средние, а затем в том же размере и в высшие учебные заведения – 10 % в черте оседлости, 5 % вне черты и 3 % в столицах.

Вскоре в этом современном антисемитизме появился еще и мотив активного участия евреев в революционном движении. Первые обвинения евреев, заодно с поляками, в непропорционально активном участии в революционном движении прозвучали в 1870-е гг. Тогда они были беспочвенны. В 1871–1873 гг. доля евреев, привлеченных к дознаниям по политическим делам, составляла от 4 до 5 %, что соответствовало их доле в населении страны. Но к концу 1880-х евреи составляли уже от 35 до 40 % участников революционного движения. Разумеется, не все сегменты русского общества были заражены антисемитизмом. Евреев принимали как равных в революционной и либеральной среде. Именно туда и двинулись те все более многочисленные образованные евреи, которые стремились к сближению с русским обществом.

Следующий крупный погром был в Кишиневе в 1903 г., а затем многочисленные погромы произошли в 1905–1906 гг. Таким образом, подавляющее большинство погромов в Российской империи произошло в период кризиса после царубийства или во время революции. Наши знания о погромах носят, в основном, негативный характер. Мы более готовы ответить на вопрос, чем погромы не были, чем на вопрос, что же такое погром. Мы знаем, что погромы не были организованы правительством; что они происходили как в черте, так и вне ее; что погромы не были исключительно российским явлением и начались не в Российской империи; что погромы происходили и в тех странах, где существовала правовая дискриминация евреев, и там, где ее не было; как при либеральных, так и при авторитарных режимах²⁹. Вероятно, сам вопрос – «что такое погром?» – сформулирован неверно. События, обозначаемые словом «погром», многообразны по обстоятельствам, формам и причинам.

Черта оседлости и другие формы дискриминации евреев просуществовали до Первой мировой войны. Все попытки отменить или хотя бы ослабить дискриминацию, предпринимавшиеся после революции 1905 г., оказались тщетны. Наряду с общими для всех жителей западных окраин

---

²⁹ См.: Rogger H. Conclusion and Overview // Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. P. 314–371.

тяготами войны, евреи страдали от крайне враждебного отношения военных властей. Они в массовом порядке принудительно выселялись из прифронтовых районов, часто под предлогом обвинений в симпатиях к противнику. Отмена черты оседлости в августе 1915 г. была уже просто вынужденной констатацией факта – к тому времени более полумиллиона евреев либо ушли на восток сами, либо (в большинстве) депортированы армейским начальством.

В целом власти империи не справились с еврейским вопросом. Значительное число евреев, порвавших с традиционным укладом жизни, ушло в революционное движение и сыграло важную роль в падении династии Романовых.

§ 4. Миграции конца XVIII – начала XX в.

Знаменитое суждение В.О. Ключевского, что «история России есть история страны, которая колонизируется», имеет прямое отношение к нашей теме³⁰. Миграции и колонизация действительно играли огромную роль в жизни Российской империи, в том числе и потому, что в этой континентальной империи, более чем в других, формирование имперской нации вплоть до Первой мировой войны связано с пространственным расширением национальной территории.

Сельскохозяйственная миграция преобладала на всем протяжении имперской истории России. Ее развитие можно грубо разделить на две фазы. До отмены крепостного права миграции были, в основном, либо нелегальными, т. е. бегством от крепостничества, либо принудительными, когда казаков по решению властей переселяли на новые места на окраинах или крепостных переводили на новые земли по решению владельцев, как это описано, например, у Гоголя в «Мертвых душах». Государство предоставляло определенную помощь добровольным переселенцам, но они были, по преимуществу, иммигрантами (немцы, сербы, болгары и др.).

После 1861 г. миграции, в основном, становятся добровольными, движимыми надеждой крестьян получить землю и основать новое хозяйство на окраинах. До середины 1890-х государство не поощряло такую миграцию, к тому же она сдерживалась сохранением общины. Однако с конца XIX в. государство становится активным организатором сельскохозяйственной миграции, что особенно характерно для периода премьерства П.А. Столыпина (1906–1911 гг.).

---

³⁰ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Т. 1. – М.: Мысль, 1995. – С. 20.

После отмены крепостного права направление миграций существенно изменилось. С 1782 по 1858 г. главными направлениями были Новороссия (1 510 000 человек), Поволжье и Урал (968 000). На Северный Кавказ в этот период переселилось 565 000, а в Сибирь и Степной край – 517 000 человек. В период с 1870 по 1896 г. почти втрое сократилась миграция в уже насыщенные переселенцами регионы Поволжья и Урала. Падает на треть численность переселенцев в Новороссию. Зато на Северный Кавказ, где длительная война с местными горцами в 1860-е гг., наконец, завершилась, за последнюю треть века переселилось 1 687 000 человек. В 1860 г., после того как Терская и Кубанская области выведены из состава Ставропольской губернии, последняя превратилась, за счет иммиграции сюда русского населения и эмиграции мусульман, в территорию с преобладанием русских. Также возросло число переселенцев в Сибирь и Степной край – до 926 000. В начале XX в., особенно после 1906 г., когда государство стало активно поддерживать сельскохозяйственных переселенцев³¹, произошла настоящая революция в направлении миграционных потоков. Почти прекратилась миграция в Поволжье, резко сократилось число переселенцев в Новороссию (333 000) и на Кавказ (296 000). Главным направлением стала зауральская часть империи, куда в этот период переселились 3,5 млн человек³².

Эти миграции существенно меняли этнический баланс в местах назначения, а также представления о характере этих территорий. В Поволжье, где русские составили более 50 % населения во второй половине XIX в., численно преобладая во всех без исключения городах, это стало основой для активной ассимиляторской политики в отношении местных этнических групп с помощью обращения в православие, распространения русского языка и русских сельскохозяйственных практик.

В мусульманских татарских элитах, которые воспринимались властями в XVIII в. как удобный посредник в контактах с населением Поволжья и Степного края, теперь стали видеть главную угрозу русификации, а со времени Крымской войны – носителей пантюркистской идеологии и агентов исламизации. После массовых отпадений от православия кряшен (в 1860-е гг.) и обращения в ислам некоторых язычников из местных финно-угорских народностей мусульманский прозелитизм идентифицирован как главный вызов. Тогда педагог и миссионер Н.И. Ильминский предложил идею христианизации местных жителей через использование молитвенников и других религиозных книг, переведенных на местные языки. Он полагал, что наиболее срочной задачей в сложившихся условиях является предотвращение распространения ислама среди язычников и ранее креще-

---

³¹ Главное управление землеустройства и земледелия, созданное в 1905 г., в 1906 имело бюджет в 5 млн, а в 1914 – 30 млн рублей. См.: *Donald W. Treadgold, The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War.* – Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1957.

³² *Миронов Б.Н.* Социальная история Российской империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 22–25.

ных татар, а языковая русификация может подождать. Таким образом, Ильминский создал письменные языки для многих народов Поволжья³³. Хотя система Ильминского, предусматривавшая начальное обучение народов Поволжья на родном языке, не раз критиковалась сторонниками более энергичной языковой русификации, она имела поддержку властей вплоть до Первой мировой войны.

Было бы ошибкой описывать отношения властей и мусульман Поволжья только в терминах конфронтации. Именно в этом регионе вырабатывается модель мирного сосуществования христиан и мусульман³⁴.

В отношении финно-угорских народов Поволжья постепенно сложился взгляд, подчеркивавший комплементарность между ними и русским народом. Браки между русскими и финно-угорскими группами поощрялись, подчеркивалась вековая история кровного смешения русских и угро-финнов. «Мне кажется, что обрусение или слияние чуваш с русским народом может быть достигнуто только трояким путем: первый, и самый главный, это через усвоение ими православия, конечно, не безызвестно всякому, какое значение имеет в глазах наших простолюдинов различие веры; второе, путем брачных союзов, и третье, через усвоение русского языка чувашами», – пишет в 1870 г. студент Казанского университета чуваш И.Я. Яковлев в докладной записке попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову. Совершенно очевидно, что у Яковлева нет ни малейшего сомнения в том, что не только усвоение языка и веры, но и брачные союзы чувашей с русскими не могут вызвать у его адресата никаких возражений³⁵.

Хотя результаты христианизации и русификации местного населения не раз ставились под вопрос³⁶, восприятие этого региона как русской на-

---

³³ *Ильминский Н.И.* Из переписки по поводу дел о применении русского алфавита к инородческим языкам. – Казань, 1883. См. также: *Миллер А.И.* Российская империя, национализм и процессы формирования наций в Поволжье // *Ab Imperio*. – 2003. – № 3. – С. 393–406; *Werth P.W.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. – Ithaca: Cornell University Press, 2001.

³⁴ *Crews R.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. – Cambridge Mass: Harvard University Press, 2006; *Taimasov L.A.* From «Kazan's Newly Converted» to «Orthodox Inorodtsy»: The Historical Stages of the Affirmation of Christianity in the Middle Volga Region // *Matsuzato K.* (ed.) Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire (Slavic Eurasian studies Nr. 13). – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2007. – P. 111–138; *Brower D.R., Lazzarini E.J.* (eds.). Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. – Bloomington: Indiana University Press, 1997.

³⁵ Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. – М.–Л.: АН СССР, 1936. С. 333. «Обстоятельства сделали меня русским, и я горжусь этим именем, однако, несколько не гнушаюсь именем чувашина и не забывая своего происхождения. Будучи христианином, любя Россию и веруя в ее великую будущность, я от души желал бы, чтобы чуваша, мои единоплеменники, были просвещены светом Евангелия и слились в одно целое с великим русским народом», – пишет о себе Яковлев (С. 331–332).

³⁶ *Geraci R.P.* Ethnic Minorities, Anthropology, and Russian National Identity on Trial: The Multan Case, 1892–96 // *The Russian Review*, 59 (October 2000). P. 530–554.

циональной территории укоренилось уже в 1870-е гг., а Волга приобрела статус важнейшего национального символа³⁷.

Особенностью миграций на Северный Кавказ было то, что они происходили после массового исхода оттуда мусульманского населения. Далеко не всегда это было результатом изгнания, но власти, как правило, поощряли мухаджирство, то есть исход мусульман в Османскую империю, на земли, находившиеся под властью мусульманского правителя³⁸. На Кавказе, как и в других угрожаемых регионах, передовым отрядом поселенцев были казаки³⁹. Они воспринимали себя как особую группу, что привело в начале XX в. к появлению идей об особой казачьей нации. Однако в среде казаков преобладал взгляд на казачество как на особую часть русского народа⁴⁰.

Более двух миллионов переселенцев на северный Кавказ в XIX в., в сочетании с масштабной миграцией мусульманского населения из региона, существенно изменили демографический баланс. Постепенно Ставрополье и Кубань приобрели и в массовом сознании, и в официальной идеологии статус русской национальной территории. В других регионах Кавказа, а также в Туркестане русские поселения представляли собой изолированные анклав, опорные точки имперского влияния, и эти регионы, будучи частью империи, не воспринимались как части русской национальной территории.

К концу XIX в. особое значение приобретают миграции за Урал, прежде всего в Сибирь и Дальний Восток. Только в годы действия столыпинской переселенческой программы, начатой в 1906 г., число переселенцев за Урал перевалило за 3,5 млн⁴¹. Среди переселенцев было много малорусских крестьян – к 1917 г. за Уралом проживало почти 2 млн переселенцев-малороссов⁴². В новых условиях в их среде заметно ускорились процессы обрусения.

Имперские власти всегда относились крайне настороженно к любым – реальным и воображаемым – признакам сибирского сепаратизма. Еще в

³⁷ См.: *Пытин А.Н.* Волга и Киев // Вестник Европы. Июль 1885. – С. 188–215.

³⁸ *Бабич И., Бобровников В.* (ред.) Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: НЛЮ, 2007; *McCarthy J.* Death and Exile. The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821–1922. – Princeton: Princeton University Press, 1995.

³⁹ *Breyfogle N.B.* Heretics and colonizers: forging Russia's Empire in the South Caucasus. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 2005; *Idem, Schrader A., Sunderland W.* (eds.) Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History. – London and New York: Routledge, 2007.

⁴⁰ *Shane O'Rourke.* From Region to Nation: The Don Cossacks 1870–1920 // *Burbank J.* et al., eds., Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930. – Bloomington: Indiana University Press, 2007. P. 218–238.

⁴¹ *Marks S.G.* Conquering the Great East, Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // *Kotkin St., Wolff D.* (eds.), Rediscovering Russia in Asia. Siberia and the Russian Far East. – Armonk, N. Y. – London: Sharpe, M. E., 1995. P. 23–39.

⁴² *Брук С.И., Кабузан В.М.* Численность и расселение украинского этноса в XVIII – начале XX в. // Советская этнография. – 1981. – № 5. Табл.3. – С. 20–21.

1860-е гг. группа молодых людей во главе с Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым, сформулировавших требование предоставления Сибири статуса переселенческой колонии на британский манер, приговорена к длительным срокам тюремного заключения. Особенно беспокоили власти высказанные ими идеи о том, что русские в Сибири приобрели уже так много специфических черт, что вполне могут считаться особой нацией. В 1882 г. власти использовали 300-летний юбилей вхождения Сибири в состав России для усиленной пропаганды их единства, постоянно подчеркивая связь переселенцев на Восток с русским государством и формулу «неотъемлемая часть» применительно к Сибири. Тогда же отменено Западно-Сибирское генерал-губернаторство, и на регион распространена административная система, характерная для внутренних губерний. Стратегическая цель политики в отношении Сибири сводилась к формуле, согласно которой Сибирь «не может и не должна представлять собой особого и отдельного целого»⁴³. Конец XIX в. – поворотный период в русском дискурсе о Сибири – из «чужой земли», азиатской колонии она превращается в «русскую землю», неотрывную часть русской нации. В свете популярных тогда предположений о том, что к концу XX в. численность русских достигнет 400 млн, представление о Сибири как жизненном пространстве для будущих поколений и о евразийской русской нации все более утверждалось в общественном сознании. В.П. Семенов-Тянь-Шанский писал тогда об особом «культурно-экономическом целом» – «Русской Евразии», от Волги до Енисея и от Арктики до Каспия, которое следовало воспринимать как «родную и вполне равную русскую землю»⁴⁴.

Все окраины, куда направлялись массовые потоки переселенцев, имели две общие черты. Во-первых, уровень их экономического и цивилизационного развития считался более низким по сравнению с ядром империи. Поэтому колонизация идеологически обеспечивалась не только стремлением к национальному присвоению территории, но и дискурсом цивилизаторской миссии.

Во-вторых, все эти окраины в XIX в. оставались вне сферы влияния других великих держав, что создавало благоприятные условия не только для укрепления российской имперской власти, но и для националистического присвоения огромных территорий. В сравнении с другими империями Россия была невероятно успешна в национализации имперских окраин. Этот успех был достигнут в основном миграциями великорусских и малорусских крестьян, а также казаков на Восток и Юг империи.

---

⁴³ Сватиков С.Г. Россия и Сибирь. К истории сибирского областничества. – Прага, 1930. – С. 77.

⁴⁴ Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Арабески истории. – М.: ДИК, 1996. Вып. 7 (Рождение нации). – С. 603–604, 608–609.

На западных окраинах сельскохозяйственные миграции русского населения были крайне ограничены. Однако миграции промышленных рабочих и государственных служащих в города современных Украины и Белоруссии, в сочетании с процессами усвоения русского языка и идентичности значительной частью местного городского населения, создали значительные области, которые постепенно становились во второй половине XIX и начале XX в. частью общерусского ядра империи.

§ 5. Российская империя и ислам

Московское царство уже в XVI–XVII вв. владело рядом земель с мусульманским населением в Поволжье и на Урале, а также в Западной Сибири. Знатные мусульманские фамилии уже с XV в. переходили в православие, пополняя ряды бояр и дворян. В течение XVIII и XIX в. территориальная экспансия империи привела к включению в ее состав ряда областей с многочисленным мусульманским населением. В XVIII в. к империи были присоединены Крым и часть Северного Кавказа, а также часть Дагестана и Восточного Закавказья. Уже во второй половине XIX в. под власть империи перешли после затяжной Кавказской войны горные районы Кавказа, а в Средней Азии – обширные территории Кокандского, Хивинского и Бухарского ханств. К концу XIX в. мусульманское население составляло около 14 млн человек, или 10 % от общего числа подданных империи.

Вплоть до царствования Екатерины II никакой определенной политики в отношении мусульман у властей не было, терпимое отношение к исламу иногда сменялось приступами миссионерской активности. В 1773 г. принят закон о веротерпимости, который давал исламу легальный статус признанной религии. Было разрешено строительство мечетей по всей России. Первое издание Корана осуществлено в 1789 г., пять последующих изданий напечатаны до конца XVIII в. В Петербурге учреждена государственная исламская типография, которую затем перевели в Казань. В 1788 г. указом императрицы учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание, базировавшееся в Уфе. Собрание выполняло функцию верховного суда для мусульман, его члены выбирались, однако муфтии назначались уфимскими губернаторами. Так было положено начало созданию подконтрольной государству иерархии мусульманского духовенства, чье положение определялось ролью в имперских институтах. Эта политика должна была обеспечить лояльность мусульманских подданных империи и прочное включение аннексированных территорий с мусульманским населением в ее состав.

С конца XVIII в. активно развивается российское востоковедение, превратившееся во второй половине XIX в. в ведущую научную школу общеевропейского значения. Как и все востоковеды «века империй», российские ученые сочетали ориенталистские мотивы цивилизационного превосходства и доминирования с глубокими подлинными знаниями.

В первой трети XIX в. конфессиональная политика империи развивалась в просвещенческом духе упорядоченного полицейского государства. Бюрократизация религиозной сферы, начатая созданием еще при Сперанском Департамента духовных дел, в 1832 г. в основном завершена учреждением Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий в составе ключевого для империи Министерства внутренних дел. Третья канцелярия этого департамента занималась надзором за делами Оренбургского собрания. С 1828 г. имамы мечетей должны были вести метрические книги, которые служили также основой для налогообложения. Николай I утвердил обязательный план для постройки всех новых мечетей (схожий во внешнем виде с церквями), введены специальные правила, регулировавшие размещение мечетей в населенных пунктах. Власти разработали Устав духовных дел иностранных вероисповеданий, который существенно ограничил применение исламских правовых норм, в том числе отменил телесные наказания за употребление алкоголя, кражу и прелюбодеяние. В 1831 г. власти создали Таврическое магометанское духовное правление, отчасти с целью ослабить влияние Оренбургского собрания. Новый орган должен был контролировать мусульман Крыма, Черноморского побережья и земель бывшей Речи Посполитой. В 1872 г. два новых муфтията созданы в Тифлисе – отдельные шиитское и суннитское Закавказские магометанские духовные управления.

На протяжении всего XIX в. официальная духовная иерархия сталкивалась с оппозицией в мусульманской среде, отказывавшейся признавать ее легитимность. Как следствие, муфтии нуждались в поддержке властей, а власти получали дополнительные инструменты обеспечения лояльности включенных в официальную иерархию духовных лиц. Создав формальную иерархию мусульманского духовенства, лояльного государству, власти открыли, таким образом, и возможность для простых мусульман жаловаться в государственные органы на злоупотребления духовенства. Это создавало новые механизмы формирования лояльности государству среди мусульманского населения⁴⁵.

По данным 1911 г., Оренбургскому собранию подчинялись более шести тысяч мечетей, а Таврическому – 845. На тот момент статистика насчитыва-

---

⁴⁵ *Crews R.D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006; *Idem*, Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // *American Historical Review*. – Vol. 108 (2003). – № 1. – P. 50–83; *Campbell E.* The Autocracy and the Muslim Clergy in the Russian Empire (1850s-1917) // *Russian Studies in History*. – Vol. 44 (2005). – P. 8–29.

вала более 46 тысяч мусульманских духовных лиц, из которых около 20 тысяч имели официальный статус. В их число входили и полковые муллы, появившиеся в армии во второй половине XIX в. Мусульмане Кавказа и Средней Азии были свободны от обязательной службы, однако многие служили волонтерами в нерегулярных частях. Существовали, в частности, мусульманские казачьи части.

Также под руководством М.М. Сперанского в 1822 г. разработан *Устав об управлении инородцев*, проживавших вокруг Сибирской линии, за которым вскоре последовали *Устав о сибирских киргизах* для пограничного кочевого и оседлого населения Казахской степи, в 1824 г. – *Устав об оренбургских киргизах*, а в 1827 г. – *Учреждение для управления Кавказской области*. Понятие *инородец*, относившееся не только к мусульманам, но и ряду других нехристианских групп населения, обозначало с тех пор особую правовую категорию подданных Российской империи, проживавших в Кавказской области, Степном крае, позднее также Туркестане – не вполне чужих, но и не вполне своих, «цивилизованных». До середины XIX в. оно определяло, прежде всего, сословное положение и фискальные обязательства, а не этничность. По мнению Юрия Слезкина, разные категории *инородцев* были определены как открытые законодательные категории⁴⁶.

В Уставах разработаны нормы непрямого управления инородцами, в том числе и мусульманским населением. Они воплощены в жизнь в мусульманских районах Кавказа и Туркестана позднее, в основном, во второй половине XIX в., и получили название военно-народного управления. Империя не вмешивалась во внутренние дела мусульманских общин, оставляя местным исламским авторитетам возможность регулировать их жизнь на основе обычного права и, отчасти, шариата. В то же время местные должностные лица (муллы, кади) должны были отчитываться перед уполномоченными офицерами имперской армии, а также передавать на их рассмотрение судебные дела по самым тяжким преступлениям. Похожие системы существовали во Французской и Британской империях, поскольку позволяли контролировать огромные массы населения, в том числе местных номадов, с помощью немногочисленного военного персонала. В 1860-е гг., отменив на Кавказе рабство и выведя из общины местную знать, власти способствовали превращению местных общин в социально однородные структуры. Современники обращали внимание на сходство военно-народного управления с управлением крестьянскими общинами центральной России после отмены крепостного права.

По мере утверждения в пореформенный период идеи гражданства с равенством прав и обязанностей понятие *инородец* постепенно вытеснялось

---

⁴⁶ Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. – М.: НЛЮ, 2008. – С. 104–105.

применительно к населению окраин понятием *туземец*. В то же время в языке русских националистов и части бюрократии слово *инородец* все чаще стало обозначать любого нерусского подданного империи. Столыпинское законодательство говорит о поземельном устройстве «крестьян и инородцев» на казенных землях Сибири. Особые совещания обсуждают контроль над школьным образованием *инородцев*⁴⁷. Прежнее нейтральное значение понятия сменяется уничижительным: как неразвитых, отсталых нерусских подданных империи.

Во второй половине XIX в., и особенно в 1880–1890-е гг., происходила постепенная переоценка ислама со стороны властей. Во-первых, возникло представление об угрозе исламского прозелитизма, что было особенно актуально для Волжско-Уральского региона и Степного края. Во-вторых, постепенно усиливались опасения в отношении панисламских и пантюркистских идей. Действительно, едва ли не половина идеологов пантюркизма происходила из Российской империи⁴⁸. Наконец, власти с настороженностью относились к джадидам, сторонникам реформ и выборочного усвоения европейских влияний, которые появились в 1880-е гг. Одним из главных идеологов джадидизма в России был Исмаил-бей Гаспринский, издававший с 1883 г. еженедельник «Теркуман» («Переводчик»). Влияние джадидов власти, а затем многие историки преувеличивали. Однако, с открытием возможностей для политической деятельности после революции 1905 года, именно джадиды часто выступали лидерами политической активности мусульман и пытались, с умеренным успехом, координировать их политическую деятельность в масштабе империи, а также разрабатывать единый для всех российских мусульман язык. Джадидизм был особенно силен в Поволжье и Крыму, в то время как многие районы Закавказья почти не были затронуты его влиянием.

Первой мусульманской партией стал Иттифак (Исламский союз), в основном опиравшийся на татар Поволжья. Позднее появились Мусават (Равенство) в Азербайджане, Алаш Орда (Верность) в Степном крае и Милли Фирка (Национальная партия) в Крыму. Ни одна мусульманская партия не выступала за отделение от России, но большинство считало желательной ее федерализацию. В Государственной думе всех четырех созывов работала мусульманская фракция, в основном ориентировавшаяся на союз с кадетами.

В последние десятилетия существования империи в правительственных кругах боролись две точки зрения на стратегию в отношении мусульманского населения. Одни считали, что «официальное» духовенство является надежным союзником властей в мусульманской среде, и выступали за соз-

⁴⁷ Программа реформ П.А. Столыпина: Документы и материалы. Т. 2. – М.: РОССПЭН, 2002.

⁴⁸ *Karpat K.H.* The Politicization of Islam. Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. – Oxford: Oxford University Press, 2001.

дание новых муфтиятов. Другие не верили в лояльность муфтиев и предлагали политику «игнорирования ислама» и отказа от поддержки каких-либо религиозных лидеров. К джадидам власти относились с подозрением и не смогли наладить с ними сотрудничество.

В ходе Первой мировой войны, в 1916 г., в Туркестане произошло крупнейшее за много лет восстание киргизов, недовольных мобилизацией на прифронтовые работы. Атакованные ими казаки и другие русские поселения добились от властей предоставления им оружия для самозащиты. От самозащиты они вскоре перешли к мести и стону с земли, что вызвало массовый исход киргизов в Китай. В этой истории ясно проявилось, что государство не только предоставляло защиту русским поселенцам в Средней Азии, но и ограничивало их агрессивность в отношении туземцев.

Наиболее авторитетный российский исследователь политики империи в отношении мусульман В. Бобровников оценивает основное содержание отношений империи с ее мусульманскими подданными как «в большей степени вовлекающее взаимодействие, чем конфронтацию»⁴⁹.

§ 6. От революции 1905 г. к Первой мировой войне

Революция 1905–1907 гг. и появление в 1906 г. первого общегосударственного представительного законодательного органа – Государственной думы – заметно изменили общий политический контекст развития национальных и конфессиональных отношений во всей Российской империи. По сути, только теперь в империи появлялась *политика*, политическое представительство, свобода собраний и ассоциаций, без чего процессы национального строительства проходили крайне замедленно и деформировано. Новую остроту по всей империи, и особенно на ее западных окраинах, приобретали проблемы гражданского равноправия (черта оседлости и другие виды дискриминации по этническим и религиозным признакам), образования (в том числе языка обучения), национальной автономии, местного самоуправления (отсутствие земства) и политического представительства.

Уже в апреле 1905 г. издан указ «Об укреплении начал веротерпимости». Указ не был революционным переворотом в конфессиональной политике властей, он не отменял господствующего положения православия и не порывал с общим представлением о принадлежности к той или иной признанной государством конфессии как важнейшем качестве гражданина.

---

⁴⁹ Bobrovnikov V. Islam in the Russian Empire // The Cambridge History of Russia. Vol. 2. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 222.

Главным новшеством было разрешение лицам старше 14 лет менять по личному желанию исповедание, включая уход из православия. На практике, впрочем, официальная процедура перемены веры могла быть весьма затяжной и придирчивой. Манифест от 17 октября 1905 г. обещал «свободу совести», но законодательного оформления это не получило. Тем не менее, эти два документа кардинально изменили конфессиональную политику в империи.

Уже в 1905 г. более ста тысяч бывших униатов Холмщины, насильственно переведенных в православие в 1875 г., перешли в католицизм. Также отпали от православия десятки тысяч крещеных татар и язычников в Поволжье. В новых условиях стала еще более очевидна неэффективность прежних форм миссионерской деятельности, а также связь конфессии и национальной проблематики. Это понимал П.А. Столыпин, который в свойственной ему наступательной манере писал в сентябре 1909 г. обер-прокурору Святейшего Синода С.М. Лукьянову: «Возвращаясь к Поволжью и казанскому краю, я не могу не отметить, что в этой местности с инородческим населением, колеблющимся... между русско-православным и татаро-мусульманским влиянием, должны быть направлены серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска. Отказаться от этой борьбы значило бы отказаться от всех вековых исторических задач, отрицательные последствия чего неисчислимы. Всякая борьба достигает, конечно, только тогда намеченной цели, когда она ведется совершенным оружием. Из них бесспорно первейшим является надлежаще поставленная и хорошо оборудованная школа». Он также подчеркивал необходимость сотрудничества государства и церкви в этой работе⁵⁰.

Особое внимание к начальной школе, в том числе и как инструменту ассимиляции, вообще было характерно для царствования Николая II. Расходы государства на крестьянские школы практически не росли с 1862 по 1895 г. В 1879 г. из бюджета покрывалось только 11,3 % всех расходов на начальные школы. Сами крестьяне давали втрое больше, а земства – 43,4 % всех средств. Серьезные изменения к лучшему стали происходить в начальной школе только с середины 1890-х гг. С 1896 по 1900 расходы государства на начальную школу удвоились, очередное удвоение расходов достигнуто к 1907 г., а с 1907 по 1914 они возросли в 4 раза. Если в 1881 г. все расходы на образование составляли 2,69 % бюджета, и начальная школа отнюдь не имела приоритета при дележе этих денег, то в 1914 г. расходы на образование составили 7,21 % бюджета, и доля начальной школы при этом возросла⁵¹.

Создавая общеимперский представительный орган, власти надеялись, что Дума и выборы в нее станут не только фактором политического уми-

⁵⁰ РГИА. Ф. 796. Оп.191. Отд.6. Ст.3. Л. 163. Л. 4–6.

⁵¹ См.: *Eklöf B.* Russian Peasant Schools. Officialdom, Village Culture and Popular Pedagogy, 1861–1914. – Berkeley: University of California Press, 1986. – P. 89–94.

ротворения, но и послужат интеграции имперского социума и определенному выравниванию политико-правового статуса регионов, этносов и конфессий. В записке Министерства внутренних дел указывалось, что Дума будет иметь «важное государственное значение в деле сближения многочисленных народностей, объединенных под сенью Русской державы с коренным русским населением», а «устранение при этом условия какой-либо местности от участия в избрании членов Государственной думы, как невызываемое государственной необходимостью, могло бы возбудить справедливое неудовлетворение соответствующей части населения»⁵².

В то же время разработчики избирательного законодательства опасались, что «в Думе, – как выразился С.Е. Крыжановский, – может слагаться по вопросам, касающимся инородческих интересов, сильное и неудобное для правительства большинство». В записке «К преобразованию Государственного Совета» (октябрь 1905 г.) он особо выделял этноконфессиональную проблему: «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66 % общего количества населения, а чуждые народности достигают 34 %, то есть такого процента, какого не знает ни одна западноевропейская держава, кроме Австрии, не имеющей вовсе господствующей нации. Национальная борьба и теперь проявляется у нас в высокой степени, а в будущем должна составить вопрос первенствующий... Интересы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одном держатся и сила государственной власти и самый престол Российских государей, безусловно господствовал в законосовещательных учреждениях...»⁵³ Правительство, причисляя к «господствующей нации», кроме великорусов, также малороссов и белорусов, рассчитывало на их политическую лояльность в будущей Думе. Сам же император Николай II при обсуждении реформ требовал обеспечить обязательное «право каждого русского чувствовать себя дома на всем протяжении империи» и указывал на необходимость политически выделить «истоки русского национального ядра»⁵⁴.

В Положении об учреждении Государственной думы оговаривалось, что ее членами не могут стать лица, «не знающие русского языка»⁵⁵. Губернии центральной России получили существенные электоральные преимущества. Завышение представительства от русских губерний центральной России (один депутат от 250 тысяч жителей при 350 тысячах на 1 члена Думы от окраин) разъяснялось «государственным значением коренных русских губерний в общем строе империи», поскольку, по мнению власти,

---

⁵² РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

⁵³ Там же. Д. 16. Л. 76.

⁵⁴ Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. – М.: Социум, 1998. – С. 46, 47.

⁵⁵ Законодательные акты переходного времени (1904–1906 гг.). Изд. 2-е. – СПб.: Издание Юридического книжного склада «ПРАВО», 1907. – С. 140, 153.

интересы этих губерний «в противном случае будут представлены в Государственной думе недостаточно, в сравнении с густо населенными губерниями западной окраины империи»⁵⁶.

Отдельное городское представительство первоначально наметили дать 19 городам с численностью населения свыше 100 тысяч (в том числе Варшаве, Лодзи, Вильне, Киеву, Харькову, Екатеринославу), затем увеличили их число до 26 за счет «чисто русских городов»⁵⁷. Получилось, что один депутат от Орла приходился примерно на 70 тысяч жителей, от Иркутска на 50 тысяч, в то время как от Варшавы на 340 тысяч, от Киева на 250 тысяч, от Одессы на более 400 тысяч человек.

Согласно Манифесту 20 февраля 1906 г. о переустройстве Государственного совета, он стал верхней законодательной палатой, половина которой формировалась по назначению, а половина по выборам (от губернских земств, землевладельцев неземских губерний, дворянских собраний, Академии наук и университетов, от промышленности и торговли, православной церкви). Варшавский архиепископ В. Попель в марте 1906 г. в письме председателю Госсовета Д.М. Сольскому, ссылаясь на то, что православной церкви выделено в Государственном совете 6 мест, писал «о предоставлении надлежащего представительства в Государственном совете интересам римско-католического населения»⁵⁸. Ответ был весьма показательным по аргументации отказа: «В состав Государственного совета вводятся члены от духовенства только Православной Российской церкви, ибо одна сия господствующая в России церковь является учреждением не только церковным, но и государственным»⁵⁹.

Учреждение Государственной думы, к выборам которой получило доступ большинство этнических и конфессиональных групп империи, в том числе до сих пор не эмансипированные в правовом отношении евреи, создало принципиально новую политическую ситуацию. Начался активный процесс формирования политических партий и организаций, многие из которых опирались на определенную этническую или конфессиональную группу. Депутаты Думы часто объединялись в парламенте по этническому или, в случае с мусульманами, по конфессиональному принципу. По впечатлениям от первых собраний Думы депутат В.П. Обнинский заметил: «Съехавшись, в числе пятисот почти человек, в Петербург, разместившись на скамьях Таврического дворца, по инстинктивному побуждению, группами, сообразно сродству языка, племени или веры, депутаты должны были в первый же день заметить, что вот там сидит «Польское коло», рядом с ним – литовские депутаты, украинцы теснятся к южанам... Настоящая этнографическая карта России!.. здесь, кроме общегосударственного дела

⁵⁶ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. Л. 39 об.

⁵⁷ Материалы по учреждению Государственной думы. Б. – М., б. г. – С. 30.

⁵⁸ РО РНБ. Ф. 781. Д. 205. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Л. 40–40 об.

и даже доминируя над ним, хотя пока и в скрытой форме, владели умами интересы местные, областные, национальные»⁶⁰.

Открытие возможностей для легальной политической деятельности привело и к росту политической активности русских националистов, причем как в центральных губерниях, так и на периферии империи. Все они подчеркивали задачу консолидации русской нации в ядре империи. Часть русских националистов (Столыпин, октябристы, П.Б. Струве) демонстрировали умеренность в риторике и программных установках, не отказывались от задачи утверждения гражданского равноправия. Однако многие националистические организации были агрессивно ксенофобными. Русская монархическая партия ориентировала избирателя на поиск врагов русского народа, в том числе и среди самих русских: «Изменники России, соединившись с различными инородцами, населяющими Российскую империю, задумали отделить от России ее окраины и превратить ее в первобытное состояние небольшого государства, включающего в себя одни только великорусские губернии. Но и в этих губерниях они хотят предоставить инородцам и иноверцам, особенно евреям, те же права, как и коренному Русскому народу»⁶¹. Союз русского народа накануне выборов в I Думу объявлял, «что русская народность, как собирательница земли Русской и устроительница Российского государства, есть народность державная, господствующая и первенствующая, и что только ей... принадлежит право государственного строения и управления»⁶².

Правомонархические партии на выборах в I Думу потерпели сокрушительное поражение. Во II Думе в немногочисленную фракцию правых (10 человек) вошли по одному депутату от Харьковской, Полтавской, Минской и Волынской губерний, остальные представляли Бессарабскую и Херсонскую губернии, то есть свои скромные успехи правые националисты праздновали именно на окраинах.

Имевшие сильные позиции в I и II Думах кадеты вели мучительный торг с нерусскими представителями окраин по вопросу о децентрализации империи. Окраинные националисты часто видели идеал в федерализации империи и требовали от кадетов как минимум поддержки их требований национальной автономии. Кадеты федерализм отвергали, а национальную автономизацию готовы были принять декларативно, из тактических соображений, потому что их идеал децентрализации не опирался на этнический принцип. Кадеты выступали, прежде всего, против гражданских ограничений по национальному или конфессиональному признаку, особенно

---

⁶⁰ Шаховской Д. Виктор Петрович Обнинский // К 10-летию 1-ой Государственной думы. 27 апреля 1906–27 апреля 1916. Сборник статей перводумцев. – Пг., 1916. – С. 212–213.

⁶¹ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. – М.: РОССПЭН, 1995. – С. 427.

⁶² Там же. – С. 442.

в отношении еврейского и польского населения империи. Ф.И. Родичев отметил, что понятие «русский народ» – бумажное понятие», а русской нации нет и не будет до тех пор, пока не будет свободы и равноправия для каждого российского гражданина⁶³.

Правительству Столыпина не удалось внести во II Думу какие-либо проекты по еврейскому вопросу, хотя премьер, а с ним и большинство в правительстве понимали важность этой проблемы. Но в декабре 1906 г. царь отказал Столыпину в отмене даже части ограничений для евреев, ссылаясь на то, что «внутренний голос все настойчивее твердит Мне, чтобы я не брал этого решения на себя»⁶⁴.

В ответ на правительственные законопроекты, затрагивавшие лишь часть национальных проблем, думская оппозиция, возглавляемая кадетами, внесла законодательные предложения, предполагавшие серьезную демократизацию национальной жизни. Заявленный 18 мая 1907 г. проект основных положений об отмене ограничений в политических и гражданских правах подписан 173 депутатами. Его основным требованием была безоговорочная отмена всех «действующих законов, распоряжений и постановлений, коими установлены изъятия из общих для всех законов, в зависимости от принадлежности к той или другой национальности или вероисповеданию»⁶⁵.

С думской трибуны был представлен широкий спектр интересов и настроений различных социальных и этнических групп населения Российской империи, что стало открытием для самой правящей элиты и бюрократии, до тех пор не имевших действенных механизмов «обратной связи» с большинством населения империи. Крыжановский в мемуарах признавал, что «и первая, и вторая Думы приоткрыли картину народных настроений, которой не представляли себе ни правители, исходившие из понятий, завещанных официальным славянофильством, ни даже общество, исходившее из представлений народнических»⁶⁶.

Во II Думе власти пытались перенести центр тяжести с обсуждения национального вопроса на конфессиональный и ограничиться реформированием сферы религиозных отношений, сняв с неправославных конфессий наиболее явные дискриминационные ограничения. В соответствии с этим планом Министерство внутренних дел внесло в Думу 9 законопроектов, касающихся конфессиональных отношений. Думская оппозиция требовала введения национального и религиозного равноправия, расширения регионального местного самоуправления и развития национальных языков,

⁶³ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. *Сессия I.T.* II. – СПб., 1906. Стлб. 1020.

⁶⁴ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. I. – М.: Наука, 1992. – С. 208.

⁶⁵ Законодательные проекты и предложения Партии народной свободы 1905–1907 гг. – СПб.: Общественная польза, 1907. – С. 7.

⁶⁶ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. – Берлин: Петрополис, 1938. – С. 116.

Польское коло – автономии Польши. «Противоречия между составом палаты и властью, – вспоминал бывший уже к этому времени товарищем министра внутренних дел Крыжановский, – повелительно указывали единственный возможный выход – изменить избирательный закон, разгрузить Думу от социалистов и кадетов и усилить ее умеренное крыло»⁶⁷. Разгон II Думы не дал шанса реализоваться хотя бы части имевшихся в Думе законопроектов, касавшихся национального вопроса.

Новые правила формирования Думы привели к резкому сокращению представительства национальных движений в общеимперском парламенте. Власти фактически признали, что попытка инкорпорировать различные этнические и конфессиональные группы путем их достаточно широкого представительства в Думе потерпела неудачу. Из-за того, что конституционные преобразования откладывались десятилетиями и введены лишь под давлением революции, политическая система испытывала колоссальные перегрузки. Дума не работала как мост между монархией (настроенной слишком консервативно) и обществом (настроенным слишком радикально), но лишь выражала все углублявшийся раскол между ними. В Манифесте о роспуске Государственной думы и об изменении порядка выборов от 3 июня 1907 г. указывалось: «Созданная для укрепления государства российского, Государственная дума должна быть русской и по духу. Иные народности, входившие в состав державы нашей, должны иметь в Государственной думе представителей нужд своих, но не должны будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских»⁶⁸.

Общее сокращение числа депутатов было проведено неравномерно. Представительство губерний Европейской России сократилось на 11 депутатов (с 414 до 403), представительство же польских губерний сократилось с 37 до 14 мандатов. К тому же на выборах в III Думу на западных окраинах закрепилась практика создания национальных округов. Теперь один из двух членов Думы от Варшавы должен был избираться от русского населения. Русскому православному населению в Виленской губернии гарантировалось два депутатских места, а в Ковенской – одно.

В 1910–1911 гг. Дума приняла ряд законов, ограничивающих автономию Великого княжества Финляндского. Это завершило долгие дебаты о том, должна ли Финляндия войти в общее реформированное правовое поле империи или сохранить нетронутым то автономное устройство, которое она получила волей самодержца вскоре после аннексии Великого княжества империей в 1809 г.

По выражению Крыжановского, правительство, борясь с революцией, попыталось «вдвинуть» III Думу в систему государственного управления

⁶⁷ Крыжановский С.Е. Воспоминания. – С. 117.

⁶⁸ Калинычев Ф.И. Государственная дума в России. Сборник документов и материалов. – М.: Госюриздат, 1957. – С. 385–386.

империей⁶⁹. Ключевую роль в новом раскладе сил получила ориентированная на сотрудничество с правительством фракция Союза 17 октября, ставшая крупнейшей думской партией. Национальная программа этой партии не шла дальше предложений гражданского равноправия и местного самоуправления, идея национальной автономии принципиально отвергалась.

Столыпин советовал полякам, выступавшим с требованиями автономии, сначала признать высшим благом право быть русским гражданином и носить это звание как носили его римские граждане. Он предлагал: «Вот сплотитесь общенациональным цементом и тогда, господа, требуйте от нас децентрализации»⁷⁰. По мнению главы правительства, главным условием успешных реформ должна была быть приверженность «русским национальным началам», а депутаты должны поддержать «государственное строительство» и не брезговать «черной работой вместе с правительством»⁷¹. Тактика Столыпина состояла в создании массовой базы правительства путем политической мобилизации русского национализма. Она давала сбои в великорусских губерниях, где по-прежнему были популярны социалисты и отчасти кадеты, но приносила заметный успех в Юго-Западном крае, где влияние русских националистов, в основном малороссов по происхождению, после 1907 г. постоянно росло. А.И. Савенко, лидер Киевского клуба русских националистов, созданного при поддержке Столыпина, уже в 1908 г. писал: «В то время как великороссийские губернии даже в Третью думу послали в значительном числе революционеров, Малороссия послала в Таврический Дворец почти сплошь русских националистов, и в то время, как великороссийская Москва и Петербург служат оплотом революции, центр Малороссии – Киев – служит центром всего общерусского патриотического движения»⁷². Накануне войны такая точка зрения уже обладала прочной легитимностью. На памятнике Столыпину в Киеве, установленном в 1913 г., были выбиты слова убитого премьера: *«Твердо верю, что затеплившийся на западе России свет русской национальной идеи не погаснет и вскоре озарит всю Россию»*.

Столыпин рассчитывал маргинализовать влияние антиправительственных партий в русской среде и, опираясь на русский национализм центристского (октябристы) и правого толка, договариваться в будущем с националистами окраин с позиции силы. Главную проблему для реализации этой политики составляло глубоко укорененное отчуждение между государством и значительной частью образованных слоев русского общества,

⁶⁹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. – С. 117.

⁷⁰ Государственная дума. III созыв. Стенографические отчеты. Сессия I. Ч. I. – СПб., 1908. Стлб. 352.

⁷¹ Там же. Стлб. 353–354.

⁷² Савенко А.И. Заметки. По поводу 100-летия с дня рождения Гоголя // Киевлянин. – 1908. – 16 ноября. – № 320.

на преодоление которого необходимо было время. Поэтому Столыпин и мечтал о двадцати мирных годах, но история не дала ему этого шанса.

Под жестким давлением властей Четвертая Государственная дума (15 ноября 1912 – 25 февраля 1917 гг.) стала еще более однородной и в политическом, и в национальном отношении. Работа Думы началась с обсуждения заявления, которое сделал председатель Совета министров В.Н. Коковцов, объявивший государственными принципами «единство и нераздельность Империи, первенство в ней русской народности и веры православной», добавив при этом, «что под сенью русского двуглавого орла достаточно простора для спокойной жизни всех народностей»⁷³. Политическая линия Столыпина была, таким образом, продолжена после его убийства, впрочем, уже без его энергии и настойчивости. Декларация правительства не содержала новых предложений и конкретных планов решения национальных проблем.

В целом можно сказать, что политическая ситуация на западных окраинах характеризовалась неустойчивым равновесием. Рассчитывать на «искоренение» нерусских национализмов власти, конечно, не могли. На уступки идти не хотели. Но инициатива в годы, предшествовавшие войне, принадлежала правительству и русским националистам, которые сочетали административное давление и активную агитационную работу. Тактика «сдерживания» применялась в отношении поляков, ограниченной терпимости в духе принципа «разделяй и властвуй» в отношении литовского движения, которое стремились изолировать от поляков. Наступательная тактика использовалась в отношении украинского и весьма слабого белорусского движения, которые, по планам русских националистов и властей, должны были в конечном счете проиграть борьбу с концепцией общерусской нации.

§7. Мобилизация этничности в годы Первой мировой войны

Настроения первого года войны характеризовались ростом имперского патриотизма и русского национализма. Еще недостаточно изучены масштабы массовой политической мобилизации военно-патриотического типа. Вместе с тем, ряд исследований указывает на значительный рост интереса к политике вообще и, в этом контексте, националистических настроений не только среди городских слоев, но и среди крестьян⁷⁴.

---

⁷³ Государственная дума. IV созыв. Сессия I. Стенографические отчеты. Ч. I. – СПб., 1913. Стлб. 261.

⁷⁴ См.: *Sanborn J.* The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination // *Slavic Review* 59, 2 (Summer 2000): 267–289; *Idem.* Drafting the Russian Nation:

Влияние начала войны на окраинные национализмы было двойственным. Резко усилились административные гонения, закрыты многие печатные издания, некоторые активисты были сосланы. Часть национальных лидеров стремилась продемонстрировать лояльность империи, отчасти в надежде избежать репрессий, отчасти в расчете на определенные дивиденды в случае успеха России в войне. В частности, курс на лояльность империи по принципу «меньшего зла» исповедовал влиятельный лидер польских народных демократов Р. Дмовский. В первые же дни войны имперские власти выступили с манифестом по польскому вопросу, в котором обещали объединение поляков под скипетром царя и восстановление польской автономии. Безусловно, лояльность польских подданных беспокоила имперские власти на тот момент более всего.

В то же время война резко усиливала фактор неопределенности. Для сепаратистски ориентированных активистов окраинных национализмов война послужила толчком если не к усилению практической активности, то как минимум к активизации воображения.

С началом войны две этнические группы западных окраин оказались мишенью коллективных репрессий и дискриминационных мер. Прежде всего, это были немцы, которых выселяли из прифронтовой полосы по требованию военных властей, заставляли продавать земельную собственность под угрозой конфискации⁷⁵. Массовым депортациям из фронтовой полосы подвергались также евреи. Эти меры стали самой яркой иллюстрацией общей тенденции военного времени, когда этническая принадлежность все более явственно выступала как фактор, определявший ожидания властей империи в отношении лояльности индивидов и целых групп населения.

Западные окраины Российской империи стали главным театром военных действий на Восточном фронте Первой мировой войны. Начиная с Горлицкого прорыва в мае 1915 года русская армия потерпела целую серию неудач, в результате которых была вынуждена оставить не только оккупированную в 1914 г. Галицию, но и значительную часть западных окраин. После этих поражений не осталось и следа от патриотического угара и воодушевления начала войны. Резкий сдвиг фронта на восток имел ряд важных последствий для развития национализмов западных окраин.

Во-первых, возник феномен массового беженства⁷⁶. Часть людей эвакуировалась добровольно, часть уводили насильно. Значительная часть

Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2002; *Seregny S.J. Zemstvos. Peasants and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and the First World War // Slavic Review* 59, 2 (Summer 2000): 290–315.

⁷⁵ *Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during the World War I.* – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.

⁷⁶ *Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I.* – Bloomington: Indiana University Press, 1999.

активистов русского национализма, в том числе, что особенно важно, из малорусской и белорусской среды, покинула оккупированные территории, и влияние русских националистических организаций было серьезно подорвано уже этим фактом. Разумеется, оккупационные власти не оставляли русским националистам больших возможностей для деятельности. В то же время в среде нерусских беженцев из прибалтийских губерний формировались влиятельные националистические структуры, выдвигались лидеры, сыгравшие вскоре значительную роль в национальных движениях.

На оккупированных Германией территориях создана новая администрация, прежде всего Оберост, контролировавший территорию Северо-Западного края и прибалтийских губерний. Чиновниками Обероста разработан Атлас народов Западной России, который, как отмечали его создатели, должен был показать, что «та государственная структура, которая до войны считалась единой Россией, состоит из различных национальностей, которые не стоят ближе к москалям, чем к нам»⁷⁷. Русский язык изгнан из администрации и вообще публичной сферы. В целом немцы хотели выполнять в Оберосте роль культурных наставников и руководителей местных народов и разрабатывали школьные программы, которые должны воспитывать уважение к Германии и немецкой культуре как «старшей силе». Как отмечает Г. Люлевичус, «культурная политика (Оберост) была по сути дела национальной политикой военизированного государства, которая встраивала местные культуры в рамки навязанных сверху германских институтов: прессы, школ и рабочих домов. Немецкая концепция *Bildung* приобретала буквальное значение «формирования». Как официально заявлял политический отдел Обероста, «мы приносим *Bildung*, и никто кроме нас». Культурная программа Обероста фиксировала национальную идентичность подвластных людей»⁷⁸.

Деятельность немецкой оккупационной администрации на западных окраинах Российской империи была частью нового немецкого геополитического видения этого пространства как части *Mitteleuropa*⁷⁹. С началом мировой войны соперничающие империи отбросили прежние конвенциональные ограничения. Макросистема континентальных империй на востоке Европы в течение длительного времени была внутренне стабильна потому, что эти империи не стремились разрушить друг друга, во многом нуждались друг в друге, чтобы справляться с наследием разделов Речи Посполитой. Однако в ходе войны, которая приобрела характер борьбы

---

⁷⁷ *Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity, and German Occupation in World War I.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 117.

⁷⁸ См. *Liulevicius V.G. War Land on the Eastern Front.* P. 122, 143–144. См. также: *Grelka F. Die Ukrainische Nationalbewegung unter deutscher esatzungsherrschaft 1918 und 1941/42. Studien der Forschungsstelle Ostmitteleuropa an der Universität Dortmund.* Band 38. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005.

⁷⁹ *Naumann F. Mitteleuropa.* – Berlin: Reimer, 1915.

«на уничтожение» между этими империями, они стали активно использовать этническую карту против своих противников. Империи поощряли этнический сепаратизм внутри держав-соперниц и применяли репрессии против нелояльных или подозрительных этнических групп среди собственных подданных. Можно сказать, что взрывной рост национализма на западных окраинах во многом был следствием тягот тотальной войны вообще и новой политики империй в соперничестве друг с другом в частности.

Еще один важный фактор усиления национализма на западных окраинах – политика держав в отношении военнопленных. Во время войны, главным образом в 1915 г., в плен попало около двух с половиной миллионов солдат царской армии. Администрация лагерей уделяла особое внимание уроженцам Украины. Для них было создано несколько специальных отдельных лагерей, с условиями, которые разительно отличались в лучшую сторону по сравнению с общими лагерями. Немецкие лагеря для украинских военнопленных располагались в Раштадте и в Зальцведеде, аналогичный австрийский лагерь находился во Фрайштадте⁸⁰. В них находилось до 400 тыс. человек. Активисты украинских националистических организаций, прежде всего Союза за освобождение Украины, вели среди них пропагандистскую работу, обучали украинскому языку, издавали украинскую прессу. Около 40 тысяч наиболее отзывчивых к пропаганде пленных были организованы в украинские части с особой военной формой. В последующем выходцы из этих лагерей активно участвовали в петлюровском движении.

С падением монархии в феврале 1917 г. проявились два новых мощных фактора мобилизации окраинных национализмов. Во-первых, Временное правительство призвало к формированию новой власти на местах, не предложив при этом никаких ясных принципов ее организации и не определив своего отношения к идеям автономии и федерации. В условиях, когда влияние русских националистов на окраинах было подорвано, это давало новые возможности для политической активности окраинных национализмов.

Во-вторых, по мере развития дезертирства и роста влияния большевиков в армии командование пришло к решению о ее национализации. По приказу Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова начинается украинизация и белорусизация армейских частей. Корнилов надеялся таким образом предохранить эти части от большевистского влияния и, в то же время, мог рассматривать эту меру как ответ на активность Германии в украинском и белорусском вопросе. Вот как вспоминал в 1919 г. об этих событиях недавний гетман Украины, а в 1917 г. лояльный генерал

---

⁸⁰ Материалам об этих лагерях посвящено особое дело архива Особого политического отдела МИД России. См.: АВП РИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 26.

империи П. Скоропадский, которому Корнилов поручил украинизацию вверенного ему корпуса: «Корнилову я ответил, что только что был в Киеве, где наблюдал украинских деятелей, и на меня они произвели впечатление скорее неблагоприятное, что корпус впоследствии может стать серьезной данной для развития украинства в нежелательном для России смысле и т. д.... Легкомысленное отношение Корнилова к этому вопросу показало мне его неосведомленность и непонимание. Я старался обратить его внимание на серьезность вопроса, понимая, что к такому национальному чувству, какое было у украинцев, надо относиться с тактом и без эксплуатации его из-за его искренности»⁸¹. Однако приказ Корнилова дисциплинированный генерал выполнил, что вскоре сделало из него гетмана Украины.

Создание национальных частей имело колоссальные последствия для Украины, Белоруссии, Бессарабии, особенно после большевистского переворота. В условиях революционного кризиса армия из опоры старого режима превращалась в самостоятельную силу. Во всех переживавших кризис империях, в тот момент, когда армейские командиры приходили к выводу, что старый режим не спасти, они использовали свои части, нередко остававшиеся последней организованной силой, для стабилизации ситуации в более ограниченных территориальных рамках, часто в опоре на национальную идею. Это стало особенно важным после октября 1917 г., когда легитимный центр власти в центре империи исчез окончательно. Значительное число русских националистов всех возможных оттенков, сотрудничавших с правительством гетмана Скоропадского, – лучшее тому подтверждение. В комиссии по делам национальностей правительства Скоропадского заседали вместе лидер украинских националистов Грушевский и решительный противник украинства Савенко, что невозможно было представить до октября 1917 г.

Распад Российской империи в 1917–1918 гг. не был предопределен до мировой войны. Именно тяготы войны привели к краху прежних режимов во всех континентальных империях Европы, а приход к власти большевиков резко усилил центробежные тенденции на имперских окраинах.

---

⁸¹ *Скоропадський П.* Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918. – Київ–Філадельфія, 1995. – С. 64.

Т.Ю. Красовицкая

Глава 4

Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг.)

§ 1. Истоки конфликта

После захвата большевиками власти воздействие на политическую обстановку в стране этнического фактора стало гораздо более существенным. На Всероссийском демократическом совещании в сентябре 1917 г. представитель мусульман Токумбетов указывал на «грозный и смертельно опасный момент», настаивал на выработке «государственно-полезной» идеи. «Мы ... так называемые инородцы, всегда стояли на страже, как нашей общей родины, так и на страже дорогой нам свободы, но нас ... не хотели знать... И, конечно, не нам вернуться, не нам отстаивать ушедший в пропасть старый порядок»¹. Демократические перемены в результате Февральской революции 1917 г. открыли такие возможности легитимации этнического фактора, при которых имперский порядок уже был излишним.

В дооктябрьский период большевики призывали к созданию демократического централизованного государства с широкой областной автономией. Обращаясь к «Рабочим, солдатам и крестьянам!», 25 октября (7 ноября) II Всероссийский съезд Советов объявил: новое правительство «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение». В Декрете о мире «всякое присоединение к большому и сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности» было на-

---

¹ «Физиономия российской революционной демократии до сих пор остается неопределенной»: Стенограмма заседания Демократического совещания по национальному вопросу. Сентябрь 1917 г. Публ. Т.Ю. Красовицкой и А.П. Ненарокова. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah>

звано аннексией. Признавалось право каждой «решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного устройства этой нации».

2 (15) ноября 1917 г. в Декларации прав народов России были изложены идеи суверенности и равенства народов, свободного самоопределения вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Отменялись все национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения. 20 ноября (3 декабря) в обращении «Ко всем трудящимся России и Востока» Временное советское правительство гарантировало неприкосновенность национальных и культурных институций. Большевики обещали охранять их всей мощью Советов². Решено возвратить ряд украинских национальных реликвий, передать мусульманскому трудовому народу «Священный Коран Османа», башню Суюмбеки в Казани, мечеть Караван-Сарай и Башкирский народный дом в Оренбурге. «Ныне нет больше угнетенных народов в свободной России, – гласило обращение ВЦИК от 24 ноября (7 декабря) 1917 г. – Народ великорусский и революционный Петербург с приветом посылают вольному Киеву священный дар в знак братства народов. Да славится и крепнет братский союз свободных народов России и всего мира, да исчезнет вражда и даже тень угнетения одной нации другою»³. Обсуждалось возвращение польскому народу памятников старины и искусства.

Первые декреты имели общедемократический характер, но народные массы не связывали дальнейшую судьбу с курсом большевиков. На свободных выборах в ноябре 1917 г. в Учредительное собрание РСДРП (б) получила 22,5 % голосов избирателей. Но «братский союз свободных наций», считал Ленин, «неизмеримо полнее, вернее, чем какие бы то ни было другие учреждения» могли обеспечить лишь Советы⁴. Через месяц Ленин сформулировал главную задачу национальной политики большевиков: «Мы должны сломить то старое, кровавое и грязное прошлое, когда Россия капиталистов-угнетателей играла роль палача над другими народами». Ленин говорил о праве наций на самоопределение как способе разрушения империи, однако этнические элиты понимали это как право на создание собственной государственности. В этом смысле утверждение Ленина, что «признание Советской власти большинством ... трудящихся масс всех наций есть очевидный для всех факт»⁵, в конце 1917 г. было большим преувеличением.

В Могилевской ставке Верховного главнокомандующего представители Центральной рады на переговорах об «однородно-социалистическом правительстве» считали: общероссийское правительство нужно создавать

---

² Декреты Советской власти. – М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – С. 13, 39–41, 113–115.

³ СУ. 1917. № 5. Ст. 76.

⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. – С. 281.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 35. – С. 116, 211.

«не из центра, который разваливается, а от тех окраин, которые еще здоровы». 7 (20) ноября в Киеве по решению Малой рады в чрезвычайном порядке был принят III Универсал: «Во имя создания порядка в нашем крае, во имя спасения всей России оповещаем: отныне Украина становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики Российской и сберегая единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов».

После убийства Н. Духонина представитель Центральной рады заявил: «Претензии СНК на руководство украинской демократией тем менее могут иметь какое-либо оправдание, что навязываемые Украине формы политического правления дали ... результаты, отнюдь не вызывающие зависть. Пока в Великороссии развивается анархия ... и попрание всех свобод, завоеванных у царизма революцией, генеральный секретариат не находит нужным повторять этот печальный опыт на территории Украины»⁶. Рада, сообщил Ю. Бруцкус, вступила в переговоры с «правительствами Дона, Петрограда, Бессарабии, Белоруссии, Крыма, Сибири» о создании общероссийской федеративной власти⁷. Большевики же были противниками федерализации. Велись дискуссии, но политического единства не было.

Белорусская рада также считала, что большевистский переворот угрожает анархией. 27 октября 1917 г. в Грамоте белорусскому народу указывалось: настал момент собрать все живые силы отчизны для удержания революционной свободы. Национальные партии Закавказья 15 (28) ноября 1917 г. создали свое правительство – Закавказский комиссариат. В ноябре 1917 г. Союз объединенных горцев Кавказа провозгласил Горскую республику. В Дагестане была провозглашена Республика горцев Северного Кавказа, выступившая против советской власти. Затем появилось Терско-Дагестанское правительство. При поддержке немцев 11 декабря 1917 г. Литовская Тариба приняла декларацию о восстановлении независимости Литвы и «вечных союзных связях Литовского государства с Германией». Переговоры в Бресте о мире умножили появление новых властных конструкций на этнической периферии бывшей империи.

Едва ли не все гражданские коллизии того времени заслуживают этнопсихологической оценки, но не всякое столкновение могло быть собственно этническим, хотя и могло провоцировать цепную реакцию этнического насилия. Точный подсчет числа этнических конфликтов сделать трудно, ибо революция – это всегда чудовищная деформация социального пространства. Погромные настроения с воззваниями «к славянству и его благородным союзникам», надежды на «суверенную волю русского народа»

⁶ Национальная политика России: история и современность. – М.: Русский мир, 1997. – С. 226 (далее – Национальная политика России: история и современность).

⁷ Рассвет. – 1917. – 13 декабря. – № 20–21.

перемежались с арестами за «русофильство»⁸. Влияние элит на свои этносы было значительным. Сами же элиты испытывали воздействие, с одной стороны, европейских, а с другой – российских традиций, идей и взглядов. В зависимости от степени модернизации этносов европейское или российское влияние играло большую или меньшую роль. Множилась численность субъектов политики, усложнялась их конфигурация. События, принимая обвальный характер, развивались на западных, восточных, южных территориях бывшей империи с тем отличием, что в Польше, Финляндии, Прибалтике определяющим было европейское влияние, в то время как на Украине, в Казахстане, на Кавказе весомым оказалось российское влияние. На западе в большей мере декларировались лозунги и реализовались практики политической независимости, в то время как на востоке все сводилось к практикам культурно-политической автономии.

19 ноября съезд Советов Туркестана решил: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым ... ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти С. С. Р. и К. Д. ... Среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций». Участник событий социалист И.Н. Шендриков утверждал: «Основатели автономии отдавали себе весьма слабый отчет относительно пределов власти, компетенции объявленной автономии». Но противоречия младокиргизов и младосартов с улемистами не помешали 26–29 ноября 1917 г. объявить в Коканде автономию. Ленин, интересуясь у А.-З. Валидова мотивами объявления автономии Башкирии, услышал: «Мы объявили автономию, воспользовавшись господствующей в России анархией». Трудно было понять, «кто правитель России, кто и кому подчиняется»⁹.

В октябре – ноябре 1917 г. советская власть временно установилась в Эстонии, в неоккупированной части Латвии, в Белоруссии, в Баку. 28 ноября 1917 г. парламент Великого княжества Финляндского взял на себя высшую власть. В проекте новой конституции ее «руководящим принципом» стала суверенность. «Властям иностранных государств» (в частности, Учредительному собранию России) предлагалось признать «полную независимость и свободу» «народа Финляндии». 18 (31) декабря 1917 возглавляемый Лениным Совнарком первым признал государственную независимость Финляндской Республики. Ленин вручил П. Свинхувуду подписанный декрет и лично отнес для срочного опубликования его текст в редакцию «Известий». Позднее, на VIII съезде РКП(б), Ленин вспоминал: «Я очень хорошо помню сцену, когда мне пришлось в Смольном давать

---

⁸ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России. 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – М.: Новый хронограф, 2010. – С. 18–19.

⁹ Хасанов М. Альтернатива. Из истории Кокандской автономии // Звезда Востока. – 1990. – № 7. – С. 105–120; Исхаков С.М. А.-З. Валидов: пребывание у власти // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 223.

грамоту Свинхувуду... Он мне любезно жал руку, мы говорили комплименты. Как это было нехорошо! Но это нужно было сделать, потому что тогда эта буржуазия обманывала народ, обманывала трудящиеся массы тем, что москали, шовинисты, великороссы хотят задушить финнов»¹⁰.

Прагматизм политической тактики большевиков дал им возможность утилитарного использования этнического фактора в практике нового государственного строительства. Временное советское правительство постановило открыть Учредительное собрание 5 (18) января 1918 г. Среди 715 депутатов 86 – от национальных групп и движений – надеялись определить государственный статус своих этносов. 3 (16) января на заседании ВЦИК Я.М. Свердлов заявил: «Несомненно, высшей властью является власть трудового народа в лице его советов ... и ей надлежит открыть Учредительное собрание»¹¹. ВЦИК принял написанный Лениным проект Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа: Россия объявлялась республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, учреждаемой на основе свободного союза свободных наций как *федерация советских национальных республик*. После характеристики основ советского общественного строя в проекте говорилось: «Поддерживая советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются устройством общества. Приведенные выше основные положения должны быть немедленно опубликованы и прочтены официальным представителем советской власти, открывающим Учредительное собрание и лечь в основу деятельности Учредительного собрания»¹².

Учредительное собрание было поставлено перед выбором: принять Декларацию и признать свою деятельность исчерпанной или, отвергнув ее, выступить против большевиков. 5 (18) января, открывая заседание Учредительного собрания, Свердлов предложил принять Декларацию, но депутаты отказались ее обсуждать. 6 (19) января 1918 г. были приняты основные законы – о земле и о мире, а также определена конституционная формула Российского государства: «Именем народов, государство российское составляющих, Всероссийское Учредительное собрание постановляет: государство российское провозглашается *Российской Демократической Федеративной республикой*, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных Федеральной конституцией пределах, суверенные»¹³.

Впервые в истории России учредительная власть объявила Российскую демократическую республику федерацией, основанной как на националь-

¹⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 38. – С. 158.

¹¹ Правда. – 1918. – 5 января.

¹² Декреты Советской власти. Т. 1. – С. 323.

¹³ Учредительное собрание России 1918 г. Стенограмма и др. документы. – М.: РОУ, 1991. – С. 160.

ном, так и на территориальном принципе. Это было последнее решение Учредительного собрания. Большевики не собирались уступить власть и разогнали собрание.

Разгон Учредительного собрания этнические элиты и их организации восприняли как угрозу своим планам. Однако эти планы им виделись разными. Если для общероссийских сил важной была борьба за власть в стране, то для национальных движений важнее всего был вопрос о государственном устройстве. Серьезных военных ресурсов у национальных движений не было, но по отдельности каждое могло воевать за свою территорию. Большевики учли это обстоятельство и начали использовать его в своих интересах. На повестку дня выдвинулась проблема обеспечения лояльности нерусских народов. 12(25) декабря 1917 г. I Всеукраинский съезд Советов в Харькове положил начало образованию Украинской ССР. Но 29 января начался разгром Кокандской автономии. Из 150 тысяч жителей города в результате осталось не более 60 тысяч – остальные были убиты или бежали.

Признав декларативно право наций на самоопределение, большевики увязали его с идеологией интернационализма. III Всероссийский съезд Советов дезавуировал решения Учредительного собрания. В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа определялась форма правления в стране. В советской конструкции основополагающая роль в формировании федеративной государственности отводилась классовому принципу: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». В общих чертах структура государственной власти, взаимоотношения центральных и местных органов были определены в постановлении съезда «О федеральных учреждениях Российской республики». Этим решением лидерам, представляющим этническую периферию, был открыт переход в федеральные структуры власти, чем многие из них не преминули воспользоваться. Только в Наркомнац перешли 10 депутатов Учредительного собрания. С этого началось размежевание лидеров в рядах этнической элиты.

§ 2. «Непредрешенчество» белых

Белые контролировали полиэтничные районы Сибири, Урала, Поволжья, Дона, Северного Кавказа, Крыма, Северо-Западного края, Туркестана. На занимаемых армиями Деникина (позднее Врангеля), Колчака, Юденича территориях происходило военно-политическое размежевание, но общая регионализация сохранялась. К августу 1918 г. насчитывалось до 20 «центральных» и областных антибольшевистских правительств. Существовали

республики и автономии украинцев, закавказских народов, башкир, казахов, туркестанцев. Представления лидеров белых о роли этнического фактора в будущем государственном устройстве России, о принципах взаимоотношений центра и этнической периферии, о степени самостоятельности этнокультурных автономий были различными. В них сложным образом отражались в разном соотношении автономизм, регионализм и даже федерализм и великодержавие.

Л.Г. Корнилов, возглавив Добровольческую армию на юге России, заявил, что будет отстаивать право на широкую автономию отдельных народностей, входящих в состав России, но сохранит государственное единство¹⁴. За Польшей, Финляндией и Украиной признавалось их право на «государственное возрождение». А.И. Деникин, хотя и поминал «добрым словом 1-й польский корпус», был изначально настроен скептически к «бесконечным национальным военным съездам... Заговорили вдруг все языки: литовцы, эстонцы, грузины, белорусы, малороссы, мусульмане, требуя немедленного формирования отдельных войск». Он видел их «основание в исторически сложившихся взаимоотношениях между племенами, населяющими Россию, и императорским правительством, отчасти же – совершенно беспочвенное, нелепое, питавшееся причинами, ничего общего не имевшими со здоровым национальным чувством». Подтверждалось стремление к единству России, к демократической власти, основанной на народоправстве «общерусской власти», «добровольном и добросовестном»¹⁵. Но руководство Вооруженными силами Юга России специально национальной политикой не занималось. Только с начала 1919 г. Подготовительная комиссия по национальным делам приступила к планированию малорусского, кавказского, белорусского, крымско-татарского и других отделов. Проект областного деления Украины с введением культурно-национальной автономии не устроил украинских националистов. 10 апреля 1919 г. председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР А.С. Лукомский упомянул о планах децентрализации власти, областной автономии и широком местном самоуправлении¹⁶. До их реализации дело не дошло.

В переменчивой военно-политической обстановке и при отсутствии сильного центра периферийные правительства пытались установить официальные отношения с антибольшевистскими центрами, оговорить гарантии национального самоуправления, принципы взаимодействия. Предлагались разнообразные варианты федеративного устройства крупных регионов России (Федерация автономной Сибири, автономии Алаш, Башкирии и Туркестана).

¹⁴ Белый архив. Т. 2–3. Париж, б. и., 1928. – С. 130–131 (далее – Белый архив. Т. 2–3).

¹⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. I. – М.: Наука, 1991. – Глава XXVIII.

¹⁶ Юг России (прокламации, листовки, воззвания): Архивные материалы библиотеки ИНИОН. – М., 1992. Док. № 32.

Взаимоотношения с крупными национальными организациями складывались напряженно. Те не стремились к полной самостоятельности, но заключали военные, дипломатические и прочие «союзы» (казаков с горцами, мусульман с Украинской радой, различными национальными партиями) «для устроения судьбы» народа, который в большинстве своем уклонялся от призывов воевать и предпочитал выждать, в крайнем случае, обеспечить гарантии своего сохранения. Появившиеся эстонские дружины, удмуртские полки, воины-ваисовцы и др., как правило, боролись с анархией на своих территориях.

Наиболее последовательно использовать этнический фактор стремился Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Самарский Комуч, июнь – декабрь 1918 г.), антибольшевистское правительство, составленное эсерами. Иностранческий отдел пытался регулировать межэтнические отношения, привлекать нерусское население в ряды Народной армии, содействовать укреплению власти «в нерусской части населения»: выпускал газеты, листовки, брошюры на языках народов Поволжья, пытался организовать на подвластных территориях местное самоуправление, проводил курсы, лекции, митинги.

Деятели Комуча считали, что окончательно решать вопрос о будущем государственном устройстве России полномочно только Учредительное собрание. Признавая идеи демократического федерализма, они ставили целью «возрождение государственного единства России» и отказывались признавать суверенные права за любым правительством, «откалывающимся от государственного тела России и провозглашающим свою независимость самостийно». В сентябре 1918 г. на совещании в Уфе Комуч заявил: «Для воссоздания единой, сильной свободной России и укрепления в ней федеративно-демократического строя необходимо участие ... всех населяющих ее народностей»¹⁷. Постановления субъектов федерации не должны были противоречить законодательству центра, спорные территориальные вопросы должны разрешаться совместно с органами власти прилегающих областей «и в соответствии с волеизъявлением местного населения»¹⁸.

8–23 сентября 1918 г. на Уфимском государственном совещании 23 делегации (около 200 человек) от Комуча, Временного сибирского правительства, Временного областного правительства Урала, казачества, национальных окраин образовали временное всероссийское правительство – Уфимскую директорию. Лидер казахских автономистов А.Н. Букейханов высказался за идеалы демократической России и Учредительного собрания: отказ «от прежнего представления о том, что инородцы – рабы, а представители Великороссии – это рабовладельцы». Но в условиях анархии, развала областные правительства «в концерте мировых держав не мо-

¹⁷ Аманжолова Д.А. Национальный вопрос в годы Гражданской войны в России // История. – 2003. – № 19. – С. 104. (далее – Аманжолова Д.А. Указ. соч.).

¹⁸ Алаш-Орда: Сб. документов. – Кзыл-Орда: Казиздат, 1929. – С. 123–124.

гут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство... Мы мыслим себя только частью единой России». Россия – «федеративная, демократическая, единая, и мы пойдем с русским народом, чтобы создать великую и счастливую Россию». Представители Башкирской, Казахской, Туркестанской автономий, поддержав Комуч, предлагали включить в исполнительный орган власти представителей автономий. А.-З. Валидов подчеркивал: «Россию можно собрать только на основе федеративности. Правительству, действующему иным путем, мы доверять не сможем и не станем. То, что уже имеется, не должно быть отнято». Глава Туркестанской автономии М. Чокаев отметил: «Мы ... защиту своих интересов можем доверить и лицу русского происхождения».

Представители национальных и областных автономий воспринимали возникновение региональных «государств» естественной реакцией на распад общероссийского целого. Ясности и определенности в отношениях с разнообразными национальными структурами Комуч не достиг. Казахская автономия, признавая единство российских границ, в ряде обращений Комуча выступала в качестве субъекта федерации. Но с нею был заключен и военно-политический союз, взаимоотношения отнесены к иностранным делам.

Привлечение на свою сторону казахских и башкирских автономистов, казачьих (Оренбургского и Уральского) правительств обостряло соперничество Комуча с Временным сибирским правительством в борьбе за право представлять всероссийскую власть¹⁹. Комуч действовал на территории, где к 1917 г. существовали развитые национальные движения и организованные элиты. Расхождения в позициях диктовала этнополитическая ситуация на подвластных территориях. Существовавшее параллельно Временное сибирское правительство выступало как орган областной автономии. Откладывая решение вопроса о правах территорий до созыва Всероссийского учредительного собрания, оно было готово предоставить культурно-национальную автономию народам Сибири. В «Основных положениях о границах культурной автономии национальностей Сибири» Министерство туземных дел учитывало этнокультурное своеобразие народов Сибири, в большинстве своем не готовых к самостоятельному государственному развитию. В июле 1918 г. была определена «схема компетенции и ближайшей деятельности»: «1) Все, обитаемые преимущественно туземцами части Сибири, которые: а) имеют редкое и малочисленное население, б) экономически лишены возможности организовать самоуправление – выделяются из состава существующих губерний и передаются в ведение Министерства туземных дел. 2) Безусловно и немедленно переходит ... та территория Сибири, которая лежит на севере за 60-м гра-

---

¹⁹ См.: Аманжолова Д.А. Указ. соч. – С. 35.

дусом северной широты. 3) Условно переходят ... районы, обитаемые преимущественно туземцами, лежащие южнее»²⁰.

Преобладавшие во Временном сибирском правительстве кадеты опасались юридически и политически помогать «новым государственным единицам»: «Только государство, решившееся на самоуничтожение, могло бы добровольно согласиться на... инородческий сепаратизм»²¹. В записке на имя А.В. Колчака областники объясняли закономерность центробежных тенденций в Сибири, удаленной от российских центров власти. Предлагались неотложные меры по организации и использованию дорожных, геологических и лесных ресурсов, распространению образования²². Признавая «суверенные права государства» за центральной властью, авторы относили к ним внешнюю политику, руководство вооруженными силами, утверждение областных законов. Местное законодательство должно приниматься представительным сибирским органом, структуру и полномочия его определит Всероссийское национальное собрание. Важными считались «культурно-хозяйственное устройство и административная организация сибирских инородческих племен в соответствии с их национальными и бытовыми особенностями», помощь в переходе к прогрессивным формам хозяйствования. Особая программа намечала меры в культурно-правовой области. Комиссия для выработки программы Сибирского автономного областного управления в августе 1918 г. заслушала представителей Дальнего Востока и казахских автономистов. Заместитель председателя Комиссии Н. Козьмин считал, что территория будущей автономии должна охватить Сибирь от Урала до Охотского моря. Дальний Восток не может претендовать на самостоятельность из-за малочисленности населения, казахи по объективным причинам присоединятся к Сибири на особых условиях. Полномочия органов власти в автономии определит практика, постепенно, «как это было в английских колониях». «Эластичные рамки» автономии предусмотрят «свободу развития местных учреждений».

Но председатель Комиссии А.С. Белевский видел в проекте областников предпосылки к отделению от метрополии. Создание Высшего суда Сибири создаст «два правосознания для Сибири и всей остальной России, т. е. два государства». Право же генерал-губернатора накладывать вето на законодательные решения областных органов «делает автономия Сибири в достаточной мере призрачной». Член комиссии П.А. Кронеберг предложил рассмотреть вопрос лишь об областных земствах с расширенным кругом полномочий в хозяйственной сфере, обеспечении общественного порядка. Национальный состав, язык, религиозная принадлежность, бытовые

---

²⁰ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Ч. 1. – Пекин: Русская духовная миссия, 1921. – С. 116.

²¹ Сибирская речь. – 1918. – 5 августа.

²² См.: Национальная политика России: история и современность. – С. 240.

особенности не дают «никаких оснований для политического обособления Сибири».

Образование единого центра антибольшевизма на востоке страны в лице Директории – Временного всероссийского правительства – в сентябре 1918 г., казалось, дало основу для учета этнического фактора на обширной территории. Национальные и областные автономии в октябре 1918 г. получили самостоятельность (внутренние дела, снабжение и продовольствие, торговля и промышленность, земледелие, народное просвещение). Главноуполномоченные обязывались контролировать в автономиях соблюдение законов и распоряжений Директории. Но вскоре областные правительства были упразднены: шла централизация ресурсов в широкомасштабной вооруженной борьбе. Предоставление государственного статуса тем или иным образованиям откладывалось до окончания войны, создавались комиссии по подготовке положений о представительных национальных органах²³.

18 ноября 1918 г. верховный правитель России А.В. Колчак, обращаясь к населению, объявил о военной диктатуре: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и порядка». Будущее демократическое государство обеспечит равенство сословий и классов: все, «без различия религий и национальностей, получают защиту государства и закона»²⁴. Ликвидация «самочинных» правительств прикрывалась перспективой созыва Учредительного собрания. Говорить о нем Колчак намеревался после разгрома большевиков, отрицательно относясь к представительству национальностей в исполнительных и законодательных органах власти²⁵. 14 мая 1919 г. он заявил еврейской делегации: «Я против национальной фракции, не имею оснований менять свое отношение к этому вопросу. Объясняю шероховатости ... в национальных отношениях нервным состоянием страны, особенно в прифронтовой полосе». Приказ Колчака 28 июля 1919 г. призвал к борьбе «за русское национальное дело восстановления России как свободного, единого и независимого государства»²⁶.

Доктрина «целокупной России» носила великодержавный характер; почти все национальные движения восприняли ее как возвращение к дореволюционной политике. Организационная, военная, экономическая слабость многих национальных структур заставляла их идти на уступки белым, лавировать в сложной военно-политической обстановке, поступаться программными установками. В 1917 г. в бурятских районах Иркутской гу-

²³ Вестник Временного всероссийского правительства. – 1918. – 16 ноября.

²⁴ Правительственный вестник. – 1918. – 20 ноября.

²⁵ См. там же. 1 декабря; Заря. – 1918. – 31 декабря; Русская речь. – 1919. – 3 июня.

²⁶ Правительственный вестник. – 1918. – 24 ноября; Сибирская речь. – 1918. – 19 декабря; Колчаковщина на Урале и в Сибири. 1919–1920: Архивные материалы библиотеки ИНИОН. – М., 1992. Док. № 80.

бернии и Забайкальской области были созданы аналогичные земствам органы национального самоуправления во главе с Бурятским национальным комитетом. Но в ноябре 1918 г. он был объединен с Бурятским отделом правительства атамана Семенова. Бурятские лидеры были вынуждены согласиться на сотрудничество со сторонниками не имевшей реальной базы идеи панмонголизма, ее поддерживали атаман Семенов и японские военные круги²⁷.

Однако статус Министерства туземных дел в сибирском правительстве постоянно понижался. Работа свелась к анализу информации и составлению докладов. Попытки организовать национальное самоуправление на местах, в ряде случаев успешные, вызывали серьезные дискуссии в правительственных учреждениях белой Сибири. Создание бурятских аймаков в Иркутской губернии считалось «разлагающим антигосударственным элементом этнографически-политического сепаратизма бурят с монгольской ориентацией». Они-де выросли из большевистского лозунга самоопределения, создали чересполосицу русских и бурятских территорий. Сохраняя их «путем правительственного указания ... для культивировки бациллы сепаратизма ... создается благоприятная среда». Незаконно и существование Бурятского национального комитета – политической партии без устава и регистрации. Предлагалось его распустить.

Не менее проблематичными были отношения с властью Директории и у других национальных организаций. В 1919 г. сошла на нет деятельность лояльных якутских федералистов. Съезды и собрания горных алтайцев разрешалось проводить только с санкции гражданских и военных властей, лидеры движения подвергались репрессиям. Партизанское движение русских крестьян, враждебно настроенных против притязаний инородцев, нашедших условную поддержку у белых, «всей тяжестью обрушилось на алтайское население. Были разорены целые айлы, и там, где проходили партизанские отряды, остались одно разорение и запустение». В итоге «в основном алтайские массы были в белых отрядах». Разгул партизанской вольницы с конца 1919 г. пресекали регулярные части Красной армии. Член ВЦИК Строев писал Сталину: месть партизан алтайцам «чудовищная, первобытная, жестокая и зверская со сплошными убийствами, грабежами, насилием, осквернением очага и верований туземцев». Но страшнее было то, что и «ячейки и воинские части не ликвидировали бандитизм, а создавали его»²⁸.

---

²⁷ Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма. – Улан-Удэ: Изд-во ИВ РАН, 1994. – С. 12. После укрепления советской власти большевики «использовали» эту, не имевшую серьезной идеологической базы, идею направлением бурятской элиты (Ц. Жамцарано и др.) в Монголию для ее трансформации в русле идей мировой революции, в разработке литературного языка бурят.

²⁸ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925 гг. – М.: Наука. 1992. – С. 111–112 (далее – Красовицкая Т.Ю. Власть и культура).

Осю политики Н.Н. Юденича была «единая, неделимая Россия» в надежде на военную помощь Финляндии и Эстонии: «У русской белой гвардии одна цель – изгнать большевиков из России. Политической программы у гвардии нет. Она и не монархическая, и не республиканская»²⁹. Будущий министр Северо-Западного правительства Н.Н. Иванов 11 февраля 1919 г. писал Колчаку: «С гельсингфорской группой, возглавляемой Юденичем ... объединение наше ... замедляется ... тягой ее к военной диктатуре, с каковой внутрь России можно идти только для повторения Скоропадчины и, уж конечно, без помощи Финляндии и Эстонии»³⁰. Иванов настаивал на признании их независимости. Но Юденич предложил проект соглашения, на основании которого Финляндия могла бы двинуть войска против Петрограда: «Россия безусловно признает независимость Финляндии... Высочайший указ 15 февраля 1864 года о передаче Финляндии ближайшей к ее границе полосы, дающей выход к зимнему порту Ледовитого океана, подлежит исполнению в кратчайший срок... За карелами Олонецкой и Архангельской губерний признается право на полное самоопределение. Вопрос – когда, каким образом и в каких границах это право будет осуществлено, передается на разрешение мирной конференции или Лиги наций... За русскими подданными финской национальности, проживающими в Петроградской губернии, обеспечивается право сохранения своей религии, языка, судов, управления и школ. Одинаковые права предоставляются русским в Финляндии»³¹. Этот документ был послан Колчаку, и он оценил его «мало приемлемым». Только П.Н. Врангель выдвинул идею «тактического федерализма», признал суверенитет Украины, но сделано это было слишком поздно.

«Непредрешенчество» и приоритет общенациональных интересов определяют отношение к этническому фактору антисоветских режимов. Как отмечает Д.А. Аманжолова, «доктрина «целокупной России» носила великодержавный характер, и хотя это нельзя приравнивать к провозглашению курса на шовинизм и русский национализм, тем не менее, лозунг единства и неделимости страны в ее прежних границах этнополитическими движениями и организациями воспринимался именно как возвращение к дореволюционной политике»³². Лозунг воссоздания единой и неделимой России разъединял и ослаблял материальные и моральные силы белых. Сталин в связи с этим заметил: «Не забывайте, что если бы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича мы не имели бы так называемых

²⁹ Северная жизнь. – 1919. – № 40.

³⁰ Горн В. Гражданская война на северо-западе России. – Берлин: Гамаюн, 1923. – С. 42.

³¹ Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Краткий обзор по исключительно официальным архивным документам бывшего колчаковского правительства. – Л.: Тип. газ. «Вестн. Ленингр. Совета», 1926. – С. 246–251.

³² Аманжолова Д.А. Форматирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР: 1920–1930 гг. – М.: Собрание, 2010. – С. 19.

«инородцев», не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, – товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все ... мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов... Угнетенные народы вынуждены были идти к нам в объятия»³³. Реальная картина выглядела сложнее, но ведущая тенденция была оценена Сталиным достаточно верно.

Министр иностранных дел Грузии Е. Гегечкори не признавал за командованием Добровольческой армии права выступать от имени России. Соглашения, если достигались, были кратковременными, на имперскую психологию накладывались амбиции этнических элит и местных правительств³⁴. Репрессии населения, мотивировавшиеся симпатиями к большевикам, меняли настроение крестьянства³⁵. Непродуктивной оказалась политика и в отношении Армении и Азербайджана. Лишь под угрозой силы и в результате ее применения белым удавалось склонять на свою сторону горские народы Северного Кавказа.

В ноябре 1918 г. в румынском городе Яссы на совещании дипломатических миссий союзников с антибольшевистскими делегациями на помощь Антанты возлагались большие надежды. Союзники (французский командующий союзными войсками в Румынии и на Юге России А. Вертело) были готовы ее оказать. Они не признавали советскую власть, считая «Россию существующей». Добровольческая армия не признала Брестский мир. В «Записке, адресованной союзному командованию» русская делегация писала: «Велики и безмерны страдания народа, живущего под этим режимом самой жестокой и бессмысленной тирании... Если страны Согласия желают видеть новую Россию ... членом семьи цивилизованных народов... помощь, которую они России окажут, не должна ни опоздать, ни быть незначительной»³⁶.

Французский министр иностранных дел С. Пишон объяснял в парламенте: «Все наши вмешательства в России за последний год... все, что мы сделали против большевиков, было в действительности сделано против Германии»³⁷. 16 января 1919 г. Д. Ллойд Джордж, возражая Ж. Клемансо, предлагавшему послать в Россию сильную союзническую армию, говорил: «Неизвестно, кто берет верх, но надежда на то, что большевистское правительство падет, не оправдалась... Большевики теперь сильнее, чем когда бы то ни было... их влияние на народ теперь сильнее... Уничтожить его [большевизм] мечом... это означало бы оккупацию нескольких провинций

³³ Национальная политика России: история и современность. – С. 247.

³⁴ Белый архив. Т. 2–3. – С. 176.

³⁵ Национальная политика России: история и современность. – С. 250–251.

³⁶ Ясское совещание 1918 (журналы заседаний Русской делегации) // Русское прошлое. – СПб., 1992. – № 3.

³⁷ Там же. – С. 225.

в России. Германия, имея миллионы человек на восточном фронте, держала только край этой территории. Если послать теперь для этой цели тысячу британских солдат в Россию, они взбунтовались бы... Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой, – безумие»³⁸. Военный министр Англии У. Черчилль 17 июля 1919 г. на банкете британско-русского клуба говорил: «Россия, милорды и джентльмены, является в настоящее время решительным фактором мировой истории... Сила Лиги наций будет испытана в русском вопросе. Если Лига наций не сможет спасти Россию, Россия в своей агонии разрушит Лигу наций... Я обращаюсь к Лиге наций с воззванием ... произвести объединенное, сконцентрированное усилие для освобождения русского народа от его ужасающей муки и для восстановления мира в измученном мире»³⁹. Но с окончанием войны, по его мнению, «исчезли все аргументы, которые могли вести к интервенции»⁴⁰.

Ни одно из белых правительств в годы Гражданской войны, даже в период наибольших военных успехов, дипломатически не было признано странами Антанты, за исключением признания де-факто правительства Врангеля в Крыму. Деникин впоследствии горько упрекал союзников. Не признав официально ни одно из русских белых правительств, они охотно и торопливо признавали все новые государства, возникшие на окраинах России⁴¹.

Бывшие депутаты Думы и Учредительного собрания перемещались в местные правительства, участвовали в Парижской мирной конференции (1919). Политические маневры создавали союзы правительств Белорусского, Польского, Эстонского, Латвийского, Литовского, Финляндского, Донского и Дальневосточного, Грузии, Армении и Азербайджана, Украинской рады, Национального собрания мусульман внутренней России и Сибири, Алаш-Орды.

Недооцененные антибольшевистскими правительствами этнические элиты имели богатый опыт противостояния имперской практике и неохотно принимали участие в борьбе «центральных» властей. В целом ряде случаев они начинали воевать и против большевиков, и против белых армий, мешая им, задерживая снабжение и даже интернируя их военные части. Большинство из них не стали самостоятельной политической силой, не имели для этого достаточных социальных и этнокультурных ресурсов, не были едины, распались на непрочные партийно-политические структуры.

³⁸ *Танин М.* 10 лет внешней политики СССР. – М. – Л.: ГИЗ, 1927. – С. 61–62.

³⁹ Цит. по: Генерал А.С. Лукомский. Воспоминания. – Берлин: Книгоиздательство Отто Кирхнер, 1922. – С. 250.

⁴⁰ *Churchill W.S.* The War Crisis: The Aftermath. – London, 1929. – P. 166.

⁴¹ *Деникин А.* Мировые события и русский вопрос. – Париж: Издание Союза Добровольцев, 1939. – С. 81.

В Закавказье при дисперсном расселении народов оказалось: «ни одна нация не может получить такой сплошной территории, чтобы в пределах этой территории не было огромного количества другой нации». Перед элитами встал «сложный и запутанный» вопрос «незамедлительного ... территориального разграничения национальностей с образованием национально-территориальных кантонов ... и обеспечением прав национальных меньшинств». Закавказский сейм призван «привести народы Закавказья к дружеской федеративной солидарной жизни». Предполагалось, что он станет «Учредительным собранием, ... должен заниматься выработкой конституции Закавказья и определением функций отдельных территориальных единиц». Уже первые заседания сейма омрачили армяно-азербайджанские столкновения в Эриванской губернии. Партия Дашнакцутюн обвинила азербайджанцев в «измене не только демократическому делу, но и вообще родине»⁴². Споры значительно ослабляли узы, связывающие Закавказье с Россией. В апреле 1918 г. была провозглашена Закавказская демократическая федеративная республика, но вскоре она распалась. К лету 1918 г. образовались Грузинская демократическая республика, Республика Армения, Азербайджанская республика.

Центральная рада провозгласила себя верховным органом Украинской народной республики, но была разогнана в ходе германо-австрийской оккупации. В апреле 1918 г. провозглашена Украинская держава во главе с гетманом П. Скоропадским, контролировавшаяся оккупационными властями. После их ухода в декабре 1918 г. власть перешла к Директории, образованной лидерами Украинского национального союза под председательством В.К. Винниченко. В феврале 1919 г. ее возглавил С. Петлюра. Возникшая Украинская народная республика объявила войну Советской России, заключила союз с Деникиным, но эффективного взаимодействия не получилось. Попытка восстановить режим Петлюры в ходе советско-польской войны 1920 г. закончилась неудачей. Украинские националисты, уступая иностранному давлению, потеряли свободу и не завоевали доверия украинского крестьянства, которое добивалось самоуправления и решения земельного вопроса. Советское правительство к февралю 1920 г. добилось установления своей власти в главных центрах Украины.

24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) в Валке Исполком Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии объявил об образовании Советской Латвии (Республика Исколата), власть ее распространялась на неоккупированную германскими войсками часть Лифляндской губернии. Правительство возглавил журналист Ф.А. Розинь. 30 января 1918 г. Латышский временный национальный совет принял решение о создании суверенной и демократической Латвии, в нее включались все населенные

---

⁴² Закавказский Сейм. Стенографический отчет. Сессия первая. 5 марта 1918 г. – Тифлис, б. и., 1919. – С. 6–29.

латышами местности. К февралю 1918 г. германское командование и остзейские ландтаги заявили о создании Балтийского герцогства. 29 ноября 1918 г. Ленин потребовал силами Красной армии поддержать процесс становления советских правительств в Латвии, Эстонии, Литве и Белоруссии. 22 декабря 1918 г. советское правительство признало независимость Советской Латвии. Но с наступлением немцев правительство уехало в Москву. 16 апреля 1919 г. в Лиепае немецкие отряды ландесвера свергли правительство К. Улманиса, обвинив его в сотрудничестве с Антантой, и назначили премьер-министром Латвии пастора А. Ниедру. В конце мая 1919 г. отряды ландесвера освободили Ригу от большевиков. В Латвии был создан политический режим германской ориентации. Он обратил оружие против латышских вооруженных формирований и поддерживающей их эстонской армии. 23 июня эстонские и латышские полки, отряды ландесвера и Железной дивизии пришли на помощь Улманису. 27 июня 1919 г. временное правительство Улманиса возобновило деятельность в Лиепае. 29 июня 1919 г. Ниедра бежал из Латвии.

Патриотизм и русское национальное чувство были стержнем идеологии Белого дела. Реальная политика исключала нерусские этносы из активной политической жизни. Сохранялось недоверие, множилась межнациональная напряженность и конфликты. Не лучшие человеческие эмоции поощряли национальные предрассудки и племенную жестокость, болезненные этнопсихические явления. Многие жители страны оказались тогда между молотом и наковальней. Денационализация средств производства, принудительная мобилизация в армию, насилие и террор снижали поддержку белых армий и русским крестьянством, и рабочими. Самым горячим желанием масс было прекращение кровавой бойни; никто не хотел отдавать жизнь за интересы любой из воюющих сторон. Отсюда перманентное дезертирство из воинских частей красных и белых, переменчивость политических настроений на местах. Это признавали сами военачальники: «Кроме врага на фронте, создавали себе врага в тылу»⁴³. Для всех антибольшевистских сил была характерна неспособность обеспечить безопасность, гарантировать гражданские и политические свободы, провести экономические и социальные реформы на фоне законотворчества разных бюрократических структур. Решение этнических проблем белые подчинили общей цели свержения большевиков. Политическое самоопределение народов не предусматривалось, реализация культурно-национальной автономии объективно затруднялась. Подготовка Всероссийского представительного собрания тонула в согласованиях, в беспорядочных попытках сотрудничества всевозможных общественных организаций и государственных органов. Законотворческие инициативы и проекты установить оптимальный баланс

---

⁴³ *Филатьев Д.В.* Катастрофа Белого движения в Сибири. 1918–1919. – Париж: YMCA-PRESS, 1985. – С. 64.

интересов центра и этнических сообществ казались несвоевременными. Военное поражение белых, общественная невостребованность их идеологических доктрин в обстоятельствах 1918–1920 гг. делали бессмысленной деятельность многочисленных чиновничьих структур, обесценили немало интересных предложений.

Эволюция взглядов белых в большинстве антибольшевистских правительств отдалялась от демократических оснований. Эскалация вооруженных действий с обеих сторон требовала сосредоточения ресурсов и централизации управления. Белые режимы все больше опирались на правые политические силы и тем самым сужали самостоятельность входивших в сферу их влияния многочисленных национальных организаций. Военно-политические соображения ослабляли внимание к этническому фактору как демократическому потенциалу политики. Усиливалось разочарование национальных лидеров антибольшевистскими силами, но не уменьшались их амбиции. Оккупационные режимы и общая атмосфера деградации и насилия вызывали обострение межнациональных конфликтов⁴⁴. Ход военных действий, приводивший к победам Красной армии, заставлял массы и этнических лидеров склоняться к признанию советской власти. Решающую роль в этой исторической ситуации играли факторы военного превосходства и обещания социально-экономических реформ.

§ 3. «Очистить автономию от буржуазной скверны»: поиск взаимодействия с большевиками

Советская власть, в чьих бы руках ни находилась, осторожно относилась к пределам политического самоопределения этнических сообществ. Декретирование нового типа государства не означало, что большевики имели выверенные теоретические представления и политические рецепты воплощения их в жизнь. Этнорелигиозная гетерогенность населения нуждалась в осмыслении в соответствии с новыми вызовами времени. Наркомнац телеграммой восточным окраинам России призвал вовлекать массы в революционный процесс обещанием автономии: ее «необходимо взять» у «буржуазных групп», «очистив ... от буржуазной скверны». В процесс самоопределения вовлекались народы с разными социально-экономическими и культурными возможностями. Призывы оказывали провоцирующее воздействие на неразвитые социальные слои. Их направленность, масштабы и последствия выходили за рамки политической логики, но

---

⁴⁴Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине. 1918–1919 годы. – М.: АИРО-XX. 1997. – С. 163.

привлекательный лозунг права наций на самоопределение обладал огромной мобилизующей силой. Вторая программа РКП(б) в 1919 г. признала федерацию как тип советского государства.

Несмотря на сложное положение советского центра власти в Москве и Советов на местах (последние неоднократно свергались частями белых, но вновь восстанавливались), Конституция РСФСР 10 июля 1918 г. закрепила федеративное устройство России по национально-территориальному принципу. Специальной статьи о праве выхода из федерации не было, но говорилось, что к ведению съезда Советов и ВЦИК относится «признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее». Конституция не определяла национально-государственный состав республики. Не устанавливались и различия между автономной частью РСФСР и суверенной республикой. РСФСР на этом этапе сочетала в себе черты союзного государства и федерации на базе автономии.

Непосредственно этническими проблемами в первые годы советской власти занимался Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) во главе с И.В. Сталиным. Предстояло установить пределы компетенции центра и этнической периферии и встроить их специфику в большевистский концепт. Наркомнац начал наступление на «буржуазных националистов». Спешно выдвигались проекты противостояния государственным образованиям Прибалтики, Закавказья, Северного Кавказа, Средней Азии, Сибири. Наиболее важной воспринималась ситуация на западных территориях, но в чрезвычайных обстоятельствах разнообразные концепции федерализма применялись также к тюркско-исламским и другим движениям. Весной 1918 г. проекту национального государства татар и башкир (Урало-Волжский штат), «Забулачной республике» в татарской части Казани Москва противопоставила проект Татаро-Башкирской республики. Но мусульманские элиты тяготели к формированию единой культурно-правовой общности. Стремление к территориальной автономии воспринималось не утверждением национального начала в русле европейских практик, а как этнический изоляционизм. В апреле 1918 г. Ленин писал по поводу событий в Средней Азии: «Ташкентские коммунисты ... наделали кучу глупостей... Провели кругом “социализацию”, а чего – сами не знают».

Большевики раскалывали этнические элиты, соблазняя тех, кто был настроен левацки. Те стремились вырвать уступки. Условием легитимности являлась лояльность. Налицо были прагматизм, хитрость, осторожность, готовность сторон уступить. Переход элит к большевикам часто имел больше психологическую, а не идейную основу. В январе 1918 г. Всероссийский чувашский военный съезд, не решив вопрос о Средневолжских и Южноуральских штатах как форме национально-государственной консолидации чувашей, создал Центральный чувашский военный совет, вскоре распавшийся. В феврале Чувашская национально-социалистическая пар-

тия объявила автономию в рамках федерации народов Поволжья. Ее структуры не имели реальной политической власти. После включения чувашских территорий в состав проектировавшейся Татаро-Башкирской республики национальные социалисты перестали поддерживать большевиков. Их организации после недолгого сотрудничества с местными Советами прекратили существование.

В феврале 1918 г. на Национальном съезде мари предложено создать Комиссариат мари при Казанском губсовете и отдел мари в Наркомнаце. 4 ноября 1920 г. декрет ВЦИК и СНК РСФСР объявил об образовании Марийской автономной области в составе РСФСР. Марийцы, как один из наиболее ассимилированных народов, не имели сильного национального движения и приняли спокойно советский вариант автономии.

После образования башкирской (1919 г.), татарской, чувашской (1920 г.), горской и дагестанской (1921 г.), других советских автономий взаимоотношения бывших «буржуазных» националистов с коммунистами были не простыми. Немалые трения возникали между теми, кто был настроен «интернационалистски» и теми, кто отстаивал важность учета этнического фактора. Поиск компромисса о принципах автономного устройства в рамках советской федерации, о компетенциях автономных структур власти выявили «хитрость и осторожность восточных политиков, готовых на всевозможные уступки, лишь бы получить право на официальное признание существующего». В свою очередь лидеры большевиков рассматривали советские автономии как тактический прием в борьбе за сохранение власти, автономные органы – как средство проведения своей политики на местах. Взаимодействие было сложным и противоречивым. Но молодые амбициозные лидеры все больше начинали связывать судьбу и карьеру с советской властью. Им предлагались руководящие должности. В Наркомнаце их занимали представители 49 национальностей⁴⁵. Самой крупной группой были евреи – 48 человек. За ними следовали татары – 25, киргизы (казахи) – 9, башкиры – 8, калмыки – 7, азербайджанцы – 6, крымские татары – 5, бурят-монголы – 4, туркестанцы – 3, чеченцы, кабардинцы по 2, кумыки, черкесы, ногайцы, абхазцы, ингуши, туркмены, таджики и др. по 1.

Те, кто переходил в Наркомнац, были неплохо образованны и имели немалый политический и профессиональный опыт. 64 ответственных сотрудника получили образование в российских – Московском, Петербургском, Казанском, Киевском, Томском, Варшавском – и в заграничных – Берлинском, Женевском, Венском, Цюрихском, Сорбонне, Бейрутском, Каирском – университетах. Работали выпускники факультетов восточных языков: Лазаревского института, Военной академии, Академии Генераль-

---

⁴⁵ *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности. Октябрь 1917–1924 гг. – М.: ИРИ РАН.

ного штаба, Археологического института, различных медресе. 104 человека имели педагогическое образование или опыт учительства. В штате был 31 журналист, 21 юрист, 20 специалистов в историко-филологической области, 5 профессоров Петербургского, Казанского университетов, 4 этнографа. На обучение в гимназии указал 41 человек.

Многие хорошо владели русским, рядом западноевропейских и восточных языков. На владение двумя (русским и родным) указали 126 человек, тремя – 92, четырьмя – 78, пятью – 38, шестью – 19. Руководитель культурно-просветительного отдела мусульманского комиссариата крымский татарин И. Фирдевс владел русским, французским, турецким, немецким, итальянским, татарским языками. В Наркомнац приходили как образованные представители этнических элит из «бывших», так и бедняки, воспринимавшие большевистскую идеологию поверхностно, а власть – крайне утилитарно. Разночинцы-«пролетарии» быстро оттеснили первых на вторые места.

Менявшаяся военная обстановка влияла и на развитие взглядов государственных и партийных руководителей. Внимание Ленина и Сталина сосредоточилось на территориях, где сепаратистские процессы развивались наиболее интенсивно. В структуре Наркомнаца первыми открылись польский, литовский, белорусский, еврейский, мусульманский комиссариаты. 27 января 1918 г. Наркомнац подчинил последнему все мусульманские отделения местных Советов. Но в марте 1918 г. мусульманский комиссариат был переименован в татаро-башкирский комиссариат. 29 июня 1918 г. СНК РСФСР подчинил мусульманские комитеты Наркомнацу⁴⁶. К лету 1918 г. уже работал отдел горцев Кавказа. К осени было 18 национальных отделов.

У Сталина не сложились отношения с руководителями национальных комиссариатов. Л. Троцкий, которому те иногда жаловались, считал: «Они имели навык мобилизовать аргументы, отбивать доводы Сталина и ставить ему вопросы, на которые он не находил ответа»⁴⁷. Весной 1918 г. коллегия Наркомнаца решила: «Одной из основных задач считать культурно-просветительную деятельность различных национальностей, входящих в Российскую Федерацию», «участие свое в культурном строительстве ... крайне необходимым»⁴⁸.

Важную роль в работе Наркомнаца стали играть отделы культуры и просвещения. К лету в мусульманском (татаро-башкирском) комиссариате отдел культуры и просвещения состоял из школьного и внешкольного подотделов. Предполагалось расширить подотделы до 17: географи-

⁴⁶ См.: *Ульянинский*. Через год // Жизнь национальностей. – 1919. – 27 апреля.

⁴⁷ *Троцкий Л.Д.* Сталин. В 2 т. Под ред. Ю.Г. Фельптинского. – М.: Терра. Т. 1. 1990. – С. 192.

⁴⁸ *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. – С. 49.

чески охватывались территории проживания татар, башкир, крымских татар, туркестанцев, казахов. Структуру одобрил Ленин на встрече с главой отдела Ш. Манатовым. Позже отдел возглавил И. Фирдевс. Калмыцкий культурно-просветительный отдел возглавил выпускник Петроградского университета Н. Очиров.

В Казани наладилось сотрудничество с Центральной мусульманской научной коллегией, которая должна была возглавить работу по народному просвещению в мусульманских регионах. Был разработан проект организации мусульманского университета в Казани, музея Востока и центральной мусульманской библиотеки. Коллегия состояла из отделов: по составлению программ и учебников для татарской школы; литературы, языка и истории; организации музея и библиотек; театра, музыки и искусства; отдела печати. Отдел литературы, языка и истории состоял из подразделов: по составлению словаря татарского языка и энциклопедии, разработке орфографии и письма, собиранию памятников литературы тюрко-татар. М. Султангалиев выделял их значение как «одновременно политических и административных органов ... Они выполняли колоссальную работу»⁴⁹. Их создание отражало реальные потребности российских национальностей. Те, на кого недоставало внимания белых правительств или были отнесены ими к компетенции будущего Учредительного собрания – местные институты и структуры, – все больше втягивались в политическую орбиту на стороне большевиков. Инициативу на прошедших 150 национальных съездах перехватывали местные большевики, формируя среди участников советскую ориентацию⁵⁰. Но возникли и проблемы.

Строительство структур Наркомнаца по типу культурной автономии все больше выбивалось из стратегии новой власти, которая «красногвардейской атакой» осуществляла централизацию ресурсов культуры: школ, вузов, театров, музеев, архивов, научных учреждений, библиотек. В среде националов эта линия насторожила многих. 3 июля 1919 г. на заседании Госкомиссии по просвещению обсуждался доклад П.Н. Макинциана «Наркомпрос и вопрос просвещения народов нерусского языка РСФСР». Докладчик назвал постановление о школах национальных меньшинств от 31 октября 1918 г., предоставившее право обучаться в государственной школе на родном языке, «декларацией», сделанной «огулом». Макинциан напомнил: Наркомнац «невольно» стал органом с двумя десятками «целых министерств просвещения того или иного народа», ибо Наркомпрос «не предпринял никаких шагов» в этом направлении. Наркомнац, говорил он, «натолкнулся на необходимость пользоваться» родным для народов язы-

---

⁴⁹ *Фаттахова Г., Валеев Р.* Академический центр Татарии: 1920-е гг. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2002. – С. 28.

⁵⁰ *Красовицкая Т.* Национальные съезды по просвещению. 1917–1922 // Народное образование. – 1972. – № 8.

ком: иначе «подступиться нет возможности». Необходимо учитывать и «степень культурности народов». «Отчего поляки должны сидеть в одном и том же отделе с ингушами, что общего между просветительной работой среди зырян и евреев? Ясно, что такое притягивание за волосы ... искусственно». Нужно «стремиться к объединению», и задачи наркомата должны быть «коммунистические и интернациональные». Было предложено «немедленно ввести один общегосударственный язык»: «национальный вопрос не должен существовать».

Б.Б. Каратеев (ВЦИК) остудил радетелей «коммунистических и интернациональных» идеалов: проблема «нисколько не потеряла своей остроты» – для тех, кто мыслит «социалистически, марксистки», целью просвещения «несомненно ... должна быть 1) ассимиляция народностей в идеале ... Затем ... одна единая общечеловеческая пролетарская культура». Но «нужно задуматься» над тем, что «социалистическая общественная жизнь мыслима только тогда, когда в этом строительстве принимает энергичное, активное участие ... 99,9 % чувашей, мордвы, вотяков, черемис и т. д.». Только тогда «вы пробудите народное самосознание ... вольете все зачатки возможностей и сил». Речь шла об учете «принципов усмотрения и учреждения различий» в социальном мире, практик социального восприятия, форм публичных и частных идентификаций. Тогда «придется признать»: родной язык – «единственное орудие влияния».

Замнаркома просвещения РСФСР М.Н. Покровский резюмировал: «Общая теза такова, что всякая национальность имеет право учиться ... на родном языке, извиняюсь за вульгарное выражение, сколько влезет. Прибавлять, заново творить мы, конечно, не будем, потому что коммунисты, потому что интернационалисты, потому что национальной культуре мы большого значения не придаем». Однако согласился: «Мешать самостоятельному развитию ... мы не должны»⁵¹. Хотя в центральных структурах управления этническому фактору отводилось второстепенное место, тем не менее, замнаркома по делам национальностей С.С. Пестковский поправил Покровского. В июне 1919 г. он подчеркнул: если власть «из лишнего усердия или непонимания, или просто самодурства высказывает склонность к притеснению инородцев», то, напомнил он, нерусские народы уже «все-таки знают ... куда можно жаловаться»⁵². 30 июля на Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры нарком просвещения А.В. Луначарский отметил: Наркомпрос, конечно, орган «социальной революции», «центральный политический комиссариат». Но пока «дело введения пролетариата во владение всей человеческой культурой остается первой моей заботой, и от этой задачи меня лично не оттолкнет никакой азбучно примитивный коммунизм».

⁵¹ «Твердыни национального отъединения». Публ. Т.Ю. Красовицкой и В.А. Владыкиной / Труды Института национальных проблем образования. – 1993. – Вып. 1.

⁵² Пестковский С. Национальная культура // Жизнь национальностей. – 1919. – 8 июня.

Идеалы «интернационалистов» соседствовали с начавшимися уже в те годы массовыми арестами выдающихся деятелей культуры, их расстрелами. Тем значимее выглядело упорство этнических элит. 13 августа 1919 г. в Москву на Всероссийское совещание работников просвещения народов нерусского языка прибыло 194 делегата. Лишь 19 нашли «нынешний опыт» удовлетворительным. На совещании А.В. Луначарский предложил новую формулу – «единство многообразия»: но «национальному большинству» важно относиться «с нежностью» к культурам национальных меньшинств. «Интернационалисты» из Наркомпроса вновь настаивали на единстве организационных принципов. Член коллегии Наркомпроса Башкирской АССР А. Гисматулин возразил: «Просвещение национальностей должно быть организовано в виде особых национальных комиссариатов». Необходима «федерация Наркомпросов». Его поддержало большинство участников, в том числе и коммунисты. ЦК РКП(б) поддержал резолюцию, «предложенную Наркомпросом»: «Единая политика в области просвещения всех языков. Единый Наркомпрос. Центр». Но вопрос «остается дискуссионным для партии»⁵³.

В июне 1918 г. на Всероссийском совещании коммунистов-мусульман в Казани была создана Российская мусульманская коммунистическая партия как «орган всех революционеров-мусульман, кто более или менее принимает программу РКП(б)». Ее возглавил Султангалиев⁵⁴. На съезде в Москве в ноябре 1918 г. партия была преобразована в мусульманские организации РКП(б). Нарком просвещения Туркестанской АССР С. Абдусатаров в 1919 г. писал Луначарскому: «Многие вопросы, которые для Вас считаются отошедшими в область предания, для нас являются вопросами сегодняшнего дня ... Я уверен в том, что всякой социальной или хотя бы политической революции предшествует реформация религиозная. До тех пор, пока старый кумир не свергнут, идеи социализма и коммунизма не могут быть укреплены в алтаре обывательского миропонимания. Туркестан еще спит; Бог безраздельно властвует над ним». В январе 1919 г. от Архангельска до Оренбурга действовало 69 губернских и уездных мусульманских комиссариатов. В Туркестане работало Мусбюро РКП(б). Национально-религиозные чувства горцев Северного Кавказа отразились в клятве защищать «шариат, свободу и независимость народов Северного Кавказа». Но часть духовенства Кабарды, Дагестана, Чечни с лозунгом «За советскую власть, за шариат!» поддержала в критический момент советские ревкомы. Пропаганда большевиков «включила» тезис о совместимости и взаимной дополняемости шариата и коммунизма. Он способствовал восстановлению в глазах мусульман силы, стабильности и авторитета России⁵⁵.

⁵³ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. – С. 201.

⁵⁴ Валиди З. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных порок за национальное существование и культуру. – М.: Хронос, 1997. – С. 190–197.

⁵⁵ Ланда Ф.Г. Ислам в истории России. – М.: Восточная литература, 1995. – С. 228.

16–25 сентября 1920 г. в Уфе прошел I Всероссийский съезд мусульман. Делегатов ознакомили с Конституцией РСФСР. Структурой религиозного управления мусульман Внутренней России, Сибири и Казахстана было признано Центральное духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири (ЦДУМ). Не вмешиваясь в политику, оно имело право ведать религиозными делами, рассматривать вопросы духовно-нравственного и религиозного воспитания.

Попытки реализации декрета СНК об отделении церкви от государства вызвали подъем исламского повстанчества. В 1922 г. процесс охватил Северный Кавказ, Татарию, Бухару и Хорезм. Мусульманский конгресс в Самарканде в апреле провозгласил Туркестанско-тюркскую независимую республику, восстановил законы шариата. Большевики уступили, разрешив ранее ликвидированные шариатские суды, вернули мечетям и медресе отобранное имущество, управление вакфов, выборность имамов. Но Ленин, считая религию «самой опасной мерзостью», выступил инициатором массовых кампаний против Русской православной церкви. Тяжелейшая обстановка в стране, вызванная голодом, привела его к мысли, что «данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но вообще единственный момент, когда мы можем... разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь... когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления». 23 февраля 1922 г. ВЦИК издал Декрет об изъятии церковных ценностей. Насильственным путем было изъято ценностей на общую сумму в два с половиной миллиарда золотых рублей. Из них только один миллиард ушел на закупку продовольствия. Остальные деньги были истрачены на нужды мировой революции. Физическое уничтожение отдельных священнослужителей дополнялось политикой раскола Русской православной церкви. Кампания вызвала в среде верующих протест, доходивший иногда до вооруженного столкновения. В первом полугодии 1922 г. было зафиксировано более 1400 случаев открытых столкновений, более 700 священников и монахов привлекли к уголовной ответственности.

В декабре 1923 г. прошло совещание мулл под лозунгом «Советская власть не противоречит исламу». В начале 1923 г. все мухтасибаты Татарской АССР провели съезды. 9 июня 1924 г. ЦДУМ разъяснил имамам: «Необходимо смотреть на трудовую школу прямо и правильно, не уклоняться от посильной помощи ей и стараться поддерживать ее материально». Северокавказское духовенство предпочитало отстаивать права мусульман перед молодыми автономными органами власти, получая от них поддержку. Председатель ЦИК Дагестанской АССР Н. Самурский, сам из семьи мулл, подчеркивал: «Шариат – это не только религиозное и канони-

ческое право, это полный свод законов ... включающий гражданское, уголовное и семейное право». Адыгейский облисполком провел 27–29 сентября 1922 г. в ауле Хатукай областной съезд эфенди. Духовенство поддержало линию на «укрепление советской власти на местах». Съезд призвал родителей отдавать детей в возрасте от 7 до 18 лет в советские школы. Делегаты просили разрешить обучать первые два года родному языку и Корану, далее – по программе советской школы. Готовность «эфенди-прогрессистов» осуществлять посреднические функции между властью и населением стала переломным моментом⁵⁶. На Северо-Западном Кавказе шарсуды ежегодно разбирали до 30–50 % судебных дел; в Дагестане и Чечне – до 70–80 %⁵⁷. Судоговорение велось на родном языке. Сохранялся авторитет местных имамов. Председателями шарсудов были популярные шейхи А.-Х. Акушинский, А.-С. Акаев, А. Каяев и др. В ряде автономий они обладали полномочиями заместителя наркома юстиции. Шарсуды меньше страдали от бумажной волокиты, характерной для советских учреждений. При решении уголовных и поземельных дел шарсуды руководствовались нормами обычного права (очистительная присяга, штрафы, примирение – маслахат, высылка кровника в отдаленные округа республики или за пределы Северного Кавказа и пр.). Запрещались нормы адата, противоречащие советскому законодательству: кровная месть, захват имущества неисправного должника – и уголовные нормы шариата: смертная казнь убийцы, отрубание руки вору, побивание прелюбодеев камнями.

Первые национальные автономии и советские «независимые» республики создавались во многом для удержания территорий и с целью реализовать в них классово-интернационалистскую доктрину. Они декретировались сверху. Государственно-правовые взаимоотношения имели авторитарную природу. Немало коллизий во взаимоотношениях советского центра и республик вызывалось организационной пестротой, неясностью принципов соподчинения, многочисленностью рождавшихся по инициативе как сверху, так и снизу органов, участвовавших в решении национальных проблем. Система Советов дополнялась учрежденными Наркомнацем отделами и комиссариатами. Количество их множилось, аналогичные органы создавали другие центральные ведомства. В структуре ЦК РКП(б) и на местах работали национальные секции, еврейские, например, до 1930 г.

Однако на Северном Кавказе не удалось «внедрить в горское сознание»⁵⁸ идею Советов на классовой основе. Не оформленному в четкие

---

⁵⁶ Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – начало (20-е годы) XX в. – М.: Новый хронограф, 2011.

⁵⁷ Мисроков З.Х. Отмирание шариатской юстиции в автономиях Северного Кавказа. – М.: Изд. МГУ, 1979. – С. 227–228.

⁵⁸ Красовицкая Т.Ю. «Они не понимают и не могут воспринять формулы диктатуры пролетариата»: Документы российских архивов о национально-культурном строительстве

представления национальному чувству с помощью чрезвычайных органов власти – ревкомов навязывались новые условия жизни. Лидер казахских большевиков Т.Р. Рыскулов писал в Наркомнац Туркестана: «Многотысячное население до сего времени мало понимает, что такое советская власть». Отмечалась «грубость рабоче-крестьянского правительства»⁵⁹. Башкирский лидер А.-З. Валидов летом 1920 г. писал секретарям ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому и Е.А. Преображенскому: «Наши мнения о путях достижения соответствия между принципами социализма и национального самоопределения, о возможности осуществления социализма в условиях продолжения господства (в видоизмененной форме) великих наций над малыми, к сожалению, серьезно разошлись». Особые претензии у него были к Сталину. Тот «любил насмехаться над татарами и кавказцами, которые работали под его началом». По поводу русских и польских беженцев в Башкирии предлагал Валидову (тогда – главе Башревкома): «Вы просто уничтожьте этих людей, и не будет никаких проблем». Сталин провоцировал его, «обвинял русских в шовинизме и ругал их», пытался вернуть в Москву, даже льстил, говоря: Валидов «много умнее Султангалиева и много энергичнее», «человек практики», «умеет создать из басмачей армию». Валидов указал на «неискреннего, замаскированного диктатора, который играет людьми, их волей»⁶⁰.

Большевики выдвигали левацки настроенных национальных лидеров на посты руководителей и ответственных работников автономий, общероссийских структур. Необходимость ревкомов – органов советской диктатуры – объяснялась угрозой «явной опасности превращения [автономии] в колонию России или одного из капиталистических государств»⁶¹. Но «кто же Вам будет верить после того, как Соглашение, подписанное 20 марта 1919 года⁶² Вами, Сталиным, мною и моими товарищами ... перечеркнуто ... Вами и Сталиным? ... Я, встретив Вас, выразил свой протест. Вы же тогда Соглашение ... соизволили назвать “клочком бумаги”... Разница между Вашими словами ... и проводимой Вами сейчас политикой настолько велика, что это удивляет», возмущался Валидов, адресуясь к Ленину⁶³. Подобные факты создавали атмосферу недоверия, подозрительности.

Этнические элиты надеялись приспособить коммунистическую модель к собственным представлениям о преобразованиях. Но младобухарцы ост-

---

на Северном Кавказе в 1920-е гг. // Альманах «Россия. XX век». URL: <http://www.alexander-yakovlev.org/almanah/inside/almanah-named-comment/70570>

⁵⁹ Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. – М.: АИРО-XX, 1994. – С. 36 (далее – Аманжолова Д.А. Казахский автономизм).

⁶⁰ Ланда Р.Г. Мирсаид Султан-Галиев // Вопр. истории. – 1999. – № 8. – С. 55; Исхаков С.М. Ахмед-Заки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии // Там же. – 2003. – № 10. – С. 147–159 (далее – Исхаков С.М. Ахмед-Заки Валидов).

⁶¹ Аманжолова Д.А. Казахский автономизм. – С. 36.

⁶² Имеется в виду «Соглашение центральной Советской власти с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии» от 20 марта 1919 г.

⁶³ Исхаков С.М. Ахмед-Заки Валидов. – С. 147–159.

ро чувствовали упрощенный подход большевиков к социальным явлениям на Востоке, горское сознание игнорировало классовую борьбу. Киргизская социалистическая партия (Уш жуз) просуществовала недолго, придать ей классовый облик не удалось. Осетинская крестьянская партия «Кермен» весной 1918 г. влилась в РКП(б). Военно-коммунистические методы управления, пренебрежение национальной спецификой (она, как и белым, казалась несущественной в пожаре мировой революции) вызывали сопротивление, выразившееся в разных формах – от глухого раздражения и игнорирования новой власти до открытого сопротивления. «Если раньше кучка людей, под именем царских чиновников, безответственно угнетала и чинила над киргизами всякого рода насилия, то такую же деятельность проявляла на окраинах кучка тех же и других людей, прикрываясь именем большевиков-коммунистов», – считал первый нарком просвещения Киргизской АССР А. Байтурсынов⁶⁴.

Советизация ранее образованных, провозглашение новых автономий, формальное признание самостоятельности договорных, затем союзных республик включали в себя расчет на мировую революцию. Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока в 1919 г. надеялось через Туркестан «установить связь с Ближним Востоком – Афганистаном, Индией, Персией и т. д. и революционизировать их»⁶⁵. Сходное отношение проявилось к созданию Белорусской и Литовской советских республик.

Многим этническим лидерам новая Россия виделась федерацией по сути самоуправляющихся крестьянских миров. Признав центральную власть и заявив о верности ее канонов, сами они имели представления, весьма отдаленно напоминавшие западную идею «суверенной нации». В борьбе за власть большевики часто шли на создание, особенно в районах боевых действий, искусственных Татаро-Башкирской, Горской республик. Национально-государственное конструирование территорий осуществлялось волевым порядком и с революционным энтузиазмом, перекрывалось социальным популизмом центральной власти. Главная же цель состояла в мобилизации массовой политической поддержки своих ценностей. Строительство республик усилили опорные городские промышленные центры, которые стали их столицами: Уфа – Башкирской АССР, Грозный – Чеченской АО, Петрозаводск – Карельской АО, Верхнеудинск – Бурятской АССР. В них преобладало русское население и русская инфраструктура культуры. Давался решительный отпор националистам, их требованиям или противодействию включать отдельные территории в ту или иную автономию. Многие автономии конструировались «для двух народов» (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чечено-Ингушетия, Ханты-Мансийский и Долгано-Ненецкий автономные округа) или же границы рас-

---

⁶⁴ Аманжолова Д.А. Казахский автономизм. – С. 40.

⁶⁵ Аманжолова Д.А. Указ. соч. – С. 36.

членяли этническую общность на части (Северная и Южная Осетия). Нередко республики создавались под несуществующие национальности (например, хакасы и горные алтайцы). По мнению Э. Хобсбаума, большевики сознательно и целенаправленно создавали «этнолингвистические территориальные национально-административные единицы» там, «где прежде они не существовали или где о них никто всерьез не помышлял»⁶⁶. В результате образовались «новые нации, более сильные и более сплоченные, чем этнические сообщества, на основе которых они возникли»⁶⁷. Несмотря на противоречия в национальной политике, политика большевиков по осуществлению принципа самоопределения отвечала интересам многочисленных народов бывшей империи.

§ 4. Роль этнического фактора в создании союзного государства

Среди причин образования СССР больше выделяются политико-централизаторские усилия большевиков и экономическая целесообразность. Для большевистского центра создание союза «независимых» советских республик было и своеобразным полигоном строительства «Всемирной республики Советов». Но в мессианские замыслы вмешивалась проза жизни. Многомерный мир этничности представлял набором практик, требующих размышления и адекватной на них реакции. В 1921 г. в Наркомнаце, помимо национальностей с уже созданными автономиями, отмечали наличие еще как минимум трех категорий нацменьшинств: а) живущие в пределах РСФСР, «но имеющие соответствующие территориальные объединения, не входящие в состав РСФСР и не являющиеся союзными советскими республиками» (поляки, литовцы, эстонцы, финны и др.); б) евреи как особая группа; в) национальные группы на территории РСФСР, не имеющие национальных отделов при Наркомнаце и не входящие «в соответствующие национально-территориальные объединения».

Стихийно развернувшийся процесс федерализации распавшейся империи вызывал у большевиков опасения за перспективы единства страны. Член коллегии Наркомата внутренних дел М. Лацис в феврале 1918 г. писал: использование «нашего программного пункта о самоопределении национальностей в центробежном направлении, вплоть до отделения их от России, предоставление этого права неразвитым народностям, без сильно-

⁶⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб., Алетейя. 1998.

⁶⁷ Манугян А., Суни Р. Советский Союз: национализм и внешний мир // ОНИС. – 1991. – № 3. – С. 107.

го или при совершенном отсутствии пролетарского элемента более чем опасно». Члены Турккомиссии ВЦИК и СНК Ш. Элиава, В. Куйбышев, Я. Рудзутак в феврале 1919 г. информировали Москву о «доведенном до абсурда автономизме»⁶⁸. Качество принимаемых управленческих решений было чрезвычайно низким. Из-за сосредоточения в руках государства управления всеми отраслями народного хозяйства разбух аппарат, рос бюрократизм, взяточничество. В 1921–1922 гг. разразился голод. В Крыму не хватало бензина не только для подвозки продовольствия, но и вывоза трупов с улиц городов.

Положение с народным хозяйством было катастрофичнее, чем весной 1918 г. Фактически система управления пришла в упадок. С помощью объединительного движения центр «решал» «глобальные» задачи. В Закавказье Москва под предлогом «интернационалистского» устранения преимуществ Грузии перед Азербайджаном и Арменией навязала общероссийские таможенные тарифы, а затем и российский рубль, хотя курс последнего неуклонно падал. В Ташкенте «экспроприация экспроприаторов» доказывалась ссылками на Коран. Тут же «просчитывали» возможности использовать местное купечество для коммунистического проникновения на Ближний Восток. В январе 1923 г. К.Е. Ворошилов писал Сталину из Чечни: «Само собой понятно, что муллы и св[ятые] пользуются своим положением со всем присущим им искусством восточных дипломатов и политиков ... Большие мы дураки, что мало возим этих самых мулл в Москву, где они чувствуют себя так же, как в Мекке»⁶⁹.

Крайне тяжелым было положение в социальной сфере. Людские потери в Гражданской войне составили, по разным оценкам, от 4 до 10 млн человек... Около 2 млн были вынуждены эмигрировать. Значительная часть интеллигенции и предпринимателей погибла или уехала за границу. Особенно значительный урон был нанесен мужскому населению: более 4 млн человек стали инвалидами. По подсчетам специалистов, численность населения страны к 1921 г. не превышала 135 млн человек. Сталин на XII съезде привел следующие данные: «В численном отношении бывшая державная нация представляет около 75 млн, а остальные нации – 65 (это все-таки немало)».

В этих условиях происходит оживление патриотических настроений среди этнического большинства – русского народа. Начинается оформление своего рода «молчаливого союза между русским национализмом и коммунистическим интернационализмом»⁷⁰. Возрождение имперской идеи

---

⁶⁸ *Ненароков А.П.* Регионализм – федерализм – сепаратизм // Межнациональные отношения в России и СНГ: Семинар Московского центра Карнеги. Вып. 2. – М.: АИРО-XX, 1995. – С. 139.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 385. Л. 22–24.

⁷⁰ *Карп Э.* История Советской России. Кн. 1. Большевицкая революция. 1917–1923. – М.: Прогресс, 1990.

на советской почве получило название «национал-большевизм». На формирование этой идеологии существенное влияние оказали небольшевистские партии и движения: еще до начала нэпа говорилось о возможном дрейфе советского режима в сторону национал-большевизма. Авторы опубликованного в Праге в 1921 г. сборника «Смена вех» воспринимали интернационализм большевиков как ширму. Они полагали, что в существующих условиях лишь советская власть способна восстановить русское национальное государство. К сменовеховству, популярному среди русской интеллигенции, чиновников, специалистов, власть относилась либерально. В 1922–1923 гг. идея возрождения российской государственности становится ведущей в партийно-государственной политике, вокруг нее разворачиваются дискуссии, получают распространение великодержавные настроения. В отношении русской этничности власть была прагматичной: богатейший ресурс и институции культуры следовало использовать в практиках советизации.

Сталин воспринимал федерализм как переходную ступень к будущему социалистическому унитаризму. Он поддержал формулировку Н.И. Бухарина, вошедшую во Вторую программу партии на VIII съезде РКП(б) о самоопределении трудящихся классов каждой нации. Сталин в 1924 г. признал: «Удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным ... чем это могло казаться»⁷¹. Но и трансформация руководителей республик из коммунистов-интернационалистов в местных вождей-этнократов оказалась делом времени. С переходом к нэпу в Москве усиливались централистские тенденции, в республиках – местничество и национализм. Утверждалось, что «истолковывавшаяся раньше независимость как фиктивная, начинает сейчас принимать формы действительного отделения ... Намечается опасность развития националистических и шовинистических тенденций, вредящих развитию коммунизма». Коммунистические лидеры, оценивая их, решили: небрежение федеративным принципом крайне опасно. Ленин понял это еще накануне Гражданской войны, наблюдая распад имперского пространства. Он настаивал: образование национальных государств не противоречит принципу федерализации страны. В июне 1919 г. под председательством Каменева комиссия ВЦИК работала над конкретными формами объединения республик. Председатель СНК Украинской ССР Х.Г. Раковский, отмечая «общую неразрывную историческую судьбу» Украины и России, поставил вопрос об участии УССР в «организации и руководстве центральными федеральными комитетами, обслуживающими интересы союза федерации». Он предложил создать «единый орган верховного управления в виде Федеративного Совета Республик»⁷².

⁷¹ *Сталин И.В.* Против федерализма // *Сталин И.В.* Сочинения. – М.: ОГИЗ, 1946. Т. 3. – С. 30–31.

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 45. Л. 4.

Своеобразным федеративным договором стал декрет ВЦИК от 1 июня 1919 г., обеспечивший взаимодействие республик в области экономики и культуры, внешней политики. На федеративной основе строились союзнические отношения РСФСР и УССР в 1918–1922 гг. В ходе военных действий в Белоруссии большевики в декабре 1920 г. определили ее форму государственности. Однако сущность «советского федерализма» и механизмы его осуществления оставались непонятными. В 1920 г. упрочились просоветские режимы в Хорезме и Бухаре, с ними РСФСР заключила договоры. Власть в этих регионах, в Закавказье и других местах устанавливалась военно-политическими средствами. В феврале 1920 г. комиссия при Президиуме ВЦИК по разработке федеративного устройства РСФСР, в работе ее участвовал и Сталин, не сформировала конкретных предложений.

На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. Сталин заявил, что РСФСР – «живое воплощение» искомой формы государственного союза. На взгляд Сталина, единству мешала «игра в республики». Его позиция вызвала бурную реакцию. Член Турккомиссии ВЦИК Г.И. Сафаров обвинил партию в невнимании к национальному вопросу. Большевики, по его мнению, наделали массу непростительных ошибок: левачкие загибы принесли местному населению немало бед, вызвали рост басмаческого движения. Представитель Украины В.П. Затонский, критикуя тезисы сталинского доклада, заявил: они «как будто писались вне времени и пространства. В общем и целом их можно было написать и до Октябрьской революции, и в 1918, и в 1919 г... Отбояриваться от вопроса голым провозглашением права наций на самоопределение – нельзя. Фактически мы видим, что национальное движение ... и при советской власти отнюдь не ликвидировано... Это мы проглядели, определенным образом прозевали». Затонский призвал бороться с «русопетством»: «термин не мой, а т. Ленина». Он подчеркнул – следует «вытравить из голов товарищей представление о советской федерации как федерации непременно «российской», ибо дело не в том, что она российская, а в том, что она советская»⁷³. Н. Нариманов писал: «Пусть сменовеховцы утешают себя, что идет “собираение русской земли”... Мы собираем не русские земли, а рабочих всех национальностей в единую сознательную силу для сплочения своей власти». А.И. Микоян считал: «Советская система подлежит изменению на окраинах сообразно экономическому быту и культурным потребностям их... Тов. Сталин, к сожалению, ничего в этом направлении не указал»⁷⁴.

Решение съезда по национальному вопросу подчеркивало целесообразность и гибкость применения различных видов федераций: основанных на договорных отношениях, на автономии и промежуточных ступенях между

⁷³ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографич. отчет. – М.: Госполитиздат, 1963. – С. 205.

⁷⁴ Там же. – С. 209.

ними. Сталин же видел в национал-большевизме средство мобилизации сторонников, выход из трудноразрешимого противоречия между интернационалистскими утопиями и современным вызовом, брошенным России. Это отчетливо проявилось в процессе национально-государственного строительства в Закавказье. Период существования в предшествующие годы национальных правительств, сметенных Красной армией и местными большевиками, оставил след в сознании населения. Грузия в 1918–1921 гг. наладила довольно широкие связи с внешним миром, влияние местной интеллигенции было сильным. Председатель Грузинского ревкома Ф. Махарадзе писал Ленину 6 декабря 1921 г.: «Вступление в пределы Грузии красных войск и провозглашение советской власти приняло характер внешнего завоевания, ибо внутри страны ... никто и не думал о поднятии восстания». Не учитывалось, «что за последние три-четыре года массы в Грузии как-то свыклись с идеей независимости и самостоятельности Грузинского государства, хотя она была эфемерна и фиктивна»⁷⁵. Ленин считал: в отношении Грузии возможна особая тактика. Тем временем национально-государственное строительство в регионе шло по пути создания Закавказской Федерации (ЗСФСР). 12 марта 1922 г. в Тифлисе конференция представителей ЦИК Азербайджанской ССР, Армянской ССР и Грузинской ССР утвердила договор о Федеративном Союзе Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ). Республики передавали свои права его Союзному совету в области внешней политики, военных дел, финансов, транспорта, связи и РКИ. В остальном исполнительные республиканские органы сохраняли самостоятельность.

В августе 1922 г. для решения вопроса об объединении советских республик была образована специальная комиссия под председательством В.В. Куйбышева. Наиболее активную роль в ней играл Сталин. Его проект предусматривал вхождение всех республик в РСФСР на правах автономий. Разосланный на места, он вызвал бурю возражений. В республиках его поддержали только ЦК КП Армении и Азербайджана. ЦК КП Грузии считал «объединение в форме автономизации независимых республик» преждевременным, настаивая на сохранении «всех атрибутов независимости». В мае 1922 г. К. Гамсахурдия писал Ленину: «Насколько русский коммунизм противостоит идеологии Антанты, настолько коммунистическая Россия должна понять, что в XX столетии игнорировать национальные штрихи и нюансы невозможно... Скажите и напишите тифлисским политикам, которые оказывают медвежью услугу коммунистической России: все можно отнять у личности и народа, но его национальное самосознание – никогда». Острые мнения высказывались и в ЦК КП Белоруссии, их устраивали договорные отношения между независимыми республиками. ЦК КП Украины проект не обсуждал. Раковский 28 сентября

---

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Д. Грузия. Л. 61 об. – 62.

писал: проект Сталина нужно переработать. В самой комиссии он был одобрен.

Сталин перед заседанием комиссии 22 сентября написал Ленину: «Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центрами и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем безусловно должны подчиняться центру, т. е. если мы теперь же не заменим формальную (фактическую) независимость формальной же (и вместе с тем реальной) автономией, то через год будет несравненно труднее отстоять единство республик». 23–24 сентября комиссия, при одном воздержавшемся представителе Грузии Б. Мдивани, приняла сталинский проект за основу: «1. Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении с РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договоров с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее...»⁷⁶.

Позиция Ленина была недостаточно определенной. Но он был противником сталинского проекта. 25 сентября А. Назаретян направил ему в Горки обсуждаемые материалы. Одновременно, не дожидаясь ответа Ленина, он разослал резолюцию комиссии членам ЦК РКП(б). 26 сентября, после длившейся 2 часа 40 минут беседы со Сталиным, Ленин пишет письмо Каменеву (копии всем членам Политбюро): «Я беседовал ... сегодня со Сталиным. Завтра буду видеть Мдивани... По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам ... подумать хорошенько; Зиновьеву тоже. Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В пар. 1 сказать вместо “вступления” в РСФСР – “Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии”. Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и *вместе и наравне* с ними входим в новый союз, новую федерацию, “Союз Советских Республик Европы и Азии”... Важно, чтобы мы не давали пищи “независимцам” ... создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик... Сталин согласился отложить внесение резолюции в Политбюро Цека до моего приезда. Я приезжаю в понедельник, 2/Х. Это мой предварительный проект. На основании бесед с Мдивани и др. товарищами буду добавлять и изменять».

Каменев учел пожелания Ленина⁷⁷. В новой редакции предлагалось «признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в «Союз Социалистических Советских Республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава «Союза»». Однако был обой-

⁷⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. – С. 551–558.

⁷⁷ Там же. – С. 558–559.

ден вопрос о том, является ли новое государство союзом равноправных государств или же единой страной. Ничего не было сказано и о независимости равноправных республик. Вместо прямого вступления в Союз Азербайджана, Армении и Грузии предусматривалось их вступление в него через Закавказскую федерацию.

Сталин в письме членам Политбюро 27 сентября обвинил Ленина в «национальном либерализме». Обещая ему не обсуждать «архиважный» вопрос до 2 октября, Сталин организовал обсуждение в Политбюро уже 27–28 сентября. Несмотря на то, что письмо Ленина Каменеву было разослано всем членам Политбюро, на заседании Политбюро был принят новый сталинский проект. На заседании Политбюро Сталин обменивается записками с Каменевым. 27 сентября. Каменев: «Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок». Сталин: «Нужна, по-моему, твердость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействует на грузинских коммунистов, а последние на Ильича, то, спрашивается, при чем тут “независимость”?» 28 сентября. Каменев: «Думаю, раз Вл. Ил. настаивает, хуже будет сопротивляться». Сталин: «Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению».

Борьба во многом носила тактический характер. Ленинский подход к федерализму был удобен в период неустойчивого состояния советской власти, он позволял использовать этнический фактор для укрепления социальной базы режима на местах. Сталинский подход в большей степени соответствовал созданию в перспективе унитарного государства. Оба они были сторонниками единого централизованного многонационального государства. Но если Сталин был готов добиваться его создания насильственными методами, то Ленин искал менее конфликтных путей, ведущих к той же цели. Формально принимая ленинский подход к федеративному устройству, большевики реально проводили курс на создание унитарного государства и последовательное сворачивание прав республик до уровня автономий, как и планировал Сталин.

Вопрос об образовании СССР обсуждался на пленуме ЦК 6 октября 1922 г. Ленин на заседании не присутствовал. Лидер грузинских «уклонистов» Мдивани сообщил в Тифлис: «Сначала (без Ленина) нас били подержимордовски ... а затем, когда вмешался Ленин ... дело повернулось в сторону коммунистического разума... Удушливая атмосфера против нас рассеялась... Проект принадлежит, конечно, Ленину, но он внесен от имени Сталина, Орджоникидзе и др., которые сразу изменили фронт... Прения показали, что известная часть ЦК прямо отрицает существование национального вопроса и целиком заражена великодержавническими традициями. Но эта часть получила такую оплеуху, что несомненно решится снова высунуться из норы, куда ее загнал Ленин (о его настроениях узнай из его письма, которое было оглашено в конце заседания, после решения

вопроса)». Речь шла о записке Ленина Каменеву, переданной для оглашения: «Т. Каменев! Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть»⁷⁸.

Практические предложения Ленина по форме государственного устройства многонациональной страны оставались эклектичными. «Свободу выхода из союза» следовало подкрепить обеспечением «максимума доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев». Предложение «оставить и укрепить Союз Социалистических Республик» блокировало тезис о возможности «вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом». Что конкретно имел Ленин в виду, смотря на проблему сквозь призму будущей мировой революции: федерацию или конфедерацию, не ясно, но вес и значение общегосударственной идентичности оказались бы снижены до критической величины.

30 декабря 1922 г. на съезде Советов делегации РСФСР, Украины, Белоруссии и ЗСФСР провозгласили образование Союза Советских Социалистических Республик. В Декларации указывались причины и принципы объединения. В Договоре определялись взаимоотношения между республиками, образующими союзное государство. Формально оно учреждалось как федерация суверенных советских республик с сохранением права свободного выхода и открытым доступом в нее. Однако механизм «свободного выхода» не рассматривался. В компетенцию Союза передавались вопросы внешней политики, внешней торговли, финансов, обороны, путей сообщения, связи. Остальное считалось в ведении союзных республик. Высшим органом государственной власти страны объявлялся Всесоюзный съезд Советов, в перерывах между созывами – ЦИК СССР, состоявший из двух палат: Союзного Совета и Совета Национальностей.

СССР представлял собой федерацию, состоящую из территорий, их границы определяли этнолингвистические критерии. Каждому советскому гражданину приписывалась та или иная национальность. Р. Брубейкер описывал советскую концепцию этничности с помощью терминов «этно-территориальный федерализм» и «личная национальность»⁷⁹. Несовместимость принципов носила запрограммированный характер. Названия и союзных, и автономных республик формально свидетельствовали об этнической государственности. Но роль представительных органов сводилась к одобрению выработанных партийными органами решений. Большую роль играли прихоти и капризы партийных функционеров, их интриги и закулисные маневры.

17 апреля 1923 г., впервые без участия Ленина, открылся XII партийный съезд. РКП(б) была партией многонациональной. В 1922 г. в ней было

---

⁷⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. – С. 214.

⁷⁹ Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia // Theory and Society. 1994. – Vol. 23. – № 1. – P. 47–78.

375 901 человек, в том числе русских 270 409 (или 72 % членов партии). Украинцев было 22 078, евреев – 19 564, латышей – 9 512, грузин – 7 378, татар – 6 534, поляков – 5 649, белорусов – 5 534, киргизов – 4 964, армян – 3 828, немцев – 2 217, узбеков – 2 043, эстонцев – 1 964, осетин – 1 699, других национальностей – 12 528. Преобладали русские, весьма значительное число евреев, латышей, поляков, эстонцев, по словам Ленина, «всегда пересаливавших по части истинно русского настроения», не имевших никакой формы государственности в рамках СССР. Сопrotивление Центру становилось тем сильнее, чем сильнее была компартия республики. Украинская и грузинская компартии требовали для себя полной власти. Особенно резко выступал Н.А. Скрыпник. В 1918 г. Ленин полагал, что тот – испытанный большевик – защитит взгляды Москвы против националистов на Украине: «Нам нужен не только украинец, а именно Скрыпник». Оправдав доверие Ленина в ЧК, в 1920 г. на посту наркома внутренних дел, Скрыпник к 1923 г. превратился в критика национальной политики партии. Б. Мдивани также был доверенным лицом Сталина. Обсуждение национального вопроса на съезде было передвинуто на предпоследнее место из-за запланированной отдельной национальной секции. Состав ее участников 12 апреля утвержден Политбюро: вместо аппаратных работников ЦК включены представители союзных и автономных республик⁸⁰. За день до открытия съезда в Политбюро передан текст диктовок Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации»». Поскольку он ходил по рукам в активе партии, решено зачитать его по секциям без права цитирования. А. Енукидзе направил внимание слушателей на то, что «Ленин сделался жертвой односторонней неправильной информации».

Сталин был снисходительнее: «Да будет мне разрешено сказать несколько слов по этому надоевшему всем вопросу...» Его доклад был заслушан 23 апреля. Обсуждение продолжено 24 апреля и в секции по национальному вопросу 25 апреля. Сталин, подчеркнув «важное, первостепенное значение национального вопроса вообще, в данный момент, в особенности», охарактеризовал его международный и внутренний аспект. Международный аспект он видел в том, что от практического решения в рамках «опытного поля», каким ему представлялась Россия, зависит, чьим резервом в грядущих классовых боях станут народы Востока. Его поддержал председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев: «Если у нас в советской России начнутся национальные трения ... это было бы гораздо опаснее, чем даже голод и людоедство, которые мы пережили ... Коммунистический Интернационал ... это единая партия, даже своего рода нация». Правящий режим уже сформировал собственный национализм – официальный (об этом и проговорился Зиновьев), имел собственные определения членства, набор институтов и структур, выражающих его интересы. Об этом

---

⁸⁰ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. – С. 232.

Сталин высказался еще в декабре 1922 г.: «То, что продельвается в порядке партийной переписки между верхушкой центральной и верхушками республиканскими, все это известно лишь тесному кругу лиц из верхушки партийной, и об этом обо всем широкие массы населения ничего не знают»⁸¹.

Внутреннее значение Сталин свел к тому, что в результате нэпа усилился «национализм русский»: «...бродят желания устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, т. е. создать так называемую “единую и неделимую”». Новый, «повторяю, великорусский шовинизм ... бесформенно, без физиономии ползет, капля за каплей впитываясь в уши и в глаза, капля за каплей изменяя дух, всю душу наших работников так, что этих работников рискуешь не узнать совершенно». В итоге «мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что равняется подрыву диктатуры пролетариата».

Сталин сознательно приравнял «великодержавный шовинизм» и «русский национализм», противопоставив их «местным шовинизмам», не представляющим «по своей силе той общности, которую представляет шовинизм великорусский». Но они грозят «превратить некоторые республики в арену национальной склоки, подорвать там узы интернационализма». Он подчеркнул необходимость «добиться полного взаимного понимания и доверия». Чтобы «власть пролетариата была столь же родной для инонационального крестьянства, как и для русского». Отмечалась особая роль «функционирования власти на родном языке», «коренизации» аппарата, развития национальной школы, учета обычаев, бытовых особенностей, обеспечения в будущем не только культурного, но и экономического и фактического равенства.

В трактовке независимости Сталин существенно расходился с большинством выступавших оппонентов. Для них главными элементами независимости были четкое разграничение сфер ведения Союза и республик, возможность самостоятельно определять основы экономического и культурного развития. Б. Мдивани говорил: «Незачем изучать ... язык, если ему особого хода не будет, нечего эту национальную культуру создавать, если не будет для нее экономической базы». Нужны условия, при которых каждая национальность проявит «свою волю, свое умение хозяйничать, свое умение творить новую жизнь». В позиции республиканских элит отражались эксцессы этнополитических процессов имперского периода, забытые неудачи альянсов периода Гражданской войны. Они осложнялись различным пониманием идеи государственного единства и новой экономической политики. Одни, во главе со Сталиным, видели единую государственность в федеральной автономии, обеспечивающей нерушимость унитар-

---

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 10. Л. 71–131.

ного государства, другие – в федерализме, в свободном и самостоятельном развитии. Одни, «с сожалениями», иронизировал Х. Раковский, понимали нэп как временное отступление. Другие – как «осторожно-обходной метод действий».

Касаясь нэпа, Сталин вернулся к факторам, препятствующим процессам объединения. Он выделил три: первый – великодержавный шовинизм, «самый заскорузлый национализм, старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала»; второй – фактическое неравенство наций и народностей; третий – национализм в отдельных республиках. Применение им их как идеологических «модулей» с жесткой антисоветской коннотацией означало прорехи в доктринальной сфере. Навешивая ярлыки «национализмов», он не прояснил сущность понятия. Сталин, квалифицируя степень «опасности» и «вины» уличаемых в нем, намечал вектор своих политических маневров. Приравняв «великодержавничество» к «заскорузлomu национализму», он двигал их как пешки на шахматной доске, не отметив официальный национализм, реактивный в своем опасении иных политических действий. Сталинские трактовки «национализмов» не были этническими, во всяком случае, не этничность выдвигалась на первый план как сущностный признак. Он привел тезис Троцкого об оборонительном характере местного национализма: «беда в том», что он «превращается в наступательный». Обсуждение проблемы, заметил Скрыпник, «свелось к обсуждению разногласий среди грузинской части нашей партии». Но это неточное замечание.

Наиболее откровенные документы, свидетельствующие об остроте проблемы, до последних дней советской власти оставались секретными. Речь идет о стенограммах заседания комфракции X Всероссийского съезда Советов (26 декабря 1922 г.) и национальной секции XII партсъезда (25 апреля 1923 г.). На заседании комфракции делегат Лисовский напомнил, поскольку идет «откровенный разговор»⁸², следует учесть, что «вне зависимости от советской структуры у нас есть структура партийная, централизованная до такой степени, до какой не могут дойти самые необузданные желания централистов ... И поэтому если кто имеет в виду, как бы наркоматы не уклонились от идейного руководства, то стоит вспомнить, что ЦК партии данной республики являет нечто вроде областной организации русской коммунистической партии и что можно, не смущая националистов, провести свое вмешательство ... в их внутренние дела, которые, наконец, дождалось независимости». Это «давным-давно делалось» и является «не дефектом ... структуры, а ее достоинством». М. Султангалиев обнажил тогда проблему, заявив: «Пора кончить эту игру в независимку».

⁸² Здесь и далее выступления цит. по: Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стенограф. отчет. – М.: Госполитиздат. 1968. Стенограмма комфракции цит. по: РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 10. Л. 71–131.

Форма, предложенная Сталиным, – «лишняя проволочка, лишняя инстанция», создающая «ненормальное положение»: «разделение на пасынков и настоящих сыновей». Многие считали, что «фракция ведет себя нехорошо»: «мы стремимся слопать ... самоопределение». «Беспартийная публика» в кулуарах кивает на отделившиеся Эстонию, Латвию, Финляндию – «республики строятся, развиваются, крепнут». И «нам надо суметь подвести жизненный фундамент под те республики, которые живут и должны жить до известной степени самостоятельно».

На заседании комфракции Сталин отвел упреки в том, что не осветил вопрос о «пасынках» – российских автономиях: «они составляют часть целого, часть Российской Федерации». Аргументы Султангалиева о недопустимости «категорирования» народов передернул, придав им опасный вид. Он аккуратно связал русский национализм как общественное настроение и собственный официальный национализм, положив начало как их взаимосвязи, так и будущим конфликтам. «Разложив наши федеральные образования на части», придется создать «русский ЦИК, не российский, а русский ЦИК, русский Совнарком... Как русским войти в состав Союза? Никак... Какая в этом политическая необходимость?» Порочная интеллектуальная конструкция закладывала устойчиво негативное отношение к русскому национализму. Тему продолжил Х. Раковский: «Я ... предвидел то “единонеделимое” сменовеховское устремление наших советских аппаратов, которое теперь устанавливает т. Сталин». «Конечно, неудобно управлять двадцатью республиками, а вот если бы это все было одно, если бы, нажав на одну кнопку, можно было управлять всей страной, – это было бы удобно». Раковский подчеркнул: «Каждое указание на великодержавный шовинизм всегда считают необходимым компенсировать указанием противоположным на шовинизм народностей недержавных, и всегда получается двойная бухгалтерия». При этом «центральным органам было дано, в десять, в двадцать раз больше прав, чем они имели раньше, до союзной Конституции». Раковского поддержал К. Цинцадзе: «Это ... дело системы и управления». Этатизирующий национализм стремился освоить политические институты новой государственности, с помощью которых можно защищать и утверждать себя, бросая вызов официальному национализму. Но последний включил в свою иерархию и их самих, ослабив их аргументы. Два национализма находились в конфликтных отношениях, борясь за инструменты власти, уводя на подчиненное место гражданское самосознание, при том, что о государственном самосознании у людей сохранялась историческая память как о знакомых правилах жизни. Парадокс заключался в том, что подход распространялся только и исключительно на нерусские национализмы, в то время как русскому национализму было отказано в политическом оформлении. Высокопоставленные аппаратчики ощущали угрозу, исходившую от него. Его значение, функции и роли адекватно могли быть оценены лишь исходя из политико-идеологической ситуации,

в которой он действовал. Русская жизнь, ее устройство становились виртуальными, их следовало заменить «нормальной» реальностью – советской. Задача коренной переделки и замены национального бытия иным ставилась партией относительно и всех нерусских. Нарастало отрицание традиций, социальный гиперкритицизм, скепсис по отношению к собственной истории, не укладывавшейся в марксистские рамки.

На национальной секции собралось не менее ста человек. Отвергнуто предложение прекратить прения. Записки с просьбой выступить подали 44 человека, т. е. практически каждый второй участник, успели выступить лишь 14. Раковский сразу заявил: «Тезисы Сталина ... произвели впечатление... что мы бьем по тени, а не предмету». На съезде «все время и все внимание было сосредоточено на противопоставлении нашего взгляда существующему шовинизму, главным образом российскому»... Считая, что «шовинизм сам является отражением чего-то реального», он задал вопрос: «Что ... питает этот национализм?» Отвечая, подчеркнул – «у нас встает вопрос национальный ... в связи с нашим практическим грехом, связанным с нашим строительством». Грех этот Раковский видел в «нажиге и давлении» центральных партийных и советских органов. Проект Сталина «фактически является упразднением инициатив отдельных республик». Он предупреждал: «Если центральным органам будем давать те колоссальные права, которые дает союзная конституция, то можно принимать сотни резолюций, но они будут продолжать ту же великодержавную политику, которая была до сих пор». Чтобы противостоять «всяким колониаторским тенденциям», Раковский предложил сократить их права.

Против основ Союзного договора, принятого Первым съездом Советов СССР, выступили не только представители Украины и Грузии, но и Средней Азии, Российской Федерации. Делегат от Туркестана К. Ходжаев подчеркнул: для восточных регионов главным является совершенствование Советов как фактических органов власти. Иначе советская власть в Средней Азии будет «иметь лишь название». «Кто не учитывает этого момента, – прямо адресовался он к Сталину, – тот, по-моему, не мастер национального вопроса». М. Султангалиев, признавая очевидные тенденции к консолидации больших регионов, считал, что следует «довершить до конца практическое решение», поддержав принцип федеративного строения государства: он требует от руководства «более определенной логической последовательности». «Стоит ли считать обязательной ЗСФСР, а не Кавказскую Федерацию? Почему наряду с Закавказской не вести речь о Северокавказской Федерации? ... Почему не применяется провозглашенный обязательным федеративный принцип в отношении среднеазиатских республик?». Султангалиев поддержал недовольство грузинских большевиков ЗСФСР: она «искусственно создана, как искусственно хотели создать всесоветскую, всесоюзную республику». Весьма неуютно Сталин чувствовал себя, когда Султангалиев заявил, что бесспорная задача бо-

роться с национализмом требует конкретизации: «с чем мы должны бороться?». Если «местный национализм есть проявление борьбы против... великодержавного шовинизма, это не национализм». Султангалиев был убежден: осторожность и уважительное отношение к национальным и религиозным обычаям и традициям, к особенностям культуры, социального быта и духовной жизни народов Востока дают единственный шанс принятия этими народами социализма как учения и руководства к действию. Он клеймил «незнание Востока ... и обусловливаемый этим страх перед ним» и требовал принять во внимание: «ислам как религия» имеет в глазах мусульман «характер угнетенной и защищающейся религии».

Председательствующий на секции Сталин открыто отмежевался от ошибок Закрайкома и Орджоникидзе. Затронув ленинское предложение «не зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы... вернуться» к проблеме «на следующем съезде Советов», Сталин сказал: «Тов. Ленин ... много забывал в последнее время». «Вам нужны цитаты из книг Ленина?» – бросил он залу. И снисходительно обронил: «Я могу представить сколько угодно цитат». На возражение из зала, что Ленина на октябрьском Пленуме 1922 г. не было, Сталин огрызнулся: «Это тов. Ленин принял и утвердил. Затем это внесли в ЦК, который тоже это утвердил. Я готов представить любой документ». Раковскому Сталин грубо заявил: «Вы скажите прямо ... что Вы против объединения, это я пойму. У Вас сорвалась фраза – конфедерация... Это я пойму. Вы скажите прямо, что Вы требуете того, чтобы в Донбассе руководила не центральная власть, а украинская». Но некоторые сталинские пассажи били не в бровь, а в глаз критикам, напоминая, в каких условиях те заняли высокие посты: «Нельзя обижать националов, нельзя поляка назвать полячком, нельзя туркестанца называть татарской лопатой, нельзя грузина назвать капказским человеком. Да, поляка нельзя назвать полячком, а ковырять Польшу штыком можно? Оказывается, что с точки зрения национального самоопределения это сделать можно. Нельзя туркестанца называть татарской лопатой, – хорошо, а оставлять там войска русские можно?.. Нельзя будийского [Сталин имел в виду сторонников Буду Мдивани] назвать капказским человеком, а оставлять там свои войска ... можно? Нельзя бухарца назвать – я даже не знаю, как уж его назвать – но вводить туда свои войска можно? С точки зрения определения прав национальностей, этого делать нельзя. В чем же дело?». Сталин объяснил задачу: «Вы должны честно и открыто сказать всем националам (национал, кажется, теперь ругательное слово), что мы иногда вынуждены идти против их интересов за сохранение рабочими своей власти. В этом не вина, а беда наша. И те, которые здесь охотно раздают всякие обещания, должны сказать честно, что мы нарушаем право на самоопределение и не можем не нарушать, ибо вопрос национальный есть подчиненный вопрос в отношении к вопросу рабочему». За откровениями Сталина стояла реальность, в которой победители отстаивали «пролетарские» интересы.

XII съезд показал, что этнические элиты не хотят мировой революции. Вера в ее идеалы вступала в противоречие с практикой жизни. Они хотели укреплять свою государственность и свою власть. Популярный в тюркоязычных республиках Султангалиев после съезда был исключен из РКП(б) как «антипартийный и антисоветский элемент», снят со всех постов и арестован. Слухи дошли до Казани, вызвав недоумение. Группа руководящих работников республики написала «письмо 39-ти» в ЦК о том, что это недоразумение, и просила его освободить. После подтверждения факта ареста в ЦК направлено второе письмо, с настоятельной просьбой освободить Султангалиева и передать его на поруки. Но вскоре (9–12 июня) создано Четвертое совещание ЦК РКП(б) с работниками национальных республик⁸³. Это был первый политический процесс над одним из оппонентов Сталина. Султангалиева обвинили в попытках установить контакт с лидерами басмаческого движения Средней Азии. В вину ему вменили проект создания Туркестанской Федерации – объединения мусульманских тюркских регионов России с сопредельными Киргизией, Хивой, Бухарой, Кашгарией и, возможно, северными районами Афганистана и Ирана, населенными тюрками. Он же предлагал реанимировать известный проект И. Гаспринского: объединение мусульман на этнической основе.

В январе 1920 г. с аналогичной идеей выступал председатель Краевого мусульманского бюро Туркестана Т. Рыскулов. Он предлагал «Туркестан, состоящий из пяти областей, считать страной тюркских народностей – киргизов, сартов, узбеков, туркменов, каракалпаков, кипчаков, включая сюда таджиков». Идею одобрила часть мусульманской интеллигенции и коммунистов Туркестана. ЦК РКП(б) отклонил проект. Рыскулова отозвали в Москву, назначив заместителем Сталина в Наркомнаце. Но секретарь ЦК Компартии Туркестана А.И. Икрамов признавал, что в республиках Средней Азии не встретить ни одного, «кто был бы вполне доволен нашей политикой». Председатель Совнаркома Башкирской АССР М.Д. Халиков утверждал: на шовинистические выпады «мы реагировали... писали многочисленные письма в ЦК ... ездили, надоедали». Не только в Башкирии «имеется недовольство как раз не на почве организации панисламистских организаций, а... на почве того великодержавного шовинизма, который зачастую проявляется». Секретарь Крымского обкома Фирдевс напомнил: в Башкирии, Татарии, Туркестане, в Крыму не все понимали, что ошибочно «подходить к восточным работникам, к развитию пролетарской революции на Востоке с таким трафаретом, как к рабочим Петрограда или Москвы».

Но другие быстрее овладевали открывающимися перспективами в рамках советской государственности. Председатель СНК Крымской АССР С. Саид-Галиев пугал «природным национализмом ... пантюркистским дви-

⁸³ Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. – М.: Бюро Секретариата ЦК РКП, 1923.

жением, которое хочет создать тюркскую федерацию». Это «связывается с панисламизмом». Представитель Башкирской АССР Ш.Н. Ибрагимов отметил: сторонники панисламистских и пантюркистских течений вошли в состав партийных организаций, но если они «дурость, которую развил Султангалиев, не выбросят из головы, нужно гнать из партии».

В 1929 г. Султангалиев объяснил необходимость консолидации тюркских народов с точки зрения их конкурентоспособности новым вызовом: «Я отрицал возможность широкого и углубленного развития «мелких» национальных культур и высказывал предположение об ассимиляции с культурой более сильных соседних племен и народов. Речь ... шла конкретно о татарской, башкирской, казахской, узбекской и прочих национальных культурах. Я доказывал, что если эти “культуры” не сольются в одну общую массу и взаимно не ассимилируют друг друга, то неизбежен процесс поглощения их русскими на Западе (татары и башкиры), и китайцами или индусами на Востоке. Отсюда мой конечный вывод о необходимости создания Туранской Федеративной Советской Социалистической Республики в системе СССР и необходимости полного государственного отделения от России в случае поражения революции»⁸⁴.

Секретарь ЦК КП Украины Д.З. Мануильский резюмировал: решения XII съезда развязали в стране национальную стихию. Если «мы ... сделаем своего рода “хартию вольностей” для наших национальностей, и если коммунисты бывших угнетавшихся национальностей возьмут на себя в этом направлении инициативу... мы будем способствовать только развязыванию этой национальной стихии». В начале 1930-х гг. Сталин лично вычеркнет из пьесы А. Афиногенова «Ложь» оценку персонажем созданного порядка как «системы мусульманского социализма», заменив куда как более точным «приказной»!

Взгляды Султангалиева и Рыскулова в республиках с мусульманским населением разделяли многие: нежелание высшего руководства считаться с историческими и религиозными традициями народов вызывали недовольство в среде не только национальной интеллигенции, но и партийно-советской номенклатуры. Скрипник утверждал: национальная программа РКП(б) провалена – партия неспособна или не желает мешать росту великорусского шовинизма в партийном и государственном аппарате. Партийная идеология оценивала такие настроения как уклон к буржуазному национализму. Но чтобы не раздражать этнические элиты, ответственность за «национал-уклонизм» возлагалась на сторонников идеологии великодержавного шовинизма. В этом смысле и составлен проект резолюции IV совещания ЦК РКП(б), дан показательный «бой» «националистическим, пантюркистским идеям» Султангалиева. Сталин, преподав урок остальным, подчеркнул: «С человеком покончено как с политической единицей.

---

⁸⁴ Султангалиев Мирсаид. Избранные труды. – Казань: Гасыр, 1998. – С. 630.

Чего же еще?», хотя Раковский и пытался возражать: «Мы, украинцы, не меньше коммунисты, чем Сталин».

Сталин свел критику к желанию утвердить «конфедералистские настроения»: «Я вижу, что некоторые т. т. из украинцев ... претерпели некоторую эволюцию от федерализма к конфедерализму». И подвел черту: «Ну, а я за федерацию, т. е. против конфедерации». Спустя месяц Раковский снят с поста председателя СНК Украины, направлен послом в Англию. Стенограмма совещания издана с грифом «Строго секретно». Поиск баланса социокультурной самобытности народов и общегосударственной идентичности как приоритетных направлений политики, призванных обеспечить социокультурную консолидацию общества, свелся на местах к организации совещаний, принятию резолюций, осуждающих Султангалиева.

II Всесоюзный съезд Советов в январе 1924 г. принял союзную Конституцию, в основе которой лежали Декларация и Договор, в остальном ее положения зиждились на принципах Конституции РСФСР 1918 г., отражавших ситуацию острого социального противоборства. Избрана первая палата ЦИК СССР – Союзный Совет, его состав предварительно определен специальной комиссией представителей республик пропорционально населению каждой из них. На долю РСФСР приходилось 68,8 % членов, Украины – 17,4, Белоруссии – 1,9 и Закавказья – 7 %. В Союзном Совете русских было 56,6 %, украинцев – 9,8, белорусов – 1,7, представителей народов Кавказа – 7,3, представителей среднеазиатских народов – 1,5, представителей других национальностей – 23,1 %. Совет Национальностей ЦИК СССР (Сталин был категорически против аналогичного органа при ВЦИК) создан по норме представительства: 5 от каждой союзной и автономной республики и 1 – от каждой автономной области. Русских в Совете Национальностей было 13 %⁸⁵. На съезде окончательно утверждена Конституция СССР, в ней сохранялась идея двигаться к «Мировой Социалистической Советской Республике», впрочем, не конкретизируемая. В 1924–1925 гг. приняты конституции республик, в основном повторяющие положения общесоюзной. В Конституцию РСФСР включена лишь отсылка к надежде на отмирание в будущем «государственной власти» (в ред. постановления XIV Всероссийского съезда Советов от 18 мая 1929 г.⁸⁶). Казалось, вопрос о форме и содержании Союзного государства закрыт. Кодификационные работы продолжались до конца периода. Разрабатывались Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы. В 1926 г. принят Брачно-семейный кодекс РСФСР.

⁸⁵ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. документов. Т. 3. – М.: Госюриздат. 1960. – С. 32–33.

⁸⁶ Концепция была предметом внутривнутрипартийных споров, переформулирована Сталиным в апреле 1929 г., когда осужден «правый уклон» в партии: Сталин заявил, что ленинское учение о государстве не есть теория упразднения государства, но теория «создания нового государства пролетарской диктатуры».

Конституция 1924 г. стала гарантом целостности огромного государства. Идеям национализма в республиках, носителями которого были местные партийно-государственные элиты, была противопоставлена концепция сильной центральной власти надэтнического характера. Образ будущего «идеального Отечества» оставался сложной идеологической конструкцией: декларировались «взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожителство и братское сотрудничество народов». Социальные и политические отношения должны были сделать СССР счастливым с помощью «правильных», «справедливых» механизмов властвования от имени народов-наций. В этой конструкции только не было места для нации большинства и для национального в его гражданско-государственном смысле.

Однако с мест пошли потоки жалоб: «Масса совершенно не понимает, какой курс партия в целом держит в национальном вопросе... План ... имеет этикетку “секретно” и спрятан от глаз партийной массы». В феврале 1924 г. бурятские коммунисты жаловались Сталину: Дальбюро ЦК неспособно «уловить их специфичность, характерные черты ... понять сложность и ответственность работы». Из Дагестана руководство республики писало: «Нас, горцев ... не спрашивают, наши вопросы решает тот, кто имеет весьма смутные, из чужих рук полученные сведения ... Северокавказский салат из национальностей делается все мельче искрошенным... Если мы обманываем партию, то нас надо предать суду, если же этого нет, то надо предать суду людей, распускающих порочащие нас слухи». В закрытых письмах секретарей обкомов, крайкомов в ЦК характеризовались противостоящие группировки в советско-партийном аппарате. Земельные, территориальные, кадровые проблемы принимали этническую окраску. На Северном Кавказе с 1920 по 1941 гг. было зафиксировано 176 конфликтов, большая часть их пришлась на 1920-е гг.

Из Казани обком направил в ЦК список из 67 человек «нелояльной интеллигенции» и 21 студента. Относительно председателя СНК Татарской АССР секретарь обкома просил Молотова: «Компанию Мухтарова пошлите в русские губернии на советскую работу. Или Мухтарова как медицинского работника, пошлите в НКЗдрав РСФСР». Часть «националов», которые «себя еще ни в чем не проявили и считаются плохими работниками», но поддаются «охотно влиянию и стараются работать через партию», оставались в республиках. Тех, кто «держит себя довольно гордо, не чувствуют своей вины в деле Султангалиева», хотя являются «безусловно ценными» и «пользуются авторитетом», распределяли по губерниям с русским населением. 15 мая после аналогичных мер почти все наркомы Киргизской АССР обратились к Сталину с просьбой о личной встрече. Сталин уклонился от встречи, передал вопрос в Оргбюро ЦК. 24 мая последовало письмо 24 удмуртских коммунистов. 7 июня Оргбюро постановило «произвести перераспределение киргизских товарищей между цен-

тром и местами в смысле посылки части центральных работников на места (особенно, в рабочие районы) и выдвижения новых работников с мест»⁸⁷. Этнические элиты, за редким исключением, не впускались в мир «большой» политики и ее тайн. Им не очень доверяли в Москве: они не стали до конца «своими»⁸⁸. Все – центр, свой народ, эмиграция – имели к ним претензии. Жесткость полемики Султангалиева со Сталиным показала: использование этнических элит таит серьезные проблемы. «Лояльная нам интеллигенция, став у власти, бесспорно, будет блокироваться первое время с шариатскими кругами, и те, в свою очередь, будут поддерживать» их, писал Я.Х. Петерсу в 1923 г. начальник Восточного отдела ГПУ Северного Кавказа⁸⁹.

Из-за низкого уровня экономического развития, отсутствия промышленности – основного источника доходов автономные республики РСФСР в первые годы существования СССР не имели самостоятельной финансовой базы. Декреты об их создании содержали обязательный пункт: финансовыми и техническими средствами автономии снабжаются из общих средств РСФСР. Основной формой бюджетного регулирования являлись дотации. 29 декабря 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили Положение о государственном субвенционном фонде для финансирования местных бюджетов. 21 апреля 1925 г. принято Положение о бюджетных правах автономных советских социалистических республик. Бюджеты автономий включались в единый государственный бюджет РСФСР в качестве его составных частей.

Это Положение не устраивало руководителей автономных республик. Бюджетно-налоговой политикой они лишались источников саморазвития и оказались в полной зависимости от центра. Исходные условия обусловили развитие кризисных процессов. Чувашия, одна из самых «национальных» автономий (74,7 % чувашей), ни по одному значимому социально-экономическому показателю не вышла на дореволюционные рубежи, находилась в состоянии системного кризиса. Его индикаторы – отсутствие внутренних источников развития, полуголодное существование населения, поразительная бедность, массовая безработица, дотационная зависимость, рост пьянства и социальных болезней, ничтожность неземледельческих заработков⁹⁰.

В октябре 1925 г. на сессии ВЦИК XII созыва развернулась острая дискуссия. Руководители республик заявили: национальная экономика и куль-

⁸⁷ Красовицкая Т.Ю. Власть и культура. – С. 238–241.

⁸⁸ Красовицкая Т.Ю. Сталин и Луначарский: борьба за административный ресурс школьной политики для нерусских народов (1917–1929 гг.) // Rozprawy z dziejow oswiaty. 2011. – Т. XLVIII. – S. 73–129.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 588. Л. 33–34.

⁹⁰ Алексеев В.В. Регион – этнос – культура: Проблемы взаимодействия в XX веке // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. – М.: Наука, 1999. – С. 89–99.

тура финансируются в недостаточной степени, «большой частью союзного бюджета пользуется РСФСР», подразумевая русские губернии и области. Им возразил Д.Б. Рязанов: «РСФСР приносит громадные жертвы в пользу СССР ... Крестьянство РСФСР находится в худшем положении, чем крестьянство остальных членов Союза ССР. И не только крестьянство». Рязанов осудил «увлечение местническими интересами» и призвал освободиться от «иногда отдающего кулачеством патриотизма районов, губерний, областей... Вы должны помнить, что еще выше ваши обязанности перед СССР, перед пролетариатом всего мира». Некоторые участники собрания выступили с протестом: «Странно слышать заявление тов. Рязанова, который говорил, что на горбе русского крестьянина мы несем расходы РСФСР и СССР... РСФСР и СССР не из филантропических соображений помогают друг другу», взаимопомощь направлена на «подъем производительных сил отсталых районов... Известному комментатору марксизма должно быть известно, что с уничтожением экономического неравенства уничтожится и политическое неравенство. И национальный антагонизм в том числе».

Председатель СНК Башкирской АССР М. Халиков заявил, что Башкирская АССР в форме налоговых и неналоговых поступлений сдала Наркомфину РСФСР в 1924 г. 2,5 млн руб., а в 1925 г. – 4 млн рублей. Но когда дело доходит до распределения средств, «потребности автономных республик особенно подвергаются сокращению... некоторые ... в этом году совершенно обижены». При росте общероссийского бюджета на 43 % бюджет Башкирской АССР увеличивается на «мизерную сумму ... это явно несправедливый подход». Башкирия, заметил он, «не африканская Сахара, не киргизская пустыня: в республике проживает 2,5 млн населения». «Восемь лет революции и практической работы по созданию Советского государства нас достаточно научили не исходить из принципа “Даешь все!” , а исходить из общегосударственных интересов».

Экономические, политические, идеологические проблемы затрудняли складывание новой общесоюзной идентичности, выливались в общее недовольство республик сужением их прав. Со второй половины 1920-х гг. позиция центра только ужесточалась. Несколько раз то закрывали, то в ответ на жалобы и волнения мусульман восстанавливали шариатские суды. Их запретили окончательно сначала в Северной Осетии, где мусульмане были в меньшинстве, в 1924 г. – в Горской республике, в январе 1925 г. – в Адыгее и Кабардино-Балкарии, в январе 1926 г. – в Ингушетии и Чечне, в апреле–октябре 1927 г. – в Дагестане. Из 86 казятских судов в Узбекистане (1925 г.) в 1927 г. их осталось лишь 7. В 1928 г. в Уголовный кодекс РСФСР введена X глава «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Ст. 203–204 «Отправление шариатского правосудия» приравнили к уголовным правонарушениям, наказуемым заключением сроком

на один год⁹¹. С элементами дореволюционного правового плюрализма было покончено.

§ 5. Политика и практика «коренизации»

Курс на «коренизацию», провозглашенный X съездом РКП(б), был увязан с параллельным провозглашением нэпа. Термин означал выращивание местных кадров, опору на коренное население республик. В области культуры все республики пользовались сравнительно большими правами. В первые годы нэпа под знаком «коренизации» была усилена помощь национальным республикам продовольствием, медицинским обслуживанием, в сфере просвещения. С принятием Конституции СССР в 1924 г. и до конца 1920-х гг. сохранялась децентрализация управления культурой. Все сферы ее находились в компетенции республиканских наркоматов просвещения: «Мы, РСФСР, – говорил замнаркома просвещения РСФСР, – считаемся Наркомпросом РСФСР, но мы – Наркомпрос РСФСР минус некая величина – Киргизская республика, Татарская, Башкирская, Бурят-Монгольская, Якутская, Крымская, имя им легион... Мы не можем за них решать дела»⁹².

В те годы была издана серия актов о равноправии языков, которые являются одной из основ этнической идентичности. Каждая республика была обязана иметь свой язык, применять его в школе и в управлении. В симбиозе государственного патернализма и регионального националстроительства руководство республик стремилось стимулировать этносоциальную активность. Работали структуры, защищавшие права национальных меньшинств в союзных, автономных республиках и в неавтономной части РСФСР. С 1924 г. особый Комитет содействия народностям северных окраин ВЦИК вытеснял частных скупщиков пушнины, этнические общины освобождались от прямых общегосударственных и местных налогов и сборов; открывались стационарные и кочевые школы, комплексные культбазы. 9 наиболее крупных народов этой группы получили письменность.

Практика «коренизации» рождалась в политической борьбе между «активными национал-коммунистическими силами», «великорусско ориентированной частью РКП(б)» и научной, просветительской и литературной интеллигенцией. Работа была неимоверно сложной. Привязка народностей к территориям не получила удовлетворительного для всех сторон решения

⁹¹ Бобровников В.О. Махкама шар'ийа // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедия. – М.: Восточная литература, 1999. Вып. 2. – С. 63; Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик. – М.: Юриздат, 1948. – С. 504.

⁹² ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 2093. Л. 40–42.

(Нагорный Карабах, размежевание в Средней Азии и др.). Сохранялось историческое расселение народов вперемешку, межэтническое общежитие, привычное со времен Киевской Руси. Представления о роли экономического и политического развития на снижение влияния вековых традиций, обычаев, ценностных ориентаций, религиозности народов в межэтнических связях вступали в противоречие с реальностью, что осознавалось этническими активистами. Тем не менее, нерусская интеллигенция положительно восприняла «коренизацию» и связывала свою судьбу с обслуживанием потребностей индустриального и культурного строительства.

Искренние порывы народов к овладению новыми институтами и инструментами современной культуры использовались в Москве для укрепления патерналистских позиций. Но и регионам свойственна сходная мотивация. Политика «коренизации», создавая благоприятные условия для активизации национально-культурных тенденций, не всегда укладывавшихся в официальное русло, служила идеологизации просвещения, науки, культуры и воспитания «нового» советского человека. Административно-командный характер проведения «коренизации» создавал основу для развертывания полномасштабной советизации. Статистические данные свидетельствовали о росте удельного веса «националов» в партийных организациях, в советских учреждениях, учебных заведениях. Формировался состав национальных кадров партийного и советского аппаратов, активных исполнителей политики партии в регионе. Тем самым обеспечивалось централизованное руководство, необходимое для эффективного функционирования Советского государства. Явления, не поддававшиеся контролю центра, становились объектами репрессивных практик.

В 1920-х гг. в Белорусской ССР было четыре государственных языка: белорусский, русский, еврейский (идиш) и польский. На Украине эти годы прошли под знаком значительного культурного расцвета. В РСФСР с разной степенью успешности работали школы на 104 языках обучения, причем право выбрать язык обучения отдавалось родителям⁹³. Численность языков обучения в школе легла тяжелым грузом на местные бюджеты, с ним они не справлялись. В Москву шли телеграммы и «ходоки», прося и требуя помощи. Сложный механизм направления средств на ресурсное обеспечение – кадрами и научными разработками – вызывал конфликты.

Советские активисты, наряду с давлением, старались основывать работу школ и других институтов культуры на положительной мотивации. Каждый мог пользоваться материнским языком и овладевать на нем высотами мировой культуры. Сохранялся русский тип языковой политики, берущий истоки в специфике восточного христианства⁹⁴. Каждый мог использовать и ресурсные возможности другого языка для овладения но-

⁹³ *Красовицкая Т.Ю.* Власть и культура. – С. 262.

⁹⁴ Подробнее см.: *Красовицкая Т.Ю.* Модернизация России: национально-культурная политика 20-х годов. – М.: ИРИ РАН. 1998.

выми институтами и инструментами современной культуры. Этим, в частности, пользовались сами элиты: их дети, как правило, обучались в новых советских «русских» школах, что не отменяло их просьб увеличить дотации на содержание школ «национальных». Подчеркнем, что наравне с родным, обязательным языком в школе становился язык большинства населения конкретной местности. Этим был снят болезненно воспринимаемый принудительный характер освоения русского языка. Накапливался серьезный опыт для практики языкового планирования и языковой политики, особенно в части стимулирования официального двуязычия. Под нужды новых автономий подстраивалась ресурсная база школ, культпросвета и пр. Такие процессы поддерживались этническими элитами, но снижали конкурентоспособность языков и их культур в родственных средах, требовали огромных расходов.

Большевики стремились снять русификаторский аспект, провели латинизацию график у нацменьшинств, использовавших арабицу и другие графики, даже у тех, где функционировала кириллица (карелов, осетин, якутов, удмуртов). Серьезным образом обсуждалась и смена графики для русских. Добиваясь технических удобств письма, власть, форсировавшая развитие светской культуры, радикальную культурную реформу общественной жизни, целенаправленно боролась с традиционной культурой. Графики были их символом. Обеспечение родных языков современными ресурсами письма напрямую зависело от возраставшей на них функциональной нагрузки, особенно в национальных республиках.

Не только в республиках, но и в русских губерниях открывались школы на родном языке. Обучение на родном языке превращало школу в инструмент этнической самоидентификации личности. Получил развитие этнокультурный компонент в содержании образования. Вводилось преподавание национальной литературы и национальной истории. Их «встраивали» в идеологию единой трудовой школы. Вторая программа РКП(б) требовала «полного осуществления принципов единой трудовой школы с преподаванием на родном языке». Перед школой поставлена задача – быть «проводником идейного организационного воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм».

С формированием советской правовой, политической и экономической идентичности этничность не исчезла, напротив, стала пространством, где человек искал ответ на новые вызовы. Не уменьшилось воздействие и религиозного фактора. Особая проблема возникла со стороны действовавших мусульманских, иудаистских, буддийских школ, численно не уступавших тем, что имелись до революции. «Мы думали, что достаточно... объявить, что мы освобождаем всех ... от религиозного гнета», но «больше симпатий населения оказалось на стороне духовенства», недоумевал

председатель Средазбюро ЦК РКП(б) Я.Э. Рудзутак⁹⁵. Такие школы не подчинялись требованиям власти об их закрытии. В тезисах «О реформе мусульманской школы», направленных Наркомпросом РСФСР в ЦК, указывалось: перед революцией она переходила от «религиозно-схоластического состояния к светски-научному типу школы», имела значение «культурного вожака всей нации». Большевистская доктрина «понуждает» превратить ее в «мусульманскую единую и трудовую». В ней «прогрессивные национальные элементы движения отпали. Новые же, как считалось, более сильные классовые стимулы для нее остались недостижимыми и чуждыми». Такая школа «оказалась жалкой пародией национальной школы». Мусульмане остались «безучастны и инертны». Они считали ее «не своей». Новая идеология «ошеломляла головы верующих и создала непримиримое враждебное отношение их к советской школе». В «годину ... общего несчастья» они посылали в нее детей «за лишний кусок хлеба». «Наступает для них период духовной замкнутости и отчаяния». Ныне «организовались чисто религиозные школы по средневековому методу обучения». Мусульмане «культурно откатились» к «90-м годам прошлого столетия». С введением нэпа и переводом школ на местный бюджет «родители-мусульмане первым условием своей помощи ставят введение обучения религии». С ним «в конце концов, можно было бы тактически примириться», это «стихийно-бытовое общественное движение». Предлагалось «создать переходную эпоху для мусульманской школы». Она даст «с течением времени верный результат над общественным невежеством»⁹⁶. Но инициатор Карачаевской автономии У. Алиев считал их «гнездилищем мрачного изуверства». С 1924 по 1926 гг. в СССР открылось 923 таких «гнездилища» с контингентом около 20 тыс. учащихся. III Всероссийский мусульманский съезд 1926 г. постановил: дальнейшее развитие исламского образования является приоритетной задачей ЦДУМ. Делегаты требовали обеспечить его полноценное функционирование. С арестом Султангалиева «теоретические» попытки согласовать большевистскую идеологию с исламом прекратились. ЦК ВКП(б) в тезисах «Агитационно-пропагандистская работа среди горцев» констатировал: «В большинстве округов горских республик Северного Кавказа ... *на почве проснувшегося у населения спроса на просвещение мы стоим перед угрозой сдачи одной из важных командных высот в руки мусульманского духовенства*»⁹⁷. Аналогичные процессы шли в еврейских хедерах и иешивах, в буддийских дацанах. На совещании в Главсоцвосе в 1928 г. приводились факты: и в русскоязычной школе «85 % учителей связаны с семьями попов».

⁹⁵ Цит. по: Ким П., Хасанов М. Басмачество: 1921–1924 гг. Что рассказывают о нем документы, хранящиеся в архивах // Звезда Востока. – 1989. – № 6. – С. 143.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 602. Л. 102; Д. 957. Л. 112–112 об.

⁹⁷ Там же. Оп. 60. Д. 394. Л. 46; ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 606. Л. 64–66.

М. Эпштейн (глава Главсоцвоса) признал: «... что касается лозунга “выкидывать религиозного учителя из школы”, то это создаст[ь] катастрофу»⁹⁸. Баксанское и Верхнекурповское восстания 1928–1929 гг. в Кабарде, восстания 1930 г. в Большом Карачае, Дидойский и Хновский мятежи в Дагестане и Северном Азербайджане требовали сохранения мусульманских школ и шариатских судов. Массовая миграция евреев в большие города и сравнительно быстрое их продвижение в новом советском обществе наталкивались на сопротивление различных слоев нееврейского населения, в первую очередь интеллигенции, студенчества и госслужащих. Советская пресса сначала не замечала, а возможно и просто замалчивала рост антисемитизма в стране. Темы сводок ГПУ и отчеты обкомов партии становились все тревожнее. Пропаганда, будучи довольно примитивной, но страстной, призывала к невероятному скачку народов из прозябания в аулах и стойбищах, в штетлах «касриловках» к революции радикальной, прежде всего в умах и сердцах каждого. Она ополчалась против привычных верований, ценностей, поведенческих моделей ради усвоения идеалов новой культуры. Юноши и девушки, оставившие родительский кров, или лишённые его в годы революций и войн, платили огромную эмоциональную цену, расставаясь с языком детства и верой ради усвоения новых ценностей моделей.

В апреле 1926 г. ЦК ВКП(б) поставил «новую задачу»: разъяснить «различия между понятиями национальности и религии». Ибо «духовенство в своей повседневной агитации закрепляет смешение понятий национальности и религии и прилагает все усилия к отождествлению этих понятий»⁹⁹. Задачу закрепила Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Впервые была введена классификация граждан по национальной принадлежности. В Перечень народностей внесено 194 наименования этнических общностей (народов), в инструкциях содержались сведения о 724 возможных вариантах ответов на вопрос о национальности. Над всем этим работала специальная Комиссия по изучению племенного состава населения АН СССР. Из Переписи вопрос о религиозной принадлежности был исключен.

Советский режим в 1920-е гг. не был антинациональным по отношению к нерусским народам. Руководитель Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян имел основания заявить в 1925 г.: «Самое интересное то, что советская власть создает нации ... помогает оформиться отдельным племенам в нации»¹⁰⁰. Прилагались серьезные усилия в создании современных институтов и форм культурной деятельности. В них встраивался ряд дореволюционных практик. В 1926 г. А.-З. Валидов признал: «Тюркская

⁹⁸ ГАРФ. Ф. А-1575. Оп. 10. Д. 434. Л. 115 об. – 116.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 200. Л. 45–53.

¹⁰⁰ ЦДНИ РО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 208. Л. 8.

жизнь столкнулась с техникой и культурой Европы. Место мечтаний и воображений заняла действительность, религия уступила место статистике, науке, ученики и софисты бросили религиозные школы, ушли в советские школы, техникумы и сельскохозяйственные институты. И, как через рентгеновские лучи обнаружили все болезни и недостатки Востока»¹⁰¹.

Успехи политики «коренизации» имели и оборотную сторону. Слабой оставалась сфера новых профессиональных технологий. Игнорировались механизмы согласия по поводу основ жизни и ее цели: ломались привычные правила жизни, картина мироустройства. Культурам, которым свойственны эсхатологичность и «притормаживание» прогресса, еще только предстояло вобрать в себя новые установки, освоить их в незнакомых институциях. Родные языки испытывали жесткое давление со стороны идеологических факторов. Поощрение их развития и даже диалектов затрудняло интеграцию в советское социокультурное пространство. Русский язык выступал средством усвоения ценностей и смыслов индустриального общества, обеспечения политической лояльности властям, служил компромиссом в целях равноудаления от местных соперничавших языков.

Коренные кадры проявляли тенденцию к независимости от центра, к национально-культурной автономии, стремясь сочетать идеи коммунизма с национальными традициями. Сталин в 1926 г. предупредил Кагановича: движение «на Украине за украинскую культуру... может принять местами характер борьбы... против Москвы вообще, против русских вообще, против русской культуры». Опасения центра усиливались, «национал-уклонизм» перекалфицирован в «буржуазный национализм». «Чистилось» руководство всех республик. Многих руководителей (У. Алиев, Н. Самурский, Д. Коркмасов, Ц. Жамцарано, Е. Эшба, Б. Мдивани и др.) отозвали в Москву в центральные структуры, в аспирантуру. Советская политическая элита была этнически открытой, на место в ее рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты. В свою очередь центральная власть предпринимала меры против любых «уклонистов». Меры переросли в длительную кампанию, она началась в Татарии и Крыму, распространилась на Башкирию, Азербайджан, Казахстан, Среднюю Азию. При этом региональные элиты продолжали включать этнические особенности в амбициозные планы «коренизации». Кстати, они с интересом относились к критике соотечественников-эмигрантов, развернувших публикации за рубежом, в том числе в собственных периодических изданиях. Относительно успешно кадровые реформы 1920-х гг. прошли в республиках, располагавших объективными условиями для их реализации. К концу 1920-х процессы над «национал-уклонистами» распространились на Белоруссию, Украину, Закавказье. Смена политических целей власти требовала полной лояльности элит.

---

¹⁰¹ Цит. по: Мухамметдинов Р.Ф. Нация и революция. – Казань: Иман, 2002. – С. 150.

Образование союзного государства имело немало положительных моментов: далеко не все еще зависело от Сталина. Позднее Молотов уточнил: «Сталин ... продолжал линию Ленина... Ленин выступал против федерального принципа, не хотел федерации, потому что он выступал за централизм – все держать в руках рабочего класса, все узлы, чтобы это укрепляло государство... Одно создание среднеазиатских республик – это целиком ... сталинское дело! И границы, и само открытие целых народов, которыми никто не интересовался в центре и не знал их по-настоящему ... Он очень хорошо в этом разобрался»¹⁰².

Создание СССР было важным шагом в решении национального вопроса в рамках союзного государства. Но основной вектор действий был направлен на увязку советского проекта с абстрактной большевистской доктриной и ее эсхатологической настроенностью на будущее общество. Система разнообразных институтов создавала сюжетное пространство «нового» мира, неподконтрольного частному опыту, поскольку он держался на разрыве между планом коллективных событий и повседневной жизнью. Исключение составляла относительно образованная, городская их часть, которой были как-то понятны риторические композиции пропаганды. Основными чертами ее стал полный отказ от традиций крестьянской культуры, ставка на умозрительный конструкт будущего общества. Отсталами, реакционными и подлежащими ликвидации считались кочевой образ жизни, шаманский культ, элементы ламаистской, иудейской, мусульманской, христианской культуры. Большевики, унаследовав мультиэтничную империю, развивали политику различения этнических групп по языку и историческому прошлому, игнорируя систему ценностей этих групп. Национальные элиты подыскивали струны, которые настроили бы этническое сознание на восприятие новой идеологии. Подходы тех и других были социально-прогрессистскими. Но политики центра и национальных образований разного ранга в одном доктринальном пространстве создавали различные дискурсы. Для последних была важна возможность полнее учитывать этнические особенности, этническую психологию, вводить национальный язык в административное управление и судопроизводство. Настаивая на балансе между доктринальными установками и национальной государственностью, они воспринимали его как одну из защитных форм для своих этносов.

В дискурсе национальной политики возобладал курс на национальное административно-территориальное устройство, что положило конец теоретическим поискам и дискуссиям. Социальная инженерия подавалась как деятельность, направленная на включение российских этносов в строительство социализма. Вопрос об этнокультурной автономности постепен-

---

¹⁰² Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М.: Терра, 1991. – С. 278–279.

но элиминировался ссылкой на то, что Страна Советов строилась как сверхнациональное государство. Интернационалистская риторика сочеталась со взаимным недоверием: «сепаратистов» оказалось в избытке среди многих партийных начальников. Процесс усугубляли личные амбиции и межведомственные противоречия.

Массы склонялись к объединению, ибо инстинктивно бежали от трудностей досоветской и ранней советской «независимости». Процесс оказался весьма болезненным для простых людей, сопровождался серьезными конфликтами. Но вражды между народами не было. Имелись постановления властей, например Белоруссии (от 14 мая 1926 г. «Вражда из-за языка»), критикующее ряд авторов за отрицательное отношение к белорусизации¹⁰³ и т. п. Достижение политической стабильности стало возможным при направлении внимания на использование этнического фактора в социальных, экономических, культурных процессах, хотя многочисленные «кампании» и «мероприятия» отличали фрагментарность и избирательность. Опора на классово-политические установки: «классы первичны, нации вторичны» – вела к превалированию идей пролетарского интернационализма над этническими отличиями, зачиная формулу советской гражданственности. Низшие слои, хотя и несли бремя издержек, получали преимущества цивилизации. К концу 1920-х гг. институциональные структуры массовой политической социализации и воспитания включили в себя школу всех ступеней, технологические механизмы и строго иерархический порядок (номенклатура разного уровня, партячейки, структуры советского и хозяйственного управления), направленные на разнообразные формы мобилизации населения.

---

¹⁰³ См.: Белорусизация. 1920-е годы. Документы и материалы. Ч. 2. – Мн.: БДУ, 2001.

Д.А. Аманжолова

Глава 5

Советская этнополитика (1929–1941 гг.)

§ 1. Административно-территориальный регламент для этнического пространства

В конце 1920-х – 1930-е годы период экспериментов и интенсивных преобразований постепенно заменяется более последовательным встраиванием этнополитики в схему укрепления жестко централизованной власти и унификации всех уровней и звеньев управления. Административно-территориальное деление, государственно-правовой статус, степень экономической самостоятельности и обеспечения культурно-языковой идентификации народов СССР рассматривались властью как составные части политики «наступления социализма по всему фронту» и демонстрации преимуществ нового строя. После принятия Конституции СССР 1936 г. отдел национальностей ВЦИК был упразднен, как и должности представителей автономных республик и областей при ВЦИК. Национальным вопросом стал заниматься Президиум Совета национальностей, но его роль в конце 1930-х гг. была сведена к минимуму.

Перекройка административно-территориальной карты страны была связана с крупными социально-экономическими трансформациями, направленными на строительство социализма, в т. ч. с индустриализацией и урбанизацией, радикальными изменениями социального состава населения, масштабными миграциями, землеустройством и т. д. Власть стремилась упорядочить систему управления, укрепить механизм централизованного подчинения областей, краев и республик и объединения их в единый народно-хозяйственный и политический организм. Одной из задач было выравнивание уровней социально-экономического и культурного развития регионов, отличавшихся по хозяйственному потенциалу, этнокультурному составу населения, природным, кадровым, социальным ресурсам и возможностям. В конечном счете совокупность внутривнутриполитических мероприятий была направлена на формирование надэтнической и надконфессиональной социальной общности, долженствующей представлять миру единственно

верный пример и образец всестороннего прогресса. Проведение в жизнь принципа территориальной регламентации этничности приводило к заметным различиям в размерах, численности и плотности населения, социально-культурных особенностях и других параметрах так называемых национально-территориальных образований. Противоречие между экономическими интересами и национально-административным принципом было в определенной мере преодолено, но командно-силовые и бюрократические методы управления и преобразований имели негативные последствия.

Как правило, максимального совпадения границ расселения титульных национальностей и территорий их республик добиться было невозможно. Более того, определение таких территорий сопровождалось спорами и взаимными претензиями, в основе которых были не только притязания местных руководителей на овладение пространством, но и объективные проблемы – смешанный состав населения, сложные межрегиональные хозяйственные взаимосвязи, традиционное разделение труда и ресурсов и т. д. Так, в 1929 г. из Таджикской АССР, входившей в состав Узбекской ССР, была образована новая союзная республика. В том же году для «разрешения споров» и определения новых границ решением Оргбюро ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия Президиума ЦИК СССР.

Экономические взаимосвязи и хозяйственная интеграция республик тормозились разбухавшей структурой управления в бесконечно дробившихся и объединявшихся территориях. Дополнительные административно-территориальные преобразования могли лишь осложнить реализацию масштабных социально-экономических проектов. Многочисленные реорганизации и изменения границ территорий приводили к дезорганизации общества, маргинализации населения, росту бюрократии на всех уровнях. В 1930 г. ЦК ВКП(б) и Президиум ЦИК СССР приняли решение о ликвидации недавно образованных округов. Вместо них создавались области и районы, что в условиях коллективизации и начавшихся репрессий означало еще одну перестройку аппаратов власти, пересмотр бюджетных планов, организацию новых избирательных кампаний, перераспределение ресурсов, имущества и полномочий. Это умножало неразбериху на местах, дискредитировало власть, сеяло пессимизм среди самих чиновников.

Появление областей с большим числом районов вызывало вопросы их управляемости. Еще больше сомнений было связано с национальными регионами. Автономные области на Северном Кавказе были приравнены к округам, и новым регламентом территориальной организации страны предлагалось оставить автономии «в неприкосновенности» с районированием внутри каждой. В РСФСР и УССР также предстояло «районы и советы нацменьшинств не ломать» даже в случае изменения их территорий.

Не меньше трудностей было и в других регионах. Огромные расстояния в Казахстане и Якутии, горные массивы между небольшими по пло-

щадя районами на Кавказе при отсутствии телеграфной и телефонной связи, сосредоточенность бюджетных средств в городах делали планы центра лишенными практической пользы и невыполнимыми¹. Тем не менее, управленческая машина упорно трудилась. На Северном Кавказе к 1 октября 1930 г. 10 русских округов были упразднены, край разделен на 87 районов (в т. ч. 7 национальных), 10 городов и 7 национальных автономных областей. Это породило бюрократизацию аппарата и усложнение структуры управления в крае. Летом 1931 г. был упразднен Баталпашинский район, что позволило за счет его территории укрепить экономическую базу Карачаевской и Черкесской автономий.

«Переселение» национально-государственного образования из одной «матрешки» в другую, наделение управленческого люда той или другой, не очень большой, «матрешки» более высоко котировавшимися в советской номенклатуре статусными регалиями декларировалось как дополнительный и оправданный рычаг для успешного прогресса этнической общности. В 1930 г. Каракалпакская АО, входившая в состав Казахской АССР, непосредственно вошла в состав РСФСР. В январе 1932 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) констатировало, что Казкрайком и Средазбюро не приняли нужных мер к экономическому и партийному укреплению Каракалпакии, и 23 февраля 1932 г. Политбюро ЦК партии решило преобразовать область в автономную республику «ввиду большой удаленности ... от промышленных центров и от Москвы, а также ее особой экономической и культурной отсталости»². Однако в новом статусе республика не могла развиваться вне регионального контекста, не связанного прямо с РСФСР, и 5 декабря была включена в состав Узбекской ССР.

Следует отметить, что еще в 1928 г. Политбюро ЦК партии утвердило условия вхождения автономных республик в состав районированной области (края). Предусмотрены были начала добровольности (по решению съезда Советов республики) и право выхода, незыблемость конституций АССР, их «культурно-хозяйственный рост и национальное развитие» в составе нового региона, единство хозяйственного плана края для входящей в него АССР, как и подчинение парторганизации республики соответствующей краевой структуре (то же касалось комсомола, профсоюзов, кооперации и т. п.). Распределение работников-националов вели обкомы АССР, но выдвижение на краевую работу согласовывалось с краевыми органами партии³. На основе решения о включении Республики немцев Поволжья в Нижневолжский край в июле 1931 г. Дагестанскую АССР включили в Северокавказский край. Границы республики, все положенные АССР льготы по вопросам хозяйственного и культурного строительства сохранялись,

¹ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 644–647 (далее – ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос).

² ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. – С. 685–688.

³ Там же. – С. 595–596.

план народного хозяйства в краевом документе выделялся в особую графу, а бюджет формировался Наркомфином РСФСР. Целью административной реорганизации объявлялось обеспечение «на основе единого хозяйственного плана» более высоких темпов развития, максимальное обеспечение использования природных богатств для хозяйственного и культурного строительства. При этом партийные, советские и другие общественные организации входили в состав краевых, на них возлагалось «руководство разрешением основных политических и хозяйственных вопросов»⁴. Это создавало почву для противоречий и усложнения организационных и управленческих действий.

Заложенный в основу административно-территориального разграничения регионов страны этнический принцип⁵, который во многом искусственно привязывался к определенной местности, проблемы координации и распределения полномочий, средств, кадров, ресурсов и ответственности постоянно сопровождали жизнедеятельность субъектов федерации и их управленцев. Проверка состояния и работы местных парторганизаций, доклады Заккрайкома, ЦК партий Азербайджана и Грузии в октябре 1931 г. выявили «антифедеративные настроения» в отношении ЗСФСР. Работники сопротивлялись «установлению единого плана хозяйственного строительства» под предлогом «защиты самостоятельности республик». Отсутствовало «точное разграничение функций между зак. и республиканскими учреждениями», имелись недоговоренности и споры между ними: «районные учреждения дергаются множественностью руководства». Все это сопровождалось неизбежными изъятиями в «коренизации» госаппарата, сохранением языковых барьеров и слабостью введения национальных языков в сферы общественной жизни⁶.

В ноябре 1933 г. в Северо-Кавказском крае была выделена Северная область с центром в г. Миллерово. В начале 1934 г. край поделен на Азово-Черноморский и Северо-Донской округа, Адыгейскую автономную область, 110 самостоятельных районов, в т. ч. 6 национальных, и Северо-Кавказский с центром в Пятигорске. В 1936 г. центр перенесли в Орджоникидзе. Разукрупнение административно-территориальных образований в контексте растущей централизации означало и сокращение возможностей местных этноэлит для участия в решении задач этнонационального развития, а также их самоорганизации.

Повышение статуса национальной территории связывалось не только с общим переформатированием административной карты страны, оно объ-

---

⁴ Там же. – С. 665–666.

⁵ В одном из решений подчеркивалось: «...нужно ведь прямо признать, что советская федерация мыслится как федерация национальностей, а не областей». См.: *Линевский А.* Роль этнографа в советском строительстве Севера // Советское строительство. – 1929. – № 8. – С. 114; *Игнатьев В.* Национальный момент в районировании // Там же. – № 10. – С. 62, 67, 65.

⁶ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. – С. 671–673.

яснялось «обострением классово-борьбы» в условиях коллективизации и положением аналогичных приграничных регионов. 30 октября 1930 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) Хакасский автономный округ был преобразован в автономную область. Приводились доводы о лучших условиях области в сравнении с округом «для окончательной ликвидации влияния и агитации байско-кулацкой верхушки против национальной политики советской власти», достаточном удельном весе титульной национальности (53 %) на территории округа-области (примерно такой же был в Ойротии, Карачае, Ингушетии и др.), а также о перспективах лучшего промышленного развития в новом статусе. Механизм принятия подобных решений исключал какой бы то ни было учет мнения населения. Объект управленческих манипуляций, очевидно, должен был воспринимать такие реформы через агитационно-пропагандистские инструменты воздействия как заведомое благо для каждого рядового обывателя.

Разделенными административными барьерами оказались буряты – их судьба решалась в контексте внешнеполитической стратегии распространения социализма и предупреждения гипотетически опасной для власти консолидации разделенных государственными границами родственных народов. В 1930 г. Бурят-Монголия была включена в состав только что образованного Восточно-Сибирского края. Это, утверждалось, «открывает новую полосу в социалистическом строительстве республики. Вхождение в край неизмеримо усиливает ее экономически и политически, создает предпосылки осуществления грандиозного плана индустриализации и переустройства сельского хозяйства в республике на основе единого плана с краем, усиливает пролетарское влияние и руководство над республикой в лице пролетариата нового края и краевых органов»⁷. Уже в 1937 г. край был поделен на Иркутскую и Читинскую области, что в целом соответствовало традиционной региональной структуре. В состав областей передавалась часть аймаков БМАССР, на их основе образовывались Агинский и Усть-Ордынский бурят-монгольские национальные округа.

В шифровке И.В. Сталина и В.М. Молотова обкомам партии – областей и Бурят-Монгольскому – указывалось, что объединенные в новые национальные округа «некоторые» бурят-монгольские районы «пришлось» включить в эти области. У правительства был исключительно мотив «удобства управления», а интересы этих районов «будут защищаться так же хорошо, как они защищались Бурятским правительством и обкомом». Залогом назывался «глубокий интернационализм нашей партии». Предупредительно замечалось: «несколько сот тысяч русских» в составе БМАССР «до сих пор еще не жаловались» на нарушение своих интересов. Значит, не стоит сомневаться: «несколько тысяч бурятских трудящихся»

---

⁷ Отчет правительства Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. 1928–1930 гг. – М.: Издание ЦИК и СНК БМАССР, 1930. – С. 4–5.

не найдут основания для жалоб⁸. Республиканской власти ничего не оставалось, как всецело поддержать и оправдать решение производственно-экономической целесообразностью, необходимостью «приблизить руководство областных советских органов к районам, к предприятиям, МТС, колхозам и совхозам». Борьба с панмонголизмом обернулась очевидным противоречием объявленным принципам этнополитики, но это не смущало ее проводников, предпочитавших в новых обстоятельствах унитаристские интересы⁹.

Этнические «бренды» также становились важным средством утверждения нового формата не только политического, но и географического пространства. Особенно заметно это на примере переименования населенных пунктов, улиц, присвоения им почетных имен большевиков-националов и советских национальных деятелей культуры, науки и т. п. Говорящими становились и многие названия национальных столиц, причем часто к основному присоединялось символическое прилагательное «красный». Так, с 1925 по 1929 гг. столицей Казахской АССР была Кызыл-Орда – Красная ставка (с 1820 г. Ак Мечеть, с 1862 г. форт Перовский и Перовск, с 1997 г. Кызылорда). В 1934 г. по предложению секретаря Бурят-Монгольского обкома партии М.Н. Ербанова с согласия И.В. Сталина Политбюро ЦК ВКП(б) переименовало административный центр Бурят-Монголии Верхнеудинск в Улан-Удэ, т. е. Красную Уду. Основанный в XVI в. Царевококшайск в 1919 г. был переименован в Краснококшайск, а в 1928 г. получил национальное имя Йошкар-Ола (Красный город) и с преобразованием автономной области в республику в 1936 г. стал ее столицей. Белоцарск в Туве (основан в 1914 г.) в 1926 г. стал Кызылом (Красный). Именовавшемуся с 1919 г. Полторацком (в честь революционера П.Г. Полторацкого) туркменскому Асхабаду в 1927 г. вернули этническое имя Ашхабад. Присвоение административному центру имени политика приобретало этническую окраску на основе двуязычия, широко распространявшегося в этнонациональной среде: с 1929 по 1961 гг. столица Таджикистана называлась Сталинабад. Центр автономии немцев Поволжья Покровск в 1931 г. получил интернационально-коммунистическое название Энгельс.

Численное преобладание титульной этнической общности было обязательным условием создания субъекта федерации и повышения группового статуса. Этнополитическое руководство на местах стремилось использовать конъюнктурные обстоятельства для получения более выгодных условий финансирования и развития через переход на более высокую ступень административно-территориальной пирамиды. К примеру, в январе 1931 г.

---

⁸ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 гг. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 284.

⁹ См.: *Елаев А.А.* Бурятский народ: становление развитие, самоопределение. – М., 2000; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Бурят-монголы: история и современность. – Улан-Удэ, 2000 и др.

Вотский обком партии при поддержке Нижегородского крайкома партии обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой в связи с 10-летием создания автономной области преобразовать ее в автономную республику. Аргументы, при оригинальности фактической «начинки», приводились традиционные, что свидетельствовало о сложившихся в партийно-советской номенклатуре представлениях по поводу идейного оправдания организационных рычагов и механизмов принятия подобных решений. Среди них – преобладание титульной национальности в населении региона, успехи в создании национального пролетариата и промышленности, обострение классовой борьбы в связи с коллективизацией, рост культурного уровня, напряженность предстоящих преобразований, в т. ч. в преодолении национального неравенства, и прямая зависимость успехов в их реализации от получения регионом (и его чиновниками) больших прав в новом качестве.

Однако в этом случае центр не увидел политических оснований для создания новой автономной республики в составе РСФСР¹⁰. Тем не менее, в январе 1932 г. область получила название в соответствии с этнонимом титульного народа – Удмуртская, а в декабре 1934 г. стала все же автономной республикой. Характерно, что созданный в 1928 г. в составе Средне-Волжской области Мордовский округ поначалу планировалось именовать Эрзяно-Мокшанским, но получил поддержку более распространенный среди русскоговорящих этноним «мордва». В январе 1930 г. округ преобразовали в автономную область, а к 5-летию (на неделю раньше Удмуртии) он получил статус автономной республики. Исторические юбилеи стали одним из аргументов этнонациональных регионов в повышении их статуса, получении дополнительных ассигнований, открытии новых учреждений культуры и прочих бонусов. В связи с 15-летием в октябре 1935 г. Калмыкия из автономной области превратилась в АССР¹¹. Марийская АО и Чувашская АССР в 1929–1936 гг. входили в состав Нижегородского (Горьковского) экономического края. Марийская АО была преобразована в АССР в 1936 г.

Показателен пример Карельского национального округа в составе Калининской области, созданного в июле 1937 г. на основе доводов о численности, компактном расселении меньшинства и принципах советской этнополитики. Но в конце 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о ликвидации национальных районов и сельсоветов, приводя неопровержимые для тогдашней политической ситуации аргументы: искусственный характер и вредительская деятельность всевозможных «врагов народа». Калининские руководители своевременно и предусмотрительно отреагировали на политическую конъюнктуру. В сентябре 1938 г. секретарь обкома партии И.П. Бойцов сообщил в ЦК партии и Сталину: бывшие руко-

¹⁰ Там же. Кн. 1. – С. 655–658.

¹¹ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 88–89, 156.

водители области в 1937 г. значительно завысили «цифры карельского населения области» – его не более 46 %. К тому же русский язык для всех карел является основным. Да и в культурном плане они в большой степени интегрированы в русское пространство. Мероприятия по карелизации теперь назывались политически и культурно вредными для развития этого нацменьшинства, а создание округа объяснялось происками финской разведки и потворством «подрывной работе троцкистско-бухаринской и националистической агентуры фашизма». 5 февраля 1939 г. Политбюро приняло предложение обкома и ликвидировало Карельский национальный округ¹².

Зато из автономной Карельской АССР, входившей в состав РСФСР, и части присоединенной после советско-финской войны территории постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 марта 1940 г. была создана Карело-Финская ССР. Как всегда, не законодательный орган власти, а руководство правящей партии, подмявшее все конституционные органы власти, утвердило проект закона о преобразовании с дальнейшим установлением границы между РСФСР и новым государственно-административным образованием и предписало провести по этому поводу сессии Верховного Совета СССР и РСФСР. Карельскому обкому партии поручили представить на утверждение ЦК проект конституции новой республики. На начальном этапе интеграции новой территории финский язык оставался государственным наряду с русским. Преподавание во всех звеньях системы образования и делопроизводство в госучреждениях переводились с карельского на финский, предусматривалась подготовка кадров, начала издаваться республиканская газета на финском, запрещалось изменение финской топонимики¹³.

С принятием Конституции СССР в 1936 г. («конституции победившего социализма») союзный статус приобрели Казахстан и Киргизия, входившие как автономии в состав РСФСР. В 1937 г. на основе специальных ходатайств Таджикская, Киргизская, Туркменская, Грузинская, Армянская, Азербайджанская и Узбекская союзные республики получили союзно-республиканские наркоматы легкой и пищевой промышленности. Некоторые из них – наркоматы совхозов и леса¹⁴.

Представители основных титульных национальностей (все чаще их стали называть социалистическими нациями) были представлены во всех структурах власти соответствующих субъектов федерации. В состав РСФСР к 1935 году входило 10 автономных республик, 10 автономных областей, 10 автономных округов, созданных для коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Грузинская, Азербайджанская

---

¹² Там же. Кн. 2. – С. 314, 427–428.

¹³ Мирный договор с Финляндией, включавший и передачу части ее территории в состав СССР, подписан 12 марта 1940 г. См.: Там же. Кн. 2. – С. 532–535.

¹⁴ Там же. Кн. 2. – С. 211–212.

и Армянская союзные республики уже не входили в ЗСФСР, упраздненную в том же году.

Оставаясь по форме союзным, договорным, т. е. федеративным государством, СССР фактически превратился в унитарное образование с командно-административным типом управления. Конституция узаконила ведущую тенденцию в развитии государства – расширение компетенции союзных органов власти, усиление централизованного руководства всеми сферами жизни общества. Свою государственность в той или иной форме получили около 40 народов, объединившихся в 11 союзных республик. На территории РСФСР было образовано 17 автономных республик и автономных областей. Автономные республики и области имелись в составе Грузии, Азербайджана, Украины, Узбекистана и Таджикистана. Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская автономные области были преобразованы в автономные республики. Их нормативные отношения с высшими властями не были четко определены. Азово-Черноморский край в 1937 г. был разделен на Краснодарский край, включавший Адыгейскую автономную область, с центром в Краснодаре и Ростовскую область с центром в Ростове-на-Дону. В 1938 г. Орджоникидзевскому краю были переданы затеречные земли из Дагестана, границей между ними стала р. Терек.

Конец 1930-х – начало 1940-х гг. характеризуются расширением советской федерации за счет присоединения территорий и сравнительно больших этнополитических образований. В 1940 г. из части Молдавской АССР, входившей в состав УССР, и части территории, полученной СССР от Румынии, была образована Молдавская ССР. Бывшие независимые Латвия, Литва и Эстония стали союзными советскими республиками. В состав УССР вошла Черновицкая область, образованная из части бывшей румынской территории.

Законом СССР от 2 ноября 1939 г. западная часть белорусских земель была присоединена к БССР. Член-корреспондент АН СССР В.И. Пичета в специальной записке «О южной границе БССР» от 18 ноября 1939 г. писал, что с выстраиванием внутрисоюзных этнополитических рамок в таком сложном вопросе «никоим образом нельзя руководствоваться одним этнографическим материалом», что как раз нередко наблюдалось в этнополитическом конструировании советского административно-территориального регламента. Пичета был за сохранение «старых административных границ» между БССР и УССР. Аргументы он приводил как вполне большевистские («классическое» сталинское определение нации, негативная оценка «национально-шовинистических» идей, материалистическое учение о языке), так и строго научные – историческое, хозяйственное, экономическое, социальное и культурное единство населенных белорусами регионов на границе с Украиной, неизбежно смешанный этнический состав населения этнокультурного пограничья¹⁵.

¹⁵ ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 488–496.

Территориальные приращения сопровождались чистками и депортациями значительной части коренных жителей западных областей Белоруссии, Украины и народов прибалтийских республик. Направленные против «классово чуждых элементов», подобные меры усиливали этносоциальную напряженность и негативное отношение населения к власти, откладывались в памяти и чувствах людей тяжелым грузом.

Всего в составе СССР в конце 1930-х гг. было 11 союзных республик, 20 АССР, 8 автономных областей, 7 национальных округов. С 1940 до 1956 гг. союзных республик стало 16. Принцип «матрешки» реализовался во многих регионах: по одной автономной республике имели Азербайджан и Узбекистан, Грузия имела 2 таких образования, а РСФСР – 17. По 1 автономной области было в Грузии, Таджикистане и Украине, в РСФСР их было 6. Автономные округа существовали в Азербайджане (один) и РСФСР – 7.

Процесс этнической консолидации рассматривался властью как объективно заданный и однонаправленный. Советская идеология и политическая практика тесно связали этничность с административными образованиями. Формы политического самоопределения народов СССР в определенной степени содействовали институционализации этнических общностей, давая импульс форсированной перестройке этносоциальных структур и отношений, обновлению и интеграции этнонациональных элит в общесоюзную систему устройства власти. Но заданная центром иерархия этнических территорий и их регламентация не означали подчинение пересекающихся и пластичных социально-культурных пространств жизнедеятельности народов «матрешечному» каркасу. Соблюдение принципов федерализма во многом стало одной из деклараций, призванных идеологически обеспечить справедливость и безусловную прогрессивность развития огромного многонационального государства в сравнении с капиталистическим миром, жестко поделенным на метрополии и ограбляемые ими колонии.

§ 2. Межкультурная интеграция в тоталитарном государстве

В самом деле, это сравнение было далеко не в пользу противников реального социализма: в СССР быстрыми темпами осуществлялась социально-культурная модернизация народов. Хозяйственные связи между субъектами федерации, строительство многочисленных индустриальных объектов в ранее отсталых регионах с сопровождавшим его интенсивным перемещением больших групп трудовых ресурсов объективно укрепляли межэтническую интеграцию и гражданское единство всех этнических общно-

стей. Однако столь грандиозные преобразования могли проводиться только при жестко централизованной системе управления, патерналистской социальной психологии, циничной эксплуатации традиционных для народной культуры ценностей коллективизма, терпения и трудолюбия. Культивирование приоритетов общественного блага, социального и гендерного равенства, политического, идейного и культурного превосходства СССР нивелировали зачатки демократического самоуправления и личной инициативы. Этнокультурная самобытность, как и любая иная, имела право на проявление лишь в строго очерченных и контролируемых рамках «социалистического интернационализма». При этом в каждом этносообществе находились как те, кто рьяно следовал заданным координатам движения к светлому будущему, так и те, кто погружался во внутреннюю эмиграцию, более или менее успешно демонстрируя симулякры социальной активности, лояльности власти, удовлетворенности жизнеустройством и личной судьбой.

Традиционность и социальные институты этнических общностей подверглись радикальной трансформации. Прежние модели взаимодействия структур управления (имперских и традиционных внутриэтнических) с различными группами населения были официально отвергнуты в политическом, идеологическом и культурно-ценностном смысле. Но ключевые их основы в латентном виде выполняли важнейшую миссию адаптации к новым обстоятельствам жизнедеятельности. Межэтнические коммуникации, опыт которых был у граждан СССР давним, теперь прирастали новыми моделями, продиктованными в 1930-е годы почти исключительно чрезвычайными средствами надэтнической политики строительства социализма.

Весь этот период продолжались с разной степенью активности у т. н. западных и восточных национальностей, разделенных по критерию соответствия культурного уровня требованиям социально-экономической и политической модернизации, мероприятия по развитию образования, национальных форм культуры, систем письменности. Советская власть инициировала мощную тягу людей к знаниям, самореализации, возвышению статуса. Изменение политики в отношении школы в условиях резкого роста потребности в специалистах было связано с целенаправленной стратегией на всеобщее образование. С 1930 г. в СССР вводится начальный всеобщ, а растущее число образовательных и культурно-просветительных учреждений стало одним из впечатляющих результатов быстрого повышения культурного уровня народов СССР.

В рамках комплексной социально-культурной модернизации народов СССР усилиями государства было обеспечено создание систем образования и здравоохранения, ликвидация безграмотности, в том числе у многих народов – появление национальной письменности, распространение русского языка как инструмента межкультурного общения, массовая подготовка кадров учителей, врачей, инженеров и иных квалифицированных

специалистов, создание профессионального искусства и литературы. Массовый характер просветительной работы породил не только особые формы общения с коренным населением (культпоходы, передвижные школы, библиотеки и медпункты, красные юрты, кочевые театры, кинопередвижки и т. д.), но и выравнивание и унификацию культур. Поощрение местных языков и распространение русского языка были объективно неизбежны и прогрессивны в связи с индустриализацией регионов. Русский язык был средством усвоения ценностей и смыслов советского индустриального общества, обеспечения политической лояльности властям. А на плотно населенном большим числом народов Кавказе русский язык обеспечивал компромисс и равноудаление от местных языков-конкурентов.

Начавшаяся в 1927 г. программа латинизации тюркских языков не принесла удовлетворительных результатов. Языковая пестрота и социально-демографические особенности многих народов СССР укрепляли роль русского языка. К примеру, при обсуждении этого аспекта в Дагестане на заседании Президиума ВЦИК (май 1935 г.) М.И. Калинин предложил «как-то урегулировать дело в отношении многоязычия». Вести «обслуживание» на 36 языках невозможно, потому следует очень осторожно объединять родственные языковые группы, а малочисленные (3–4 тыс. носителей) не поддерживать, оставив в итоге 5–6 языков. При этом русский язык он охарактеризовал с учетом практики создания национального пролетариата как «подсобный», «...язык для верхушки, а я говорю о народных массах ... русский язык вам даст только кадры. Русский язык вам будет легче изучать тогда, когда у вас будут заводы, когда русские рабочие двинутся к вам, а вот унификация должна быть проведена»¹⁶.

К середине 1930-х гг. на основе латиницы были созданы письменность и учебники для 12 народов Крайнего Севера. Однако решение о всеобщем к установленному сроку (конец 1934 г.) не было выполнено, и главную трудность (кроме тяжелых географических условий, дефицита кадров и пр.) составила именно латиница, затруднявшая обучение детей. Уже со 2-го класса в силу «бедности языков» приходилось переводить обучение на русский, да и русские учителя с большим трудом овладевали местными языками¹⁷.

Индустриализация и коллективизация, массовый голод и массовые репрессии 1932–1933 гг. против националов обусловили серьезный поворот в этнополитике сталинского режима. Он получил оформление в посвященном хозяйственным проблемам постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» от 14 декабря 1932 г., прямо связанном с этнокультурным многообразием и идентичностью людей. «Небольшевистская украинизация» объявлялась

¹⁶ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 120.

¹⁷ В 338 начальных национальных школах обучалось 60 % детей школьного возраста, 843 национала – в 5–7-х классах неполной средней школы. См.: там же. 122–127.

причиной срыва хлебозаготовок и подлежала корректировке с усилением русского языка во всех сферах и изгнанием «буржуазно-националистических элементов» из всевозможных организаций. Весной 1933 г. Политбюро приняло постановление «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии», где «всяческая поддержка строительству национальной по форме и интернациональной (пролетарской) по содержанию культуры... в условиях растущего подъема (торжества) национальной культуры» связывалась с расширением сферы применения русского языка¹⁸.

Вопрос о языке определялся не только выбором оптимального средства коммуникации и модернизации полиэтничного населения, но имел глубокое символическое и политическое значение. Язык был важнейшим инструментом формирования этноидентичности народов СССР, служил в республиках маркером для допуска к привилегиям титульного народа и закрепления его административно-территориального статуса. Социально-культурная гомогенизация общества соединяла меры по развитию языков и культур, декларативно наполненных «интернациональным социалистическим» содержанием, с укреплением идеологических и иных скреп, вытеснявших традиционные духовные ценности.

Практически для всех народов, получивших латинизированную письменность, во 2-й половине 1930-х гг. осуществлялся переход на кириллицу (карачаевцы, абазины, ногайцы, осетины, молдаване, татары, хакасы, азербайджанцы, якуты, башкиры, шорцы, горные алтайцы, коми-пермяки, чеченцы и ингуши, карелы и т. д.)¹⁹. Национальные кадры готовились медленно и были малочисленны: в 1939 г. Институт народов Севера выпустил около 360 педагогов, экономистов, советских работников, представлявших 31 национальность. И здесь Калинин был против создания алфавитов для меньшинств и напрасной траты средств: «...мы создаем бесконечное количество народностей, которые не имеют никаких перспектив», предлагая при поддержке Енукидзе укреплять роль русского языка в обучении таких групп²⁰.

Дилемма – продолжать поддержку многочисленных языков с малым числом их носителей и ограниченной сферой употребления или расширять обучение русскому, обеспечивающему интеграцию людей и экономик регионов, межкультурное общение, – была решена в пользу скреплявшего единое государство языка. 24 января 1938 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о ликвидации национальных школ и национальных отделений в школах, 19 марта – национальных педучилищ и институтов, 13 марта ЦК партии и СНК СССР приняли постановление «Об обязательном изучении

---

¹⁸ Там же. Кн. 1. – С. 696–698, 702–703.

¹⁹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. – С. 388–391, 396, 399, 435–437, 447–448, 477–478. Кн. 2. – С. 183–196, 260, 266, 270–271, 278–279.

²⁰ Там же. Кн. 1. – С. 91, 461.

русского языка в школах национальных республик и областей»²¹. Причины были вполне объективные: необходимость межэтнической интеграции в интересах хозяйственного и культурного развития, подготовки научно-технических кадров и несения воинской службы²². Национальные школы признавались очагами буржуазно-националистического и антисоветского влияния на детей, подрывающими братское единство народов СССР с русским народом²³. Поворот к укреплению русского языка и русской культуры не означал возвышение русскости над другими этноидентичностями. Стремление власти не допустить ассоциации всего русского с самой властью и восприятия русских как колонизаторов приводило к тому, что для русских возможность самовыражения предоставлялась в надэтнических институтах – социально-классовых, интернациональных, советских (гражданских).

Политико-массовая и культурно-просветительная работа, создание национальных СМИ и библиотечного дела прочно включали этнокультуры в общесоветский контекст²⁴. Интеллектуальная и творческая этноэлита, имевшая дореволюционное образование, стремилась к возможно более полному сохранению не только традиционных форм, поддерживаемых властью, но и по возможности их наполнению новой интернациональной «социалистической» культурой. Однако массовый террор резко сократил возможности национально-культурной автономии, форсировав унификацию на основе русификации²⁵. Тяжелейшие потери понесла национальная творческая, научная и художественная интеллигенция. Репрессии против нее²⁶, резкое ограничение возможностей населения знакомиться с багажом

---

²¹ Там же. – С. 342, 384, 395, 393–394. См. также дискуссию по поводу карельского языка, внутри- и внешнеполитических факторов его развития: Стенограмма заседания Совета Национальностей ЦИК СССР от 25 апреля 1931 г. // *Ab imperio*. – 2002. – № 2. – С. 361–413.

²² ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 391–394.

²³ Наркомпрос КАССР дал установку сократить зарплату педагогам, которые не могут преподавать русский язык // *Учительская газета*. – 1938. – 13 июня.

²⁴ См., например: *Гужаловский А.* Главлитбел – инструмент информационного контроля белорусского общества (1922–1941 гг.) // *Acta Slavica Iaponica*. – Tomus 31. – P. 77–104.

²⁵ Подробнее см.: Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Сост. Н.Ф. Бугай. – М.: Капъ, 1994; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». – М.: АИРО-XX, 1995; Репрессии против поляков и польских граждан. – М.: Звенья, 1997; Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. – М.: Звенья, 1999; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938 / Сост. В.Н. Хаустов. – М.: Международный фонд «Демократия», 2003; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. В 2 кн. – М., 2005, 2009; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: РОССПЭН. 2011 и др.

²⁶ Данные о персоналиях см.: *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917–1923 г.). – М.: ИРИ РАН. 2007; *Зенькович Н.А.* Национальная политика: творцы и исполнители. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008; *Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. – М.: ГУ МДН, 2008 и др.

культурного наследия и гуманитарной мысли²⁷, политическая цензура и укреплявшаяся самоцензура создавали мифологическое пространство советской реальности, соединявшее действительность и вымысел в сознании и поведении людей.

В целом все народы обрели новое, востребованное в конкретно-исторических условиях качество социально-культурного развития. К 1939 г. на 1000 человек населения со средним и высшим образованием насчитывалось: в Грузии – 165, Армении – 128, на Украине – 120, в Казахстане – 83, Узбекистане – 55, Киргизии – 46, Туркменистане – 65, Таджикистане – 40. В автономиях со средним и высшим образованием на 1000 жителей приходилось: в Чувашии – 99, Коми – 96, Татарской АССР и Якутии – по 89, Кабардино-Балкарии – 86, Удмуртии – 82, Башкирии – 67, Бурятии – 86, Марийской АССР – 73, Чечено-Ингушетии – 71, Мордовии – 68, Дагестане – 63, Калмыкии – 51²⁸. С учетом политики «коренизации» кадров, создания и унификации письменности для 89 народов в культуре всех народов СССР произошли впечатляющие прогрессивные перемены. Это имело принципиальные последствия для дальнейшего роста качественных показателей этносообществ, создания условий к их дальнейшему развитию. Общеизвестно, что индустриализация привела к колоссальным изменениям в хозяйственном ландшафте страны: в большинстве национальных регионов практически впервые появились современные для того периода предприятия и инфраструктура. На Украине к 1940 г. выплавка чугуна достигла 9,6 тыс. т (1913 г. – 2,4 тыс. т) – 64 % общесоюзного показателя, прокат черных металлов составил 50 % общесоюзного уровня. Особенное место занимает Казахстан: за 1929–1933 гг. здесь введено в строй 40 новых предприятий промышленности, за 1933–1937 гг. – еще 120. В 1937–1942 гг., с учетом эвакуированных заводов, в республике построено 700 новых предприятий. В 1940 г. Казахстан занял 2-е место среди союзных республик по объему валовой продукции цветных металлов, 3-е – по добыче угля и нефти, пятое – по выработке электроэнергии и продукции металлообработки. Республика превратилась в индустриальный регион. Но казахское население все еще не урбанизировано и мало вовлечено в промышленность.

Индустриализация обеспечила формальные показатели «государства диктатуры пролетариата». Основные трудности в перестройке жизнедеятельности этносообществ представляли языковой барьер, слабая профессиональная подготовка, социально-психологический дискомфорт в связи с резкой сменой организации труда, быта, досуга, взаимоотношений в новых социальных группах и коллективах. Неравенство в оплате труда, препят-

---

²⁷ В т. ч. среди мусульман из-за разрыва культурной преемственности поколений, когда молодежь была лишена связи с литературой, созданной на основе арабского алфавита.

²⁸ Советский народ – новая историческая общность людей. Становление и развитие. Ответ. ред. М.П. Ким, В.П. Шерстобитов. – М.: Наука, 1975. – С. 189.

ствия, создаваемые частью руководства, сомневавшегося в целесообразности и возможности формирования рабочих кадров из националов и их профессионального роста, плохие жилищно-бытовые условия, даже провоцирование межэтнических конфликтов дополняли объективные трудности социальной реструктуризации этноса.

Все технические кадры в Средней Азии, Казахстане, на Северном Кавказе и в Закавказье рекрутировались из добровольных и принудительных мигрантов, главным образом русских и украинцев. В годы 2-й пятилетки в крупную промышленность Узбекистана влилось 33 тыс. чел., в т. ч. лишь 7 200 из местных народов. За 1929–1940 гг. численность рабочего класса СССР выросла на 1 895 %, а в Киргизии – на 293, Узбекистане – 235, Казахстане – 249, Таджикистане – 67 %. В автономиях РСФСР доля участия людей титульной национальности в промышленности составляла от 15 до 40 %²⁹. Рост численности национального рабочего класса на Северном Кавказе также был наиболее интенсивным в 1930-е гг., особенно в отраслях, связанных с сельским хозяйством, либо не требовавших высокой квалификации. Занятость горцев в промышленности оставалась преимущественно мужской.

Ударники и кадровые рабочие получали предпочтение в обслуживании (санатории и дома отдыха, детские ясли и сады, соцстрахование). Это было совсем недостаточным, но с учетом практически полного отсутствия социальной инфраструктуры до революции означало колоссальный прорыв в качестве жизни национальных меньшинств. К тому же, стимулировалось закрепление человека на производстве, усиливалась зависимость от хозяйственных показателей и расположения профсоюзной бюрократии. При начислении пособия по нетрудоспособности и пенсии учитывался общий производственный стаж и продолжительность работы на одном предприятии. Идейная лояльность и производственная дисциплина стали важнейшими условиями благополучия и даже личной безопасности национального пролетариата и его выдвиженцев.

Советская власть создавала новую систему социальных координат, в которой национальность стала играть одну из ключевых ролей. Укрепление позиций местных элит определялось ее значением в конструировании «позитивной этничности» в регионах, которая выражалась в поддержке власти при сохранении собственной культуры и местных традиций³⁰. Во многом благодаря политике «коренизации», большевикам удалось совмес-

---

²⁹ См.: *Лифшиц С.* Рабочие кадры. Сб. действующих законодательств и ведомственных распоряжений о подготовке рабочих кадров и снабжении ими народного хозяйства. – М., 1931. – С. 119–120; *Мельникова Т.С.* Формирование промышленных кадров в Узбекистане. – Ташкент: Узгосиздат, 1956. – С. 77; Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.: Наука, 2003. – С. 160–163.

³⁰ См.: Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. – С. 116.

тить лозунг «права наций на самоопределение» с требованием единства государства. Набор инструментов для достижения поставленной цели был более или менее универсальным. Для создания руководящих и квалифицированных кадров из представителей местных народов предусматривалось широкое привлечение их в систему среднего и высшего образования. Подготовленные специалисты-националы имели преимущество при занятии должности в административном аппарате и в промышленности³¹.

На Северном Кавказе уровень социально-экономического и культурного развития народов не позволил осуществить амбициозные замыслы «коренизации» региональных элит. Относительно успешными кадровые реформы были только в Кабарде и Северной Осетии. К началу 1930-х гг. они затормозились в связи со сменой политических целей власти, требовавшей полной лояльности регионалов³². Однако крупные партийные и советские работники из горцев не рвали связей с родовыми объединениями даже после вступления в ВКП(б). Центр вынужден был закрывать глаза на различные прегрешения преданных горцев, из которых по сути рекрутировалась «новая горская аристократия», неподконтрольная обществу и находящаяся под покровительством Москвы. Консервативно настроенные горные общества противодействовали почти всем начинаниям новой власти, тогда как жители равнин более охотно шли учиться. Подготовленные специалисты из числа горцев, направляемые на работу в горные районы своих республик, часто не пользовались авторитетом у местного населения, что увеличивало социальное напряжение. Не прекращалось и вооруженное сопротивление власти. Руководители-националы зачастую оказывали содействие антисоветским формированиям по убеждению или под страхом расправы.

Трагическую часть истории всех народов СССР составляет коллективизация. В Казахстане, Средней Азии и у ряда народов Сибири она связана с переходом от кочевого к оседлому образу жизни, проведенному насильственно и обернувшемуся гибелью миллионов людей, колоссальным уроном для животноводства, вспышками сопротивления. Урон, нанесенный коллективизацией, был общенациональным, пострадали буквально все народы СССР, в большинстве своем состоявшие из крестьян. В 1930 г. особенно активно сопротивление коллективизации оказывали крестьяне Украины, Центрально-Черноземного района, Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья. 2 млн чел. в 1930–1933 гг. ушли за границу из республик Средней Азии и Казахстана. В период между переписями 1926 и 1937 гг. численность погибших от голода и безвозвратно мигрировавших казахов составила 1 798 тыс. (42 % всей численности казахов республики). По под-

---

³¹ См.: *Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма // *Ab Imperio*. – 2002. – № 2. – С. 43.

³² *Шнайдер В.Г.* Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 – конец 1950-х гг.). Автореф. дисс. ... д. и. н. – Армавир, 2008. – 58 с.

счетом Н.А. Араловец, в СССР с учетом раскулачивания и голода в 1930-е гг. погибло около 15 млн человек. За 1929–1935 гг. вымерло почти 150 млн голов скота, что намного превышало стоимость построенных за эти годы промышленных предприятий³³.

Трагедия совместного выживания объединяла в протесте представителей разных национальностей. Это ярко воплощали судьбы коммунистов-двадцатипятипятисотников, направленных из центральных районов и крупных предприятий на коллективизацию. В начале 1930 г. в Казахстан прибыли 1204 рабочих (914 коммунистов и 87 комсомольцев) из Харькова, Павловского Посада, Орехово-Зуева Московской области и других мест, 800 из которых пожелали трудиться в колхозах. Но лишь 200 прошли 3-месячную практику в совхозах края. Литейщики, строгаальщики, токари и монтеры, слесари, ткачи и строители, не имевшие понятия о казахской культуре и языке, быстро оказались «без вины виноватыми», работали «только для того, чтобы получать взыскания». На прежнем месте рабочие имели зарплату 100–180 руб., теперь новоиспеченные колхозные лидеры получали от 12 до 50 руб. Украинский рабочий Грановский выступил против взяточничества, освобождения богатых от налогов за счет бедноты и привилегированного снабжения продуктами членов бюро райкома партии, «когда рабочие и крестьяне голодают». Он оказался лишен всех средств к существованию и тайком добрался до окружного центра, чтобы просить вернуть его на производство. Бывший коммунист завсберкасой Кусмарцев в 1933 г. обвинил «во всех неполадках, а особенно в части коллективизации» Сталина, «который не настолько гениален, как были другие вожди – Ленин, Троцкий, Рыков, Зиновьев и другие. Политика Сталина довела Казахстан до полного вымирания, не только скота, но и населения, то же самое сейчас происходит в Волжском крае... В Советском Союзе сплошное недоедание». Председатель Корнеевского сельсовета Баянаульского района В. Ничик заявил: «Вот наше правительство до чего довело Казахстан, все казахское население разъехалось, часть вымерла, а многих раскулачили ... разве это верно, в результате от Казахстана остались одни пустые степи». Машинист депо ст. Семипалатинск Шлынчик, получая в сентябре 1933 г. продовольственные карточки, кричал: «Сталин – бандит, ограбил крестьянство, хочет и рабочих ограбить... довольно кабалы, ведется борьба за здоровое молодое поколение, а между прочим последний кусок у ребенка отнимают... Пишут так, а делают иначе... Все это не свобода, а форменное крепостное право, и строить социализм на человеческих костях нельзя и преступно»³⁴.

---

³³ См.: *Араловец Н.А.* Потери населения советского общества в 1930-е годы: проблемы, источники, методы изучения в отечественной историографии // *Отечественная история.* – 1995. – № 1. – С. 135–140; *Российская многонациональная цивилизация.* – М.: Наука, 2003. – С. 164–165. Скорее всего эта цифра включает общую убыль населения, т. е. всех умерших от разных причин, а не только от голода.

³⁴ Под знаменем ленинских идей. – Алма-Ата: Казахстан, 1973. – С. 395; *Гноевых В.П.* Сила братского союза. – Алма-Ата: Казахстан, 1979. – С. 72–73; Центр документации но-

Чрезвычайную роль в судьбе и культуре народов СССР, а также межкультурной интеграции людей сыграли массовые репрессии, высылки и депортации. Власть сознательно и насильственно смешивала культурно отличающиеся этнические группы между собой не для их гражданской консолидации, а в прагматических интересах освоения малонаселенных территорий, «простой» и административно «удобной» переделки общественного устройства, наказания заподозренных в нелояльности и враждебности³⁵. В то же время пространственная сегрегация и прямое заключение в лагеря воздвигали барьеры иного рода между равно незащищенными перед произволом государства людьми. Происходило сближение на основе социального положения, а традиционные ценности сострадания, взаимопомощи, трудолюбия и терпения извращались. Потворство власти худшим свойствам человеческой натуры (социальная зависть, эгоцентризм, доносительство, приспособленчество, мстительность, карьеризм) развращало и уродовало жизненные устои нравственно слабых людей независимо от этничности. Культурная мимикрия приобрела массовый характер и становилась стереотипом поведения. Огромное количество представителей всех народов СССР обрели вполне благополучный жизненный опыт, повышая социальный статус, приобретая возможности для образования и мобильности, улучшая материальное благополучие, быт и досуг, получая возможность реализации гражданского потенциала во всевозможных общественных организациях. Но критерии национальной принадлежности отнюдь не потеряли значения. Власть по-прежнему поддерживала масштабные социально-культурные преобразования для отсталых народов, а национально-государственные образования по всей территории СССР и активная пропаганда связывали этничность с принципами социализма.

Пожалуй, лишь в отношении украинцев и белорусов можно говорить об их реальной консолидации вследствие присоединения к СССР западных территорий Украины и Белоруссии в 1939 г., но и здесь советская власть не ставила перед собой такой цели, руководствуясь геополитическими приоритетами. С середины 1930-х гг. состоялись этнически ориентированные высылки жителей приграничных регионов – финнов-ингерманландцев в 1935 г., поляков и немцев в 1935–1936 гг., курдов, корейцев и армян в 1937–1938 гг., иранцев в 1938 г.³⁶

вейшей истории Восточно-Казахстанской области РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 55, 58–61, 40, 55, 41, 36; Д. 32. Л. 11–12, 50; Д. 27. Л. 36, 55; Ф. 15. Оп. 1. Д. 145. Л. 154; 97, 129, 128, 92–94.

³⁵ См.: *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ: Мемориал, 2001. – 328 с. (далее – *Полян П.М.* Указ соч.); *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2001. – 784 с.; *Аманжолова Д.А.* Из истории землеустройства евреев в СССР // *Cahiers du Monde russe.* – 2004. – Janvier-juin. – № 45 (1–2). – С. 209–239.

³⁶ См.: *Полян П.М.* Указ. соч. – С. 87–93.

Основными регионами переселения стали Европейский Север, Урал, Западная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия. Но из азиатских республик т. н. кулаки и баи выселялись уже на запад – Северный Кавказ и Украину. Однако наибольшее число раскулаченных было на западе – здесь крестьянство (поляки, немцы, украинцы, русские, белорусы) рассматривалось как гораздо более обеспеченное и потому подлежащее репрессиям. За 1930–1932 гг., без учета внутрикраевых переселений, выслали 2,5 млн человек. Голод не остановил вынужденные и принудительные миграции. Население СССР только с осени 1932 по апрель 1933 гг. потеряло 7,7 млн чел.: на Украине – 3,4 млн, по 1 млн – на Северном Кавказе, в Казахстане и Поволжье³⁷. С учетом массовой откочевки голодающих казахов усиленная принудительная миграция в КазССР выступала и как компенсационная мера, в послевоенный период к тому же давая власти повод представлять республику успешной «лабораторией интернационализма».

Наиболее ярко драматические перипетии адаптации народов в новых социально-культурных условиях показывает пример Казахстана. К августу 1930 г. сюда был переселен из Средней Азии 281 кулак из некоренных национальностей, в 1931 г. – 56 тыс. семей из Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев; Центрально-Черноземной, Московской областей, Ленинградского военного округа; Нижегородского края, Башкирии, Татарии. В 1933 г. в трудпоселки прибыли обвиненные в срыве и саботаже хлебозаготовительных и других компаний; горожане, отказывающиеся в связи с паспортизацией выезжать из Москвы и Ленинграда; бежавшие из деревень кулаки, снимаемые с промышленного производства, выселяемые с западных госграниц. В 1935 г. из погранрайонов Ленинградской области было выселено в Казахстан 7637 чел. В 1936 г. прибыли 1426 «баев и бывших активных организаторов восстаний» из Ойротии, из Украины – 15 тыс. хозяйств. Общим для всех был высокий уровень заболеваемости корью, скарлатиной, сыпным и брюшным тифом. В 1940 г. из 5379 спецпереселенцев-осадников (99,7 % численности) 79,6 % составили поляки, 13 – украинцы, 7,4 – белорусы. Накануне войны были депортированы около 33 тыс. членов семей «активных молдавских контрреволюционеров», трудпоселенцы из Карело-Финской ССР³⁸.

В целом перемещение спецпереселенцев в Казахстан, Среднюю Азию, Сибирь, на северные территории, Северный Кавказ с 1932 по 1938 гг. постоянно прирастало, чаще всего репрессированные направлялись в Казахстан и Среднюю Азию. В Сибирь попало значительное число украинских кулаков. Колонизация с карательной окраской повлекла вынужденные ми-

---

³⁷ См.: там же. – С. 76–78.

³⁸ См.: *Жангуттин Б.О.* Формирование славянского населения в Казахстане (численность, миграционный процесс в конце XIX – XX вв.). Автореф. дисс. ... д. и. н. Алматы, 2010. – С. 17–23 (далее – *Жангуттин Б.О.* Указ. соч.).

грации местного населения (русских старожилов и этнических меньшинств) северных территорий³⁹. Одновременно происходили и трудовые миграции. Так, в 1940 г. в Казахстан прибыло из Украины 6 826 хозяйств, Белоруссии – 216, Татарской АССР – 910, Чувашской – 937, Мордовской – 766, из Воронежской области – 1 223, Курской – 1 002, Тамбовской – 318, Рязанской – 755, других – 351. Мигранты имели в основном специальности, нужные республике: комбайнеры, механики по комбайнам, трактористы, слесари, счетные работники, бригадиры и т. д.⁴⁰

Масштабное лишение избирательных прав не имело целью сознательно дискриминировать какие-либо отдельные нацменьшинства. Не носила характер этнических дискриминаций или ограничений и служба в частях тылоополченцев⁴¹. Стереотипное представление о направленности всех сталинских репрессий против отдельных этнических групп не подтверждается статистикой. В не меньшей степени подвергались репрессиям русские и белорусы. В составе заключенных в сравнении с данными по населению страны отдельные этнические группы составляли: русские – 60,3/58,0 %, украинцы – 16,8/16,3, белорусы – 4,8/3,0, узбеки – 3,5/2,8, евреи – 1,5/1,7, грузины – 0,5/1,2, армяне – 0,6/1,2 %. Доля других групп была меньше 0,5 %⁴². Большой террор 1937–1938 гг. велся прежде всего против партийно-государственной элиты и других категорий номенклатуры, в т. ч. национальной, репрессии носили открыто политическую мотивацию. Внутри социальных групп межэтнические отношения выстраивались по-разному. Бюрократия становилась все более космополитичной. Наряду с множеством действительно сложных и острых задач социально-экономического, политико-правового и культурного характера, которые приходилось решать призванным в ряды управленцев, мало предсказуемая ситуация требовала тщательного анализа быстро меняющейся конъюнктуры, умения гибко и оперативно перестраиваться на ходу, в т. ч. в отношениях с коллегами, рисковавшими потерять должность и чин или, наоборот, резко подняться по ступеням власти. Ради сохранения должности и жизни чиновники и общественные активисты должны были научиться точно улавливать малейшие нюансы в сигналах сверху, угадывать перемены в расстановке акцентов и интонаций очередных директив, своевременно и лексически верно составлять отчеты и доклады, добиваться любыми средствами требуемых показателей. Искренне настроенные на позитивный ре-

---

³⁹ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.). – Новосибирск: НГУ, 1998. – С. 47–53 (далее – Красильников С.А. Указ. соч.).

⁴⁰ См.: Жангуттин Б.О. Указ. соч. – С. 17–23.

⁴¹ Из числа «лишенцев» призывного возраста в 1930–1937 гг. См.: Красильников С.А. Указ. соч. – С. 14, 24, 69.

⁴² В числителе – доля данной этнической группы в составе заключенных, в знаменателе – в общесоюзной численности населения. См.: Красильников С.А. Указ. соч. – С. 69.

зультат и улучшение качества жизни людей работники первыми попадали в число «проваливших» то или иное дело.

Полиэтническая сложность состава новой элиты обусловила ментальные, культурно-психологические, поведенческие, межличностные и корпоративные противоречия в ее деятельности на всех этажах власти. Масштабные акции по «коренизации» становились во многом декоративными. Маргинальные группы выдвиженцев «из народа» консолидировались в бюрократическое сословие, крепко связанное взаимной зависимостью, скороспелым и поверхностным образованием, стремлением сохранить и приумножить социальные привилегии, страхом и незащищенностью перед возможным в любой момент падением с достигнутой ступени в иерархии созданного Советским государством острова престижного потребления в океан бесправия и полуголодной жизни.

Особое внимание уделялось идеологической подготовке кадров через коммунистические вузы, обучавшие в начале 1930-х гг. 6,5 тыс. чел. Практика направления «ударных отрядов» из числа проверенных большевиков европейской части страны для очередных «боев» за социализм в национальных регионах оправдывалась далеко не всегда. Необязательной была и успешная карьера после возвращения из такой командировки. Погружение в подвижный и мозаичный этнополитический и социокультурный ландшафт, запутанный хитросплетениями, ошибками или некомпетентностью местных работников, в языковой барьер⁴³, как и в проблемы адаптации к непривычным природно-климатическим, бытовым условиям жизни ставили порой стремившихся наладить дело и помочь националам «европейцев» в очень тяжелое положение.

По решению Секретариата ЦК ВКП(б) от 11 мая 1930 г. система комвузов получила еще большую иерархичность и организованность: специальные отделения должны были готовить партийных, советских работников до уровня работы в крупных сельсоветах, пропагандистов из преподавателей средних совпартшкол, организаторов образования. Широко внедрялось заочное и вечернее обучение. В 1930 г. были созданы двухгодичные Центральные курсы при КУТВ для переподготовки «националов для руководящей партийной работы в национальных областях». Выпускники обязывались вернуться на прежние места. Узбекистану выделили 25 мест, Казахстану и Туркмении – по 20, Киргизии и Башкирии – по 15, остальным автономиям, имевшим тюркское население, – от 3 до 10 мест. Наряду с сетью Институтов красной профессуры в 1930 г., были созданы аналогичные вузы: историко-партийный, мирового хозяйства и мировой политики, философии; советского строительства и права; литературы, искусства и язы-

---

⁴³ Осенью 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) вменило в обязанность руководящих партийных и советских работников изучение языка соответствующей союзной или автономной республики. См.: ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 563.

ка; аграрный и экономический⁴⁴. Они работали до 1938 г. и, несмотря на тотальную идеологизацию общественного сознания и социальной практики, не только обеспечивали всеохватный контроль над расстановкой кадров на ключевых направлениях, но и заложили почву для создания национальной научной и творческой интеллигенции в союзных и автономных республиках.

С началом коллективизации резко усилилась борьба против всех конфессий. Религия как пережиток старого мира, православные священники, муллы, шейхи, ламы и шаманы представлялись дармоедами, которые обирают народ, подлежащими уничтожению их «как класса». В этом же контексте противопоставлялись религиозная школа и новая, светская. Имела место общность политики по отношению ко всем конфессиям⁴⁵.

Становление советской социально-политической системы сопровождалось глубокой трансформацией форм и способов гражданской активности широких слоев общества. Для народных масс важным инструментом снижения ценности и значимости этнокультурных стандартов поведения, социальной мобильности было устройство общественных организаций по административно-территориальному принципу, интернациональных по составу и престижных в новой иерархии общественного устройства. Оно также помогало власти «чистить» кадры, а карьеристам обеспечивать быстрый рост. Сложилась прочная традиция «не справившихся» партийных руководителей направлять в советские и общественные организации, сохраняя на каждом уровне баланс этнического представительства.

Разнообразие общественных сетей и их масштабы служили полем реализации коллективных и индивидуальных гражданских и культурных потребностей людей. В то же время они играли важную роль в контроле производственной дисциплины, статусной иерархии, направлении амбиций граждан в подчиненное общим целям бюрократическое пространство. Коренное население привлекалось освобождением от уплаты взносов или паев, рассрочками и т. п. Но реальные затраты людей на социально-культурные нужды не росли. Националы-профработники увлекались темпами «этнизации» без связи с интересами людей и положением дела. И в то же самое время выдвиженцы-националы стремились не возвращаться в родные деревни и аулы, проявляя «необычайно большую потребность к получению политического и общего развития. Они стремятся в город ... Это явление большое ...». Национальные активисты неохотно шли на профсо-

---

⁴⁴ КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока. См.: *Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. – М.: ГУ МДН, 2008. – С. 751–756.

⁴⁵ Именно в это время появляется серия специальных плакатов, изощренно и жестоко утверждавших ненависть к духовности народов, с использованием уже не традиционной символики, а новых образов. См.: *Бобровников В.О.* Безбожники рисуют ислам: советская (анти) религиозная пропаганда в комментариях востоковеда // URL: <http://www.polit.ru/lectures/2009/05/07/bobrovnikov.html>

юзную стезю из-за неавторитетности и непопулярности профсоюзов. Слабость национальных парторганизаций в деревне зачастую превращала комсомольцев в невольных лидеров политической и социальной жизни. Одну из трудных проблем составляли межэтнические коллизии. Колонизаторское прошлое оборачивалось бумерангом против русскоязычного населения⁴⁶. Многоженство, калым, знахарство сохранялись (в северокавказских республиках, Ойротии и Калмыкии, Казахстане и Средней Азии), зато в единственной избе-читальне при Чингиставском райисполкоме Семипалатинской области были лишь сломанный стул, куча старых газет да мусор. Дети бедноты не учились – школы были далеко, но собранные самообложением 25 тыс. руб. не были использованы. В Коми-Пермяцком округе в год 15-летия его создания (1940 г.) школы, в т. ч. в Кудымкаре, располагались «каждая в 3–6 приспособленных крестьянских избах, находящихся в крайне ветхом состоянии и не отвечающих минимальным требованиям...»⁴⁷

Меры стимулирования общественной активности были стандартными: ударные кампании и смотры на лучшие ячейки, премии для коллективов и моральные поощрения, газетная и настенная пропаганда и агитация, самодеятельность, исключение из организации и лишение участия в коллективных мероприятиях, общественное осуждение пассивности и индивидуализма. Латентная напряженность выплескивалась в межэтнических конфликтах, порожденных дискомфортом маргинализированных масс, не овладевших должными навыками социализации, прежде всего в производственном коллективе. Вопиющие факты ксенофобии, замешанной на социальной вражде и мести, нередко перечеркивали масштабные перемены в качестве жизни⁴⁸. Многие политические, экономические, образовательные, культурные и прочие проекты, которые разрабатывались и одобрялись в Москве, не носили специально колониального характера, но в этнокультурном контексте могли применяться или рассматриваться разными социальными акторами как инструменты подавления и управления со стороны государства.

---

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 262. Л. 97; Д. 152. Л. 89, 92–93; Д. 157. Л. 19, 23–26 об.; Лицом к нацокраинам. Стенограммы национального совещания при ЦК РЛКСМ. – М. – Л.: Молодая гвардия, 1925. – С. 3–6, 35–36; ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 9. Д. 114. Л. 11, 31–34, 36–41, 44.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 12. Д. 248. Л. 66–71; *Голощекин Ф.И.* На пороге второй пятилетки. Речь на V пленуме Казкрайкома ВКП(б) 16 декабря 1932 г. – Алма-Ата–М.: Партиздат, 1933. – С. 17, 20–21; На пороге второй пятилетки. Рапорт комсомола Актюбинской области. – Актюбинск, 1932; Прииртышская правда. – 1929. – 26 января, 8,9 февраля, 15,17, 20, 26 марта; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 531.

⁴⁸ Особенно остро межэтнические противоречия выразились в ожесточенном столкновении русских и казахов на строительстве Турксиба в Сергиополе. Подробнее см.: *Пэйн М.* «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского первого пятилетнего плана // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 273–308.

При сохранении языкового барьера между активом и массой демократические процедуры были часто формальностью, среди активистов встречалось групповое пьянство, склоки, хулиганство, безответственность. Социальная инфраструктура не отвечала потребностям стремительно растущего рабочего класса. Рыночные цены на продукты в бюджете рабочих и служащих отнимали до 35 % средств, но их удельный вес в потребкооперации составлял лишь около 17 %. Жилплощадь на одного работника крупнейших предприятий КазАССР была от 2,58 до 3,62 кв. м (Карсакай, Джезказган, Байконур). В Дагестане в 1934 г. от 12 до 42 % рабочих имели жилплощадь, коренные народы представляли 33,6 % всех рабочих, сильной была их текучесть. Ковровщицы-кустарницы получали 356 руб., что не позволяло восстановить отрасль до довоенного уровня. Слабо были развиты сдельная работа и техническое нормирование, премии. В коллективных договорах главные нарушения касались охраны труда, снабжения спецодеждой, приема и увольнения рабочих, организации ученичества⁴⁹. Но растущая индустриальная культура, новые социальные стимулы и критерии постепенно укрепляли и расширяли свое влияние.

Борьба за доступ к административному ресурсу была важнейшей частью усилий по отстаиванию реальных и символических атрибутов верховенства этносоциальных институтов самоуправления, через которые велась конкуренция за обладание должностным и чиновным статусом, подразумевавшим целую систему преимуществ и предпочтительных позиций в советской общественной системе. В итоге давали о себе знать давние клановые зависимости и связи, субъективное распределение ресурсов и т. п., что в значительной степени подрывало доверие местного населения к новой власти. Русские управленцы не могли всерьез влиять на внутриэтнические противоречия, не рискуя, к примеру, выезжать из Грозного в горные районы Чечено-Ингушетии вплоть до конца 1930-х гг.⁵⁰

Советская модернизация эмансипировала женщину, она превращалась в непосредственную производительную силу и значимый фактор гражданской жизни через различные, в т. ч. чисто женские, общественные организации. Публичный характер трудового коллектива стимулировал общественную активность женщин, стремившихся доказать свою успешность как гражданки, супруги и матери. Однако в 1928 г. женщины-казашки работали в среднем в год 154 дня А мужчины – 97, причем 33 дня из них тратили на поездки по базарам, ярмаркам, учреждениям и собраниям. Женщины на те же занятия тратили 1 день в год⁵¹. Их зарплата была повсеместно ниже, чем у мужчин, женский труд использовался на производстве мало, что считалось недостатком, полностью отсутствовала спе-

⁴⁹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 116–117; ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 13. Д. 118. Л. 26–30, 38, 40.

⁵⁰ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 471–477.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 21. Д. 685. Л. 87.

циализация на производстве. В Узбекистане в 1934 г. суды зафиксировали 47 случаев калыма, 54 – истязаний, 12 – женитьбы на малолетних, 92 активных выступления против раскрепощения женщин. Преступления в отношении женщин как «пережитки родового быта» в 1935 г. обнаружили «прямую тенденцию роста по ряду национальных республик и областей», причем совершали их и руководители местных органов власти, коммунисты и комсомольцы⁵². Профессиональная подготовка женских кадров только начиналась. Но охрана материнства и детства стала в СССР системной и эффективной, хотя число специальных учреждений в 1930-е гг. было явно недостаточным. Так, в Калмыкии в 1916 г. было 6 больниц на 39 коек, расходы на здравоохранение на душу населения составляли 32 коп. Массовыми были инфекционные заболевания. В 1940 г. в АССР работали 29 больниц с 590 койками, 47 амбулаторий, 66 фельдшерских пунктов, 12 поликлиник, 45 диспансеров и пунктов по борьбе с инфекциями, 18 роддомов и 16 акушерских пунктов. Расходы на здравоохранение составили 45 руб. на душу населения. Советская практика включала в себя и широкую программу нововведений в быту, праздничной культуре, досуге. Многие из них для народов СССР имели революционный характер. В той же Калмыкии работали 104 избы-читальни, 105 клубов, 44 библиотеки, 11 домов культуры, драмтеатр, национальный ансамбль песни и пляски, кинотеатр в Элисте и более 100 киноустановок по районам⁵³.

Доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни человека, наряду с отчуждением от результатов труда, обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности и лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды и здоровья и т. д. В рамках советской этносоциальной политики, которая поощряла сохранение национальной самобытности и ставила задачу воспитания чувства солидарности в советском народе, в национальное общественное сознание довольно успешно были вмонтированы ключевые идентификации нового социального порядка, подразумевавшие прогресс собственно этнокультуры. Улучшение средств коммуникации, социальная мобильность населения укрепляли общегражданское единство народов СССР.

В конце 1930-х гг. в паспорте была введена графа «национальность» и проведена перепись населения, основанная на новых подходах. Число национальностей с учетом ускоренной аккультурации и стремления к искусственно упорядоченной структуре сократилось до 120⁵⁴. Иерархия народов, по Сталину (нации, национальные группы и народности) была увя-

⁵² 17 апреля 1936 г. Президиум ЦИК СССР принял постановление «О мерах усиления борьбы с преступлениями против советских законов, ограждающих права женщин советского Востока» // ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 149–156, 158–164.

⁵³ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 535–537.

⁵⁴ См.: *Радио Ж.* Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897–1939 гг.) // *Ab imperio.* – 2002. – № 4. – С. 177–206.

зана с административно-территориальной организацией СССР и отражала нацеленность власти на ясность и недвусмысленность управляемой и стабильной общественной структуры, включавшей не только классы трудящихся и интеллигентскую прослойку, но и отчетливо выраженные этнокультурные критерии. В то же время исторически сложившаяся этнокультурная мозаика диктовала свои особенности. Во взаимоотношениях социальных и этнических общностей и групп внутри и между собой, а также их лидеров маркеры культурных дистанций получали разное воплощение: от интуитивного следования архетипам компромиссного и/или конфликтного взаимодействия и со «своими», и с «чужими» до рациональных, прагматичных и оперативных комбинаций партнерства и противоборства с ними же. Сохранялась многослойность идентичности, и у большинства населения постепенно формировалась новая система ценностей, трудовой мотивации, социальных установок. В то же время патерналистский тип ментальности этнической культуры вполне соответствовал доктринальным установкам государства.

Безусловный прогресс в обеспечении массовой грамотности, создании кадров специалистов для управления ведущими отраслями экономики и социальной сферы из представителей титульных национальностей имели принципиальные последствия для дальнейшего роста качественных показателей народов СССР, создания условий к их дальнейшему развитию. Но нивелирование этнокультурной самобытности, заложенное в основу советской социальной политики, деформировало систему социально-психологических ориентиров, выстраивало модели поведения и картину мира, идеологически и политически адекватные авторитарной парадигме переустройства мира и человека в сталинском СССР.

Подготовленные специалисты в национальных республиках имели преимущество при занятии должности в административном аппарате и в промышленности, но крайний дефицит педагогических кадров обусловил перекос, сохранявшийся почти весь советский период. У многих народов, не имевших достаточной по численности интеллигенции, надолго стали преобладать специалисты гуманитарного профиля⁵⁵. Трудности своевременной подготовки научно-технических кадров в условиях форсированной индустриализации оправдывали направление русскоязычных, и прежде всего русских, специалистов в промышленность, проектно-конструкторские и т. п. учреждения национальных регионов. Повышение квалификации или мобилизация кадров не означали их устойчивое закрепление на местах. Так, если до кампании по мобилизации секретари райкомов партии получали 160 руб. в месяц, то после нее – 75, и многие стремились вернуться в города к прежней работе и уровню жизни. Решающую роль играли плохие материальные и бытовые условия, стремление властей

---

⁵⁵ См.: *Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма // *Ab imperio*. – 2002. – № 2. – С. 43.

обеспечить кадрами самые слабые области управления. Численность интеллигенции в Казахстане с 1926 по 1939 гг. выросла в 8 раз. Но в 1933 г. в 70 районах республики, где коренное население составляло более 90 %, один врач обслуживал 38 тыс. жителей. Между тем здесь проживало 52,8 % населения и 83 % казахов республики. В 1939 г. 75 % специалистов колхозов не имели профессиональной подготовки. В Коми-Пермяцком округе в 1940 г. не было роддома, обеспеченность жилплощадью составляла от 1,7 до 1,3 кв. м, причем 57 % общей площади находилось в частном владении, и значительное число агрономов, врачей и других специалистов оставляли работу из-за отсутствия жилья или размещались в служебных помещениях. В Калмыкии высокая текучесть номенклатурных и высококвалифицированных кадров объяснялась отсутствием жилплощади (в Элисте 2,3 кв. м на человека, в улусах значительно меньше). В Дагестане из 66 больниц лишь 2 имели лаборатории, из 48 сельских только 8 – специальные здания. От 35 до 65 % населения плоскостных районов были заражены малярией⁵⁶.

Являясь с формальной точки зрения отдельной самостоятельной общностью, обладавшей собственной государственностью, в то же время народы СССР представляли собой неотъемлемую часть общесоветской культурно-политической общности. Это проявлялось в т. ч. в совмещении интернационалистских социальных технологий (националы-передовики от производства, литературы и искусства, декады творчества народов, мощная по воздействию фильмография, СМИ, социальная реклама и др.) с тяжелой обыденностью. Многообразная действительность модифицировала и адаптировала общую схему, изменяя первоначальный замысел. Да и т. н. центр постепенно подстраивался к местам, проявляя разную степень гибкости в принимаемых решениях и особенно – в конкретной практике органов управления. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий нередко вполне успешно вписывались в советскую систему или, наоборот, также успешно обходили ее, сохраняя за собой многовековым опытом закреплённые функции и общественную ценность. Складывание реальной метаэтнической советской общности, со всеми проявлениями стандартизации и гомогенизации общества, отнюдь не привело к исчезновению традиционной культуры. Происходило пересечение и наложение разных культурных (в т. ч. политико-правовых), психологических, поведенческих, бытовых практик. Неоднозначность внутриаэтнических

---

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 593. Л. 16–19; Д. 668. Л. 61–63; Народное хозяйство Казахстана. – 1930. – № 3–4. – С. 17, 19; № 5–6. – С. 41; *Абжанов Х.М.* Сельская интеллигенция Казахстана в условиях совершенствования социализма. – Алма-Ата: Наука, 1988. – С. 39; *Партийная жизнь Казахстана.* – 1990. – № 10. – С. 77; Изменения социальной структуры советского общества (1921 – середина 30-х годов). – М.: Мысль, 1979. – С. 295; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 530–532, 539, 118–119. 25 июня 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение СНК СССР о выделении 700 тыс. руб. на коммунальное и культурное строительство ДАССР в связи с 15-летием ее создания. В Коми-Пермяцкий округ по тому же поводу было выделено 50 тыс. руб. на проведение юбилея.

и межэтнических процессов, продиктованных не только внешними факторами, а целым комплексом сложных и переплетавшихся стратегий и тактик – политических, социальных, психологических, этнокультурных, индивидуальных, – сопровождала всю историю народов советской Евразии.

§ 3. Местное самоуправление и социально-культурная модернизация национальных меньшинств

Весь комплекс проводившихся государством мер в отношении коренных малочисленных народов обеспечил их мощный культурный прогресс. Программа модернизации нацменьшинств реализовалась в контексте общих преобразований в стране и предполагала дальнейшее сокращение реальных рычагов самоуправления и самодеятельности сверху донизу. Национальные Советы представлялись хорошим способом совмещения инициативы граждан и основополагающих принципов формирования новой системы политического и административно-территориального устройства. В них должны были наиболее зримо воплощаться принципы социальной справедливости, реального участия «простого» человека во всех сферах общественной жизни – экономике, управлении, культуре и т. д., а также преимущества этнополитического равенства «больших» и «малых» народов. Грандиозный замысел требовал ювелирного мастерства от его исполнителей – и в центре, и особенно на местах. Однако создавать советы приходилось, на ходу рассчитывая и подправляя лекала, втискивая в наспех скроенный советский костюм крайне мозаичное и «непослушное» этносоциальное полотно. Ошибки и многочисленные перекройки были неизбежны.

Новое Положение о сельсоветах 1929 г. положило конец исключениям в законодательстве союзных республик, когда сельсоветы нередко создавались при наличии меньшего, чем устанавливал союзный закон, числа представителей меньшинств (менее 300). ЦИКам республик предоставлялось право понижать установленные нормы организации Советов для нацменьшинств, что вело к росту их числа⁵⁷. При ЦИКах автономных республик и краевых, областных исполкомах РСФСР вместо уполномоченных создавались комиссии из представителей наиболее крупных меньшинств, а также краевые (областные) отделы. В автономиях формировались наркоматы по делам нацменьшинств во главе с членами президиумов ЦИКов, освобожденными от других обязанностей⁵⁸. Проходившая до 1930 г. заме-

⁵⁷ В 1929 г. новые национальные советы были созданы в Приволжском районе, Смоленской губернии, Черноморском и Мурманском округах, в Белоруссии и Узбекистане. См.: Аликари. Отчетная кампания советов // Советское строительство. – 1929. – № 2. – С. 111.

⁵⁸ Планировалось перевести на родные языки делопроизводство в особых административно-территориальных единицах для меньшинств, а сами эти единицы закончить выде-

на национальных сельсоветов на туземные была связана с коллективизацией и стремлением повысить управляемость местами за счет расширения сети административных аппаратов, которые своим составом должны были также олицетворять и реализацию основных принципов этнополитики. Внутренняя консолидация через распространение образования, медицины, социальных институтов сопровождалась ростом межэтнических контактов вследствие интенсивных миграций, изменения административных барьеров, расширения русскоязычной среды.

Для малочисленных народов Комитет Севера еще с 1925 г. приступил к созданию т. н. культурных баз – комплексных учреждений в малодоступных районах на путях кочевья и в других местах, где концентрировалось местное население, для «культурного подъема, развития самостоятельности, выработки основ национального самоопределения и вовлечения туземных племен в совстроительство, а также оказания немедленной экономической и культурной помощи туземцам»⁵⁹. К 1934 г. на огромной территории от Печоры до Берингова пролива и от Хатанги до Сахалина было 18 баз. Они включали школу-интернат с учебными мастерскими, медпункт (амбулатория, больница, аптека, баня, прачечная и дезокамера), Дом народов Севера (общезитие, кухня, столовая, помещение для клубной работы, кино, радио и проекционный фонарь, зал со сценой для театральных постановок и вечеров самостоятельности). В школах 1-й ступени постепенно обучение переводилось на русский язык; в школах 2-й ступени, наряду с общим образованием для детей до 14 лет, готовили учителей, врачей, кооператоров и т. д. На культбазе работали также ветпункт, зоотехнический и агрономический пункты с лабораториями, теплицами и участками для сельхозработ, передвижные культпросветучреждения. В 1933/34 уч. г. на Севере было 338 начальных и смешанных школ, 113 медицинских учреждений, в т. ч. 53 больницы, почти втрое увеличилось их ассигнование⁶⁰.

лять в 1930 г. Подчеркивалась важность обеспечения нормальных условий для всестороннего развития русского и украинского населения, составлявшего меньшинство в автономиях. См.: *Акимов И.* Сельские советы национальных меньшинств // Советское строительство. – 1929. – № 12. – С. 94–96; ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 1–5.

⁵⁹ См.: *Скачко А.* Советская работа среди малых народностей на Дальнем Востоке // Советское строительство. – 1930. – № 1. – С. 116–117. В то же время высказывались сомнения, что подобная «охрана туземцев от денационализирующего влияния города – принцип чрезвычайно опасный, т. к. означает самозамыкание туземцев (хозяйственное и культурное), создание для них искусственной, изолированной от внешнего мира «среды» (своего рода «заповедника»). Спрашивается, – звучал далее вопрос, – не произойдет ли под флагом охраны «национальности» отсталых туземных племен от «денационализирующего влияния городов» «охрана» отсталого туземного хозяйства и отсталых социальных отношений от «разлагающего» влияния более высокого хозяйственного строя городов?». См.: *И.С.* Нацменьшинства Дальневосточной области // Власть Советов. 1926. – № 37. – С. 9.

⁶⁰ *И.С.* Нацменьшинства Дальневосточной области // Власть Советов. 1926. – № 37. – С. 9; ГА РФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 144. Л. 88–90, 95–98, 100–103.

Советское строительство предполагало активное регулирование и защиту прав коренного населения в хозяйственной сфере. Президиум ВЦИК начал разработку Положения о землеустройстве населенных северными народностями территорий, наметил мероприятия по укреплению и развитию кооперации и оказанию финансовой и материальной помощи в создании коллективных форм хозяйствования, укреплении оленеводства и охотничьего промысла. В феврале 1930 г. ВЦИК утвердил Положение об охотничьем хозяйстве⁶¹.

Но в организации национального районирования и землеустройства малых народов одна из главных проблем была в «глухой национальной вражде» между туземцами и русским старожильческим населением, а также переселенцами⁶². Повсеместно административно-территориальные границы «разрезали» традиционные культурные и хозяйственные ареалы меньшинств. Долгое время сохранялась элементарная неграмотность депутатов по поводу обязанностей, полномочий, принципов организации самоуправления. Ассоциации с дореволюционными структурами приводили к ограничению круга задач сбором налогов, тогда как хозяйственные, административные и культурные проблемы не брались во внимание. Особенно сложно было «советизировать» занимавшиеся собирательством и охотой и разбросанные на просторах тайги и тундры малочисленные группы. Традиционно установленные сроки и места встреч каждого рода по-прежнему служили основой для ежегодных общих собраний или заседаний родовых советов. Вышестоящие советские органы и торговые организации приспособлялись к этому неизменному графику, а основную часть жизни члены совета, как и все население, кочевали в одиночку, практически не встречаясь. Многие советы существовали номинально, а основная их часть «держалась исключительно на работе одних председателей». Это не отменяло общение на годовых собраниях, обмен информацией, обсуждение предложений, особое внимание к тому, что говорит «начальник из большого исполкома»⁶³.

Закрепление определенной территории в пользование каждого рода и управление туземного совета существенно повысили заинтересованность населения в создании советов, регулировании переселения в их владения, распределении угодий и т. д. Туземные собрания и съезды получили право избирать ревкомиссии к советам для контроля их финансовой деятельности, назначать туземных исполнителей. Если в первые годы советской власти туземные советы занимались распределением кредитов, сбором задолженностей и ходатайствами о снабжении в Центр, то теперь нередко

---

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 44. Д. 73. Л. 69, 367, 267–268; Ф. 3977. Оп. 1. Д. 144. Л. 43. См. также: *Завалишин А.Ю.* Об истоках современных проблем народов Сибири и Дальнего Востока // *История СССР.* – 1991. – № 3. – С. 60–61.

⁶² ГА РФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 275. Л. 2–4, 16, 17, 30; Д. 341. Л. 7–11, 13–16.

⁶³ См.: Туземные советы на севере // *Советское строительство.* – 1929. – № 9. – С. 107.

они контролировали и выполняли функции кооперативов, хлебозапасных магазинов, обществ взаимопомощи, отраслевых объединений. В Северном крае при ненецких тундровых советах по их инициативе были созданы туземные общества взаимопомощи – ТОВ, которые под контролем и при поддержке советов иногда вели операции, получая до 10 тыс. руб. На Дальнем Востоке большинство ТОВов имели опытные участки, в Сибири – почти все школы. Вовлечение в общехозяйственные связи, уменьшение возможностей для традиционных занятий стимулировали развитие новых видов деятельности. Гольды (так тогда называли нанайцев) Амура и «лесные люди» удэге, туземцы Тобольского Севера на собраниях и советах принимали решения: «Наше хозяйство пропадает, зверя становится мало, оленей нет, хотим завозить скот и обрабатывать огороды. Пришлите нам плуг и человека, который бы поучил нас работать на земле». Все тузрики⁶⁴ имели бюджет и определенный персонал, но отсутствие поступлений от населения, освобожденного от всяких сборов и налогов, незначительное финансирование и невнимание вышестоящих структур делали их работу малозаметной. Во многих регионах туземные советы, в отличие от русских и созданных в автономиях для титульных народов, не получали средств для оплаты труда председателей и секретарей.

Руководство тундровыми советами велось традиционно – «постановкой докладов» и соответствующими решениями. На места районные чиновники из-за недостатка средств отправлялись, как правило, раз в год для подготовки отчетных докладов. Население не могло приехать в совет: «негде остановиться – нет помещения для приезжих». Тем не менее, тундровые советы стали проводить по 3–4 общих собрания в год с посещаемостью до 35–40 чел. Общее собрание малоземельских ненцев 23 мая 1929 г. решило: «Считать женщину равноправной. Мы, ненцы, обязаны жен и дочерей посылать на сходы, выбирать в советские учреждения ... Ходатайствовать перед риком об издании обязательного постановления, запрещающего старые обычаи: продажу невест, насильственную выдачу замуж». В то же время сохранялись предубеждения против всевозможных социальных новаций. На съездах ненцев звучали заявления: «Нам не нужна медицина – люди помирали без доктора и с докторами будут помирать»; «нам... школы не нужно, мы не дадим детей наших, пусть караулят оленей, промышленяют»; «выучатся в школе, уйдут из тундры, только и видел»; «артелью жить плохо; когда не хочу – надо ехать на лодке промышленять»; «страховать оленей не буду, все равно денег не дадут, если олени падут»; «не надо: нынче страховка – завтра налог». Им возражали сторонники модернизации: «Доктора надо, только возить в больницу вовремя»; «пусть ребята учатся – спасибо. А вы ... жалеете давать, баб своих боитесь»; «глупый и неграмотный уйдет, а умный и грамотный не уйдет»; «надо страховать

---

⁶⁴ Тузрик – туземный райисполком.

олений, у нас олени когда-то пали, так весь век гнули спину на богатых, а теперь государство поможет»; «прививку редко, а страховку каждый год можно на всех оленей».

Социальная инфраструктура развивалась за счет бюджетных средств. В округе работали 6 школ-интернатов на 215 чел. (30 % девочки), в летнее время они кочевали вместе с населением. Но лишь 31,5 % детей ненцев ходили в школы. Школ повышенного типа для ненцев не было, в русских семилетках училось несколько человек. На подготовительном отделении для ненцев при Архангельском педтехникуме занималось 18 чел., в т. ч. 3 девушки. В округе были открыты два красных чума и два «дома самоеда», но общежитий не было, среди кочевого населения ликбез практически не проводился. Специальные здания были отведены для двух стационарных врачебных пунктов, на островах работали 4 фельдшерско-акушерских пункта. В 1930 г. в округе был введен институт тундровых судебных исполнителей, однако постановления туземных районных властей и судов не распространялись на некоренное население. На съезде в связи с этим заявлено: «Если русские и ижемцы только смеются над постановлениями наших советов, то какой же это закон!». Между тем большинство гражданских и уголовных конфликтов имели межэтнический характер. Создание отдельного округа рассматривалось как способ расширения полномочий национальных органов власти на местах⁶⁵.

В Сибирском крае, где меньшинства объединяли 23,7 % населения, кроме Ойротской области и Хакасского округа, имелись 7 национальных районов и 277 национальных сельсоветов, в т. ч. 95 украинских, 38 белорусских, 8 эстонских, 3 латышских, 31 татарский, 31 казахский, 35 немецких. Несмотря на то, что краевое начальство создало Совет нацменьшинств, из 19 округов уполномоченных имели 12, в т. ч. из представителей самих меньшинств – 3. Считалось упущением, что русский по происхождению уполномоченный назначен в Славгородском округе с большинством украинского населения. Приоритет формальных показателей, служивших критерием успешности государственного курса и залогом карьерного благополучия местных руководителей, заставлял симулировать всяческую активность и навязывать этнические критерии организации там, где на первое место естественным образом выходили кооперация труда, образовательный потенциал, лидерские качества. Так, неправильный взгляд на национальную политику проверяющие установили в использовании русского языка в судопроизводстве при судоговорении на национальных языках⁶⁶.

В 1934 г. в РСФСР было 6 немецких районов и АССР немцев Поволжья. Всего в Западно-Сибирском крае проживало около 80 тыс. немцев и

---

⁶⁵ Скачко А. Ненецкий (самоедский) округ // Власть Советов. – 1930. – № 3. – С. 16–18; – № 4. – С. 20–21.

⁶⁶ Михайлидис В. Обслуживание национальных меньшинств в Сибирском крае // Советское строительство. – 1929. – № 6. – С. 95–100.

было еще 47 немецких сельсоветов. Достижения и проблемы их развития были достаточно общими. К примеру, Немецкий район Западной Сибири объединял 17 сельсоветов с 17 тыс. населения. В районе работала МТС с техникой на 1 200 лошадиных сил, 14 сельсоветов имели телефоны, тиражом в 1 200 экземпляров выходила районная газета «Rote Fane» («Красное знамя»). В декабре 1934 г., несмотря на организованную и дисциплинированную работу, в колхозе им. Сталина Красинского сельсовета фиксировалась гибель до 30 % недоношенных жеребят. Задолженность сельхозартелей района Сельхозбанку на 1 апреля 1935 г. составила более 500 тыс. руб., убыль крупного рогатого скота с 1931 г. – 120 коров, 2 273 лошади; обобщественное стадо сократилось на 148 коров и 146 телят⁶⁷.

Развитие социальной инфраструктуры тоже было неустойчивым. В районе имелись 2 неполных средних школы, 3 трехкомплектные, 17 двух- и 1 однокомплектная. При 15 школах работали интернаты на 300 детей. Начальные школы охватывали 92 % детей, но посещаемость по некоторым школам составляла 30 %. Из 83 учителей 20 имели образование 4–5 классов, 20 – 6 классов. В некоторых школах учебников не было вовсе. В районе имелись также 10 изб-читален, 36 красных уголков, кадры для которых готовились на 13-дневных курсах. Остро не хватало книг и другой литературы. Из 798 неграмотных к учебе в пунктах ликбеза привлекли 333, из 928 малограмотных – 188. Население обслуживали 2 больницы с 26 койками, 2 амбулатории и 1 фельдшерский пункт, в них работали 3 врача и 12 специалистов среднего звена. До 30 % населения, особенно дети, в некоторых школах до 80 %, страдали трахомой. В колхозах имелись также 45 сезонных яслей, 3 постоянных и 1 в районном центре, вместе на них приходилось 32 работника.

В Коми-Пермяцком округе коллективизация охватила 80 % населения, был введен начальный всеобщий на родном языке, работали 5 техникумов и 1 совпартшкола, в которой в 1935 г. обучалось 1 196 чел., в т. ч. 858 коми-пермяков. В Остяко-Вогульском округе Омской области в 1936 г. имелось 54 сельсовета, из 1 679 членов сельсоветов 776 были националы, из 923 депутатов – 47 женщин-националок. Однако секции и группы фактически не работали, планов работы советов не было. Из 54 председателей советов за 5 лет сменилось 36, из 6 председателей районных исполнительных комитетов (риков) – 5. Делопроизводство повсеместно велось на русском языке⁶⁸.

Всего в округе к 1936 г. проживало 55 541 чел., в т. ч. русские – 30 626, ханты – 14 341, манси – 5 644, коми – 3 769, ненцы – 910, прочие – 251.

⁶⁷ «Скотницы и доярки таскают телят по морозу к себе на дом отогревать, но когда обратно приводят в те же холодные темные скотные дворы, хороших результатов не получают», – сетовал докладчик на заседании Отдела национальностей ВЦИК 29 мая 1935 г. См.: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 3. Л. 142, 117–115, 126–127; Д. 1. Л. 50–51.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 8. Л. 205–207.

Производственными товариществами было охвачено 64,5 % хозяйств, организовано 2 оленеводческих совхоза, построены Дом народов Севера, педагогический и медицинский техникумы, окружная больница, санаторий, Дом Союзов, Дом связи. Однако проверяющие из ВЦИК констатировали: Советы самоустранились от руководства колхозами, вовлечение в них шло слабо, обсуждение «примерного Сталинского устава сельхозартели» не проводилось, угодья не закреплены за всеми хозяйствами, отставала организация местной и кустарной промышленности, сети торговых организаций, медобслуживания, работа школ и политпросветучреждений... Задолженность колхозов на 1936 г. составила 330 450 руб., в т. ч. колхозникам – 64 338 руб.

Число школ за 5 лет выросло с 89 до 170. Охват школой детей хантов составил 57,7 %, манси – 65 %. Второгодничество было особенно распространено именно среди таких учащихся: у хантов – 32,2 %, у манси – 34 %. Из 93 учителей-националов среднее образование имели 34, остальные – низшее. На 1935/36 уч. г. было завезено только 21 % необходимых тетрадей, в Березовском районе ученики писали на газетах, оберточной бумаге, даже на брошюрах с резолюциями XVII съезда ВКП(б), что по тем временам могло плохо кончиться для всех. Из отпущенных 103 тыс. рублей было израсходовано 24 тыс., топливом школы района были обеспечены на 16 %, причем отдельные сельсоветы обложили родителей налогом по 2 кубометра дров. В Вершинской национальной школе-интернате Самаровского района председатель сельсовета осенью 1935 г. запретил детям и учителям ходить в школу до выполнения планов по рыбе и пушнине, и занятия начались только в декабре. В округе были открыты 18 больниц (499 коек), в т. ч. 4 национальных (175 коек); 63 фельдшерско-акушерских пункта, в т. ч. 18 национальных; 10 врачебных пунктов, в т. ч. 7 национальных. Но из-за отсутствия кадров 11 больниц не работали⁶⁹.

Социальные отношения, которым советская власть придавала исключительное значение, получали этническую окраску. Так, А.Е. Скачко считал «отсутствие пришлой господствующей национальности» главной причиной резкой классовой дифференциации среди самих коренных народов Камчатки и Чукотки⁷⁰. К концу 1920-х гг. руководители ВЦИК и регионов пришли к выводу, что родовые объединения уже не могут служить основой советского самоуправления. В условиях резко активизировавшейся целенаправленной политики социального размежевания этнотерриториальный принцип организации советов представлялся более предпочтительным. В 1930 г. количество туземных советов в ДВК выросло до 200, тузриков – до 28 (в 1927 г. соответственно 41 и 9). Однако количественные

---

⁶⁹ Там же. Л. 207–221.

⁷⁰ Скачко А. Советская работа среди малых народностей на Дальнем Востоке // Советское строительство. – 1930. – № 1. – С. 104.

показатели не служили «доказательством благополучия». Главными недостатками национального самоуправления были «отсутствие мало-мальски подготовленного кадра работников из среды самого туземного населения» и недостаточная организация их подготовки, а также слабая материальная база. Бедняки и середняки уклонялись от советской работы, поскольку не могли прожить на такую зарплату, а «туземным богачам, не заинтересованным в зарплате, сильно облегчался захват советов». Лишь в районах с однородным этническим составом населения удавалось создавать общие райисполкомы с самостоятельным бюджетом⁷¹. Среди негативных сторон аборигенного самоуправления были «жестокое северные склоки» из-за разницы в материальном положении советских и хозяйственных работников, что приводило к фактическому доминированию последних и текучести советских кадров, их дискредитации в глазах населения⁷².

ЦИК СССР в январе 1930 г. передал все кадровые вопросы в туземных районах ДВК под контроль Комитета Севера и Наркомтруда. В Сахалинском округе, Ольском, Охотском и Чумиканском районах Николаевского-Амуре округа был увеличен прожиточный минимум. Установлена особая северная шкала зарплаты с меньшим количеством разрядов и серьезно увеличена зарплата медицинским работникам среднего звена, учителям, секретарям тузриков и советов, завхозам культбаз, инструкторам и т. д.; сезонные работники и сотрудники ОГПУ приравнены по оплате к остальным, установлены надбавки к окладам квалифицированных и ответственных работников Севера со стажем работы в регионе. Выслуга лет для них была снижена до 15 лет с пенсионным обеспечением. Аналогичные меры предусматривались для некоторых групп сезонных служащих и рабочих. Новые льготы и права работников Севера распространялись также на тех, кто работал здесь до их введения⁷³. С 1929–1930 гг. вводилась выдача всеми госбюджетными учреждениями и хозяйственными организациями де-

---

⁷¹ В Чукотском тузрике до 1928 г. работали председатель, секретарь, бухгалтер и делопроизводитель, затем появился инструктор – ему надлежало успевать работать с 48 туземными оседлыми и кочевыми советами на территории более 120 тыс. кв. км. См.: *Луке К.* Советский аппарат на дальневосточном Севере // Советское строительство. – 1930. – № 6. – С. 115–119.

⁷² В сравнении с XIX в. ситуация выглядела весьма удручающе. Да и на соседнем острове в Беринговом проливе Малый Диомид, принадлежащем США, глава администрации получал «больше американских долларов, чем рублей председатель огромного Чукотского района (208625 кв. км)», и жил в благоустроенной квартире, в отличие от председателя, ютившегося с семьей в маленькой комнатке. Переводчик японского консервного завода в Усть-Камчатске жил в 4-комнатной квартире, а председатель райсовета занимал угол в крестьянской избе. Льготы за работу в отдаленных регионах не распространялись на тех, кто начал работать на Севере до их введения. См.: *Луке К.* Советский аппарат на дальневосточном Севере // Советское строительство. – 1930. – № 6. – С. 115–119.

⁷³ Там же. – С. 121–122.

нежной компенсации работникам за неудовлетворительные коммунальные услуги и отсутствие элементарных удобств.

Для решения кадровой проблемы было предложено в специальных и общих образовательных учреждениях создать добровольческие группы «северян», при вузах ДВК – отделения по подготовке специалистов для северных районов. Кроме того, устанавливались увеличенные стипендии или добавки к ним от заинтересованных организаций, которые предоставлялись бы при обязательной отработке на Севере определенного минимума лет. Обязанность изучать туземные языки включалась в условия контрактов. Во всех северных районах создавались библиотеки, а все организации и учреждения Севера должны были систематически снабжать их литературой. Проводилась радиофикация органов самоуправления, культурных учреждений и школ. Вводилась оплата стоимости проезда до первого пункта «обжитой полосы» во время отпуска, общежития для детей постоянных работников с пониженной оплатой или бесплатным содержанием в зависимости от размера зарплаты родителей и количества детей школьного возраста в семье⁷⁴. Так практически на весь советский период закладывалась система, обеспечивавшая закрепление кадров и постепенное улучшение социальной инфраструктуры в суровых природно-климатических условиях Севера.

10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК утвердил постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера». Сохранение смешанных «русско-туземных» советов уже воспринималось как пережиток, поскольку избранные в них единичные депутаты от туземцев фактического влияния не имели. В то же время предстояло изменить административно-территориальную границу между ДВК и Якутией, поскольку создание Чукотского района в Якутии, пограничного с таким же в ДВК, было «явно нелепо». Вообще, попытки переустроить административно-территориальные границы внутри крупных субъектов федерации и между ними в соответствии с традиционными этническими ареалами все время натывались на «чересполосицу» дисперсно расселенных малочисленных этнических общностей, «владевших» обширными пространствами на протяжении всей своей истории⁷⁵.

---

⁷⁴ Там же. – С. 123–125.

⁷⁵ Так, эвены оказались разделены между ДВК, Якутией, Бурят-Монголией и Сибирским краем, повторявшими в целом границы дореволюционных губерний. Между тем эвены, не считаясь с административными «заборами», кочевали по заведенным издавна и рационально обусловленным маршрутам. Для торговых, кооперативных и снабженческих учреждений это создавало «невообразимую путаницу». Точно так же «Алдано-Зейская горная страна эвенов» и Охотское побережье, поделенные между ДВК и Якутией, оставались в традиционном сознании народа вполне цельными социально-культурными пространствами. См.: *Скачко А.* Советская работа среди малых народностей на Дальнем Востоке // Советское строительство. – 1930. – № 1. – С. 105–107 (далее – *Скачко А.* Указ. соч.).

Создание округов и районов рассматривалось как способ установления рациональных экономических и этнических границ в соответствии с интересами хозяйственного развития и принципами национальной политики, а также для упразднения не учитывавших эти факторы границ бывшей империи. Кроме того, самостоятельные этнотерриториальные единицы должны были приблизить руководство к экономике и населению районов, обеспечить подъем самостоятельности туземцев, советизацию округов⁷⁶. Однако по-прежнему работа многих председателей национальных советов не оплачивалась, часто не хватало кадров. При этом «командовать туземцами в деле выборов трудно. Нет никакой возможности заставить выбрать того, кого они не желают», – указывал А. Скачко. В смешанных советах соперничать с русскими депутатами туземцы не осмеливались, поэтому он предлагал не бояться «туземного национализма», создавать этнически однородные кооперативы, школы, советы – от низового уровня до округа, дабы «разбудить национальное самосознание и национальную самостоятельность» и обеспечить «национальную объективность» при решении споров между русским и туземным населением⁷⁷.

Смешанные русско-туземные школы не пользовались популярностью у коренного населения, объяснявшего нежелание их посещать тем, что «русские дети над ними смеются». Обучение в них велось на русском языке, что предопределяло неудовлетворенность и тревожность, вполне естественное отставание в учебе, не помогавшее преодолению психологических барьеров. Нормальные школы также не подходили для кочующих и разбросанных по два-три «дыма» на десятки верст друг от друга семей⁷⁸. Грамотность туземного населения за 1926–1934 гг. поднялась с 6,7 до 24,9 %, работали 53 дома туземца, 186 изб-читален, 87 кинопередвижек, 64 красных чума, 11 разных техникумов, рабфаки. Институт народов Севера и техникумы выпустили 148 специалистов⁷⁹.

Отдельным направлением было хозяйственное развитие районов компактного проживания меньшинств. Здесь центральное место занимало кооперирование⁸⁰. Для поддержки «крестпомов» – организаций помощи крестьянам – кооперативам разрешалось использовать доходы от норми-

---

⁷⁶ Скачко А. Указ. соч. – С. 104–105.

⁷⁷ Там же. – С. 107–109, 116.

⁷⁸ Там же. – С. 115.

⁷⁹ Аманжолова Д.А. «Горячо живу и чувствую...». Петр Гермогенович Смилович – дворянин и революционер. – М.: ОАО «Московские учебники и картлитография», 2006. – С. 178.

⁸⁰ Президиум ВЦИК в 1932–1934 гг. принял постановления о товароснабжении северных окраин, о северном ассортименте товаров, об увеличении норм завоза и мероприятиях по улучшению снабжения населения Крайнего Севера, о состоянии заготовительной работы и мерах по ее урегулированию, о снабжении оленьим сырьем населения, не имеющего вовсе или имеющего оленей в малом количестве, «О мерах укрепления советов, органов суда и прокуратуры в кочевых районах Севера» и др.

рованного вылова кеты⁸¹. На 33 туземных кооператива Дальнего Востока к началу 1930-х гг. приходилось 60–70 % торгового оборота, до 70 % по пушнине и до 90 % по рыбе. Кооперация обеспечивала рост товарности хозяйств, повышала организованность труда и снабжения. Половина туземных кооперативов были обеспечены радио, появились кинопередвижки, 12 чел. составил первый выпуск школы для кооперативных работников из представителей нацменьшинств. Однако нередко низовые союзы втягивались в долги: «малосознательные» бедные члены кооперативов получали кредит в «голодный сезон» – весной и летом. С началом пушного сезона, не устояв перед искушением, сдавали добычу факториям Госторга за наличные или нужные товары. Кооперативы не могли соперничать с ним. Сказывался низкий уровень производственной кооперации малочисленных групп. В системе Далькрайсоюза среди 4500 рыбопромысловых рабочих не было ни одного туземца, сами промыслы ограничивались в отношении коренного населения приемом свежей рыбы от небольших сезонных артелей. Более того, эти артели из-за малочисленности приглашали русских «полупайщиков», которые формально работали за половину пая улова, но фактически присваивали весь товарный улов или весь доход от него. Все это вызывало враждебное отношение к крупным предприятиям рыбной промышленности, конфликты между русским и коренным населением (для лиманских гиляков-нивхов рыбная ловля обеспечивала 98 % всех доходов, для амурских – 72 %) по поводу ежегодного распределения наиболее выгодных участков Амура. Генеральное водоустройство на Амуре затруднялось из-за малочисленности национальных органов управления, призванных обеспечивать правовую защиту меньшинств. В золотодобывающей промышленности ДВК, объединявшей 40 тыс. рабочих, представителей меньшинств тоже не было. Попытки привлечь их через кооперативы к извозу для обслуживания приисков не компенсировали их потери от падения охотничьего промысла в районах золотодобычи. Промышленная вырубка леса разрушала традиционную сферу обитания и промыслов, обеспечивалась «исключительно пришлой рабочей силой»⁸². Давали о себе знать незаинтересованность общегосударственных структур и отраслевых хозяйственных органов в учете проблем функционирования традиционных хозяйств и соблюдении экологических требований. Региональный комитет Севера долго объединял функции областного и окружных комитетов, занимаясь общими масштабными проектами и конкретными проблемами отдельных людей, обращавшихся в краевую столицу. Создание окружных органов не сразу дало нужные результаты: Сретен-

---

⁸¹ Тугуро-Чумиканский крестпом, в частности, имел в своем распоряжении фонд в 3 057 руб. и одного племенного быка, Аянский приобрел жилой дом, создал артель грузчиков и решил организовать артель оленеводов-перевозчиков грузов // Скачко А. Указ. соч. – С. 108.

⁸² Там же. – С. 110–114, 118–119.

ский и Амурский окрисполкомы несколько раз упраздняли должность уполномоченного по туземным делам – представителя Комитета Севера, восстанавливая ее под сильным давлением краевых властей. Николаевский окрисполком, в ведении его находилось, в основном, русское население (меньшинства составляли 43 %), два года затягивал создание тузриков и советов. Из общих расходов на райисполкомы и советы округа лишь 16 % приходилось на содержание туземных. В 1930 г. 27 % представителей меньшинств в округе объединялись в смешанные советы, туземные же практически не работали из-за отсутствия платных должностей⁸³. На 1930 г. для малочисленных народов были созданы 381 совет и 61 туземный райисполком. Но реальное влияние их на социальную практику было невелико. ЦИК ЯАССР признавал, что «аппарат власти слаб, малограмотен, неопытен... Малокультурность населения... сохранившиеся в значительной степени старые социально-классовые отношения, родовые традиции – все это делает состояние Якутского севера чрезвычайно отсталым даже в отсталой Якутии»⁸⁴.

Пленум Комитета Севера в апреле 1930 г. предложил перестроить управление «северными туземцами на нормальных, общих для всей РСФСР началах», но все упиралось в отсутствие зданий и кредитов на их строительство. Комитет отстаивал интересы промысловых хозяйств, не выдерживавших конкуренции с крупными предприятиями, выступал за закрепление в исключительное пользование коренного населения промысловых, земельных и водных угодий, скорейшее создание письменности, учебной и иной литературы, образовательной сети для народов Севера. Культурные базы оставались оптимальной формой концентрации средств и кадров для решения задач, а также развития «показательных хозяйственных ячеек». Туземные суды предстояло отделить от туземных советов и преобразовать в близкие сельским и примирительным камерам, что лишало их этнического критерия в определении компетенции⁸⁵. В конце 1930 г. около 150 тыс. представителей малочисленных народов Севера, занимая примерно 48 % территории РСФСР, объединялись 47 туземными и 18 смешанными риками, в их ведении были 388 туземных и 14 смешанных советов.

---

⁸³ Скачко А. Указ. соч. – С. 117–118. Президиум ВЦИК в 1932–1934 гг. принял постановления о товароснабжении северных окраин, о северном ассортименте товаров, об увеличении норм завоза и мероприятиях по улучшению снабжения населения Крайнего Севера, о состоянии заготовительной работы и мерах по ее урегулированию, о снабжении оленьим сырьем населения, не имеющего вовсе или имеющего оленей в малом количестве, «О мерах укрепления советов, органов суда и прокуратуры в кочевых районах Севера» и др. См.: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 31. Л. 1.

⁸⁴ Глезер М. Пять лет советского строительства среди народов Севера // Власть Советов. – 1930. – № 27. – С. 10 (далее – Глезер М. Указ. соч.); Условия работы сельсоветов в автономных республиках и областях // Там же. – С. 12.

⁸⁵ Глезер М. Указ. соч. – С. 10–11; Скачко А. Советское строительство на Севере // Советское строительство. – 1930. – № 7. – С. 110–111.

Неудачи и неудовлетворенность результатами нациостроительства объяснялись происками классового врага в лице все тех же «местных и пришлых кулацких элементов», а главные достижения усматривались в «пробуждении классового самосознания туземной бедноты и батрачества». Бюрократическая лексика отражала сложившиеся штампы в оценке состояния дела. В ходу были такие ярлыки, как «крупные недочеты, ошибки и даже прорывы», «национальная и классовая политика партии не отражалась в большинстве проводимых мероприятий», «активизация как местных, так и пришлых кулацких элементов, пытающихся в условиях оторванности лесотундры от непосредственного руководства со стороны партийных организаций пролезть и в советы, и в кооперативные организации» и т. д. и т. п. Замечания делегатов туземных съездов, отражая чрезвычайное положение дел, использовались главным образом для ужесточения требований к местной номенклатуре, обязанной свершить намеченное и ответить за несостоявшееся в грандиозных планах центра. На V Хатангском туземном съезде председатель Чиривского туземного совета докладывал: «Мы перешли на сельское хозяйство, крестьяне (русские) отбивали у нас землю – мы отхлопотали. Мой район сдал культбазе 800 пудов картофеля, и туземцы заработали... Туземцы все бедняки... Мы должны открыть кооператив... Нужно нас учить грамоте...».

Среди врагов власти и коллективизации значились не только кулаки, но и шаманы. С их помощью, как считалось на примере Туруханского района, крупные оленеводы, богатые и зажиточные промышленники прикрепляли на прокорм целые семьи бедняков, превращая их в домашних рабов. В Ненецком округе во время организации оленеводческого совхоза со стадом 12 тыс. голов и колхоза со стадом 3 300 голов «оленеводы-кулаки» спаивали и задабривали бедноту самогоном, «начали усиленную раздачу оленей бедноте на продолжительные сроки», а бедняки заявляли: «Какой он кулак, это вовсе не кулак, а добрый человек»⁸⁶.

Стремление населения организовать туземный совет, как правило, считалось подтверждением «пробуждения национального самосознания». В частности, гиляки Лунского залива и окрестных селений Восточно-Сахалинского района согласились обеспечивать совет без оплаты труда его работников из бюджета. Впрочем, многие советы не оплачивали труд своих работников, а назначаемое жалованье было мизерным – 10–15 руб. в месяц для председателя и секретаря. Существенным недостатком было подчинение тузриков русским и «засоренность» советов представителями феодально-родовой знати, имевшими опыт и знания местной специфики⁸⁷.

---

⁸⁶ Устюгов П. Укрепить туземные советы (К перевыборной кампании) // Советское строительство. – 1930. – № 12. – С. 63–68, 72–73.

⁸⁷ «Тихоокеанская звезда» 30 октября 1930 г. подтверждала: «Работников в туземные районы не посылали, а если посылали, то самых слабых и ненадежных». Устюгов, цитировавший газету, риторически вопрошал: «Если при крайне малочисленном составе северных

С 1931 г. особое внимание обращалось на создание советов для оседлого и полuosедлого населения по национально-территориальному признаку, для кочевого – по экономическому, в отличие от прежнего родового. Содержаться они должны были за счет местного бюджета, что обуславливало их перманентную бедность. В 1934 г. на территории проживания коренных малочисленных народов Севера и Сибири работали 833 совета и 93 района⁸⁸. В апреле 1932 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР». Советы были двух типов – сельские для оседлого населения и кочевые, национальные округа на территории расселения малых народов Севера входили в состав краев, областей и автономных республик⁸⁹. В целом полномочия кочевых советов мало отличались от тех, которыми наделялись сельсоветы центра России (судебные функции, переданные советам в 1927 г., были изъяты из ведения местного самоуправления). Права национальных советов расширились в сравнении с родовыми (туземными), поскольку они признавались высшими органами советской власти на своей территории. Их компетенция распространялась на все проживающее здесь население, независимо от этнической принадлежности. В то же время малочисленность коренных народов Севера давала региональным властям повод для оправдания попыток упразднить подобные образования или сократить их финансирование и т. п. под предлогом экономической целесообразности.

На X пленуме Комитета Севера в апреле 1934 г. был поставлен как первоочередной вопрос «о точном учете наших естественных производительных сил на севере, о более хозяйском отношении к этим естественным богатствам, о новых методах охраны этих богатств от истощения и прежде всего пушнины». На одного жителя Крайнего Севера, где насчитывалось менее 1 % населения, приходилось капиталовложений в три раза больше, чем на жителей всех остальных краев и областей СССР. Ссылаясь на «печальные результаты» Казахстана и Киргизии, глава Комитета призывал очень внимательно относиться к проблеме оседания кочевого населения, прежде всего создавая необходимую экономическую базу, высказался против высылки на Север «негодных людей». Комплексное хозяйство, говорил Смидович, не преимущество, а «результат нашей бедности и ресурсами, и людьми, и во всех других отношениях», а потому был против бюрократического «голового администрирования», особенно при кооперировании населения: «И не жизнь обкургузывать по уставу... а устав приспособлять к жизни ... А при административном переводе получается про-

---

работников в тундру будут посылаться еще дефективные работники, то чего же требовать от маленькой прослойки туземного актива, на которую возлагаются большие задачи по укреплению советского строительства на Севере?» // Там же. – С. 68–71, 74.

⁸⁸ Там же. – С. 75; *Аманжолова Д.А.* «Горячо живу и чувствую...». – С. 178.

⁸⁹ *Аманжолова Д.А.* Указ. соч. – С. 178–179.

сто разруха. Это до такой степени невыносимая антимарксистская вещь, что население разбегается, не понимая, что это связано с марксизмом...»⁹⁰.

Административно-территориальное деление, государственно-правовой статус, степень экономической самостоятельности, обеспечение культурно-языковых запросов населения рассматривались властью как составные части политики «развертывания наступления социализма по всему фронту». Реализовать на практике программу сохранения весьма пестрой этнокультурной мозаики в единообразно выстраиваемой социально-политической системе было достаточно сложно. Не было ясности по поводу классификации разных этнических общностей, уникально переплетавшихся на территории огромной страны⁹¹. В отделе национальностей ВЦИК признавали: «Обслуживание национальных меньшинств оказалось трудным, невероятно сложным», и основную вину возлагали на местные власти⁹². Так называемые территориально не объединенные меньшинства делились на: 1) диаспоры, имевшие государства «вне советской страны», 2) «оторванные от своих основных компактных групп» и живущие за пределами автономных образований России – «(татары в Московской области, казаки в Нижне-Волжском крае, украинцы на Дальнем Востоке)» и 3) «экстерриториальные национальности (евреи, цыгане, айсоры и др.)».

Административно-территориальные преобразования вместе с другими социально-экономическими трансформациями запутывали систему взаимодействия органов самоуправления и управления, побуждали чиновников заботиться не о специфическом подходе к той или иной этнической группе, а о своевременном реагировании на установки вышестоящих структур. Упразднение округов породило тенденцию «механически низвести на положение района автономные республики и автономные области». Центральные власти подчеркивали: национальные районы и сельсоветы при этом не должны пострадать, наоборот, следовало «выделять в новые национальные районы те нацменьшинства, которые находятся еще в составе общих районов». То же самое относилось и к национальным советам.

---

⁹⁰ Комитет Севера был ликвидирован 20 июля 1935 г. с передачей его функций Главсевморпути при СНК СССР. См.: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 1. Л. 51; *Аманжолова Д.А.* Указ. соч. – С. 179–180.

⁹¹ ВЦИК еще в 1928 г. выделил 3 группы: 1) эстонцы, латыши, поляки и некоторые другие; 2) татары, киргизы, казахи, калмыки; 3) мордва, чуваш, удмурты и некоторые народности Сибири. Первую группу считали образцовой для других хозяйств за счет устойчивых традиций эффективной организации трудовой деятельности. К меньшинствам относились «живущие маленькими вкрапленными группами в национальных республиках, а особенно немногих областях РСФСР» свыше 10 млн чел. См.: Совещание уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при ЦИКах автономных республик, областных, краевых и губернских исполнительных комитетах. См.: Третья сессия ЦИК СССР 4 созыва. 11–21 апр. 1928 г. Стенографич. отчет, М., 1928. – С. 10; О националах и нацменах // Советское строительство. – 1929. – № 10. – С. 120; ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 88.

⁹² О националах и нацменах // Советское строительство. – 1929. – № 10. – С. 120.

В целом в ходе административно-территориальных реформ численность низовых органов самоуправления сокращалась. Вплоть до 1936 г. наблюдается последовательная централизация системы управления, в рамках которой национальные автономии, районы и советы должны были не только способствовать социально-экономическому подъему малочисленных этнических общностей, но и стать частью институтов власти, обеспечивать единство и целостность хозяйственного организма, социальную гомогенизацию общества. Упразднение округов, краевых аппаратов также обеспечивало управляемость мест, большую стройность и прозрачность вертикали власти для нужд командной мобилизационной экономики⁹³.

В новых границах Западной области (1930 г.), например в 8 округах и г. Смоленске, насчитывалось около 400 тыс. чел., отнесенных к меньшинствам, но их социально-экономический и культурный уровни довольно сильно различались. Латышские, эстонские, немецкие колонии имели хорошо налаженное хозяйство, тогда как еврейское население местечек и городов было «экономически беспочвенно, деклассированно» и непрерывно умножало безработицу. К тому же, именно среди евреев было больше всего лишенных избирательных прав. В ходе очередных избирательных кампаний их списки обновлялись нередко без документального подтверждения: в категорию «торговец» включались и те, кто временно или случайно прибежал к мелкой торговле, старики и беднота. Особенно много «перегибов было допущено в отношении иждивенцев, под которых подводили лиц, живущих под одной крышей с родителями-лишенцами, хотя они имели самостоятельный заработок». Так, в Невеле евреи составили 80 % всех лишенцев, или 27 % еврейских избирателей, в Клинцах – 76 % (46,5 % евреев избирательного возраста), в г. Починок – 77 %⁹⁴.

Весьма запутанным был вопрос об отношении к другим этническим группам. Если применительно к латышам, эстонцам и немцам следовало «уничтожить самую систему крупно-хуторского хозяйства» в ходе коллективизации, изгнать из советов и кооперативов «капиталистические элементы», то в пограничных с Украиной уездах причислявшие себя к украинцам группы вызвали озабоченность. Старшее поколение сохраняло «заметную привязанность к Украине, как к родине, и даже кое-какие смутные, романтические представления о своем казацком прошлом». Но на первое место в определении этничности выходил все-таки прагматический интерес: резкая разница в нормах исчисления сельхозналога между пограничными волостями РСФСР и УССР в пользу последней вызвала стремление присоединиться к Украине, а отнюдь не украинизировать

⁹³ О ликвидации округов // Советское строительство. – 1930. – № 8. – С. 4; *Зайцев П.* Почему упраздняется окружное звено в системе советского аппарата // Там же. – С. 8, 16; *Акимов И.* Новый закон о сельсоветах // Там же. – 1930. – № 4. – С. 5, 9.

⁹⁴ *Островский З.* Положение национальных меньшинств в Западной области // Советское строительство. – 1930. – № 3. – С. 114–117 (далее – *Островский З.* Указ. соч.).

школы и советы. Большую роль играли также возможность получить землю при расселении на Украине, менее острый дефицит товаров в пограничных украинских кооперативных лавках, более высокие цены на сельхозпродукты, установленные рядом заготовительных органов УССР, доступность обучения детей в соседних украинских школах повышенного типа, близость и доступность медицинской и ветеринарной помощи, тесные родственные и брачные связи населения пограничных районов. У чиновников эти обстоятельства подкрепляли убежденность в необходимости срочной украинизации населения данных районов. С другой стороны, в пограничных с Белоруссией районах Западной области возможность присоединения к Белоруссии воспринималась негативно. Здесь также все решали социально-экономические мотивы: положение дел в пограничных селах соседней с РСФСР республики было менее привлекательным, хотя и здесь большую роль играли родственные и иные взаимосвязи.

В культурном плане ситуация развивалась более успешно: в области было 180 еврейских, 76 белорусских, 19 украинских, 40 латышских, 13 эстонских, 6 немецких, 3 польских, по 1 литовскому, цыганскому и латгальскому культурному учреждению. Однако из-за отсутствия стипендий для бедноты и батрачества они в национальных школах были представлены слабо. Большой популярностью у родителей эти школы не пользовались, отсутствовала преемственность в обучении на родном языке, а стремление дать детям более высокое, и в т. ч. профессиональное, образование подрывало авторитет местных начальных звеньев обучения. Всего в области было 26 национальных сельсоветов, 22 из которых оказались смешанными. Почти все они использовали русский язык, иногда прибегая к двуязычию.

20 января 1930 г. Президиум ВЦИК обсудил работу среди меньшинств в области. Власть уповала на ведущую роль национального пролетариата (1700 из 11 тыс. рабочих на 16 предприятиях). Им предлагалось поручить оживление сельсоветов, кооперации, колхозов. Областному руководству предлагалось «всемерно усилить» «расхуторизацию» латышских, эстонских и немецких колоний, закончить выделение национальных советов и перевод их делопроизводства на родной язык. Отдельный перечень задач определялся в отношении еврейского населения, в т. ч. восстановление в избирательных правах бедноты и других необоснованно лишенных категорий малоимущих граждан. Для евреев и цыган намечалось дополнительное финансирование коллективизации⁹⁵.

Установка власти на жесткую классовую дифференциацию встречала сопротивление. В Средней Азии и Казахстане, Белоруссии, Причерноморье и других регионах констатировалась несовместимая с представлениями власти внутриэтническая сплоченность меньшинств, не желавших делить-

---

⁹⁵ *Островский* 3. Указ. соч. – С. 117–124.

ся на классы. Антирелигиозная кампания в еврейском местечке привела к превращению синагог в клубы, а проживавшие там татары по призыву муллы начали активно собирать деньги на ремонт мечети. Слабость советов в Удмуртии привела к возрождению национальных сельских сходов – кенешей. Они заменяли советские органы самоуправления в организации выборов, запасного фонда зерна, крестпомов, заготовке дров для школ, сборе сельхозналога, спорах о разделе имущества. Комиссия ЦК партии охарактеризовала их как «родовой пережиток в удмуртской деревне, выступающий в настоящее время орудием кулацкого сопротивления...». Постановление ЦК ВКП(б) о работе и состоянии Вотской парторганизации 1930 г., тезисы окружкома «О борьбе с кулацким кенешем» 1931 г.⁹⁶ преопределили разгром традиционного самоуправления.

Борьба с т. н. правым уклоном неизбежно приобретала этническую окраску. На Украине, занявшись чисткой сельсоветов от кулаков, Кособобровская земельная громада просила «сельский совет до 1 мая 1929 г. выселить весь нетрудовой элемент, как-то: цыган, воров и евреев»⁹⁷. Среди поляков уклон проявлялся в традиционной защите «католической религии, которая имеет глубокие корни, в особенности в среде крестьянства». Польские парторганизации критиковались за неклассовый подход. В Белоруссии этническую принадлежность загсы определяли по месту рождения – родился в Белоруссии, значит не поляк. Такую линию списывали на кулачество, «чтобы под коренной национальностью данной республики было лучше работать, проводя свои контрреволюционные дела». В связи с публичным отказом людей от польской самоидентификации решили закрыть польские школы. Но учащиеся 40 польских семилеток среди тех, кто им нравится, называли Мицкевича и Сенкевича. Школа, считал один из выступавших, «забывает умы» молодежи и, несмотря на изучение классического языка, воспитывает в «националистическом духе за Польшу против России». Важную этнокультурную миссию выполняла церковь: воскресенье становилось праздником для национального самосознания, когда неделю не говоривший на родном языке человек «идет в костел и считает себя полнокровным поляком». Борьба за национальное единство, таким образом, «концентрируется вокруг костела и вокруг деятельности духовенства». Ему помогали и «удравшие партии» – чтение писем из Польши превращалось в собрания, на них активно обсуждалось, «как там хорошо».

Глава подотдела нацменьшинств Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) С.М. Диманштейн признал противоречивость этнополитики боль-

---

⁹⁶ См.: *Никитина Г.А.* Удмуртский кенеш – орган самоуправления общины // Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг. Сб. ст. – Ижевск: Удм. ин-т истории, яз. и лит. 1991. – С. 182–184.

⁹⁷ «И это в 1929 году!» – сетовал корреспондент «Советского строительства». См.: *Островский З.* Указ. соч. – С. 97–99.

шевиков: «По отношению к полякам мы находимся в очень невыгодном положении», поскольку долго поддерживали национальное движение, считая его революционным. Теперь же «то, что было революционным, становится контрреволюционным»: «польский национализм стал сейчас другим» и массам нелегко признать себя гражданами СССР вблизи от границы. «Связь религии и национализма ... глубоко сидит ... Он себя считает поляком, его центр не Москва, а Варшава, Рим». Необходимо обеспечить равное хозяйственное положение, чтобы поляки и белорусы не «переходили» в украинцев. Тревожной была ситуация и с партийцами: из 12 поляков-перебежчиков в украинство за полгода 80 % составили коммунисты и комсомольцы, а поляки-коммунисты плохо знали родной язык («голос: и гордятся этим») ⁹⁸.

Серьезную проблему в т. н. нацменовских районах представляло кооперирование. Обследование отдела национальностей ВЦИК в Северо-Западной области, областях Поволжья, Урала, Сибири, Северного Кавказа «показало полную несостоятельность» руководства этим делом. В Средне-Волжской области 25 % населения (до 2 млн. чел.) составляли меньшинства – мордва, татары, украинцы и чувашаи. Но если на одно русское крестьянское хозяйство (5,1 души) приходилось 13,8 га, то на нацменовское (6,2 души) – 11,6. В итоге обеспеченность землей на 1 человека среди меньшинств была ниже. Агрокультура и технология были также существенно ниже, как и обеспеченность техникой. Кооперативы среди меньшинств имели худшие показатели по балансу, членству, капиталам, оборотам и ссудам, результатам работы из-за бедности большинства пайщиков. В сравнении с соседними Чувашией, Татарстаном и Башкирией птицеводческая кооперация успешнее развивалась среди русского населения. Причины неудач советские попечители меньшинств видели в отсутствии плановости и учета специфики «многонациональных условий», неприспособленности аппаратных структур, языковом барьере между ними и населением, недостаточном привлечении самих националов к организации дела, недооценке «вообще важности работы среди национальных меньшинств». Вывод же был стандартным – как по существу предложений, так и по стилистике: «раскачаться» местам, «поставить» руководство органов кооперации и весь «вопрос во весь рост и ребром» ⁹⁹. Помимо коренных малочисленных народов, предметом внимания власти были и меньшинства, переселившиеся в тот или иной регион в разное время и компактно проживавшие в определенных местах. В Ставропольском округе было 5 немецких сельсоветов. Коллективизация на их территории проходила без особого успеха, вина за провалы возлагалась на идеологического противника: в селе Довсун Благодарненского района, например, таковой оказалась религия. Лю-

⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 17. Л. 1–36.

⁹⁹ О националах и нацменах // Советское строительство. – 1929. – № 10. – С. 122–123.

теране объединялись в 500 семей, баптисты и молокане – по 80, субботники – 30, община свободной веры – 74. Наличие «у каждой группы своих проповедников», а также слухи, что «советская власть хочет при помощи колхозов объединить все веры в одну», сыграли злую роль: «наспех сколоченный колхоз» им. К. Либкнехта быстро развалился. В колхозе оказалось 135 членов, в т. ч. 49 бедняков и 86 батраков. Середняки были «ликвидированы» вместе с кулаками. Деятельность велась в основном за счет помощи соседнего совхоза. Не лучше складывалась и работа кооперативов. Школьной учебой было охвачено 247 детей 8–12 лет, 137 не ходили в школу, на хуторах и в колониях – еще 178. Снабжение учебниками немецких сел по округу составляло 60–65 %. Пункт ликбеза в Довсуне, успев обучить 33 человека, «скоропостижно» закрылся. Избы-читальни и красные уголки могли предложить лишь газеты и литературу на русском языке, а культурные секции сельсоветов ограничивались проведением политпросвета. Закономерным следствием была неспособность советов наладить системную деятельность и реализовать заложенные в самом существе национального самоуправления большие возможности¹⁰⁰.

На юге Омского округа украинское население, объединенное в Полтавский район, подлежало «полной украинизации». Из 34 332 жителей района (2 945 кв. км) 76,6 % составляли украинцы, из 26 сельсоветов 20 находились в украинских поселках; 80,8 % школ были украинскими. Соответствующим был и состав органов самоуправления: в райисполкоме из 21 работника 13 были украинцы, 2 немца, 2 белоруса и 4 русских, в сельсоветах – 19 украинцев и 7 русских. До 70 % колхозников также составляли украинцы. Скрупулезный подсчет соотношения этнических групп в разных социальных средах не заменил конкретной работы: запланированные сроки не были выдержаны по объективным причинам. В итоге украинизация началась с укомплектования школ учителями, специально приглашенными из Украины, а переход на обучение на украинском языке проводился после решений общих собраний населения. Но учебной литературы, наглядных пособий и газет в школах, библиотеках, избах-читальнях на украинском языке не доставало, особенно изданных после 1927 г. Существенную трудность представляла кадровая проблема: насытить аппараты учреждений украинцами, знающими язык и письменность, объективно было невозможно – из 250 районных и сельских работников всех организаций этнических украинцев было 150. Искусственное форсирование украинизации порождало у части самих руководителей сомнения в целесообразности и необходимости реформы, тем более что многие этнические украинцы считали родным русский язык. Закономерно возникал и вопрос о гарантии прав русских пользоваться своим языком в делопроизводстве и взаимодействии с местной властью. Тем не менее, совещание председателей

---

¹⁰⁰ О работе немецких сельсоветов Ставрополя // Власть Советов. – 1930. – № 27. – С. 22–23.

и секретарей сельсоветов в августе 1930 г., после обследования работы среди меньшинств, высказалось за украинизацию Полтавского района¹⁰¹.

По мере развития и укрепления государства общая линия на унификацию административно-территориального устройства страны и гомогенизацию социальной жизни при огромном этнокультурном разнообразии населения СССР должна была привести к отказу от этнического принципа территориальной и управленческой организации регионов¹⁰². Дисперсность расселения этнических групп во многих регионах предопределила создание смешанных сельсоветов, учет интересов меньшинств в их работе вызывал дополнительные сложности. Оказавшиеся в меньшинстве русские, украинцы и другие группы в северных областях Казахстана приписывались к аульным советам и кочевали вместе с казахами почти две трети каждого года. Уполномоченные по их делам оставались в районных и городских центрах без объекта попечения. Считалось, что в таких случаях особо сильное влияние на население оказывало духовенство, а уполномоченные или специально выделенные работники ограничивались мобилизацией сил на очередную ударную кампанию политики «коренизации»¹⁰³.

Работа с группами сельских жителей по этническому принципу не могла быть результативной. Объективно интересы и проблемы сельчан были общими, подготовленных кадров не хватало, а выделение приоритетов на основе этничности могло породить новые проблемы, что, очевидно, чувствовали и понимали местные работники: «Идея выдвижения представителей национальных меньшинств в некоторых местах дискредитирована ... Их предоставляют самим себе, бросают на произвол судьбы и, не будучи подготовленными к работе, они выявляют свою несостоятельность чаще, чем выдвиженцы русские. В конце концов, складывается представление, что националы в советском аппарате работать не могут»¹⁰⁴.

Как правило, конфликтные ситуации в отношениях между меньшинствами оказывались вне поля зрения уполномоченных. Неопределенность полномочий, особенно во взаимодействии с отраслевыми структурами, порождала безответственность и пассивность. По-прежнему значительным был языковой барьер. В Чувашии лишь 15 % сельчан-чувашей владели русским языком, среди женщин – 2 %. Между тем «добрая половина чувашей-наркомов не может сделать на собраниях доклады на понятном простом чувашском языке, а некоторые из них даже не научились читать

---

¹⁰¹ *Патронов Н.* Из опыта украинизации Сибири // *Власть Советов.* – 1930. – № 8–9. – С. 29.

¹⁰² *Илларионов В.* Характеристика Нижегородского края // *Советское строительство.* – 1929. – № 10. – С. 103; *Гассанов-Алкадарский А.* Районирование Дагестана // Там же. – С. 117; 143.

¹⁰³ *Акимов И.* Новый закон о сельсоветах // *Советское строительство.* – 1930. – № 4. – С. 100–101.

¹⁰⁴ Там же. – С. 102.

чувашских газет и не читают их, хотя в Чувашии они работают в течение ряда лет»¹⁰⁵.

Количественный рост национально-территориальных единиц для меньшинств был существенным. Координирующую роль в работе с меньшинствами продолжал играть Совет Национальностей ЦИК СССР. Так называемая коренизация бюрократии оставалась «самым узким местом» во многих регионах. В Средне-Волжском крае, в частности, 14 % населения составляла мордва, а в столице Мордовии Саранске неграмотные или не знающие русского языка жители отдаленных районов «днями» разыскивали учреждения, принимающие заявления на родном языке. Впрочем, в местных органах националы были представлены лучше: 55,5 % членов облисполкома, 43,5 % председателей райкомов, 90 % судей в национальных и 39 % в смешанных районах и т. д. В то же время делопроизводство и судопроизводство велись на русском языке, что вызывало ошибки в решениях. В 1930 г. начался перевод делопроизводства на мордовский язык в органах советской власти АО. Это не сразу обеспечивало нужное качество работы: мордовская совпартшкола, успешно перешедшая на родной язык, не смогла получить ассигнования из отделения Госбанка, где не нашлось работников, способных прочесть заявку на мордовском языке¹⁰⁶. Это, наряду с трудностями подготовки и переподготовки кадров, не позволяло обеспечить требуемые темпы языковой «коренизации». К тому же, национальные советы обвинялись в слабой опоре на массы, «засоренности чуждыми элементами» – в Дагестане, Ингушетии, Туркменистане к ним относились муллы. Для кочевых казахов наладить работу советов было также затруднительно¹⁰⁷.

В январе 1930 г. Президиум ВЦИК в соответствии с решением XIV съезда Советов РСФСР предписал местным органам власти провести повсеместное выделение компактно живущих национальных меньшинств в особые административно-территориальные единицы, установив при этом их численность, размеры территории проживания, количественное соотношение с населением других национальностей¹⁰⁸. Это должно было способствовать ускорению внутриэтнической консолидации и становлению новой социальной структуры каждой группы, снять возможную напряженность в межэтнических отношениях. Кроме того, концентрировались средства для решения социально-политических, экономических и культурных проблем меньшинств, а регулярные меры по повышению статуса этнопо-

---

¹⁰⁵ Чуваша составляли 75% населения республики, русские – 19, татары – 2, мордва – 3. См.: Юшунев И. Национальный язык в Советах Чувашии // Власть Советов. – 1930. – № 1. – С. 19.

¹⁰⁶ Мартынов. Коренизация аппарата // Власть Советов. – 1930. – № 21. – С. 17–18.

¹⁰⁷ См.: Оборин А. Национальный вопрос в СССР. М. – Л., 1931. – С. 34–35.

¹⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 77. Л. 229; Советское строительство. – 1929. – № 10. – С. 100.

литических образований должны были подтверждать последовательное и непрерывное улучшение состояния дел в огосударствлении этничности¹⁰⁹.

Среди важнейших проблем была подготовка педагогических кадров. Специальное совещание при Наркомпросе РСФСР в 1930 г. констатировало, что если в 1928/29 г. обеспеченность ими по национальным районам составила 79 %, то в последующие 2 года она сократится до 51 %. Это объяснялось не только заменой учителей, не знающих языков, но и «устранением из школы классово-враждебных элементов», которых, очевидно, власть здесь насчитала много. Выход нашли в открытии педтехникумов. Еще сложнее обстояло дело с «кадрами для подготовки кадров»: заявки национальных областей и республик на них были удовлетворены примерно на 30 %. В Бурят-Монголию и Якутию было направлено всего по 2 чел., в Ойротию – 1. При удельном весе населения национальных районов в составе РСФСР 26,5 %, в них было направлено лишь 13,6 % от всего числа педкадров с высшим образованием. В целом прием представителей меньшинств в вузы РСФСР вырос в 1930 г. на 50 %. Но из-за слабой успеваемости более 9 % этих студентов исключались из вузов, а подготовка на рабфаках расширялась медленно. Для поощрения подготовки нацменьшинств были снижены на 1 год требования по производственному стажу и курсу начального обучения. В итоге общий удельный вес национальной молодежи на рабфаках соответствовал удельному весу национального населения РСФСР¹¹⁰.

На 13 языках печаталась учебная литература в 1930/31 г., на организацию и содержание дошкольных учреждений среди меньшинств из центрального бюджета было израсходовано в 1930 г. 230 тыс. руб., однако масштабы таких учреждений признавались «микроскопическими». Среди ряда нацменьшинств обнаружился «явный провал ликбезработы», на что местные власти ответили новой ударной кампанией: контрольные цифры Наркомпроса в 600 тысяч были увеличены до 900 тыс. человек. Правительство не могло удовлетворить острую потребность в дополнительных средствах для реализации программы ликбеза. Сеть изб-читален, красных уголков и т. п. оставалась крайне недостаточной¹¹¹. К началу 1934 г. в большинстве автономных республик и областей РСФСР грамотность достигла 75–85 %, наиболее отставали Каракалпакия, Дагестан, Якутия и Чечено-Ингушетия (до 50 %). Издавалось 50 национальных газет тиражом 10 млн экз., т. е. в 4 раза больше тиража всех газет до 1917 г. Действовали государственные еврейский, латышский, цыганский и украинский театры, в 1933 г. был создан трест «Востокфильм»¹¹².

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 121. Д. 161. Л. 7, 25, 29–32.

¹¹⁰ Как обслуживаются нацрайоны и нацменьшинства Наркомпросом РСФСР (По материалам обследования) // Власть Советов. – 1930. – № 38–39. – С. 21–22.

¹¹¹ Там же. – С. 22–24.

¹¹² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 1. Л. 88, 92.

Работу наркоматов с учетом интересов нацменьшинств организовать было сложно. Так, в Наркомздраве указывали: «Как это ни странно на первый взгляд, но положение таково, что ни один орган не может точно сказать, что надо понимать под термином «нацменьшинства». Установление точного, для всех обязательного, единообразного объекта работы представляется неотложной задачей в деле правильного планомерного обслуживания нацменьшинств». Наркомторг пришел к выводу, что «в пределах определенных территориальных районов ... лишен возможности руководствоваться иными принципами, кроме социально-классовых» и просил освободить ведомство от составления планов и отчетов о работе с меньшинствами. Наркомзем и Наркомтруд не выделяли это направление в своей деятельности. Плановые органы Сибирского края признавались, что не могут выполнить задание в отношении нацменьшинств, в Западной области указывали, что этническая дифференциация населения не изучена, да и «традиции векового угнетения не изжиты». А Госплан РСФСР предписывал: «Нацменьшинствами следует считать всех, не относящихся к коренной национальности данного края, автономной республики, области». Местные плановики должны были представить их перечень, указать компактное месторасположение, численность, количество административных единиц для меньшинств, перспективы районирования и исторический очерк¹¹³. СНК РСФСР констатировал крайне слабую работу по «коренизации» и подготовке кадров, преподаванию на национальных языках (только 45 % школ для меньшинств вели эту работу), чрезвычайную слабость работы сельсоветов в районах проживания нацменьшинств. Наркоматам предписывалось вывести проблемы нацменьшинств в особые разделы планов, предусмотреть все направления работы с ними¹¹⁴.

Любопытная информация прозвучала на совещании председателей сельсоветов и райисполкомов – делегатов 3-й сессии ЦИК СССР VI созыва 31 января 1933 г. Председатель сельсовета из Украины Никитин представлял передовой опыт: в его пограничном селе с 267 дворами до 1928 г. все занимались контрабандой, «богомолением крестами и чем хотите». Начав работу с создания комитета незаможных селян (около 30 чел.), он

¹¹³ Кроме того, в отчетах предлагалось осветить крупные мероприятия, недочеты и трудности, показатели среднего уровня хозяйственного и социально-культурного развития по отношению к коренному и основному населению, подготовку и наличие кадров из нацменьшинств – врачей, агрономов, инженеров, хозяйственников, работников по советскому строительству, квалифицированных рабочих и др., данные о курсах, проведенных на местные и федеральные средства. См.: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 88.

¹¹⁴ Трахомой были поражены 61,7% населения Чувашской АССР, 37 – Марийской АССР, 29 – Татарской АССР, 41,6 – Вотской автономной области. Среди мордвы трахома имела у 38,6%, татар – до 38, марийцев – до 65, чувашей – 92, башкир – 42. Сифилис был обнаружен у 42% обследованных в Бурят-Монгольской АССР, 29,2 – в Чеченской автономной области, 14,4 – в Коми, 9,8 – в Дагестане. См.: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 122. Д. 42. Л. 21–24, 37–39, 48.

сплотил их вокруг сельсовета, организовал секции, а в 1932 г. депутатские группы. Они действовали в колхозных бригадах, обеспечили перевыполнение плана хлебозаготовок на 12 %, в 1933 г. создали 4 красных уголка и бригадную газету, проводили громкие читки газет. Помогая погранзаставе, колхозники задержали 6 чел. и получили премию. Между тем Оргкомиссия ЦИК СССР выявила, что из 10 тыс. советов на Украине лучшими являются 75, и «это, конечно, не соответствует действительности». Выступавший на украинском языке Клименко отметил, что сельсоветы не имеют бюджетных средств на культурную работу, а руководство не знает дела. «У нас в украинских селах нет бань ... У нас появляются эпидемии. Поднимается шум. Нам говорят – котел есть, берите, стройте бани. Захотели строить бани – котла нет. Это дело ведется непланово». Это касалось и территориального распределения сельсоветов: на каждый могло приходиться 900 и 300 господарств (дворов), 5 населенных пунктов. «Я не понимаю вот такую вещь, – говорил он далее в связи с резким сокращением продовольствия в условиях коллективизации. – Мы должны вспахать 500 га земли, задание 1,3 [так в документе] с га, а хлеба другой раз не хватает для нашего населения, у нас 900 дворов и 4 тысячи с лишним едоков...» Нужно выгнать пьяниц и дезертиров, т. к. «есть такие активисты, у которых жинки на работу не ходят, и сами дней по 10 не выходят»¹¹⁵.

В Таджикистане насчитывалось 38 районов и 375 сельсоветов, а лишь 2 председателя премированы ЦИК республики за хорошую работу. Но значительное число советов стояли вдали от «главных задач» – классовой борьбы с кулачеством и его агентурой, организации масс вокруг укрепления социалистического хозяйства и охраны социалистической собственности, конкретного овладения технологией. Как правило, сельсовет состоял из председателя, его заместителя и иногда секретаря, а зарплата их была намного выше, чем в европейской части страны – от 200–215 до 300–315 руб. для главы и его заместителя. В то же время были распространены «самотек и обезличка», чрезвычайная текучесть кадров, особенно районных; в районах с половиной или даже большинством таджикского населения преобладало делопроизводство на узбекском языке¹¹⁶.

Однако сквозь череду оптимистических данных прорывались и противоположные. Синдром милитаризации диктовал отношение к методам организации производственной «атаки». Славянский сельсовет Северо-Кавказского края, в частности, постановил в январе 1931 г.: «2 февраля организовать трудовую боевую дивизию из 5 полков и 2 эскадронов, куда всем членам совета, кандидатам, активу, колхозникам и красным партизанам влиться для работы». Командиром дивизии назначался глава сельсовета, помощником и начальником штаба – члены президиума сельсовета...

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 110. Л. 8–10, 17–19.

¹¹⁶ Там же. Л. 21–22, 27.

И в соседних районах свертывалась советская работа, сотрудники сельсоветов переводились на казарменное положение. Военизированные структуры были ликвидированы в марте, но в конце 1931 г. вновь возродились¹¹⁷.

Местные структуры управления и самоуправления для нацменьшинств под усиленным контролем и опекой по вертикали постепенно встраивали дисперсные этносообщества в общесоветский формат. В соответствии с решениями XIV Всероссийского съезда Советов было завершено создание национальных сельсоветов. В 1933 г. в СССР существовало 250 национальных районов и 5 300 национальных сельсоветов. В РСФСР в 1935 г. насчитывалось 2 930 национальных сельсоветов и других структур¹¹⁸, в УССР – 24 национальных района (9 русских, 8 немецких, по 3 еврейских и болгарских, 1 польский) и 1 078 национальных сельсоветов; в БССР – 1 польский национальный район, 29 польских, 24 еврейских, 15 русских, 6 украинских, 4 латышских, 2 немецких и 1 литовский сельсовет¹¹⁹. Перекройка административных границ видоизменяла структуру ответственных за меньшинства подразделений и ландшафт этнонациональных образований. В 1935 г. отделы нацменьшинств были в аппаратах 8 краевых, 4 областных и 5 центральных исполкомов автономий России. В одном окружном исполкоме работал сектор по работе с меньшинствами, в 6 ЦИКах АССР и 4 облисполкомах АО, 3 облисполкомах и 2 крайисполкомах имелись уполномоченные по делам нацменьшинств¹²⁰.

Во 2-й половине 1930-х гг. все яснее становилась невозможность простым этническим картографированием упорядочить и тем более сделать управляемой многоцветную этнокультурную реальность. С 1932 г. в РСФСР проводился ежегодный учет национального состава рабочих и служащих в промышленности, строительстве, совхозах, МТС, государственных и кооперативных учреждениях каждой автономии, с 1934 г. – по всему СССР. С 1933 г. был введен ежегодный учет национального состава учащихся техникумов, рабфаков, вузов и втузов в общесоюзных наркоматах и центральных управлениях при составлении планов и сводных материалов по каждой автономии и национальным округам народов Севера¹²¹. 31 декабря

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 42. Д. 1. Л. 105, 110, 120–121.

¹¹⁸ Только в Омской области в 1936 г. 23,08 % населения составляли меньшинства, в 34 районах из 56 действовали 148 национальных Советов: 66 татарских, 28 казахских, 19 немецких, по 6 зырянских и белорусских, 2 эстонских, 1 финский, 7 латышских, 2 чувашских и 11 украинских. К тому же было создано 894 национальных колхоза: 236 казахских, 242 татарских, 15 латышских, 22 эстонских, 27 чувашских, 5 польских, 141 немецкий, 7 зырянских, 2 еврейских, 4 мордовских, 4 финских, 26 ханты, 6 манси, 157 смешанных. См.: *Лоткин И.В.* Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920–1930-е годы). – Омск: Издательский дом «Наука», 2006. – С. 252.

¹¹⁹ *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. – М.: Славянский диалог, 2000. – С. 159.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 1. Л. 55.

¹²¹ Там же. Л. 72–73.

1934 г. Президиум ВЦИК отменил специальное бронирование мест в учебных заведениях для коренных народов автономных республик и областей, а также для нацменьшинств. ЦИКа автономий и центральным ведомствам одновременно было поручено комплектовать учебные заведения по плановой потребности, с улучшением предварительной подготовки выпускников в школах, на рабфаках и подготовительных отделениях. В план Всесоюзного переселенческого комитета на 1936 г. были включены мероприятия по землеустройству цыган¹²².

Апогей сталинизма был отмечен «окончательным решением национального вопроса» и в отношении Советов. 17 декабря 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило решение о ликвидации национальных районов и сельсоветов как искусственно созданных «врагами народа» с вредительскими целями. К этому времени в СССР было 23 национальных района и 677 таких сельсоветов, и больше всего «врагов народа» в новой обстановке «обнаружено» в немецких, финских и греческих образованиях¹²³.

Доктрина пересотворения мира на началах социальной справедливости предполагала новые ценностные и институциональные «нормативы» прогресса, среди которых немаловажное место заняли органы местного самоуправления. Национальные Советы должны были не только олицетворять политическое самоопределение меньшинств через выстраивание административно-территориальных границ и этнократической местной бюрократии, но и на низовом, самом приближенном к конкретному человеку уровне воплощать преимущества социализма в удовлетворении партикулярных интересов этносообществ. Однако жесткий контроль со стороны центра, общая профанация идеи самоуправления, силовой характер модернизации экономики и реформирования социальной структуры общества лишили национальные, да и другие советы возможностей всерьез выполнять свои конституционные полномочия. В то же время многообразная и сложная социальная практика в каждом конкретном случае модифицировала и адаптировала общую схему советизации управления и самоуправления. Советы, в т. ч. низовые, созданные по этническому принципу конструирования политического ландшафта СССР, в общественном мнении представляли не в классовом облике, а начинали функционировать в соответствии с традиционной культурой организации общественных взаимоотношений. Именно главы сельсоветов были чаще всего неотъемлемой частью местного общества, обладали практически той же организационно-политической культурой и психологией, что и их подопечное население.

Сами советы фактически нередко играли роль национально-культурной автономии. Они были дополнительным рычагом политики административного регулирования этнических процессов и межэтнических отноше-

¹²² ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 130. Д. 1. Л. 11, 52 об., 54 об. – 58.

¹²³ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – С. 311–314.

ний. Неслучайно во второй половине 1930-х гг., когда основные параметры сталинской системы единовластия и декларативной демократии были созданы, потребность в таких органах самоуправления фактически отпала. Да и реальная жизнь быстро расставила приоритеты – было очевидно, что решение любого мало-мальски значимого вопроса на всех этажах социальной иерархии от Советов зависит в минимальной степени.

Форматирование советскости на «микроуровне» администрирования территорий и культур – пример грандиозной по замыслу, масштабам, усилиям и разнообразным последствиям технологии создания единой поликультурной системы консолидации социальных страт и политических акторов, внедрения рациональных инструментов этнокультурного развития, взаимодействия общества и власти в соответствии с вызовами времени. Культурная модернизация была одной из самых важных целей советской власти, но ее осуществление оказалось неразрывно связано со всеми другими, не менее запущенными, проблемами развития народов СССР. Фетишизация политического способа решения этнокультурных проблем сделала заложниками этнонациональной квазигосударственности и руководство страны, и сами народы.

Н.Ф. Бугай, Е.Ю. Зубкова

Глава 6

Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е гг.)

§ 1. Российский патриотизм и сталинский диктат в условиях войны

В разделе раскрывается общее состояние этнополитической обстановки в СССР, специфика, особенности, политика правящего режима СССР относительно репрессированных народов в ходе гитлеровской агрессии, ликвидация их государственности, влияние хрущевской оттепели на проведение реабилитации народов, на этноконфликтные ситуации.

Воздействие на организацию жизни народов мерами принудительного порядка было своеобразной реакцией власти на сложную обстановку в многонациональном сообществе накануне войны. Война вызвала к жизни весь арсенал силовых методов управления. Личная власть Сталина и сформированный им тоталитарный режим принесли народам Союза ССР серьезные лишения, тем не менее, все они поднялись на защиту Отечества, государственного суверенитета, своего права на жизнь. Война сплотила советских людей. Они проявили мужество и героизм не только на фронтах, но и в тылу, активно перестраивая народное хозяйство страны на военный лад, обеспечивая фронт всем необходимым. Для мобилизации населения был принят ряд решений партии и правительства, направленных на консолидацию всех народов страны. В срочном порядке принимались меры по распределению рабочей силы в интересах обороны страны. Были приняты Указ Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г., постановление СНК СССР «О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени» от 1 июля 1941 г. Согласно Указу Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г., рабочие и служащие, трудившиеся на военных предприятиях и смежных с ними производствах, объявлялись на период

войны мобилизованными и закреплялись для постоянной работы на предприятиях по месту жительства. Важную роль играл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. о мобилизации трудоспособного населения на территории всей страны¹. Эти меры в экстремальной обстановке усилили командно-административные методы управления обществом, ужесточили дисциплину и ответственность.

На всей территории страны проводилась мощная пропагандистская работа. Заметную роль сыграла смена приоритетов советской пропаганды: в идеологический арсенал были включены знаковые фигуры русской и национальных историй – Александр Невский, Михаил Кутузов, Давид Сасунский, Георгий Саакадзе (Великий Моурави) и другие. С апреля по февраль 1943 г. Главное политическое управление РККА направило на фронт 2429 политработников нерусской национальности, выделенных в его распоряжение ЦК компартий союзных республик². Был взят курс на сближение с Русской православной церковью, занявшей патриотическую позицию. Митрополит Сергей в поздравительной телеграмме назвал Сталина «богоизбранным вождем»³. 4 сентября 1943 г. на встрече с иерархами РПЦ Сталин дал согласие на избрание патриарха. 8 сентября 1943 г. Поместный собор избрал патриархом митрополита Сергея. 8 октября 1943 г. начал функционировать Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР. Церковь занималась сбором средств и вещей для нужд фронта. От граждан поступило 24 млрд 300 млн рублей.

Муфтий Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири Г. Расулев призвал мусульман на защиту Родины. «Нет ни одного правоверного, чей сын, брат или отец не дрались бы сегодня с немцами, отстаивая с оружием в руках нашу общую Родину. Так же, как и нет, наверное, ни одного, кто бы в тылу не помогал делу победы своим трудом на фабриках и заводах. Ибо мы, мусульмане, хорошо помним слова Пророка Мухаммада (мир ему): «Любовь к Родине – это часть твоей веры», – сказал муфтий на съезде духовенства в Уфе в 1942 г. Сталин поблагодарил муфтия за организацию пожертвований. РПЦ собрала ценностей и денег на 8 млн рублей и передала их на строительство танковой колонны «Дмитрий Донской». В начале 1944 г. на собранные Армянской апостольской церковью средства была сформирована танковая колонна имени св. Давида Сасунского. Все это содействовало совместным действиям народов в защите государства.

С началом Великой Отечественной войны сотни граждан разных национальностей выстраивались в очереди у военкоматов с единственным

---

¹ См. подробнее: Война и общество. 1941–1945. Кн. 2 / Отв. ред. Г.Н. Савостьянов. – М.: Наука, 2004. – С. 625.

² Партийно-политическая работа в Вооруженных Силах СССР. 1918–1973. Исторический очерк / Ред. А.А. Епишев. – М., 1974. – С. 229.

³ См.: Правда. – 1939. – 9 ноября.

желанием попасть на фронт. Республики Закавказья отправили на фронт почти 2 млн граждан. Формировались многонациональные воинские соединения в Казахстане и республиках Средней Азии, в автономных республиках РСФСР. С территории Северного Кавказа отправились сражаться за Отечество 1,2 млн граждан. По этому пути шли народы Поволжья, Северо-Запада страны, Сибири и Дальнего Востока. В Республике немцев Поволжья состоялись патриотические митинги, в которых приняли участие 270 тыс. человек. За два дня в военкоматы поступило более тысячи заявлений о желании добровольно вступить в ряды защитников родины, из них 315 – от российских немцев⁴. Вскоре поступило еще 2500 заявлений с просьбой добровольно отправить на борьбу с фашизмом⁵. 13 июля обком ВКП(б) принял решение о создании на территории АССР немцев Поволжья отрядов народного ополчения. В первые же дни в них вступили 8 тыс. человек⁶. На 15 августа 1941 г. в народном ополчении АССР немцев Поволжья состояло 11 193 человека, в том числе 2 635 женщин⁷. Подобным образом развивалась ситуация в других национальных регионах.

К сентябрю 1941 г. закончилось формирование из уроженцев Калмыкии 189-го калмыцкого полка 70-й кавалерийской дивизии. Калмыкия мобилизовала на фронт до конца декабря 1943 г. 42 622 человека, или 38,3 % от всего мужского населения республики, из них 20 700 калмыков, или 37,7 % мужского калмыцкого населения (с учетом других областей РСФСР и СССР – до 28 тыс. калмыков). Убыли на фронт и 19 500 русских (39,4 % от русского населения), 2 422 представителя других национальностей⁸. На пятый день после объявления войны в Дагестанской АССР число добровольцев, изъявивших желание защищать Отечество, составило более 3,5 тыс. человек. В числе первых звание Героя Советского Союза было присвоено даргинцу М. Гаджиеву⁹.

В военкоматы Краснодарского края поступило 17 тыс. заявлений с просьбой об отправке на фронт. На начало июля 1941 г. было подано 177 655 заявлений о приеме в ополчение. В первые четыре месяца направились на фронт 26 тыс. коммунистов (40 %) – русские, украинцы, белорусы, адыгейцы и др. Началось формирование добровольческих отрядов из казаков. В ноябре–декабре в районах и станицах были созданы казачьи сотни¹⁰. В октябре 1941 г. решением ГКО СССР был сформирован 17-й

⁴ ЦДНИ СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4495. Л. 189–193; 83–84.

⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 61. Л. 9.

⁶ Там же.

⁷ ЦДНИ СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807. Л. 13; Д. 4927 Л. 13; Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1994. – С. 262–273.

⁸ См.: Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. – М.: Наука, 2007. – С. 359.

⁹ История Дагестана. Т. III. М. – С. 344.

¹⁰ Задорожный П.Ф. Патриотизм казачества в годы Великой Отечественной войны // Казачество в истории России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М., 2007. – С. 95.

Кубанский кавалерийский корпус, 9-я пластунская дивизия кубанских казачков. На Северном Кавказе началось формирование 110-й кавалерийской дивизии, к марту 1942 г. она насчитывала в своих рядах 4600 военных (63 % – калмыки). В Адыгее формировался кавалерийский полк¹¹. Материальное обеспечение воинских соединений станицы и аулы брали на себя.

Около 15 тыс. коммунистов направила на фронт партийная организация Ставропольского края. Поступили заявления более чем 5 тыс. граждан об отправке их на фронт. Многие привлекались для работы в тылу. Из представителей народов Черкесии и Карачая были сформированы несколько кавалерийских и стрелковых соединений¹².

За период с июня по декабрь 1941 г. с территории Чечено-Ингушской АССР добровольно ушли на фронт более 10 тыс. комсомольцев, в том числе 2 тыс. девушек. За два года войны на фронт ушло 18 тыс. комсомольцев. В ноябре 1941 г. ГКО СССР принял решение о формировании в ряде автономий, в том числе в Чечено-Ингушской АССР, национальных кавалерийских дивизий и полков. 114-я Чечено-Ингушская кавалерийская дивизия, сформированная в начале 1942 г., на 80 % состояла из чеченцев и ингушей¹³.

Из 100 тыс. призывников и добровольцев Карело-Финской АССР, участвовавших в Великой Отечественной войне, 24 тыс. граждан были финны и карелы. В армию было призвано 94,5 тыс. человек. Влилось в партизанские отряды 2 тыс. человек. Участвовало в военных операциях в составе истребительных батальонов 3,5 тыс. человек. 5 тыс. граждан вступили добровольцами в ряды ополчения¹⁴. Фактически все регионы РСФСР отправили на фронт сотни тысяч солдат. Из многонациональной Оренбургской области убыли на фронт 28 228 членов и кандидатов в члены партии, 22 667 комсомольцев, а всего за годы войны с территории области – 52,6 тыс. комсомольцев¹⁵. Подобной была обстановка во многих краях и областях республики. Только в РСФСР было призвано в армию 21 187 600 человек, или 67 % от 34 476 100 всех мобилизованных граждан в СССР. Направлены на фронт воинские соединения с территории Грузии, Азербайджана, Армении, Эстонии, Латвии, республик Средней Азии и Казахстана. В кон-

---

¹¹ Максимов К.Н. Трагедия народа. Репрессии в Калмыкии 1918–1940-е годы. – М.: Наука, 2004. – С. 259.

¹² Очерки истории Ставропольской организации КПСС. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1970. – С. 362.

¹³ Ибрагимбеилов Х.-М. Сказать правду о трагедии народов // Справедливость. – 1989. – № 11–12. – С. 11.

¹⁴ Подробно эта тема исследована С.Г. Веригиным. См.: Веригин С.Г. О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 года // Народы и культура. Материалы к серии «Народы и культура». Вып. XVI. Карелы. Финны. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1992. – С. 16–30.

¹⁵ Футорянский Л.И. Оренбуржцы в защите отечества // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Национальная и этноконфессиональная политика. – Оренбург: ОГУ, 2010. – С. 41.

це 1941 г. сформирована Литовская дивизия. В годы войны развернулось партизанское движение в районах Белоруссии, Украины, Прибалтики. К концу 1941 г. действовало более 2 тыс. партизанских отрядов, объединивших 90 тыс. граждан. В конце 1943 г. в них входило уже 120 тыс. человек. В Латвии действовало 20 партизанских отрядов, в Карело-Финской ССР – 18¹⁶. В составе Красной армии в 1941–1944 гг. и в партизанских отрядах Белорусской ССР воевало свыше 700 курдов. Около 400 из них погибли. Курды внесли достойный вклад в победу Великой Отечественной войны. Четверо стали Героями Советского Союза, многие награждены орденами и медалями.

В то же самое время необоснованная подозрительность со стороны власти к представителям ряда национальностей выразилась в отзыве с 1937 г. представителей «неблагонадежных народов» из сферы обороны, предприятий по изготовлению военной техники, конструкторских бюро. По директиве Наркомата обороны от 24 июня 1938 г. (по неполным данным) особые отделы выявили около 13 тыс. подлежащих увольнению «националов». Проверка завершилась изъятием военнослужащих разных национальностей из рядов Красной армии. 2 тыс. из 4 тыс. уволенных были арестованы. В 1940 г. всего по директиве было уволено 4 138 человек комначполитсостава. Позднее восстановлены в армии лишь 1 919¹⁷. По данным И.И. Шульги, в 1938 г. было уволено в запас из командного состава 4 800 чел. (немцев, поляков, латышей, эстонцев, корейцев, финнов, литовцев, турок, румын, венгров и болгар)¹⁸.

Наркомат Обороны СССР в директиве «О сроках и порядке призыва в РККА в 1939 году» предусмотрел отказ от призыва «социально-опасных призывников», документ включал и этнический компонент. С фронтов в 1944 г. были отозваны 6 154 военнослужащих калмыков сержантского и рядового состава и 400 офицеров. Общая численность таких «неблагонадежных» участников войны составила более 300 тыс. человек.

В 1949 г. из военнослужащих, подвергшихся репрессиям в первой половине 1940-х гг. по национальному признаку, оставалось на учете 209 245 человек. В их числе репрессированных офицеров было 8 343, сержантов – 28 001, рядового состава – 173 201 человек¹⁹: 65 тыс. советских немцев, около 5 тыс. балкарцев, около 6 тыс. чеченцев и ингушей, около 500 российских корейцев, более 15 тыс. карачаевцев.

¹⁶ Обобщенные данные см.: История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978. – М.: Мысль, 1979. – С. 70.

¹⁷ Сувениров О.Ф. Трагедия РККА, 1937–1938. – М.: ТЕРРА, 1998. – С. 311. См. также: Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 // Репрессии против российских немцев. Материалы научной конференции. Москва, ноябрь 1998. – М., 1999.

¹⁸ См.: Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. – М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. – С. 101.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2704. Л. 17.

Таблица 1. Численность спецпереселенцев, ранее служивших в Красной армии (по данным перерегистрации на март 1949 г.)

Наименование контингента	Офицеры	Сержанты	Рядовой состав	Итого по контингентам
<i>Немцы:</i>	3178	8351	53115	74644
Выселенные	1609	4282	27724	33615
Репатриированные	1092	2828	18747	32667
Мобилизованные	326	907	4444	5677
Местные	119	301	2057	2477
Другие	32	33	143	208
<i>С Северного Кавказа</i>	710	1696	6488	8894
Чеченцы	238	724	3286	4248
Ингуши	129	211	606	946
Карачаевцы	238	495	1810	2543
Балкарцы	99	243	703	1045
Другие	6	23	83	112
<i>Из Крыма</i>	569	1660	8663	10892
Греки	8	86	465	569
Болгары	9	79	494	582
Крымские татары	524	1392	7079	8995
Армяне	19	70	485	574
Другие	9	33	19	61
<i>Из Грузинской ССР</i>				
Турки	24	271	2222	2517
Курды	4	15	125	141
Хемшины	–	3	4	7
Другие	29	170	1211	1410
<i>Калмыки</i>	383	1118	4683	6184
<i>По Указу от 2.06.48 г.</i>	132	1128	4736	5996
<i>Из Литовской ССР</i>	5	5	210	220
«Власовцы»	2423	9588	71606	83 616
«Оуновцы»	1	28	503	532
Фольксдойче	3	22	41	66
Немецкие пособники	6	27	187	220
«ИПХ»	–	–	1	1
Поляки	12	104	810	926
Итого:	8343	28 001	173201	209 545

Источник: ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп 1. Д. 2704–38. Л. 17.

Героизм народов в годы Великой Отечественной войны носил поистине грандиозный характер. Свыше 7 млн доблестных защитников Родины – представителей около ста народов СССР были награждены орденами

и медалями. Звание Героя Советского Союза присвоено 8182 русским, 2072 украинцам, 311 белорусам, 161 татарину, 150 евреям, 96 казахам, 91 грузину, 90 армянам, 46 азербайджанцам, 69 узбекам, 62 мордвинам, 44 чувашам, 39 осетинам, 39 башкирам, 18 туркменам, 18 марийцам, 15 литовцам, 14 таджикам, 13 латышам, 12 киргизам, 10 удмуртам, 9 эстонцам, 8 калмыкам, 7 кабардинцам, 6 чеченцам (по новым данным – более 10), 5 абхазам, 6 адыгейцам, 5 казахам, 4 ингушам, 3 якутам и представителям других национальностей²⁰.

Жертвами войны стали более 27 млн советских людей. Среди них, по данным Генерального штаба Вооруженных сил, 8 668 419 военнослужащих²¹. Из тех, кто сражался на фронтах Великой Отечественной войны наряду с русскими, украинцами и белорусами, народами Грузии, азербайджанцами, армянами, народами Средней Азии и Казахстана, погибли в сражениях 200 тыс. евреев, 21,2 тыс. эстонцев, по 11,6 тыс. латышей и литовцев и др.²² Значительную долю составили представители репрессированных народов.

Потеря западных промышленных районов страны в первый период войны, непродуманное сосредоточение промышленности, особенно оборонной, быстрый захват западных территорий поставили страну в военном отношении на грань катастрофы. С июля по ноябрь 1941 г. на восток было эвакуировано свыше 10 млн человек, более 1360 крупных предприятий²³. На Урале к концу 1942 г. было размещено 830 предприятий и 2127 тыс. человек, составлявших 25 % от всех эвакуированных на территории СССР²⁴ в другие регионы РСФСР, в Казахстан, в республики Средней Азии. Мобилизация в ряды Красной армии резко уменьшила число рабочих и служащих. Их численность сократилась с 31,5 млн к началу 1941 г. до 18,5 млн к его концу. Повсеместно ощущалась потребность в рабочей силе. Срочно решалась проблема трудовых ресурсов путем ускоренного обучения молодых кадров. Только через фабрично-заводские училища на Урале было подготовлено 444,7 тыс. человек.

В созданные трудовые армии направлялись в основном репрессированные, а также выходцы из Казахстана, республик Средней Азии, уволенные по специальному указанию в 1942–1945 гг. из рядов Красной армии²⁵.

---

²⁰ Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны. – М.: Новый хронограф, 2005. – С. 4; Герои Советского Союза. Историко-статистический очерк. – М.: Воениздат, 1984. – С. 245; Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне. 1941–1945. – М., 1985. – С. 197.

²¹ Воронов А. Погибли в боях // Родная газета. – № 26 (61). – 2004. – 9 июня; см.: Война и общество. 1941–1945. Кн. 2 / Отв. ред. академик Г.Н. Севостьянов. – М.: Наука, 2004. – С. 386–389.

²² Россия в XX в. Стратегическое исследование. – М., 2001. – С. 214.

²³ Хан С.В. Корейцы в «трудовой армии» в годы Второй мировой войны: историографический обзор // URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/2030-9.shtml

²⁴ Хисамутдинова Р.Р. Вклад Урала в победу над фашистской Германией // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Национальная и этноконфессиональная политика. – Оренбург: ОГУ, 2010. – С. 3–12.

²⁵ Там же.

В трудовых колоннах и батальонах было более 300 тыс. советских немцев²⁶, около 65 тыс. *немцев, демобилизованных* из Красной армии, более 14 тыс. корейцев, представители народов Северного Кавказа, финны-ингерманландцы и др. Использовался труд заключенных и военнопленных.

В гитлеровских планах национальным проблемам в Союзе ССР отводилось особое место. Об этническом факторе в политике Германии относительно населения СССР министр Восточных территорий А. Розенберг заявлял: «...задачи нашей политики органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования, восстановить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы. Четыре больших блока должны будут оградить нас и одновременно продвинуть далеко на восток границы Европы: 1) Великая Финляндия; 2) Прибалтика; 3) Украина; 4) Кавказ... Южные области и Северный Кавказ должны будут послужить компенсацией в деле обеспечения продовольствием германского народа. Мы не берем на себя никакого обязательства, чтобы кормить русский народ продуктами из этих областей изобилия»²⁷.

Концепция отношения к народам Союза ССР включала в себя войну на уничтожение, тотальную оккупацию, формирование колониального германского аппарата, разграбление оккупированных территорий. Планировалось временно не лишать народы их государственной организации, держа на низком уровне их культуры, сокращая их численность, внося раскол, используя межэтнические противоречия, натравливая народы друг против друга.

Немецкое командование надеялось на поддержку кавказских народов, учитывая их прошлые связи с Турцией, вооруженные силы которой в 1942 г. сосредоточились на советско-турецкой границе. Территория Крыма и населяющих его народов виделась немецкой колонией. Особые подходы предусматривались в отношении захваченных регионов Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии. На Кавказ, в Западную Украину, в Прибалтику направлялись многочисленные отряды диверсантов. В этой ситуации перед властью возникла задача стабилизации обстановки в тылу, учитывая факты уклонения от службы в Красной армии, дезертирство, предательство, коллаборационизм. По данным Отдела борьбы с бандитизмом НКВД, на территории Союза ССР в 1941–1944 гг. численность дезертиров составила 1 210 224 человека, уклонявшихся от службы в Красной армии – 456 667 человек, всего – 1 666 891 человек²⁸. Внушительным (око-

---

²⁶ См. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...». 1940-е годы. Сб. документов. – М.: Готика. 2000. – С. 11. См. также: *Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р.* История немцев России: Учебное пособие. – М.: МСНК-пресс, 2005, – С. 441–468.

²⁷ Цит. по: Вторая мировая война. Актуальные проблемы. – М.: Наука, 1995. – С. 292.

²⁸ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. – М.: Капъ, 1994. – С. 115.

ло 430 тыс. человек) оказался корпус коллаборационистов²⁹. Эти факты выступали одним из аргументов принудительного переселения целых народов. В ряде регионов некоторые национальности были подвергнуты репрессиям. Отношение органов государственной власти к ним носило деструктивный характер, рушились основы жизненного обустройства целых этнических общностей, изменялись условия их существования.

Во второй половине 1930-х гг. проживавшие на Дальнем Востоке корейцы были переселены в Среднюю Азию. Репрессии не обошли стороной и греков. Ликвидировались национальные районы и сельские советы³⁰. С присоединением Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики были осуществлены меры по очищению границ от «неблагонадежных» контингентов населения: «польских осадников» (свыше 100 тыс. человек), беженцев из западных областей Украины, «немецких пособников», «фольксдойче», представителей Украинской повстанческой армии (УПА) и украинских националистов (ОУН) – 100 000 человек. Только с территории Украины были принудительно выселены 550 826 граждан³¹.

§ 2. Ликвидация ряда автономий, обустройство территорий, восстановление автономий

Советские немцы оказались в числе первых принудительно переселенных, имевших свою государственность. Нацистская пропаганда утверждала, что немецкая диаспора в любом государстве остается опорой рейха. Приказ Гитлера (июнь 1941 г.) гласил: «Принять срочные меры в целях учета лиц немецкой национальности в оккупированной части Советского Союза для последующего выдвижения из их числа на руководящую работу»³². Особенность переселения немцев, проживавших, помимо автономии, во всех республиках СССР, заключалась в том, что на практике их выселения были отработаны механизмы распоряжения территориями и личным имуществом граждан.

22 июня 1941 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР предписал военным ведомствам на территориях, «объявленных на военном положении, принимать решения о выселении лиц, признанных социально опасными».

---

²⁹ Кринко Е.Ф. На стороне рейха: грузинские части вермахта и германских спецслужб // Россия – Грузия: альтернатива конфронтации – созидание. Проблемы истории российско-грузинских отношений. XIX – XXI вв. – М.: ИРИ РАН, 2011. – С. 189.

³⁰ Там же. – С. 118, 398. (См.: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 65. Д. 397. Л. 9).

³¹ Там же. Оп. 109. Д. 195. Л. 50.

³² Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья. 1918–1941 гг. – М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 1999. – С. 412.

ми». Под эту категорию подпали немцы: из Грузинской ССР переселялись 23 580, Азербайджанской ССР – 22 741, Армянской ССР – 212 человек.

26 августа 1941 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «О переселении немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей». 28 августа 1941 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». 21 сентября 1941 г. ГКО постановил переселить «немцев из Краснодарского, Орджоникидзевского краев, Тульской области, Кабардино-Балкарской АССР и Северо-Осетинской АССР»³³. 22 октября 1941 г. последовали указания переселить немцев из остальных регионов Северного Кавказа. Выселение немцев продолжалось и после окончания войны. С мая по декабрь 1945 г. постановлением НКВД СССР от 10 февраля 1945 г. 668 немцев были депортированы из Молдавской ССР³⁴. По распоряжению СНК СССР после войны направлены на спецпоселение 208 462 репатриированных немца. В 1948 г. МВД СССР взяты на спецучет 159 906 немцев на Дальнем Востоке, Урале, в Сибири, Казахстане, других регионах. В 1940–1950-е гг. находилось на поселении вместе с детьми 1 225 005 немцев³⁵. Депортация немецкого населения разрушила хозяйственную жизнь и культурный уклад на этих территориях. На опустевшие земли, в колхозы, на промышленные предприятия пришлось привлекать переселенцев. На территории бывшей автономии оставалось всего около 100 тысяч русского и другого населения. В «Справке о состоянии хозяйственного устройства переселенцев в Приволжских районах Саратовской области» указывалась потребность в 16 800 хозяйствах колхозников. В 1944–1945 гг. удалось переселить 4 412 хозяйств³⁶.

Для распределения имущественных ценностей республики 30 августа 1941 г. СНК СССР утвердил Инструкцию о порядке приемки имущества переселяемых колхозов и колхозников. 3 сентября 1941 г. СНК СССР утвердил план на 59 794 хозяйства колхозников. Из них в Саратовскую область переходили 44 744 хозяйства, в Сталинградскую область – 15 050 хозяйств³⁷. К ноябрю 1941 г. из шести областей Украинской ССР, Курской и Орловской областям направлены 14 893 хозяйства. На конец мая 1942 г. 40 868 немецких хозяйств переходило в 12 районов, присоединенных к Саратовской области, новые переселенцы заполнили 34 156 хозяйств³⁸. Приживаемость в регионе была низкая. Всего в 1941–1945 гг. переселенцам удалось освоить 33 971 хозяйство. Вместе с хозяйствами русских старожилов это составило 40 294 хозяйства, тогда как до депортации у немцев

---

³³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 178. Л. 32–33.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Оп. 58. Д. 182. Л. 17–24.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1. Д. 393. Л. 1–5.

³⁸ Там же. Л. 18.

было 91 570 хозяйств. Органы государственной власти старались заполнить опустевшие немецкие колхозы. Процесс растянулся на долгие годы: не помогали ни льготы, ни убеждения. Население в колхозах увеличивалось в основном за счет внутриобластного переселения. Ощущалась как проблема обеспечения переселенцев жильем, так и острый дефицит населения на территории бывшей автономии.

Аналогичным образом заселялись территории и в других регионах страны, в принудительном порядке покинутых депортированным населением. Начальник Переселенческого управления при Совете министров РСФСР В. Воликов 9 августа 1952 г. подводил итоги заселения районов Крыма. За 1944–1945 гг. переселено в Крымскую обл. 17 040 семей; в 1945–1950 г. – 6 055 семей (26 728 чел.), из них трудоспособных – 14 876; закрепилось 5 089 семей (84 %). На начало 1951 г. в Крымской области числилось в колхозах 49 600 дворов, в них переселилось в 1944–1945 гг. 7 тыс. семей, в 1950–1951 гг. 5 089 семей, что составило более 25 % требуемого сельскохозяйственного населения. До 1955 г. планировалось переселить в Крымскую область 10 000 семей.

В 1954 г. огульные обвинения советских немцев Указом Президиума Верховного Совета СССР были сняты. Отмечалось, что «репрессии против немцев – советских граждан были проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности же немецкое население вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией». 8 декабря 1955 г. Президиум ЦК КПСС постановил снять «ограничения в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». В 1955 г. снято с учета и освобождено из-под административного надзора 740 335 спецпоселенцев. Среди них – 695 216 советских немцев и членов их семей, в том числе участников Великой Отечественной войны, награжденных орденами и медалями СССР³⁹. Но указывалось, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению «не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены». Тем не менее, это был важный шаг в процессе реабилитации советских немцев.

Упразднение автономии, жестокость обращения, особенно с мужским населением в трудармии, ограничения в правовом положении в течение многих лет после победы сформировали комплекс обиды у немцев. Он был усугублен тем, что другие народности, выселенные в период войны со своих территорий, вновь обрели территориальные автономии. Не оправдал надежды и XX съезд КПСС (1956 г.). Съезд осудил проведенные депортации целого ряда народов – только немцы Поволжья и крымские татары в этой связи не упоминались. О них как будто «забыли». Предложения вос-

---

³⁹ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 6–8.

становить автономию игнорировались. Указ Президиума Верховного Совета СССР 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья»» не решил проблемы. В указе говорилось, что «огульные обвинения в отношении немецкого населения, проживавшего в районах Поволжья», признаны неосновательными, что это проявление произвола в условиях культа личности Сталина⁴⁰. Это была сугубо юридическая реабилитация советских немцев. В 1960-е гг. на территорию бывшей автономии вернулось лишь 12,9 тыс. немцев⁴¹. С отменой в 1956 г. комендантского надзора и разрешением свободного перемещения по стране немцы начали обустриваться в Казахской ССР, республиках Средней Азии, в Сибири.

Операция «Улусы»: депортация калмыков, ликвидация автономии

По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., в Калмыцкой АССР проживало 220 689 человек. Калмыки составляли 48,5 % населения республики и 45 % всех трудоспособных. Имелся областной центр – Элиста, 12 административных районов, 64 сельских и поселковых совета. На промышленных предприятиях области было занято более 5 тыс. рабочих. В июне 1943 г. секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) П.Ф. Касаткин на заседании пленума обкома главной причиной дестабилизации положения с приближением фронта назвал бандитизм, появившийся в июне–июле 1942 г. После освобождения республики от немецких оккупантов бандитизм, по его словам, принял «более широкие размеры»⁴². 27 декабря 1943 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». В Астраханскую область включались районы Астраханского округа Сталинградской области и 8 районов Калмыцкой АССР. Мало-Дербетовский и Сарпинский районы Калмыцкой АССР включались в Сталинградскую область, районы Западный Башанта, Яшалтинский – в Ростовскую область, Приютненский – в Ставропольский край. В ходе операции под названием «Улусы» было депортировано более 94 тыс. калмыков⁴³. 4 января 1944 г. Сталинградский обком ВКП(б) и облисполком в развитие постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1943 г.⁴⁴ приняли поста-

⁴⁰ См. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 52. – Ст. 592.

⁴¹ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990. – С. 12–121.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 770 Л. 1–141.

⁴³ Наряду с калмыками Калмыцкой АССР они также выселялись с территории соседних регионов Северного Кавказа, областей и краев СССР, включая Москву. В декабре 1943 г. из районов Сталинградской области выселено 382 калмыцких семьи (1044 человека). (ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 299. Л. 70.)

⁴⁴ См.: Ссылка калмыков: Как это было. Сб. документов и материалов. Т. 1. Кн. 1. – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993. – С. 92.

новление «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». В 1944 г. ликвидирован и Калмыцкий район Ростовской области (около 5 тыс. калмыков).

Базовым документом восстановления государственности калмыцкого народа явилось постановление ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» от 24 ноября 1956 г.⁴⁵ 9 января 1957 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» утвердил Организационный Комитет Калмыцкой автономной области. На него было возложено руководство хозяйственным и культурным строительством до выборов областного Совета. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. за исключением ст. 2 об образовании в составе РСФСР Астраханской области и ст. 2 Указа от 17 марта 1956 г. о запрещении калмыкам возвращаться на прежнее местожительство считались утратившими силу. В январе 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном составе Калмыцкой автономной области Ставропольского края» утвержден административно-территориальный состав автономной области⁴⁶. В область передавались ранее отошедшие к ним районы Ставропольского края, Сталинградской, Астраханской, Ростовской области. Территории бывшей автономной области – Приволжский и Лиманский районы – оставались в Астраханской области.

25 января 1957 г. последовал приказ МВД СССР «О разрешении проживания и прописки калмыкам, балкарцам, карачаевцам, чеченцам, ингушам и членам их семей в местах, откуда они были выселены». Президиум Верховного Совета СССР 11 февраля 1957 г. утвердил указы о восстановлении автономии калмыцкого народа. На VI сессии Верховного Совета СССР в феврале 1957 г. утвержден Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР на основе прежней территории в границах Ставропольского края». 29 июля 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР, учитывая достижения автономной области в экономике, сплочении народов, принял решение преобразовать автономную область в Калмыцкую автономную республику. 19 октября 1958 г. состоялись выборы в Верховный совет республики. 28 октября прошла первая сессия Верховного совета Калмыцкой АССР.

После восстановления автономии калмыки возвращались на свою землю. Вновь приходилось обустроиваться на месте, что требовало огромных усилий. 12 сентября 1958 г. Совет министров РСФСР принял постановление «О мерах помощи Калмыцкой АССР», предписав завершить переселение в 1959 г. 3 000 семей калмыков получало полную поддержку.

---

⁴⁵ Там же. – С. 238–241.

⁴⁶ Там же. – С. 242–243.

Выселение карачаевцев и особенности восстановления автономии

По переписи 1939 г., в области проживало 150,3 тыс. населения (сельского – 139,6 тыс., городского – 10,7 тыс.). В 1941 г. на территории автономии располагались один город областного подчинения, 6 сельских районов, 53 сельских совета. Карачаевцев насчитывалось 70,3 тыс., русских – 64,6 тыс., 15,4 тыс. составляли осетины, украинцы, абазинцы, черкесы, ногайцы, кабардинцы, греки и другие этнические меньшинства. Указом Президиума Верховного Совета от 12 октября 1943 г. «О ликвидации Карачаевской автономной области и административном устройстве ее территории» прекратилось существование государственности карачаевцев⁴⁷. В постановлении СНК СССР «Вопросы НКВД СССР» от 14 октября 1943 г. предписывалось к 25 октября представить на утверждение СНК СССР мероприятия о порядке и сроках заселения освободившихся хозяйств спецпереселенцев⁴⁸.

Военно-политическая обстановка, в которой протекал процесс ликвидации автономии, оставалась крайне напряженной. «Наибольшая концентрация бандитско-повстанческих элементов, – читаем в докладной записке “О результатах агентурно-оперативной работы по ликвидации бандитско-повстанческого подполья в Ставропольском крае за 1943 год”, – имела место на территории Карачаевской автономной области, действовавшая во главе с бандповстанческой организацией. На территории области действовали группы численностью от 3 до 200 человек, боровшиеся против советов»⁴⁹. Непокойной оставалась обстановка и на территории соседней Черкесской автономной области. По тем же данным, в национальных и в русских районах области оперировали 17 бандгрупп, общей численностью 155 человек⁵⁰. На основании документов НКВД трудно судить, носили эти группы политический или уголовный характер: под понятием «бандгруппа» объединялись и повстанцы, и уголовники. Однако ясно, что это обстоятельство не могло быть оправдательным аргументом для массовой депортации.

Карачаевцев принудительно переселили в Казахскую и Киргизскую ССР, а территорию автономии распределили между соседними административными образованиями.. С выселением балкарцев в марте 1944 г. часть территории их проживания передавалась в состав Грузии. Постановлением

---

⁴⁷ По итогам спецмероприятий по выселению карачаевской этнической общности из пределов Ставропольского края выселено 14774 семьи (68938 человек). В ноябре–декабре 1943 г. производился розыск карачаевцев, проживавших в других регионах Северного Кавказа и Закавказья. Дополнительно собрано на сборном пункте гор. Черкесска и отправлено к месту расселения еще 329 карачаевцев. Всего – 69 267 человек. С учетом карачаевцев, высланных из Москвы, других населенных пунктов СССР, их численность составила чуть более 70 тыс. человек. (См.: ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 299. Л. 2–10, 61–82.)

⁴⁸ «По решению Правительства СССР...». – Нальчик: «Эль-Фа», 2003. – С. 397.

⁴⁹ См. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 299. Л. 2–10, 61–82.

⁵⁰ Там же.

СНК СССР «О порядке заселения районов бывшей Карачаевской автономной области Ставропольского края» от 6 ноября 1943 г. в состав Грузинской ССР включались земли Учкулановского и Микояновского районов. Вместо них образован Тебердинский район Грузинской ССР с центром в г. Микоян-Шахар. Оставшаяся от Микояновского района территория присоединялась к Дзегутинскому району.

Во второй половине 1940-х гг. на территории Карачаевской автономной области расселились сваны (селения Верхняя Мара, Хурзук и г. Клухори). В «Справке Комиссии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и МВД СССР в ЦК КПСС об условиях жизни карачаевцев в Казахстане и Киргизии» от 14 сентября 1956 г. указывалось: «на бывшей территории области ... проживает 93,4 тыс. человек, в том числе сельского населения 77,1 тыс. и городского – 16,3 тыс. человек». В сравнении с 1939 г. сельского населения стало меньше на 62,5 тыс. человек, городское увеличилось на 5,6 тыс. человек. Остальные районы бывшей автономии заселены в основном русскими (около 15 тыс. человек), прибывшими из степных районов Ставропольского края и других мест СССР⁵¹.

Реабилитация карачаевцев началась в 1956 г. Проект Постановления Секретариата ЦК КПСС «О снятии ограничений в правовом положении с карачаевцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 июня 1956 г. признал «целесообразным снять ограничения в правовом положении с карачаевцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», и обязал ЦК КП Казахстана и ЦК КП Киргизии «провести необходимую работу по дальнейшему закреплению карачаевцев в местах их настоящего жительства»⁵². Одновременно был подготовлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с карачаевцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»⁵³. В первую очередь в 1955–1956 гг. МВД снял с учета членов КПСС, участников Великой Отечественной войны, награжденных орденами и медалями Советского Союза, преподавателей учебных заведений и членов их семей, а также членов семей карачаевцев, погибших на фронтах Отечественной войны. Остававшиеся расселялись в Казахской ССР – около 21 тыс. человек, в Киргизии – 16 тыс., в других республиках, краях и областях – 500 человек, где они трудились на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах. На 1 января 1956 г. на учете спецпоселения оставалось 37 976 карачаевцев. В середине 1950-х гг. на территорию бывшей области возвратилось всего 173 семьи (602 человека)⁵⁴.

⁵¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56 Л. 104–111.

⁵² Там же. Ф.3. Оп. 12. Д. 68. Л. 22.

⁵³ Там же. Л. 24. См. также: Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 годы. – С. 25–26.

⁵⁴ Сведения взяты из справки о состоянии дел на территории бывшей Карачаевской автономной области, подготовленной представителями ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета Союза ССР и МВД СССР (См. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 104–111).

Стихийное возвращение карачаевцев к прежним местам жительства поставило в затруднительное положение районных руководящих работников. Карачаевцы требовали устроить их на работу, предоставить жилье и прописку, а коммунисты – поставить на партучет. Население в Клухорском районе не без основания опасалось возможных конфликтов. Грузинами высказывались мнения о невозможности совместного проживания с карачаевцами. Так же считало и районное руководство⁵⁵. Но мнение высших партийных и советских органов о возвращении карачаевцев было положительным. Бюро крайкома, руководство Черкесской автономной области (кроме первого секретаря обкома Фирсова) считали целесообразным обсудить возможность образования Карачаево-Черкесской АО. В то же время ЦК КП Казахстана и ЦК КП Киргизии предписывалось «провести необходимую работу по закреплению карачаевцев в местах настоящего проживания, исключив возможность их массового выезда»⁵⁶. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г. запрещал им возвращаться на прежнее место жительства.

Однако запрещения игнорировались. Вопрос рассматривался неоднократно Верховным Советом СССР. В октябре 1956 г. был подготовлен проект постановления «О восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей». В предисловии к проекту пояснялось, что «меры по реабилитации нельзя признать достаточными: они не решают задачи полной реабилитации необоснованно выселенных народов и восстановления их равноправия среди других наций, отсутствия условий для развития этих народов, восстановления автономий»⁵⁷. Предлагалось «провести в течение ближайших 3–4 лет восстановление автономий в форме национальных районов, округов, национальных областей и автономных республик для калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей, выселенных с территории бывшей Калмыцкой, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР и Карачаевской автономной области»⁵⁸. 24 ноября 1956 г. вопрос о восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов рассмотрел Президиум ЦК КПСС. В постановлении указывалось: «Преобразовать Черкесскую автономную область в Карачаево-Черкесскую автономную область в составе Ставропольского края»⁵⁹. 7 января 1957 г. карачаевцы-коммунисты обратились в ЦК КПСС с просьбой

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 108. В 1957 г. руководство Киргизской ССР и Казахской ССР обратилось к представителям карачаевцев с предложением о невьезде и предоставлении им обширных районов с целью образования автономной области. Однако карачаевцы от предложений отказались. (См.: Карачаевцы: выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. – Черкесск: ПУЛ, 1993.)

⁵⁷ «По решению Правительства Союза ССР...». – С. 747.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 184. Л. 48–53.

преобразовать г. Клухори (бывший Микоян-Шахар) в административный центр Карачаево-Черкесской автономной области.

Президиум ЦК КПСС возложил руководство осуществлением всех мер до выборов руководящих органов на Черкесский облисполком совместно с «представителями карачаевского населения». Руководство партийными организациями возлагалось соответственно на Черкесский обком КПСС, в его состав включались партийные работники-карачаевцы.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область» 9 января 1957 г. признал необходимым при восстановлении автономии определить границы и административно-территориальное устройство автономной области. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 октября 1943 г. и статья 2 Указа от 16 июля 1956 г. были признаны утратившими силу⁶⁰. Численность снятых с учета спецпоселенцев-карачаевцев составила 60 204 человека⁶¹.

Значительная часть карачаевцев (более 10 тыс.) еще оставалась в местах спецпоселений. Карачаево-Черкесский обком КПСС обратился в Совет министров РСФСР с предложением об их переселении в 1957 г. на территорию Карачаево-Черкесской АО. Министерство коммунального хозяйства РСФСР выделило дополнительно в 1957 г. Ставропольскому крайисполкому 1,8 млн руб. на капитальный ремонт жилого фонда, а также 2 млн руб. на благоустройство городов Карачаево-Черкесской АО⁶². К концу 1950-х гг. карачаевское население Карачаево-Черкесской автономной области по численности уже превосходило черкесское население (карачаевцев – 85 тыс., абазин и черкесов – 38 тыс. человек). Карачаевское и русское население области, составляющее абсолютное большинство (около 250 тыс. человек), проживало ближе к Клухори, переименованному в Карачаевск (1957). 21 января 1957 г. Совет министров РСФСР принял постановление о помощи переселенным на территорию Карачаево-Черкесской автономной области карачаевцам из Казахской, Киргизской, Таджикской, Туркменской и Узбекской ССР в количестве 84 ты. человек⁶³.

---

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 72. Д. 701. Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 годы. Документы. – М.: ИЭИА, 1994. – С. 50; Реабилитация: как это было. Февраль 1956 – начало 80-х годов. – М.: МФД, 2003. – С. 218–219. Проект указа утвержден постановлением Президиума ЦК КПСС от 24.10. 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» (см. док. раздела I). Сессия Верховного Совета СССР 11.10.1957 г. приняла «Закон об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов» (см.: Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 годы. Документы. – М.: ИЭИА 1994. – С. 49).

⁶¹ «По решению Правительства Союза ССР...». – С. 748.

⁶² Постановления Совета министров РСФСР за февраль 1957 года. – М., 1957. – С. 4–89; Реабилитация народов и граждан. 1954–1994 годы. Документы. – С. 75–81.

⁶³ РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 906. Л. 71–73.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. велась большая работа по восстановлению экономического потенциала автономной области, возрождению ее культуры. Процессы объединения разноязычных общностей в одной автономии протекали в относительно мирной обстановке. По имеющимся данным, более 60 тыс. карачаевцев поселялись на землях, на которых они до выселения не проживали.

В 1962 г. первому заместителю председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Г.И. Воронову и председателю Совета Министров РСФСР Д.С. Полянскому сообщалось: «Сохраняется обстановка нормальных межнациональных отношений, без острых конфликтов. Народы по отношению друг к другу лояльны и терпимы. Нередко у представителей отдельных народов возникает чувство национальной ущемленности, что связано с кадровой политикой, распределением лимитных мест в вузы, необъективным приемом экзаменов, с ограничениями в области культуры и искусства (например, в области имеются карачаевская и черкесская труппы театра, но нет ногайской и абазинской)»⁶⁴.

Операция «Чечевица». Депортация чеченцев и ингушей. Ликвидация государственности. Восстановление автономии

В Чечено-Ингушской АССР в 1940-е гг. проживали, кроме чеченцев и ингушей, русские, немцы, ногайцы, цыгане, евреи, поляки, представители этнических общностей Дагестанской АССР, балкарцы, и др. Чеченцы-аккинцы жили также в северных районах Дагестанской АССР. Путем укрупнения в 1943 г. Хасавюртовского района был сформирован Ауховский район с чеченским населением (15 358 человек). Часть чеченцев проживала дисперсно по другим селениям Дагестана.

К началу 1940-х в республике не удалось решить многие задачи по укреплению государственной власти на местах, стабилизации обстановки, покончить с бандитизмом. Замнаркома внутренних дел Чечено-Ингушской АССР Успенский 1 ноября 1940 г. констатировал: «Говорить о высоком национальном сознании не приходится. На примере Ачалукского района. В районе действовали 5 сельских советов, 2 264 хозяйства. Коллективизация составила 90 %. С белыми войсками ушло около 200 человек из коренного населения, часть возвратились, формировали бандитские группы, устраивали грабежи. К периоду ликвидации кулачества имели место кулацко-мулльское восстание, террористические акты в отношении советских и партийных работников. В течение трех лет государственные планы поставок районом не выполнялись, урожай не убирался». Широкую деятельность на территории республики развернули секты Кунта-Хаджи (до 250 человек), Дени-Арсаня (150 человек), Батал-Хаджи (30 человек). Ан-

⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 102. Д. 521. Л. 122–136.

тисоветского и контрреволюционного элемента насчитывалось 160 человек⁶⁵.

7 марта 1944 г. Президиум Верховного Совета ССР принял постановление «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР», в котором районы республики распределялись по соседним краям, союзным и автономным республикам. 11 марта 1944 г. специальная комиссия Совнаркома РСФСР⁶⁶ прибыла в Грозный и приступила к контролю переселения чеченцев и ингушей, составлению проектов нового обустройства региона.

В Грозненский округ в составе Ставропольского края включались г. Грозный и Атагинский, Ачхой-Мартановский, Грозненский, Надтеречный, Старо-Юртовский, Урус-Мартановский, Шалинский, Шатоевский районы бывшей ЧИАССР в существовавших границах, Гудермесский район, за исключением восточной части, Сунженский район, за исключением западной части, Галанчожский и Галашкинский районы, за исключением их южной части. Грозненский округ просуществовал до 22 марта 1944 г.

22 марта 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Грозненской области в составе РСФСР» с передачей в том числе территорий, находившихся в юрисдикции Ставропольского края (Наурский район)⁶⁷, г. Кизляр и Ачикулакского, Караногайского, Каясулинского, Кизлярского и Шелковского районов бывшего Кизлярского округа. Началось постепенное заселение опустевшей территории. Прибывали «плановые» переселенцы из различных регионов Союза ССР. Уже в 1944–1945 гг. заняты 30 484 двора, принадлежавших чеченцам, имелись 15 584 дома, из которых 12 059 заняты колхозниками-переселенцами⁶⁸.

Остальная территория отходила к соседним Северо-Осетинской и Дагестанской АССР, а также Грузинской ССР. В западные районы Чечено-Ингушской АССР переселялись осетины (из Северной и Южной Осетии), в южные районы Чечено-Ингушской АССР – хевсурсы и тушины, в восточные – аварцы и даргинцы.

Органы государственной власти Грозненской области поставили вопрос об установлении границ между Сунженским районом Грозненской области и Коста-Хетагуровским районом Северо-Осетинской АССР. Граница между названными субъектами установлена не была, колхозы этих районов продолжали пользоваться землями в границах, закрепленных за ними в 1936 г. при выдаче государственных актов⁶⁹.

25 июля 1946 г. законом «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область» внесены соот-

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 54. Л. 8.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 2. Д. 708. Л. 69–74.

⁶⁷ Сборник Законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР 1938–1946 гг. – М.: Изд-во «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 1946. – С. 58.

⁶⁸ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. – М.: Капъ. 1994. – С. 84, 102–103.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 41. Д. 225. Л. 4.

ветствующие изменения и дополнения в статью 14 Конституции РСФСР⁷⁰. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1948 г. земли района переведены в состав Грозненской области, определялась граница между Сунженским и Коста-Хетагуровским районами. Установлены границы между Моздокским районом Северо-Осетинской АССР и Курпским районом Ставропольского края по линии фактического землепользования колхозов. Установленные границы закреплялись Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 февраля 1950 г.⁷¹

К Северо-Осетинской АССР отходили г. Малгобек, Назрановский и Пседахский районы в существовавших границах, Пригородный, за исключением его южной части, западная часть Сунженского, восточная часть Курпского районов⁷².

Из бывшей Чечено-Ингушской АССР в состав Грузинской ССР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. передавались Итум-Калинский район, западная часть Шатоевского района, южные части Галанчожского, Галашкинского, Пригородного районов⁷³. Таким образом, из 24 районов Чечено-Ингушской АССР 8 полностью и 4 частично отошли Грозненской области, 6 районов – Дагестану, 5 – Северной Осетии, 1 район полностью и 4 частично – Грузии. 1 марта 1944 г. Л. Берия информировал И. Сталина, что «...руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам новых районов». В том же письме Берия сообщал Сталину, что им «уже приняты все необходимые меры для успешного проведения операции по выселению балкарцев»⁷⁴. Подготовительную работу планировалось завершить до 10 марта и с 15 марта провести выселение балкарцев. Конфигурация бывших субъектов Северного Кавказа изменялась коренными образом.

9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял Указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР»: «В целях создания необходимых условий для национального развития чеченского и ингушского народов». Решен и вопрос о механизме воссоздания Чечено-Ингушской АССР. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкин, докладывая об утверждении указов, отметил: вплоть до выборов руководящих советских органов утверждены организационные комитеты из представителей соответствующих национальностей. На Организационный Комитет Чечено-Ингушской АССР возлагалось «впредь до выборов Вер-

⁷⁰ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши... С. 104.

⁷¹ ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 1370. Л. 78.

⁷² В результате изменения границы двух субъектов Курпский район перестал существовать в структуре Кабардинской АССР (См.: Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы... – Ростов н/Д: РВИИ МВД, 1997. – С. 125).

⁷³ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 310. Л. 5.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 161.

ховного Совета АССР, руководство хозяйственным и культурным строительством на территории республики»⁷⁵. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 г. «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» и ст. 2 Указа от 16 июля 1956 г. в части запрещения чеченцам и ингушам возвращаться на прежнее место жительства утрачивали свою силу. В первую очередь ликвидировалась Грозненская область. В состав Чечено-Ингушской АССР возвращены территории, переданные Грозненской области, Дагестанской АССР, Северо-Осетинской АССР.

За годы ссылки чеченцев и ингушей на территории восстановленной Чечено-Ингушской АССР коренным образом изменился состав населения. В результате переселенческой политики во второй половине 1940-х годов ощутимо больше стало русских и украинцев, хотя русские не изъявляли особого желания переезжать на новое место жительства. Однако в государственную разверстку было вовлечено население многих краев, областей РСФСР и союзных республик. Контроль осуществляли партийные организации. Переселенцы испытывали трудности, расселение продолжалось до 1957 г. Председатель Краснодарского крайисполкома Б. Петухов сообщал 3 февраля 1958 г. председателю СМ РСФСР Ф.Р. Козлову: «В Краснодарский край в 1957 г. прибыло из Чечено-Ингушской АССР 120 русских семей. Эти семьи раньше, после выселения чечено-ингушей, были планово туда переселены, но в силу сложившихся обстоятельств покинули место жительства»⁷⁶. Подобные факты требовали непредвиденных расходов на обустройство жилья и т. д.

В этой ситуации Организационному комитету по восстановлению Чечено-Ингушской АССР приходилось решать территориальные вопросы как первостепенные. Совместно с Президиумом Верховного совета Северо-Осетинской АССР он внес на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР описание «границы между Северо-Осетинской АССР и Чечено-Ингушской АССР с учетом упразднения территориальной разобщенности Моздокского района с основной территорией Северо-Осетинской АССР». В восстановлении автономии участвовало и Главное управление переселения и организационного набора рабочих при СМ РСФСР.

Задача урегулирования отношений по поводу земли, находящейся в общественной собственности и принадлежавшей Чечено-Ингушской АССР до 1944 г., оставалась острейшей. С возвращением Чечено-Ингушской АССР Малгобекского и Назрановского районов осетины (25 тыс.) путем уплотнения расселялись в селах, в том числе и в Пригородном районе. Но за истекший период Пригородный район слился и территориально, и экономически со столицей Северо-Осетинской АССР. Он был густо заселен

⁷⁵ «По решению Правительства Союза ССР...», – С. 752.

⁷⁶ ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 77. Л. 44.

осетинами-переселенцами из Грузии и из разрушенных областей РСФСР. Взамен Пригородного района СМ РСФСР включил в состав Чечено-Ингушской АССР ранее ей не принадлежавшие Каргалинский, Шелковской и Наурский районы Ставропольского края. Плодородные земли новой территории в несколько раз превосходили по площади Пригородный район. Территория Чечено-Ингушской АССР увеличилась с 15,7 тыс. кв. км в 1944 г. до 19,3 тыс. кв. км⁷⁷. Границы между двумя субъектами были определены Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об установлении границы между Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР» от 7 марта 1957 г.

Вопрос возврата территорий из Грузии решался на союзном уровне. Указом от 29 апреля 1957 г. территории, переданные Грузинской ССР из Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской АССР, включались в состав названных автономий. Ранее, 11 января 1957 г., был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О передаче части Душетского и Казбегского районов из Грузинской ССР в состав РСФСР». В марте – апреле 1957 г. процесс передачи территорий из Грузии был завершен⁷⁸.

Депортация балкарцев и преобразование Кабардино-Балкарской АССР в условиях войны и в послевоенный период

В справке о состоянии районов Кабардино-Балкарской АССР, направленной из НКВД республики 23 февраля 1944 г. на имя Берия, отмечалось, что в области проживало 40 909 балкарцев⁷⁹. Единицами балкарцы проживали в соседних с Балкарией краях и республиках Северного Кавказа и Закавказья. Операция по выселению балкарцев началась 8 марта 1944 г. Она длилась всего два часа. Как и при депортации других народов, выселялись все без исключения – активные участники Гражданской и Отечественной войн, инвалиды войны, родители, жены и дети фронтовиков, депутаты Советов всех уровней, руководители партийных и советских органов. 8 апреля 1944 г. Кабардино-Балкарская АССР была переименована в Кабардинскую АССР. Последовали распоряжения о переименовании населенных пунктов: селение Яникой в Ново-Каменку, Кашкатау – в Советский, Хасанью – в Пригородный, Лашкута – в Заречный, Былым – в Угольный. Часть земель, на которых жили до выселения в Казахстан и Киргизию балкарцы, передавалась сванам и другим этническим меньшинствам Грузии.

Грузинской ССР передавалось Балкарское Приэльбрусье с курортными зонами. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переимено-

⁷⁷ См. Постановление Совета министров РСФСР от 12 апреля 1957 г. № 207 и Распоряжение Совета министров РСФСР от 15 июля 1957 г. № 3152-р.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 482. Л. 16.

⁷⁹ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья (20–50-е годы). – Нальчик: Эльбрус, 1997. – С. 84.

вании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР» от 8 апреля 1944 г. предписывалось: «Включить в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР юго-западную часть Эльбрусского и Нагорного районов Кабардинской АССР, изменив, в связи с этим, границу между РСФСР и Грузинской ССР»⁸⁰. Сваны расселялись в балкарских селениях Эльбрус, Тегенекли, Терскол, Былым, Герхожал, Камук, Челмас и др. Им переходили в собственность и усадьбы балкарцев. Как вспоминает А. Трамова, сваны бережно относились к оставленному хозяйству балкарцев и их оставленным во время депортации домашним вещам. Наряду с занятостью в сфере животноводства, сваны привлекались и для работы в шахтах на добыче вольфрама и молибдена вместе с немецкими военнопленными. С возвращением балкарцев из ссылки многие сваны вернулись в Грузию.

В 1956 г. Бюро обкома КПСС и Совет министров Кабардино-Балкарской АССР внесли предложение вернуть территории, населенные до депортации балкарцами и представителями других этнических общностей. В соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР» утрачивал силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года.

Пункт 1 Указа признавал «необходимым восстановить национальную автономию балкарского народа». Предстояло провести комплекс мер по обустройству прибывавших балкарцев. Эта мера осуществлялась на основе постановления бюро обкома и Совета министров Кабардино-Балкарской АССР «О мероприятиях по хозяйственному и культурно-бытовому устройству в Кабардино-Балкарской АССР в связи с возвращением балкарского народа в 1958 г. в республику» от 25 октября 1957 г.⁸¹

Депортация крымских татар, ликвидация автономии

Крымская АССР была образована 18 октября 1921 г. постановлением ЦИК и СНК РСФСР *как административно-территориальная республика*, в которой предполагалось «удовлетворять все нужды трудовых элементов коренного населения Крыма». На территории Крыма проживали представители нескольких этнических общностей. В 1939 г. население Крыма составляло 1 126 429 человек, из них русских – 558 481, татар – 218 179, украинцев – 154 120, немцев – 65 452, армян – 12 873, болгар – 15 353, греков – 20 652, прочих – 29 276 человек. Численность крымских татар в связи с существовавшей проблемой трудовой занятости сокращалась. Они отбывали в другие регионы страны в поисках работы. К середине 1944 г. (по другим источникам к началу войны) по отношению к общему числу населения республики крымские татары составляли 19,4 %.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-523. Оп. 15. Д. 102. Л. 1–2; Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 255–256. См. также: Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ: границы... С. 127–128.

⁸¹ ЦГА КБР. Ф. 774. Оп. 1. Д. 15. Л. 25.

2 апреля и 11 мая 1944 г. ГКО принял постановления о выселении крымских татар. 13 апреля 1944 г. НКВД и НКГБ СССР приняли совместно постановление «О мероприятиях по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов». Итоги операции по депортации крымских татар рассмотрело бюро Крымского обкома ВКП(б). В протоколе заседания от 14 октября 1944 г. читаем: «Большая работа проведена по спецмероприятиям. В мае 1944 г. выселено татар – 194 111 чел. и в начале уборки урожая выселено болгар, греков и армян 33 349 человек». Они депортированы в республики Средней Азии.

Прекращала существование и Крымская АССР. 30 июня 1945 г. Верховный Совет СССР принял решение «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР»⁸². Ликвидация Крымской АССР впоследствии повлияла на судьбу Крыма в целом. В феврале 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил Указ «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР».

28 апреля 1956 г. Президиум Верховного Совета Союза ССР принял Указ «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»⁸³. Однако вернуться в Крым татарам не разрешили. Существовал проект закрепления их на территории Узбекской ССР. В основе идеи лежали весьма спорные положения: «Учитывая заселенность Крымской области в порядке планового переселения, наиболее целесообразным будет создание для крымских татар областной автономии на территории Узбекской ССР, природные климатические, экономические условия являются наиболее близкими к условиям их прежнего местожительства»⁸⁴. Предложение не получило воплощения на практике и не было поддержано крымским татарами.

Изменения в национально-государственном устройстве СССР в рассматриваемый период коснулись и других государственных образований. 13–15 апреля 1940 г. VI сессия Верховного Совета СССР приняла закон о преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую ССР, что повысило государственный статус, а также добавилась территория с почти 200 тыс. населения. К 1941 г. общая численность населения в Карело-Финской ССР составляла 700 тыс. человек. Однако события накануне войны и в ходе ее развивались в сложной военно-политической обстановке. Ингерманландцы были высланы в 1930-е гг. Доводы были того же порядка, что и в отношении других депортированных народов – сотрудничество с Финляндией, оказание помощи финнам в ходе войны.

---

⁸² Сборник законов СССР. 1938–1961. – М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1961. – С. 67.

⁸³ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 7351. Л. 106–107.

⁸⁴ См.: *Бугай Н.Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006. – С. 174.

Инициаторами принудительного переселения выступили члены Военного совета Карельского фронта (Т.Ф. Штыков и др.). Доказательная база «неблагонадежности» строилась на обвинении карел, финнов и вепсов в наличии «националистических устремлений». Военное командование преследовало свои цели: пресечь всякие возможности втягивания Финляндией названных народов в войну на стороне Германии. Положение в республике сравнивалось с положением в Крыму. Все это отражалось и на стабильности положения самой Карело-Финской ССР. Вопрос обсуждался на заседании Секретариата ЦК ВКП(б). Однако Сталин не увидел аналогии с Крымом. Судьба карел и вепсов определена постановлением ЦК ВКП(б) от 31 августа 1944 г. «О недостатках массово-политической работы среди населения районов КФ ССР, освобожденных от финской оккупации».

В 1956 г. республика была преобразована из союзной в автономную и решением Верховного Совета РСФСР принята в состав Федерации.

Обострившиеся международные отношения и обстановка в регионе определили вовлечение Тувинской Народной Республики в экономическое и военно-политическое объединение с СССР. X Великий Хурал в июне 1941 г. принял Декларацию о вступлении в войну на стороне СССР. Тувинские добровольцы с 1943 г. активно участвовали в сражениях на фронтах Великой Отечественной войны. Многие из них были награждены за боевые заслуги орденами и медалями СССР и ТНР. В 1944 г. Республика была включена в состав РСФСР на правах автономной области.

В 1940–1950-е гг. судьба автономий, в которых проживало депортированное население, складывалась сложно. Насильственные выселения имели тяжелые последствия, вносили разлад в сформировавшиеся межэтнические отношения, подрывали сложившуюся экономику регионов, оказывали отрицательное воздействие на развитие культуры народов. В результате этнических депортаций народы родные места покинули примерно 2,3 млн человек⁸⁵. Статус спецпоселенцев подразумевал их жесткую административную привязанность в местах нового жительства к сети спецкомендатур, число их по состоянию на апрель 1949 г. составляло 26 791. На одну комендатуру приходилось в среднем 700 семей. Необходимо отметить, что представители депортированных народов не исключались из ВКП(б) и ВЛКСМ, не лишались избирательных прав. Но они лишались свободы проживания и перемещения: предписывалось подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур, в трехдневный срок информировать их о любых переменах в составе семьи, возбранялось отлучаться из зоны компетенции своей спецкомендатуры без ее разрешения (отлучка приравнивалась к побегу и преследовалась уголовно). По-настоящему черными для спецпоселенцев днями стали те, когда им под расписку объявили указы Президиума

---

⁸⁵ Бугай Н.Ф. 40–50 годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД – МВД СССР). – М.: АИРО-XX, 1995. – С. 230.

Верховного Совета от 26 ноября 1948 и от 9 октября 1951 гг., суть которых сводилась к тому, что на спецпоселении они оставляются навечно, без права возврата к прежним местам жительства. За побег предусматривалось уже не 8, а 20 лет, и не тюрьмы, а каторги. Депортации создавали предпосылки для этнонациональных конфликтов.

§ 3. «Национальный вопрос» после войны

Принудительные миграции в пределах одного государства – мина замедленного действия. Они сказываются на судьбе не только «наказанных» социальных и этнических групп. Как замечает П. Полян, депортации «имели неизбежные последствия и для остального населения мест выселения и вселения, формируя в первом случае потоки компенсирующих миграций, а во втором – создавая предпосылки для смешанных браков и межнационального трудового общения. И то и другое содержало в себе определенный конфликтный потенциал для отдаленного будущего»⁸⁶.

Обвиненные в пособничестве врагу, как и прочие «неблагонадежные» с точки зрения властей контингенты населения, люди были вынуждены начинать новую жизнь в совершенно иной, непривычной для них не только климатической, но и культурной среде. Трудности хозяйственного обустройства усугублялись для них психологической депрессией, ощущением отсутствия каких-либо перспектив. В результате большой смертности в сочетании с низкой рождаемостью среди спецпоселенцев для некоторых национальностей возникла угроза вымирания. По данным 1946 г., среди калмыков, проживающих в Новосибирской области, умирало людей в три раза больше, чем рождалось (для сравнения: в это же время среди местного русского населения наблюдалась прямо противоположная тенденция – рождаемость в три раза превышала смертность)⁸⁷.

После окончания войны среди депортированных народов возникли надежды на возможную реабилитацию и восстановление прежней государственности. Иногда власти, не желая того, сами давали повод для активизации «возвращенческих» настроений. Например, решение об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область было расценено представителями не упоминавшихся в решении народов – карачаевцами, калмыками и другими – как косвенное

---

⁸⁶ Полян П. Любимые игрушки диктатора // URL: <http://index.org.ru/journal/14/polyan1401.html>; К концу войны на спецпоселении находилось более 1 млн немцев, 575 тыс. представителей народов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев), 91 тыс. калмыков, 183 тыс. крымских татар, 94 тыс. турок-месхетинцев, курдов.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 138. Л. 317.

свидетельство лояльного отношения верховной власти к восстановлению их собственных автономий⁸⁸. Однако с этой иллюзией скоро пришлось расстаться. Никаких встречных шагов со стороны властей ни сразу после окончания войны, ни несколько лет спустя не последовало. Подобная ситуация формировала настроение, которое отразилось в следующем высказывании: «То, что нам сделала плохого советская власть, и то, что мы носили «славное» имя спецпереселенцев, мы не забудем до седьмого поколения»⁸⁹. Так в послевоенной действительности завязывались конфликты, разрешать которые пришлось спустя годы и десятилетия после окончания войны.

О свободе после войны мечталось не только спецпоселенцам. Это ожидание было буквально разлито в обществе: победа породила иллюзии, что жизнь в стране будет меняться к лучшему, и эти надежды часто связывались с возможностью либерализации. В том числе и либерализации национальной политики. Ответом на эти надежды стала новая государственная идеология, ее опорными конструкциями выступали идеи великодержавия, советского патриотизма и этатизма. Возвращение к имперским ценностям и традициям происходило, естественно, не напрямую, а под прикрытием коммунистической фразеологии. Например, когда в марте 1946 г. было принято решение о переименовании народных комиссаров в министров (по аналогии с дореволюционной Россией), Сталин мотивировал его стабилизацией советского общественного строя⁹⁰. Еще во время войны в армию вернулись погоны, созданы суворовские и нахимовские училища, которые продолжали традиции кадетских корпусов. Наука, литература, кинематограф должны были прославлять деятелей русской истории, чьи имена связаны с укреплением государственных начал и военными победами. Создавался образ «жесткого, но справедливого государя» (Ивана Грозного или Петра I), в котором легко угадывались черты советского диктатора.

Реанимирование имперской идеологии сочеталось с пропагандой идеи патриотизма. Война действительно всколыхнула в народе патриотические чувства. После войны Сталин использовал этот порыв как противовес настроениям, которые зародились в советском обществе благодаря знакомству с образцами западной жизни. В стране стал культивироваться официальный русский/советский патриотизм. Новая идеология имела одну особенность: несмотря на попытки вождя разыграть «русскую карту» – как в знаменитом тосте «за здоровье русского народа» – эта идеология была не этнической, а этатистской по своей природе, т. е. государственно-патерналистской в своей основе.

Другая особенность кампании по пропаганде советского патриотизма заключалась в том, что первоначально она задумывалась не в контексте

---

⁸⁸ Там же. Л. 320, 382.

⁸⁹ Там же. Д. 134. Л. 237.

⁹⁰ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

борьбы с национализмом внутри страны, а как противодействие западному влиянию. Так Сталин боролся с либеральными иллюзиями в обществе, источник которых видел в распространении западных идей. Специальное письмо ЦК ВКП(б) по этому вопросу констатировало «наличие среди некоторой части советской интеллигенции недостойных для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада». В стране был объявлен поход против «пресмыкательства перед границей»⁹¹.

В 1947–1948 гг. происходит новое ужесточение политического курса, в соответствии с ним корректируются и идеологические ориентиры. Имперская идеологема, построенная первоначально на патриотизме и антипатриотизме («низкопоклонство перед Западом»), дополняется новым представлением об образе врага. Врагами теперь объявляются «местные националисты» и «буржуазные космополиты». Под лозунгом борьбы с проявлениями местного национализма в 1950–1952 гг. проходила чистка республиканских элит (среди наиболее громких дел этого уровня – «эстонское» и «мингрельское»). Репрессии против руководителей одной из «старых» республик (Грузии) и одной из «новых» (Эстонии) должны были служить показательным примером для остальных региональных лидеров, пытавшихся после войны проявлять относительную самостоятельность и отстаивать интересы региона перед претензиями центра.

В результате «эстонского дела» (1950–1952 гг.) пострадали руководители Эстонии – первый секретарь ЦК Компартии республики Н. Каротамм и председатель Правительства ЭССР А. Веймер, которые были освобождены от своих постов. Сняты с должности, впоследствии арестованы и осуждены другие руководители. Главной причиной репрессий против эстонского руководства стало обвинение в склонности к «местному национализму». Из Москвы казалось, что эстонские лидеры «не ведут должной борьбы с буржуазным национализмом», проявляют «политическую неразборчивость» при выдвижении кадров, допускают развитие антирусских настроений в республике⁹².

7 марта 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «О недостатках и ошибках в работе ЦК КП(б) Эстонии», которое послужило сигналом к чистке республиканского партийного и государственного аппарата. Каротамм и Веймер дважды, в феврале 1950 г. и в декабре 1951 г. вызывались в Москву, в ЦК ВКП(б), где расследованием их «дела» занималась специальная комиссия. И тот и другой, признав за собой ряд «ошибок», тем не менее отвергли обвинения в «буржуазном национализме». Каротамм признал в своих действиях лишь «уклон к местному национализму»⁹³. Комиссия сделала вывод, что бывшие руководители Эстонии

---

⁹¹ Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О деле профессоров Клюевой и Роскина». 16 июля 1947 г. // Кентавр. – 1994. – № 2. – С. 68.

⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 745. Л. 3–5.

⁹³ Там же. Оп. 131. Д. 81. Л. 327.

«до конца не раскрыли всех своих ошибок», однако посчитала, что «Каротамм и Веймер за антипартийное поведение заслуживают строгого партийного взыскания», не более того⁹⁴. Что касается партийной организации Эстонии, то она не была подвергнута чистке, процесс затронул в большей степени государственный аппарат. Партийные кадры, в значительной части «привозные», т. е. направленные в Эстонию из других регионов СССР, представляли собой фактически единственную социальную опору политике советизации. Поэтому «эстонское дело» остановилось на уровне руководства республики и не затронуло компартию Эстонии в целом.

По тому же принципу – «огонь по штабам» – шло развитие другого полевого дела – «мингрельского», коснувшегося руководства Компартии Грузии. Сигналом к нему послужила информация о многочисленных фактах коррупции и злоупотреблений, в которых оказались замечены некоторые влиятельные лица республики. Поскольку большинство обвиняемых имели мингрельские имена (Мингрелия – одна из исторических провинций Грузии), все дело получило название «мингрельского». Возникнув как дело уголовного характера (факты коррупции среди грузинского руководства действительно имели место), оно почти сразу же приобрело политический характер. Всем лицам, уличенным в коррупции, во главе с бывшим вторым секретарем ЦК компартии Грузии М.И. Барамия было предъявлено обвинение в создании «националистической группы», которая ставила своей целью «захватить в свои руки важнейшие посты в партийном и государственном аппарате Грузии»⁹⁵. Спустя несколько месяцев «группе Барамия» уже инкриминировалось стремление ликвидировать в Грузии советскую власть и разделить республику на ряд «отдельных партийных княжеств»⁹⁶. Всего в ходе «мингрельского дела» было арестовано 37 партийных и советских работников Грузии, несколько тысяч человек высланы за пределы республики⁹⁷.

Чистки среди руководителей Эстонии и Грузии продемонстрировали смещение акцентов в проведении кадровой политики центра по отношению к региональным элитам. В этой политике на первый план вышла борьба с проявлением так называемого буржуазного национализма – одно из следствий возрождения имперской идеологии, культивируемой Сталиным в советском обществе после войны. Националисты в условиях перманентной борьбы режима с очередными «врагами народа» должны были выполнять роль, которая в прошлом отводилась троцкистам, представителям небольшевистских партий, разного рода «уклонистам» внутри компартии и прочим «вредителям». Вместе с тем, дела, организованные по типу эстонского или мингрельского, оставались замкнутыми на регио-

---

⁹⁴ Там же. Л. 403, 410.

⁹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 1091. Л. 73.

⁹⁶ Там же. Д. 1093. Л. 37.

⁹⁷ См.: Источник. – 1994. – № 4. – С. 11.

нальном, республиканском уровне. Для фабрикации «националистического заговора» в масштабах всей страны (по типу политических процессов 1930-х гг.) нужен был соответствующий этнонациональный компонент.

В этом смысле выбор Сталина пал на советское еврейство. Евреи не только были расселены по всей территории Советского Союза, но и многие из них принадлежали к элите советской науки и культуры, занимали ответственные государственные посты. Кроме того, у советских евреев была своя общественная организация – Еврейский антифашистский комитет, которому в случае необходимости можно было бы приписать роль «националистического центра». Организаторы антисемитской кампании учли и такой фактор, как латентный бытовой антисемитизм, присутствующий в различных слоях российского общества. История антисемитской кампании конца 1940-х – начала 1950-х годов подробно изложена в научной литературе⁹⁸, поэтому остановимся лишь на главных ее этапах, важных для понимания состояния общественной атмосферы того времени и эволюции национальной политики.

Первые проявления антисемитизма как новой государственной политики были отмечены сразу после окончания войны. Объектами критики ЦК ВКП(б) стали Советское информационное бюро (Совинформбюро) и его начальник, заместитель министра иностранных дел СССР С.А. Лозовский. В сентябре 1945 г. и в июле 1946 г. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) организовало две проверки работы Совинформбюро, которое было подвергнуто критике за «упущения в кадровой работе». Эти «упущения» в числе прочих недостатков выразились в «недопустимой концентрации евреев»⁹⁹. Лозовского освободили от должности, а в Совинформбюро началось увольнение сотрудников «по национальному признаку». Это были только первые шаги кампании, которая набрала полную силу в 1948–1949 гг., когда по всей стране была организована борьба с так называемым космополитизмом.

Обвинения в «космополитизме» пришли на смену не вполне оправдавшей себя, с точки зрения властей, кампании борьбы с «низкопоклонством перед Западом», в известном смысле «конкретизируя» последнюю. Космополитизм выступал как своего рода «высшая форма низкопоклонства» – разрыв с интересами отечества. Кроме того, в отличие от кампании борьбы

---

⁹⁸ Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. – М.: Наука, 1994; *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. – М.: Международные отношения, 1994; Он же. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2001; *Redlich S.* Propaganda and Nationalism in Wartime Russia. The Jewish Antifascist Committee in the USSR, 1941–1948. Boulder: East European Quarterly, 1982; *Gilboa Y.* The black years of the soviet Jewry. 1939–1953. – Boston: Little, Brown, 1971; *Pinkus B.* Jews of the Soviet Union. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

⁹⁹ *Костырченко Г.В.* В плену у красного фараона. – С. 60–61.

с низкопоклонством, которая не имела четко выраженного объекта нападения (в грехе «преклонения перед иностранщиной» мог быть обвинен кто угодно), круг космополитов (по терминологии тех лет, «безродных космополитов») очерчен довольно ясно. Об этом нигде открыто не заявлялось, но современники понимали, о ком идет речь: в роли «безродных космополитов» выступали советские евреи.

В развитии антисемитской кампании переломным стал 1948 год – год образования самостоятельного государства Израиль. Именно в этот год произошло убийство признанного еврейского лидера, председателя Еврейского антифашистского комитета С.М. Михоэlsa. Тогда же начались первые аресты среди членов ЕАК. Чтобы создать видимость «сионистского заговора», в МГБ СССР одновременно с главным делом, связанным с ЕАК, велась фальсификация и разработка других «малых дел» (всего около 70). Эти дела должны были продемонстрировать наличие целой сети сионистских организаций в государственных учреждениях, промышленности, науке и т. д. Начиная с 1949 г. прошла кадровая чистка во всех министерствах и ведомствах, научных организациях, редакциях газет и журналов: отовсюду изгоняли евреев. Чистке по национальному признаку был подвергнут даже МГБ СССР.

К весне 1952 г. было закончено следствие по делу Еврейского антифашистского комитета, с мая по июль 1952 г. шел процесс над участниками «дела ЕАК». Всех участников процесса, за исключением одной обвиняемой, приговорили к расстрелу. Всего же в связи с делом ЕАК в течение 1948–1952 гг. были репрессированы (приговорены к расстрелу и разным срокам лишения свободы) 110 человек¹⁰⁰.

С завершением серии дел, связанных с процессом над членами Еврейского антифашистского комитета, кампания по преследованию евреев не завершилась. Ее заключительным этапом стало «дело врачей», призванное, по замыслу организаторов, вскрыть заговор кремлевских медиков против руководителей партии и страны. Дело врачей – единственное в цепи послевоенных дел, которое было предано публичной огласке. Сообщение об аресте группы врачей, названных «убийцами в белых халатах», «врачами-вредителями», опубликовали в газете «Правда» 13 января 1953 г. Не все арестованные врачи были евреями по национальности, однако, как подчеркивалось в сообщении, «большинство участников террористической группы... были связаны с международной еврейской организацией «Джойнт»»¹⁰¹. «Врачи-вредители» обвинялись в сознательно неправильном лечении руководителей страны. Они якобы способствовали смерти первого секретаря МГК ВКП(б) Щербакова в 1945 г. и секретаря ЦК Жда-

¹⁰⁰ О так называемом «деле Еврейского антифашистского комитета» // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 12. – С. 40.

¹⁰¹ Правда. – 1953. – 13 января.

нова в 1948 г., готовили аналогичные «террористические акты» в отношении других высших государственных лиц.

Конечно, далеко не все поверили в бессмыслицу относительно «убийц в белых халатах», но массовая реакция на «дело врачей» была весьма показательной. «Выслушав сообщение радио, шлю проклятие гнусным убийцам товарищей Жданова и Щербакова. Арестованных гадин надо повесить», – писал в «Правду» некто Назаров из города Новочеркаска¹⁰². Смертной казни для врачей требовали военнослужащие и домохозяйки, школьники и пенсионеры. Многие из этих людей даже не считали себя антисемитами. «Я простой рабочий и не антисемит, – объяснял рабочий московского завода «Динамо». – Но скажу прямо, давно евреев гнать надо из всех медицинских учреждений, аптек, больниц, домов отдыха, санаториев – это, так сказать, места засилья евреев, да еще торговля... Одним словом, надо почистить этих людишек»¹⁰³.

Приходили в газеты и анонимные письма, вроде такого: «Мы, все жильцы дома, были страшно возмущены, когда прочитали в “Правде” сообщение ТАСС... Не пора ли разбирать национальный вопрос, в том числе и еврейский, с позиций построения коммунизма. Мешают они строить коммунизм? Да! С этих позиций и еврейский вопрос надо решать. Удалить их из крупных городов – много сволочей лишних...»¹⁰⁴. Были осуждающие врачей письма-отклики и от самих евреев, обращенные к «честным евреям мира» с призывом «клеить позором убийц», «американских наемников»¹⁰⁵.

О состоянии общественной атмосферы начала 1950-х гг. в связи с массовой реакцией на «дело врачей» вспоминал один из участников этого дела, известный советский патологоанатом профессор Я.Л. Рапопорт: «В бытательской среде распространялись слухи один нелепее другого, включая «достоверные» сведения о том, что во многих родильных домах были умерщвлены новорожденные или что некий больной умер непосредственно после визита врача, тут же, естественно, арестованного и расстрелянного. Резко упало посещение поликлиник, пустовали аптеки»¹⁰⁶. Массовая истерия, как и антисемитская кампания, прекратились только со смертью Сталина.

1953 год: «новый курс» в национальной политике

Руководство страны, пришедшее к власти после смерти Сталина в марте 1953 г., отметило начало своей деятельности рядом решений, в известном

¹⁰² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 602. Л. 14.

¹⁰³ Там же. Л. 17.

¹⁰⁴ Там же. Л. 32–34.

¹⁰⁵ Там же. Л. 30.

¹⁰⁶ Рапопорт Я. Воспоминания о «деле врачей» // Дружба народов. – 1988. – № 4. – С. 224.

смысле поворотных с точки зрения национальной политики. Почти все новые инициативы были связаны с именем министра внутренних дел СССР, заместителя председателя СМ СССР Л.П. Берия. Первой акцией в этом ряду стало прекращение следствия и реабилитация по «делу врачей», которым ранее пытались вменить в вину не только подготовку террористических актов, но и связь с мировым сионизмом. Реабилитация врачей стала сигналом к прекращению антисемитской кампании.

10 апреля 1953 г. Президиум ЦК КПСС рассмотрел записку Берия о результатах проверки следственных материалов по «мингрельскому делу» и принял постановление, которым отменил решения ЦК КПСС в отношении так называемой мингрельской националистической группы от 9 ноября 1951 г. Дело было прекращено, а незаконно выселенным жителям Грузии разрешили вернуться на прежнее место жительства¹⁰⁷.

Следующим шагом нового руководства стала попытка изменить приоритеты кадровой политики в национальных республиках в пользу коренного населения, что обусловило кадровые перемещения в некоторых регионах СССР, где национальный вопрос стоял особенно остро (речь шла, прежде всего, о «новых территориях», т. е. западных областях СССР). Вопрос о необходимости выдвигать в этих регионах на руководящие должности представителей коренных национальностей ставился и до 1953 г., однако по существовавшему порядку руководящие посты не могли занимать лица, побывавшие во время войны на оккупированной территории, имевшие родственников за границей, состоявшие ранее в некоммунистических партиях, считавшиеся неблагонадежными по своему социальному происхождению и положению и т. д. К категории «неблагонадежных» лиц могло быть отнесено большинство коренного населения республик Балтии, Западной Украины и Западной Белоруссии, Молдавии. В 1952 г. в Литве среди работников партийного аппарата республики литовцы составляли 37,6 %¹⁰⁸. В Молдавии число молдаван в номенклатуре ЦК КП(б) республики не превышало 20 %, в горкомах партии – 9 %¹⁰⁹. Еще хуже складывалась ситуация с местными кадрами в аппарате органов внутренних дел, государственной безопасности, суда и прокуратуры, состав которых был преимущественно «русский». Подобное положение дел вызывало недовольство местного населения и соответствующим образом определяло его отношение к власти, которая на уровне массового сознания воспринималась как власть «чужая» – русская, московская. Сохранение кадровой политики в условиях кризиса власти, вызванного смертью Сталина, грозило развитием в этих регионах дестабилизирующих процессов.

На опасность подобного развития событий в западных регионах СССР обратил внимание руководителей страны Берия. В мае 1953 г. он представил на обсуждение Президиума ЦК КПСС три аналитические записки – о

¹⁰⁷ Источник. – 1994. – № 4. – С. 11.

¹⁰⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 445. Л. 108.

¹⁰⁹ Там же. Д. 443. Л. 59.

положении дел в Литве, западных областях Украины и Белоруссии. По этим запискам 26 мая и 12 июня были приняты постановления Президиума ЦК КПСС. Они были идентичны по содержанию и смыслу, за исключением постановления по Белоруссии, выдержанного в более мягких тонах: ситуация в Белоруссии не была столь напряженной, как в Литве и на Западной Украине, где продолжал действовать главный дестабилизирующий фактор – вооруженное сопротивление политике советизации. Лидеры повстанческих групп стремились использовать создавшийся кризис центральной власти для укрепления собственных позиций. Советское руководство было вынуждено признать взрывоопасность ситуации на западных рубежах страны. Политическое положение в указанных регионах признали неудовлетворительным по причине «грубого извращения ленинско-сталинской национальной политики». В результате у населения создавалось «неправильное представление о политике советской власти в отношении экономического, политического и культурного развития национальных республик Советского Союза»¹¹⁰.

В качестве основных ошибок в проведении национальной политики названы: 1) недостаточное внимание к национальному языку (в организации делопроизводства, практике преподавания и обучения); 2) несбалансированная кадровая политика, ущемляющая интересы представителей коренных национальностей; 3) неэффективность борьбы с националистическим подпольем (ставка исключительно на силовые методы решения проблемы признана неправильной). Важно, что на официальном уровне (в постановлении по Западной Украине) прозвучала мысль об опасности восприятия такой политики как политики русификации¹¹¹. Партийному руководству Литвы и Украины предлагалось проводить кадровую и языковую политику с учетом «национального фактора»: выдвигать на руководящие должности представителей коренных национальностей, обеспечить ведение делопроизводства и преподавание в школах и вузах на языке коренной национальности, не допускать «перегибов» в борьбе с «буржуазно-националистическим подпольем». Постановление по Белоруссии ограничилось кадровым вопросом.

Этими решениями был дан старт своего рода новому изданию политики «коренизации». Она стала проводиться даже в регионах, по которым не было специальных постановлений (в Молдавии и Казахстане). Были попытки заменить в республиках русских руководителей на местных. В 1953 г. на смену русскому Л.Г. Мельникову в должности первого секретаря ЦК Компартии Украины пришел украинец А.И. Кириченко. Аналогичные пла-

---

¹¹⁰ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. – М.: МФД, 1999. – С. 46–51.

¹¹¹ В постановлении говорится: «Фактический перевод преподавания в западно-украинских вузах на русский язык широко используют враждебные элементы, называя это меропрятие *политикой русификации*». Там же. – С. 47.

ны существовали и в отношении белорусского руководства (в постановлении по Белоруссии предлагалось заменить русского Н.С. Патоличева белорусом М.В. Зимяниным). Реализовать планы помешал арест Берия и позиция республиканского ЦК, поддержавшего Патоличева.

Первые годы после смерти Сталина были отмечены некоторой либерализацией национальной политики в духе начавшейся «оттепели». В документах XX съезда партии по основным направлениям развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 г. впервые был выделен раздел о развитии экономики союзных республик. Усиливалась хозяйственная самостоятельность национальных регионов. 16 марта 1957 г. принято постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народов Севера».

В 1954 г. начался процесс реабилитации репрессированных народов. Сначала ограничения по спецпоселению были сняты с коммунистов, но с существенной оговоркой – без права возвращения на прежнее место жительства. В течение 1954–1956 гг. сняли ограничения по спецпоселению с немцев, крымских татар, калмыков и балкарцев. 16 июля 1956 г. указом Президиума Верховного Совета СССР аналогичные права распространили на чеченцев, ингушей и карачаевцев, находившихся на спецпоселении.

24 ноября 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, чеченского и ингушского народов». В то же время крымским татарам и бывшим немцам Поволжья в восстановлении автономии на прежней территории было отказано. «Нецелесообразность» восстановления крымско-татарской автономии объяснялась многонациональным составом населения Крымского полуострова и его плотной заселенностью, а также существованием на территории РСФСР автономного образования – Татарской АССР. При этом совершенно не учитывалось то обстоятельство, что крымские и казанские татары являлись разными этническими группами, хотя и близкими по культуре. Что касается тезиса о плотной заселенности Крыма, он вообще был несостоятелен (население полуострова только в 1958 г. превысило довоенную численность¹¹²).

Большие споры вызвал вопрос о территориальных границах чечено-ингушской автономии. Он неоднократно обсуждался в ЦК КПСС с привлечением заинтересованных сторон – руководителей Дагестана, Северной Осетии, Грозненской области, а также представителей чеченцев и ингушей. В начале декабря 1956 г. инициативная группа чеченцев и ингушей (в основном бывшие ответственные работники и представители интеллигенции) была принята в ЦК КПСС с ходатайством о восстановлении Чечено-Ингушской АССР. Главная их просьба состояла в сохранении границ

---

¹¹² *Волобуев О.В.* Крымско-татарский вопрос по документам ЦК КПСС (Вторая половина 50-х – середина 80-х гг. XX в.) // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 158.

автономии, существовавших до депортации 1944 г. Члены делегации заявили, что, несмотря на присутствие на «исконных» землях чеченцев и ингушей новых переселенцев, никого выселять они не собираются, а, напротив, «будут дружно жить и работать» вместе с проживающими там представителями других народов. Если же помимо территории бывшей Чечено-Ингушской АССР им будет передана и часть Кизлярского района, то проблема переселения всех чеченцев и ингушей будет решена без каких-либо затруднений¹¹³.

Власти Дагестана, Северной Осетии и Ставропольского края имели другую точку зрения относительно новой перекройки границ на Северном Кавказе. На совещании в ЦК КПСС секретари ряда обкомов партии и председатели облисполкомов, не возражая в принципе против восстановления чечено-ингушской автономии, предлагали выбрать для ее размещения какой-нибудь другой регион, подальше от Северного Кавказа. В то же время они понимали, что такое решение вряд ли реально: заставить поехать чеченцев и ингушей в «другой регион» можно было только силой. В результате было принято компромиссное решение: за основу автономии взять прежнюю территорию Чечено-Ингушетии, но с учетом интересов соседних регионов.

9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ о восстановлении автономии Чечено-Ингушской АССР и определил ее границы, которые в основных чертах совпали с границами 1944 г. Центральные власти учли пожелания Дагестана и Северной Осетии. Дагестан получил в связи с ликвидацией Грозненской области Кизлярский район (хотя возвратил в состав ЧИАССР четыре района полностью и два частично). Северная Осетия получила Пригородный район, входивший ранее в состав Чечено-Ингушетии. В качестве «компенсации» территориальных потерь к Чечено-Ингушской АССР были присоединены три района Ставрополя – Наурский, Каргалинский и Шелковской¹¹⁴.

Реабилитация репрессированных народов, восстановление автономий были знаковыми жестами со стороны власти – свидетельством ее готовности восстановить историческую справедливость. Однако даже этим весьма позитивным актом власть поделила народы на обладающие большими и меньшими правами на историческую справедливость. К числу последних отнесли немцев и крымских татар, так и не добившихся восстановления своих автономий. Кроме того, перекройка границ, задевающая этнические интересы, какими бы мотивами она не обуславливалась, вещь довольно опасная. Северный Кавказ, который в советской истории был едва ли не главным полигоном для такого рода сомнительных экспериментов, со временем превратился в главную «горячую точку» России.

¹¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 56. Л. 103–104.

¹¹⁴ «Перерастут от национальной розни до национальной резни». Возвращение чеченцев и ингушей на Кавказ // Источник. – 1996. – № 6. – С. 89.

Национальный вопрос в работе Конституционной комиссии

В 1962 г. начала работу комиссия по подготовке новой конституции СССР. В ее составе была образована подкомиссия по вопросам национальной политики и национально-государственного устройства, которую возглавил А.И. Микоян. В новой конституции предполагалось расширить права союзных республик, более четко определить основы взаимоотношений между центром и республиками¹¹⁵. Институту государства и права АН СССР поручили подготовить документ с обобщением всех критических замечаний в адрес действующей конституции. «Нужно подобрать все высказывания, не стесняясь, не очищая... взять наиболее яркие места, где критикуют нас, наши слабые стороны, не пряча ничего, особенно враждебную нам критику»¹¹⁶, – наставлял Микоян. И такой обобщающий документ действительно подготовили. В нем содержались далеко не лицеприятные выводы: советская национальная политика называлась разновидностью колониализма, федерализм – фикцией; констатировалось ущемление прав союзных республик (в вопросах бюджетной политики, обеспечения суверенитета, возможности иметь собственные вооруженные силы и развивать международные связи и др.)¹¹⁷. К сожалению, после отставки Н.С. Хрущева работа над новой конституцией была приостановлена почти на 15 лет.

Пока комиссия по подготовке проекта еще работала, в ее адрес приходило много писем от специалистов, главным образом юристов и рядовых граждан. Большинство предложений, касающихся национальной политики, сводилось не к отстаиванию прав конкретных национальностей и даже не к культивированию национальной самобытности. Корреспонденты предлагали упразднить понятие «национальность» вообще и ликвидировать соответствующую графу в паспорте и анкетах¹¹⁸.

Определенное влияние на восприятие национального вопроса – как в сознании партийной элиты, так и рядовых граждан – оказала политическая линия, провозгласившая в начале 1960-х гг. курс на построение коммунизма. Тезис о «стирании различий между нациями», который некоторые граждане готовы были воплотить в жизнь «здесь и сейчас», породил простую логику рассуждений. «В обществе, приступившем к построению коммунизма, национальные различия уже давно перестали определять что-либо во взаимоотношениях людей, – писал в Конституционную комиссию инструктор Минского обкома комсомола Б.С. Четко. – С поте-

¹¹⁵ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 37. Л. 215–216.

¹¹⁶ Там же. Л. 51.

¹¹⁷ Там же. Л. 65–74.

¹¹⁸ Там же. Д. 42. Л. 23, 28.

рей большим контингентом лиц каждой нации национальных признаков образуется новая общность людей, наднациональная общность, основанная на общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющаяся в общности культуры»¹¹⁹. Так что появившаяся спустя почти десятилетие официальная концепция о создании в СССР «новой исторической общности – советского народа» была не просто результатом идеологических манипуляций. В какой-то степени эта формула отвечала настроениям части общества. Кроме того, если отбросить сопутствующие формуле идеологические наслоения, в ней обнаруживается и рациональное зерно: это была первая предпринятая на официальном уровне и, возможно, не вполне осознаваемая попытка сформулировать новое понятие нации как многоэтничной государствообразующей общности (термин В.А. Тишкова¹²⁰).

Другое дело, что тезис о создании «новой исторической общности» стал восприниматься как неоспоримое доказательство отсутствия в СССР условий для межэтнических противоречий и конфликтов. Получалось, что «национальный вопрос» решен полностью и окончательно. Эта убежденность, а точнее заблуждение мешало власти оперативно и адекватно реагировать на возникающие конфликтные ситуации с этнической подоплекой. Этнический фактор, даже если он явно присутствовал в том или ином конфликте, намеренно игнорировался, а поиски причины переводились в любую другую сферу, кроме этнической. В этом смысле показателен один документ – справка о массовых беспорядках в СССР с 1957 по 1986 г., подготовленная в 1988 г. председателем КГБ СССР В. Чебриковым по просьбе М. Горбачева¹²¹. Из 24 конфликтов, включенных в эту справку, только в 5 случаях указывается этнический характер столкновений, хотя, по нашим данным, по крайней мере, 12 из отмеченных конфликтов могли быть отнесены к категории этнических (по составу участников, характеру требований, мотивации и т. д.).

В течение всего периода власть время от времени возвращалась к национальному вопросу, но – и это главное – воспринимала его через призму отдельных «националистических проявлений» или «националистических настроений». Этнические конфликты в официальных документах подавались под прикрытием разного рода эвфемизмов: их квалифицировали как «хулиганские действия», «антиобщественные проявления», «массовые беспорядки», «бесчинства» и т. д. Власть как будто сама себя обманывала или успокаивала, что, впрочем, в данном случае одно и то же. Но иллюзия

¹¹⁹ Там же. Д. 40. Л. 46–47.

¹²⁰ *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир, 1997. – С. 142.

¹²¹ «О массовых беспорядках с 1957 года...» // *Источник.* – 1995. – № 6. – С. 146–152.

«дружбы народов» оказалась не слишком надежной крышей, чтобы уйти от острых проблем.

В советском политическом лексиконе тех лет понятие «национализм» обладало рядом особенностей: во-первых, использовалось исключительно в негативном значении (как оппозиция «положительному» интернационализму), а во-вторых, само понятие являлось аморфным, расплывчатым. Оно становилось то синонимом этнической ограниченности (прежде всего в вопросах культуры), то приравнивалось к антисоветизму. Используемые вместе с ним определения «буржуазный» или «местный» мало проясняли сущность понятия, скорее квалифицировали степень «опасности» явления и соответственно степень «вины» уличенных в «национализме» лиц. Местный «национализм» имел свои разновидности: он мог быть азербайджанским, украинским, латышским, узбекским, казахским и т. д.

И тем не менее, «национализм» в трактовке официальной идеологии не был этнической категорией, во всяком случае, не этничность выдвигалась на первый план в качестве его сущностного признака. Ссылки на этнический момент (этническую ограниченность) были не более чем очередным эвфемизмом, за которым скрывались на самом деле специфически понимаемые государственные интересы. Построенная на принципах жесткой централизации государственная система болезненно реагировала на любые попытки периферии ослабить зависимость от центра, даже если эти попытки не выходили за границы культурной автономии.

Поэтому законное желание этнических групп сохранять и развивать свою культуру, язык воспринималось как покушение на прерогативы особой роли центра в советской системе. Иногда центральная власть пыталась балансировать между собственными интересами и интересами регионов, вводя принцип двуязычия и даже допуская в известных пределах культурную автономию (как это было, например, в республиках Балтии в конце 1950–1960-е гг.). Но часто действовала в противоположном направлении, особенно если регионы принимали какие-то решения в обход центральных органов. Такая самостоятельность оценивалась уже как покушение на основы власти.

Центр и регионы: столкновения элит

В 1959 г. центральные комитеты партии сначала Латвии, затем Азербайджана приняли постановления, обязывающие граждан республик знать и изучать язык титульной нации. Эти постановления в ЦК КПСС были расценены как «националистические ошибки» и на соответствующих пленумах ЦК Компартий Латвии и Азербайджана отменены. Первый секретарь ЦК КП Латвии Я.Э. Калнберзин и ЦК КП Азербайджана И.Д. Мустафаев лишились своих постов. В течение 1959–1961 гг. в «националистических тенденциях» также обвиняли руководителей Туркмении, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Молдавии. В 1972 г. от должности первого

секретаря ЦК КП Украины был отстранен П.Е. Шелест. Официально его назначили заместителем председателя СМ СССР, но главной причиной послужила излишняя самостоятельность украинского лидера, его толерантная позиция в вопросах украинской культуры и языка.

С деятельностью Шелеста связан еще один эпизод, дающий представление о взаимоотношениях центра и регионов и о том, до каких пределов готова идти центральная власть в сфере начатой еще при Хрущеве политики расширения прав союзных республик. В августе 1965 г. Шелест направил в Президиум ЦК КПСС записку, в которой поставил вопрос о предоставлении Украине права самостоятельно заключать торговые соглашения с международными партнерами. Формально это предложение было вполне обосновано: Украина была членом ООН, и в Конституции СССР сохранялся принцип суверенности союзных республик. Однако на практике действовал принцип монополии внешней торговли, определяющий особую роль центральных союзных органов в системе международных торговых связей СССР. Записка Шелеста обсуждалась на заседании Президиума ЦК и стала поводом, чтобы поставить «украинский вопрос». Выступавшие на заседании говорили, что на Украине слабо ведется борьба с проявлениями «буржуазного национализма», что Украина претендует на «особую роль», что в республике слишком много говорят на украинском языке, который внедряется в ущерб языку русскому¹²². Это были серьезные обвинения, хотя приводимые факты чаще всего не соответствовали действительности. Тем не менее, Шелест признал записку «ошибочной» и отозвал ее. Прошло два месяца, прежде чем ЦК 21 октября 1965 г. принял решение по этому вопросу.

«Президиум ЦК КПСС считает, – говорилось в документе, – что предложение т. Шелеста П.Е., изложенное в его записке об организации непосредственных внешнеэкономических связей Украины с зарубежными странами, является неправильным и политически ошибочным. Президиум ЦК отклоняет это предложение. Принять к сведению заявление т. Шелеста П.Е. о том, что он признает неправильным внесенное им предложение и осуждает его. Ограничиться обсуждением этого вопроса на Президиуме ЦК»¹²³. И все-таки без оргвыводов не обошлось. Своего поста лишился председатель СМ Украины И.П. Казанец, на его место пришел более удобный для Москвы В.В. Щербицкий, который в 1972 г. сменил Шелеста на посту первого секретаря ЦК Компартии Украины.

«Украинский эпизод» является весьма показательным для понимания механизмов аппаратной борьбы тех лет. В ней так же, как и в развитии

---

¹²² Шелест П. Е.... Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. – М.: Edition g 1995. – С. 449; Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999. – С. 625–626.

¹²³ Цит. по: Микоян А.И. Указ. соч. – С. 626–627.

конфликтной ситуации в целом, использовался «этнический камуфляж»¹²⁴, когда за обвинениями в «националистических ошибках» стояли тривиальные клановые интересы. Смещение Шелеста явилось результатом аппаратной борьбы, направленной на ослабление позиций «украинской группы» в руководстве во главе с Н.В. Подгорным, в то время занимавшим фактически вторую позицию в партийной иерархии. Косвенно разбор «украинского дела» мог ударить и по Л.И. Брежневу, имевшему давние связи с республикой и выходцами из Украины.

В 1959 г. в проведении «буржуазно-националистической политики» была обвинена группа ответственных работников Латвии. Поводом к развитию «латвийского дела» послужили попытки латвийских руководителей проводить более сбалансированную экономическую политику с ориентацией на местные трудовые ресурсы (приток трудовых мигрантов являлся источником социальной и политической напряженности в Латвии)¹²⁵. Заместитель главы правительства Э.К. Берклавс и еще несколько человек лишились своих постов.

Вместе с тем, сценарий развития событий в Латвии показал, что в годы «оттепели» начал складываться новый формат отношений между центральной властью и национальными политическими элитами. Как и в экономике, Кремль стремился делегировать больше управленческих функций в регионы. Это становится очевидным при сравнении двух самых крупных чисток национальных политических элит в послевоенные годы – «эстонского дела» 1950 г. и «латвийского дела» 1959 г. «Эстонское дело» было инициировано Москвой и развивалось под непосредственным контролем Центра. В «латвийском деле» Москва, Хрущев скорее оказались втянутыми в конфликт между различными группировками в латвийском руководстве.

Во время обсуждения ситуации в Латвии на заседании Президиума ЦК КПСС 1 июля 1959 г. Хрущев назвал конфликт внутренним делом латвийского ЦК: «Пусть латыши сами решают», «латыши сами найдут домашние средства лечения»¹²⁶. Развитие конфликта, как и его кадровые последствия, находилось под контролем Москвы (например, назначение первым секретарем ЦК Компартии Латвии А. Пельше вместо Я. Калнберзина), но без прямого вмешательства в процесс. В отличие от сценария развития «эстонского дела» 1950 г. никакого специального постановления ЦК о ситуации в Латвии в 1959 г. принято не было, а его фигуранты лишились должностей, но не подвергались репрессиям.

¹²⁴ Термин «этнический камуфляж» принадлежит В.А. Тишкову. См.: *Тишков В.А.* Указ. соч. – С. 305.

¹²⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 147. Л. 88–90; Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС. 1 июля 1959 г. / Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 377–378, 381.

¹²⁶ Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС. 1 июля 1959 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 377–378, 381.

«Имперский рецидив»

Политика центральной власти в национальном вопросе зависела от общей обстановки в стране, степени политической и социальной напряженности, характера международного положения страны в конкретный момент времени. Первые признаки очередного «закручивания гаек» в этой сфере проявились уже в середине 1960-х гг., хотя настоящая реакция с соответствующим идеологическим обоснованием и административными санкциями последовала в начале 1970-х. Одной из главных причин этого поворота был рост недовольства, особенно активно демонстрируемого интеллигенцией и молодежью в национальных регионах.

В 1972 г. страна готовилась отметить 50-летие образования СССР. По этому поводу была организована пропагандистская кампания, проходившая под лозунгом «нерушимой дружбы братских народов». Тем заметнее становились факты так называемых националистических проявлений, которые никак не вписывались в задуманную кампанию. В марте 1972 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС с докладом выступил председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов¹²⁷. Докладчик говорил о росте антисоветских настроений в стране, западной пропаганде и ее влиянии, о распространении «самиздата». В том числе упоминались и «националистические проявления». Потом началось обсуждение, в ходе которого внимание собравшихся сосредоточилось на проблеме «национализма» и борьбы с ним. Некоторые, правда, как секретарь ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаев, предпочли уклониться от выражения своей точки зрения по столь щекотливому и грозящему разного рода осложнениями вопросу. Кунаев высказался в том духе, что борьба с национализмом должна проводиться решительно, но все вопросы национальной политики уже изложены в документах ЦК КПСС и остается только ими руководствоваться.

Другие члены Политбюро были настроены более решительно. А.П. Кириленко призывал отказаться от «чрезмерной осторожности» в борьбе с национализмом. Б.Н. Пономарев назвал национализм одним из наиболее распространенных видов антисоветизма. А.Н. Косыгин расценил даже создание совнархозов как проявление национализма, и если иметь в виду восприятие «национализма» как покушение на права центра, т. е. национализма как регионализма, то это утверждение выглядело не столь абсурдно. Больше всего за «националистические проявления» досталось Украине. Упоминалась работа И. Дзюбы «Интернационализм или русификация?», которая благодаря «сам- и тамиздату» вызвала большой резонанс не только в самой республике, но и в мире¹²⁸. Некоторым участникам обсуждения

---

¹²⁷ Информация об этом заседании и краткое содержание выступлений участников пленума содержится в дневниковых записях П.Е. Шелеста: *Шелест П.Е.* Указ. соч. – С. 503–511.

¹²⁸ См.: Интернационализм или русификация? С приложением выступления Дзюбы в Бабьем Яре 29 сентября 1966 г. Пер. с укр. / Иван Дзюба. – Нью-Йорк: Сучасність, 1973. – 308 с.

показалось, что на Украине слишком широко употребляется украинский язык. М.С. Соломенцев договорился до того, что украинский язык не стоит так активно внедрять, поскольку это всего лишь искаженный вариант русского языка. Косвенно досталось и русским националистам, которые критиковались за воспевание старины и преклонение перед патриархальной культурой. Соломенцев предложил даже отказаться от гербов в древних городах, экскурсий и туризма по этим историческим местам.

Подводя итоги этого заседания, Брежнев был вынужден признать, что обсуждение вышло далеко за рамки «информации Андропова». Он попытался найти некий компромисс, призывая, с одной стороны, «перейти от обороны к нападению» и решительно бороться с национализмом, но в то же время «осторожно подходить к национальному вопросу», поскольку это сложный вопрос. Никакого решения по докладу Андропова принято не было, но это заседание Политбюро показало, в каком направлении шло развитие официальной национальной политики.

Применительно к началу 1970-х гг. можно говорить о складывании определенного курса, который не претерпел существенных изменений за следующие 10 лет. Шел процесс, сопоставимый с событиями 1940-х гг., хотя и развивающийся в смягченных формах. Суть его заключалась в возрождении имперской идеологии под прикрытием псевдокоммунистической фразы и лозунга «дружбы народов». Вновь более настойчиво стал внедряться в практику делопроизводства и обучения русский язык. 31 августа 1978 г. Политбюро ЦК КПСС приняло специальное постановление «О дальнейшем совершенствовании системы изучения русского языка в союзных республиках». В решении отмечалось, что, несмотря на «определенные успехи», состояние преподавания русского языка и практика владения им учащимися «не везде еще отвечает современным требованиям». ЦК КПСС постановил постепенно распространить на 1–3 классы начальных школ и 4–10 классы городских школ практику деления класса с числом учащихся более 25 человек на 2 подгруппы для изучения русского языка. Министерством просвещения союзных республик разрешено вводить в учебных заведениях углубленное изучение русского языка для лиц нерусской национальности за счет перераспределения часов в учебном плане (значит, за счет других предметов, в том числе и родного языка)¹²⁹.

Разумный принцип двуязычия (единственно возможный в полиэтничном государстве, где необходим один общий язык) на практике нарушался. Язык из средства общения и носителя культуры превращался в символ государственной власти. Это касалось политики не только центра, но и регионов, их лидеры стремились «поднять» язык титульной нации над остальными. Так языковая проблема стала одной из составляющих грузино-абхазского и армяно-азербайджанского конфликтов. В новых конституциях союзных республик 1977 г. только Грузия, Армения и Азербайджан

¹²⁹ РГАНИ. Ф. 89. Перечень 23. Д. 30. Л. 4–12; Д. 31. Л. 4.

смогли закрепить статус языка титульной нации как языка государственного. Этому права не получили, например, Украина и республики Балтии, где проблема национального языка также стояла очень остро.

Начало 1970-х гг. отмечено усилением репрессивных санкций по отношению к лидерам национальных движений и национальной интеллигенции. Это стало одной из причин временного спада в развитии движений, оно снова заметно активизируется только в середине 1980-х гг.

§ 4. Развитие этноконфликтной ситуации

Конфликтный аспект политики «коренизации» (1953 г.)

Пересмотр основ национальной политики послесталинское руководство начало с попытки снять политическую напряженность в «новых», западных регионах СССР. Республиканские руководители должны были пересмотреть кадровую политику и более активно выдвигать на руководящие посты представителей коренных национальностей. В регионах это требование истолковали излишне широко – как повод начать массовую замену русских кадров. Уже в июне в ЦК КПСС стали поступать тревожные сигналы из Молдавии, Литвы, Латвии, западных областей Украины от русских сотрудников, лишившихся работы или ожидавших увольнения.

«Ознакомившись с существом постановления Президиума ЦК КПСС по вопросам Литвы и наблюдая практические дела, проводимые в осуществление этого постановления, считаю своим партийным долгом заявить, что в этом деле совершена серьезная политическая ошибка, – писал в ЦК КПСС начальник городского управления милиции Вильнюса В. Климов. – Почему в Советской Литве *вдруг* встала необходимость *всех* русских товарищей освободить от руководящей работы и заменять их литовцами?.. Не ясно ли, что практическое осуществление этого постановления... ведет к принципу «Литва для литовцев»? Как это назвать, как не возрождение местного национализма?.. Если не исправить сейчас эти ошибки, то действительно может быть поставлено под сомнение существование здесь советской власти, а начало можно ожидать с развала колхозов»¹³⁰. Письма аналогичного содержания приходили и из Латвии. Авторы писем напоминали, что многие партийные работники и специалисты приехали в Прибалтику не по доброй воле, а в порядке партийного призыва и теперь недоумевают, почему их бросают на произвол судьбы, даже не позаботившись о дальнейшем трудоустройстве.

Увольнение русских работников в Литве и Латвии в условиях общего кризиса центральной власти, обусловленного сменой руководства в марте

¹³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 445. Л. 120.

1953 г., стало причиной оживления антирусских настроений. В Литве, например, ходили слухи, что вскоре по требованию США все русские будут выселены из республики, что домой вернутся депортированные и репрессированные, что после выезда русских настанет час расправы над местными коммунистами. Высказывались надежды на скорый роспуск колхозов и восстановление независимости Литвы «под защитой США»¹³¹.

Слухи о принудительной высылке русских, о роспуске колхозов отмечались и в Латвии. Во многих министерствах и ведомствах республики поспешно переводили делопроизводство на латышский язык. В обстановке общей нервозности русскоязычное население не оставалось пассивным, возмущаясь проведением дискриминационной политики. Протест выражался чаще всего в словесной форме, хотя в словах часто присутствовал оскорбительный контекст. Освобожденные русские работники стали создавать проблемы и для литовского руководства. Их надо было трудоустроить. В надежде на то, что коль скоро инициатива новой кадровой политики исходила от Москвы, то и решать вопрос с «лишними» русскими тоже придется центральным органам, первый секретарь Литвы А. Снечкус 27 июня 1953 г. обратился в ЦК КПСС с просьбой: выделить 500 тыс. руб. на оплату расходов по проезду к прежнему месту жительства работников обкомов, горкомов и райкомов партии, выезжающих за пределы Литвы «в связи с выдвижением на руководящую работу местных кадров», и 500 тыс. на оказание отъезжающим материальной помощи¹³². У Москвы, однако, была другая точка зрения на этот счет. Управление делами ЦК КПСС сообщило Снечкусу, а заодно и всем другим республиканским руководителям, занятым решением кадрового вопроса в духе курса на «коренизацию», что республиканские органы обязаны взять на себя все расходы по выезду освобожденных работников к месту прежнего жительства, а также членов их семей¹³³.

Массовое увольнение русских работников было приостановлено после ареста Берия. Столь быстрая смена курса вызвала замешательство в регионах, особенно среди ответственных работников и интеллигенции. В Литве радикально настроенная часть интеллигенции критиковала республиканское руководство за отступление от принципов майского постановления ЦК КПСС по Литве в деле защиты национальных интересов, поскольку постановления официально никто не отменял. Высказывались опасения, что все вернется на круги своя и представители коренных национальностей будут вновь ущемлены в правах. Встречались мнения, положительно оценивающие деятельность Берия, которому приписывалась роль «защитника национальных интересов»¹³⁴.

---

¹³¹ Там же. Л. 136–137.

¹³² Там же. Л. 118.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. Л. 139.

Аналогичные последствия курса на ускоренную «коренизацию» аппарата отмечались и в Молдавии. В течение июня-июля в ЦК КПСС поступило несколько писем с жалобами на проведение республиканскими властями дискриминационной политики по отношению к работникам немолдавской национальности. В июле 1953 г. ЦК КПСС назначил инспекторскую проверку положения дел в Молдавии согласно поступившим сигналам. Проверяющие пришли к выводу, что при проведении новой кадровой политики «проявлена излишняя торопливость и допущены отдельные ошибки», хотя общее направление политики признано правильным¹³⁵. Некоторые факты, приведенные в письмах, признаны соответствующими действительности, часть – нет (касающиеся, главным образом, оценки масштабов увольнений). Если авторы писем сообщали о сотнях русских работников, потерявших работу, то цифры, приведенные в докладной записке по результатам инспекторской проверки, выглядели скромнее¹³⁶.

Вмешательство центральных органов (в данном случае – ЦК КПСС) в конфликтную ситуацию, возникшую в западных республиках на почве ускоренной «коренизации» аппарата, способствовало стабилизации положения в них. Однако проблема «своих» и «чужих» снята не была. Она постоянно напоминала о себе – на бытовом уровне, в дискуссиях о судьбе национальной культуры, время от времени обретая конфликтную форму противостояния между этническими элитами и центральной властью, а также межэтнических столкновений.

Теневые стороны целинной эпопеи

Тот факт, что целинные районы Казахстана стали зоной повышенной межэтнической напряженности, сам по себе достаточно примечателен. На этом примере особенно очевидны издержки политических импровизаций, когда крупные решения принимались без учета этнического фактора. Начинания, призванные по замыслу кремлевских идеологов стать воплощением «нерушимой дружбы братских народов», на деле приводили к раскручиванию спирали этнических конфликтов. Целина только в агитационных брошюрах описывалась как богатый, но пустующий край. На самом деле целинные земли были вполне «обитаемы». Покорителей целины ожидали встречи с «местными», для которых они были «пришельцами», «чужаками». Уже в этом раскладе сил и интересов была заложена опасность потенциальных конфликтов. Если добавить, что среди «местных» оставалось еще много спецпоселенцев, помнящих нанесенные обиды, то конфликтный вариант развития событий из гипотетического становится вполне реальным. Среди добровольцев-целинников преобладали русские (точнее, рус-

---

¹³⁵ Там же. Л. 59.

¹³⁶ Там же. Л. 61.

скоязычные): для нерусских спецпоселенцев они олицетворяли собой «имперский народ», несущий свою долю вины за депортации; русские, в свою очередь, вполне могли воспринимать их как «изменников и предателей». Кроме того, возрастной фактор (среди вновь прибывших преобладали молодые люди, отличающиеся особенно эмоциональным поведением) тоже сыграл свою роль «возмутителя спокойствия».

Один из первых случаев межэтнических столкновений в целинном Казахстане произошел 12 декабря 1954 г. в селе Елизаветинка Акмолинской обл. – драка между курсантами школы механизации и спецпоселенцами (чеченцами и ингушами), в ней с обеих сторон приняли участие около 30 человек¹³⁷. В подобных столкновениях часто участвовали демобилизованные. 17 мая 1955 г. в городе Экибастузе Павлодарской обл. произошла драка между русскими рабочими, мобилизованными через военкомат для работы в угольной промышленности, и находившимся на спецпоселении чеченцем. 10 сентября 1959 г. на станции Магнай Карабалыкского района Кустанайской обл. около 50 военнослужащих (судя по всему, русских) в клубе «Заготзерно» организовали избиение армян, прибывших на уборку урожая. Расследованием установлено, что таким образом солдаты отомстили за избиение армянами своего товарища. В результате драки 1 армянин убит, 5 участников потасовки получили телесные повреждения¹³⁸.

Как видно из приведенных примеров, характер, форма и даже состав участников этнических конфликтов на целине достаточно сходны, их развитие идет как бы по одному сценарию. Содержание этих конфликтов вполне укладывается в понятие бытового хулиганства: коллективная выпивка, ссора, драка¹³⁹. Субъектами конфликтов на целине чаще всего выступали русские, с одной стороны, чеченцы и ингуши – с другой. Зачинщиками беспорядков могли выступать как русские, так и чеченцы или ингуши. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство известных конфликтов приходится на лето и начало осени – время уборки урожая, когда в Казахстане появлялось особенно много «случайных» людей (приехавших добровольно или мобилизованных на уборку урожая). Эта временная публика, коротающая досуг в нехитрых развлечениях и подогретая спиртным, становилась главным источником негативной энергии, которую жаждала переключить на «чужих».

По мере налаживания жизни, укоренения на новом месте переселенцев из других регионов страны обстановка стала постепенно приходить в норму. Главным фактором обеспечения относительной стабильности в регионе стал переход от временных кампаний, мобилизационных методов ос-

¹³⁷ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 451. Л. 373.

¹³⁸ Там же. Д. 506. Л. 376.

¹³⁹ Подробнее об этих событиях см.: *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953 – начало 1980-х гг. – Новосибирск: Новый хронограф. 1999. – С. 111–119.

воения целины к созданию там относительно нормальных условий для жизни людей.

Реабилитация депортированных народов и ситуация на юге России

Южные рубежи России, особенно Северный Кавказ, никогда не принадлежали к числу «спокойных» регионов по части потенциальных и реальных этнических конфликтов. Любые сколько-нибудь значительные внутривнутриполитические кризисы, как правило, вызывали там ответную реакцию в виде всплеска недовольства, межэтнической напряженности, а иногда и открытых конфликтов. Если же политические решения непосредственно затрагивали интересы региона, конфликтный сценарий развития событий становился наиболее вероятным. Начавшаяся в середине 1950-х гг. политика реабилитации депортированных народов относилась к числу такого рода решений, хотя и имела своей целью исправить прошлые несправедливости.

Первые проявления «возвращенческих настроений» среди находившихся на спецпоселении жителей Северного Кавказа – чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев – были отмечены уже весной 1953 г. Аналогичные настроения были характерны и для калмыков, а также определенных на спецпоселение крымских татар и немцев Поволжья. Смерть Сталина вызвала среди «наказанных» народов надежды на реабилитацию, а вместе с ней и возможность вернуться на свою родину. XX съезд, осудивший ошибки «периода культа личности», стал следующим рубежным событием, активизирующим эти настроения и надежды.

Как только в 1956 г. были сняты ограничения по спецпоселению, начался процесс стихийного переселения людей из мест ссылки на прежнее место жительства – нелегальный и грозящий развитием всевозможных эксцессов. В центральных органах обсуждались детали законодательного решения вопроса (восстановление автономий и их территорий, урегулирование правовых и экономических проблем, связанных с переселением и др.), а люди тем временем распродала имущество и собирались в путь на свой страх и риск. По состоянию на начало сентября 1956 г., в Дагестан прибыло 518 семей, в Кабардинскую АССР – 700, в районы бывшей Калмыцкой республики – около 500 семей¹⁴⁰. Центр явно начинал утрачивать контроль над ситуацией. Хотя надо признать, центральная власть действительно стремилась разобраться в сложном вопросе и найти оптимальное решение, балансируя между разными группами лоббистов. В течение лета – осени 1956 г. в Казахстане, Киргизии и других регионах ссылки, а также на Северном Кавказе работали несколько групп и комиссий, командированных Москвой для ознакомления с ситуацией на месте. В их состав вхо-

---

¹⁴⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 112.

дили сотрудники аппарата ЦК КПСС, Верховного Совета, МВД. Одна из комиссий занималась изучением условий жизни бывших спецпоселенцев – чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев и балкарцев. Члены комиссии пришли к заключению, что бывшие спецпоселенцы не испытывают серьезных проблем с трудоустройством, хотя основная их масса занята в сельском хозяйстве. Однако национальная культура этих народов, – следовал вывод, – «за годы поселения не развивалась, а, наоборот, приходила в упадок. Обучение детей на родном языке не проводилось, и молодежь совсем не знает своей письменности. Национальных театров нет, книги и газеты на их языках, за исключением чеченской газеты в Казахстане, не издаются»¹⁴¹.

Чужая культурная среда оказалась плохой почвой для развития национальной культуры, тем более, когда речь шла о репрессированных этнических группах. Однако это не дает основания говорить о размывании основ национальной самобытности, чему препятствовала достаточно высокая степень этнической консолидации. Годы депортации только усилили эту способность, сыгравшую роль механизма коллективного самосохранения. Место высылки они воспринимали как временное пристанище, сделав ставку на выживание в ожидании лучших времен. Понятно, почему проекты создания автономий для реабилитированных народов в регионах бывшего спецпоселения вызывали исключительно негативную реакцию с их стороны. Это была не просто «чужая земля», но и земля, напоминающая об унижении.

Вместе с тем, возвращение бывших спецпоселенцев на родину неизбежно сталкивало их интересы с интересами проживающих там с 1944 г. представителей других народов. Последние тоже были объектом манипуляции государственной политики, попали в регион не только по доброй воле, но и в порядке планового переселения. За прошедшее со времени депортаций десятилетие они прошли трудный период адаптации к новым условиям и уже фактически «вросли» в эту ставшую своей землю.

Районы бывшей Чечено-Ингушской АССР заняли, главным образом, русские переселенцы, а также жители горных районов Дагестана, Южной и Северной Осетии. Районы бывшей Карачаевской АО заселили русские и частично грузины. Бывшую балкарскую территорию заняли кабардинцы, однако большая часть балкарских земель так и осталась незаселенной. На территории бывшей Калмыцкой АССР проживали русские и казахи. Экономика большинства районов бывших Чечено-Ингушской и Калмыцкой республик благодаря усилиям переселенцев по сравнению с довоенным периодом значительно выросла. Что касается земель карачаевцев и балкарцев, то они даже в середине 1950-х гг. оставались слабо освоенными.

---

¹⁴¹ Там же.

Наличие или отсутствие свободных для заселения площадей, степень заинтересованности регионов в дополнительных рабочих руках формировали разное отношение местных властей и населения к самому факту возвращения бывших спецпоселенцев. В этом смысле обстановка в Калмыкии или Кабардинской АССР (включающей бывшие земли балкарцев) была относительно спокойной. И напротив, Чечено-Ингушетия в результате массового возвращения чеченцев и ингушей на места прежнего жительства приобрела черты взрывоопасного региона.

Когда центральная власть решала вопрос о восстановлении автономий балкарцев и карачаевцев, она практически не встречала возражений со стороны руководства районов и областей, куда предстояло вернуться бывшим спецпоселенцам (Ставропольский край, Астраханская, Ростовская обл., Кабардинская АССР). Более того, местные власти выражали готовность принять и трудоустроить депортированных калмыков, балкарцев и карачаевцев при условии соответствующей финансовой поддержки. Местное население к факту возвращения относилось в основном лояльно. В данном случае фактором, блокирующим потенциальные конфликты, выступало поведение самих «возвращенцев», которые, как правило, не выдвигали имущественных претензий. Многие калмыки вообще не могли этого сделать, так как за 10 лет их жилища – глинобитные и камышитовые мазанки – разрушились, а переселенцы жили в отстроенных заново «своих» домах.

Кабардинские власти вообще действовали столь оперативно, что забегали «вперед паровоза», нарушив постановление вышестоящих органов. 9 июня 1956 г. бюро Кабардинского обкома партии специально рассматривало вопрос «О балкарцах». Констатируя, что «осуществленное в 1944 г. переселение балкарцев было ошибочным», а также учитывая просьбы балкарцев, обком принял решение о возвращении части балкарского населения на прежнее место жительства¹⁴². Спустя 3 месяца обком принял новое постановление, обязывающее райкомы партии и райисполкомы трудоустроить всех прибывших на территорию республики бывших спецпоселенцев-балкарцев и принять меры к их хозяйственному обустройству¹⁴³.

Эти постановления противоречили указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г., согласно которому балкарцы снимались с административного учета по спецпоселению, но не имели права возвращаться на прежнее место жительства. Прибывшая в республику бригада ЦК КПСС зафиксировала такую картину: «Бывших спецпоселенцев охотно принимали, трудоустраивали, оказывали помощь в строительстве домов и обзаведении скотом, а некоторую часть начали выдвигать на руководящие должности»¹⁴⁴. ЦК КПСС потребовал от Кабардинского обкома отменить свои решения от 9 июня и 3 сентября 1956 г. как «неправиль-

---

¹⁴² Там же. Оп. 32. Д. 56. Л. 67

¹⁴³ Там же. Л. 65.

¹⁴⁴ Там же.

ные». Однако после принятия соответствующего решения о восстановлении Кабардино-Балкарской автономии процесс возвращения балкарцев получил законное основание.

По иному сценарию шло развитие событий на территории восстановленной Чечено-Ингушской АССР. Здесь определились две конфликтные линии – между этническими общностями и властью (прежде всего центральной) и между «возвращенцами» и местным населением. Предметом первых конфликтов стал вопрос о границах автономии. После принятия постановления ЦК КПСС и указа Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении ЧИАССР в ЦК партии и другие центральные органы стали поступать многочисленные заявления и телеграммы от жителей районов, оставшихся неудовлетворенными произошедшим территориальным разделом. Среди недовольных были жители четырех районов Дагестана, вошедших по новому делению в состав Чечено-Ингушской АССР, а также ингуши, проживающие в Пригородном районе Северной Осетии, в Казахстане и Киргизии. В течение первого месяца после обнародования соответствующих решений только в ЦК КПСС поступило более 50 документов такого рода, из них 30 – коллективных¹⁴⁵.

Помимо письменных обращений в Москву приезжали делегации от бывших дагестанских районов и от ингушей. В дагестанскую делегацию входило 30 представителей от колхозов Шургатского, Ритлябского, Веденского районов. Ингушская делегация тоже была довольно солидной – 37 человек, проживающих в Пригородном районе. Суть ходатайств ингушей заключалась в просьбе передать Пригородный район в состав ЧИАССР. Оказавшиеся в составе автономной республики жители Дагестана (главным образом даргинцы и аварцы) выражали свое несогласие проживать вместе с чеченцами и ингушами и просили организовать их переселение в Дагестан.

31 января 1957 г. ингушская делегация была принята в отделе партийных органов ЦК КПСС по РСФСР. Аргументы ингушей сводились к обоснованию их «исторических прав» на территорию Пригородного района и нежеланию жить «под властью осетин»¹⁴⁶. В информации об этой встрече, к сожалению, ничего не сказано о контраргументах ответственных работников ЦК КПСС, призванных урегулировать вопрос. Скорее всего, членам ингушской делегации были даны стандартные разъяснения со ссылкой на «дружбу братских народов» и необходимость укреплять «добрососедские отношения». Иного развития событий трудно было ожидать после того, как вопрос о территориальных границах уже был решен. Власть еще не научилась не только заранее просчитывать возможные последствия своих решений, но и отступать в случае, если решение было ошибочным.

---

¹⁴⁵ Там же. Д. 80. Л. 2.

¹⁴⁶ Там же.

Обстановка в этих бывших районах Дагестана, переданных Чечено-Ингушетии, накалялась с каждым днем. Председатели колхозов отказывались принимать прибывающих чеченцев в колхозы, аварцы и даргинцы возражали против совместной жизни с чеченцами и просили вышестоящие органы вмешаться в развитие конфликта: либо вновь присоединить эти районы к Дагестану, либо переселить аварцев и даргинцев на территорию Дагестана. При этом выражалась уверенность, что, независимо от позиции властей, аварцы и даргинцы все равно вынуждены будут покинуть эти районы в случае, если вопрос не будет решен в пользу передачи этой территории Дагестану. В январе 1957 г. представители дагестанских колхозов были приняты в постпредстве Дагестанской АССР в Москве.

На встрече в Москве, в письменных обращениях, поступающих от даргинцев и аварцев, подчеркивался взрывоопасный характер ситуации в регионе, грозившей перерасти в массовые столкновения на межэтнической почве. Анализ реального развития событий на Северном Кавказе показывает, что предостережения соответствовали действительности. По крайней мере, в течение 1956–1958 гг. этническая напряженность в регионе постоянно усиливалась, достигнув апогея в августе 1958 г. во время массовых беспорядков в Грозном.

Статистика этнических конфликтов, возникших в районах возвращения бывших спецпоселенцев, до сих пор является приблизительной, что объясняется ограниченной источниковой базой. Первое обстоятельное исследование этой проблемы было предпринято В.А. Козловым, который пришел к выводу, что в районах возвращения произошло не менее 8 открытых насильственных конфликтов, причем 6 из них – на Северном Кавказе (на территории Чечни, Ингушетии и в пограничных с ними районах Северной Осетии и Дагестана)¹⁴⁷. В то же время есть основания предполагать, что в действительности реальных столкновений между «возвращенцами» и местным населением было больше, не всегда информация о конфликтах доходила до центральной власти. Косвенным подтверждением массового характера столкновений на межэтнической почве в районах переселения являются следующие данные: в 1957 г. в Чечено-Ингушетии только зарегистрировано было 932 уголовных преступления, в том числе 24 убийства и 30 разбойных нападений. В числе пострадавших – 516 русских, 39 чеченцев и ингушей, а также 66 граждан других национальностей¹⁴⁸. Эпидемии начались еще в 1956 г., т. е. до официального восстановления Чечено-Ингушской автономии. Чеченцы и ингуши, группами и индивидуально, стали прибывать на место своего прежнего жительства. Их приезд переселенцы встретили настороженно: часть из них занимала дома, принадлежавшие депортированным, и они опасались, что те могут потребовать возвращения

¹⁴⁷ Козлов В.А. Указ. соч. – С. 120.

¹⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 80. Л. 187.

своего жилища и имущества. Со своей стороны, чеченцы не только не пытались развеять эти опасения, но и высказывали прямые угрозы в адрес переселенцев¹⁴⁹.

«Чеченцы и ингуши самовольно захватывают под жилье колхозные постройки и принадлежавшие им до выселения дома, оскорбляют местное население, подбрасывают провокационные записки с требованием до 7 ноября освободить эти помещения, угрожая в противном случае расправой», – говорилось в информации, подготовленной бригадой ЦК КПСС в сентябре 1956 г.¹⁵⁰ Тогда же были отмечены первые столкновения с применением оружия и нанесением имущественного ущерба.

Дестабилизирующая роль «чеченского» (и «ингушского») фактора в регионе возрастала по мере увеличения притока чеченцев и ингушей, который значительно активизировался после восстановления автономии. Процесс этот власти так и не удалось взять под свой контроль полностью. По плану переселение чеченцев и ингушей из мест бывшего спецпоселения в ЧИАССР должен был занять 3–4 года, начиная с весны 1957 г.¹⁵¹ Предполагалось, что, например, в 1957 г. – первом году организованного переселения – в Чечено-Ингушетию должны вернуться 17 тыс. семей. В действительности уже к началу осени их вернулось 34,6 тыс., т. е. в 2 раза больше¹⁵².

Власти пытались остановить процесс стихийного переселения, прибегая главным образом к административным мерам: запрещению самовольного переселения под угрозой штрафных санкций и организации кордонов на железных дорогах – на пути следования самовольных «возвращенцев». Снятых с поездов чеченцев и ингушей отправляли назад. Однако часто им уже некуда было возвращаться, они продали свои дома и имущество. Естественно, действия властей (в лице милиции) вызывали у них большое недовольство и эти настроения становились источником конфликтов на пути следования чеченцев и ингушей. Об опасности эскалации конфликтной ситуации в Казахстане и Киргизии, на станциях по пути следования бывших спецпоселенцев сообщали сводки МВД¹⁵³.

В 1957 г. увеличилось число столкновений между «возвращенцами» и переселенными жителями – русскими, аварцами, даргинцами и др. Причем если в 1956 г. провоцирующей стороной в конфликте чаще всего выступали чеченцы и ингуши, то в 1957 г. в роли «застрельщиков» могли оказаться и укоренившиеся переселенцы. Многие семьи русских, аварцев, осетин, не выдерживая накала противостояния, предпочли покинуть Чечено-Ингушетию. Только за первую половину 1957 г. из республики выехали

---

¹⁴⁹ Там же. Оп. 31. Д. 56. Л. 218.

¹⁵⁰ Там же. Л. 224.

¹⁵¹ Там же. Л. 235.

¹⁵² Козлов В.А. Указ. соч. – С. 122.

¹⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 80. Л. 11.

44, 2 тыс. осетин, аварцев и русских. И почти столько же собирались покинуть ЧИАССР в течение 1957–1958 гг.¹⁵⁴ Тактика вытеснения этнических конкурентов, взятая на вооружение «возвращенцами», приносила свои плоды.

Самый заметный случай столкновений на межэтнической почве в Северо-Кавказском регионе, который уже мог быть отнесен к разряду массовых беспорядков (это значит, что в нем принимали участие более 300 человек), произошел в Чечено-Ингушетии – центре автономной республики Грозном 26–28 августа 1958 г.¹⁵⁵ В Москве тогда до конца и не оценили значение грозненских событий (хотя появилось специальное решение пленума ЦК КПСС по этому вопросу). Возможно, массовые беспорядки в Грозном воспринимались всего лишь как эпизод, для недопущения которого могло быть достаточно мер по «укреплению партийно-воспитательной работы» среди населения.

Осетино-ингушский конфликт

Главным «предметом раздора» между ингушами и осетинами был Пригородный район. Каждая из сторон выдвигала систему аргументов (исторических, политических, правовых), чтобы доказать свои «особые права» на данную территорию, и стремилась найти понимание своих претензий у верховной власти. В 1957 г. Пригородный район вошел в состав Северной Осетии, и протесты ингушской элиты по этому поводу были оставлены центральной властью без внимания. До начала 1970-х гг., почти 15 лет, конфликт находился в латентной стадии. В эти относительно спокойные годы, тем не менее, происходили важные сдвиги в экономическом укладе и сознании жителей района (осетин и ингушей), в процессе которых формировались позиции будущего противостояния. Осетины окончательно обжили Пригородный район. Как считает А.А. Цуциев, принципиальное значение имело то обстоятельство, что в течение 1960–1970-х гг. в районе произошло полное обновление частного жилого фонда: осетины стали жить в «своих» домах¹⁵⁶. Для молодого поколения осетин Пригородный район был уже в полном смысле родиной, что придавало чувство уверенности не только им, но и представителям более старших поколений. Ингуши, избавившись от комплекса спецпереселенцев, обрели понимание своих равных прав с другими народами, и присутствие «чужих» осетин в «своем» Пригородном районе воспринималось на этом фоне более обостренно. Играл свою роль и экономический фактор: Пригородный район, особенно Орджоникидзе, был, несомненно, более развит экономически,

¹⁵⁴ Там же. Л. 187.

¹⁵⁵ Подробное описание массовых беспорядков в Грозном 1958 г. см.: *Козлов В.А.* Указ соч. – С. 132–154.

¹⁵⁶ *Цуциев А.А.* Осетино-ингушский конфликт: его предыстория и факторы развития. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 80.

чем ингушские районы Чечено-Ингушетии, имевшие для республики периферийное значение.

Все эти чувства, аккумулированные ингушской элитой, наконец, оформились в конкретные претензии и подтолкнули к действиям. В декабре 1972 г. группа ингушей направила в ЦК КПСС письмо «О судьбе ингушского народа» с просьбой передать Пригородный район ингушам¹⁵⁷. В январе 1973 г. в столицу Чечено-Ингушетии Грозный съехались ингуши из Назрановского, Малгобекского, Сунженского районов республики, а также из Пригородного района Северной Осетии. В течение трех дней (16–19 января) в городе проходили многотысячные митинги с требованиями о «возвращении» Пригородного района, сопровождавшиеся оскорбительными выпадами против осетин. С помощью милиции ситуацию удалось взять под контроль.

Волнения в Грозном обсуждались на секретариате ЦК КПСС – второй после грозненских беспорядков 1958 г. случай рассмотрения этнического конфликта на высшем уровне. 13 марта 1973 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об антиобщественных националистических проявлениях в г. Грозном». Союзное правительство выделило дополнительные средства для развития инфраструктуры Пригородного района, здравоохранения и культуры. Эти мероприятия должны были способствовать повышению жизненного уровня местного населения – осетин и ингушей – и тем самым сглаживать возникающие конфликты.

Однако в начале 1980-х гг. возникло новое обострение этноконфликтной ситуации в регионе. В нескольких селах Пригородного района произошли волнения осетинского населения. На многотысячных собраниях звучали требования о принудительном выселении всех ингушей за пределы Северной Осетии, появлялись листовки с угрозами в адрес ингушей¹⁵⁸. 24–26 октября 1981 г. массовые антиингушские волнения произошли в столице Северной Осетии г. Орджоникидзе. Поводом к волнениям послужил факт убийства ингушами осетина. Сценарий развития событий напоминал массовые беспорядки в Грозном в 1958 г.: похоронная процессия, превратившаяся в демонстрацию и митинг, присутствие в толпе «подстрекателей», призывавших к штурму здания обкома, захват здания и снова митинг. На второй день волнений толпа на площади перед обкомом партии насчитывала около 10 тыс. человек, в основном осетин. Так же, как и во время грозненских беспорядков, в город ввели войска. Органы охраны правопорядка во время волнений задержали более 800 человек, 40 из них были осуждены на различные сроки лишения свободы.

По результатам этих событий 14 января 1982 г. ЦК КПСС принял постановление «О крупных недостатках в работе Северо-Осетинского обко-

---

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ РГАНИ. Ф. 89. Перечень 23. Д. 33. Л. 3.

ма КПСС по идейно-политическому, интернациональному воспитанию трудящихся». Первый секретарь Северо-Осетинского обкома партии Б.Е. Кабалоев освобожден от занимаемой должности. Совет министров принял решение ввести временное ограничение прописки граждан в Пригородном районе. МВД СССР поручено принять дополнительные меры к изъятию огнестрельного и холодного оружия, незаконно хранящегося у населения Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

Эти меры центральной власти по предотвращению подобных беспорядков (и, в конечном счете, направленные на защиту прав ингушского населения) вызвали у ингушей скорее недовольство и, во всяком случае, не сняли проблему этнической напряженности в регионе.

К такому неутешительному выводу пришла комиссия ЦК КПСС, выезжавшая в 1987 г. в Северную Осетию и Чечено-Ингушетию с целью проверки выполнения постановления ЦК от 14 января 1982 г.¹⁵⁹ Всего за 1984–1986 гг. в конфликтном регионе было зарегистрировано более 100 «националистических проявлений». Среди них убийства и избиения «на почве неприязненных отношений между ингушами и осетинами», хулиганские действия и т. д. Положение дел на Северном Кавказе вызывало все большее беспокойство центральной власти.

Армяно-азербайджанский и абхазо-грузинский конфликты

Общее оживление общественно-политической жизни страны во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. по-своему отразилось на настроениях армянского общества, снова выдвинув на первый план проблему «возвращения территорий». Речь шла, прежде всего, о «карабахской проблеме» – старом споре между Арменией и Азербайджаном о принадлежности Нагорно-Карабахской автономной области, населенной преимущественно армянами, но входившей в состав Азербайджанской ССР.

В Армении и в Нагорном Карабахе всегда существовали настроения в пользу отделения области от Азербайджана и присоединения ее к Армении. Они подогревались политикой азербайджанских властей, для которых НКАО была своего рода периферией, что отражалось на экономическом и культурном развитии региона. Недовольство политикой Азербайджана по отношению к Нагорному Карабаху и стремление армян к воссоединению формировали предконфликтную ситуацию, хотя долгое время потенциальный конфликт не выходил за рамки настроений. Первые достаточно активные действия армянская сторона предприняла лишь в начале 1960-х гг.

Летом 1961 г. планировался визит Н.С. Хрущева в Армению. В связи с этим событием уже весной в Нагорном Карабахе прошел слух, что Хрущев приедет не просто так, а с «подарком». Предполагалось, что в связи

---

¹⁵⁹ Там же. Перечень 11. Д. 192. Л. 3–4.

с 40-летием образования Армянской ССР Хрущев «преподнесет» республике Нагорный Карабах¹⁶⁰. Нетрудно предположить, что источником подобных фантазий была история с Крымом, «подаренным» Хрущевым Украине в 1954 г. в связи с юбилейными торжествами по случаю 400-летия украино-российской унии.

Предпринимались попытки организовать сбор подписей под ходатайством о передаче НКАО Армении, активисты карабахского движения обращались к руководству Армении с призывом к активным действиям. В апреле 1961 г. такого рода письма получили секретари ЦК Компартии Армении, заместители председателя Совета министров, председатель Верховного совета и руководители ряда промышленных предприятий Армянской ССР. В письмах выдвигались требования о возвращении «исконно армянских земель», входящих ныне в состав Закавказских республик, а также Турции. Анонимные авторы письма предлагали поставить вопрос перед союзным правительством, а в случае неудачи – обратиться в ООН. Всего было изъято около 100 подобных писем¹⁶¹.

Отдельные попытки сбора подписей, письменные обращения в адрес властей, по информации партийных органов и КГБ, наблюдались в 1962 и в 1963 гг. Настроения в пользу передачи НКАО Армении высказывались в кругах армянской интеллигенции. Среди молодежи и студентов республики также началось брожение. В Ереванском университете имели место высказывания о необходимости пересмотра границ Армении и решении «карабахского вопроса»¹⁶². Эти настроения готовили почву для перехода к более активным действиям.

Апрель 1965 г. связан с трагической для Армении датой – 50-й годовщиной массового истребления армян турками.

В марте 1965 г. в ЦК КПСС и нескольким авторитетным людям пришли анонимные письма, написанные от лица азербайджанского населения Армении, с предупреждением о возможной «акции мести» со стороны армян в памятный день 50-летия резни армян турками. «Армения в данный момент похожа на огромный шар, наполненный взрывчаткой... готовый воспламениться при первой же вспышке», – говорилось в одном из писем, отправленном на имя Л.И. Брежнева и А.А. Громыко¹⁶³. Авторы писем просили принять меры для предотвращения возможных эксцессов.

Власти Армении действительно постарались организовать памятные мероприятия так, чтобы избежать волнений и беспорядков: предполагалось ограничить их собранием армянской общественности в ереванском оперном театре 24 апреля. Однако уже накануне в Ереване появились листовки с призывами организовать траурное шествие и по-своему отметить

---

¹⁶⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 31. Д. 198. Л. 36.

¹⁶¹ Там же. Д. 172. Л. 16.

¹⁶² Там же. Д. 198 Л. 4–5.

¹⁶³ Там же. Д. 248. Л. 15.

этот день (не выходить на работу и учебу, носить траурные ленты и костюмы, не бриться в знак траура и т. д.). Утром 24 апреля на центральной площади города возник стихийный митинг, который собрал около 3 тыс. человек. Стремясь придать этому собранию организованный характер, на нем выступили председатель Совета министров Армении А.Е. Кочинян и первый секретарь Ереванского горкома партии Б.А. Мурадян. Во время митинга Кочиняну был вручен текст послания, адресованного ЦК КПСС, Совету министров СССР и Президиуму Верховного Совета СССР. В нем выдвигались требования передать Армянской ССР Карабах, Нахичевань и другие «исторические земли», репатриировать армян, освободить семерых армян, осужденных как участники националистической группы¹⁶⁴.

Несмотря на просьбы официальных лиц разойтись, пришедшие на митинг после его окончания пошли по улицам города, неся транспаранты и скандируя лозунги: «Земля!», «Воссоединение!», «Решить справедливо армянский вопрос!», «Честные армяне, следуйте за нами!» В 19 часов началось запланированное собрание в оперном театре. Вокруг театра стояли кордоны милиции, однако части радикально настроенных демонстрантов удалось сломать кордон и прорваться в театр. Чтобы успокоить толпу, к митингующим обратились председатель Президиума Верховного Совета Армении Н.Х. Арутюнян, секретарь горкома Б.А. Мурадян, католикос всех армян Вазген. Вообще ереванские события представляют собой редкий пример скоординированных и разумных действий власти, направленных на предотвращение разгула стихии и насилия. Силами милиции вечером порядок в городе был восстановлен, 10 человек задержаны, телесные повреждения получили 9 человек¹⁶⁵.

После этих волнений «карабахский вопрос» вплоть до конца 1980-х гг. время от времени заявляет о себе только в форме письменных обращений армянских инициативных групп к республиканским и центральной властям. Одна из попыток решить вопрос о принадлежности Нагорного Карабаха официальным путем относится к 1977 г., когда обсуждался проект новой Конституции СССР. Однако и она окончилась для армянской стороны неудачей: центральная власть не хотела обременять себя решением непростой и грозящей всевозможными осложнениями проблемы.

Помимо Карабаха другой «болевым точкой» Закавказья была Абхазия. Суть разногласий между Абхазией и Грузией (Абхазская АССР входила в состав Грузинской ССР) и соответственно между абхазами и грузинами сводилась, прежде всего, к спорам о статусе абхазского языка. Временами выдвигались требования о выделении Абхазии из Грузии и придании ей статуса союзной республики или автономной в составе РСФСР. В 1953 г. в Абхазской АССР было восстановлено обучение абхазских детей на род-

---

¹⁶⁴ Там же. Л. 31–32.

¹⁶⁵ Там же. Л. 33.

ном языке (в 1945 г. обучение в Абхазии перевели с абхазского на грузинский язык, что вызывало недовольство абхазского населения).

Абхазо-грузинский конфликт долго проходил стадию вызревания, и первая «проба сил» произошла в 1967 г.: несколько недель Абхазия была охвачена брожением. По ночам неизвестные закрашивали грузинские надписи на магазинах, вокзалах и учреждениях. Волнения, носящие ненасильственный характер, проходили под лозунгами узаконения абхазской топонимики, обязательного изучения абхазского языка во всех школах республики, предоставления привилегий представителям титульного этноса при поступлении на работу и приеме в высшие учебные заведения¹⁶⁶. Как видно, часть требований носила явно дискриминационный характер по отношению к представителям других национальностей, проживающих в республике, – грузинам, русским, армянам и др.

Второй раз волнения вокруг «абхазо-грузинской проблемы» возникли в связи с обсуждением новых конституций союзных и автономных республик весной 1978 г. В ряде районов Абхазии состоялись митинги с требованиями придать абхазскому языку статус государственного, прекратить миграцию в Абхазию грузин, добиться выхода республики из Грузии и присоединения ее к РСФСР на правах автономии. Приняли компромиссный вариант: в Конституции Абхазской АССР появилось положение о равном статусе трех языков – абхазского, грузинского и русского.

Аналогичные выступления, хотя и с большим размахом, в то же самое время проходили в столице Грузии Тбилиси. Предметом волнений тоже был вопрос о языке – грузинском. 14 апреля 1978 г. 10-тысячная толпа, собравшаяся перед Домом правительства, требовала от республиканских властей сохранить в конституции положение о статусе грузинского языка как государственного. Под давлением общественного мнения в тот же день сессия Верховного Совета республики приняла решение оставить статью о языке «без изменений». Грузия стала одной из трех союзных республик (наряду с Арменией и Азербайджаном), которой удалось в новой конституции сохранить статус языка титульного этноса как государственного.

Балтия: мигранты, движение за суверенитет и антирусские настроения

В трех прибалтийских республиках, более чем в какой либо части СССР, центральная власть отдавала должное «национальному моменту», время от времени делая ставку на «коренизацию» аппарата, поддерживая двуязычный баланс, санкционируя проведение песенных фестивалей, открывая границы для иностранных туристов и т. д. Вместе с тем, Москва всегда заботилась о создании неких «противовесов», которые не позволили бы

¹⁶⁶ Козлов В.А. Указ. соч. – С. 404–405.

региону выйти из-под опеки центра. Изначально ставка делалась на известную «интернационализацию» прибалтийских республик как процесс, призванный блокировать развитие сепаратистских тенденций. Кроме того, «пришлые» кадры, прошедшие советскую школу партийной и хозяйственной работы, рассматривались Москвой как наиболее надежные агенты влияния. Другое дело, что центральной власти волей-неволей приходилось считаться с наличием сильных антирусских и антисоветских настроений в регионе.

В качестве объектов выражения и приложения этих негативных настроений чаще всего выступали мигранты. Отношение к мигрантам поэтому во многом определяло специфику «национального вопроса» в Прибалтике. Мигранты прибывали в республики по разным каналам – организованным и стихийным. Однако независимо от каналов и мотивов, привлекающих людей в Прибалтику, миграция и мигранты со временем превратились в одну из самых острых и болезненных проблем для этого региона – прежде всего в Латвии и Эстонии. Поскольку среди мигрантов преобладали русскоязычные граждане, классический конфликт «своих» и «чужих» здесь получил этническую окраску, когда субъектами конфликта выступали представители балтийских этносов и русское (русскоязычное) население.

На самом деле конфликты вокруг проблемы мигрантов носили не столько этнический, сколько культурный и социальный характер. Главные претензии в адрес мигрантов со стороны представителей коренного населения касались их якобы недостаточного образовательного и квалификационного уровня. Мигранты воспринимались также как конкуренты, так как они пользовались преимуществами при распределении социальных ресурсов, прежде всего жилья. Наконец, в негативном отношении к мигрантам, которых иногда открыто называли «оккупантами», аккумулировалась обида за утраченную государственную независимость и неприятие советских порядков.

В действительности русскоязычное население Прибалтики в советский период не представляло собой единое целое. Оно состояло из нескольких групп, отличающихся как по своим качественным характеристикам, так и по истории возникновения¹⁶⁷.

Около половины русскоязычных жителей приходилось на долю низкостатусных групп. Люди низкой квалификации и с недостаточным уровнем образования прибывали в прибалтийские республики по оргнабору – на строительство промышленных объектов и для работы на предприятиях. Однако наиболее низкими качественными характеристиками отличались неконтролируемые миграционные потоки, которые, особенно в 1940–

---

¹⁶⁷ *Симомян Р.Х.* Россия и страны Балтии. Две модели постсоветского развития. – М.: Институт социологии РАН, 2009. – С. 98–154.

1950-е гг., по своим масштабам превосходили миграцию организованную¹⁶⁸.

Особенностью русскоязычного населения, сложившегося в советский период, была высокая доля (до 40 %) военнослужащих и членов их семей¹⁶⁹. Военные приезжали в Прибалтику на службу, многие офицеры, уйдя в отставку, стремились остаться там на постоянное жительство. Примеру офицеров следовали рядовые. За военнослужащими тянулся «иммиграционный шлейф» – семья и родственники. Главным стимулом для переезда в Прибалтику мигрантов по «военной линии» было стремление обеспечить себе и своей семье благополучную по советским меркам жизнь.

Отношение Центра к проблеме мигрантов в республиках Прибалтики менялось с течением времени. Стихийная, неконтролируемая миграция советскими властями никогда не приветствовалась. Однако организованная миграция, особенно на первом этапе советизации (сталинский период), рассматривалась Центром как важный фактор обеспечения своего влияния в Прибалтике. Вместе с тем, миграционная политика Москвы не преследовала цели «колонизации» балтийских республик. Республики Балтии стали жертвой не колонизации, а несбалансированной экономической политики, когда размещение и развитие промышленного производства проводились без учета возможных социальных последствий.

Начиная с середины 1950-х гг. предпринимаются централизованные попытки ограничить приток мигрантов в Прибалтику. В 1954 г. проведение оргнабора перешло из ведения Центра в компетенцию советов министров союзных республик. В целях использования внутренних трудовых ресурсов молодежь Латвии и Эстонии с 1956 г. освобождается от участия в акциях общественного призыва – на стройки Сибири, Севера и Донбасса¹⁷⁰. Однако и в первой половине 1960-х гг. масштабы стихийной миграции в Латвию и Эстонию оставались существенными: ежегодно неконтролируемый приток населения в Латвию составлял 16–18 тыс. человек, в Эстонию – 5–6 тыс.¹⁷¹.

---

¹⁶⁸ Как установил историк О. Мертельсманн, с 1945 г. по 1953 г. в Эстонию в порядке оргнабора прибыло 23774 чел. Всего же в течение 1945–1949 гг., на которые пришелся пик послевоенных миграций, в республику приезжали ежегодно около 20 тыс. человек, в последующие пять лет приток населения в Эстонию уменьшился до 10 тыс. в год (*Mertelsmann O. Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt- zur Kommandowirtschaft.* – Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2006. – S. 103, 130).

¹⁶⁹ Там же. – С. 104–105.

¹⁷⁰ Кампании по мобилизации молодежи на стройки продолжались только в Литве: так, по плану общественного призыва 1957 г. в другие регионы из республики должны были отправиться 500 человек. В то же время квота для Москвы и Ленинграда была на порядок выше и составляла 5,6 тыс. человек, для центральных областей России – 23 тыс., для Украины – 26 тыс. чел., в том числе 6 тыс. чел. должны были отправиться в Казахстан (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 91. Д. 588. Л. 43–44).

¹⁷¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 658. Л. 301.

Анализируя создавшуюся ситуацию, Госплан СССР выступил с рекомендацией осуществлять развитие Прибалтийского экономического района в дальнейшем с ориентацией «на более полное использование имеющихся в районе трудовых ресурсов ... без привлечения рабочей силы из других районов страны»¹⁷². Эта рекомендация осталась нереализованной: промышленные комплексы в Эстонии, и особенно в Латвии, интенсивное развитие которых продолжалось в 1960-е и в 1970-е гг., при ограниченности собственных трудовых ресурсов по-прежнему привлекали в республики мигрантов.

По-другому складывалась миграционная ситуация в Литве. Руководство этой республики раньше, чем соседи, оценило связанные с развитием крупной промышленности риски. Традиционно промышленность развивалась в больших городах, вызывая в числе прочих проблем высокую концентрацию в них населения. Например, в начале 1960-х гг. в Риге было сосредоточено 66,5 %, в Таллине – 40 % промышленности республики¹⁷³. Руководство Литвы выбрало иной путь, отдав предпочтение при размещении промышленных объектов малым и средним городам. Наряду с этим осуществлялись меры по стимулированию переезда сельских жителей в города, поэтому рост городского населения происходил главным образом за счет литовцев. Литва таким образом не только избавила себя от связанных с большим притоком мигрантов социальных проблем, но и оставалась по составу населения этнически более однородной: 80 % ее жителей составляли литовцы.

Большинство русских мигрантов в Прибалтике оказались в роли «козлов отпущения»: недовольство коренного населения московской властью переключалось на людей, присланных на работу в республики. Подобное отношение местного населения рождало ответную реакцию у «пришлых». Они требовали от властей защитить права русскоязычного населения, причем обе стороны гарантию собственных прав воспринимали часто только как ограничение прав контрагента. Это противостояние чаще всего носило ненасильственный характер, обретая форму дискуссий по языковому вопросу, демонстративных акций (в виде антирусских лозунгов и уничтожения символов «чужой» государственности) или письменных обращений в вышестоящие инстанции. Насильственные акции (например, террористические акты) имели антисоветскую, но не антирусскую природу.

Во второй половине 1950-х гг. в республиках Балтии наблюдался всплеск антисоветских и антирусских выступлений. Катализатором общественного недовольства стали события в Польше и Венгрии 1956 г. В конце октября и начале ноября 1956 г. в Вильнюсском госуниверситете были обнаружены лозунги и листовки следующего содержания: «Да здравствует революция в Венгрии, последуем ее примеру!»; «Литовцы! Литва – литов-

¹⁷² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 81. Д. 658. Л. 301.

¹⁷³ Там же. Л. 286.

цам! Русские оккупанты, убирайтесь вон!»¹⁷⁴ 27 октября на студенческой вечеринке в Политехническом институте Таллина студенты скандировали: «Да здравствует Венгрия! Да здравствует Будапешт!». Один из присутствующих сказал, что все студенты сочувствуют восстанию венгров и их стремлению освободиться от русских и что, если бы в Эстонии произошло нечто подобное, он первым вышел бы на демонстрацию¹⁷⁵. 7 Ноября, накануне очередной годовщины Октябрьской революции, в Таллине на здании оперного театра появились надписи на эстонском языке: «Русские, убирайтесь домой!», «Эстонцы, выгоните русских вон!». Призывы аналогичного содержания были обнаружены и на соседних зданиях¹⁷⁶. В Тарту были разбросаны листовки на эстонском языке: «Долой русских правителей. Смерть русским оккупантам. Вон русских из Эстонии!»¹⁷⁷.

В большинстве подобных случаев, относящихся к этому периоду, повторяется эта деталь: надписи и листовки антирусского содержания делаются не на русском языке, а на латышском, эстонском, литовском. Это значит, что они выполняли прежде всего мобилизационную (для «своих»), а не угрожающую (для «чужих») функцию. Позднее ситуация изменится, и подобные надписи будут появляться на русском языке. Л. Алексеева, неоднократно посещавшая Латвию в середине 1970-х гг., видела такие надписи, сделанные по-русски (а значит, обращенные прежде всего к русским), много раз¹⁷⁸. Авторами надписей чаще всего выступали молодые люди, студенты. С 1956 г. акции протеста против советизации стали приурочиваться к «Задушному дню» (дню поминовения усопших), который всегда почитаем у католиков и не выходил за рамки религиозного обряда. В тот год по традиции в Литве на кладбищах Каунаса и Вильнюса собралось большое количество верующих (в Вильнюсе – 500 человек, а в Каунасе – 20 тысяч). После окончания обряда люди отправились в обратный путь, и тут раздались призывы: «Дайте свободу Литве!», «Долой Москву!», «Последуем примеру Венгрии!», «Русские, убирайтесь вон из Литвы!». В Каунасе часть процессии пыталась прорваться в центр города, но это удалось сделать лишь группе в 100–150 человек. Оставшиеся на кладбище всю ночь пели гимн независимой Литвы и произносили речи антисоветского содержания¹⁷⁹.

К 1957 г. относится первая дошедшая до нас информация о насильственных столкновениях между представителями коренных национальностей и русскими¹⁸⁰. 6 марта 1960 г. в Рижском политехническом институте

¹⁷⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 59. Л. 203.

¹⁷⁵ Там же. Л. 204.

¹⁷⁶ ГА РФ. Р-9401. Оп. 2. Д. 482. Л. 40.

¹⁷⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 59. Л. 205.

¹⁷⁸ Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. – Вильнюс–Москва: Весть, 1992. – С. 66.

¹⁷⁹ Там же. Л. 206.

¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 422. Л. 187.

на вечере, посвященном дню 8 Марта, возникла драка между представителями латышской и русской молодежи, инициаторами которой выступили латыши¹⁸¹.

В Литве были отмечены первые «спортивные» волнения. В 1960 г. в Каунасе во время чемпионата по боксу, приуроченного к 20-й годовщине установления советской власти в Литве, произошла потасовка между зрителями и милицией. В июне 1972 г. во время международного чемпионата по футболу в Вильнюсе многие зрители не встали при исполнении советского гимна. В ноябре 1975 г. после окончания футбольного матча, победного для литовской команды «Жальгирис», около 2 тыс. болельщиков прошли по улицам Вильнюса, скандируя политические лозунги¹⁸². Самые значительные «футбольные демонстрации» произошли в Вильнюсе в октябре 1977 г. После окончания матча между «Жальгирисом» и белорусской «Двиной» несколько сот зрителей прошли по улицам, выкрикивая лозунги: «Свободу Литве!», «Русские, убирайтесь вон!», «Долой конституцию оккупантов!». Это случилось 7 октября. Через три дня должен был состояться матч между «Жальгирисом» и «Искрой» из Смоленска. Правоохранительные органы во избежание новых эксцессов обеспечили усиленную охрану стадиона, однако антирусские выкрики начались еще во время матча. После его окончания публика двинулась маршем по городу. Помимо болельщиков в демонстрации участвовали и другие жители Вильнюса. Как и во время шествия 7 октября из толпы раздавались антирусские лозунги. Однако появились и другие – «Свободу политзаключенным!», «Идем в КГБ!» Среди демонстрантов оказались и русские, которые привычному «Русские, убирайтесь вон!» смогли противопоставить свой призыв: «За вашу и нашу свободу»¹⁸³.

Во всех трех республиках политические акции протеста часто приурочивались к советским календарным праздникам, главным образом к 7 ноября. В этот день обычно появлялись листовки и надписи с требованием независимости, срывались советские флаги. Иногда появлялись флаги Латвии, Литвы и Эстонии периода независимости. В течение второй половины 1950-х и 1960-е гг. такого рода проявления недовольства политикой советизации имели тенденцию к росту. Только в Латвии число акций, квалифицированных как «националистические и другие враждебные проявления», согласно официальным данным, увеличилось со 117 в 1955 г. до 217 в 1960 г., т. е. почти в два раза¹⁸⁴.

Власти Латвии для оправдания традиционно ссылались на влияние «враждебной идеологии»: внутри республики ее носителями объявлялись «остатки буржуазных националистов» и старая интеллигенция, но главный

---

¹⁸¹ *Misiunas R., Taagapera R.* The Baltic States: Years of Dependence, 1940–1990. – Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1993. – P. 301.

¹⁸² *Алексеева Л.М.* Указ. соч. – С. 42.

¹⁸³ Там же. – С. 42–43.

¹⁸⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 1067. Л. 81.

источник крамолы виделся все-таки вовне – западные радиоголоса, туризм, переписка и т. д. В апреле 1961 г. ЦК компартии Латвии принял постановление «О мерах по повышению политической деятельности трудящихся республики». Секретарь ЦК КП Латвии А.Я. Пельше обратился в ЦК КПСС с запиской, в которой просил усилить республиканский аппарат КГБ и ужесточить судебные репрессии по отношению к «националистам»¹⁸⁵.

Секретариат ЦК КПСС рассмотрел записку Пельше и вынес решение о поддержке предложений латышского руководства (кроме пункта об усилении судебных репрессий, который в постановлении ЦК КПСС отсутствует). В соответствии с ним были усилены штаты КГБ Латвии, особенно в сельских районах, увеличена численность пограничных застав, приняты дополнительные меры по «глушению» западных радиостанций, ведущих программы на латышском языке¹⁸⁶. Сообщения о появлении листовок, срыве государственного флага СССР и вывешивании флага независимой Латвии появляются и в 1960-е, и в 1970-е гг. При этом по сравнению с Литвой и Эстонией Латвия была более спокойным регионом, где даже молодежь была не столь активна, как литовское и эстонское студенчество.

Применительно к периоду 1950 – первой половины 1980-х гг. можно говорить о складывании главных центров, на которые приходится подавляющее большинство конфликтных проявлений. В Эстонии это Таллин и Тарту, в Литве – Вильнюс и Каунас, в Латвии – Рига. Оппозиционные настроения концентрируются в университетах, что определяет и специфический состав участников демонстрационных акций, среди которых ведущую роль играют студенты и интеллигенция.

Наиболее значительные по составу участников и накалу страстей волнения произошли 18–19 мая 1972 г. в Каунасе, поводом для которых послужило трагическое событие – самосожжение 18-летнего школьника Ромаса Каланты¹⁸⁷. 30 мая 1972 г. каунасские события стали предметом обсуждения на Бюро ЦК Компартии Литвы. Они были расценены как «антиобщественные и националистические проявления» (хотя в лозунгах демонстрантов присутствовал политический, а не этнический контекст). Литовское бюро ЦК в традиционном духе внутривнутрипартийного общения в решении специально отметило, что «трудящиеся повсеместно с гневом и возмущением осуждают вылазку хулиганов», а «народ Советской Литвы безгранично предан делу коммунизма, великому Союзу Советских Социалистических Республик, сплочен вокруг коммунистической партии, полностью одобряет и поддерживает ее внутреннюю и внешнюю политику»¹⁸⁸. В год 50-летия образования СССР каунасские события были совсем «не ко двору». Поэтому литовские власти представили их как «хулиган-

---

¹⁸⁵ Там же. Л. 83–85.

¹⁸⁶ Там же. Л. 74.

¹⁸⁷ Алексеева Л.М. Указ. соч. – С. 41–42.

¹⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 140. Д. 1876. Л. 119.

ский инцидент». Но вывод о «всеобщем осуждении» каунасской демонстрации трудно назвать даже преувеличением. Каланта стал национальным символом Литвы. День памяти о нем с этих пор становится днем выражения национальных чувств.

Во второй половине 1970-х гг. в республиках Прибалтики не происходило каких-либо значительных конфликтов (за исключением упоминавшихся «футбольных демонстраций» в Литве). Однако уже в начале 1980-х гг. обнаружилось новые признаки активизации общественного беспокойства. Главные события в этот период происходили в Эстонии. В сентябре – октябре 1980 г. состоялись молодежные демонстрации в Таллине, Тарту и Пярну. Первая из них – таллинская – была акцией протеста на отмену концерта поп-группы «Пропеллер» на стадионе (в репертуаре группы обнаружены тексты с «националистическими мотивами»). В демонстрации по этому случаю участвовало не менее тысячи человек. Раздавались призывы: «Свободу Эстонии!», «Русские, вон из Эстонии!» У демонстрантов в руках были черно-бело-голубые флажки независимой Эстонии. В ходе шествий и митингов несколько раз возникали стычки с милицией¹⁸⁹.

10 октября в знак солидарности с таллинской молодежью прошли демонстрации в Тарту, Пярну и других городах Эстонии. В результате всех этих событий из школ исключено около 100 учащихся. Спустя два года, 17 сентября 1982 г., в Тарту снова состоялась многотысячная (5 тыс. участников) демонстрация молодежи и студентов под национальными лозунгами¹⁹⁰.

Акций протеста, подобных по размаху эстонским, в других республиках в начале 1980-х гг. отмечено не было. Новое обострение конфликтной ситуации в регионе начинается уже после 1985 г.

Основные тенденции развития этноконфликтной ситуации

Динамика этноконфликтной ситуации в 1950-е – первой половине 1980-х гг. опирается на несколько критических точек, которые возникают под влиянием политических кризисов и этапных решений советской власти. Эта динамика совпадает с общими тенденциями перемен в общественно-политической и экономической жизни страны.

Смерть Сталина в 1953 г. стала сигналом для оживления деятельности этнических элит и активизации этнонациональных чувств у разных народов СССР. В политике советской власти тогда наметился поворот, связанный с проведением политики «коренизации», аналогичной той, что уже практиковалась в 1920-е гг. Либерализация политической жизни в стране способствовала и смягчению позиции центральной власти в ее взаимоотношениях с национальными республиками и автономиями. XX съезд

¹⁸⁹ Алексеева Л.М. Указ. соч. – С. 60.

¹⁹⁰ Там же. – С. 61.

КПСС (1956) был следующим важным шагом в этом направлении. Начался более активный процесс реабилитации репрессированных народов. Восстанавливая таким образом историческую справедливость, власти этим решением в то же время спровоцировали ряд конфликтных ситуаций, связанных с феноменом «возвращения». В 1956–1957 гг. главным конфликтным регионом, где противостояние переходит в насильственную стадию, был Северный Кавказ. Основным предметом разногласий становится территориальный вопрос. В результате нагнетания конфликтности в ЧИАССР, оттуда начинается отъезд русских, аварцев, осетин. Грозный становится не только центром восстановленной чечено-ингушской автономии, но и средоточием потенциальных и реальных этнических конфликтов. Первый крупный конфликт с этнической окраской за весь послевоенный период происходит именно в Грозном (1958).

Вторым, по накалу страстей, конфликтным регионом был Казахстан, точнее область освоения целинных земель, где происходил ряд насильственных конфликтов (главным образом, в форме драк между представителями молодежи различных этнических групп, прежде всего русскими, с одной стороны, чеченцами и ингушами – с другой).

В 1956 г. активизируются антирусские настроения в Прибалтике: в Литве, Эстонии и Латвии имели место открытые выступления против политики советизации и русификации.

Следующий этап в развитии этноконфликтной ситуации начинается в середине 1960-х гг. Смена власти в Кремле снова, как и в 1953 г., вызывает брожение в среде этнических элит и интеллигенции. Однако, в отличие от предыдущего периода, в 1960-е гг. не происходит роста этнической напряженности, поскольку удается избежать серьезных насильственных столкновений на этнической почве. Из крупных выступлений этого периода можно назвать только многотысячный митинг и волнения в Ереване (1965 г.) и грузино-абхазский конфликт 1967 г., сопровождавшийся массовыми демонстрациями и акциями протеста.

На этом этапе преобладают «цивилизованные», ненасильственные формы конфликтных отношений. Это характерно для движений за создание автономий крымских татар и немцев, а также «отказничества» (выступлений против запрета на выезд за пределы СССР, главным образом, граждан немецкой и еврейской национальности). Заметно активизируются настроения в пользу поддержки национальной культуры и языка. В этом движении лидируют Грузия, Абхазия, Украина, республики Балтии, Казахстан и Узбекистан.

В 1970-е годы развитие этнических конфликтов переходит в вялотекущую стадию, приобретает латентный характер. На этом относительно спокойном фоне выделяются несколько вспышек волнений: в Каунасе (Литва, 1972), в Грозном (Чечено-Ингушетия, 1973), в Грузии по абхазской проблеме (1978). Начало 1980-х гг. отмечено активными выступлениями мо-

лодежи в Эстонии (Тарту, Пярну, 1980) и новым обострением осетино-ингушского конфликта (Орджоникидзе, 1981).

На рубеже 1970–1980-х гг. власть снова усиливает карательные санкции против лидеров национальных движений и участников волнений. Эта политика сыграла свою роль в «умиротворении» общества. Однако силовые методы не решали этнонациональные проблемы, они просто переводили этнические конфликты в «режим ожидания». Любой значительный кризис власти грозил новым обострением этноконфликтной ситуации.

Помимо общих тенденций, в развитии этноконфликтной динамики существовали и некоторые особенности, характерные для отдельных этнонациональных движений. Например, оживление антирусских настроений в республиках Прибалтики в 1956 г. стало откликом на события в Польше и Венгрии. «Шестидневная война» 1967 г. на Ближнем Востоке послужила ускорителем для развертывания еврейского движения. 1970 г. стал годом резкого спада в развитии крымско-татарского движения (что было обусловлено арестом его лидеров). Обострение армяно-азербайджанского конфликта приходится на 1965 г. – 50-летнюю годовщину массового истребления армян турками.

Памятные даты часто играли роль своего рода «конфликтных точек», поскольку именно к ним приурочивались разного рода акции протеста, митинги и т. д. В каждом регионе и у разных этнических групп были свои памятные даты. Часто днями протеста становились советские праздники, где лидировал день 7 Ноября – годовщина Октябрьской революции. 21 апреля (день рождения Ленина) по-своему «отмечали» крымские татары. Другой памятной датой для крымских татар было 18 мая – годовщина депортации. Для чеченцев и ингушей таким днем было 23 Февраля. В прибалтийских республиках акции протеста приходились на День независимости, День поминовения усопших, с конца 1970-х гг. – на 23 августа (годовщина подписания пакта Молотова–Риббентропа). После трагических событий в Каунасе 1972 г. этот день, 18 мая, стал также сопровождаться выступлениями против советизации и русификации Литвы. На Украине памятной датой был день рождения Т.Г. Шевченко и день его перезахоронения. Днем памяти для евреев стало 29 сентября – день поминовения погибших в Бабьем Яре.

Конфликты периода 1950 – первой половины 1980-х гг. демонстрируют широкий спектр способов и форм выражения претензий участников – от массовых беспорядков до единичных акций протеста, от открытых столкновений до скрытых форм недовольства. Присутствуют как насильственные, так и ненасильственные формы конфликтных отношений. Среди насильственных лидируют драки, избиения; более широко представлены ненасильственные способы выражения претензий: демонстрации, митинги, петиции и другие письменные обращения к власти, организация делегаций, распространение листовок, уничтожение символов государственной власти. Особо надо отметить настроения как латентную форму

развития конфликта. Подобные действия нередко предшествовали эскалации конфликта, переходу его в насильственную стадию, хотя такой сценарий развития событий не являлся неизбежным.

В качестве предмета конфликтов выступали вопросы национальной государственности (суверенитет или автономия), территориальные вопросы, собственность, язык и проблемы сохранения национальной культуры в целом, религиозные проблемы, бытовые вопросы и др. Достаточно новым явлением было выражение этнических фобий через спортивные пристрастия: в данном случае поражение и победа «своей» команды воспринимались как поражение или победа над этническим конкурентом.

Способы разрешения конфликтов в этот период также отличались достаточным разнообразием. Кроме бытовых, практически все известные конфликты требовали вмешательства власти – в лице правоохранительных, партийных и советских органов, вплоть до ЦК КПСС. Несмотря на наличие фактов массовых беспорядков, ни разу на протяжении всего периода власть не использовала оружия для ликвидации этнических конфликтов (хотя в ряде случаев в их разрешении участвовали войска). Среди карательных санкций применялись аресты зачинщиков конфликта или лидеров и активных участников национальных движений, увольнения и ограничения в последующем трудоустройстве. В ряде случаев власть обнаруживала способность к компромиссу: достаточно распространенной стала такая форма разрешения конфликта, как прием делегаций и инициативных групп в ЦК КПСС, Верховном Совете СССР и других центральных органах.

Поведение власти зависело и от характера конфликта: например, в ситуации массовых беспорядков, сопровождающихся хулиганскими действиями и погромами, переговоры и разъяснения оказывались далеко не всегда эффективными. В то же время сам факт массовых беспорядков свидетельствовал о том, что власть упустила ситуацию из-под контроля. Опыт 1950-х гг., вторая половина которых была наиболее беспокойной с точки зрения развития этнических конфликтов, все-таки позволил власти извлечь некоторые уроки. Не меняя общей линии в национальной политике и даже в известном смысле вернувшись к основным принципам великодержавия, власть стала все больше внимания уделять «профилактике» конфликтов. Для этого использовались разные приемы – от изоляции наиболее активных и авторитетных лидеров национальных движений до подкупа и шантажа. Сыграло свою роль и ужесточение мер, направленных против хулиганов и люмпенов¹⁹¹, – главного «горючего материала» массовых беспорядков. Определенное значение имело отстранение от власти в республиках «национально ориентированных» лидеров и насаждение в беспокорных регионах послушных Москве кадров.

---

¹⁹¹ К такому же выводу приходит В.А. Козлов, анализируя причины сокращения числа массовых беспорядков во второй половине 1960-х гг. (*Козлов В.А. Указ. соч. – С. 401–402*).

Л.М. Д р о б и ж е в а

Глава 7

Этничность в общественно-политических процессах СССР последних двух десятилетий

1970–1980-е гг. были последними десятилетиями существования СССР. В это время со всей очевидностью проявились противоречия, с которыми не справилась советская система. Знакомство с процессами и событиями, происходившими в этот период, поможет понять драму СССР. Именно с этой точки зрения он и привлекал внимание исследователей. Есть несколько подходов, объясняющих распад СССР.

Одни исследователи объясняют разрушительные процессы перестройкой¹, другие связывают их с тоталитарной системой в стране², с внешними влияниями³. Немало аналитиков видят причину распада в национальных движениях, начавшихся в республиках⁴. Естественно, наиболее адекватен к реальности комплексный подход к анализу коллапса Союза⁵. Постараемся рассмотреть объективные и субъективные факторы исторического процесса с точки зрения присутствия в нем этнической составляющей. Начнем с государственного устройства страны.

---

¹ *Miller John*. Mikhail Gorbachev and The end of Soviet power. – New York, 1991; *Dunlop John B.* The rise of Russia and the fall of the Soviet empire. – New York, 1993; *Чеуко С.В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. – М.: ИЭА РАН, 1996.

² *Carrere d'Encausse H.* Le grand frère : l'Union soviétique et l'Europe soviétisée. – Paris: Flammarion, 1983.

³ *Швейцер П.* Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря / Пер. с польского Л. Филимоновой. – Мн: Авест, 1995.

⁴ *From union to commonwealth: nationalism and separatism in the Soviet Republics.* Ed by Gail W. Lapidus and Victor Zaslavsky with Phillip Goldman. – New York, 1992; *Suny Ronald Grigor.* The zevenge of the past: nationalism, revolution and collapse of the Soviet Union. – Stanford, 1993; *Brzezinski Z.* Post-Communist Nationalism. Foreign Affairs. Winter 1989–1990. – Vol. 68. – № 5.

⁵ *Хоскинг Дж.* История Советского Союза 1917–1991 гг. – М.: Вагриус, 1994; *Боффа Дж.* От СССР к России. История неоконченного кризиса 1964–1994 гг. – М.: Международные отношения, 1996; *Верп Н.* История Советского государства 1900–1991 гг. – М.: Прогресс, 1992; Отечественная история новейшего времени 1985–2008 гг. / Отв. ред. А.Б. Безбородов – М.: РГГУ. 2009.

§ 1. Федеративное устройство страны – ресурс и противоречия

В 70-е гг. завершила работу Конституционная комиссия, созданная еще в 1965 г. На обсуждение была вынесена и затем в 1977 г. принята новая Конституция СССР (до этого действовала Конституция 1936 г.). В ходе подготовки Конституции СССР республики выдвигали предложения, отражавшие их этнополитические претензии. Модель федеративного устройства СССР учитывала территориальный и этнонациональный принцип, некоторые исследователи считают его ахиллесовой пятой. Такие оценки появились в период распада Союза. Какова же была реальность?

Союз Советских Социалистических Республик представлял собой федеративное государство, состоящее из субъектов, обладающих различающейся политической и юридической самостоятельностью. В него по Конституции на добровольных началах входили пятнадцать союзных республик. Добровольность подтверждалась тем, что союзные республики имели право выхода из Союза. Союзные республики включали в себя автономные республики. Их было двадцать: шестнадцать входили в состав РСФСР, две в Грузию – Абхазия и Аджария, в Узбекистан – Каракалпакия и в Азербайджан – Нахичеванская. Кроме того, были автономные области и округа. В РСФСР входило пять автономных областей – Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Карачаево-Черкесская и Хакасская и десять автономных округов – Агинский, Бурятский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Усть-Ордынский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Эвенкийский. В Азербайджанскую ССР входила Нагорно-Карабахская автономная область, в Грузинскую ССР – Юго-Осетинская автономная область, в Таджикскую ССР – Горно-Бадахшанская автономная область.

В каждой союзной и автономной республике был Верховный совет республики. Кроме того, было восемь советов автономных областей и десять советов автономных округов, так же как шесть краевых и сто двадцать один областной. Как видим, автономные республики, автономные области и округа входили в состав союзных республик. Позже, в постсоветское время, этот федерализм стали называть матрешечным.

Во всех союзных республиках национальности, дающие название республикам, составляли большинство населения. Это было одним из аргументов, почему, вместе с историческими обоснованиями, они имели статус союзных республик и внешнюю границу. Считалось, что в этих республиках достаточно высокая доля индустриального рабочего класса. Этнический состав только одной союзной республики – Казахстана – отличался: казахи составляли в 1970 г. 32,6 %, в 1979 г. – 36 %. Но когда решался во-

прос обоснования республиканского статуса при принятии Конституции 1936 г. казахи составляли большинство – 57,1 %⁶.

В большинстве автономных республик национальности, давшие им название, не составляли доминирующего населения. Так было в Туве, Чувашии и северокавказских республиках – Дагестане, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии. В некоторых республиках титульные национальности составляли почти половину населения. Например, в Татарстане более 40 % в 1970–1980-е гг., в других же 11–12 %. Но в силу исторических или геополитических причин народы, дающие им название, получили автономный статус. Таким образом, тип федеративного устройства Советского Союза, зафиксированный в Конституции 1977 г., закреплял иерархию народов. В конституциях, в партийных документах говорилось о равенстве народов, на практике даже в правовом поле кто-то был «равнее» других. Тем не менее, федеративное устройство страны было важно для нерусских национальностей, прежде всего имевших статус союзных и автономных республик.

Одним из фундаментальных элементов федерализма является сотрудничество и согласованность между разными правительственными образованиями. «Партнерство – ключевой аспект федерализма», – писал известный политолог Д. Элазар⁷. В мировой практике считается, что федерализм предусматривает распределение власти между федеральными центрами и субъектами федерации. Они должны вырабатывать механизмы взаимодействия для достижения общих целей, т. е. децентрализацию власти, принимающей решения, но при верховенстве федеральных законов и участии федеративных единиц в установлении ответственности членов федерации перед центральным правительством. Члены федерации имеют свои исполнительные органы власти (правительства). Федеративная единица располагает средствами (административными и бюджетными) для выполнения своих полномочий. Члены федерации имеют свою судебную систему. Но высшим арбитражным органом является Конституционный суд федерации. Как видим, для этнического меньшинства федеративное устройство государства обеспечивает официально признанное участие в принятии важнейших государственных решений, возможность самостоятельно распоряжаться ресурсами (властными и природными) в пределах полномочий субъектов федерации, использовать свои административные полномочия для реализации государственных законов. Так называемый принцип субсидиарности давал психологическое чувство достоинства. Эти моменты имели большое значение, поскольку важной спецификой федерализма является противостояние дезинтеграционным процессам в государствах, которые могут терять контроль над своими территориями. Федерация по-

⁶ Социально-культурный облик советских наций. – М.: Наука. 1986. – С. 34.

⁷ Elazar D. American Federalism: A View from the States. – Third Edition. – New York: Harper and Row, 1984. – P. 2.

зволяет сохранить основы государственности, управления государственной системой с регулируемой реализацией потребностей этнонациональных сообществ. В стратегической перспективе федерация должна была быть выгодной не только обществу в целом, но и субъектам федерации, в рамках которых реализованы интересы национальностей (в т. ч. экономические).

Исследователи федерализма обратили внимание на одно важное отличие федерализма так называемого **традиционного**, того, что был до первой половины XX века, когда потребности сохранения территориальной целостности в мировой практике не были определяющими, от **обновленного** федерализма. Отличие видели в том, что при прежнем федерализме элиты территорий связывали перспективы и свои интересы с интегрированностью с элитой центра и «самореализацией в ее составе». В федерациях же, учитывающих этнонациональные элементы, «элитам не менее важна презентация в национальных рамках. Их отношение к центральной власти, как правило, более отстраненное, чем в федерациях старого типа»⁸. Для периода правления Л.И. Брежнева это не имело большого значения. Кадровая политика и бюджетные отношения, направления развития в регионах – все стратегически определялось партией. Съезды КПСС собирались регулярно раз в пять лет, пленумы – два раза в год. Новые направления развития экономики, пятилетние планы народного хозяйства – все принималось партией и только потом проходило утверждение на Верховных советах. Время от времени расширялся состав ЦК КПСС, в него вводились и представители союзных республик. Это дало основание исследователям говорить об «институциональном плюрализме». При нем высшие партийные органы представляли институты власти и даже «интересы некоторых отдельных республик» (Джо Хак)⁹. Н. Верт пишет, что первые секретари ЦК компартий республик были не пассивными исполнителями, а «посредниками между высшим эшелоном власти и массами». Партийные аппараты были местом, где конфликты могли находить начало своего решения¹⁰.

Политические партии – часть гражданского общества. В СССР партия была одна – КПСС, демократия – дозированной и направляемой, федерализм – больше декларативным. В 1989 г. М.С. Горбачев признал: «До сих пор наше государство было централизованным и унитарным, и никто из нас не имеет опыта существования в федерации»¹¹. В советском федера-

---

⁸ Галкин А.А. Федерализм вчера и сегодня // Проблемы федерализма: российский и мировой опыт. – М.: ИСП РАН, 2003. – С. 32.

⁹ Цит. по Верту Н. История Советского государства.

¹⁰ Там же.

¹¹ Горбачев М.С. «Проект национальной политики партии в современных условиях», принятый Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 г., цитируется: Росс К. Федерализм и демократизация в России / Политико-правовые ресурсы федерализма в России. – Казань: Казанский институт федерализма, 2006. – С. 131.

лизме были **политико-экономические несоответствия**, которые порождали противоречия, не решенные ко времени перестройки и провоцирующие конфликтные ситуации внутри федерации. Экономический потенциал Татарской АССР был выше любой из прибалтийских республик, но она являлась автономной, а они – союзными. Доля индустриальных рабочих в Хакасии была не меньше, чем в Белоруссии, но Белоруссия была союзной республикой, а Хакассия – автономной областью. Государственное устройство сохраняло конституционную асимметрию, когда одни субъекты имели больше прав, чем другие. Такая асимметрия была и есть не только в нашей стране, но и в других государствах. Возможность асимметрии – важный принцип, который используется для урегулирования сложных, порой конфликтных отношений с регионами. Но тем не менее, у непривилегированных субъектов федерации он вызывает протестные настроения. Так, только некоторые союзные республики (Закавказья) имели свои государственные языки.

Наконец, было еще одно немаловажное противоречие – федерация в СССР была в реальности договорно-принудительной. СССР в 1922 г. образовывался юридически на договорной основе. Накануне Великой Отечественной войны в федерацию были включены три республики Прибалтики, Бессарабия в Молдавию. После распада Союза и при формировании новой Российской Федерации тип федерации – договорный или так называемый конституционный – стал предметом дискуссий при принятии Федеративного договора 1992 г. и Конституции Российской Федерации 1993 г. И все же при всех противоречиях советский федерализм оставался ресурсом как один из подходов к разрешению конфликтных ситуаций, возникающих при подъеме национализма, позволял исключать насильственные формы регулирования конфликтов.

Политологами признается, что не всегда федеративные государства являются демократическими, но все же потенциально федерализм содержит позитивные возможности. Р. Даниелс обращает внимание на децентрализацию ответственности и обеспечение механизма регуляции потенциальных местных конфликтов, способность снижать вероятность жесткого единоличного правления в центре и регионах, наконец, на то, что федерализм приближает правительство к народу¹². В том же направлении трактуют федерализм отечественные исследователи, опираясь на Д. Элазара. Он видел в нем «средство вмешательства с целью предотвращения *олигархизации* и излишней централизации социума... ослабления действия «железного закона олигархии»»¹³. Конечно, полностью возможности федера-

---

¹² Daniels R.V. Democracy and Federalism in the former Soviet Union and the Russian Federation // The Emergence of Regionalism in Post-Soviet Russia. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1977. – P. 233.

¹³ Мухаметшин Ф.Х. Федеративные отношения как фактор социально-политического развития республики – субъекта Российской Федерации. – Казань: Идел-Пресс, 2001. – С. 36.

лизм реализует в государствах с реальной демократией. Но в государствах других типов он все же содержит потенциал таких отношений, которые способствуют взаимодействию между людьми и регионами не по модели подчинения, а по модели **согласования**, на основе переговоров. В отличие от унитарных государств автономия регионов в них закреплена в конституциях.

§ 2. ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ в Конституции СССР 1977 г.

Конституция, принятая 7 октября 1977 г. на внеочередной сессии Верховного Совета СССР, готовилась пятнадцать лет. За ее основу была взята Конституция 1936 г. (именовавшаяся сталинской), но за это время многое изменилось. КПСС отказалась от «скорого перехода к коммунизму». Введение к Конституции было дополнено характеристикой общества «развитого социализма». В тексте основного закона отказались от идеи отмирания государства и ввели понятие «общенародного государства». Это означало замену им «диктатуры пролетариата», что было вполне понятно, т. к. социальный состав населения изменился. «Общенародное государство» трактовалось как государство рабочих, крестьян-колхозников и интеллигенции. С введением определения «общенародного государства» идеологический и политический акцент был сделан на роль Советов. Поощрялось участие в общественных организациях, говорилось, что трудовые коллективы участвуют в решении государственных дел, стимулировался «народный контроль» граждан на предприятиях. Была создана сеть из 250 тыс. комитетов народного контроля. Все это происходило под патронатом партийных организаций, ведущая роль КПСС как руководящей и направляющей силы оставалась. В 1976 г. состоялся XXV съезд партии, который принял очередной пятилетний план 1976–1980 гг. В нем ставились задачи укрепления обороны, развития энергетики, сельского хозяйства, освоения ресурсов Сибири. Осуществлялась закупка иностранной техники. Это были усилия по техническому перевооружению, но структурной перестройки экономики не проводилось. Со второй половины 70-х гг. экономика исчерпала ресурс рабочей силы, особенно необходимой квалификации.

Для нас важно отметить – расширение сети и возрастание роли общественных организаций, а среди них были не только производственные, но и культурные, спортивные, молодежные организации – все эти структуры, как писал Н. Верт, стимулировали добровольное участие граждан в жизни

общества¹⁴, и с началом перестройки, опираясь на них, появлялись нормальные организации. Атмосфера идеологической активности партийного аппарата, готовящего Конституцию 1977 г., сказалась и на положениях, касающихся непосредственно этнонациональных вопросов.

Естественно, об иерархии народов – тенденции, появившейся после Отечественной войны, когда на праздновании Победы Сталин специально и несколько раз выделил русский народ, его силу, мужество, вклад в победу – ничего не говорилось. Так же, как не вспоминали и о народах, которые обвинялись в сотрудничестве с фашистами, а также об их «ретроградном историческом прошлом». «Развитому социалистическому обществу», декларированному в основном законе, соответствовала другая концепция – «юридического и фактического равенства всех наций и народностей», «развития и сближения наций». В Конституции СССР 1977 г. говорилось, что «на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность – советский народ». Положения Конституции 1977 г., которая оценивалась как самая демократическая, звучали привлекательно, но далеко не всегда соответствовали действительности, с которой сталкивались люди в повседневной жизни.

У председателя Президиума Верховного Совета СССР было пятнадцать заместителей. Они представляли союзные республики. В состав союзного правительства по должности входили председатели Советов министров правительств союзных республик, в состав Госплана СССР – председатели их госпланов, в состав Верховного суда – председатели их Верховных судов. От автономных республик и автономных областей и округов участие не предусматривалось. Союзные республики в Совете национальностей Верховного Совета СССР представляло по 32 депутата, от автономных республик – 11, от автономных областей – 5, национальных округов – 1. Все народы по Конституции были равны, но реально кто-то «равнее» других. По Конституции 1924 г. Совет национальностей СССР формировался из представителей республик коренной национальности. Конституция 1977 г. предусматривала включение в его состав и русских депутатов от республик, автономных областей и округов. Таким образом, русские входили и в состав Совета Союза, и в состав Совета национальностей.

Можно ли было признать фактическое равенство народов, когда уровень урбанизации национальностей различался в два-три раза: среди русских, армян, эстонцев было 60–74 % горожан, а среди киргизов, таджиков, молдаван – 17–28 %¹⁵. Уровень жизни, комфортности в городах был выше,

¹⁴ Верм Н. История Советского государства. – С. 287–288.

¹⁵ Социально-культурный облик советских наций. Автор проекта Ю.В. Арутюнян. – М.: Наука, 1996. – С. 38.

работа в индустриальных отраслях оплачивалась лучше, чем в сельскохозяйственном производстве. Равенство наций и народностей фиксировалось как юридическое и фактическое. Но нации имели союзные или автономные республики, Верховные советы, конституции, а народности их не имели.

Еще до перестройки среди ученых стали дискутироваться основания деления национальностей на нации и народности. В марксистской трактовке формационного подхода капиталистической формации соответствовали нации, которые складываются в этот период, а феодальной – народности. Но если утверждается, что общество живет в условиях «развитого социализма», то в этих условиях должны жить и «социалистические нации и народности» и тогда критерии их разделения не работают. На научных обсуждениях, в частности на Научном совете по национальным проблемам при Президиуме АН в Институте этнографии АН СССР, уже в 80-е гг. ставился вопрос об объективной необходимости каким-то образом снять такое деление. Но в стране существовала разветвленная система партийной пропаганды – кружки по марксизму-ленинизму, истории КПСС, международному коммунистическому движению. Они работали на предприятиях, в учреждениях, направлялись и курировались отделениями ЦК КПСС, обкомами, крайкомами, районными парткомами. Соответствующая система была в молодежных организациях. В вузах и средних специальных учебных заведениях преподавалась история КПСС, научный коммунизм, обучение философии, истории, политэкономии тоже было идеологически ориентировано и везде задавались те идеи и положения, которые содержались в Программе КПСС (1961 г.), постановлениях партийных съездов, решениях Верховного Совета Союза ССР и, конечно, Конституции. Поэтому принятые тогда формулировки сохраняют свою живучесть до сих пор. С отказом от формационного подхода к истории в постсоветское время в научном дискурсе и в доктринальном пространстве такое деление не используется. Но в 1970–1980-е гг. элиты национальностей, которые не удостоились статуса нации, например карачаевцы, черкесы, хакасы, мечтали о нем. Ведь они жили в автономных областях, а могли получить иной статус, и в 90-е гг. они его получили – стали республиками.

В Конституции гарантировались равные права гражданам СССР различных рас и национальностей (Ст. 36). Но возможности для реализации этих прав национальностей «титультные», дающие название республикам, и нетитультные, большинство и меньшинство имели реально разные. В Конституции 1977 г. было сказано, что в развитом социалистическом обществе сложилась новая историческая общность людей – советский народ. В тексте говорилось о формировании ее на основе «сближения всех классов и социальных слоев», равенства и братского сотрудничества всех наций и народностей. Советский народ надо было толковать как социальную и межнациональную общность. Но в политической лексике часто звучал

термин «многонациональный советский народ», «интернациональная общность советский народ». Это давало основание в республиках трактовать введение и использование термина как попытку элиминировать, «стирать» национальные особенности. В 1981 г. на XXVI съезде партии, с учетом этих тенденций, в докладе Л. И. Брежнева говорилось: «Мы против тенденций, направленных на искусственное стирание национальных особенностей. Но в такой же мере мы считаем недопустимым искусственное их раздувание»¹⁶.

Введением термина «советский народ» делалась попытка действительно противостоять возрастающему этнонациональному сознанию людей и создать политическую общность наподобие народов Франции, Великобритании. В Конституции так и говорилось: «СССР олицетворяет государственное единство советского народа» (Ст. 70). Понятие «мы – советский народ» вошло в политическую лексику, использовалось в печати, публичных выступлениях, учебных курсах. Но в повседневной жизни чаще использовалось понятие «советский человек» как личностная характеристика, оно осталось более устойчивым, чем принадлежность к политической социально-межнациональной общности.

В специальном разделе «Национально-государственное устройство» Конституции 1977 г. говорилось: «Единое союзное многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик». «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». Союзная республика по Конституции 1977 г. была **суверенным советским социалистическим государством**. Граждане союзных республик имели республиканское гражданство, являясь одновременно гражданами СССР. Автономные республики такого статуса не имели. Но они имели свои Конституции, которые должны были быть согласованы с федеральной и республиканской конституциями, их территория не могла быть изменена без их согласия.

Признание союзных республик суверенными государствами означало, что по Конституции признавался так называемый разделенный суверенитет. В мировой практике это признанный принцип, в отечественной же литературе нередко его называют **квазисуверенитетом**, поскольку полный суверенитет остается за федерацией¹⁷. В реальной практике Советского государства термин подтверждался тем, что стратегические вопросы политики, экономики, культуры решались КПСС, хотя в Конституции гово-

---

¹⁶ *Брежнев Л.И.* Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внешней и внутренней политики, 23 февраля 1981 г. – М.: Политиздат. 1981. – С. 77.

¹⁷ *Галкин А.А.* Указ. соч. – С. 32.

рилось, что в ведении союзной республики находится руководство народным хозяйством союзно-республиканского подчинения и в пределах ее полномочий культурой и спортом. Реально ведущими отраслями экономики, военно-промышленным комплексом, вооруженными силами, внешней политикой и торговлей управлял непосредственно союзный центр. Им же осуществлялось перераспределение финансовых и материально-технических ресурсов по республикам. Стратегические решения, установление приоритетных отраслей экономики, социальную, кадровую политику определял ЦК КПСС и его Политбюро.

Суверенитет республики, за который боролись союзные республики на стадии образования Союза ССР, имел для них в 1970–1980-е гг. уже больше символическое значение. Но чтобы продемонстрировать социалистическую демократию, в Конституции 1977 г. было зафиксировано: «За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР». В условиях советской власти, при закреплённой Конституцией руководящей и направляющей роли партии, никто и не думал о предоставлении такой возможности. Для этого были реальные сдерживающие противовесы. В Конституции закреплялось верховенство законов СССР на территории всех республик и говорилось, что **суверенитет СССР** распространяется на всю его территорию. Впоследствии, после начала перестройки, когда начались национальные движения, элите ряда республик положение Конституции 1977 г. «о праве свободного выхода» давало возможность использовать этот аргумент для борьбы сначала за большую независимость, а впоследствии за отделение – сецессию. Так что скорее не государственное устройство с учетом этнонационального признака было ахиллесовой пятой советского наследия для новой России, а именно 72 статья Конституции о праве республики на выход.

Было еще одно положение Конституции 1977 г. достаточно сложное для правоприменительной практики впоследствии. В Статье 78 говорилось, что «территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия». Если союзные республики признавались государственными образованиями, то это выглядело вполне логично. Но поскольку республики создавались не только с учетом этнического состава, но и других принципов, в том числе геополитических, политических, народно-хозяйственных, исторических, то, естественно, какие-то части основного этнического ареала оказывались оторванными и находились за пределами республик. Часть таджиков и культурные памятники Самарканда оказались на территории Узбекистана, часть узбеков жила в Киргизии. В самих республиках и на территории соседних это способствовало ирредентизму – стремлению к этническому воссоединению. Такие явления могут быть и на межгосударственном уровне, не обязательно в федерациях. Известно стремление итальянцев из Австро-Венгрии войти в состав Италии. То же самое наблюдалось на Балканах при распаде Югославии. В СССР во второй поло-

вине 1980-х гг. столкнулись с ирредентизмом в Нагорном Карабахе, где жили армяне, но территориально автономная область входила в состав Азербайджана.

И наконец, нельзя не остановиться еще на одном важном положении Конституции 1977 г. В ней было сказано: «...единое союзное многонациональное государство, образованное ... в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик» (Ст. 70). Об относительной добровольности вхождения в СССР некоторых республик уже говорилось в предыдущем разделе. Самоопределение – это очень важное в сознании элит и немалой части населения положение. Использование его – достаточно остро воспринимаемое право и этнонациональным большинством, и меньшинствами. Для людей тех национальностей, которые не относятся к большинству, право на самоопределение – это и возможность сохранить свою этническую идентичность или принять другую национальность, и способ поддерживать национальное достоинство: мой народ (в этнонациональном значении) входит в состав СССР по собственному выбору. Понятие «народ» тогда, как, впрочем, и сейчас, использовалось многозначно и в значении социально-политической общности – «советский народ», и в значении этнокультурной общности – народы Советского Союза – русские, украинцы, белорусы, армяне, татары, башкиры и т. д. Свободное самоопределение народа воспринималось как ценность и проявление социалистической демократии. Самоопределение в 1970-е гг. означало, что выбор формы его – союзная или автономная республика, автономная область или округ – и есть свободный выбор. На деле, конечно, такого выбора не было, а «формы самоопределения» осуществлялись через сложные переговоры центральных и региональных элит и решения руководства партийных органов.

Положение о «самоопределении наций» использовалось в марксизм-ленинизме как привлекательный лозунг для стимулирования объединения населения тех территорий, где были политические силы, партии, поддерживающие большевиков, впоследствии КПСС. Поддерживался этот принцип и для идеологического обоснования национальных, антиколониальных движений. После перестройки идеологи сохранения целостности государства будут обосновывать тезис о самоопределении как положение, принятое международным сообществом для периода антиколониальных движений¹⁸. В противовес приводятся решения Хельсинкских соглашений 1975 г. о принципе неделимости границ и территориальной целостности государств.

В момент подготовки и принятия Конституции 1977 г. претензии на изменение статуса республики на основе использования права на самоопределение все же были. С предложением изменить статус автономной рес-

---

¹⁸ *Тшиков В.А.* Этнология и политика. – М.: Наука, 2005. – С. 57.

публики на статус союзной выступила элита Татарской АССР. Об этом не раз вспоминали участники переговоров с Президентом СССР М.С. Горбачевым в период подготовки нового Союзного договора в Огареве в 1991 г. Из интервью И. Тагирова – участника делегации от Татарстана: «Татарская АССР и раньше ставила вопрос о преобразовании республики в союзную. Мы подготовили еще во время принятия Конституции 1977 г. документы, показывающие экономический потенциал республики, не уступающий союзным республикам, а в каком-то отношении и превосходящий ряд союзных республик. Обращали внимание на интеллектуальный потенциал – долю специалистов с высшим образованием, наконец, историю – место татар в образовании еще Российской Федерации. Да, у нас не было внешней границы, но потенциал для выполнения тех полномочий, которые имели союзные республики, был»¹⁹. Этот исторический факт подтверждает, что многое в советских конституциях (а это положение о самоопределении перешло в Конституцию 1977 г. из прежних 1924, 1936 гг.) являлось декларативным.

Но были случаи, когда какие-то положения удавалось в той или иной форме отстоять. Как известно, В. И. Ленин считал, что государство «должно признать полную свободу родных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из них»²⁰. На X и XII съездах партии (1921, 1923 гг.) языки народов советских республик назывались государственными языками этих республик. Но в 1930-е гг. эти положения не подтверждались партией. Однако в ходе принятия Конституции 1936 г. азербайджанцам, армянам и грузинам было разрешено в их Конституциях сохранить положение о государственных языках республик. В Программе ЦК КПСС (1961 г.) записано: русский язык – «общий язык межнационального общения всех народов СССР». При принятии Конституции СССР 1977 г. ею гарантировалась возможность пользоваться родным языком и языками других народов СССР. Используя это положение, интеллигенция Закавказских республик при принятии конституций республик в 1978 г. ставила вопрос о сохранении в них статуса языков как государственных. Центр выступал против. Тогда в Грузии начались демонстрации. На центральной улице Шота Руставели в Тбилиси перед зданием правительства собрался массовый митинг. По улице пронесли гроб, в котором символически хоронили родной язык. Люди не уходили с митинга, пока Э.А. Шеварднадзе не доложил Л.И. Брежневу о ситуации, и Москва не приняла решение оставить положение о грузинском языке как государственном в республике. Буквально через несколько часов состоялись заседания Верховных советов Армении,

---

¹⁹ Запись интервью д. и. н., завкафедрой Казанского государственного университета И. Тагирова выполнена Дробижевой Л.М. в 1999 г. См.: Архив Института социологии РАН. Проект «Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России».

²⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 25. – С. 71–72.

затем Азербайджана, на которых были приняты решения о внесении соответствующих положений в конституции республик 1978 г. Была одна автономная республика – Абхазия, в которой в 1967, в 1977–1978 гг. в результате массовых выступлений, требований интеллигенции абхазский язык по решению властей стал третьим государственным языком. Естественно, все эти решения санкционировались Политбюро ЦК КПСС.

Последняя советская Конституция 1977 г. была в одной своей части противоречивой, но в другой открывала возможности, опираясь на ее положения, развивать демократические процессы, если бы в ней не было положения о ведущей роли партии (Ст.6), которая и определяла, будут ли права граждан реальными, или только декларированными. Но исторический процесс зависит не только от воли лидеров и партий, но и от объективных изменений в обществе. Поэтому остановимся на социальных и демографических переменах, которые заставляли считаться с собой и властью, и обществом.

§ 3. Этнодемографические и социальные изменения в жизни национальностей в 1970–1980 гг.

Демографические характеристики национальностей – их численность на разных территориях, в конкретных республиках, в городах разного типа и сельских районах, динамика и направления перемещения, мобильность – отражают их социальный потенциал и одновременно изменения в межнациональных отношениях. Если в предвоенный период с 1926 по 1939 гг. во всех республиках наблюдалось увеличение доли русских при сокращении удельного веса так называемого коренного населения и в целом увеличение этнической мозаичности²¹ (за исключением РСФСР и БССР), то к 1960-м и совершенно очевидно в 1970-е гг. доля русских уменьшилась. При этом в республиках выделялись две тенденции. В Закавказье, Средней Азии и Казахстане *росла доля коренного населения, снижалась доля русских* (в основном в городах) и увеличивалась этническая однородность населения. В Армении доля русских в 1970 г. была 2,7 %, в 1989 г. – 1,6, в Азербайджане соответственно 10 и 7,9, в Грузии она уменьшилась с 8,5 до 7,4 %. При этом в Грузии и Азербайджане *сокращалась доля армян*, а Армения – *азербайджанцев* (с 1970 по 1979 гг. с 10 до 7,9 %). В среднеазиатских республиках и Казахстане *росла доля коренного населения* и за счет

---

²¹ Индекс этнической мозаичности рассчитывается по формуле, предложенной Б.М. Эккелем. См.: *Эккель Б.М.* Определение индекса мозаичности национальностей республик, краев и областей СССР // Советская этнография. – 1976. – № 2. – С. 33–39.

высокой рождаемости, и за счет *сокращения доли русских*. С 1970 по 1989 г. она снизилась в Узбекистане с 12,5 % до 8,4, в Казахстане – с 42,4 до 37,8, в Туркмении – с 14,5 до 9,5, в Таджикистане – с 11,9 до 7,6, в Киргизии – с 29,2 до 21,5 %²². Этническая мозаичность в этих республиках снижалась. В другой группе республик – Белоруссия, Украина, Латвия, Эстония, Молдавия – уже с 1950-х гг. прогнозировалось уменьшение доли коренного населения и рост доли русских, а в Латвии и Эстонии и других национальностей. С 1970 по 1989 г. доля русских в Латвии росла с 29,8 до 34, а в Эстонии с 24,7 до 30 %. В Литве изменения были не такими заметными – 95,3 % литовцев жили в республике, и русские составляли в 1970–1980-е гг. 8,6–9,4 %.

Особенно важны были пропорции коренного населения республик и русских, так же как и других национальностей, в городах, поскольку здесь их взаимодействие более тесное, непосредственное, в большинстве случаев практически повседневное. Среди городского населения туркмены, казахи, таджики, киргизы составляли 18–33 % (на 1979 г.). Но это были союзные республики, где доля городского населения вообще была наиболее низкой и потому – соответственно – невысокой среди коренного населения. Это объясняло состав городского населения и конфликтности не вызывало. Русские, составляя в городах большинство, не просто задавали модель поведения, они были создателями индустриальных благ, имели более высокий социальный статус – учителя, врачи, преподаватели вузов. Короче, они были теми, в ком нуждалось местное население.

Иная ситуация была в Латвии, Эстонии, где горожан в 1989 г. было 71 %, а коренные национальности были представлены в Латвии – 44 %, в Эстонии – 54 % городского населения, и здесь это вызывало неприятие. Понятно, тут было собственное урбанизированное население со своим стилем жизни (еще сохранилось поколение, жившее в республиках, когда они были самостоятельными государствами). Люди проводили свободное время в кафе, за чашкой кофе встречаясь с друзьями, ходили в театр в вечерних костюмах, массовыми были праздники песни, традиции городской жизни. Но не прекращался приток русских на промышленные предприятия. Многие из них были горожанами первого поколения. Кроме того, здесь оставались жить демобилизованные военные и их семьи. Они были горожанами, но другими по стилю жизни и не всегда имели намерение адаптироваться к местным традициям. Если в Грузию, Азербайджан, Армению приток русских прекратился, а в Грузии и Азербайджане их число уже уменьшалось, то в Латвию и Эстонию представители инационального населения, по большинству русского, продолжали пребывать.

---

²² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. – М.: «Статистика», 1973. Т. IV; Союз. – 1990. – № 32.

В столицах всех союзных республик доля русских сократилась, особенно в Алма-Ате, Ашхабаде, Душанбе, а в Риге и Таллине она оставалась высокой. Это негативно воспринималось местным населением. Частично такие настроения были связаны с языковой компетенцией: в 1970 г. среди эстонцев даже в молодежном возрасте 16–19 лет свободно владело русским языком 40,5 %, а в целом у эстонцев – 29. Среди русских же владели эстонским в 1970 г. – 12,5 %, в 1989 г. – 13,7²³. Латышей, хорошо знающих русский язык, было 45 %. С 1970 по 1979 гг. доля эстонцев, свободно владеющих русским языком, даже уменьшилась до 24,2 %. Они были единственной национальностью среди союзно-республиканских, у которой доля знающих русский уменьшилась²⁴ (точнее было бы сказать – указавших на свободное знание русского).

Демографические изменения выявили новые тенденции в этническом составе страны. Прирост численности русских оказался ниже среднего по стране. Признание себя русскими частью украинцев и белорусов, живущих в РСФСР, не компенсировало заметного снижения рождаемости в среде русских. Доля русских по переписи 1970 г. снижалась – с 53,4 % в 1970 г., 52,4 в 1979 г. до 50,8 % в 1989 г. Снижалась рождаемость и соответственно имела место тенденция сокращения доли европейских национальностей. Одновременно более высокая рождаемость была в Среднеазиатских республиках, в Азербайджане, у национальностей Российской Федерации с мусульманской культурой прирост численности населения приводил к общему увеличению их доли. Естественно, среди узбеков, туркмен, киргизов так же, как и среди азербайджанцев, были люди, особенно состоявшие в КПСС, называвшие себя атеистами, а порой и действительно считавшие себя таковыми, но сохранявшие традиции в повседневной жизни. В материалах моих глубинных интервью с творческой интеллигенцией 1979–1980 гг. есть запись интервью с народной артисткой, всесоюзно известной балериной Р. Каримовой. В нем она рассказывала: «Сейчас я к Вам пришла с репетиции, а вечером у меня партия Кармен. В ней у меня только переодетый семь, а эмоциональное напряжение! Но вечером, когда я вернусь домой, я должна подать ужин отцу и мужу обязательно... а сама я потом отдельно покушаю. Таков у нас обычай ... Овации, цветы, но дома я жена и дочь!»

Наверное, было бы преувеличением считать, что «естественный прирост населения ... у азиатов, особенно у мусульман, драматически нарастал», как писал А. Каппелер. К 1989 г. их доля составила 20 %, если в подсчетах опираться на численность населения республик с традиционно

²³ Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. – С. 295.

²⁴ Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М.: Политиздат, 1980. – С. 23–26.

мусульманской культурой, хотя считалось, что культура у всех советская²⁵. Все-таки более принципиальное значение в демографических и социальных изменениях имели два процесса – урбанизация и продолжающаяся индустриализация страны.

Социальная структура народов СССР в 1970-е гг. считалась однотипной, поскольку у всех она представлена рабочими, колхозным крестьянством, категорией служащих. И хотя в официальной статистике присутствовали именно эти социальные деления, в научной литературе с конца 1960-х гг. стали использоваться и другие понятия, отражающие распределение по характеру и качеству труда: умственный – физический труд, квалифицированный – неквалифицированный. Такая необходимость в терминологии была связана, прежде всего, с тем, что в самих классовых делениях сохранялась неоднородность труда. Например, среди рабочих были работники, занятые и в промышленности, и в сельском производстве – те, кто работал в совхозах. Важность разделения по видам труда очевидно выступала, например, при рассмотрении социального состава населения в Казахстане. Здесь среди казахов, по переписи 1959 г., рабочих было 43 %, но в промышленности их было занято 6 %. У русских же, латышей, эстонцев в промышленности было занято 19–23 % всех рабочих (всего их было 54 %, 51, 46 % соответственно). В служащие попадали и люди чисто исполнительского труда, и работники преимущественно умственного труда – интеллигенция. Задачей ставилось как сближение рабочих, колхозников, служащих по характеру труда, так и преодоление социального неравенства между народами. Естественно, эти процессы лимитировались географическими условиями жизни в регионах, экономическим разделением труда, определявшим целесообразность развития тех или иных отраслей хозяйства, исходившую из общесоюзных интересов, – и только затем региональных, республиканских. Кроме того, имело значение историческое прошлое развития территорий и исторический опыт людей разных национальностей. К 1970-м гг. рабочие преобладали у русских (63 %), армян (60), эстонцев (57), латышей (54), литовцев (52 %). По числу промышленных рабочих выделялись также украинцы. У казахов, белорусов рабочие тоже составляли более половины населения, но среди них была высокая доля рабочих совхозов, т. е. занятых сельскохозяйственным трудом. У других коренных национальностей республик преобладало колхозное крестьянство.

Самые заметные и существенно значимые изменения произошли среди работников умственного труда. Доля этой группы населения росла в целом по стране. В 1959 г. она составляла в СССР 21 %, в 1970 г. – 27, в 1979 г. – 29 %²⁶. При этом среди людей преимущественно умственного

---

²⁵ *Каттелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад: монография / А. Каттелер; пер. с нем. С. Червоная. – М.: Традиция, 2000. – С. 307.

²⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР. – М., 1962. – С. 130; Численность и состав населения в СССР. – М., 1984. – С. 181.

труда выросла доля интеллигенции: в 1959 г. ее представителей было 2/3, служащих 1/3. В 1970 и 1979 гг. интеллигенция уже составляла 3/4, а служащих – кассиров, счетоводов, регистраторов – стало не хватать. Тенденции у народов были общие, но этническая специфика, обусловленная историческим прошлым, влияла на степень урбанизации и индустриализации. На протяжении и предшествующего времени, и в 1970-е гг. корреляция между долей занятых умственным трудом у народов и долей горожан сохранялась. Чем больше горожан, тем больше у национальностей занятых умственным трудом. У русских, армян, эстонцев, латышей горожане составляли 63–77 % населения и у них были самые высокие показатели доли работников умственного труда – 31–34 %. У титульных национальностей республик Средней Азии меньше всего горожан – 21–31 % и меньше доля людей умственного труда – 16–20 %. Но новым было то, что в 1979 г. уже в 6 из 15 национальностей, дающих название союзным республикам, доля занятых умственным трудом была такой же, как у русских (33–34 % у эстонцев, грузин, армян, латышей, 31 % у казахов, к ним приближались литовцы, украинцы, белорусы – 25–28 %). По переписи 1959 г., только четыре народа имели такую долю умственного труда, как русские. Это были принципиальные изменения в положении народов²⁷. Учитывая, что они еще имели и презентационный статус народов, дающих название союзной республике и соответствующее представительство во властных структурах, претензии их элит, естественно, получали дополнительные аргументы. К тому же статус национальностей менялся и с изменением структуры самой интеллигенции. По численности самыми большими группами интеллигенции были административно-управленческая, так называемая массовая – учителя, врачи – и производственная. По доле административно-управленческой и массовой интеллигенции народы мало различались. Эти «отряды» интеллигенции формировались советской властью. Прежде всего, без них нельзя было осуществлять руководство на местах и внедрять необходимую идеологию. Доля же производственной интеллигенции у народов сильно различалась. У более урбанизированных она даже несколько преобладала, а у азербайджанцев, казахов, молдаван и народов Среднеазиатских республик была меньшей, чем административная.

1970-е гг. были временем существенных изменений в пропорциях интеллигенции: производственная стала самой многочисленной группой по сравнению с другими у большинства народов союзных республик. Теперь интеллигенция, занятая производительным и интеллектуальным трудом (наукой, художественно-творческой деятельностью), составляла большинство в сравнении с административно-управленческими работниками и служащими.

---

²⁷ В мировой социологии статусное положение этнических групп так и измеряется (по Веберу): через уровень образования, долю квалифицированного труда и, прежде всего, высококвалифицированных специалистов, тех категорий работников, которые у нас именовались интеллигенцией.

Научно-техническая и производственная интеллигенция в своей деятельности изначально была открыта и больше, чем другие профессии, заинтересована в интеграции. Она и росла быстрее в современном обществе, ибо была потребность в ее продукции. В век реактивных самолетов человек не может одновременно «потреблять» дилижансы, писал, анализируя социальную структуру общества, Ю. В. Арутюнян²⁸. Художественная интеллигенция была не столь быстро растущей. Хотя доля ее у каждого народа невелика, она является своеобразной визитной карточкой, создает престиж народа. В то же время совместно с гуманитарной интеллигенцией формирует мораль и нравственность народа, опираясь на традиции, и, естественно, более других групп интеллигенции заинтересована в сохранении языка и культуры.

Самые заметные количественные изменения происходили в группе научной и производственной интеллигенции, поскольку в них по республикам имелись наибольшие диспропорции в прошлом. Теперь и в республиках Средней Азии, Казахстане, Молдавии были и научные работники, и производственная интеллигенция. Новым с 1970-х гг. стало приближение азербайджанцев, казахов к среднесоюзным показателям по производственной и научной интеллигенции. Но по-прежнему больше, чем в среднем по Союзу, производственной интеллигенции было у русских, украинцев, научной – у армян, русских, грузин, а художественно-творческой – у армян, грузин, литовцев, латышей²⁹.

Исследования изменений внутривидового характера (т. е. в составе рабочего класса, интеллигенции) применительно к национальностям начались только в 1970–1980 гг. с развитием этносоциологии как научного направления. Комплексный анализ социальных показателей давал основания социологам объяснять такие этносоциальные различия не только субъективным выбором. «На данном этапе ... до сих пор на развитии народов весьма повелительно сказывается их прошлое. Различия объективных внешних условий – степень урбанизации, образования, вовлечения в промышленность, государственное регулирование и т. п. – детерминируют профессиональные выборы ... Процесс преодоления социально-профессиональных различий не быстротечен и не однозначен»³⁰.

Даже при увеличении сходства в доле образованных людей, занятых умственным трудом, этнокультурные различия в одинаковых социально-профессиональных группах оставались, и очевиднее они проявлялись в своей этнической среде. Наблюдения, сделанные во время исследований

---

²⁸ Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. – С. 62.

²⁹ Арутюнян Ю.В. Социальная структура наций: сфера труда // Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. – С. 67.

³⁰ Там же.

в Узбекистане в начале 1980-х гг., показали: в крупном проектном учреждении Ташкента на чертежных работах, в том числе высококвалифицированных, которые проходили в режиме конвейера, были заняты в доминирующем большинстве русские, а в конструкторском бюро преимущественно узбеки. В ходе интервью удалось выяснить различия. Объяснения чертежников и проектировщиков сводились к одному: при конвейерном типе работы отлучка каждого человека останавливает весь процесс. Те же, кто работает в конструкторском бюро, могут договориться и отлучиться на традиционно многодневные свадьбы или похороны. Естественно, подобные этнокультурные оттенки плановым или волевым методом не преодолеешь. Специалисты в одной отрасли хозяйства требовали одинакового уровня образования и квалификации, и по этим показателям они были почти одинаковы в Эстонии, Латвии, Узбекистане и Киргизии. Но детность в семьях этих специалистов была разной. Среди работников умственного труда у эстонцев имели четверо и более детей всего 1 %, а среди узбеков – 16 %. В многодетных семьях больше расходов на одежду, питание, бытовые нужды, меньше возможностей на реализацию культурных интересов. Театралов среди узбеков, занятых квалифицированным трудом, было в два раза меньше, чем у эстонцев не только в силу влияния традиционной исламской культуры, но и меньших материальных возможностей. Чем больше накапливался социальный потенциал у национальностей, тем шире становились круги интеллигенции, разнообразнее ее профессиональный состав, более высокими социальные и политические запросы. Известный в социологии закон возвышающихся социальных потребностей (чем больше мы имеем, тем больше мы хотим) касался как всего мирового сообщества, так и советского общества. Росло число студенчества. Коэффициент вариации – отклонение по республикам доли студентов среди их населения – был уже не таким большим, как в прошлые годы: в 1940-е он составлял 59 %, в 1970–1971 и в 1980–1981-е гг. – 15 %. Но национальный состав менялся. В 1979 г. в девяти республиках – Грузии, Казахстане, Азербайджане, Армении, Литве, Эстонии, РСФСР, Киргизии, Туркмении – доля молодежи коренных национальностей превышала или была равна доле коренной национальности в данной республике³¹. С воспроизводством интеллигенции из среды коренных национальностей в республиках укреплялось чувство самодостаточности. У грузин, узбеков численность обучающихся в университетах в 1970–1980-е гг. увеличилась в три и более раза. Межпоколенная мобильность от «отцов» к детям у национальностей союзных республик была выше, чем у русских. К концу 1980-х гг. в большинстве республик интеллигенция коренных национальностей в разной

---

³¹ Расчеты Л.В. Остапенко // Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. – С. 81.

мере, но возросла. У русских рост интеллигенции в республиках замедлился.

Темпы мобильности русских в 1970–1980-е гг. были не такими высокими. По доле интеллигенции русское городское население РСФСР занимало девятое место среди национальностей союзных республик. За 1980-е гг. эта доля не изменилась (и в 1979 г. 27,6 %, и в 1989 г. 27,1 %). Социологи связывали это со сложностями трудоустройства, стимулирования вознаграждений, неэффективностью механизма управления подготовкой и переподготовкой кадров. В течение десятилетий низкооплачиваемыми в Советском государстве были работники просвещения, здравоохранения, учреждений культуры³². В отличие от прошлых десятилетий в конце 1980-х гг. русские в городах республик уже не выделялись преимущественно более высоким статусом, особенно в республиках со значительной долей собственной интеллигенции. Сказывалось недостаточное владение ими языком коренной национальности. Двуязычие давало преимущество работникам умственного труда из среды национальностей республик. Обострилась конкуренция за престижные должности, дающие и более высокую заработную плату.

Данные исследований, проводившихся в середине 1980-х гг. этносоциологами Института этнографии АН СССР, показывали, что особенно сложно было устроиться на работу интеллигенции, и прежде всего русской, в республиках, где было больше специалистов коренной национальности. В Тбилиси, отвечая на вопрос «Легко ли устроиться на такую работу, как у вас?», более 58 % русских специалистов высшей квалификации ответили – «устроиться трудно». В Ташкенте же трудности испытывали 27 %. У русских специалистов оставалось преобладание в промышленных отраслях производства: в них нуждались во всех республиках. Но в перспективе это создавало для русских не преимущество, а потери, поскольку в условиях перехода к рыночной экономике, когда промышленные предприятия должны были перестраиваться, не все они выдерживали условия новой жизни и закрывались, а работники этих отраслей не всегда находили себе применение.

Будучи занятыми на крупных государственных промышленных предприятиях русские жили в лучших домах, предприятия имели возможность строить новые здания для своих работников. В Эстонии, например, судя по ответам респондентов (опросы середины 1980-х гг. в городах республики этносоциологами Института этнографии АН СССР), 81 % русских был удовлетворен жилищными условиями, а среди эстонцев, которые работали на мелких и средних предприятиях, довольных жильем было чуть больше 30 %. Работавшие на крупных госпредприятиях пользовались путевками в летние лагеря для отдыха детей и сами чаще отдыхали в домах

---

³² Экономика и жизнь. – 1991. – Апрель. – С. 14.

отдыха, санаториях. Все это у «коренного» населения республик вызывало представления о преимуществах для русских.

В то же время в партийно-государственном аппарате участие русских снижалось, особенно в республиках Закавказья и Прибалтики. В конце 1980-х гг. в Грузии, например, на 1000 человек у грузин представительство в руководящих органах республики было в 2,5 раза больше, чем у русских. И хотя, конечно, «руководящая и направляющая» роль оставалась за ЦК КПСС, все же было очевидно, что русским все труднее сохранять влияние в республиканских элитах.

Среди идеологически важной группы интеллигенции (литераторы, художники, музыканты и работники науки), русские оказывались тоже не в лучшем положении. В конце 1980-х гг. на 10 000 занятого городского русского населения в России приходилось 63 работника литературы и искусства, а у армян – 145, у евреев – 291, в большинстве республик это соотношение тоже стало в пользу титульных национальностей. Подобные тенденции имели место и в ряде автономных республик – Якутии, Татарстане, Бурятии³³. В Якутской ССР доля специалистов с высшим образованием среди русских была уже ниже, чем у якутов.

Неблагоприятный симптом отмечен с середины 1980-х гг. – меньшая удовлетворенность условиями для роста и продвижения у русских в Прибалтике, Закавказье. Русских эти условия устраивали в два раза меньше, чем грузин, в 1,5 раза меньше, чем эстонцев. 30–40 % среди русских в этих республиках связывали изменение к лучшему в своей трудовой деятельности уже с переездом из них.

Общество в Советском государстве становилось все более образованным и в целом, и в республиках. Особенно показательна была ситуация в столицах, где обычно и формируются идеология и настроения. В середине 1970-х гг. даже в столицах республик, которые тогда относили к «отставшим в прошлом народам», людей с начальным образованием и малограмотных, в Кишиневе и Ташкенте например, было 16–22 %, к середине 1980-х гг. эти группы среди трудоспособного населения столиц просто исчезли. Имеющие полное среднее и высшее образование стали большинством населения столиц. Их было 70–80 % среди жителей как Таллина, так и Кишинева и Ташкента. В начале 1970-х гг. даже в столицах постоянные читатели художественной литературы не составляли большинства работающего населения. В 1980-е гг. постоянные читатели стали преобладающей частью жителей³⁴. В таком обществе не хлебом единым жив человек. Потребности людей росли, возможности же их удовлетворения оставались

³³ Дробижеева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996.

³⁴ Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологических исследований / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. – С. 427.

ограниченными, что было связано и с принципами управления в стране. Попытки экономических реформ и изменений в системе управления выходят за пределы нашей темы, но очевидно, что неудачи в них отражались и на сфере межнациональных отношений, и на институциональном (межреспубликанские отношения, центр – регионы), и на межгрупповом и личностном уровнях. Центральные органы КПСС и республик пытались решать эти проблемы через идеологический прессинг и методы партийного руководства. Но насколько это удавалось?

§ 4. Мифы и реальность многонациональной семьи народов

Многонациональный Советский Союз с его федеративной системой отношений зарубежные ученые называли «многонациональной империей», но в СССР в публичном пространстве он именовался «многонациональной семьей народов». Однако семья эта была уже такой, где дети, как мы видели, выросли. Поддерживать взаимозаинтересованные добрые отношения в ней было сложнее. В социально-экономической сфере КПСС декларировала линию на «всестороннее развитие наций». Развитие, конечно, было, без образованных и профессионально подготовленных людей невозможен прогресс ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве, ни в науке. В развитие народного хозяйства республик вкладывались большие средства, и оно менялось от десятилетия к десятилетию. Не будем перегружать читателя цифрами. Доказательством могут служить уже приведенные ранее данные о росте квалифицированных работников в республиках. Ведь если бы экономика не развивалась, эти работники не были бы нужны или не находили бы применения. Однако схема разделения труда при всех изменениях оставалась прежней. Наиболее развитыми промышленными районами оставались регионы Северо-Запада – республики Прибалтики, особенно Латвия, Эстония, центр – РСФСР и Украина, приближалась к ним Белоруссия, а республики Средней Азии, значительная часть Казахстана оставались преимущественно аграрными.

Тенденция к сближению показателей уровня экономического развития по сопоставимым отраслям экономики тоже имела место в конца 1960-х гг. – в 1970-е гг., но в середине 1980-х гг. этот процесс приостановился и далее имел тенденцию к нарастанию различий³⁵. Ведь даже экономические инвестиции в республики исходили из интересов, которые определялись ЦК КПСС, т. е. Центром.

---

³⁵ Накануне кризиса. – М., 1990.

Обнаружились несоответствия в уровне жизни не только между республиками, но и населением центральных областей России. «Если взять в качестве масштаба уровень жизни, то у русских, прежде всего в провинции, он был все еще значительно ниже, чем у многих нерусских на периферии страны», – писал о ситуации в Союзе в 1970–1980-х гг. западноевропейский историк А. Каппелер³⁶. Но советские историки об этом тогда не писали. Однако аналитики знали ситуацию. В 1980-е гг. уже можно было об этом писать. Но как? После серии исследований в 1972–1982 гг. от отдела этносоциологии Института этносоциологии (впоследствии Института этнологии и антропологии) РАН в ЦК КПСС была передана докладная записка. В ней фиксировалось, что в сфере образования у всех народов, в том числе в Закавказье, в Средней Азии, достигнуты несомненные успехи. Но льготы, которыми пользовались национальности в период «коренизации» аппарата, теперь используют в основном горожане и часто дети элитных групп, а недообразованностью страдают сельские жители и горожане малых городов. Предлагалось изменить политику и льготы при поступлении в вузы, предоставлять их не по национальному признаку, а сельским жителям.

Национальная политика не оставалась неизменной. Еще в конце Отечественной войны, когда предстояла пора тяжелого восстановления народного хозяйства, в сталинское время была задана ориентация опоры на русский народ. В тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» говорилось о большой роли русского рабочего класса, русского народа, которую признают все народы Советского Союза³⁷. И в последующем пресекались попытки отступления от интернационализма, которые видели порой в сохранении национальной школы, использовании национальных языков, а не русского в публичных выступлениях. Национальные языки еще с ленинских времен рассматривались как важные, главным образом, для проведения советской политики. Но в 1970-е гг. выступления на форумах ученых или политологов с Украины на украинском языке могли рассматриваться как проявления националистических настроений. Республиканские партийные организации критиковались за искажение исторической правды, писатели, драматурги – если отказывались от представления прошлого как ретроградного. Поддерживалась ориентация на русскую культуру, которая была идеологически отфильтрована и от непригодного с точки зрения партии прошлого, и от зарубежной эмиграции. Впоследствии, после перестройки, новые идеологи признали, что обескультурен, лишен традиций был, прежде всего, русский народ. Но тогда на русскую культуру и язык возлагались особые функции – носителей со-

---

³⁶ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад: монография / А. Каппелер; пер. с нем. С. Червоная. – М.: Традиция, 2000. – С. 307.

³⁷ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. – М.: Политиздат. 1967. – С. 16.

ветской идеологии, советской культуры. Отступления от этой линии оценивались как проявление национализма.

Но также жестко пресекались и попытки более самостоятельной политики республик, чем это было дозволено Центром. Так, известно, что при отстранении первого секретаря ЦК КП Украины П. Шелеста в 1972 г. его национализм видели в обращении к Брежневу с предложением расширить полномочия Украины во внешнеполитической деятельности. «Неблагонадежность» в национальном вопросе всегда могла быть использована при отстранении недостаточно надежных руководителей. Если в республиках лидеры заявляли о предоставлении больших прав или в чем-то особой политики, их меняли. Так было с руководством Азербайджана, Латвии, Молдавии, республик Средней Азии. В 1972 г. дело дошло до Украины. С начала 70-х гг. последовал ряд постановлений ЦК КПСС, требующих усилить идеологическую и организационную работу в республиках: «О политической работе среди населения Львовской области» (1971 г.), «Об организаторской и политической работе Тбилисского горкома Компартии Грузии...» (1972 г.), «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в ... Белоруссии» (1974 г.), «О ходе выполнения партийной организацией Грузии постановления ЦК КПСС об организаторской работе Тбилисского горкома партии» (1976 г.). В. Щербицкий, сменивший П. Шелеста на Украине, по указанию ЦК КПСС провел пленум ЦК КП Украины, на котором он критиковал областные организации Львовской, Тернопольской, Черниговской, Закарпатской, Одесской, Крымской областей за недостатки в патриотическом и интернациональном воспитании³⁸.

В докладе ЦК КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза (1981 г.) выделен специальный раздел, посвященный межнациональным отношениям. Новым аспектом в нем было обращение к республиканским организациям о необходимости учета культурно-бытовых интересов лиц некоренных национальностей (читай – русских, прежде всего) и их представительства в органах власти³⁹ (подчеркнуто нами. – Л.Д.). Если рассмотреть череду специальных партийных решений и указаний, очевидно, что не все было так благополучно и становится понятным, почему партийное руководство Центра лавировало, то опираясь на русское большинство, то идя навстречу запросам окрепшей элиты республик, признавая, что само «развитие наций» рождает новые проблемы, требующие решений. Ответом на осознаваемые сложности новой ситуации можно считать появление пропагандируемой идеологии новой исторической общности людей – «советского народа», дополнившей подтверждаемую

---

³⁸ Правда Украины. – 1974. – 17 мая.

³⁹ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. – М., Политиздат. 1981.

политику «развития и сближения наций». Политика развития была не только декларируемой. Если у 2/3 интеллигентов коренной национальности в Молдавии, Казахстане, республиках Средней Азии их отцы были работниками физического труда, если доля горожан только между переписями 1959 и 1979 года увеличилась среди белорусов почти в 2 раза, молдаван в 2 раза, литовцев в 1,7 раза, в республиках Средней Азии среди коренных национальностей уже 25–33 % стали горожанами (в период с 1970 по 1979 г. в города-миллионники превратились Баку, Ереван, Минск, Тбилиси), то трудно отрицать реальность политики развития национальностей. Сложнее с политикой сближения. Интерпретация ее была разной. В массовой партийно-пропагандистской сети она либо не раскрывалась с расчетом, что многое, декларируемое партией, воспринималось просто на веру, либо эта политика интерпретировалась как обеспечение большего сродства, взаимопонимания и хороших отношений между народами.

Воспринималась эта политика по-разному. На партийных съездах в выступлениях первых секретарей ЦК Компартий республик можно было услышать о наборе общих черт и сходных устремлениях. «У советских людей всех национальностей одна родина... одна судьба, одни интересы, общее дело и единая цель – строительство коммунизма, одна идеология – марксизм-ленинизм, один рулевой, общий вождь – партия великого Ленина...» – говорил Ш. Рашидов из Узбекистана⁴⁰. А. Снечук из Литвы, И. Бодюл из Молдавии, М. Гапуров из Туркменистана повествовали о складывании общей экономики, культурном обмене и взаимообогащении культур, единстве интересов, интернационализации образа жизни⁴¹. Именно при М. Гапурове завоевание Туркменистана Россией в 1880–1881 гг. было переименовано в «добровольное вхождение в Россию». На XXV съезде КПСС Л. Брежнев закрепил эти представления – единый в своих характерных чертах для всех народов страны советский образ жизни был назван одним из завоеваний советского народа за шестидесятилетний путь, а дружба народов охарактеризована как одна из «ярких граней советского образа жизни»⁴².

Надо сказать, что большинство советских людей воспринимали эти заявления потому, что в них были не только идеологические мифы, но и отражение реальности, которую они наблюдали повседневно. У каждого была своя малая Родина, но была и действительно общая – СССР. От 60 до 80 % населения в разных республиках называли родиной Советский Союз. «Мой адрес не дом и не улица – мой адрес Советский Союз» пелось в по-

---

⁴⁰ XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. – М.: Политиздат. 1966. – С. 351.

⁴¹ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. 1. – М.: Политиздат. 1971. – С. 341–342, 370, 472–473.

⁴² Материалы XXV съезда КПСС. – М.: Политиздат. 1976. – С. 87.

пулярной тогда песне. Были и общие интересы – подъем экономики, обеспечение людей товарами, необходимыми для жизни (в Направлениях развития народного хозяйства постоянно ставился об этом вопрос), совершенствование самолетостроения, обеспечивающего связь всех территорий, и многое другое из сферы материальной жизни. В духовной жизни благодаря телевидению (по данным социологов, в 1980-е гг. 70 % смотрели регулярно телепередачи в разных концах страны), книгоиздательскому делу на русском и языках народов СССР выдающиеся произведения писателей советских республик становились общим богатством. Книги Ч. Айтматова и В. Астафьева, Е. Евтушенко и Г. Леонидзе становились известными и читаемыми.

И, умея в жизнь взглядеться,
вижу: счастье оттого,
что живем мы сердцем к сердцу –
дети дома одного⁴³.

Так совершенно искренне писал Расул Гамзатов. Это «сближение» нельзя было однозначно оценивать как потерю этнокультурных особенностей, связанных, прежде всего, с историческим прошлым. Организация труда на одинаковых предприятиях в Эстонии, Латвии была лучше, чем на Украине, в России. Дисциплина труда на предприятиях легкой промышленности в Иванове была выше, чем в Ташкенте, но помидоры выращивать там не могли, как в Узбекистане, не только из-за различия в климатических условиях. Этническая специфика сохранялась в повседневном бытовом укладе жизни, называемом советским, если традиции не мешали выполнять планы партии и правительства. Проводившиеся в 1972–1982 гг. Институтом этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Арутюняна репрезентативные этносоциологические исследования в РСФСР, в республиках Прибалтики (Эстония), Закавказья (Грузия), Средней Азии (Узбекистан), Молдавии позволили сделать вывод: **«формирование новой исторической общности – советского народа – ни в какой мере не означает нивелирования национальных особенностей, в той или иной степени практически дающих о себе знать в разных сферах социальной жизни...»**. Специфика варьировала по национальностям и находила неодинаковые выражения в разных сферах социальной жизни⁴⁴. Яркие проводники партийной политики пытались под идеологему «сближения наций» вспоминать ленинские дореволюционные высказывания о слиянии наций, что вызывало опасения и неприятие в республиках. Уже тогда можно было предположить, что, имея собственную интеллигенцию, образованный народ, средства распространения

⁴³ Гамзатов Р. Собр. соч. – М.: Худож. литература. 1968. – Т. 1. – С. 81.

⁴⁴ Социально-культурный облик советских наций. – М.: Наука. 1986. – С. 433.

информации, социальные потребности и политические претензии в республиках будут возрастать. В вышеупомянутом исследовании был также сделан вывод: «сходство между народами... отнюдь не исключает национальной консолидации и не снижает интенсивности национальных чувств, причем в зависимости от этапа культурного развития действуют различные механизмы, способствующие сохранению и упрочению национальной консолидации»⁴⁵. Как известно, уже в 1980-е гг. советское общество столкнулось с проявлениями такой консолидации в разных формах.

Как же это произошло, если повсюду тогда говорили о дружбе народов, да и теперь в XXI веке старшее и среднее поколение вспоминает об этом как о реальности. Была ли она мифом или реальностью? Не только сейчас, но и тогда автор считала, что реально говорить о дружбе народов нельзя. Это метафора, выражаясь современным научным языком, – политический дискурс. Характер отношений **между людьми** разных национальностей в мировой и в отечественной этносоциологии обычно оценивают в континууме – от доброжелательных к нейтральным и негативным. В социологии и социальной психологии для выяснения характера отношений используется шкала Богардуса, которая адаптируется к конкретно-историческим условиям. Например, по шкале Богардуса у человека выясняют, как он относится к тому, чтобы принимать людей другой национальности как граждан страны, как члена производственного коллектива (начальника в том числе), соседа по дому, близкого друга, члена семьи – жены (мужа), жены сына (мужа дочери). В американской социологии, когда вводилась эта шкала, считалось, что если люди принимают человека иной культуры, цвета кожи как члена семьи, то тем более они примут его как делового партнера или гражданина страны. В Советском Союзе шкалу приходилось адаптировать хотя бы потому, что проблема принятия лиц другой национальности и расы не стояла. Соседей не выбирали, так как квартиры распределялись городской властью, и эта проблема могла быть только, скажем, в Ташкенте или Душанбе, где люди жили в махалля, или сельских поселениях Татарии, Башкирии, республиках Северного Кавказа.

В 1970-х и 1980-х гг. этносоциологами проводились исследования межличностных отношений людей разной национальности и потому мы можем представить, какое значение придавали тогда советские люди в разных республиках национальности человека в разных сферах жизни. В городах, где чаще всего контактировали русские, люди коренных национальностей республик, украинцы, евреи, в Молдавии 82 % молдаван и столько же русских, 81 % евреев, 77 % украинцев считали, что национальный состав производственных коллективов для них не имеет значения. В городах Узбекистана такого мнения придерживалось 70 % узбеков. Практически 80 % грузин, армян, азербайджанцев в городах Грузии во время опросов отвеча-

---

⁴⁵ Там же. – С. 7.

ли, что они не придают значения национальности в производственном общении.

Приведем данные по столицам республик, где отношения всегда сложнее, ибо конкурентность и в духовной, и в культурной сфере ощущалась реальнее. Положительные установки на работу в многонациональных коллективах в начале 1970-х гг. у коренных национальностей в Кишиневе были у 87 %, в Ташкенте – у 84, Тбилиси – у 75, Таллине – у 56 %. В начале 1980-х такие установки практически не изменились. Тем не менее, в 1983 г. в связи с 200-летним юбилеем Георгиевского трактата была подготовлена инсценировка на тему русско-грузинской дружбы народов, на которую протестной акцией среагировала грузинская интеллигенция. В городах Эстонии были случаи столкновений между эстонской и русской молодежью. В 1980 г., когда власти не разрешили концерт группы панков, до тысячи молодых людей собрались в центре Таллина с лозунгами, среди которых были «русские – домой». Но тогда урегулировали ситуацию сами республиканские власти. К концу 1980-х гг. эстонцы занимали 82,2 % административно-управленческих постов, в других сферах – 61,5 % руководящих позиций. Эстонские исследователи признавали, что тогда «большинство эстонцев не участвовали в сопротивлении». По оценкам социологов М. Лаурестин и Т. Вихалемм, в той или иной форме поддерживали идеи сопротивления только около 10 %. Но 40 % предпочитали держаться в стороне от общественной жизни. Еще 40 % участвовали в общественной деятельности вне советской системы – как члены хоровых объединений, книжных клубов, кружков культуры, около церквей⁴⁶.

Примерно такая же ситуация была в Грузии, где интеллигенция была наиболее активной на общественной арене. Математическая, психологическая научная школа, кинематография, театральная, оперная и драматическая школа как бы придавали дополнительный вес грузинам и во властных структурах Москвы, а тем более в республике. Они доминировали в партии (79 % членов в республиканской организации). В 1989 г. их доля в руководящих кадрах была 89 %. Грузины практически определяли ситуацию в этнонациональной сфере. Мы уже упоминали, какую роль сыграла общественность в сохранении позиций грузинского языка в Конституции республики. В результате в 1985 г. 91 % всего объема книжных и 81 % периодических изданий Грузии выходили на грузинском языке⁴⁷. В 1980-е гг. несколько изменились к худшему установки на смешанные браки и у узбеков, и у грузин. Любопытно, что они не менялись у эстонцев: 76–77 %

---

⁴⁶ *Laar M.* Национальное возрождение в Эстонии – прошлое и настоящее // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 194.

⁴⁷ *Gerber J.* Georgian: Nationale Opposition und kommunistische Herrschaft seit 1956. – Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1997. – S. 160–170.

допускали смешанные браки, в то время как к производственному общению у них отношение было хуже, особенно у интеллигенции. Здесь сказывались европейские нормы отношений в семье, но самих таких браков было не более 5 %. В целом отношение к межнациональному общению зависело у людей от удовлетворенности трудом, уровня конкурентности, особенно среди интеллигенции. Среди малоквалифицированных работников физического труда оно также определялось уровнем образования, культуры и традициями.

Мы привели данные по Эстонии и Грузии не только потому, что здесь проходили наши исследования, но и потому, что именно в них была более сложная для советской власти ситуация в 1980-х гг. Взглянув на приведенные данные опросов, можно понять, что у старшего и среднего поколения граждан бывшего Советского Союза есть основания вспоминать о хороших отношениях между людьми разных национальностей в советское время. Для большинства они были реальными. Но если внимательнее присмотреться к итогам опросов в 1980-х гг. четверть грузин в Тбилиси, почти половина эстонцев в Таллине тяготились присутствием русских и других национальностей (в Тбилиси конкурентной группой были армяне, которые начали мигрировать в Армению и Россию). Негативные межнациональные установки называли тогда пережитком прошлого. Но исследователи понимали, что у интеллигенции они – явление, связанное с новой ситуацией в трудовых и политических отношениях, в идеологической сфере. Уже из ранее приведенных данных очевидно – в проблемных республиках речь шла о переизбытке специалистов и борьбе за престижные места: «младшие братья» подросли и претендовали на преимущества при распределении ролей.

В политической сфере это нашло отражение в обращении Шелеста о новых полномочиях республики, событиях с принятием Конституции в Грузии, Армении, Азербайджане, требованиях Сухуми признать абхазский язык государственным, обращении Татарского обкома КПСС об изменении статуса республики. Но была еще одна сфера, где накапливались противоречия, – это сфера языка. Официально русский считался языком межнационального общения (это зафиксировано в программе КПСС). Идеология обязательного двуязычия, которая преподносилась, конечно, через показ преимущества тех людей коренных национальностей республик, которые свободно владеют русским языком, приводила к неоднозначным последствиям. С одной стороны, несомненно, двуязычие давало преимущество людям. Дело было только в том, что национальности республик действительно пользовались этим преимуществом при назначении на привилегированные места и для расширения интеллектуального кругозора. Но с другой стороны, русские в республиках слабо владели языком коренной национальности и это не очень хорошо там воспринималось. Относительно

высокой была доля русских, знающих литовский – в 1989 г. 33,4 %. В республике русские составляли всего 9 % населения и жить без знания языка большинства людей, живущих рядом, конечно, было трудно. По этой же причине в Латвии в 1989 г. был уже 21 % русских, владеющих латышским, в Эстонии эстонским – 13,7 %. Видимо имел значение и статус коренной национальности в глазах русских, и знание русского языка местным населением, желание говорить на нем.

В Грузии, Азербайджане доля русских, знающих грузинский, азербайджанский выросла за 1970–1980-е гг. вдвое. В 1989 г. в республиках 22,5 % русских владело грузинским и 14 % – азербайджанским, что тоже, кстати, было сигналом повышения социальной конкурентоспособности коренных национальностей. Но в Казахстане, республиках Средней Азии языками титульных национальностей республик владело от 1 до 3,5 % русских. И если русский язык пропагандировался как «второй родной язык народов», то об овладении другими языками советских народов говорилось с конца 1960-х гг. мало. Особенно задевал интеллигенцию в республиках, естественно, прежде всего ту ее часть, творчество которой связано с языками, акцент на признание русского родным языком. В 1989 г. русский считало родным языком среди латышей, эстонцев, грузин чуть более 1 %, а в республиках Средней Азии и того меньше. При этом протестные настроения росли. Известно письмо деятелей культуры Белоруссии, которое в 1986 г. подписали Василь Быков, Янка Брыль, Вячеслав Адамчик и другие. Они сожалели по поводу закрытия школьной сети с белорусским языком обучения, отсутствия кинематографа на белорусском, он вытеснен из делопроизводства и почти не употреблялся в партийных и государственных органах. Людей, которые пользуются родным языком, иногда называли националистами. Писатели считали необходимым сохранить белорусский язык как рабочий в государственных учреждениях, в органах культуры, высшего и среднего образования, на телевидении и радиовещании. В городах республики уже не было школ с белорусским языком обучения. Такие же требования выдвигались на Украине. И тогда Центр, уже при М.С. Горбачеве, проявил гибкость – ЦК Компартии Украины принял специальное постановление «Об улучшении изучения украинского, русского и других языков народов Украины». Но все же акцент все время делался на двуязычии и знании русского языка⁴⁸.

Другим большим вопросом по-прежнему оставалась трактовка исторического прошлого, попытки представить все варианты присоединения территорий в Российском государстве как добровольное присоединение. Известно письмо директора Института истории СССР С.С. Хромова с рекомендациями по этому поводу в республики, которое довольно широко обсуждалось общественностью. В письмах в газету «Правда» и журнал «Коммунист» упоминались случаи неуважительного отношения к прошлому

---

⁴⁸ Постановление февральского пленума ЦК КПСС // Правда. – 1989. – 20 февраля.

народов, использования уничижительных терминов применительно к людям нерусской национальности. Известной реакцией на такие проявления были стихи Е. Евтушенко в поэме «Просека»:

Мне псевдорусского зазнайства
дороже сдержанность нанайца,
но я горжусь,
России сын,
с наследным правом невозбранным
Кремлем,
как Матенадараном
гордится каждый армянин...
Когда я говорю «Россия»,
то не позволит мне душа,
задеть хоть чем-нибудь грузина,
еврея или латыша...⁴⁹

Реагируя на ситуацию в республиках, ЦК КПСС стал возлагать на местные кадры ответственность за недостатки в идеологической работе, препятствия в привлечении «...к руководству представителей всех национальностей... межрегиональному обмену кадрами, обмену опытными работниками между республиками и центром»⁵⁰. Метод перемещения кадров из одних регионов в другие использовался и раньше, но тогда не было профессионалов в республиках. Правда, как замечали нам в Грузии: «Почему-то к нам присылают русских руководителей, но не видно, чтоб кого-то из республик на ответственную работу в Центр послали руководить». К чему это привело, стало ясно, когда началась политика «гласности» и перестройки.

Многонациональное советское общество, хотя метафорически и называлось семьей, но было семьей сложной, в которой не во всем и не у всех было согласие. Равноправия в ней не было, чувство общности все время подвергалось испытаниям, ибо советская ментальность не исключала стремления к сохранению самобытности и этнических интересов элит, а новый образовательный ресурс даже стимулировал этническое самосознание. Стремление соединить господствующую идеологию с приоритетами более высокой культуры, исходящее из Центра, стереть из памяти воспоминания о своей истории, не соответствующей представлениям партийного руководства, по мере роста собственного культурного потенциала вызывало у интеллигенции национальностей республик недовольство. Это было проявлением общей закономерности в мире – «чем чаще люди исходят из одних и тех же цивилизационных предпосылок, тем больше они пекутся о своей специфической идентичности»⁵¹. Управленческая элита

⁴⁹ *Евтушенко Е.* В полный рост. – М.: Современник, 1977. – С. 138, 139.

⁵⁰ Выступление Лигачева на XXVII съезде КПСС // Правда. – 1986. – 28 февраля.

⁵¹ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. – М.: РГГУ, 2000. – С. 217–218.

республик все чаще заявляла собственные претензии на распоряжение ресурсами. Появление этнической оппозиции стало одним из проявлений кризиса советской идеологии и институтов власти.

§ 5. Этничность в контексте политического транзита конца 1980-х гг.

В 80-е гг. отчетливо проявилась реакция этнической сферы на изменения в общественной системе. Ставший генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачев (март 1985 г.) ввел в публичное пространство слова «перестройка» и «гласность». Для совершенствования политической системы допускалась оппозиция. В газетах и журналах стали появляться статьи с критикой социализма, сталинской эпохи и брежневского «застоя». В партии произошел раскол на реформаторское крыло и ортодоксальное. Наблюдался подъем общественной и духовной жизни, связанный с ожиданием перемен, с открытостью и плюрализмом мнений. В этих условиях этнические чувства стали мощным механизмом общественной мобилизации. Использовали этот ресурс прежде всего интеллектуалы.

На пленуме Союза писателей СССР в апреле 1987 г. представители разных республик ставили вопрос о поддержке национальных языков, приводя примеры оттеснения родных языков. Украинец Борис Олейник рассказывал, что в некоторых областных центрах республики количество украинских школ «приближается к нулевой отметке». Белорусский писатель Нил Гилевич поведал: «Ни в столице Белоруссии Минске, ни в одном из областных центров ... нет ни одной белорусской школы. Есть английские, французские, испанские – а белорусских нет... Без языка нет и литературы»⁵². Их поддержали русские писатели – Юрий Суровцев, Сергей Залыгин, Юрий Бондарев, Виктор Розов, Станислав Куняев. Кстати, часть из них была участниками русских общественных объединений. Председатель Союза писателей РСФСР Сергей Михалков говорил: «Если мы хотим сохранить национальные литературы, мы должны срочно принять самые решительные меры по изучению в школах двух языков – русского и родного. Первым языком должен быть свой, родной... В Башкирской, Марийской АССР растет поколение, не знающее своего родного языка...»⁵³ С. Куняев привел на съезде пример, как за слова о том, что надо гордиться родным языком, заботиться о его чистоте и способствовать его развитию, казахского поэта в центральной печати назвали национальным эгоистом⁵⁴.

⁵² Литературная газета. – 1987. – 8 мая.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

Трибуну использовали люди разных взглядов. Так, на пленуме Союза выступил известный писатель Ю. Бондарев с критикой реформаторов за «охаивание социализма». Ю. Бондарев, В. Распутин, Ф. Абрамов, В. Астафьев представляли писателей-деревенщиков, отстаивавших судьбу жителей русских деревень с их ценностями, образом жизни, стремлением к сохранению природной среды. В Москве в мае 1986 г. на учредительном съезде Союза театральных деятелей секретарем был избран сторонник реформ Михаил Шатров. На съезде Союза кинематографистов первым секретарем избрали Элема Климова, который был сторонником снятия ограничений и запретов. В 1987 г. был разрешен к показу фильм Т. Абуладзе «Покаяние», получивший широкий общественный резонанс. Союз кинематографистов предпринял эксперимент, создав систему управления по модели реальной федерации кинематографистов союзных республик. Все это говорило о смене общего климата в общественной жизни страны.

Общественная активность росла, гласностью стали пользоваться и в Центре, и в регионах. Но 1986–1987 гг. были временем, когда идеи реформ больше все же обсуждались в Центре, а в республиках гласность использовалась прежде всего для выражения защитной экономической, этнокультурной идеологии. А если выдвигались реформаторские идеи, как в республиках Прибалтики, то все же через этническую мобилизацию. В 1986 г. ситуация в межнациональных отношениях стала выражаться в открытых формах столкновений и протестов. Весной 1986 г. произошел конфликт между якутской и русской молодежью, в котором взрослые, особенно интеллигенция вузов, были не безучастной стороной. В то время в Якутской АССР еще не оформились организации с национальной идеологией, но интерес к историческим корням для обоснования самостоятельности, государственности в составе России уже проявлялся. В декабре 1986 г. в массовые действия превратились протесты казахской молодежи против назначения первым секретарем ЦК Компартии Казахстана русского Г.В. Колбина, сменившего казаха Д.Д. Кунаева. Молодежные демонстрации проходили также не без участия интеллигенции. В Казахстане со стороны власти использовались уже силовые методы.

В 1986 г. начались национально окрашенные экологические движения в Армении. Ученые, деятели литературы, искусства, учителя и студенты протестовали против строительства АЭС в Мецаморе. Беспокойство обосновывалось тем, что в долине Арарата живет 2/3 населения республики, здесь основные посевные площади, вероятность землетрясений очень велика, потому строительство атомной электростанции будет преступлением против армянского народа⁵⁵. Однако экологические требования отошли на второй план по мере развития событий в Нагорном Карабахе, армянское население которого использовало критику сталинских решений и стало

---

⁵⁵ Впоследствии национал-демократы, войдя в парламент, приняли решение о частичном вводе электростанции. Блокада Азербайджаном в дальнейшем привела к энергетическому кризису и экологические требования перестали быть популярными.

требовать присоединения к Армении. Обращение к М. Горбачеву Степанакертцев (столица автономной области Нагорного Карабаха) последствий не имело. Азербайджан, к которому относилась автономия, категорически отказался от передачи территории. В Армении было создано Армянское общенациональное движение (АОД) за демократию и справедливость. В Ереване начались демонстрации солидарности с карабахцами, в которых участвовало от 100 000 до 1 млн человек с лозунгами «Карабах наш», «Мы не экстремисты, а народ». Предприятия объявляли забастовки. Это было ответом на реакцию ЦК КПСС, который назвал требования армян безответственными, активистов – экстремистами, нарушавшими общественный порядок. Позже, в июле 1988 г., в постановлении Президиума Верховного Совета СССР признавалось, что в автономной области не были решены многие вопросы, затрагивающие интересы армянского населения, «нарушены конституционные права автономной области»⁵⁶. Но Президиум Верховного Совета СССР признал неприемлемость территориальных изменений⁵⁷, а в газете «Правда» (24 марта 1988 г.) карабахские активисты обвинялись в том, что ставили националистические интересы выше государственных и следовали «прямым указаниям американских советологов». В Ереван было приказано ввести танки. Все это радикализировало обстановку в республике. Представители интеллигенции, в том числе Сильвия Капутикян, Зорий Боляян, которые ездили на переговоры с М. Горбачевым, потеряли популярность и к лидерству пришли молодые активисты, образовавшие Комитет Карабахского движения Армении. В Азербайджане, в промышленном городе Сумгаит, где жили армяне, произошел погром с применением жестоких насильственных методов к армянским жителям. В Армении на это ответили прессингом азербайджанцев, которые стали беженцами и до конца 1989 г. почти все покинули Армению. Это радикализировало ситуацию в Азербайджане, в котором тоже уже были оппозиционные силы, включавшие в себя активистов с открытой антиармянской позицией.

После того как Верховный совет Армении дал согласие на присоединение Нагорного Карабаха к Армении (15 июня 1988 г.) и о неправомочности этого решения заявил Верховный совет Азербайджана, межреспубликанский конфликт получил юридическое оформление. В конце 1988 г. насильственный армяно-азербайджанский конфликт был в острой фазе. В январе 1989 г. Центр создал Комитет особого управления НКЮ, которому вменялось осуществлять прямое союзное управление областью. В НКЮ и в части Армении вводилось чрезвычайное положение, члены Комитета Карабаха были арестованы. Однако эти меры были неэффективными и в ноябре 1989 г. отменены. Между тем в Нагорном Карабахе были созданы военные формирования, и конфликт вошел в стадию масштабных военных

---

⁵⁶ Правда. – 1988. – 20 июля.

⁵⁷ Постановление было опубликовано в журнале «Коммунист». – 1988. – 24 марта.

действий. Конфликт в Нагорном Карабахе носил типичный ирредентистский характер. Но в самой Армении национализм обрел всеобъемлющий характер. Он проявлялся в требованиях большей самостоятельности, экономической либерализации, признания геноцида армянского народа 1915 г. Армяне пользовались поддержкой зарубежной диаспоры.

Не менее сложная обстановка складывалась в Грузии. Республика включала три автономных образования – Абхазию, которая уже с 1960-х гг. претендовала на большую самостоятельность от Грузии, выступала против грузинского доминирования, а в 1978 г. потребовала включения в РСФСР или придания статуса союзной республики; Аджарскую автономию, особенностью которой была в том, что аджарцы – мусульмане; и Южную Осетию, в которой осетины имели соплеменников в Северной Осетии, входившей в РСФСР.

Первые требования грузинской общественности тоже были связаны с защитой окружающей среды. Протесты против строительства Транскавказской железной дороги через высокогорье и против военного полигона рядом с древнейшим монастырским комплексом «Давид-Гареджа» стали способом этнической солидаризации. Так же как на Украине, в Москве и Эстонии диссидентские группы с ориентацией на независимость с началом перестройки попытались сплотить вокруг себя недовольные круги населения. В Грузии это было общество Ильи Чавчавадзе, Хельсинкский союз в республике. Но, как и в других случаях, в начале «национального пробуждения» не они, а интеллигенция с экологическими и языково-культурными требованиями спланировала в основном вокруг себя активистов. На начальном этапе национального движения в республике популярной была умеренная организация – общество Руставели, которое выступило за большую самостоятельность, демократизацию, реформы и правовое государство. Недовольство подогревалось стремлением Центра поддержать русский язык. Последними мерами, которые вызвали недовольство в Грузии так же, как в Эстонии, Литве, были требования обязательно предоставлять и защищать научные диссертации на русском языке. Языковые требования уже с 1978 г. были актуальными среди грузин. В августе 1988 г. КП Грузии приняла Постановление о государственной программе грузинского языка, в котором он получал статус единственного государственного языка. Оно касалось и автономий, а в них была иная языковая ориентация – на свой и русский язык. Отношение к меньшинствам в Грузии было ахиллесовой пятой грузинского движения, оно разъединяло перестроечные силы республики, придавало грузинскому национализму этническую доминанту. Слабость позиции была в требовании прав для себя при отрицании необходимости их для других. Но в Грузии были разные партийные объединения, и каждое боролось за доминирование. Изменение административно-государственного устройства, ликвидация статуса республик (Абхазия, Аджария), автономий (Южная Осетия) стали одним из

радикальных лозунгов, сопровождавших требования изменить политический строй, демонстрацией неповиновения.

Умеренные силы в обществе Руставели не смогли сдержать радикализацию настроений. После письма представителей абхазской интеллигенции в адрес XIX Всесоюзной конференции КПСС (1988 г.) о желании отделиться от Грузии и информации о предлагаемых Центром поправок к Конституции, упразднивших право союзных республик на отделение, *радикалы* завоевали ведущие позиции в протестном движении. В апреле 1989 г. начались новые выступления, демонстрации. 9 апреля 1989 г. с ведома партийного руководства Грузии демонстрантов перед парламентом с помощью сил армии стали разгонять дубинками и саперными лопатками. Свыше 30 человек погибли. Ни партийное руководство Грузии, ни начальник Закавказского военного округа генерал Н. Родионов к ответственности привлечены не были. В связи с событиями 9 апреля на сессии Верховного совета Грузинской ССР (ноябрь 1989 г.) были приняты решения о незаконности всех постановлений об установлении Советской власти в республике и ее законах. Националистическое антикоммунистическое движение привело к власти на выборах 1990 г. партию Звиада Гамсахурдия.

В Азербайджане критика состояния национальной культуры, языка, выступления против беспорядков в социально-экономической сфере начались с началом гласности, но массовые движения возникли в связи с событиями в Нагорном Карабахе. Они стимулировались решениями руководства автономной области о присоединении к Армении, не согласованном с Азербайджаном введении там чрезвычайного положения, практически означавшего выведение АО из-под управления Азербайджана. Постановление Совета министров СССР в марте 1988 г. об ускорении социально-экономического развития Нагорного Карабаха, рассчитанное на умиротворение сторон, не принесло ожидаемого результата. Правительство Азербайджана еще держалось союзной ориентации. Но число беженцев из Карабаха и Армении все возрастало, в 1988 г. их насчитывалось до 100 тыс., а к 1989 г. уже 160 тысяч⁵⁸. В Азербайджане стали возникать общественные объединения в поддержку беженцев, в том числе Комитет народной помощи, который опирался на активную независимую прессу. По опыту прибалтийских республик, в 1989 г. создан Народный фронт Азербайджана (АСХ). В его программе была демократизация общества; гарантия прав человека, местный контроль над выборами; политический, экономический и культурный суверенитет Азербайджана в составе СССР – прекращение нерациональной для республики эксплуатации природных ресурсов, «уравновешенный торговый баланс с другими союзными республиками; свобода хозяйствования крестьянам». Между прочим, в программе АСХ содержа-

---

⁵⁸ Altstadt A.L. The Azerbaijani Turks. Power and Identity under Russian Rule. – Stanford. 1992. – P. 203.

лось положение о равноправии национальностей и защите культурных свобод⁵⁹. Этнические требования не были первостепенными, но сохранение Карабаха воспринималось как поддержание народного единства. Народный фронт стал влиятельной силой, в Верховном совете Республики под его влиянием приняты решения о праве контроля республики над природными ресурсами, о принятии законов Федерации после их ратификации АзССР, о праве выхода из СССР. Практически это были тезисы, аналогичные тем, которые ранее предложили прибалтийские республики как поправки к Конституции СССР. Но поскольку, в основном, азербайджанцам в вопросе о Карабахе⁶⁰ каких-то успехов добиться не удавалось, настроения радикализировались. Лидером АСХ стал Эльчибей (Абульфаз Алиев) с ориентацией на полный суверенитет. Еще в начале 1990-х республика участвовала в подготовке нового Союзного договора и 93 % населения республики в 1991 г. голосовало в поддержку Союза ССР.

Так что этнополитическая ситуация в республиках Закавказья до конца 1980-х годов различалась. При сходстве в лозунгах и ряде требований (использование ресурсов, положение языка, большая самостоятельность) уровень этнической мобилизации, степень радикализации их, отношения оппозиции с местной властью и власти республиканской с Центром – различались.

В республиках Прибалтики, которые «задавали тон» в идеологии национальных движений, сходства было значительно больше. В республиках была, условно говоря, некоторая «увертюра» перед началом массовых движений. Когда в 1978 г. стали повсеместно вводить преподавание русского языка с первого класса, а детским садам дана директива обязательно вести общение на русском не менее половины дня, в высших и средних учебных заведениях расширить употребление русского языка не только у интеллигенции, но и в более широких кругах населения, появились протестные настроения. Они углубились после требования введения защиты диссертаций на русском языке. В 1979 г. диссиденты из трех прибалтийских республик подписали воззвание с требованием отменить действие пакта Молотова–Риббентропа. Отмена этого пакта ставила под вопрос законность последующих действий по присоединению этих республик к Союзу.

После начала гласности первыми вопросами, которые поставлены интеллигенцией в центр внимания общественности, были вопросы защиты экологической среды и иная трактовка истории, связанная с пактом Молотова–Риббентропа. В декабре 1986 г. на заседании Союза писателей Эстонии обсуждался вопрос об экологическом ущербе, наносимом добычей

---

⁵⁹ Мотика Р. Национализм Азербайджана и торко-азербайджанский национализм // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 332.

⁶⁰ Этот вопрос, по рассказам азербайджанцев, стал таким же важным, как признание геноцида 1915 г. у армян.

фосфоритов. А когда в феврале 1987 г. получили сообщение из Москвы о расширении добычи фосфоритов, началось массовое движение протеста. Сначала собирали подписи протеста, а 1 Мая 1987 г. студенты Тартуского университета вышли на демонстрацию. Власти были вынуждены изменить решение. За протестами стояла не только защитная экологическая мотивация. Расширение добычи фосфоритов означало приток инациональных мигрантов, поскольку эстонских рабочих рук не хватало. В то же время защита экологии показала, во-первых, что протестное движение может объединить эстонцев и русских и, второе, что оно *легально* может демонстрировать протестное настроение и способствовать мобилизации.

В Латвии таким движением защиты экологической среды были протестные акции против строительства Игналинской электростанции чернобыльского типа, гидроэлектростанции в Даугавпилсе и строительства метро в Риге. В Латвии, Литве, Эстонии в августе 1987 г. проходили митинги по поводу подписания пакта Молотова–Риббентропа. Партийные органы не запрещали многотысячные митинги. Критика сталинского периода считалась проявлением заявленной гласности. И поскольку в Москве, Ленинграде перестройка в самой партии приветствовалась не всеми, распространение ее идей в республиках на этом этапе не противоречила интересам инициаторов изменений в обществе.

Особенностью национальных движений в республиках Прибалтики было как раз то, что на начальном этапе в 1986–1987 гг. они возникли как движения за реформы, ставили вопросы прав человека, совершенствования, а не замены системы. Эстонские газеты, тексты движения Саюдис из Литвы читались интеллигенцией Москвы, распространялись среди либерально настроенных депутатов Первого съезда народных депутатов СССР. Реформаторская часть ЦК КПСС рассчитывала на поддержку новых сил в компартиях этих республик. В Таллине в ЦК КПЭ был избран реформаторски настроенный Вайно Вяяс. В Литве не без поддержки Москвы первым секретарем ЦК КПЛ был избран тоже реформаторски настроенный А. Бразаускас. В Латвии Компартия раскололась, и в противовес крылу А. Рубикса выделилось реформаторское крыло, возглавлявшееся председателем Верховного совета Латвии А. Горбуновым. Новые силы в КП республик уже вели иную тактику по отношению к национальным движениям.

На этапе до осени 1988 г. еще оставались шансы удержать этнополитические устремления в рамках общего перестроечного мышления. В Латвии, Эстонии созданы народные фронты. В Литве – Саюдис. Основной движущей силой в них была творческая интеллигенция. В том числе реформаторски настроенные члены компартии республик. Для этой части активистов этнонациональные требования – государственный язык, возрождение культуры совмещались с требованиями расширить суверенитет в рамках СССР.

В это время уже заявили в республиках о себе и радикальные идеологи, связывающие этнокультурные требования только с обретением полной независимости. В Эстонии это были сторонники «парка Хирве» (место, где в июне 1987 г. был проведен митинг 48-й годовщины пакта Молотова–Риббентропа), «партия национальной независимости» и комитет граждан, но до осени 1988 г. не они «правили балом». Интеллигенты-реформаторы подготовили и в сентябре 1987 г. опубликовали концепцию «республиканского хозяйственного расчета республики», получившую название ИМЕ. Она широко обсуждалась не только в республике, но и в центре. В Москве одни ученые и хозяйственные функционеры поддерживали ее, скорее идеи расширения самостоятельности в управлении предприятиями в ней. Другие считали развитие идеи ИМЕ невозможным в рамках единой хозяйственной системы СССР. В республике новые силы в компартии считали, что, получив широкую самостоятельность, они смогут получить поддержку и сдержать радикалов. Доступ их в печать был ограничен. Применялась тактика умолчания по поводу их действий.

В Латвии Народный фронт нашел компромисс в рамках концепции «свободная Латвия в свободной России». Но здесь тоже были независимцы («Движение за национальную независимость Латвии», «Комитеты граждан Латвийской республики», «Партия возрождения Латвии»). В Литве Саюдис образован как «Литовское движение в поддержку перестройки», и до ноября 1988 г. сотрудничество с реформаторами в Москве не прекращалось.

Этничность в национальных движениях сыграла двойную роль. Она безусловно выполняла функцию мобилизации. На каком-то небольшом этапе уже мобилизацию всех жителей республик. Этнические чувства любви к своей культуре, языку, переплетающиеся с социальными интересами людей, обеспечивали мощную поддержку идеям большей самостоятельности в СССР, а затем и сецессии. Эмоции, связанные с восстановлением прежней символики в прошлом независимых государств, с художественной окраской митингового пространства, создавали мощную психологическую поддержку и реформаторам, и независимцам. Праздники, песни, фестивали объединяли людей разных политических взглядов. «Поющей весной», «поющей революцией» назовут в истории весенние, летние месяцы 1988 г. «Балтийская цепь» («Балтийский путь») в 1989 г. была цепочкой людей от Вильнюса до Таллина с национальными цветами и символами. Но в консолидации на этнической основе была своя ограничительная сторона, в ней «другой» тоже выступает этнически окрашенным и снимает возможность солидарных действий.

В 1988 г. уже конкретно обсуждались идеи введения государственного языка в республиках. Для Латвии, Эстонии, в которых русские составляли более трети населения, это означало неминуемые оппозиции. Введение государственного – эстонского, латвийского означало реальные ограничения

на профессии и затрагивало очень широкий круг людей – учителей, врачей, аптекарей, работников торговли, а не только руководителей учреждений, в том числе предприятий союзного и не только подчинения. Обострение этих вопросов привело к организации нетитульного населения.

В Эстонии был создан Объединенный совет трудовых коллективов (ОСТК ЭССР), основным составом его были работники предприятий союзного подчинения. ОСТК выступал против придания эстонскому языку статуса государственного. Другое объединение – интернациональное движение (Интерфронт) было еще более политизировано и ставило главной задачей – не допустить выхода Эстонии из состава СССР. В Латвии тоже образовался Интерфронт. В этой республике с 40 % русскоязычного населения только пятая часть владела латышским языком на необходимом уровне. И по этому принципу могла получить гражданство Латвии. Этничность становилась не просто культурным, но социальным и политическим фактором. Русские тоже выступали на своих собраниях, часто на производстве, проводили митинги. Но чем чаще проводились такие акции, тем более массовыми становились представления о русских как проводниках идей Москвы, союзного правительства. «Многие латыши пришли к ложному упрощенному выводу, что между советским господством в Латвии и русскоязычной группой населения можно поставить знак равенства», – писала С. Нис, сотрудник французского института международных отношений⁶¹. Этничность стала основой конфронтации внутри республик.

Сложный период наступил, когда в середине и конце 1988 г. М.С. Горбачев предложил внести изменения в Конституцию СССР, стремясь сохранить Союз. Со стороны прибалтийских республик в июне 1988 г. были сделаны предложения на XIX Всесоюзной партийной конференции о рассмотрении конституционных гарантий суверенитета республик, о самостоятельности в хозяйстве, в вопросах образования, культурной политике. В сентябре 1989 г. состоялся пленум ЦК КПСС по национальной политике. На нем приняты решения об отказе в предоставлении республикам суверенитета в том масштабе, на который они претендовали. Принято решение о подготовке нового союзного договора по формуле «сильный центр – сильные республики».

В республиках готовились законы о государственном языке. В Эстонии законопроект уже был принят. В Конституцию СССР верховные советы республик предложили внести поправки, которые означали приоритетное право республик на использование природных ресурсов, право на принятие федеральных законов после их одобрения в республиканских парламентах (т. е. возможность права вето) и сохранение суверенитета с правом выхода. Последнее более всего было неприемлемым для союзного центра.

---

⁶¹ Нис С. Латвия между национализмом и прагматизмом. Латышское национальное движение и латышский национализм. 1986–1996 годы // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. – М., 2010. – С. 218.

Принятие поправок означало, что СССР из Федерации превращается в Конфедерацию.

Президиум Верховного Совета отклонил поправки. Но отклонены они были Президиумом, а не Верховным Советом СССР. Это было нарушением Конституции СССР и дало возможность заявить об этом лидерам республик, т. е. не признавать решения. Разразился конституционный кризис. Представители прибалтийских республик вернулись в накаленную атмосферу. К тому же события в апреле 1989 г. в Тбилиси вызвали возмущение в республиках, так же как и среди общественности Москвы. Это было умело использовано радикальной частью оппозиции в Балтийском регионе.

В мае 1989 г. в Таллине состоялась Балтийская ассамблея, которая начала координировать сотрудничество народных фронтов Латвии, Литвы и Эстонии. На ассамблее приняты резолюции об экономической самостоятельности республик, осуждении сталинизма, Декларация прав балтийских наций. С этими предложениями депутаты от Латвии, Литвы, Эстонии вышли на II съезд народных депутатов в декабре 1989 г. Но законы о языке, о гражданстве, разделении компетенции Союза и республик в экономике и о праве выхода из состава СССР на съезде поддержаны не были. В республиках в 1990-е гг. последовали ответные акции, но этнокультурные требования в них уже не были главными в идеологии и практике национализма.

В Молдавии этническая мобилизация началась на основе языковых требований, но вопрос о языке быстро превратился в политическую проблему. В советские времена считалось, что румын и молдаван разделяет как раз язык. В перестроечные времена этот тезис подвергнут пересмотру, а в августе 1989 г. в Молдавии, первой из союзных республик, язык титульной нации официально провозглашен государственным. Здесь тоже было движение за независимость с целью соединения с Румынией. Но в 1980-м оно не стало доминантным, критика сталинщины, репрессий здесь тоже имели место, но коммунисты держались прочнее и в 1980-е гг. удерживали позиции. Этнический ренессанс произошел и у национальностей Молдавии. Русские боролись за свои языковые права и против солидаризации с Румынией, что впоследствии наиболее остро проявилось в Приднестровье, гагаузы же на волне перестройки получили автономию.

Массовых национальных движений в республиках Средней Азии и Казахстана не было. Здесь имело место оживление интереса к религии и традиционной культуре. В феврале 1989 г. состоялся курултай Средней Азии и Казахстана, что можно было интерпретировать как некоторую консолидацию по религиозному принципу. После демонстраций в 1986 г. в Алма-Ате Компартия республики и власть действовали осторожно, открыв некоторые клапаны демократии – разрешение на культурные и перестроечные объединения. Например, были «Бирлик» в Узбекистане и ЭРК (культурное объединение). Госорганы держали их под неослабным контролем. Тем не

менее, кровавые события в результате столкновений на этнонациональной почве в Фергане в мае – июне 1989 г. были связаны с политическими событиями в республике. Во всяком случае, в запутанной череде событий по вытеснению турок-месхетинцев из Узбекистана (как объяснительная версия) желание показать узбекам, «кто в доме хозяин», очевидно. В Киргизии было больше свободы и несколько десятков общественных объединений. События здесь развивались медленнее. На референдуме за сохранение Союза в 1991 г. высказалось 95 % населения.

На Украине, в Белоруссии на начальном этапе перестроечных процессов этнонациональные вызовы не были поначалу радикальными. Идея независимости в публичном пространстве появились к осени 1989 г., когда было создано народное движение за перестройку (РУХ). РУХ пытался объединить этнические меньшинства. На первом же съезде создан специальный орган содействия этнокультурным обществам, принято решение в поддержку крымско-татарского народа, отдельные обращения к русскому народу. Была сделана попытка призвать не переносить на русский народ вину «за преступления империи»⁶². Позиции РУХа по этнополитическим вопросам менялись: от идеи возможной реальной федерации к конфедерации, а затем и полной независимости. В Минске народный фронт «Возрождение» проделал такой же путь. В идеологии его присутствовала и защита экологии, и осуждение сталинизма, и поддержка многочисленных художественных обществ.

Основные события, связанные с борьбой за этнонациональное доминирование, развернулись на Украине и в Белоруссии позже, но требования льгот для распространения национальных языков, пересмотр версии истории появились уже в конце 1980-х гг. Тем не менее, было очевидно, что идеи национализма на Украине существовали, и сдерживал их этнический состав населения республики. В 1990 г., когда делегацию ученых из СССР принимали в сенате США, один из сенаторов спросил: «Что будет в СССР, если о выходе заявит Украина?» Член делегации В.А. Тишков ответил: «Тогда СССР не будет»⁶³.

В самой большой республике РСФСР народный фронт образован в октябре 1989 г. В него вошло около полутора десятков региональных организаций. Но роль запевалы в демократических переустройствах отведена организации «Демократический выбор», оформившейся в декабре 1989 г. в Свердловске, в поддержку Б. Ельцина. «Демократический выбор» не был национально (русско) ориентированным объединением. Но в программе можно было увидеть позиции, которые могли быть интерпретированы как элементы государственного национализма: коммунистам России предла-

---

⁶² *Гарань О.* Убити дракона. – Киев, 1993. – С. 58.

⁶³ Передаю события как один из членов делегации по источнику, который теперь мы можем называть «из устной истории».

галось организовать самостоятельную партию, выдвигалась идея избрания российского президента, реформа национального государственного устройства. В целом в отличие от других союзных республик реформаторы в РСФСР мобилизацию осуществляли не под этническими знаменами.

Но в России было несколько течений, которые выражали идеи национализма. Симптомы использования русских патриотических настроений в политической жизни появились во время выборов народных депутатов СССР в конце зимы 1988 – весной 1989 г. На предвыборных митингах в Москве, Ленинграде, Свердловске и Нижнем Новгороде звучали призывы: «Голосуйте за (называлось конкретное лицо), он – русский человек!» К тому времени уже было ясно: путь без политизации этничности в условиях гласности и для русских станет непройденной дорогой.

Это патриотическое движение среди этнического большинства в известной мере наследовало идеологическое направление 1970-х гг., в центре интересов которого был русский язык, русская культура. На фоне хищнического отношения к эксплуатации народных богатств, морального упадка русских, который они связывали с системой, идеологи этого направления не призывали к смене руководства, а чаще обращались к нему в целях совершенствования положения русских. Типичным было обращение А. Солженицына в начале 1970-х гг. к лидерам Советского государства. Писатели-деревенщики В. Распутин, В. Астафьев обращались к аудитории с призывами обратить внимание на исчезающий уклад жизни русских людей, ценности семьи, общинной жизни. Их идеи противопоставлялись либерально-демократическим программам.

В конце 1980-х гг. обсуждение разворачивалось в журналах «Наш современник» (тираж его в 1987 г. вырос вдвое, в редколлегию входили В.П. Астафьев, В.И. Белов, Ю.Н. Бондарев, А.И. Козинцев, А.Г. Кузьмин, В.Г. Распутин, Н.Е. Шундик и др. авторы, создававшие произведения с русской тематикой), «Молодая гвардия», в газетах «Литературная Россия», «Советская Россия» и дискутировавших с ними журналах «Новый мир», «Огонек».

Принципиальными выступлениями того времени были статьи И. Клямкина «Какая улица ведет к Храму» («Новый мир», 1987 г., № 11) и А. Кузьмина «К нашему храму мы ищем дорогу» («Наш современник», 1988 г., № 3). Авторы использовали образ улицы и Храма в связи с обсуждавшимся тогда фильмом «Покаяние». Клямкин анализировал возможность пути, альтернативного пройденному за 70 лет. Кузьмин соединял проблемы русских с отношением к прошлому и западному пути развития. «Почему Храм обязательно должен воздвигаться из заморских материалов и иноземными строителями?» – вопрошал Кузьмин, призывая «услышать душу самого народа»⁶⁴. Идеи «Нашего современника» могли импонировать немалой части русских. Но важно кем и для чего они использовались?

---

⁶⁴ Наш современник. 1988. № 3. – С. 164.

К этому времени на фоне общественной активности появилось немало объединений этнокультурной и патриотической направленности – «Товарищество русских художников» (Бондарчук, Песков и др.), «Слово о полку Игореве», «Россия молодая», «Русские рыцари», «Россы», «Невская битва». Среди таких организаций была и «Память». Часть «Памяти» с Д. Васильевым концентрировала внимание на ущербности русских, обвиняя жидомасонский заговор, противопоставляя русских другим национальностям. В 1989–1990 гг. насчитывалось пять, а затем восемь течений «Памяти». В некоторых просматривались элементы фашистской идеологии.

Отношение общественности к «Памяти» не было однозначным. Выступая на V съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (1987 г.) В. Распутин говорил: «Есть люди, которым очень не нравится опаматовавшая Россия», «...я не ищу в них врагов, но жить в расформированной от патриотического сознания им было бы легче». Он выступал против проникновения массовой культуры⁶⁵.

Другую точку зрения представляли акторы демократической ориентации. Они обращали внимание на то, что русский народ руководством назывался «старшим братом», но рассматривался административно-командной системой как орудие для реализации собственных интересов. Отказ от ценностей русской культуры понадобился для того, чтобы освободить русских от своей памяти и сделать их более пригодными для осуществления командных форм управления. «На русский народ легла главная тяжесть административной системы, и его прошлое больше всего пострадало»⁶⁶, – писал Г.Х. Попов.

Необходимость осознать себя в условиях новой системы была у всех народов страны, и у русских не меньше, чем у других. Но в общественном сознании русских перестроечные идеи тогда не соединялись с национальным возрождением так тесно, как у других народов. Ведь русские были большинством, и более важным для них было снять с себя ответственность за деятельность органов власти в республиках, сохранить единое культурное пространство с русскими в республиках. Борьба за суверенитет выражалась в требовании поначалу своей Компартии, а также своей академии и даже столицы.

В развитие этих идей появлялись и такие предложения, как «ограничить пространство русских» территорией, исключаяющей часть Казахстана, республики Средней Азии. Только белорусы и украинцы не приняли идеи таких инициаторов. «Цель России – Россия!» – писал Проханов в «Нашем современнике». «Пора сбросить с себя кусающих неблагодарных соседей, вырваться из их урчащего клубка и остаться одним»⁶⁷. Конечно, это было

---

⁶⁵ *Распутин В.* Жертвовать собой для правды // Наш современник. – 1988. – № 1. – С. 171.

⁶⁶ *Попов Г.Х.* Память и «Память» // Знамя. – 1988. – № 1. – С. 192–193.

⁶⁷ *Проханов А.* Заметки консерваторов // Наш современник. – 1990. – № 1. – С. 168.

эмоциональное выражение чувств идеологов с имперским мышлением, проявлением обиды на лозунги национальных движений в Грузии, республиках Прибалтики. Но дело в том, что эти идеи четко улавливались и в самой Российской Федерации. С конца 1980-х гг. среди интеллигенции республик Поволжья, Среднего Кавказа, Якутии и Тувы внимание к идеологемам и способам действий в прибалтийских республиках уже было привлечено. Вопросы о защите родного языка, культуры, экологии, а в дальнейшем и расширения суверенитета ставились и в автономиях, прежде всего в Татарии, Якутии, Чеченской Республике. У репрессированных в прошлом народов поднимались вопросы превращения символической реабилитации в реальную. В Татарской АССР появился ВТОЦ (1988 г.), в Якутии «Саха-Омук», «Саха Кескеле».

Национализм русских тоже был далеко не однородным. Культурно-защитный (Товарищество русских художников и т. п.) – это был лишь один из его типов. Как только эти объединения вошли в Объединенный совет России (ОСР), в котором были российские патриотические, культурно-просветительские организации, клубы, общества, фронты, в том числе интеллигентские прибалтийских республик, Молдовы, они обрели этнополитический характер с идеологией защиты суверенитета, державности.

Некоторые исследователи выделяют это направление в русском национализме как имперский национализм, интерпретировавший Советский Союз как продолжение имперской истории России. Интернационализм они оправдывали необходимостью сохранения многонационального государства. Считают, что представители этого направления встречались в центральных институтах власти, среди партийной бюрократии, работников культуры, в кругах оборонной промышленности⁶⁸.

Реформаторы в Центре понимали опасность распространения идей и действий националистов. Но главным для них было восприятие обществом прошлого и перспектив на будущее. Этому посвящена XIX Всесоюзная партийная конференция (июль 1988 г.). Идеологически реформаторы ее выиграла. Но вопросов государственного устройства, распределения функций Центра и республик она не решила.

1 декабря 1988 г. принят закон «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР». Предложения, внесенные республиками Прибалтики, приняты не были. Конституционных прав на выход республики не добились. Суверенитет республик не получил новой интерпретации и на I съезде народных депутатов СССР. На специальном пленуме ЦК, посвященном национальным проблемам, М. Горбачев много говорил о необходимости реального федерализма, возвращения к ленинским традициям чуткого отношения к национальным чувствам. Но решение главных вопросов было отнесено на будущее.

---

⁶⁸ Прайслер Ф. Усиление функций русского этнонационализма. 1990 годы // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 41–42.

***

К 1990-м гг. миллионы граждан СССР осознали, что могут выражать свое собственное мнение и даже несогласие с властью. Гласность и политический процесс продемонстрировали плюрализм мнений и вынесли на поверхность радикалов. Одним из направлений радикализма стал этнополитический радикализм. В республиках Прибалтики, Закавказья, в Молдавии, Белоруссии и на Украине сформировались антиимперские настроения. Они открыто проявили себя в партийных организациях республик, получили реализацию в высших законодательных органах власти. Народно-демократические фронты поставили вопрос об отмене Статьи 6 Конституции СССР и демонтаже Союза.

Внутри союзных республик с открытым массовым национальным движением произошел раскол по этническому и этнополитическому принципу. Большинство русских были за сохранение Союза, а значит, и советской власти. Титульные национальности прибалтийских республик, Грузии, Армении в большинстве своем уже требовали переустройства Федерации или независимости.

Кардинально поменялась роль конфессий. Контроль над церковью и культовыми храмами других религий был ослаблен. Слово «Бог» начали писать с большой буквы. Принят был закон о культурах (январь 1986 г.). Общины получили право собственности на свои здания. Посещение церквей, мечетей стало открытым. Серия праздничных мероприятий прошла в связи с 1000-летием Крещения Руси (1988 г.). Люди начали крестить детей, венчаться в церкви, открыто соблюдать религиозные обряды.

Какое место заняли национальные движения и национализм в демонтаже СССР, стало окончательно ясно уже в 1990-е гг. Но многое было очевидным и в 1970-е и в особенности в 1980-е гг. – предперестроечный и перестроечный период. Опыт рассматриваемого периода показал, что переход к демократии, либерализации общества не снимает этнополитических и этнокультурных противоречий в полиэтнических обществах. Новая политическая атмосфера дает возможность высказать потребность в возможности общаться на родном языке, придерживаться традиций и верований, соблюдать обычаи предков, а если такие потребности не удовлетворяются, то сплываться в требованиях самоопределения. Преимущество демократии состоит в том, что чем ее больше, тем масштабнее становятся возможности решать противоречия законным путем, используя правовые формы. Право на самоопределение не может не вызвать ответную реакцию государства, защиту им территориальной целостности.

Чем больше используются правовые формы защиты суверенитета, тем больше возможностей избежать перерастания этнополитических противоречий в насильственный конфликт. Использование правовых форм чаще встречается в тех национальных движениях, где к руководству приходят профессионалы, знающие и готовые соблюдать законы. Сравнение развития национализмов в республиках Прибалтики и Грузии, Армении проде-

монстрировало контрасты поведения элиты общества. Все умели критиковать, но не все умели управлять.

Национальные устремления проявляются у всех народов, но этнические вызовы чаще проявляются там и тогда, когда в социальном составе контактирующих народов появляется больше сходных черт. «Чем чаще люди исходят из одних и тех же цивилизационных предпосылок, тем больше они пекутся о своей специфической идентичности и обращаются к этническим языковым и религиозным традициям», – пишет Урс Альтерматт, анализируя ситуацию в Европе⁶⁹, и в этом отношении в СССР проявились общие закономерности. Чем цивилизационнее общности, их лидеры, тем доходчивее их лозунги по стилю и языку.

В идеологемах национализма практически на всем советском пространстве ключевыми словами были экология, язык, завоевание права на собственную историю, культура, самохозяйствование и только потом, по мере этнической мобилизации масс, – суверенитет, самоопределение, независимость. Такие идеологемы существовали не только в республиках, но и в русском национализме.

При многих общих чертах национализм в 1980-е гг. был разным. В республиках Прибалтики от культурно-защитного он быстро перерос в классический. К этому виду национализма мы относим следующие представления: существуют такие общности, как этнонация, признание ее интересов как доминирующих над всеми другими интересами, обязательно, стремление к большей самостоятельности, собственной «политической крыше» – важнейший принцип. Типичный этнический национализм был в Грузии: требуя самоопределения для себя, грузины отрицали предоставление его другим национальностям республики. В Карабахе был типичный ирредентистский национализм, а в Азербайджане – территориальный и этнокультурный национализм. На Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане, Киргизии в 1980-е гг. только появились защитные идеологии. Вопрос о суверенитете на Украине, в Белоруссии поставлен позже, а в иных республиках он не стоял до 1990-х гг.

Причины национализма часто видят в ущемленности народов. Проблема «коллективной ущемленности» обсуждалась в работах Т. Терра. «Степень коллективной ущемленности группы по сравнению с другими является главным источником недовольства и причиной осознания общей заинтересованности в коллективном действии». Коллективная «ущемленность» означает «неравенство по уровню образования, благосостояния или по политическому влиянию... острота недовольства, в свою очередь, влияет на способность группы к политической мобилизации»⁷⁰.

⁶⁹ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М.: РГГУ. – 2000. – С. 217.

⁷⁰ Терра. Т.Р. Почему меньшинства восстают? // Этнос и политика. Хрестоматия. – М.: Изд-во УРАО. 2000 – С. 244–245.

Анализируя национальные движения на советском пространстве, мы можем в чем-то согласиться, а в чем-то поставить под вопрос выводы классика конфликтологии. Мы видели, что по уровню образования эстонцы, латыши, грузины никак не могли чувствовать ущемленности, он у них был таким же, как у русских, и выше, чем у других советских народов. По уровню благосостояния русские в одинаковой (городской, сельской) среде тоже не выделялись в лучшую сторону. Значит, доминантным на тот период могло быть ощущение политической ущемленности, психологическая потребность в удовлетворении чувства собственного достоинства. И в понимании значимости этих чувств мы согласимся с другим американским конфликтологом Д. Горовитцем⁷¹.

На советском пространстве в 1980-е гг. проявилась и другая закономерность. Эскалация требований, массовость движений зависит от комплекса факторов и складывающихся ситуаций, в том числе от состояния государства. Если государство дискредитировано и нелегитимно, оно не может обеспечить интересы групп, именно тогда чаще возникают этнополитические конфликты.

В чем проявились непривлекательные стороны национализмов? Этнические вызовы переключали внимание общественности с реформаторских изменений. Это переключение было антипродуктивным не только для союзного государства, но и для республик. Нередко элиты оправдывали свое правление языком этнических устремлений.

Этнизация политики приводит к неполноценной демократии, так называемой демократии большинства (Эстония, Латвия). Добиваясь свободы для себя, государства, построенные на этнической идеологии, не предоставляют гарантий меньшинствам. Наконец, если национализм приводит к разделу государства, сецессии, возможна цепная реакция или выдвигание требований расширения автономии.

Этнополитические движения становятся массовыми, только если вместе с интеллигенцией в них участвуют средние слои населения, но выигрывает от этого прежде всего этническая номенклатура, используя национализм как средство конкуренции с другими этническими группами.

---

⁷¹ Горовиц Д. Теория межэтнического конфликта // Этнос и политика. Хрестоматия. – С. 233.

В.А. Тишков

Глава 8

Этнополитика в истории постсоветской России

Современный период развития нашей страны – один из самых драматичных в истории российского государства и его народа. Речь идет о времени с начала горбачевских реформ во второй половине 1980-х гг., распаде СССР и постсоветском развитии новой Российской Федерации. Вместе это составляет четверть века. Это солидный отрезок исторического времени, когда значительная часть современного населения страны – граждане, родившиеся уже после распада СССР и об этом, казалось бы, недавнем прошлом, личной памятью не обладающие. Носителями советской исторической памяти остается ныне живущее взрослое поколение, но и среди этой части населения проходит разлом по вопросу о том, как относиться к советскому периоду. Одним кажется, что это были «лучшие годы нашей жизни», другие с содроганием вспоминают преступления сталинизма и жестокою несвободу при тотальном дефиците товаров и услуг периода правления Брежнева и других генсеков компартии.

В последние годы ментальные разломы среди россиян дополнились линией на жесткое отторжение каждой новой правящей элитой того, что сделали их предшественники, даже если сами новые власть имущие были активными деятелями предыдущих правительств. Так, недавно родился образ «хаоса 90-х годов», «кровавых девяностых». Цель этого образа – еще более возвысить бесспорно позитивные перемены в жизни страны после 2000 г. Но плохо, что общество, включая политический класс, не обладает культурой преемственного мышления и пестует в себе нетерпимость и даже ненависть к тем, кто был до этого у власти. А это, в свою очередь, порождает ненависть и к действующей власти среди тех, кто желает прийти ей на смену или уже покинул властные позиции. В этой политико-идеологической сумятице и отсутствии культуры преемственности особая ответственность выпадает на тех, кто является профессиональными производителями знания о прошлом, т. е. на историков. Именно историки обладают необходимой подготовкой в изучении широких исторических пластов и горизонтов, обучены методам обращения к первоисточникам, обладают необходимыми навыками проведения проверочных процедур и используют профессиональные критерии достоверного толкования про-

шлого. При всем разнообразии мнений и даже ожесточенных дискуссиях, в профессиональном сообществе должен быть необходимый консенсус по поводу того, что есть достоверное в прошлом и что есть вымысел или заблуждение.

Однако с изучением современного периода истории есть дополнительные трудности, которые делают это занятие не менее сложным, чем изучение античных времен или истории Древней Руси. Во-первых, историописание еще не оторвалось от живой исторической памяти, и эта память, включая личный опыт самого исследователя, противоречиво влияет на воссоздание наиболее достоверного и полного исторического полотна. С одной стороны, свидетель или даже прямой участник событий помнит, что происходило, но, с другой стороны, он помнит только то, что происходило именно с ним. Его память связана с эмоциями и пристрастиями, которых не лишен каждый человек. Во-вторых, современная история в большей степени связана с текущим политическим процессом, и всегда есть искушение со стороны власти «подправить историю» в выгодном русле, а у части историков – желание подстроиться под властные ожидания.

Наконец, по сюжетам новейшей истории, т. е. недавно прожитого, в каждом обществе продолжаются дебаты вокруг результатов перемен и реформ, сути происходящих процессов, роли политиков, партий и институтов. Недавнее прошлое – это то, что общество еще само помнит без услуг историков, помнит и использует в политике или как средство консолидации, или как средство раздора и обличения, а чаще всего оно бывает востребовано элитой в прагматичных целях победы на выборах и прихода к власти.

В изучении новейшей истории есть еще одно затруднительное обстоятельство – это налагаемые государством и частными акторами ограничения на обнародование архивных документальных источников, а также сугубо личностная мотивация в трактовке событий авторами разных воспоминаний и рассказчиками, которые не являются профессиональными историками. То, как современное общество воспринимает и использует прошлое, я называю *новой исторической культурой*¹. «Новая» потому, что есть некоторые явления, которых никогда не было в предыдущие эпохи, особенно по части мобилизации и трансляции прошлого в политических целях. Поэтому центральным моментом новой исторической культуры является так называемая *историческая политика*, т. е. политически обусловленное конструирование прошлого².

По поводу новейшей истории России можно сказать: мало документов и много воспоминаний! Однако в последнее время по инициативе известного политика эпохи раннего Ельцина С.М. Шахрая в России создан об-

¹ По этой теме см.: *Тишков В.А.* Новая историческая культура. – Воронеж, 2010.

² См.: *Историческая политика в XXI веке.* Сб. статей. Под ред. А. Миллера и М. Липман. – М.: НЛЮ, 2012.

щественный Фонд современной истории, который подготовил ряд солидных документальных публикаций по новейшей истории³ прежде всего по периоду, когда сам Шахрай был одной из ключевых фигур в таких исторических деяниях, как распад СССР и образование новой федерации, включая выработку Конституции 1993 года. Большую ценность представляет изданная в 1990-е гг. под редакцией М.Н. Губогло документальная серия «Национальные движения в СССР и в Российской Федерации», которая посвящена именно этнополитическим событиям рассматриваемой эпохи⁴.

Данная глава посвящена только одной стороне общественно-исторического процесса за последние 25 лет. Речь идет о том, что более привычно длительное время в нашей науке и практике называлось «национальным вопросом» и «национальной политикой». Суть этих проблем составляют вопросы состояния и развития этнического разнообразия населения страны (многонационального народа), системы государственной организации и управления в условиях многонациональности, учет и отправление прав, запросов и интересов граждан и этнических общностей, связанных с сохранением их культуры, традиций, языка в условиях единой страны, разного типа расселения и условий проживания. Наконец, сюда же входят проблемы межэтнических отношений, включая конфликты, а также усилия государства и общества по их предотвращению или разрешению. К этой же сфере в последние 15 лет, начиная с этнополитического конфликта в Чечне, добавились вопросы вооруженного этнического сепаратизма, религиозного фундаментализма и терроризма, которые почти всегда задействуют в программы и лозунги-призывы этнической и религиозный факторы. Этнический и расовый аспекты заключают в себе и такие явления российской жизни, как ксенофобия и экстремизм, направленные главным образом против иностранцев, но также и против собственных граждан или наших недавних соотечественников – выходцев из регионов Южного Кавказа и Средней Азии. В понятие национальной политики в ее традиционном понимании входят также разработка и реализация конституционно-правовых норм, деятельность специализированных институтов государственного управления разного уровня, государственные программы и проекты в области развития, сохранения культуры и языка, просвещение и информация, общественные движения и организации этнокультурного направления, мониторинг и прикладные научные исследования.

---

³ История современной России. Документы и материалы (1985–1999). Под общей редакцией С.М. Шахрая и А.А. Клипаса. В 2 ч. – М.: МГУ, 2011; *Шахрай С.М.* «Признать соответствующим Конституции...». Документы, стенограммы выступлений, решения. – М.: Олма Медиа Групп, 2011.

⁴ Перечень публикаций см.: *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. – М.: Наука, 2003. – С. 751–755.

В этой главе мы рассмотрим этнический фактор в новейшей истории российской государственности с момента распада СССР в 1991 году, образования Российской Федерации и последующего развития вплоть до начала работы действующей Администрации Президента Российской Федерации В.В. Путина. Помимо доктринальной и государственно-правовой сфер общественной жизни, анализируются некоторые аспекты политики в отношении коренных малочисленных народов, языковая ситуация и языковая политика, а также вопросы межэтнической напряженности и конфликтов, за исключением вооруженного конфликта в Чечне, который требует отдельного рассмотрения⁵.

§ 1. Кризис советского федерализма

СССР был одним из самых крупных многоэтнических государств мира, в котором фактически все нерусские этнические общности (они назывались по-разному: «народы», «нации», «народности», «национальности») имели автономные образования разного уровня, т. н. национально-государственные образования, а все административное устройство страны называлось «национально-государственное устройство СССР». Известная «советская матрешка» (союзные и автономные республики, автономные области и округа и даже национальные сельские советы в 1920-е гг.) возникла еще в первые десятилетия существования СССР и с некоторыми изменениями просуществовала до его распада. Эта система основывалась на территориальной и государственно-политической нагрузке этнического фактора. Чего только стоило правовое понятие «территория своей национальной государственности», применявшееся внутри страны по отношению к гражданам той или иной национальности. Советская национальная политика была не столько политикой государствовоительства на основе гражданской общности, сколько политикой развития и сближения социалистических наций на основе формул интернационализма и дружбы народов. У этой пропагандистской и умозрительной политики, помимо позитивных результатов, были свои серьезные риски по части спонсирования не только «национальных форм и социалистических по содержанию» культур и институтов, но и по части подпитки этнического национализма, включая потенциальные изоляционизм и сепаратизм.

---

⁵ Об этнополитической составляющей конфликта в Чечне см.: *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. Второе исправл. издание. – М.: Наука, 2003. Издание на англ. яз.: *Valery Tishkov.* Chechnya. Life in a War-Torn Society. – Berkeley: University of California Press, 2004.

В СССР до начала либерализации положение спасали жесткий идеологический диктат и репрессивный партийно-политический режим, а также идеология советского патриотизма и концепция советского народа. Последний был более чем реальностью, несмотря на претенциозную квалификацию его как «новый тип исторической общности людей». Советский народ представлял собой историческое продолжение российского (русского в широком смысле этого слова) народа, который существовал несколько веков, несмотря на утрату части территорий государства в 1917 г. и приобретение новых территорий в 1940 г. После упразднения в 1923 г. специализированного ведомства – Народного комиссариата по делам национальностей весь комплекс проблем в данной области государственной и общественной жизни находился в компетенции партийных органов, Совета национальностей Верховного Совета СССР, министерств культуры и образования и комитетов (теле- и радиовещания), а также правительств республик, автономных областей и округов. Только при М.С. Горбачеве в 1987 г. в аппарате ЦК КПСС был создан Отдел межнациональных отношений во главе с В.А. Михайловым, который стал решать вопросы все более обострившихся отношений по линии «центр–периферия» и пытался урегулировать некоторые острые конфликтные ситуации в этнической сфере (события в Алма-Ате, Ташкенте, Тбилиси, Баку, Сумгаите, Вильнюсе и др.). С эпохи либерализации политической системы начинается новейшая история национального вопроса в нашей стране. Отметим, что грандиозная геополитическая коллизия, произошедшая в период правления М.С. Горбачева, а именно распад СССР, была только частично связана с «национальным вопросом», а тем более – с его нерешенностью⁶.

Советское наследие в данной области имело противоречивые результаты. Наряду с жестокими массовыми репрессиями, в том числе насильственными депортациями народов с мест их проживания, а также централизаторско-ассимиляторскими тенденциями в пользу доминирующей русскоязычной культурной традиции, в советской национальной политике были позитивные тенденции поддержки и развития малых культур и языков, продвижения в разные сферы жизни, включая органы управления, представителей разных национальностей. В отличие от царской России, которую иногда называли «тюрьмой народов», Советский Союз стал своего рода колыбелью многих наций⁷. В ходе так называемого национально-го-

---

⁶ Подр. см.: *Тишков В.А.* Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: Национальный вопрос и распад Советского Союза. Под ред. Г.Н. Севостьянова. – М.: Соц.-полит. мысль, 2005.

⁷ Помимо предыдущих глав данного труда, по этому вопросу существует обширная литература, в том числе переведенные в последние годы на русский язык лучшие работы иностранных авторов. См., напр., книги, изданные издательствами РОССПЭН в серии «История сталинизма» и «Новое литературное обозрение» в серии «Historia Rossica»: *Юрий Слезкин.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. – М.: НЛЮ, 2008; *Истер Дж.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация

сударственного строительства в 1920-е – 1930-е гг. эти «социалистические нации» консолидировались (точнее – оформилась и утвердилась общая идентичность, или самосознание, представления о существовании нации) на разнородной кланово-племенной основе вокруг «собственной государственности». В послевоенные десятилетия они обрели необходимые институты для «национального самоопределения вплоть до отделения» (территория, экономика, конституции, представительные органы власти, профессиональная культура и наука, полная система образования и т. д.).

Ослабление политико-идеологического диктата центра, растущая хозяйственная самостоятельность, открытие советского общества для внешнего мира и внешние воздействия не столько в пользу демократизации СССР, сколько в пользу его раздела по этнонациональным границам были однозначно прочитаны частью националистически настроенной интеллигенции и республиканскими бюрократиями как возможность осуществления самоопределения через сецессию. Общим лозунгом для всех этих программ была демократизация и децентрализация – цели, которые внешне вполне совпадали с целями горбачевской реформы. Однако националистическая политика со стороны периферии носила не всегда открытый, поэтапный характер: хозяйственный расчет – суверенизация – новые договорные отношения – независимость. Эта поэтапность оказалась реализованной из-за грубых ошибок центральной власти и конфликта властной элиты в самом центре. Сыграли свою роль и внешние факторы поддержки дезинтеграционных сил внутри самого СССР. Слишком многие на Западе и на Востоке желали распада СССР гораздо больше, чем распада Югославии, хотя среди многих ученых преобладает мнение, что большие державы не хотели распада ядерной сверхдержавы из-за угрозы глобальной дестабилизации.

Еще до своей дезинтеграции центральная власть столкнулась с острыми кризисами в некоторых союзных республиках, вызванными радикально-националистическими силами, а также с рядом открытых этнических конфликтов, которые Кремль пытался решить в основном мирными средствами. Не получили адекватной реакции первые проявления этнических погромов и иных форм насилия в Сумгаите, Фергане, Оше и в других местах. Ни Верховный Совет, ни сам Горбачев не смогли принудить к согласию враждующие стороны в Карабахском конфликте. Использование армии против массовых выступлений в Литве, Грузии и Азербайджане дало про-

---

элиты в Советской России. – М.: РОССПЭН, 2010; Государство наций. Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. Под ред. Р. Суни и Т. Мартина. – М.: РОССПЭН, 2011; *Терри Мартин*. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. – М.: РОССПЭН, 2011; *Кадью Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. – М.: НЛЮ, 2010. Из российских авторов отметим книги Д.А. Аманжоловой (Киселевой), Н.Ф. Бугая, Т.Ю. Красовицкой, А.П. Ненарокова, П.М. Поляна и других, а также многочисленные работы советских этнографов и социологов, в которых почти всегда содержатся обстоятельные исторические очерки.

тивоположные результаты, а именно дискредитацию власти Кремля и мобилизацию радикально-националистических сил и сторонников выхода союзных республик из состава СССР.

Перестроечный период обозначил проблемы, с которыми встретился СССР в ситуации кризиса элит, их борьбы за власть и взрывного роста этнонационализма, включая его крайнюю форму – сепаратизм. Прежние формулы интернационализма, дружбы народов и единого советского народа как новой исторической общности людей дали сбой. Они не удовлетворяли потребности быстро меняющейся страны, включая ее идеологическую составляющую, воплощенную в концепте «национального освобождения» и «национального самоопределения». А.И. Солженицын в своих «посильных соображениях» так образно описал ситуацию, а точнее выразил свое достаточно спорное видение «национальных проблем» (он это обозвал «национальным изводом») в СССР: «Сегодня видится так, что мирней и открытой для будущего: кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так и разойтись. И именно при этом всеместном национальном изводе, заслоняющем нам остальную жизнь, хоть пропади она при этой страсти, от которой сегодня мало, кто в нашей стране свободен.

Увы, многие мы знаем, что в коммунальной квартире порой и жить не хочется. Вот – так сейчас у нас накалено и с нациями.

Да уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови – да и не надо удерживать такой ценой! Как у нас все теперь поколесилось – так все равно «Советский Социалистический» развалится, все равно! – и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только поворачиваться проворней, чтоб упредить беды, чтобы раскол прошел без лишних страданий людских, и только тот, который уже действительно неизбежен». И дальше писатель рисует свой сценарий распада: одиннадцать республик (три прибалтийских, три закавказских, четыре среднеазиатских и Молдавия) «непременно и бесповоротно будут отделены». Казахстан может отделиться только «южной дугой областей», где казахи составляют большинство населения. «И вот за вычетом этих двенадцати – только и останется то, что можно назвать Р у с ь, как называли издавна (слово «русский» веками обнимало малороссов, великороссов и белорусов), или – Россия (название с XVIII века) или, по верному смыслу теперь: Российский Союз». «Нет у нас сил на окраины», «нет у нас сил на Империю!»⁸ – заявил один из властителей дум российского общества.

Эту позицию явно не разделяла как центральная власть, так и большая часть граждан страны (опросы и референдум 1991 г. подтверждают это), хотя большинство населения ряда союзных республик (Прибалтика, Гру-

---

⁸ *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. – Л.: Советский писатель. 1990.

зия, Азербайджан) было настроено на выход из СССР. Горбачевское руководство пыталось разрулить ситуацию типичными съездовскими решениями и использованием против собственных граждан необученной для этих целей армии. Осторожный поворот от ранее проводимой политики в области национальных и федеративных отношений был сделан на XIX Всесоюзной партконференции 1988 г. Конференция повторила прежние партийные установки. В докладе Горбачева говорилось, что «Союз выдержал проверку временем» и что ведущей тенденцией в формуле «расцвет и сближение наций» является сближение социалистических наций, цементирующее новую историческую общность «советский народ». В то же время отмечено, что «сближение наций» не означает их слияния. В специальную резолюцию «О межнациональных отношениях» было включено положение о необходимости расширения прав союзных и автономных республик, законодательного разграничения компетенции СССР и союзных республик, ограничения вопросов в ведении СССР, а также об «образовании специального государственного органа по делам национальностей и национальных отношений»⁹.

К попыткам найти «национальный ответ» можно также отнести проведение специального Пленума ЦК КПСС в 1989 г., посвященного вопросам межнациональных отношений. Обсуждались эти вопросы и на XXVIII съезде КПСС в 1990 г. На пленуме принят документ – платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». В нем опять речь шла о «последовательном отстаивании принципа национального самоопределения», правда, уже через «обновленную федерацию» и «удовлетворение многообразных потребностей всех советских наций». Один из принципов «полнокровной советской федерации» был сформулирован довольно издевательски: «экономическое содержание самоопределения и суверенитета в современных условиях находит выражение в переходе республик на хозрасчет и самофинансирование»¹⁰. На съезде партии проблема межнациональных отношений обсуждалась на одной из секций и затем на пленарном заседании. В резолюции съезда по проблемам межнациональных отношений вместо обычной фразы об укреплении дружбы народов и воспитании трудящихся в духе интернационализма и советского патриотизма целью национальной политики определялось «всяческое содействие и создание условий для свободного развития и обеспечения прав граждан, принадлежащих к национально-культурным общностям»¹¹. Эта принципиальная переформулировка цели сделана автором главы, который был в составе рабочей группы по выработке данной резолюции. Важно

---

⁹ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. В 2 т. – М.: Политиздат, 1988. Т. 1. – С. 66–67; Т. 2. – С. 157–158.

¹⁰ Правда. – 1989. – 24 сентября.

¹¹ Резолюция XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1990. – С. 18–22.

также, что в резолюции термин «нация» не использовался в его этническом смысле, что открывало перспективу для наполнения его обновленным гражданско-политическим смыслом. Но в выступлениях делегатов съезда и внутри самой партии все больше возобладали этнонационалистические взгляды на ситуацию в стране и на ее будущее. Коммунистам республиканских организаций, не говоря уже о мощных общественных движениях, все больше хотелось «полнокровного национального самоопределения» (выражение Б.Н. Ельцина)¹².

В переломные 1989–1990 гг. власть от КПСС фактически перешла к выбранному на альтернативной основе законодательному органу власти в лице Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, за которым владеть центром в очередь встало руководство РСФСР. Союзный парламент принял ряд законов о государственном устройстве. Но среди них не было ни одного по национальному вопросу, хотя депутатский корпус достаточно справедливо отражал этнический состав населения страны, а сам ход дискуссий напоминал не парламент единого государства, а некую «ассамблею наций»¹³, лоббировавших исключительно свои этнические или региональные проблемы. Однако один принятый союзный закон остался на совести тогдашних депутатов и правовиков-разработчиков. Это Закон СССР от 26 апреля 1990 г. «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР». Его замысел состоял в том, чтобы защитить так называемое некоренное население, проживающее в союзных и автономных республиках СССР, а также некоторые группы меньшинств в других регионах. Уже тогда дискриминации, открытому насилию и даже изгнанию (т. н. этнической чистке) подвергся целый ряд этнических меньшинств: месхетинские турки в Узбекистане, азербайджанцы в Армении, армяне в Азербайджане, юго-осетины и абхазы в Грузии, гагаузы в Молдавии, карпаторусины на Украине, русские в республиках Прибалтики, Средней Азии и Закавказья. Тем не менее, сам по себе факт признания названием закона и его идеологией наличия этнической государственности и неравного гражданского состояния советских людей в зависимости от территории их проживания в собственной стране имел потенциально разрушительное воздействие. Советские специалисты по праву даже не заметили этот правовой анахронизм.

Союзный центр в национальном вопросе старался проводить политику уговаривания и резонов в пользу сохранения общей страны. М.С. Горбачев

---

¹² См.: *Тишков В.А.* Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти) // Советская этнография. – 1991. – № 6; *Он же.* Национальность – коммунист? (этнополитический анализ КПСС) // Полис. – 1991. – № 2.

¹³ См.: *Тишков В.А.* Ассамблея наций или союзный парламент? (этнополитический анализ состава Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР) // Советская этнография. – 1990. – № 3.

и его окружение было деморализовано неудачным и даже трагическим исходом силовых разгонов массовых антиправительственных выступлений в Тбилиси, Баку, Вильнюсе. Опубликованные позднее командой Горбачева документы «Союз можно было сохранить»¹⁴, а также одна из первых подборок документов по истории распада российского государства¹⁵ подтверждают эти искренние, но малорезультативные усилия. Верховный Совет РСФСР, возглавляемый Б.Н. Ельциным, действовал более напористо. В условиях мощного сепаратистского давления республик Прибалтики, Закавказья, Украины вопрос о судьбе государства в огромной степени зависел от позиции России. Вокруг Ельцина сложилась группа советников по данному вопросу (Г.В. Старовойтова, С.Н. Станкевич, Ю.Н. Афанасьев, Р.Г. Абдулатипов), которые исходили из концепта безоговорочного признания права наций на самоопределение вплоть до отделения, понимая под нациями не гражданские, территориальные, а этнические сообщества. В идеале им представлялось переустройство СССР в форме «союза государств» как неизбежного и даже исторически закономерного процесса упразднения «советской империи». Отражением этой концепции стал разработанный под руководством А.Д. Сахарова и Г.В. Старовойтовой проект конституции «Соединенных государств Европы и Азии», который предусматривал создание на месте СССР более 50 суверенных этнотерриториальных образований («национальных государств» в их советском понимании). За основу деления страны было взято так называемое национально-государственное устройство СССР, представлявшее из себя матрешку союзных и автономных республик, автономных областей и округов.

В этой драматической ситуации Россия во главе с Ельциным стала фактическим вершителем бурно развивающихся процессов. Верховный Совет РСФСР начиная с принятия Декларации о государственном суверенитете стал жестко ставить перед союзным Центром свои условия и требования, объявив о приоритете законов РСФСР над законами СССР. Выступая в мае 1990 г. на I съезде народных депутатов РСФСР, Б.Н. Ельцин потребовал «полнокровного суверенитета»: «Многолетняя имперская политика центра привела к неопределенности нынешнего положения союзных республик, к неясности их прав, обязанностей и ответственности». Больше всего от старой системы страдает Россия, и она должна принять собственную конституцию как суверенное демократическое правовое государство и построить свои отношения с другими республиками на договорной основе. Этот принцип суверенности должен был быть распространен и на субъекты Российской Федерации, которыми должны стать как националь-

---

¹⁴ Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е перераб. и доп. изд. – М.: АСТ, 2007.

¹⁵ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / Сост. А.П. Ненароков и др. – М.: Терра, 1992.

но-автономные, так и территориально-экономические образования¹⁶. На этом же заседании М.С. Горбачев выступил против «суверенитета, доведенного до абсурда» и сказал, что «без России Союз вообще немыслим»: «Если какая-то республика выйдет, используя конституционное право, союз испытает ущемление, мы все это болезненно переживем. Много будет проблем, в этом нет сомнения. А если Россия реализует – как в шутку было сказано товарищем Распутиным на Первом съезде народных депутатов СССР – свое право выхода из Советского Союза? Тогда – все: Советского Союза нет. Вот она, особенность России». Горбачев призывал попробовать пожить в настоящей федерации, ибо до сих пор в истории был реализован принцип «унитарного государства в многонациональной стране, в том числе и в Российской Федерации. Будем, россияне, самокритичны»¹⁷, – взывал первый и последний президент СССР.

Следует признать, что в тот критический момент истории борьба шла даже не столько вокруг проблем экономики или демократии, а вокруг выбора новой парадигмы федеративной и этнонациональной политики. Становилось очевидным, что в СССР рука об руку с экономическим, политическим, идеологическим кризисом идет кризис национально-государственной и гражданской идентичности. Во взаимосвязи с кризисом гражданской идентичности начался бурный процесс мобилизации этничности. Этнический национализм, нередко в его самых радикальных формах, стал определять характер движения бывших советских республик к новой государственности, включая РСФСР. Усугубляло ситуацию в России и то, что в ней этническая мобилизация была многовекторной: в одних случаях в автономных образованиях шло движение за выход из состава Федерации, в других – за изменение своего политического статуса. Началась также этническая мобилизация и русского народа, но под лозунгом: «Один государствообразующий народ – одно государство».

Сложности, с которыми столкнулись союзные республики СССР, имевшие в своем составе автономные образования (РСФСР, Грузия, Азербайджан, Украина, Таджикистан), мощные сепаратистские движения в Югославии и Чехословакии – все это, вместе взятое, не могло не поставить под сомнение вопрос об устойчивости федераций, построенных на этнической основе. Кризис национально-исторической идентичности дополнился кризисом существующей формы государственного устройства России как этнической Федерации. Перед новыми политическими силами России встала задача дать ответы на эти вопросы, найти правовые механизмы разрешения конфликтов. Первой в этом ряду стояла задача реформирования старой модели федерализма, унаследованной Россией от СССР. Отсюда было понятно заявление Б. Ельцина в сентябре 1990 г. на сессии

---

¹⁶ Известия. – 1990. – 25 мая.

¹⁷ Советская Россия. – 1990. – 25 мая.

Верховного Совета РСФСР: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Это было вызвано борьбой с Союзным центром за автономию РСФСР, а также личной борьбой Ельцина с Горбачевым за власть в Кремле. Этот маневр, возможно, сгладил внутривосточное противостояние на Северном Кавказе, в Татарстане, Башкирии. Но заявление о неограниченном суверенитете стало вдохновляющим моментом в эскалации этносепаратизма внутри самой России.

В отличие от СССР, в РСФСР была сформирована уже в 1990 г. достаточно действенная структура управления этнонациональными процессами. В составе Верховного Совета РСФСР была образована новая палата – Совет Национальностей. В марте того же года в структуре российского правительства был создан Государственный комитет РСФСР по вопросам национальностей (переименован в декабре 1991 г. в Государственный комитет Российской Федерации по национальной политике) – Госкомнац РФ¹⁸. В органах исполнительной и законодательной власти регионов РСФСР также формировались структуры, занимавшиеся вопросами этнонационального развития. Молодая российская политика спешила доказать, как надо действовать в условиях демократии и гражданского равноправия. В этом на первых порах достаточно преуспел Верховный Совет РСФСР, в том числе Совет Национальностей, в состав которого вошло большое число амбициозных политиков, а также ряд активистов радикальных националистических движений. Именно тогда, в апреле 1992 г., принят закон «О реабилитации репрессированных народов», который исходил из демократических порывов и насущных нужд незавершенной реабилитации, но по своей идеологии был ущербным и конфликтогенным. Его субъектом были не граждане, непосредственно пострадавшие от репрессий, а коллективные общности под названием «репрессированные народы», в отношении которых должна была быть восстановлена «историческая справедливость». Закон ставил нереализуемую цель «примирить прошлое» за счет новых несправедливостей и территориальных манипуляций, никак не учитывающих социальный статус современных граждан, который во многих

---

¹⁸ В январе 1994 г. Госкомнац РФ преобразован в Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (Миннац РФ), полное наименование которого менялось несколько раз: Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (январь 1994 – июль 1995 гг.), Министерство Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям (июль 1995 – май 1998 гг.), Министерство региональной и национальной политики Российской Федерации (май 1998 – сентябрь 1998 гг.), Министерство Российской Федерации по делам национальностей (сентябрь 1998 – июнь 1999 гг.), Министерство Российской Федерации по делам федерации и национальностей (июнь 1999 – январь 2000 гг.), Министерство Российской Федерации по делам федерации, национальностей и миграционной политики (май 2000 – октябрь 2001 гг.). В 2001 г. Миннац упразднен. С декабря 2001 по март 2004 г. министром («без портфеля») по вопросам межнациональных отношений был В.Ю. Зорин. В 2004 г. вопросы межнациональных отношений переданы в Министерство регионального развития Российской Федерации, в котором образован специальный департамент.

случаях среди представителей репрессированных народов был не ниже, а в ряде аспектов (жилье, материальный доход, образование) даже выше, чем в целом по стране или у других групп местного населения. Закон не учитывал изменившуюся за послевоенные десятилетия демографическую, экономическую и политическую ситуацию на местах, не говоря о реальных возможностях государства осуществить материальные компенсации.

30 мая 1991 г. Верховным Советом РСФСР внесены изменения и дополнения в Конституцию РСФСР. В соответствии с ними понятие «автономные республики» упразднено и заменено на «республики в составе РСФСР». По старой советской инерции этническим активистам и политикам не нравилось само слово «автономия» и больше грело душу слово «суверенитет». Напомню, что автономные республики, области и округа были по статусу ниже союзных республик и даже не считались «национально-государственными образованиями». Делегаты заняли более активную позицию в решении острых национальных проблем на территории Союза. Было сделано заявление Съезда народных депутатов об обстановке в Азербайджане и Армении. Съезд народных депутатов РСФСР предложил Президенту СССР М.С. Горбачеву принять меры, исключающие использование вооруженных сил и внутренних войск МВД в урегулировании конфликтов. В июне 1991 г. сформирована рабочая группа Верховного Совета РСФСР по подготовке нормативных актов о политической реабилитации насильственно депортированных народов. Аналогичная группа создана по реабилитации казачества. В комитетах и комиссиях Верховного Совета РСФСР разрабатывался проект закона «О языках народов РСФСР». С 25 декабря 1991 г. РСФСР стала именоваться Российской Федерацией. Смысл нового названия означал отказ от двух идеологем: «советский» и «социалистический», но сохранял форму государственного устройства – федерацию.

§ 2. Рождение новой федерации и ее Конституции

Вопрос федерации, взаимоотношений Центра с регионами, и прежде всего с республиками, оставался коренным и самым сложным. Смысловым содержанием советского федерализма, его главным назначением было решение национального вопроса. Федерализация России шла не по территориальному, а по этническому принципу. Создавались образования разной формы (автономные республики, автономные области, национальные округа, районы, поселки) для нерусских народов. Федерализм, по сути, относился к сфере национально-государственного устройства (во всех конституциях СССР и РСФСР неизменно присутствовал такой раздел). Что же

касается других регионов, в основном населенных русскими, они оставались вне сферы федеративных отношений. А если учесть, что автономные образования были тоже многонациональными и за их пределами проживало не менее половины представителей «титულных наций», то решение национального вопроса способом, предложенным еще первой Конституцией РСФСР 1918 г., вело в тупик. Требовалась трансформация квазифедеративной РСФСР в реальную федерацию. Для этого был нужен новый прорыв в теории нации и федерализма.

В 1990 г. автором этой главы опубликована в газете «Правда» статья, в которой подвергался сомнению сам принцип построения государства и его внутреннего устройства на этнической основе. Высказывалась мысль, что в условиях развития демократии и стремления к суверенитету советские республики в этом смысле не могут категоризироваться как «национальные (читай – этнонациональные) государства», как это было определено Конституцией СССР 1977 года и поддерживалось «центральными» теоретиками, а также интеллектуальной и политической элитой «коренных наций»¹⁹. Это была первая попытка провести в официальном документе мысль, что права гражданина выше прав нации. Еще ранее в выступлении на XXVIII съезде КПСС нами было сказано о вмонтированном в общественное сознание и в государственно-правовую практику страны доктринальном этнонационализме, который «проявился в объявлении одних народов нациями, других – народностями и национальными группами, в создании иерархии национальных государственных образований с центром, через который насаждался русскоязычный официоз, в дележе народов на коренные и некоренные со своей и не своей государственностью, в государственной фиксации национальной принадлежности граждан, причем только по одному из родителей...»²⁰

На Съезде народных депутатов РСФСР было предложено подготовить Федеративный договор на принципах демократии и равноправия субъектов Федерации. Федеративный договор подготовлен и подписан в Кремле 31 марта 1992 года полномочными делегациями всех субъектов Федерации (кроме Татарстана и Чечено-Ингушетии), а Башкирия подписала его особым протоколом – приложением. Принятый документ означал шаг вперед в упорядочении государственного устройства России уже одним тем, что впервые обозначил составные части Федерации – ее субъекты, хотя и нес в себе «мины замедленного действия», в частности неравноправие субъектов Федерации. Сразу бросалась в глаза «суверенность» республик, а также отсутствие констатации для других субъектов, что они находятся в составе Российской Федерации. Тем не менее, подписание Федеративного договора сняло нарастающее напряжение внутри государства.

¹⁹ Тишков В.А. Тупики национальной государственности // Правда. – 1990. – 4 сентября.

²⁰ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Заседание секции «Национальная политика КПСС». Бюллетень для делегатов съезда. – М., 1990. – С. 30.

Вариант договора с республиками имел отношение к выработке доктринальных основ национальной политики, он как бы вводил в правовое русло то «низовое» творчество, которое отразилось в текстах деклараций о суверенитете, принятых в республиках, где, наряду с полезными новациями, были записаны формулировки, противоречащие действовавшей Конституции. Федеративный договор вводил само понятие «договоренности» и важный принцип делегирования властных полномочий, а также их совместного пользования, тем самым признавал важнейшую основу любой, а тем более федеративной государственности, что власть рождается снизу в результате общественного договора. В равной мере немаловажен был факт подтверждения более высокого статуса республик по сравнению с другими субъектами Федерации: республики – это национально-государственные образования в отличие от других двух типов субъектов Федерации – административно-территориальных (краев и областей) и национально-территориальных (округов). Это была вынужденная уступка этническому национализму, который прочно держался идеи «этнической государственности». При всей его противоречивости, Федеративный договор заложил основу для будущей Конституции России.

В этот промежуток времени особую печать на этнополитические процессы накладывала острая борьба между новым руководством страны и оппозицией, а также различными политическими группировками во властных структурах. В этой борьбе национальный вопрос зачастую был предметом спекуляций и манипуляций. Центром антиельцинской оппозиции в 1993 г. стал Верховный Совет Российской Федерации. Верховный Совет занялся в основном подготовкой законодательных актов, ограничивающих права и прерогативы Президента. Остальные вопросы отошли на задний план, хотя были приняты два важных закона: «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах». В законах сформулированы права и обязанности этих лиц, формы их защиты и помощи²¹. 1 июля 1993 г. сделано заявление Совета Национальностей в связи с ситуацией в Чеченской Республике, где захвативший власть генерал Д. Дудаев применил силу в отношении оппозиции, на которую в Москве делали ставку²². В июле 1993 г. приняты постановления Совета Национальностей Верховного Совета РФ «О ходе урегулирования ингушко-осетинского конфликта» и «О социально-экономическом положении Ингушской Республики». Депутаты отмечали, что проблема не решается, вооруженные формирования не распускаются, не осуществляется изъятие оружия у населения. В качестве одной из мер предлагалось активнее опираться на традиционные для Кавказа формы примирения, в частности, институт старейшин. В это же время принят закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР

---

²¹ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1993. – № 12. – Ст. 425–428.

²² Там же. – 1993. – № 26. – Ст. 987.

«О реабилитации репрессированных народов»». Он определял компенсационные выплаты и ущерб, понесенный репрессированными народами. В качестве конкретных законодательных актов приняты постановления Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев», «О мерах по государственной поддержке экономического и социального развития Карачаево-Черкесской Республики», «О социально-экономической поддержке балкарского народа», «О реабилитации российских финнов». Однако с осени 1993 г. фактически вся законодательная работа по национальной проблематике в Верховном Совете Российской Федерации завершилась. Началось противостояние с Президентом, в результате которого Верховный Совет был разогнан силой оружия и прекратил свое существование. Оценка этого противоречивого действия не входит в задачи автора главы.

В условиях жесткого противоборства двух ветвей власти национальные вопросы, по сути, стали прерогативой Президента и его Администрации. В государственно-правовом управлении, возглавляемом С.М. Шахраем, формулировались подходы к разрешению межэтнических проблем, шла выработка национальной политики и новой Конституции России. Новая Конституция Российской Федерации, принятая всенародным референдумом 12 декабря 1993 года, стала подлинно демократической, несмотря на некоторые непоследовательные формулы относительно ограничителей и принципов сменяемости высших органов власти и должностных лиц. Вместе с тем, на референдуме оппозиция новой Конституции проявилась значительно сильнее в республиках, чем в других субъектах Федерации. Из проголосовавших избирателей, проживающих в республиках, лишь 47,9 % высказались за Конституцию, в то время как в областях за нее проголосовали не менее 60 %. Только в 9 республиках – Алтайская, Бурятия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карелия, Марий Эл, Саха (Якутия) и Северная Осетия – пришло к избирательным участкам свыше 50 % общего числа избирателей и свыше 50 % высказались в поддержку новой Конституции. В Татарстане, где правительство и лидеры общественных движений обеих этнических общин призвали не участвовать в голосовании, в референдуме участвовало менее 15 % имеющих право голоса и, таким образом, согласно закону, он не состоялся. Менее 50 % избирателей пришло к урнам в Удмуртии, Хакасии и Коми. В Чечне, по решению местных властей, референдум не проводился вообще. В целом в 16 республиках в референдуме участвовало свыше 51 % населения, при этом в 7 из них большинство проголосовавших высказалось против Конституции (Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Мордовия, Тыва, Чувашия). Такие итоги референдума стали симптомом ослабления легитимности центрального правительства среди граждан в российских республиках, а в некоторых из них – и откровенного недоверия.

Однако федеральный центр и правительства тех республик, которые были не согласны с переориентацией федеральной политики, не пошли на

открытую конфронтацию. Стороны как бы не замечали противоречий в текстах федеральной Конституции и новых Конституций республик (например, Татарстана, Тывы, Якутии) по поводу трактовки того, что раньше обозначалось как «суверенитет республик в составе России». Было очевидно, что консенсус по вопросам федеративного строительства не достигнут. Однако ни центр, ни республики не хотели открыто обострять взаимные противоречия в условиях ограничений стабильности после октября 1993 года кризиса. Вместе с тем, в этот период продолжался переговорный процесс центра с республиками, что реализовалось в заключении двустороннего договора о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти республики Татарстан в феврале 1994 года.

Отметим наиболее важные положения и новации Конституции применительно к этническому фактору. В отличие от всех конституций советского периода в новой Конституции Российской Федерации нет раздела: «Национально-государственное устройство», как нет и градации субъектов Федерации на национально-государственные, административно-территориальные и национально-территориальные. При этом принципиально важным стало признание равноправия всех субъектов Федерации. Конституция не предусматривает за субъектами Федерации ни права, ни процедуры их выхода из состава Федерации. Таким образом, однозначно трактуется право народа на самоопределение как самоопределение в составе Российской Федерации. Конституция позволяет расширить законодательство по правовому регулированию этнонациональных процессов в России, этнической и гражданской идентификации на личностном, региональном и общегосударственном уровнях. Свободным стало толкование национальной принадлежности, граждане обрели право самостоятельно определять и указывать свою национальность, в то же время никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности.

В целом основной закон значительно обогатился терминами, относящимися к понятиям – народ, нация, национальность, что расширяет возможность правового регулирования процессов этнокультурного и этнонационального развития, нациостроительства. Например, преамбула Конституции («Мы, многонациональный народ Российской Федерации...») позволяет трактовать понятие «многонациональный народ» как тождественное понятиям «российская нация», «россияне», в смысле политической нации и гражданства. В сочетании преамбулы со ст. 82, в которой сказано, что при вступлении в должность Президент Российской Федерации приносит народу присягу: «Клянусь... верно служить народу», это особенно усиливает смысловую часть преамбулы «Мы, многонациональный народ...». Заметим, что в тексте президентской присяги, которую принимал Съезд народных депутатов СССР в 1990 г., будущий президент должен был присягать

не «народу», а «народам» всей страны. Получалось, что в доктринальном плане страна не имела определения своей гражданской общности.

Рассмотрение и анализ приведенных контекстов употребления термина «народ» позволяет утверждать, что за ним скрываются два разных понятия: народ как «согражданство», «население» и народ как «этническая общность». Так, ст. 3 (1) и 82 бесспорно имеют в виду согражданство, а ст. 68 (3) и 69 столь же бесспорно имеют дело с понятием этническая общность. В то же время при анализе словосочетания «многонациональный народ» в совокупности с термином «национальность» можно сделать вывод о его двойственности. Во-первых, понятие «многонациональный народ» раскрывает себя как политическую сущность – согражданство, во-вторых, как сущность этническую (национальную). Другими словами как неоднородную полиэтническую общность. В этой связи заслуживают внимания предложенные нами позднее два определения: «многонародная нация» и «Россия – нация наций». Оба они соединяют в себе понятия и «политическая нация» и «этнонация»²³. Выявление этого глубинного смысла понятия «многонациональный народ Российской Федерации» расширило не только философскую, методологическую, но и правовую базу восприятия множественности идентичностей в их единстве и взаимодополняемости. Тогдашняя юридическая недосказанность в этом вопросе привела к тому, что в некоторых конституциях республик в качестве субъекта самоопределения признается не народ республики в целом, а только «титульная нация». Трактовка принципа самоопределения так и осталась запутанным сюжетом конституционного права субъектов Федерации.

В Конституции подчеркнута федеративная природа российского государства (ст. 1), закреплено верховенство законов Российской Федерации на всей территории страны (ст. 4). По-новому выстроена система федеративных отношений, которая в Федеративном договоре давалась в трех вариантах. Различая между собой статусы субъектов Федерации, исходя из учета их исторических и этнокультурных факторов, Конституция, вместе с тем, однозначно подчеркивает равноправие субъектов Федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти, единство экономического и правового пространств. Разностатусность субъектов Федерации – это конституционно-закрепленный факт, но одновременно Конституцией закрепляется и равноправие субъектов Федерации. В Конституции решается ряд фундаментальных политико-правовых проблем федерализма, касающихся взаимоотношений центра и субъектов. В 3 главе зафиксировано, что суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию и что Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. В то же время в Конституции РФ, в отличие от Федеративного

---

²³ См.: *Тишков В.А.* Российский народ. Книга для учителя. – М.: Просвещение, 2010.

договора, не упоминается о суверенитете республик. По этому вопросу Конституционный суд РФ в постановлении от 7 июня 2000 г. и определении от 27 июня 2000 г. изложил следующую правовую позицию: «Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации. Суверенитет Российской Федерации, в силу Конституции Российской Федерации, исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью, т. е. не допускает суверенитета республик и других субъектов Российской Федерации»²⁴.

Согласно новой Конституции, в России закреплена модель кооперативно-федерализма. Выбор этой модели продиктован политическими реалиями начала 90-х годов – конкретной расстановкой политических сил, степенью напряженности взаимоотношений центра и регионов. Субъекты должны были реально «видеть» себя в Федерации, чтобы родились необходимые правовые условия и стимулы для сотрудничества и кооперации²⁵. Неудовлетворенность в республиках уравниванием конституционных прав республик с правами других субъектов Федерации, невключение в новую Конституцию определения статуса республик как «суверенных» – все это вместе взятое значительно повысило градус напряженности. Центр во избежание худшего развития событий пошел на уступки, согласившись в части разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации на заключение договоров.

Договорная практика началась 15 февраля 1994 г. подписанием договора с Татарстаном. Особенностью этого договора было то обстоятельство, что Татарстан не подписывал в марте 1992 г. Федеративный договор, а в декабре 1993 г. в республике фактически был сорван референдум по принятию новой Конституции Российской Федерации. Поэтому могло создаться впечатление, что подписание договора – это лишь вынужденный шаг со стороны федеральных органов. И только после подписания в июне 1994 г. подобного договора с Кабардино-Балкарией, а в августе 1994 г. – с Башкортостаном стало возможным говорить о том, что процесс разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации перешел на новую ступень своего развития. В 1995 г. подписаны договоры с Северной Осетией – Аланией, Саха (Якутией), Бурятией и Удмуртией. Но говорить

---

²⁴ Свод законов Российской Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728; Там же. 2000. № 29. Ст. 3117.

²⁵ Шахрай С.М. Федерализм и конституционное право: проблемы теории, методологии, практики. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. – СПб, 2001. – С. 19–20.

о новом этапе развития договорного процесса стало возможным только в январе 1996 г., когда были подписаны первые договоры с субъектами Федерации, обладающими иным статусом, нежели республики, – Свердловской, Калининградской, Оренбургской областями и Краснодарским краем. Были заключены договоры с двумя автономными округами вместе с областями, в состав которых они входят. Всего с 15 февраля 1994 г. подписано 49 договоров, которые касались 51 из 89 субъектов Федерации. Хотя этот шаг в определенной мере снял противостояние с Татарстаном, Башкортостаном, Якутией и другими республиками, он способствовал затягиванию новых узлов противоречий.

В ряде случаев (договоры с Татарстаном, Башкортостаном, Якутией, Свердловской областью и др.) разграничение предметов ведения и полномочий коснулось отдельных вопросов, отнесенных статьей 71 Конституции к исключительному ведению Российской Федерации. Это было грубейшим нарушением основного закона, поскольку конституционно закрепленные предметы ведения Федерации делились путем подписания этих договоров с субъектами Федерации, причем не всеми, а лишь некоторыми. Таким образом, складывалась ситуация, при которой Конституция Российской Федерации на части территории России (для субъектов, подписавших такие договоры с Российской Федерацией) в полной мере не действовала. Силу набирал процесс, когда основной закон страны приносился в жертву политической целесообразности. Правительством Российской Федерации в одностороннем порядке предоставлялись привилегии и льготы республикам по отношению с другими субъектами Федерации, что подтолкнуло движение в некоторых регионах страны за преобразование краев и областей в республики и даже за создание отдельной Русской республики²⁶.

Сумма факторов обострила этнополитическую ситуацию в России. С одной стороны, на развитие этнополитических процессов влияние оказывало наследие прошлого, связанное с массовыми депортациями отдельных народов, разрушением многих национальных культурных ценностей, политической унификацией и насильственной атеизацией населения, разрушением десятков тысяч малых городов и так называемых неперспективных сел и деревень, особенно в центральных районах России, что наносило ущерб историко-культурному наследию и духовно-нравственным ценностям народа. Но страдали все одинаково: и русские, и нерусские, поэтому межнациональной вражды и конфликтов, по сути, не было. С другой стороны, демократизация, перестройка, гласность, начавшиеся с середины 1980-х гг., породили ожидания больших перемен, которые во многом оказались обманчивы. В условиях обнищания значительной части населения, обвала в экономике, социальной сфере, борьбы за передел соб-

---

²⁶ В пользу Русской республики высказывались и федеральные политики и эксперты. См.: *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф.* Федерализм в истории России. В 3 кн. – М.: Республика, 1992.

ственности, идеологической и политической раздвоенности кризис не мог не затронуть и сферу межэтнических отношений. Наиболее остро он проявился в районах, соседствующих с зонами открытых конфликтов, местах сосредоточения беженцев и вынужденных переселенцев, в регионах с проблемами «разделенных народов», на территориях со сложной социально-экономической, экологической и криминогенной обстановкой. Усугубляло ситуацию наличие территориальных споров, правовая неурегулированность земельных отношений. Подпитывало межэтническую напряженность субъективное толкование истории, отдельных ее событий, личностей, нетолерантное отношение к той или иной религии, обычаям, традициям. Катализатором всплеска сепаратизма и радикального этнического национализма была неурегулированность федеративных отношений. Выводы науки и сама практика говорили о том, что концентрация устремлений вокруг этнонациональных идей и целей солидаризовала, прежде всего, «титульные» национальности. Причем уровень их консолидации на этом этапе был выше, чем у русских. Это обстоятельство также увеличивало межэтническую дестабилизацию²⁷.

Содержание деятельности и требований многочисленных этнонациональных групп и организаций стали определять нередко криминальные и коррумпированные структуры. И делалось это все от имени «национальных движений» и под лозунгами предоставления свободы и независимости народам. Мощные обороты набирали две тенденции: одна – это национал-сепаратизм, вторая – русский национализм, облакаемые в две противостоящие формы государственного устройства России. Первая – это конфедерация, а значит распад страны; вторая – роспуск республик и губернизация, а значит всеобщая война. Борьба за власть, жесткое идеологическое противостояние длительное время не позволили предложить российскому народу внятную политику, которая привела бы общество к согласию и упрочению Российского государства. Только в июне 1996 г. была утверждена Указом Президента страны Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, разработанная Миннацем России совместно с научным сообществом. Она стала своего рода «договором согласия», поскольку ее одобрили все субъекты Федерации, соответствующие комитеты Государственной думы, общественные организации. В то же время Концепция во многом явилась прорывным правовым документом в области этнонационального развития страны.

Концепция подтверждала базовые принципы межнациональных отношений, зафиксированные в Конституции Российской Федерации, формулировала главные проблемы национальной политики. В первой ее части дана

---

²⁷ См.: Дробизжева Л.М., Аклаев Р.А., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996; Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Чичановский А.А. Национальная политика Российской Федерации: от концепции к реализации. Методическое пособие. – М.: Славянский диалог, 1997.

общая оценка ситуации в области межнациональных отношений в Российской Федерации, в ней подчеркнуто, что на государственном уровне еще не утвердился системный взгляд на национальный вопрос, что нужны новые концептуальные подходы к выработке и проведению национальной и федеративной политики, которая бы позволила преодолеть кризис в межнациональных отношениях, вызванный распадом СССР и негативным наследием прошлого, достичь на этой основе межнационального мира и согласия, сохранить целостность страны. Было также выделено, что национальная политика может стать консолидирующим фактором лишь в том случае, если она будет отражать все многообразие интересов народов России, иметь четкие механизмы их согласования.

В Концепции, с учетом Конституции и признанных Россией норм международного права, определены принципы государственной национальной политики: равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии; право каждого на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества; содействие развитию национальных культур и языков народов Российской Федерации; своевременное и мирное разрешение противоречий и конфликтов; запрещение любых форм ограничения прав граждан по национальному признаку, а также действий, направленных на разжигание национальной розни, ненависти либо вражды; поддержка соотечественников, проживающих в зарубежных странах, в сохранении и развитии родного языка, культуры и национальных традиций, в укреплении их связей с Родиной; сохранение исторически сложившегося единства и целостности Российской Федерации. На основе этих принципов должна выстраиваться деятельность органов исполнительной и законодательной власти, создаваться правовая база на федеральном и региональном уровне. Правительству Российской Федерации и органам государственной власти ее субъектов рекомендовалось: согласовывать цели национальной политики с основными приоритетами экономических и политических реформ, разрабатывать и финансировать федеральные и региональные программы, направленные на развитие и сотрудничество народов, содействовать освещению национальных проблем в средствах массовой информации и распространению знаний об истории и культуре народов России, вести подготовку кадров государственных служащих в области национальной политики, учитывать отечественный и зарубежный опыт в решении национального вопроса, предотвращении и разрешении конфликтов на этнической почве. Координация исполнения этих задач возлагалась на Миннац России.

Концепция стала не только правовым, но и доктринальным актом в вопросах государственной политики в сфере этнонационального развития России. Особенность новаций состояла в следующем. В тексте Концепции специально объясняются понятия «народы», «национальности», «этнокультурные» или «национальные общности» скорее как синонимы, а не

как жесткая иерархия, существовавшая в прошлом доктринальном языке. Понятие нация употребляется в двух значениях: как политическая, или гражданская, и как культурная, или этнонация. Вся международно-правовая практика и доктринальный язык современных государств (кроме постсоветских и постъюгославских) пользуются первым значением этого слова. Многие культурные, политические, сепаратистские движения, организации и даже внутренние государственные образования пользуются вторым значением этого термина. Концепция на тот момент еще не вводила категорию гражданской российской нации, но она ограничивала этническое понимание нации своим предпочтением использовать в официальном языке такие достойные понятия, как народы или национальности. Более того, концепция делала уступку в пользу этнического понимания термина «народ», хотя его наиболее распространенное значение – это общегражданская общность, население страны. В Концепции под понятием «народ» имелась в виду общность людей, члены которой разделяют общие название и элементы культуры, прежде всего язык, имеют общие происхождение и историческую память, обладают чувством солидарности. Среди этих признаков определяющую роль играет самосознание. Гражданское и этнокультурное значения понятия «народ» не противоречат друг другу и принадлежность конкретного человека к обоим или нескольким типам общностей не является взаимоисключающей.

Концепция более глубоко и современно трактовала понятие самоопределения как формы обеспечения права гражданских и этнокультурных общностей на выбор самостоятельных путей национального и культурного развития, форм политического управления. Самоопределение в рамках многоэтнических государств осуществляется в двух основных формах: внутренних территориальных образований и экстерриториальной национально-культурной автономии. Поэтому существование республик в составе Российской Федерации признается важнейшей формой внутреннего территориального самоопределения. Дальнейшее развитие федерализма и разнообразных взаимоотношений с федеральным Центром формулируется как одна из приоритетных задач государственной национальной политики федерального и республиканского уровней.

Второй важной формой самоопределения Концепция определяет экстерриториальную национально-культурную автономию. Ее субъектом могут быть любые народы и отдельные этнокультурные общины независимо от территории расселения и статуса. Это, прежде всего, право на отправление разнообразных запросов граждан, которые возникают на основе их этнокультурной принадлежности и самосознания. Предусматривается возможность, помимо образовательно-культурной деятельности любого уровня, культурно ориентированной предпринимательской деятельности, права общинной собственности и самое важное – право на особые формы политического представительства и законодательную инициативу. В Кон-

цепции последовательно проводится принцип гражданского равноправия и равных прав народов. Во-первых, все народы России определяются как государствообразующие, если речь идет обо всей стране, хотя отмечается историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны. Именно через эту культурную систему граждане России независимо от национальной принадлежности способны в полной мере реализовать свои социальные возможности и политические права в общероссийском общественном пространстве. Концепция тем самым не ориентирует на культурный и политический изоляционизм как тормозящий фактор модернизации, но отдает должное и всячески поддерживает этническое многообразие страны через развитие не только отдельных культур, но и многокультурности, двуязычия и многоязычия.

Концепция ставила определенные ограничители для возникновения местных этнократий и нарушений прав человека на основе этнической дискриминации. Республики вправе определять свои хозяйственные, политические и культурно-языковые параметры жизни, но их государственность не есть исключительная собственность какого-то одного народа, и она существует от имени и для всех граждан соответствующих территориальных сообществ. Это полностью соответствует конституциям и декларациям, принятым в самих республиках. Здесь еще предстоит найти баланс между общегражданским равноправием и республиканской государственностью как одной из защитных форм для примерно 40 наиболее крупных нерусских народов России (в некоторых республиках 2–3–4 «титულных» национальности, а в Дагестане – 14).

После принятия Концепции начали формироваться соответствующие структуры в органах исполнительной власти. В республиках, краях и областях разработаны региональные концепции и программы национального развития, учитывающие социально-экономические, демографические, этнические и другие особенности конкретного субъекта Федерации²⁸. Миннац России стал госзаказчиком ряда федеральных целевых программ социально-экономического и национально-культурного развития народов Российской Федерации. Некоторые, например программа развития социально-экономической и культурной базы возрождения народа российских немцев, утверждены Указом Президента. В рамках немецкой программы разработана концепция национального образования, издан «Комплект учебно-методических пособий по немецкому языку для учащихся начальных классов». В ряде субъектов Федерации (Омская, Новосибирская, Томская, Волгоградская области, Республика Коми, Алтайский край, г. Москва) сфор-

---

²⁸ О деятельности властей в субъектах Федерации в данной области см. регулярные публикации-отчеты Миннаца и Минрегиона, а также региональные издания и ежегодные доклады Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (www.eawam.ru).

мирована система учреждений Российско-Немецких домов и Центров культуры. Российские немцы первыми в стране провели местные и региональные учредительные конференции и создали Федеральную национально-культурную автономию российских немцев. Миннацем России совместно с Минкультуры России и правительствами заинтересованных субъектов Федерации разработаны две крупные федеральные целевые программы: «Возрождение и развитие тюркских народов Российской Федерации», «Возрождение и развитие культур финно-угорских народов Российской Федерации».

Необходимость осуществления данных программ была связана с весьма сложным экономическим положением регионов проживания этих групп народов, с возникшей там социальной и этнополитической напряженностью, кризисным положением культуры и образования. Учитывалось и то, что многочисленные диаспоры этих народов расселены по всей территории России. Разработка обеих программ продиктована также связями тюркских и финно-угорских народов с родственными этническими общностями за рубежом, что усиливало возможности России в расширении экономических и культурных связей с так называемыми финно-угорским и тюркским мирами. В те годы за рубежом (Венгрия, Эстония, Финляндия, Турция) были попытки разжечь политические страсти вокруг проблем развития языка, культуры, образования финно-угорской и тюркской группы народов России²⁹. Реализация принятых программ выбивала почву из-под ног недоброжелателей. В 1993–1999 гг. в Ханты-Мансийске, Петрозаводске, Сыктывкаре, Казани, Уфе прошли десятки международных форумов, конгрессов, круглых столов и конференций, посвященных проблемам не только российских финно-угорских и тюркских народов, но и перспективам развития финно-угорского и тюркского миров. В этих мероприятиях принимали участие высшие должностные лица страны, субъектов Федерации, ведущие ученые, политики. Новые подходы Концепции были востребованы в проведении политики защиты и поддержки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Решение проблем их социально-экономического развития осуществлялось в рамках Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 г.», утвержденной в 1997 году.

Наиболее конфликтогенным регионом оставался Северный Кавказ³⁰. Здесь были переплетены социальные, экономические, этноконфессиональные проблемы, обострение которых представляло угрозу национальной безопасности, территориальной целостности, миру и спокойствию в регионе. На Северном Кавказе, где проживает 12 % населения и свыше 100 национальностей, совершались 2/3 террористических актов, значительная часть преступлений, связанных с наркотиками, применением оружия, захватом заложников. В ре-

---

²⁹ Тишков В.А., Шабаяев Ю.П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 196. – М.: ИЭА РАН, 2007.

³⁰ О регионе в этнополитическом аспекте см.: Российский Кавказ. Книга для политиков. Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007.

гионе происходили скрытые, открытые и вялотекущие конфликты. Все это обусловило необходимость разработки Концепции государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе³¹. Проект концепции подготовлен Миннацем России с участием ученых, руководителей общественных движений, представителей духовенства, деятелей культуры и искусства. Он был обсужден на парламентских слушаниях в Госдуме. Все субъекты Северного Кавказа Российской Федерации одобрили концепцию. И хотя концепция не была утверждена Правительством, она стала рабочим документом на местах. Ее положения учитывались в работе органов власти региона. Еще более востребованным аналитическим и программным документом стал подготовленный учеными РАН при поддержке общественной организации Миротворческая миссия на Северном Кавказе доклад «Пути мира на Северном Кавказе»³². Содержащиеся в докладе 99 рекомендаций по части модернизации и развития, обеспечения эффективного управления, ограничения этнонационализма, предотвращения и разрешения конфликтов сохраняют свою действенность и по сегодняшний день.

В поле зрения исполнительной и законодательной власти были и проблемы русского народа³³. Сущность этих проблем выразил в выступлении на специальных парламентских слушаниях заместитель министра по делам национальностей В.А. Печенев, отметив, что «русский народ не был объектом национальной политики в советское время, являясь субъектом истории, на который властью возлагалась коллективная ответственность за национальное неравноправие»³⁴. В результате распада СССР русский народ стал «разделенным». Почти 25 млн русских оказались в зарубежье. Свертывание промышленного производства, особенно оборонного комплекса, губительно сказалось, прежде всего, на русском населении центральных и северо-западных областей России, крупных промышленных центров Юга, Поволжья, Урала и Сибири. Разрыв хозяйственных связей, удорожание пассажирских и грузовых перевозок привели к потере ощущения единства страны. Закрытие большого числа промышленных предприятий в республиках, передел собственности поставили русское население, занятое в основном в промышленности, в критическое положение. Начался отток русских из республик, возросла межэтническая напряженность. Нередко, особенно в первые годы после распада СССР, имели место антирусские выступления. Большую часть мигрантов в Россию из бывших республик Советского Союза составили русские беженцы и вынужденные переселенцы.

---

³¹ См.: *Абдулатипов Р.Г.* Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепция, практика, реализация, перспективы). – М.: Классикс Стиль, 2007.

³² Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад. Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН 1999.

³³ Об этом см.: *Зорин В.Ю., Вдовин А.И., Никонов А.В.* Русский народ в национальной политике. XX век. – М.: Русский мир, 1998.

³⁴ О концепции по разработке государственной программы национально-культурного развития русского народа: Материалы парламентских слушаний. 16 ноября 1998 г. – М.: Издание Государственной думы, 1999. – С. 5.

В Концепции государственной национальной политики было обозначено место русского вопроса в истории страны. Во-первых, в ней было сказано, что благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранилось уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов, во-вторых, подчеркнута, что межнациональные отношения в стране во многом будут определяться национальным самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности. В этой связи потребности и интересы русского народа, как сказано в Концепции, должны находить отражение в федеральных и региональных программах этнокультурного развития русского народа, учитываться в политической, экономической и культурной жизни российских республик³⁵.

К проблеме русского народа примыкала проблема казачества. В 1920–1930-е гг. это сословие было упразднено советской властью, подверглось репрессиям. Закон РСФСР 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов» касался, в том числе, и реабилитации казачества. В 1995 г. вышел Указ Президента Российской Федерации «О государственном реестре казачьих обществ», побудивший казачьи организации вырабатывать уставы для того, чтобы попасть в этот реестр. Во второй половине 1990-х гг. стали приниматься новые постановления и указы, касающиеся целевых земельных фондов, казачьей формы, чинов и финансирования казачьих организаций. Политика в отношении казачества вызывала острые дискуссии, главным образом на Северном Кавказе. Но были найдены неконфликтные формы работы, в первую очередь на уровне местного самоуправления. Они позволили улучшить этнополитическую ситуацию в Ставропольском и Краснодарском краях, Ростовской, Астраханской и Волгоградской областях.

Выборы парламента – Федерального собрания Российской Федерации в декабре 1993 г. открыли новую страницу в истории многонациональной России. На законодательном уровне в обеих палатах – Государственной думе и Совете Федерации, в соответствующих комитетах и комиссиях стали подниматься проблемы межэтнических отношений. Законодательная работа над этими проблемами в Государственной думе первого (1993–1995 гг.) и второго (1995–1999 гг.) созывов стала одним из основных направлений ее деятельности. Начали проводиться парламентские слушания по национальной проблематике³⁶. В Госдуме были рассмотрены законопроекты «Об основах отношений между краем, областями и входящими в их состав автономными округами», «О национально-культурном объединении граждан», «О национальных меньшинствах», «Об общих принципах

---

³⁵ *Абдулатипов Р.Г.* и др. Национальная политика Российской Федерации: от концепции к реализации / Авт. колл.: *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А., Чичановский А.А.* – М.: Славянский диалог, 1997. – С. 25–26.

³⁶ *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Национальный вопрос в Государственных думах России: Опыт законотворчества. – М.: Русский мир, 1999. – С. 314–316.

местного самоуправления на территориях компактного проживания национальных меньшинств и коренных народов в Российской Федерации», «Об основах правового статуса коренных малочисленных народов России»³⁷. Хотя эти законопроекты поднимали важные проблемы, большая часть из них не была принята.

§ 3. Национально-культурная автономия

Вопрос о возврате в обновленной форме к институту национально-культурной автономии был поднят впервые еще в начале 1990-х гг. В.А. Тишковым в ряде его научных разработок, а также в самом первом варианте Концепции государственной национальной политики, которая была разработана под его руководством в бытность председателем Государственного комитета по делам национальностей в 1992 г. Летом 1992 г. она обсуждалась на заседании Правительства РФ под председательством Б.Н. Ельцина. В ней, в частности, говорилось, что национально-культурная автономия должна стать одной из форм внутреннего самоопределения российских народов наряду с формой этнотерриториальных образований в рамках федеративного устройства. Инерция советского отторжения национально-культурной автономии как якобы отрицающей национально-государственные формы самоопределения сказалась на позиции многих тогдашних политиков, включая такие ключевые фигуры, как Г.В. Старовойтова и Р.Г. Абдулатипов, которые выступили против принятия проекта Госкомнаца. Президент отправил документ на доработку, и только в 1996 г. его основные положения вошли в Концепцию государственной национальной политики.

В том же году и был принят Федеральный закон «О национально-культурной автономии», подготовленный Миннацем и внесенный в Государственную думу Правительством РФ. Долгие годы третировавшаяся в СССР как идеологически вредная вещь национально-культурная автономия (далее НКА), как показал мировой опыт, позволяет создавать эффективную систему удовлетворения этнокультурных и иных запросов национальных меньшинств и других компактно проживающих этнических сообществ. НКА – это универсальная модель правового регулирования национальных отношений, без жесткой привязки каждой этнической общности к определенной территории. Она хорошо вписывалась в новую стратегию развития Российского многонационального государства. Национально-культурная автономия в законе рассматривается как форма националь-

---

³⁷ Там же. – С. 284.

но-культурного самоопределения в виде общественного объединения граждан, относящихся к определенным этническим общностям, их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Закон обеспечивает фактическое равноправие лиц, принадлежащих к различным этническим общностям, последовательную реализацию прав и свобод человека, связанных с его национальной принадлежностью, определяет ответственность государства в сохранении самобытности в рамках национально-культурного самоуправления. К тому же закон позитивно повлиял на переговорный процесс со странами ближнего зарубежья в решении проблем этнических россиян, проживающих в этих государствах. Так, например, в Еврейской автономной области «титальное» население составляет не более 4 %, в Карелии и Хакасии около 10 % и т. д. В то же время в Ульяновской области проживает 11 % населения татарской национальности, а в Астраханской области – 13 % населения составляют казахи. Таким этническим группам и общинам новый закон предоставил реальные возможности решения этнокультурных задач.

Однако после принятия закона встал вопрос о механизме его реализации. Это было связано с деятельностью 1500 национально-культурных объединений, у которых до тех пор отсутствовала поддержка со стороны государственных органов, не было координации и взаимодействия в пределах одного субъекта Федерации нескольких общественных объединений одной и той же национальности. Для успешного функционирования института национально-культурной автономии важное значение придавалось системе и порядку ее учреждения и регистрации с учетом специфики расселения граждан, идентифицирующих себя с определенной этнической общностью, организационным основам местной, региональной и федеральной национально-культурной автономии. Правовая основа закона давала механизм регулирования процессов самоопределения граждан не только по части удовлетворения их этнокультурных потребностей, но и более справедливого представительства в органах власти и местного управления. Закон дал юридическое право на политическое представительство через этнокультурные общественные институты, создал фундамент учета этнонациональных интересов в сфере государственного управления.

После принятия закона в центре и на местах началась его апробация, стали выясняться позитивные и негативные стороны реализации новой формы. Выдвигалась идея создания Российской ассамблеи народов, которая могла бы завершить пирамиду взаимоотношений между этнокультурными объединениями, клубами, землячествами и этнополитикой, идущей от представительных и исполнительных органов власти. Ассамблея виделась как один из механизмов распределения полномочий и предметов ве-

дения между субъектами Федерации и Федерацией³⁸. Во многих субъектах Российской Федерации действительно накопился определенный опыт законодательного регулирования прав граждан в этнонациональной сфере, в том числе и прав малочисленных народов и этнических меньшинств (Буриятия, Башкортостан, Татарстан и другие). В то же время сразу после принятия закона об НКА в некоторых республиках высказывались опасения, что с его помощью может проводиться трансформация национально-государственных образований в чисто территориальные и предлагалось дополнить закон положением о том, что НКА – только одна из форм права народов России на самоопределение³⁹.

В правовом поле закона об НКА в субъектах Федерации принимались свои нормативные правовые акты по регламентации прав этнических групп на национально-культурное развитие. До принятия Конституции 1993 г. только республики обладали правом регламентации национально-культурного развития народов, чего нельзя сказать о других субъектах Федерации. Это объяснялось тем, что в краях и областях преобладает русское население. По данным 1996 г., русские в среднем составляли: в областях – до 97 %, в краях – до 87 %. Федеральный закон об НКА подтолкнул многие субъекты Российской Федерации к принятию законов о языках, образовании, культуре, национально-культурных объединениях. Среди них можно назвать все республики, а также Воронежскую, Московскую, Тюменскую, Челябинскую, Оренбургскую области. Например, в Законе Удмуртской Республики «О культуре» были определены задачи по созданию условий для развития культур народов, проживающих в Удмуртской Республике, и поддержке деятельности в сфере культуры граждан республики путем разработки республиканских программ сохранения и развития культуры, расширения круга субъектов внешних культурных связей. Законом Чувашской Республики «О культуре» закреплено право на равное достоинство культур чувашского народа и других народов республики, право создавать общественные объединения в области культуры, поставлены задачи создания правовых гарантий для свободной культурной деятельности объединений граждан и национальных общностей. Законом Республики Марий Эл «О культуре» закреплено право на создание национальных центров культуры, обществ и землячеств, покровительство органов государственной власти республики в развитии культур малочисленных этнических общностей.

---

³⁸ Губогло М.Н. Национально-культурная автономия как форма разгосударственного самоопределения // О реализации Федерального закона РФ «О национально-культурной автономии». Материалы заседания межрегионального круглого стола. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 1996. – С. 19–22.

³⁹ Илшиев И.Г. О проблемах реализации Закона Российской Федерации «О национально-культурной автономии» в Республике Башкортостан // Там же. – С. 48–49.

Таким образом, благодаря закону об НКА укреплена правовая основа в области межнациональных отношений, что позволило снять многие прежние запреты и устаревшие установки, утвердить новые принципы функционирования этнокультурных объединений. В то же время эта нормативная база была недостаточна для осуществления полнокровной политики национально-культурного развития народов России. Принятый закон нечетко трактовал порядок распределения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Федерации в национально-культурной области, и таким образом не стимулировал и не принуждал исполнительную власть к активным действиям. По этой причине конституционные требования о разработке и реализации федеральных и региональных программ этнонационального развития не реализовывались в должной мере. В тот период давали о себе знать тенденции к отрицанию регулятивной деятельности государства в сфере этнокультурной политики, хотя мировой опыт свидетельствовал, что этнические процессы также требуют не только познания, но и регулирования. И даже оправданные ссылки на особую «чувствительность» этнического самосознания, необходимость проявления тактичности в этнонациональной сфере не отменяли научного и политико-нравственного проникновения, в том числе и структур власти, в эту сложную ткань человеческого бытия. В целом закон стал действенным инструментом создания организационных структур в сфере этнонациональной политики. При Правительстве Российской Федерации был создан Консультативный совет по делам НКА. За период до 2000 г. в стране действовало свыше 900 этнокультурных объединений, в том числе 14 федеральных, более 300 региональных. Региональные национально-культурные автономии были представлены в консультативных и иных межнациональных совещательных органах при администрациях и правительствах субъектов Российской Федерации.

Под воздействием закона образованный еще в 1993 г. Конгресс национальных объединений России (КНОР) стал реализовывать программы в области культуры и образования, в создании межрегиональной системы общественных объединений. В КНОР вошли Объединение украинцев России, Азербайджанская гражданская ассамблея, Союз поляков России, Ассоциация еврейской культуры и Федерация еврейских организаций и общин, Общество грузин России, Общество армянской культуры и Международная армянская ассамблея, Общество молдавской культуры, Объединение греческих общин России, Ассоциация корейцев России, Ассамблея курдов СНГ, Уйгурское культурно-просветительное общество, Общество ассирийской культуры. КНОР стал одним из самых представительных общероссийских национально-культурных объединений. Он выступил организатором в 1996 г. Всероссийской конференции «Диаспорные народы, государство и общество», разделив тем самым уязвимую концепцию, что дисперсно расселенные по стране те или иные национальности или же представители

«титულных» народов за пределами «своих» республик являются диаспорами. Этот концепт, к сожалению, был поддержан многими учеными и представителями государственной власти России и ее субъектов⁴⁰. В одной из наших статей мы назвали это «увлечение диаспорой» «диаспоризацией всей страны»⁴¹.

В целом после принятия закона об НКА поддержка национально-культурного развития российских меньшинств приобрела новые качества. К примеру, в Тверской области стали выходить финансируемые за счет местного бюджета газета на карельском языке «Кариелан шана», радиопередача «Тверская Карелия», телепередача «Ома ранда», обеспечивавшие интересы национально-культурной автономии тверских карелов. Доля поддерживаемых государством газет и журналов на языках народов России к 2000 г. в целом по стране составила 34 % от общего количества профинансированных изданий. Издавалось 400 газет и журналов на 59 языках национальных меньшинств, а также велось телевидение на 69 и радиотрансляция на 56 языках⁴². Опираясь на закон об НКА, масштабно развернули работу национально-культурные автономии российских немцев, евреев, азербайджанцев, украинцев. Наиболее многочисленные диаспоральные сообщества Москвы – азербайджанское и армянское (в этом случае термин *диаспора* допустим, ибо существует своего рода «первая родина» в виде суверенного государства – страны исхода) – одними из первых создали систему культурных мероприятий. Показателем того, что закавказская культура востребована в Москве, стали продюсерские центры «Азербайджан» и «Армения», многочисленные концерты, встречи с известными деятелями науки и культуры, политиками. Курируемые этими федеральными НКА Азербайджана и Армении газеты выходили многотысячными тиражами. Безусловно, закон «О национально-культурной автономии» привел к большему разнообразию общественной жизни за счет признания этнонациональных экстерриториальных объединений как формы демократизации общества, включил в поле активной жизни дисперсные этнические группы страны. Создалась возможность демонстрации эффективности внетерриториальных форм самоопределения народов, расширения пространства для формирования институтов гражданского общества.

---

⁴⁰ См.: Зорин В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. – М.: Русский мир, 2002. В 2002 г. КНОР трансформировался в Общероссийский союз общественных объединений «Союз диаспор Российской Федерации» (СДР), в состав которого вошли 22 диаспоры, которые объединяли 278 общинных организаций в 76 регионах страны. В СДР также вошли «Лига малочисленных народов Севера», «Лига народов России», правозащитная организация «Диктатура закона», Российский фонд культуры.

⁴¹ Тишков В.А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры. – 2003. – № 3. – С. 160–183.

⁴² О реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в 2001 году. – М., 2002. – С. 20–21; ИТАР-ТАСС. 5 февраля 2003 г.; www.government.ru; Концепция государственной национальной политики Российской Федерации: опыт, реализация. 2002 год. – М., 2003. – С. 7.

§ 4. Коренные малочисленные народы Севера

В советский период применительно к этой части населения использовалась категория «малые народности Севера». В нее были записаны далеко не все «народности», то есть не все малочисленные этнические группы, проживающие на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке⁴³. К моменту распада СССР в стране числилось 26 малых народов Севера, в отношении которых на протяжении многих десятилетий проводилась особая государственная политика и даже существовал отдельный союзный орган исполнительной власти – Государственный комитет по делам Севера, который некоторое время существовал и в системе новой российской власти, пока не был интегрирован в состав Миннаца России. После почти 10-летних экспертных усилий и политических дебатов в 1999 г. был принят Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», согласно которому малочисленным является народ менее 50 тысяч человек, представители которого ведут традиционный образ жизни (занимаются охотой, рыболовством, морским промыслом). Особый статус предоставлял аборигенам-северянам ряд государственных гарантий, и среди них такие немаловажные, как защита коллективных прав на природные ресурсы, традиционный образ жизни, культуру и среду обитания. Статус КМНС распространялся лишь на группы, которые решением Правительства РФ включались в список таких народов. В отношении Дагестана право определять эту категорию народов получили власти республики, что в дальнейшем привело к абсурдной ситуации: все 14 «официально признанных» народов Дагестана, включая входящие в десятку крупнейших народов России (русские, аварцы, чеченцы и даргинцы), оказались в этом списке. Более же двух десятков действительно малочисленных народов в этот список не были включены.

Результаты советской политики в отношении северных народов носили противоречивый характер, но в целом, по общему мнению отечественных и зарубежных специалистов, это была политика позитивной поддержки и сохранения народов Севера, их традиционного хозяйства, языков и культур⁴⁴. Тем не менее, в период горбачевской перестройки среди аборигенов Севера возникли организации и лидеры, которые обрели известность яркими выступлениями в защиту среды обитания народов Севера, в под-

---

⁴³ Соколова З.П., Степанов В.В. Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписей населения // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 5.

⁴⁴ См. труды известных исследователей народов Севера И.С. Вдовина, Л.П. Потапова, И.С. Гурвича, З.П. Соколовой, Ю.Б. Симченко, Д.А. Функа, Брюса Гранта, Юрия Слезкина, Дэвида Андерсона, Марджори Балзер и др. // Народы Севера России (1960–1980-е годы). Материалы к серии «Народы и культуры». В 3 ч. Отв. ред. Ю.Б. Симченко. – М.: ИЭА РАН, 1992.

держку демократии, за международную открытость и сотрудничество арктических государств и народов. Достаточно назвать имена народных депутатов Е.А. Гаер и В.М. Санги, писателя Юрия Рытхэу и других лидеров. В 1990 г. в Кремле в присутствии президента М.С. Горбачева прошел Первый съезд народов Севера, который обозначил наиболее острые проблемы этой группы российских народов.

В 1990-е гг. в России шел процесс активной этнической мобилизации среди различных групп так называемого аборигенного населения, которое исторически проживало в районах Севера или в приравненным к ним территориях. Активисты и общественные организации ряда этнических общностей оказались способны восстановить (в ряде случаев – сконструировать заново) свои групповые идентичности и исторические самоназвания и обрести более самостоятельный статус. *Лопари* интегрировались в родственные им саамские организации и движения Скандинавии и даже отказались от прежнего этнонима. В результате лоббирования на разных уровнях появились некогда существовавшие *сойоты*, которых до этого записывали в буряты. Из коряков выделилась группа *кереков* численностью в пару десятков человек, которая в переписи 2010 г. не зафиксировала ни одного человека! Добились включения в официальный список ряд групп, проживающих в южной Сибири и считавшихся алтайцами (*кумандинцы, тофалары, челканцы*). В переписи населения 2002 г. в стране уже насчитывалось более 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС). Перепись также показала рост численности этой категории населения, и в 2002 г. общее число КМНС составило 252,2 тыс. человек. Демографическая картина коренных малочисленных народов представляется сложной и изменчивой. Большинство сравнительно крупных групп сохраняют демографически восходящую тенденцию многие годы. Это подтверждает правило, согласно которому большие группы населения демографически более устойчивы, нежели малые. Следует ли из этого, что самые малочисленные группы стоят перед неизбежностью исчезновения? Видимо, нет. Из-за малой численности в разные периоды истории размеры таких групп колеблются то в сторону увеличения, то в сторону уменьшения. В целом для малочисленных народов Севера демографическую ситуацию можно назвать умеренно оптимистичной⁴⁵.

Процесс определения правового статуса коренных малочисленных народов Севера начался на рубеже 1980–90-х гг. В 1993 г. права коренных малочисленных народов России закреплены на конституционном уровне, государство гарантировало их в соответствии с принципами и нормами

---

⁴⁵См. подр.: Современное положение и перспективы развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад. Под ред. В.А. Типшкова. – М., 2004.

международного права и международными договорами Российской Федерации. Одним из принципов международного права в отношении таких народов является признание на основе концепции правового плюрализма роли обычаев и обычного права. В международных документах, в частности в Конвенции 169 Международной организации труда (МОТ) «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах», в качестве отличительной черты коренных народов указывается, что их «положение регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством». Хотя данная конвенция не ратифицирована Российской Федерацией, российские законодатели гарантировали это право коренным малочисленным народам Севера. Обычаи и традиции вошли в правовую систему страны, что создало новые возможности для защиты прав этих народов и для развития теории и практики правового плюрализма в России. Изменение приоритетов государственной политики в отношении аборигенных народов в 1990-е гг. связано с признанием их специфических интересов и права на самоуправление. В политико-правовой сфере можно выделить три основных направления: восстановление признания родовых общин в качестве субъектов права; учет мнения коренных народов через их представительные органы (ассоциации) при принятии решений на общегосударственном и региональном уровнях; воссоздание национально-территориальных образований на уровне местного самоуправления⁴⁶.

Постановлением Съезда народных депутатов РСФСР в 1992 г. на родовые общины, занимающиеся традиционными отраслями хозяйствования, распространено действие Закона РСФСР 1990 г. «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Им предоставлены льготы в сфере налогообложения. Общины получили возможность бесплатно приобретать в пожизненное наследуемое владение или аренду оленьи пастбища, охотничьи, рыболовные угодья, а также преимущественное право на заключение договоров и получение лицензий на использование возобновляемых природных ресурсов. Правовое обеспечение участия коренного населения в принятии управленческих решений на разных уровнях частично обеспечил Закон СССР 1990 г. «Об общественных объединениях». После принятия этого закона в ряде нормативных документов ведомственного характера появились нормы, обязывающие согласование тех или иных решений, затрагивающих интересы аборигенных народов, с их общественными представителями. Воссоздание национальных районов, поселков, сельсоветов практически санкционировано принятием Закона СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-

---

⁴⁶Новикова Н.И. Обычай и право. – М., 2005. См. также: Ковлер А.И. Антропология права. – М.: Норма, 2002.

государственных образований или не имеющих их на территории СССР» (от 26 апреля 1990 г.), идеологию которого мы подвергли критике выше. Найдены решения в таком важном вопросе, как обеспечение представительства коренных народов в органах власти. Отсутствие в Конституции нормы квотного представительства малочисленных народов и этнических групп предопределило то, что в составе первого и второго созывов депутатского корпуса Государственной думы (450 депутатов) представителей коренных малочисленных народов Севера было ничтожно мало (3 и 2 депутата соответственно) в отличие от Верховного Совета РСФСР, где в Совете Национальностей было 18 депутатов от народов Севера. Одна из причин заключалась в том, что в большинстве автономных округов КМНС составляли абсолютное меньшинство: 1–2 % от численности всего населения.

Вместе с тем, Конституцией гарантированы права коренных малочисленных народов согласно принципам и нормам международного права. Защита их прав и интересов отнесена к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Таким образом, основной закон страны позволил регионам, в которых проживают малочисленные народы, формировать свое правовое поле, в том числе по закреплению их представительства в государственных органах власти и местном самоуправлении. Многие северные субъекты внесли в свои законодательные акты соответствующие нормы. Так, в Карелии выделен одномандатный избирательный округ, включающий территорию вепских национально-территориальных единиц. Это обеспечило избрание как минимум одного представителя вепского народа в законодательный орган республики. В Республике Саха (Якутия) в местах компактного проживания малочисленных народов Севера могут образовываться избирательные округа с меньшей численностью избирателей. На основании Закона Саха (Якутия) «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» аборигенные народы имеют право «на квотное представительство в высших органах государственной власти республики, местных представительных органах власти и в местной администрации», а их общественные объединения могут «иметь при Правительстве Республики Саха (Якутия) и при местных органах власти своих уполномоченных для участия в рассмотрении вопросов, касающихся прав и интересов коренных малочисленных народов Севера». Закон устанавливает также образование на общественных началах «Советов представителей коренных малочисленных народов Севера» при местных администрациях. В Хабаровском крае Закон 1997 г. «О выборах депутатов Законодательной думы Хабаровского края» позволил образовывать в труднодоступных и отдаленных местностях и в местах компактного проживания коренных малочисленных народов избирательные округа из не граничащих между собой территорий. Сахалинская областная дума учредила институт Полномочного представителя от малочисленных народов

Севера области, который избирается на их съезде, работает на постоянной основе, входит в структуру Думы, обладает правом законодательной инициативы и наделен полномочиями депутата. Общественная организация ненецкого народа – ассоциация «Ясавэй» в соответствии с Уставом Ненецкого автономного округа обладает правом законодательной инициативы, а в соответствии с Законом «О выборах депутатов Собрания депутатов Ненецкого автономного округа» – правом входить в региональные избирательные объединения и выдвигать кандидатов в депутаты. В Ханты-Мансийском автономном округе выборы шести из 23 депутатов Думы производятся, в соответствии с Уставом округа, по единому национально-территориальному избирательному округу, которым является вся территория автономного округа. В соответствии с Уставом Эвенкийского автономного округа в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера формируются избирательные округа по выборам в Законодательный Суглан с меньшей, чем принято, численностью избирателей. Квотное представительство коренных малочисленных народов Севера в законодательном органе власти закреплено и в Уставе Ямало-Ненецкого автономного округа. Таким образом, вопрос о представительстве коренных малочисленных народов Севера в законодательных органах власти субъектов Российской Федерации частично решен.

Действенным инструментом защиты интересов аборигенов стала Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – Ассоциация) и ее региональные организации. С созданием Ассоциации и ее региональных организаций развитие партнерских отношений приобрело новое качество. Ассоциация осуществляет международное сотрудничество арктических народов и представлена, наряду с Правительством Российской Федерации, в такой авторитетной международной организации, как Арктический совет. Многолетний президент Ассоциации С.Н. Харючи возглавляет законодательный орган ЯНАО, а вице-президент П.Н. Суляндзига входит в Общественную палату Российской Федерации.

В последние годы укреплена правовая база поддержки и защиты коренных народов Севера. В 2000 г. принят Федеральный закон «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», в 2001 г. – Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». Можно говорить, что благодаря провозглашенному международным сообществом 10-летию, потом 20-летию коренных малочисленных народов в России сложилась социально-экономическая стратегия развития коренных народов в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока. Что отнюдь не сняло с повестки дня большие вопросы социального и культурного развития северных аборигенов.

§ 5. Язык и политика

В постсоветский период на федеральном и региональном уровнях развивалось законодательство в сфере защиты языков. Международными ориентирами в этой области были Европейская хартия о региональных языках и языках национальных меньшинств, принятая Советом Европы в 1992 г., Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.), Рамочная Конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств (1995 г.). Цель этих документов – создание правовой основы и принципов, которые государства обязуются соблюдать для обеспечения защиты национальных меньшинств, в том числе в области языковой политики. Примечательно, что одним из последних правовых актов, принятых Верховным Советом РСФСР в преддверии распада СССР, был закон «О языках народов РСФСР», а также Декларация о языках народов России⁴⁷. Российская Федерация подписала и ратифицировала международные конвенции, которые связаны с вопросами защиты национальных меньшинств, в том числе их языков. Это Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств, Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.). В силу этих обстоятельств Россия в своей политике следует международно-признанным подходам и рекомендациям.

Однако в постсоветской России сложилась во многом исключительная и даже запутанная с правовой точки зрения языковая ситуация. Конституция определяет, что государственным языком на всей территории страны является русский. Он выступает как основное средство коммуникации в персональном и общественном планах. Владение русским языком обеспечивает гражданину вне зависимости от его этнической принадлежности на всей территории России социальную адаптированность и профессиональную конкурентоспособность, предоставляет возможности получения высшего образования и приобщения к общероссийским и мировым культурным ценностям. Одновременно Конституция признает за российскими республиками право устанавливать свои государственные языки и использовать их в органах государственной власти, местного самоуправления, государственных учреждениях республик наряду с государственным языком Российской Федерации. Это не означает равенства статусов языков. Но при этом статусом государственных наделены 23 языка в 19 республиках⁴⁸. Их статус закреплен кон-

⁴⁷ См.: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1864.

⁴⁸ Кроме того, в Республике Карелия карельский язык не имеет статуса государственного, но преференциями (программы поддержки и развития) пользуются языки карельский,

ституциями республик и региональными законами о языках. Конституция гарантирует также право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. Кроме того, указаны право на пользование родным языком, право на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Как видно, вопросы, касающиеся правового статуса государственных языков республик, затрагивают конституционные права как граждан – носителей соответствующего государственного языка республики, в том числе проживающих за пределами данной республики, так и граждан, проживающих в ней и не владеющих этим языком. Для снятия возможных противоречий Конституция определяет предметы ведения Российской Федерации и совместного ведения, за пределами которого субъекты Российской Федерации осуществляют собственное правовое регулирование. К ведению Российской Федерации Конституция относит регулирование прав и свобод человека и гражданина, а значит, прав в языковой и образовательной сферах, и установление основ федеральной политики в области культурного и этнонационального развития. Составной частью ее является государственная языковая и образовательная политика, а защиту прав и свобод человека и гражданина и общие вопросы образования, культуры и языка как ее компонента Конституция относит к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Таким образом, федеральный законодатель вправе устанавливать основы правового регулирования языков народов Российской Федерации, включая вопросы языковой политики. В том числе относящиеся к статусу государственных языков республик в его соотношении со статусом государственного языка Российской Федерации. Статус государственных языков республик не может быть предметом исключительного ведения субъектов Российской Федерации. В реальной же практике вопросы правового регулирования языковой политики, статуса государственных языков республик в течение 1990-х гг. решались в рамках субъекта⁴⁹.

В региональных законах в большинстве республик русский язык определялся не как язык государства – Российской Федерации, а как «государственный язык» региона, занимая при этом вторую по значимости позицию. Например, в Законе Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» правовое положение языков определялось так: «Государственными

вепский, финский. В Республике Дагестан та же ситуация в отношении 14 наиболее крупных по количеству носителей языков.

⁴⁹ Пучкова М. Соответствие Конституции и текущего законодательства РФ международным обязательствам РФ в области защиты национальных меньшинств / Под ред. Н.А. Ворониной и М. Галдия. – М.: Деловая столица, 2004.

языками в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки». Аналогичные формулировки содержались в законах республик Алтай, Башкортостан, Бурятия, Ингушетия и др. Русский язык в региональных законах не рассматривался в своем самостоятельном федеральном статусе и в таком толковании обладал фактически статусом регионального государственного языка, имеющего вспомогательные функции.

С введением в 1992 г. закона «Об образовании», гарантировавшего гражданам право на получение основного общего образования на родном языке, а также выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, роль родных языков в общеобразовательном процессе заметно возросла. В регионах понимание термина «родной язык», как правило, толкуется как родной нерусский язык вне зависимости от того, обладает ли он статусом государственного языка в данном регионе или нет. Таким образом, право получения образования на любом российском языке предусмотрено законодательством. Однако проблема заключалась в том, что адекватного представления о языковой ситуации в стране не было. Статистические данные явно преуменьшали степень использования русского языка как родного (т. е. языка основного знания и общения) представителями нерусских национальностей. Тем не менее, данные переписи 2002 г. дали определенное представление о развитии языков в 1990-е гг. Русским языком в России владело 98,2 % населения. Еще на 38 языках говорило 23 %, а 114 языков были распространены лишь среди 1 % населения. Еще одна проблема статистического учета языков заключалась в том, что переписи фиксируют «владение», а не «пользование» языками. Следует учесть, что в Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств важнейшим является термин «региональные языки или языки меньшинств». Под ними понимаются языки, которые традиционно *используются* жителями государства, т. е. речь идет не о языках владения, а именно о языках пользования. В рамках выполнения международных обязательств и для собственной политики России необходимо иметь адекватные данные о том, какая часть жителей страны *использует* русский и нерусские языки. Перепись 2010 г. несколько улучшила ситуацию получения адекватных данных.

Помимо фактически всеобщего знания русского языка, более всего в стране людей, говорящих по-татарски (5,3 млн) и по-башкирски (1,4 млн). Закономерным является распространение в России знания украинского языка, о владении которым в переписи заявило 1,8 млн чел. Далее по количеству носителей следуют языки чеченский, чувашский, армянский, аварский и т. д. Вместе с тем, численность знающих украинский язык заметно ниже тех, кто назвался в ходе переписи украинцем: последних на треть больше, нежели первых. Это проявляется и в отношении других

языков: меньше примерно на четверть тех, кто владеет удмуртским языком, нежели удмуртов, меньше владеющих мордовскими языками по сравнению с теми, кто причисляет себя к мордве. Аналогичным образом (примерно на 20 %) меньше людей заявило о том, что знает языки чувашский, башкирский, армянский. В то же время невелики расхождения при самооценке населением владения языками даргинским, чеченским, аварским, татарским.

Состояние нерусских языков в России является важной информацией для оценки этнокультурной ситуации⁵⁰. За постсоветские десятилетия языковая ситуация в республиках заметно изменилась. Это вызвано, с одной стороны, введением обязательного изучения в общеобразовательных учреждениях республиканских государственных языков, а с другой – массовым оттоком русскоязычного населения из некоторых республик, в частности из республик Северного Кавказа, Тывы, Якутии. В общеобразовательных учреждениях по блоку гуманитарных дисциплин языками обучения являются 28 языков народов России. Из них 16 – языки обучения на ступени начального общего образования, 2 – на ступени основного общего образования и 10 языков – на ступени среднего (полного) общего образования. Таким образом, наиболее распространенные языки в регионах обеспечивают обучение как на начальных, так и на финальных этапах получения школьного образования. В старших классах школы языками обучения являются: алтайский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, якутский, юкагирский. Кроме того, на 7 языках некоторых национальных меньшинств – армянском, азербайджанском, грузинском, казахском, эстонском, польском, немецком – в некоторых школах также осуществляется изучение предметов гуманитарного цикла. В качестве учебного предмета в школах России изучается еще 43 языка.

Большое внимание уделялось поддержке и развитию языков коренных малочисленных народов Севера. Внимание к этим народам имеет длительную традицию. Еще в 1930 г. для подготовки «национальных кадров» в области просвещения создан Институт народов Севера ВЦИК (впоследствии факультет при Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена). Все годы своего существования факультет выполнял задачу сохранения и развития уникальных языков и культур коренных малочисленных народов Севера. В 1990-е гг. в этом вузе воссоздан Институт народов Севера, в котором 7 кафедр осуществляют профессиональную подготовку будущих преподавателей из 21 региона. В целом в системе образования в школьном учебном процессе используется свыше 70 языков. В регионах разработаны на этих языках учебники по родной литературе, истории

---

⁵⁰ См.: Соколовский С.В. Алфавиты и элиты: письменность в современной России как политический символ // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 6.

и культуре, этническим традициям, декоративному и прикладному искусству.

В некоторых республиках действуют законы, на основании которых в образовательные программы введено обязательное изучение республиканского государственного языка как учебного предмета. Исходя из этого, разрабатывались новые базисные учебные планы для общеобразовательных учреждений. По отдельным положениям они нередко входили в противоречие с федеральными базисными учебными планами. Как следствие, возникли жалобы граждан в государственные органы власти и судебные инстанции. Выражалось недовольство тем, что в общеобразовательных учреждениях сокращено количество часов на изучение русского языка и увеличено – на изучение государственного языка соответствующей республики. Наибольшее число обращений поступило в федеральные органы власти от населения Башкортостана и Татарстана.

При президенте В.В. Путине этот перекося в системе образования начал исправляться. Конституционный суд Российской Федерации рассмотрел нормативные положения, касающиеся статуса государственных языков. Из постановления суда от 16 ноября 2004 г. следовало, что государственные языки республик должны изучаться в системе образования в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, устанавливаемыми Российской Федерацией. С принятием Федерального закона 2007 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» можно говорить о новом этапе в развитии образовательной политики. Закон убрал из образовательного законодательства компонентный принцип структурирования государственных образовательных стандартов содержания образовательных программ. Такое изменение в образовательном законодательстве привело нормы закона «Об образовании» в соответствие с нормами Конституции.

§ 6. Причины и характер межнациональных конфликтов и сепаратизма

В исследуемый период этнические конфликты (это когда во внутригражданских конфликтах хотя бы одна из сторон мобилизуется по этническому принципу или от имени этнической группы)⁵¹ в России и других бывших

---

⁵¹ Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – № 4; *Он же*. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // *Он же*. Очерки теории и политики этничности. – М.: Русский мир, 1997. – С. 303–319; Попов А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Под ред. М. Олкот, В. Тишкова. – М.: Московский центр Карнеги, 1997; *Здра*

республиках СССР были доминирующими во всех имевших место конфликтных ситуациях⁵². Наиболее взрывоопасными были регионы со следующими характеристиками. Во-первых, это республики и народы, которые, условно говоря, имели «исторические претензии» к верховной власти относительно добровольности их вхождения в состав СССР, обиды, связанные с депортациями, репрессиями и методами проводимой реабилитации. Во-вторых, высокий потенциал напряженности был характерен для тесно соседствующих этнических массивов на территориях с ограниченными ресурсами. В-третьих, конфликтные ситуации возникали на территориях с большим наплывом вынужденных мигрантов, что само по себе не является объяснением природы конфликта. В-четвертых, это большая поляризация регионов по их социально-экономическому развитию и уровню жизни населения, что заключало в себе угрозу общественному миру и согласию в стране. И по этой причине раскручивалась этноклановая борьба за сферы власти и управления, протекционизм по этническому признаку при распределении ресурсов, приеме на работу, при назначении социальных льгот и выплат. Особенно этот фактор стал опасен, когда в условиях экономического кризиса начала укореняться «этническая безработица» (ситуация, когда люди одной национальности чаще становятся безработными, чем их соседи другой национальности), что было особенно характерно для Северного Кавказа.

В итоге многолетнего мониторинга, проводимого Институтом этнологии и антропологии РАН и Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, установлено, что в 2000 г. 37 субъектов Российской Федерации из 89 (т. е. более трети) были этноконфликтны. Естественно, не все 37 регионов несли в себе конфликтный потенциал одинаковой мощи. По этому признаку их можно разделить на четыре группы. *Первая* – это территории, испытывающие негативные последствия межэтнической напряженности из-за приграничного положения с политически нестабильными регионами; спорные территории; регионы, подвергшиеся интенсивному притоку иноэтнических мигрантов. *Вторая* – «спокойные» полиэтничные регионы, не имеющие исторических предпосылок напряженности между этническими общностями, но с ухудшающейся социально-экономической ситуацией. *Третья* – относительно «спокойные» регионы, в которых, тем не менее, имелись исторические и/или экономические причины межэтнического противостояния. *Четвертая* – очаги межэтнической напряженности, в том числе территории, где напряженность уже

вомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Аспект-пресс, 1997.

⁵²Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). – М.: «Обозреватель», 1994. – С. 265; Конфликты в современной России. Проблемы анализа и регулирования / Под ред. Е.И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000; Тишков В.А., Степанов В.В. Измерение конфликта. Методика и результаты этноконфессионального мониторинга Сети ЕАWAN в 2003 году. – М.: ИЭА РАН, 2004.

проявлялась в открытых конфликтах и военных столкновениях, и территории, где возможны массовые межэтнические столкновения.

В Российской Федерации в 1990-е гг. выделились три очага этнической нестабильности. Самый «горячий» – на Северном Кавказе с его масштабными этнополитическими военными конфликтами (Чечня, Северная Осетия, Ингушетия, Дагестан, частично районы Ставропольского края). В 2000-е гг. ситуация в Чечне обрела стабильность, но экстремистско-террористическое подполье под маркой «имарата Кавказ» возникло в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Негативное влияние этого очага (вместе с Закавказскими республиками) распространилось на часть сельскохозяйственной зоны России – территорию Предкавказья, нижние Поволжье и Урал, а также южные области российского Черноземья. Второй очаг напряженности возник в промышленном Волго-Уральском регионе с центрами повышенной конфликтности в Татарстане и Калмыкии. Эти две республики были в состоянии дестабилизировать обстановку во всем регионе и тем самым разъединить общее экономическое пространство европейской и сибирской частей России, но со второй половины 1990-х гг. ситуация здесь начала стабилизироваться с опорой на социально ориентированное хозяйственное развитие. Третий очаг развился на юге Восточной Сибири. Там межэтническая напряженность усилилась в результате сепаратистских проявлений в Тыве и Бурятии, образующих вместе с Хакасией и Республикой Алтай потенциальную полосу нестабильности вдоль границы России с Монголией и Китаем. Но и здесь за последнее десятилетие положение изменилось к лучшему.

Если бы конфликтность на Северном Кавказе была вызвана лишь распадом СССР, тогда можно было бы надеяться, что с экономическим ростом и усилением федеральной власти наступят мир и спокойствие в этом регионе. Такая точка зрения стала преобладающей в проведении северокавказской федеральной политики. Исходя из подобных представлений, Ингушетия, например, была наделена статусом свободной экономической зоны, т. е. получила большие коммерческие льготы. Для этой республики был открыт более свободный доступ к российскому бюджету. В Ингушетии действительно произошли позитивные перемены по части развития и стабильности, но это не ослабило противоречия ингушей с осетинами. Тот же «экономический» подход в решении этнонациональных проблем российские власти применили к Дагестану и Карачаево-Черкесии. В Кабардино-Балкарии с приходом к власти бизнесмена А.Б. Каноква экономика также стала главным приоритетом.

Тем не менее, исторические корни территориальных и иных межгрупповых разногласий не позволяют сводить все лишь к экономическим проблемам. Традиционализм враждующих группировок, а также их возросшая после 1991 г. этнокультурная изолированность не способствуют взаимопониманию сторон. Ситуацию на Северном Кавказе усугубил ряд факто-

ров. Эти факторы следующие. Авторитарное правление с опорой на силовые структуры, представители которых зачастую пренебрегают не только правами граждан, но и жизнью, здоровьем и имуществом людей, что вызывает недовольство, отрицательное отношение к власти и протестное мщение. Большие запасы оружия в результате военных действий на Кавказе, начиная с карабахского и осетино-ингушского конфликтов, коррупция и слабый контроль над арсеналом вооружения и амуницией со стороны федеральных военных. Вольнонаемные «солдаты» как доходная форма занятости или как идеологическая миссия религиозных радикалов из числа как иностранных наемников, так и собственных «солдат удачи» из регионов бывшего СССР. Бедность и безработица, распространенные среди части местного населения, особенно мужской молодежи, еще с советских времен. Перенаселенность, наиболее заметная в сельской местности из-за быстрого демографического роста при недостатке хозяйственных территорий и предприятий и большого числа беженцев и вынужденных переселенцев⁵³. Центром и мощным катализатором этнополитической напряженности и конфликтности на всем Кавказе стал длительный вооруженный конфликт в Чечне.

Сложную и неординарную историю имеет взрывоопасный узел в пограничье Северной Осетии и Ингушетии. Как известно, противостояние осетин и ингушей вызвано территориальными разногласиями из-за принадлежности Пригородного района Северной Осетии. После того как в Ингушетии в 1991 г. был проведен референдум о создании Ингушской автономии и возвращении земель Пригородного района, последовала серия открытых осетино-ингушских столкновений⁵⁴. Толчком к новой эскалации конфликта послужил Закон Верховного Совета РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», в котором в соответствующих статьях были зафиксированы нормы по территориальной реабилитации репрессированных народов. Однако закон не предлагал правовые механизмы реализации упомянутых статей и создавал опасные прецеденты для силовых территориальных переделов (так как «восстановление исторической справедливости» оборачивалось несправедливостью по отношению к реалиям начала 1990-х гг.). Мотивируя свои требования новым законом, органы власти созданной летом 1992 г. Республики Ингушетии заявили о необходимости возврата своих территорий. Активисты этнонациональных движений в обеих республиках сделали ставку на силу и поддержку этой силы (или смирение с ней) в Москве. Население ингушских и осетинских районов начало формировать отряды самообороны. Переживающий серьезные внутренние разногласия российский центр фактически

---

⁵³ Интересный анализ этих факторов см.: *Казенин К.И.* Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. – М.: «Регнум», 2012.

⁵⁴ *Карпов Ю.Ю.* К проблеме ингушской автономии // Советская этнография. – 1990. – № 5.

самоустранился от контроля над ситуацией в зоне конфликта. В результате противостояние переросло в вооруженные столкновения между ингушами и осетинами в период с 31 октября по 5 ноября 1992 года. Федеральные и республиканские власти, а также введенные в зону конфликта федеральные вооруженные силы не смогли эффективно остановить насилие, начавшиеся погромы и изгнание ингушей с территории Северной Осетии⁵⁵.

Последствия этих столкновений, а по сути кровавой бойни, оказались тяжелыми. Они на долгие годы определили этнополитический климат в двух республиках, стали основой для политической мобилизации постсоветской Ингушетии и Северной Осетии. Обе стороны дали собственную интерпретацию событий. Осетинская сторона считала, что ингушские боевики из сел Пригородного района и Назрани пытались осуществить аннексию осетинской территории. Ингушская сторона видела источник конфликта в действиях осетинских вооруженных формирований, атаковавших ингушские села. В то же время официальная позиция и политико-правовая оценка российской власти по этому вопросу не прозвучала. Советом безопасности РФ был подготовлен только проект политической оценки событий октября – ноября 1992 года. Комиссия Государственной думы во главе с С. Говорухиным по расследованию конфликта также не смогла представить окончательное заключение. По официальным данным, в зоне конфликта в ходе осетино-ингушского вооруженного противостояния погибло 478 чел., ранено 840 чел., более 200 пропали без вести. Около 40 тыс. чел. стали вынужденными переселенцами. Общий материальный ущерб оценен в 12 млрд руб. (в ценах 1992 г.). Со стороны обеих республик не последовало реальных шагов к компромиссу – та и другая сторона записала в своих конституциях право на одну и ту же территорию. При этом Северная Осетия еще и установила главенство своего закона над Конституцией РФ в спорных случаях. Записанное в конституции Ингушетии положение о «необходимости возврата утраченной территории» подтолкнуло осетинских политиков к заселению бывших ингушских домов осетинами-беженцами из Грузии. По прошествии почти 20 лет от начала конфликта возвращение ингушей на родину крайне затруднено, хотя и действуют соответствующие соглашения и федеральные акты. Прежде всего, никто не в состоянии гарантировать возвращенцам безопасность их жизни. Даже правоохранительные органы Северной Осетии не лояльны к процессу возвращения ингушей. Из более 30 тыс. покинувших Северную Осетию в ходе конфликта ингушей возвратилось менее 10 тыс. человек. Тяжесть осетино-ингушского противостояния усугубили социальные проблемы, вызванные притоком около 40 тыс. беженцев-осетин из Грузии в период осетино-грузинской

---

⁵⁵ Подробный анализ см.: *Тишков В.А.* Осетино-ингушский конфликт (Антропология этнической чистки) // *Он же.* Очерки теории и политики этничности в России. – М.: Русский мир, 1997. – С. 354–400.

войны 1991–1992 гг. Причем 90 % из их числа – это беженцы не из Южной Осетии, а с собственно грузинских территорий.

Третьим очагом напряженности в Северо-Кавказском регионе был Дагестан. Хотя вылазки боевиков с территории Чечни в Дагестан жестко пресекались, а религиозным экстремистам ваххабитского толка давался отпор⁵⁶, тем не менее, скрытые там очаги напряженности могли перерасти в затяжную гражданскую войну⁵⁷. Еще в период существования СССР в Дагестане сложились три основные зоны этнополитической напряженности. Условно – северная, прикаспийская и южная. На севере ногайские радикальные активисты вынашивали планы создания независимого от Дагестана государства. Их этническая территория – Ногайская степь – оказалась административно расчлененной. Всего лишь треть ногайцев проживала на территории Дагестана, а остальные – в Ставрополье, Чеченской Республике, Карачаево-Черкесии и Астраханской области. Политические лидеры ногайцев задачу-максимум видели в том, чтобы объединить части степи в единую республику, а задачу-минимум в том, чтобы была восстановлена национальная автономия в границах 1957 года⁵⁸.

На юге Дагестана, где относительно компактно живут лезгины, была аналогичная ситуация. Этнический ареал лезгин простирается на территорию соседнего Азербайджана, поэтому создание суверенного Лезгистана путем объединения пограничных районов Дагестана и Азербайджана было целью радикальных лезгинских лидеров. Мотивировалось это тем, что до присоединения к Российской империи существовали так называемые вольные лезгинские общества, а также ханства: Кюринское, Дербентское, Кубинское. В центральной части Дагестана проблему автономии выдвигали кумыки. Основанием их требований служило то, что в Дагестане не осталось ни одного кумыкского района и фактически началось вытеснение кумыков за пределы Дагестана⁵⁹. Причиной такой риторики являлась миграция горцев, прежде всего аварцев, на равнину. В границы гипотетической автономии, по мысли кумыкских лидеров, должны были попасть центральные экономически развитые территории, включая столицу Дагестана, а это означало, что кумыкскими в таком случае становились основные транспортные артерии и значительная часть морского побережья. Все это вызывало возражения со стороны представителей других народов республики. Идея кумыкской автономии входила в противоречие и с феде-

---

⁵⁶ Кисриев Э. Республика Дагестан. Модель этнологического мониторинга. – М., ИЭА РАН, 1999.

⁵⁷ Тишков В.А. Материалы по проблемам межнациональных отношений в Российской Федерации // Российский этнограф. – № 1. – М., 1993.

⁵⁸ Калиновская К.П., Марков Г.Е. Ногайцы – проблемы национальных отношений и культуры // Советская этнография. – 1990. – № 2.

⁵⁹ Аджиев М.Э. Проблема этнической самоидентификации в общегосударственной структуре народов СССР (на примере кумыков) // Международный симпозиум «Право и этнос». Материалы для обсуждения (Москва – Голицыно, октябрь 1991). – М., 1991.

ральной политикой строительства через упомянутые территории нефтепровода в обход мятежной Чечни.

Толчком для общедагестанского кризиса могло послужить практически любое мелкое столкновение. Во многих районах обстановка была накалена до чрезвычайности. Например, перестрелки противоборствующих сторон и убийства совершались в ходе выборов 1997 г. местных (районных) глав администраций, при многочисленных столкновениях приверженцев разных религиозных направлений. В 1990-е гг. не раз звучали заявления проживающих в Дагестане чеченских активистов с требованиями об освобождении исконных земель, занятых дагестанцами после депортации чеченцев-аккинцев Ауховского района. В этой связи местное нечеченское население, ввиду нарастания напряженности, также обзаводилось оружием. Все это провоцировало автономистские движения, которые могли вызвать цепную реакцию.

Другие северокавказские республики также столкнулись с большими проблемами. Давала о себе знать напряженность между кабардинцами и балкарцами из-за стремления малочисленных балкарцев к административно-политической самостоятельности. Была даже провозглашена в 1991 г. Балкарская Республика (в составе Российской Федерации) по результатам общепалкарского референдума. Предпосылки такого разделения действительно были: горные общества балкарцев, относящиеся к тюркской группе народов, близки с карачаевцами, административно присоединены к Кабарде только в 1922 г. Что касается Кабарды, то там взгляд на идею национального возрождения после распада СССР был еще амбициознее: провозглашение Кабардинской республики с последующим политическим объединением всех адыгских народов (кабардинцев, черкесов, адыгейцев, сочинских шапсугов). Объяснялось это тем, что все эти народы – суть искусственно разделенный адыгский (черкесский) народ во времена завоевания Северного Кавказа Российской империей в конце XVIII – первой трети XIX в. Напоминалось также, что война с царской Россией для многих адыгов окончилась их массовым выселением в Турцию. Возвращение их потомков из стран Ближнего и Среднего Востока рассматривалось как восстановление исторической справедливости. Как единый народ адыги могли бы стать в этом случае первым по численности на Северном Кавказе этносом. Следует заметить, что со времени развития чеченского кризиса общеадыгская идентичность заметно усилилась. В 1998 г. Президент Республики Адыгеи А.А. Джаримов предлагал поставить перед Центром вопрос о возвращении черкесов, кабардинцев и адыгов на родину⁶⁰. В самой республике принят закон о репатриации. Но все усилия по возможному переселению потомков мухаджиров закончились переездом в Адыгею пары десятков семей косовских адыгов. В 2012 г. история повторилась с пе-

---

⁶⁰ См.: Россия – 2000. Современная политическая история (1985–1999 гг.). Т. 1. Хроника и аналитика. – М.: РАУ-Корпорация, 2000. – С. 393.

реездом в Россию небольшого числа черкесских семей из разорванной конфликтом Сирии.

В ряду проблемных территорий была и Карачаево-Черкесская Республика. О своей национальной самостоятельности в период суверенизации заявили карачаевцы, черкесы и казаки, которые объявили своими исконными землями взаимно перекрывающиеся территории. Кроме того, вопрос о собственной государственности ставили живущие здесь малочисленные абазины. Расселенные в северной части ногайцы (имевшие здесь национальный район до начала 1940-х годов)⁶¹ тяготели к общеногайскому этническому объединению.

Таким образом, с начала 1990-х гг. все бывшие северокавказские автономии представляли собой полосу политической нестабильности, причем в большинстве мест этнополитическая напряженность усиливалась. Что же касается «русской» части Северного Кавказа – Краснодарского и Ставропольского краев и Ростовской области, то там ситуация была относительно спокойная. Ее основным обостряющим фактором был отъезд в эту «русскую» часть региона нетитульного населения из республик, а также наплыв самих северокавказцев в качестве беженцев и временных мигрантов⁶². Нигде в России в 1990-е гг. не было такого мощного притока мигрантов, как в степном Предкавказье. Нормативные акты, принятые в то время законодательными органами этих субъектов Федерации (зачастую в нарушение федеральных законов), притормозили этот процесс. Приток беженцев и вынужденных переселенцев встречал сопротивление местного населения, особенно казачества. Серьезным фактором межэтнической напряженности в этом регионе Предкавказья был «синдром прифронтовой зоны» в результате закавказских и северокавказских вооруженных конфликтов. Это обстоятельство подталкивало гражданское население к вооружению, к формированию казачьих вооруженных ополчений.

После Северного Кавказа вторым регионом межэтнической напряженности был Волго-Уральский регион. Здесь Татарстан, объявивший в 1991 г. государственный суверенитет вне рамок Федерации, был главным возбудителем нестабильности. Хотя в республике не было таких усугубляющих обстоятельств, как на Кавказе, т. е. избытка сельского населения, молодежной безработицы и бедности, а тем более – давней борьбы за землю между этническими группами. Не добившись независимости, установив достаточно демократические и социально ориентированные формы власти, лавируя в реальной политике между разнополюсными политическими течениями, руководство республики широко задействовало этнический

---

⁶¹ Арутюнов С.А., Смирнова Я.С., Сергеева Г.А. Этнокультурная ситуация в Карачаево-Черкесской Автономной Области // Советская этнография. – 1990. – № 2.

⁶² По этой проблеме см.: Бугай Н.Ф. Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформация этнической общности (1990-е годы – начало XXI века). – М.: Гриф и К., 2011.

протекционизм. В первое постсоветское десятилетие, при сходной численности татар и русских, произошло радикальное перераспределение управленческих и престижных должностей в пользу этнических татар. Уже в начале 1990-х гг. татары составляли 70–80 % глав администраций и председателей районных советов, районных прокуроров, председателей народных судов, руководства УВД, главных врачей. Социологические опросы того времени показали, что пропагандируемая сепаратистская идея провозглашения Великого Татарстана, которая подразумевает политическое объединение татарских диаспор за пределами республики, пользовалась большой поддержкой. Помимо Башкирии, в сферу подобных интересов радикальных татарских националистов входили Чувашия, Марий Эл, Ульяновская область. В других местах, где татары проживают компактно, например в Астраханской, Тюменской, Пензенской, Оренбургской областях, татарские активисты проводили пропаганду идеи создания независимого государства.

В Башкортостане эксперты констатировали ухудшение отношений между тюркским и славянским населением, отмечали, что с начала 1990-х гг. количество русских непрерывно сокращалось⁶³. Большие усилия были направлены на то, чтобы изменить структуру этнического состава населения республики и переместить этнических башкир на второе место после русских, что и было сделано по итогам переписи населения 2002 г., когда значительная часть татаро-башкирского населения на северо-западе республики была записана исключительно башкирами. Данные проведенной более аккуратно переписи населения 2010 г. уже не дали столь явного прироста башкир, но их превосходящая местных татар численность сохранилась. В 1990-е гг. часть националистически настроенных лидеров башкир предлагала принять специальный закон о гражданстве, который стимулировал бы приток в Башкортостан не татар и русских, а именно башкир.

На юге Поволжья, в Калмыкии, в постсоветский период нередкими были приливы и отливы этнополитической напряженности. Вначале Калмыкия выдвинула территориальные претензии к своим соседям, тогда же там активно действовали националистические силы. Калмыки, будучи одним из депортированных народов, в период сталинских репрессий потеряли автономию и часть земель, ныне принадлежащих Астраханской области и Дагестану. По этой причине взаимоотношения калмыков с жителями оспариваемых территорий были довольно острыми. Эти претензии, в свою очередь, активизировали астраханское казачество, которое получило поддержку со стороны донских казаков Ростовской области (юго-западная часть Калмыкии, где и теперь преобладает русское население, некогда

---

⁶³ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Столярова Г.Р. Этнодемографические процессы в Казанском Поволжье. – Казань: Изд-во КГУ, 1991.

входила в состав области Войска Донского). Соседняя с Калмыкией Волгоградская область была в то беспокойное время оплотом межэтнической стабильности, хотя и оказалась местом пересечения «конфликтных импульсов» из Поволжья и Кавказа. Таким образом, наиболее стабильными в Волго-Уральском регионе в 1990-е гг. были 9 субъектов из 21. Это области: Астраханская, Волгоградская, Саратовская, Самарская, Кировская, Свердловская, Курганская, Пермская (на юге которой иногда возникала проблема автономизации башкир) и Нижегородская (здесь также компактно проживающие сергачские татары высказывали претензии на автономию).

Третий регион этнополитической напряженности в 1990-е гг. сформировался на юге Восточной Сибири, где ядро нестабильности составляла Тыва. Будучи присоединенной к СССР только в 1944 г., Тыва оставалась почти полностью изолированной от других регионов СССР и России, в том числе в этнокультурном отношении. В период кризиса СССР и начала процесса суверенизации, в конце 1980-х гг., в республике выросли сепаратистские настроения за выход из Российской Федерации, активизировались религиозные миссионерские организации из стран Запада. Традиционная религия – буддизм ламаистского толка – возвратила свои былые позиции. Массовая безработица и высокий уровень преступности стали факторами, которые провоцировали межэтнические конфликты, что привело к сокращению сферы русского языка и оттоку русского населения⁶⁴.

Положение в Тыве оказывало влияние на соседнюю Хакасию. В 1990-е гг. здесь началось общественное движение за восстановление степного самоуправления во главе с Хакасским степным советом, которое хакасы имели с 1918 до начала 1930-х гг.⁶⁵ Преобразование Хакасской автономной области в республику было отмечено как день восстановления государственности хакасов⁶⁶. По этой причине обстановка в Хакасии стабилизировалась. К востоку от Тывы приграничную полосу нестабильности составили бурятские автономии. В среде радикальной части бурятской интеллигенции выдвигались требования воссоздать Бурят-Монгольскую Республику, в которой были бы объединены все бурятские автономии (в 1937 г. республика была разделена на три части с присоединением их к разным административным единицам). Высказывались идеи объединения бурятских территорий с Монголией, с которой буряты имеют давние исторические связи, одну религию, близки по языку и культуре. Негативное отношение к России поддерживалось народной памятью о разгроме в 1920–1930-е гг. буддистских монастырей и массовом закрытии национальных школ. Осо-

---

⁶⁴ *Жорницкая М.Я.* Национальная ситуация в Тувинской АССР и Хакасской АО // Межнациональные отношения в СССР. – М., 1991; *Москаленко Н.П.* Этнополитическая история Тувы в XX веке. – М.: Наука, 2004.

⁶⁵ *Кызласов И.Л.* О самоназвании хакасов // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 2.

⁶⁶ *Бутанаяв В.Я.* Вопрос о самоназвании хакасов // Там же.

бенно явно это было распространено среди восточных бурят⁶⁷. В противовес сепаратистским устремлениям части бурят проживавшее по соседству русское старожильское население выдвинуло идею создания Байкальской республики, в которую, помимо Бурятии, вошли бы Читинская и Иркутская области. Свои идеи выдвигали и потомки казаков – например, возродить вдоль границы России с Монголией и Китаем забайкальское казачье войско с автономными правами и льготами. Как и в Тыве, сепаратистские движения в Бурятии сдерживались бедственным экономическим положением республики и дотационной зависимостью от федерального бюджета.

На западе Сибири полоса потенциальной этнической нестабильности включала Республику Алтай, захватывая и соседнюю Горную Шорию. Местные алтайцы, преимущественно сельские жители, сильнее, чем русские, испытывали в 1990-е гг. социально-экономический кризис и безработицу. Упадок сельскохозяйственных отраслей вызвал локальные межэтнические столкновения и отток русского населения за пределы республики⁶⁸. Таким образом, на юге Сибири все бывшие национальные автономии и прилегающие к ним территории представляли собой потенциальные очаги политической нестабильности, в ряде мест перерастающие в межэтнические столкновения.

Следующий по значимости очаг межнациональной напряженности находился в Якутии. Здесь еще в середине 1980-х годов начался рост политической активности «титупной» национальности. При том, что якуты составляли в то время не более трети населения, уже по результатам выборов 1990 г. в Советы и исполкомы всех уровней республики якуты занимали 65–75 % руководящих постов. В Якутии был повышен статус школьного образования на якутском языке и понижен при этом уровень русскоязычного образования. Стимулом достижения максимальной независимости от «русского» центра выступало богатство якутских месторождений. Наряду с ростом сепаратистской активности якутов заметны были также антисепаратистские настроения русских в городах Якутии, смысл которых состоял вообще в упразднении якутской государственности⁶⁹.

В целом этнический национализм, включая его крайнюю форму – сепаратизм, в России пережил разные формы и прошел разные стадии⁷⁰. От-

---

⁶⁷ Жуковская Н.Л. Бурятия: предпосылки этнической напряженности // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. – Вып. 3: Межнациональные конфликты в посттоталитарном обществе. – Ч. II: Панорама этнических напряжений и противостояний. – М.: ИСРАН, 1993.

⁶⁸ Степанов В.В. Проект Катунской ГЭС: угроза этнической культуре? // Вестник Российской Академии Наук. – 1993. – № 12.

⁶⁹ Тишков В.А. Этничность и власть в СССР (этнополитический анализ республиканских органов власти) // Советская этнография. – 1991. – № 3.

⁷⁰ См. подр.: Дробижнева Л.М., Аклаев Р.А., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. – М.: Мысль, 1996.

крытая форма радикального сепаратизма была связана с борьбой, в том числе и вооруженной, под лозунгом самоопределения, за территориальное вычленение из общего государства и установление независимого государства. После распада Советского Союза в России многие этнические группы были увлечены проблемой культурного самоопределения, в то же время часть активистов из их среды призывала к созданию этнонациональных административных территорий. Одна из форм «внутреннего сепаратизма» была связана с проблемами административного переустройства России. Еще в конце 1980-х гг. среди лидеров этнонациональных движений стали выдвигаться требования восстановить те или иные мелкие административные единицы, существовавшие в прошлые десятилетия, с приданием им статуса национально-государственных. Так, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. появились национальные районы, например в Якутии (эвенский), Омской области (немецкий), Карелии (вепский), возникли даже национальные сельские общества по типу тех, что организовывались в 1920-е гг. Вселялась надежда на конституционно-правовое закрепление этой формы территориального самоуправления. Однако существенную роль при решении этих вопросов нередко играла «большая» политика. Не получили своей местной автономии ни ногайцы, ни нижегородские и пермские татары, ни вепсы, ни абазины, ни шапсуги. Среди претендентов на административную самостоятельность были и достаточно многочисленные этнические группы, например кумыки, черкесы, лезгины, лидеры которых выдвигали требования довольно настойчиво. Их действия вполне могли привести тогда к конфликтам.

Не менее опасны были и другие факторы, провоцирующие внутренний сепаратизм. Чаще всего они носили субъективный характер. Это когда власти принимали решения, не сообразуясь с реалиями жизни. Так, в начале января 1990 г. в пограничье с Ираном не менее тысячи азербайджанцев Нахичеванской АССР прорвали заслоны и вплавь через реку Аракс вышли на территорию соседней страны, в северной части которой проживают азербайджанцы. Так было продемонстрировано, что нельзя разделять государственной границей единый народ. Это было довольно серьезное напоминание о проблеме разделенности этнических групп. Но в 1997 г. со ссылками на уже российский закон «О государственной границе Российской Федерации» в дагестанском пограничье с Азербайджаном была введена 5-километровая зона от р. Самур, разделяющей Российскую Федерацию с Азербайджаном. Эта режимная зона разделила не только государство, но и лезгинский народ, более 200 тысяч которого проживает в Дагестане и столько же в Азербайджане. По этому поводу этнополитологом Э.Ф. Кисриевым на парламентских слушаниях в Госдуме России сказано следующее: «Дагестанцы не против закона. Главное, чтобы жесткий режим не вредил населению. Порядок может принести только пользу. Но это в том

случае, если этот порядок не превратится фактически в этническое насилие со стороны отчужденной от народа жесткой бюрократической власти. Тогда мы действительно породим в Южном Дагестане новое поколение чрезвычайно агрессивно настроенной молодежи, нелояльной по отношению к России»⁷¹.

Каковы были причины сепаратизма и этнических конфликтов в России в период ее становления как нового суверенного и демократического государства? Распространено мнение, что сепаратизм и конфликты возникают как результат амбициозных устремлений националистически настроенных политиков и как результат внешних воздействий в контексте геополитических соперничеств. Это верно, но это не единственные и даже не всегда основные причины. Факторы межэтнических конфликтов и сепаратизма можно разделить на две категории – *стимулирующие и основные*. К разряду стимулирующих факторов сепаратизма, прежде всего, относятся: ухудшение экономического положения, вызывающее различные формы социальной и политической активности; соперничество этнических и политических группировок; политические амбиции местных лидеров; слабость центральной политической власти; стремление придать атрибуты государственности внутренним административным территориям; специальные действия зарубежных сил. Долговременным и своего рода базовым фактором сепаратизма является сама по себе межэтническая напряженность. По результатам этнологического мониторинга ситуации в постсоветских государствах и исследований, осуществляемых в течение многих лет ИЭА РАН, был сделан вывод, что именно узел нерешенных этнических проблем представляет собой основную причину конфликтов и сепаратизма.

Следовательно, нужно принимать во внимание не только вышеперечисленные факторы-стимулы, но и те причины, которые приводят к острым противоречиям между этническими группами. Следует учитывать, что существует межгрупповая, межэтническая конкуренция в сфере управления, производства и бизнеса. Такая конкуренция вызывается не столько кратковременными экономическими трудностями, сколько более значительными социальными явлениями. Например, этническими различиями в демографическом воспроизводстве, особенностями профессионального и образовательного состава этнических групп, их неодинаковой концентрацией в городской и сельской местности, культурно обусловленной склонностью (или, наоборот, несклонностью) к миграции, определенным формам труда, уровнем этнического представительства во властных и управляющих структурах и другими структурными факторами. Без знания этих за-

---

⁷¹ См.: Национально-культурные особенности развития народов Южного Дагестана: Материалы «круглого стола», 11 декабря 2006 года. – М.: Издание Государственной думы, 2008. – С. 11.

кономерностей трудно было бы, например, погасить сепаратизм черкесов в Карачаево-Черкесии, проявивший себя во время политического кризиса 1999 г., вызванного выборами главы республики. Предлагаемые Центром решения, суть которых сводилась к социальному обустройству республики и значительным денежным вливаниям, несколько не ослабили накала страстей, пока не были достигнуты договоренности о принципах распределения руководящих постов в ведущих экономических и социальных сферах Карачаево-Черкесии, удовлетворивших лидеров черкесских и карачаевских этнических группировок. Аналогичным образом разрешено мирным путем опасное противостояние в сентябре 1992 г. в Кабардино-Балкарии после республиканских выборов президента, когда ведущая общественная организация «Адыге Хассе» и оппоненты выигравшего выборы В.М. Кокова организовали бессрочный митинг в Нальчике и блокаду здания Верховного совета. Только договоренности противостоящих сторон при участии федерального министра по делам национальностей (которым в то время был автор этой главы), в том числе договоренности о распределении властных должностей, обеспечили мирный исход острого политического кризиса, а затем – достаточно длительное стабильное развитие республики. И конечно же значимым фактором развития этнических противоречий и сепаратизма является невнимание государственных органов власти и управления, гражданского общества к этнокультурным и языковым различиям групп населения. Различия в этнической культуре и языке в сложных по составу населения сообществах приводят к определенным формам этноцентризма, а такие формы поведения в известных условиях трансформируются в националистические установки и действия. Мониторинг этнонационализма в России показал, что наибольшее развитие в 1990-е гг. получили риторика сепаратизма и конституционные разногласия между Федерацией и ее субъектами. Заметно меньше была выражена готовность к выходу из состава Федерации и еще меньше – противостояние в экономической сфере.

Проблемы конституционных разногласий между Федерацией и ее субъектами были связаны не только с трудностями раздела собственности, распределения власти, но и с несовершенством механизма выработки законов. Россия и ее регионы в исследуемый периодполнили свою юридическую базу тысячами новых актов, однако многие из них многократно подвергались изменениям. Были ситуации, когда противоречивые законы появлялись в регионах и Центре в один и тот же период. Затем требовалось немало времени для преодоления коллизий. Кроме того, в регионах, как правило, законы принимались быстрее, но на низком профессиональном уровне. Вместе с тем, риторика стремления к независимости и ее законодательное оформление редко выражались в крайних формах. Если, к примеру, трудно урегулюровались вопросы о разделении прав на ресурсы, республики, другие субъекты Федерации, обычно шли на жесткую кон-

фронтацию, но конфронтация не переросла в «войну интересов». Также было и в сфере законодательных разногласий. Лишь Чеченская Республика заявила о выходе из Федерации, а Татарстан готов был идти в вопросах независимости на компромиссы. Опять же, за исключением Чечни, в других регионах не происходило реорганизации системы власти, которая явно противоречила российским нормам. Например, если Башкортостан и Ингушетия настаивали на введение и собственной судебной системы, это не означало, что она основывалась бы на законах шариата. Таким образом, можно констатировать, что первые два фактора: *риторика сепаратизма* и *конституционные разногласия между Федерацией и ее субъектами* не содержали прямой угрозы целостности России, но были начальными шагами к ее дезинтеграции.

Два других фактора, питающих сепаратизм, – *экономические разногласия* и *военно-политическая готовность к выходу из Федерации* – также имели место в исследуемый период. В экономической сфере наиболее распространенной формой конфронтации было несоблюдение бюджетной дисциплины⁷². В первой половине 1990-х гг. в борьбе за экономические привилегии некоторые республики попросту отказывались перечислять положенные суммы в общероссийский бюджет (в первую очередь Татарстан, Башкортостан). Однако ни одна из республик не заявляла о полном разрыве бюджетных отношений с Федерацией. Проблема дефека прибыли подталкивала многие республики, имеющие значительные природные ресурсы, к нарушению общегосударственных таможенных правил, принципов торговли с другими странами. Зачастую такая деятельность несла в себе угрозу национальной безопасности страны. Однако эти шаги объяснялись стремлением получить экономическую выгоду, а не конфронтационными намерениями по отношению к Центру. Если, например, Бурятия, занимаясь приграничной торговлей, вела ее таким образом, что баланс оказывался в пользу Китая, то это не означало, что республика целенаправленно работала на подрыв российской экономики, а лишь свидетельствовало о неопытности местных управленцев и бизнесменов.

Что же касается *военно-политической готовности к выходу из Федерации*, здесь серьезную опасность представляла значительно возросшая нелегальная, а в некоторых случаях (Чеченская Республика, Ингушетия, Северная Осетия – Алания, Дагестан) и легальная вооруженность гражданского населения. В целом же не было особой активности местных элит по созданию незаконных вооруженных формирований. Абсолютным исключением являлась Чечня, где фактически были созданы собственные вооруженные силы и распространена военная доктрина, в соответствии с которой Россия называлась главным врагом. Серьезным шагом к вооружению

---

⁷² Степанов В.В. Особенности экономики этнопроблемных регионов // Социологические исследования. – 1999. – № 6.

населения и созданию гражданских групп самообороны явились военные действия в Дагестане против боевиков, пришедших с территории Чечни осенью 1999 г. Угроза последующих вторжений, а также высокий уровень преступности заставили местное население в Дагестане отказаться от разоружения. Для Ингушетии, Дагестана также были характерны случаи открытого неприятия расположенных на их территориях федеральных войсковых подразделений и пограничных сил. Незаконные вооруженные формирования, особенно во второй половине 1990-х гг., действовали также в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Их наличие и террористическая деятельность продолжались и после 2000 г., а именно под маркой подпольного образования Имарат Кавказ, за которым стоят международные террористы.

За исключением ситуации в Чечне, общий уровень дезинтеграционных устремлений в целом в России к началу 2000-х гг. не был таким критическим, как в начале 1990-х. Такое положение отражало ход развития общественных институтов, которое, видимо, на первоначальном этапе было связано с ослаблением государственного централизма. По мере возврата федерального централизма и выстраивания «вертикали власти» начиная с 2000 г. уровень этнической напряженности и конфликтности заметно снижался. При определении уровня сепаратизма к началу 2000-х гг. как среднего по своей интенсивности, следует учитывать два важных обстоятельства. Первое. Начавшаяся из Чечни открытая вооруженная эскалация ваххабизма в Дагестан, Карачаево-Черкесию, Кабардино-Балкарию уже ни у кого не вызывала сомнения в том, что за так называемой чеченской революцией стоял международный терроризм. По этой причине все российское общество поддержало федеральный центр, который начал проводить контртеррористическую операцию. Со сплочением в Чечне антиваххабитских сил вокруг бывшего муфтия Чечни Ахмата Кадырова, который взял курс на возвращение республики в конституционное поле России, поменялась ситуация на всем Северном Кавказе.

Немаловажное значение имело и второе обстоятельство, которое способствовало подавлению сепаратизма. Это линия поведения и действия президентов «неспокойных республик». Так, в Татарстане и Башкортостане в период 1990–1993 гг. события развивались весьма тревожно. Сдержанная политика М.Ш. Шаймиева и М.Г. Рахимова не допустила раскола общества и, используя рычаги федеративной демократии, привела его к согласию. Угрозу раскола и острых конфликтов переживали в те же годы Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Здесь президенты В.М. Коков и В.И. Хубиев также сумели найти пути к общественному и международному согласию. Острая обстановка все эти годы была в Дагестане. Именно эту республику пытались прежде всего раскачать экстремисты. Выдержку и умение находить компромиссы проявили в трагической ситуации осетино-ингушского и грузино-югоосетинского конфликта прези-

денты Р.С. Аушев и А.Х. Галазов. Можно предположить, что не будь опрометчивых шагов руководства России по снятию с поста руководителя Чечено-Ингушской Республики Д.Г. Завгаева, события и здесь не приняли бы столь драматического оборота.

§ 7. Особенности российской этнополитики начала XXI в.

Существенные перемены в сфере этнонациональной политики и в целом в сфере межэтнических отношений начались с приходом к власти В.В. Путина – сначала как главы Правительства (с осени 1999 г.), а затем как исполняющего обязанности (с 1 января 2000 г.) и избранного (с мая 2000 г.) Президента Российской Федерации. Новый курс обозначен поворотом в сторону укрепления государственности, целостности и суверенитета страны, подавления очага вооруженного сепаратизма на Северном Кавказе и противодействия религиозному и другим формам экстремизма. В своем первом президентском послании Федеральному собранию В.В. Путин обозначил также проблему «Русского мира», т. е. поддержки и объединения российских зарубежных соотечественников и других людей и организаций, связанных с Россией, ее культурой и русским языком. Некоторые новые моменты высказаны в отношении миграционной политики по части ее более строгого государственно-правового регулирования и интеграции мигрантов в принимающее их общество.

Одной из первых инициатив Президента была работа по приведению в соответствие с федеральной Конституцией конституционно-правовых актов субъектов Российской Федерации и прежде всего республиканских базовых правовых норм, которые еще сохраняли в себе положения эпохи «неограниченного суверенитета» и недостаточные гарантии прав граждан нетитульной национальности. Для решения этой задачи в 2000 г. введена система семи федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента России и сетью федеральных инспекторов непосредственно в субъектах Федерации. На протяжении ряда лет эта работа была выполнена через внесение поправок в республиканские конституции и законы, а также через другие механизмы. Федеральные округа сохраняются в системе государственно-административного устройства страны по сей день. В январе 2010 г. из Южного федерального округа выделен Северо-Кавказский федеральный округ с центром в г. Пятигорске, руководство которого во главе с А.Г. Хлопониним сосредоточилось на осуществлении модернизационных проектов и подавлении вооруженной террористиче-

ской деятельности в регионе⁷³. Важное место заняла работа по поддержке деятельности этнокультурных организаций и объединений, включая те, которые созданы диаспоральными сообществами и русским населением (казачеством)⁷⁴.

Еще одним важным шагом в сфере этнотерриториального устройства страны стал процесс укрупнения субъектов Федерации за счет слияния автономных национальных округов с более крупными областями и краями, куда они и входили в советское время. Этот шаг диктовался, прежде всего, экономическими факторами, а именно необходимостью объединения ресурсов территорий для более успешного развития и улучшения социальных условий жизни населения. Объединение имело целью также уменьшить число субъектов Федерации, а следовательно, повысить эффективность управления. Меньше всего укрупнение субъектов преследовало цель лишить проживающие в автономных округах малочисленные народы атрибутов самоопределения, поддержки их традиционного хозяйства и культурно-языкового развития. Однако в ряде округов общественные активисты, в частности бурятские, этот процесс восприняли негативно. Еще более болезненной и открыто конфронтационной была реакция со стороны адыгской общественности на возможное возвращение республики в состав Краснодарского края. Всего на 2010 г. упразднено шесть автономных округов и общее число субъектов Российской Федерации составило 83, из них 21 республика, 1 автономная область и 4 автономных округа.

В русле оптимизации государственно-административной структуры и повышения эффективности управления, а также в результате критики со стороны оппозиции изменена система выборов глав субъектов Федерации, включая и президентов (глав) российских республик, которые до этого избирались на прямых выборах, а с 2004 г. стали утверждаться Президентом РФ по представлению региональных законодательных органов. Следует заметить, что отмена прямых выборов, действительно, не решила одну из важных задач – это устранение клановости и коррупции региональных властей. С июля 2012 г. страна вернулась к прежней системе выборности региональных лидеров. Однако для российских республик вопрос качественного и эффективного управления на демократических, открытых принципах остался одним из наиболее трудно решаемых. Что касается обычных регионов, то появляется тенденция использовать в выборных целях шовинистическую и ксенофобскую идеологию, чтобы подыгрывать бытовым

---

⁷³ См.: *Тишков В.А., Аствацатурова М.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М., ФГНУ «Росинформагротех», 2010; *Аствацатурова М.А.* Региональное моделирование национальной стратегии и гражданской идентичности в Северо-Кавказском регионе. – М., 2011; *Казенин К.* Элементы Кавказа: земля, власть и идеология в северокавказских республиках. – М.: Regnum, 2012.

⁷⁴ *Аствацатурова М.А.* Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). – Ростов-на-Дону, 2008.

фобиям и обеспечить голоса русского большинства. Эта тенденция проявилась и в предыдущих избирательных кампаниях, но все-таки предупреждения «сверху» оказывали сдерживающий эффект⁷⁵.

В доктринальном плане некоторые новые подходы в области этнонациональной политики сформулированы еще в сделанных по поручению президента В.В. Путина предложениях по корректировке в действующей Концепции государственной национальной политики. Но они не были приняты скорее по причине ортодоксального подхода Государственно-правового управления Администрации Президента России. Многолетний руководитель этого управления Л.И. Брычова жестко стояла на позиции «многонационального народа» и никаких других наций, кроме тех, которые были объявлены еще в СССР, для нее и, к сожалению, для многих отечественных юристов не существовало. Как, кстати, они не считали и Россию национальным государством. Председатель Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Государственной думы нескольких созывов В.Н. Плигин спросил меня однажды: «А сколько десятилетий нам потребуется, чтобы построить гражданскую нацию?» Государственное строительство в этом плане традиционно воспринималось как формирование монокультурных и во всем солидарных коллективных целостностей, а не как утверждение надэтнической формы общероссийского самосознания, не исключая другие формы коллективной идентичности и солидарности.

Однако и без обновления Концепции в ряде ежегодных посланий Президента Федеральному собранию и в официальных выступлениях Президента В.В. Путина было заявлено о новом понимании российского народа как многоэтнической гражданской нации и о возможности и необходимости достижения национального единства при сохранении этнического и религиозного разнообразия населения страны. В 2004 г. на встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в Казани В.В. Путин заявил: «Сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас объединяет... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство»⁷⁶. В 2008 г. Д.А. Медведев сказал похожие слова, подтвердив тем самым линию высшего руководства страны на формирование общероссийской национальной идентичности: «Само историческое развитие российской нации в немалой степени основывалось на богатстве и сохранении этнокультурной и поли-

---

⁷⁵ См. анализ избирательных кампаний 2011–2012 годов по выборам депутатов Госдумы и Президента страны: *Тишков В.А.* Национализм и выборные кампании // Вестник российской нации. – 2012. – № 2–3. – С. 72–90.

⁷⁶ URL: http://www.kremlin.ru/appears/2004/02/05/2116_types63374types63378_60337.shtml

конфессиональной среды... Благодаря этому единство российской нации выдержало многие испытания. И в наши дни является важным фактором преодоления экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости»⁷⁷.

Эти фундаментальные положения о необходимости осуществления в России формулы «единства в многообразии» отвечают не только насущной потребности обеспечения гражданского согласия в крупном государстве, это также единственная реализуемая формула устройства многоэтнической страны. Новая идеология гражданского национализма ни в коей мере не означала отрицание или растворение российских национальностей (наций в этническом смысле слова) в некой монокультурной общности под названием российская нация. Последняя есть, прежде всего, форма надэтнической гражданской идентичности россиян, которые представляют собой по историческому и культурному наследию и по современным лояльностям и патриотизму представителей одного народа – российского народа, многообразного, но единого.

Для некоторых малопросвещенных или вымуштрованных советским обществоведением такой переход к новому и более сложному пониманию «нации» показался или попыткой вернуться к концепту «советского народа», или, наоборот, забежать вперед без учета российской уникальности и традиционности. В связи с кризисом понимания, что есть Россия и ее народ, а также в связи с активным или скрытым отторжением концепта гражданской нации и российскости как историко-культурной идентичности предприняты специальные исследования и разъяснения, которые поддержаны многими влиятельными учеными и научными центрами. Авторитетные исследования и социологические опросы показали, что за два постсоветских десятилетия среди коллективных идентичностей граждан страны на первое место вышла идентичность «Мы россияне»⁷⁸. В стране прошли многочисленные конференции и форумы по проблеме российской нации⁷⁹. В 2007 г. создан Общероссийский союз общественных объединений «Российская нация», который стал издавать научный и общественно-политический журнал «Вестник российской нации». Состоявшийся в сентябре 2011 г. в г. Ярославле с участием президента Д.А. Медведева Мировой политической форум через подавляющее большинство выступлений

---

⁷⁷ Медведев Д.А. Речь на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов 28 июня 2008 г. // URL: <http://www.kremlin.ru>

⁷⁸ См.: Российская идентичность в условиях трансформаций. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Наука, 2005; Российская идентичность в Москве и регионах. Под ред. Л.М. Дробизевой. – М.: Макс Пресс, 2009; Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2010; *Тишков В.А.* Российский народ. Книга для учителя. – М.: Просвещение, 2010.

⁷⁹ См., напр.: Российская нация и общественное развитие России в современных условиях. Информационно-аналитический сборник по материалам заседания круглого стола 21 сентября 2011 года. – М.: Московский дом национальностей, 2011.

его участников подтвердил приверженность российской политической и научной элиты принципам демократического устройства современных многоэтнических государств и политике поддержки этнокультурного разнообразия.

Однако консервативно-националистический тренд последних лет создал как бы дополнительные возможности противникам гражданской нации в России. В рамках этого тренда можно рассматривать выступления в наиболее популярных печатных изданиях и на телеканалах известных политологов-комментаторов с концептами «государствообразующей нации» и России как империи. Одним из самых активных был президент Института национальной стратегии Михаил Ремизов, объявивший о «полном провале проекта гражданской нации в России». Сразу после сентябрьского форума он опубликовал статью в журнале «Эксперт», а затем две статьи в газетах «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда»⁸⁰. Как пишет автор, «Россия действительно складывалась как союз народов. Но именно для того, чтобы этот союз был возможен, необходимо признание его основного субъекта – русских как государствообразующей нации. Противостоять этому признанию от имени прав меньшинств нет никаких оснований. Ведь их права уже максимально реализованы – в виде собственных государств, влиятельных лобби, культурных автономий. Осталось лишь дополнить всю эту «цветущую сложность» национальным самоопределением большинства. Рано или поздно это произойдет. Вопрос лишь в том, станет ли пространством самоопределения Российская Федерация или какая-то другая, пока неведомая страна нашего будущего»⁸¹. Насчет того, какая будет страна у самоопределившегося русского большинства, высказался еще сто лет тому назад русский философ Г.П. Федотов: «Россия – не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. Если русские будут игнорировать их голоса, то останемся в одной Великороссии, т. е. России существовать не будет»⁸².

В статье в «КП» изложена выдуманная версия, что якобы до 2003 г. само слово «русский» находилось под запретом, а потом «у соотечественников как будто что-то лопнуло в сознании. Стало ясно, что наднациональный проект «Россияне» проваливается в бездну»⁸³. По мнению Ремизова, предложенная основа для нации в качестве общероссийского патриотизма не подходит, ибо она как идея имеет «наднациональный характер». Автором предлагалось строить нацию не в пределах государственных границ, по-

---

⁸⁰ См.: Ремизов М. Пять причин быть русскими // Эксперт. – 2011. – 12 сентября. – № 36; Он же. Русский фарш // Аргументы и факты. – 2011. – 19 октября. – № 42; Он же. «Почему русские никак не могут стать россиянами» // Комсомольская правда. – 2011. – 13 декабря.

⁸¹ Ремизов М. Пять причин быть русскими // Эксперт. – 2011. – 12 сентября. – № 36.

⁸² Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. – СПб.: София, 1991. Т. 2. – С. 181.

⁸³ «Почему русские никак не могут стать россиянами» // Комсомольская правда. – 2011. – 13 декабря.

скольку «идея единой территориальной нации в существующих границах отсекает этих людей (имеются в виду русские за рубежом. – *В.Т.*) от нашей общности, сужает наше пространство». Вместо лозунга «народов много – страна одна» Ремизов предложил лозунг «стран много – народ один», имея в виду необходимость объединения всех русских в странах бывшего СССР. Еще одна причина невозможности гражданской нации в России, это то, что «для существенной части нашего общества законы гор или законы шариата выше гражданских законов». По мнению Ремизова, наиболее приемлемый выбор для страны – это не идея территориальной целостности и конституционного порядка, а то, что «в центр государства ставим тысячелетний цивилизационный русский проект»⁸⁴. Что это такое, кроме красивой и завлекающей фразы, непонятно.

Еще более вызывающими и провокационными были многочисленные высказывания появившихся в большом числе на телеэкранах «экспертов»-националистов, которых до этого не особенно допускали на публичную арену. А здесь как будто открылись шлюзы для таких публицистов и журналистов, как Холмогоров, Крылов, Дугин, Речкалов и другие. Произносился все тот же набор ограниченных постулатов о «геноциде русских» и их «врагах», но этот набор оказывал свое воздействие на взгляды рядовых граждан. Эта атмосфера острой идеологической борьбы переключалась и в президентскую кампанию.

В недолгой кампании по выборам президента России ставки были намного выше и искушение прибегнуть к националистической аргументации значительно сильнее. Естественно, что основная борьба шла за этническое большинство, т. е. за голоса этнических русских и особенно тех из них, для кого защитные аргументы казались не просто обещающими, но жизненно необходимыми. Таковых среди русского населения страны оказалось к концу 2011 г. очень много (по данным социологических служб, в начале 2012 г. более трети населения страны поддерживали лозунг «Россия для русских»). На этот раз никаких высших предостережений против использования «национального вопроса» не было, но сам национализм густо висел в российском политическом воздухе⁸⁵.

Основной кандидат в президенты страны В.В. Путин одним из первых изложил свое видение вопроса в специальной статье, опубликованной в «Независимой газете», ибо, по его мнению, «для России – с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур – национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер»⁸⁶. Путин дал оценку мировой и российской ситуации в области культурного и религиозного разнообразия и миграционных проблем. Он сформулировал несколько программных положений. Элементы эклектики и противоречиво-

---

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Анализ программ см.: *Тишков В.А.* Национализм и выборные кампании.

⁸⁶ *Путин Владимир.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января.

сти некоторых тезисов (например, о миграции, о наборе книг для чтения и другие) в статье присутствовали, они были вызваны необходимостью включиться в избирательную борьбу за голоса русского большинства, а также быть в унисон с преобладающими массовыми настроениями. Этим и объяснялось его высказывание, что «русский народ является государствообразующим – по факту существования России». Но здесь же автор написал жесткие слова в адрес националистов: «Стержень, скрепляющий ткань этой уникальной цивилизации – русский народ, русская культура. Вот как раз этот стержень разного рода провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России – под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение, о «расовой чистоте», о необходимости «завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа». Чтобы, в конечном счете – заставить людей своими руками уничтожить собственную Родину». Одним из самых важных положений статьи Путина была оценка праздника 4 ноября – Дня народного единства. Этот день есть праздник победы «над внутренней враждой и распрями, когда сословия, народности осознали себя единой общностью. Мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации»⁸⁷.

Следует признать, что никакого особого давления или торга с кандидатом № 1 со стороны республиканских элит не было. Даже не было заявлений против шовинизма в программах других кандидатов. Зато «русские националисты» хотели получить от Путина как можно больше, зачастую выдавая желаемое за действительное. Например, Путин высказался в том плане, что для сохранения численности и даже роста постоянного населения страны необходимо ежегодно пополнять его примерно на 300 тысяч за счет иммигрантов, т. е. превращать такое число приезжих в постоянных жителей, и желательно с гражданством. А националисты и даже комментаторы-эксперты объявляли, что Путин предложил ограничить иммиграцию до 300 тысяч вместо нескольких миллионов. Путин сказал о государствообразующем статусе русских «по факту самой истории», а националисты трактовали это как объявление об особом правовом статусе русских в России. Окончательно свою позицию Путин обозначил за неделю до выборов, когда главный кандидат собрал в московском Манеже своих доверенных лиц и руководителей выборных штабов, на котором обсуждался, в том числе, и «национальный вопрос». Тогда Путин сказал важные слова: «Нам вместе нужно найти нечто такое, что станет объединительным фактором для всей многонациональной, но единой российской нации. И я не вижу ничего другого, кроме патриотизма».

В заключение повторим единственно приемлемую формулу для нашей страны: Россия – это нация наций, и суть современной национальной по-

---

⁸⁷ Путин Владимир. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – 2012. – 23 января.

литики становится двуединой. С одной стороны, это обеспечение национальных интересов российского народа внутри страны и на международной арене, в том числе и через национальные проекты, модернизационное развитие экономики, систему национального образования. С другой стороны, это сохранение и поддержка историко-культурного и религиозного разнообразия проживающих в России представителей разных национальностей и религий. Одно совсем не исключает другое, а, наоборот, возможно только в сложном единстве и при эффективном, демократическом управлении. Национальный вопрос и национальная политика в нашей стране прошли за последнюю четверть века непростой и полный драматических поворотов путь своего развития. Тот бесспорный факт, что Россия с начала либеральных реформ второй половины 1980-х гг. и до 2010 г. развивалась в позитивном направлении, сохраняя свое многообразное единство, говорит о том, что в целом эта политика была успешной. Несмотря на трагические конфликты и сохраняющиеся проблемы.

Перечень иллюстраций

1. Карта расселения племен
2. Рунические надписи
3. Киевский дружинник. X в. Реконструкция по материалам киевского погребения 108. Рисунок Олега Федорова
4. Половецкая каменная баба
5. Русский полон
6. Женщина с вятичскими височными кольцами
7. Карта «Государства царя Белой России или Великого княжества Московского» С.Сансона. 1692 г.
8. Сбор ясака. Летописная миниатюра начала XVIII в.
9. Русские жители Сибири. Гравюра XVIII в.
10. Обращение пермяков в христианскую веру св. Стефаном в 1389 г. Литография 1838 г.
11. Фрагмент решения Земского собора о воссоединении Украины с Россией. 1653 г.
12. Письмо хана Младшего жуза Абулхаира императрице Анне Иоанновне с просьбой принять его в российское подданство. 1730 г.
13. Памятник семи польским генералам, убитым восставшими в 1830 г. за отказ к ним присоединиться
14. Синагога Бродского в Киеве
15. Сергей Семенович Уваров (1786–1855)
16. Николай Иванович Ильминский (1822–1891)
17. Выпуск Центральной крещено-татарской школы 1915 г.
18. Протоиерей Василий Тимофеев (1836–1895), первый священник из крышен, заведующий Центральной крещено-татарской школой с 1863 г. по 1895 г. Переводчик Св. Писания на крышенский язык. Фото из семейного архива родственников священника Василия Тимофеева
19. Строительство Транссиба. Выемки версты арстантами. 516-й пикет № 7-20
20. Здание медресе «Галия» (Казань), открылось в 1906 г.
21. Крымшамхалов Ислам (1861–1910)
22. Султан Казы-Гирей (1807–1859)
23. Умар Мекеров (1847–1881)
24. Шора Ногмов (1794–1844)
25. Кочующие киргизы. Голодная степь
26. Караван-сарай. Оренбург. Начало XX в.
27. Сарты. Самарканд (между 1905 и 1915 гг.)
28. Марийцы. Вятская губерния, Уржумский уезд
29. Тюрко-мусульманские депутаты I-ой Государственной думы
30. Депутаты-мусульмане II-ой Государственной думы
31. Первое советское правительство
32. Первое украинское правительство. Генеральный Секретариат УНР
33. Декларация прав народов России. 2 ноября 1917 г. Л. 1

34. Декларация прав народов России. 2 ноября 1917 г. Л. 2
35. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Январь 1918 г. Автограф В.И. Ленина
36. Горское правительство
37. III-й Украинский военный съезд. В центре – Симон Петлора, Владимир Винниченко и Михаил Грушевский. Киев, 1917 г.
38. Ахметзаки Ахметпаханович Валидов (1890–1970)
39. Образование СССР. Подписание Декларации и Союзного договора. Декабрь 1922 г.
40. Занятия в начальной еврейской школе. Куба (север Азербайджана). Начало 1920-х гг.
41. Мирсаид Султангалиев
42. Конституция СССР. 1924 г.
43. Занятия в начальной калмыцкой школе
44. Синагога в Минске, в советское время перестроена в театр
45. Цыбен Жампарано (1881–1942), председатель Бурнацкома
46. Джелалутдин Коркмасов, председатель СНК Дагестанской АССР (1877 или 1879 – 1939)
47. Русские, украинские, еврейские школьники у клуба в д. Мануиловка Макеевского района Ворошиловградской области Украинской ССР. Июнь 1934 г. Фото из личного архива Г.Я. Чернакова (Берлин)
48. Строительство моста через Иртыш. 1930-е гг.
49. Занятие в кружке по изучению тувинской национальной письменности. Учитель – А.А. Пальмбах. Кызыл, 1930 г.
50. Разрушенный Знаменский Смоленский собор в г. Семипалатинске. 1930-е гг.
51. Новый узбекский алфавит. Художник М. Герасимов
52. Строительство Турксиба. Первый поезд пересекает стык. Поют «Интернационал». 28 апреля 1930 г. Фото А. Шайхета
53. Автомобильный пробег по Средней Азии. 1929 г. Фото А. Шайхета
54. Ручное ковроткачество. Колхоз «Большевик», Кабарда, 1930 г. Фото А. Шайхета
55. Нганасаны
56. Колхозники еврейского колхоза «Путь к социализму». Калининдорфский р-н Херсонской области. 1932 г.
57. Съезд лам. Тува. 1927 г. Из коллекции М.В. Монгуш
58. Похвальная грамота ученицы 5 класса средней школы Р. Шальман. Ворошиловградская обл. УССР. 1936 г. Фото из личного архива Г.Я. Чернакова (Берлин)
59. «Спасибо любимому Сталину – за счастливое детство!» Художник В.И. Говорков. 1936 г.
60. «Жить стало лучше, жить стало веселее!» Художник Усто Мумин. 1936 г.
61. СССР – социалистическое отечество трудящихся всех наций
62. Волейбол во дворе мечети. Узбекистан. 1930 г. Фото А. Шайхета
63. «Ни молитвами, ни террором, ни клеветой не остановить выполнение пятилетки. Выполним пятилетку в 4 года!» 1930 г.
64. «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!»
65. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время»
66. Муфтий Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири Г. Ра-сулев

67. Памятник подводной лодке «К-23», которой командовал Магомед Гаджиев. Надпись на памятнике «Нигде и никогда не было такого равенства перед лицом смерти, как в подводной лодке, где либо все погибают, либо все выживают. М. Гаджиев». Скульптор Евгений Антонов
68. «Навеки – вместе!»
69. Выписка из протокола заседания Политбюро от 26 августа 1941 г. о переселении немцев Поволжья
70. Памятник депортированному карачаевскому народу
71. Вагон «теплушка». Такие вагоны в основном использовались для спецпереселений
72. Мемориал жертвам репрессии балкарского народа
73. «Великий Сталин – знамя дружбы народов СССР!»
74. «Слава русскому народу – народу-богатырю, народу-созидателю!»
75. Проект статьи в «Правде» (13.01.53) с правкой И. Сталина
76. «Да здравствует всепобеждающее знамя ленинизма!»
77. Митинг в Грозном. 1973 г.
78. Митинг в память Ромаса Каланты. Каунас, 1972 г.
79. «Конституция 1974 г.»
80. «Я – сын Страны Советов!»
81. «Гласность!»
82. «Требуем правду о Сумгаите»
83. Советская армия на улицах Тбилиси. 9 апреля 1989 г.
84. Приднестровье, 1992 г. Фото М. Рогозина
85. Приднестровье, список погибших, 1992 г. Фото М. Рогозина
86. «Балтийский путь»
87. Вильнюс. У стен литовского парламента. 1991 г.
88. У Могилы Неизвестного Солдата в мае 1991 года. До августовского путча осталось три с половиной месяца. © Alain-Pierre Novasse
89. Борис Ельцин призывает своих сторонников к забастовке. 19 августа 1991 года (Dima Tanin/AFP/Getty Images)
90. Художник М.Н. Федоров, 1991 г.
91. Конституция Российской Федерации 1993 г.
92. Дивеево. Фото В. Тишкова
93. Рекламный щит. Фото В. Тишкова
94. Верхние Серги. Фото В. Тишкова
95. Рекламный щит. Фото В. Тишкова
96. Саранск, угол улиц Коммунистической и Большевицкой. Фото В. Тишкова
97. Москва. Фото В. Тишкова
98. Газета общероссийского общественного движения «Гаджикские трудовые мигранты». № 61, март 2012 г.
99. Казань, голубая мечеть. Фото В. Тишкова
100. Президент Российской Федерации В.В. Путин и Глава администрации Чечни Р. Кадыров

Научное издание

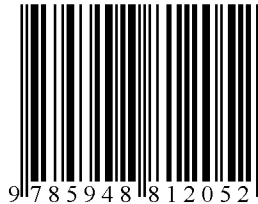
**ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОРЫ
В ФОРМИРОВАНИИ И ЭВОЛЮЦИИ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Отв. ред.: Красовицкая, Тамара Юсуфовна,
Тишков, Валерий Александрович

Издатель *Леонид Янович*
Редактор *Иннокентий Гридин*
Корректор *Ольга Крупченко*
Верстка и макет *Сергей Щербина*
Технический редактор *Евгений Янович*
Художник *Сергей Щербина*

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

I SBN 594881205-7

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,
по вопросам реализации 8-985-427-91-93
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 16.11.2012
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. – 32
Тираж 300 экз. Заказ №

*Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15*